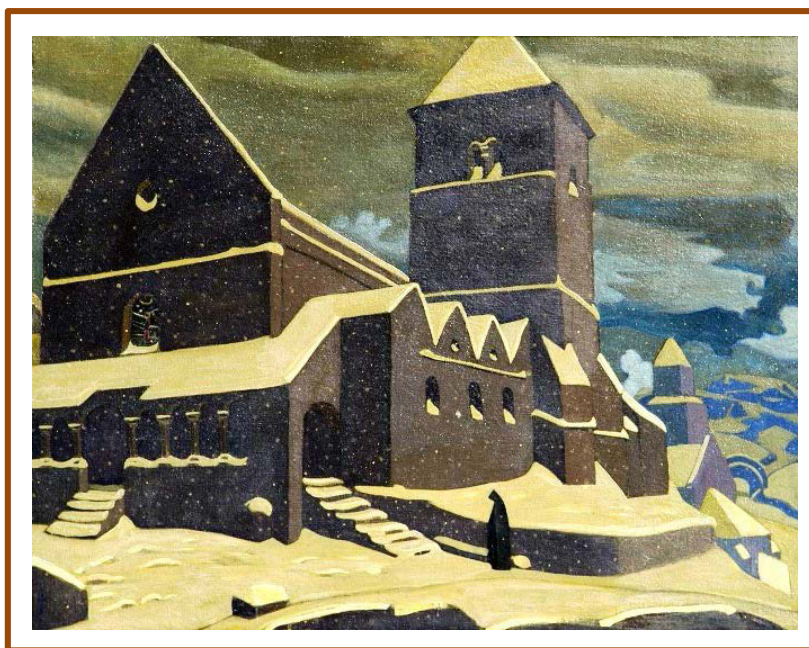


ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
РЕВОЛЮЦИЯ И ХУДОЖНИК
Книга 9



МОСКВА
2019 г.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ 2017 г

Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «Великая симфония жизни»
(Автобиография)
Книга 9. РЕВОЛЮЦИЯ И ХУДОЖНИК

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха
Москва.
Сайт «Великая симфония жизни».
rerich9.sitecity.ru

Редакционная коллегия:

Ларкина Т.В.
Водолажская Т.Ю.
Болдырев О.Г.
Курганова Е. А.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Покаяние. 1917.



ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1917 – 1919 гг.)

РЕВОЛЮЦИЯ И ХУДОЖНИК
Книга 9

Часть 1
ФИНЛЯНДИЯ (ПОКАЯНИЕ)

Часть 2
НАЧАЛО СТРАНСТВИЙ

МОСКВА
2019

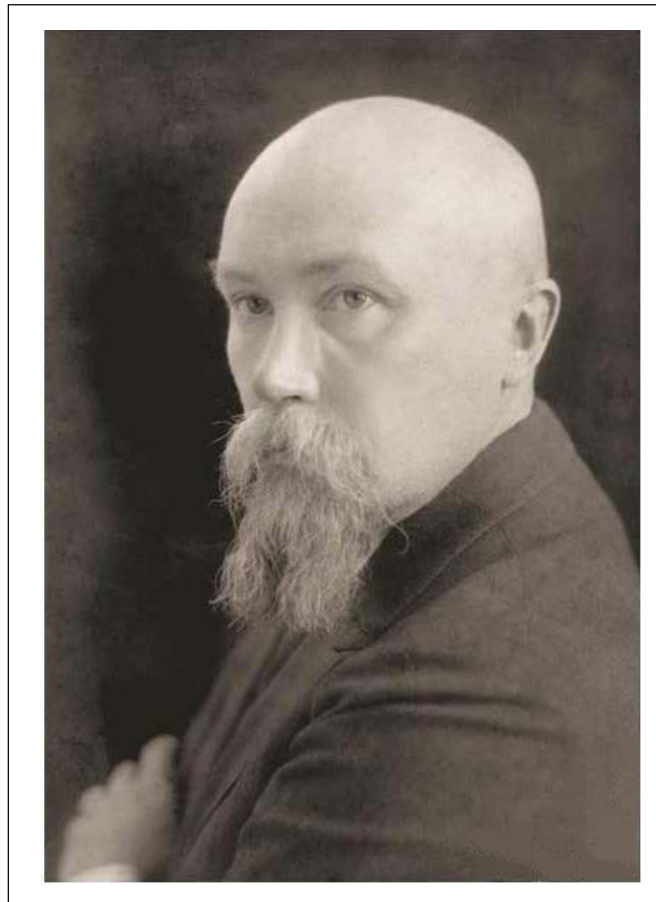
К 145-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

"Люди будут завидовать нам. Подумать только - мы жили в особое время, когда боги ходили среди людей, как когда-то в Древней Греции".

"Мы живём в истинно чудеснейшей эпохе человечества. И, может быть, будущие поколения создадут легенды о нас, а образы Елены Ивановны и Николая Константиновича будут окружены неувядающим лучистым ореолом. И тогда бесконечно счастливыми станут считать тех людей, которые когда-то имели возможность соприкоснуться с ними".

Рихард Рудзитис

Великому художнику, философу, путешественнику, археологу и человеку великого сердца, всю свою жизнь отдавшему на служение человечеству посвящается ...



Н.К. Рерих. 1919 г.

**«Счастье суждено той, которая Урусвати¹
поможет плести Мой венок».**

Откровение, 322.

«Вы знаете, насколько Великий Владыка ценил картины Николая Константиновича, как называл его лучшим современным художником, как хотел утвердить его искусство по всему Миру. И конечно, Великий Владыка имеет план, как собрать картины, как создать Памятник такому исключительному Художнику, Мыслителю и представителю великой человечности в эпоху наибольшей бесчеловечности.

Для этого должен подойти Космический Срок».

Е.И. Рерих

¹ Урусвати – Духовное имя Е.И. Рерих.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ И ИСКУССТВО

В грандиозном вихре налетевших событий пока нет возможности освоиться с громадным значением их для судеб нашего искусства, даже произвести и соизмерить все факты, происшедшие и происходящие, правильно оценить все усилия, употребляемые деятелями искусства, художественными обществами и учреждениями для нового строительства в жизни искусства и для охранения художественных богатств. Богатства эти, разбросанные в разных ведомствах, были, главным образом, сосредоточены в ведении бывшего министерства двора. Таковы в Петрограде, Москве и некоторых больших городах – музеи, Академии Художеств, бывшие императорские театры, художественные учреждения, существовавшие для двора, Фарфоровый завод и Гранильная фабрика, наконец, – дворцы, городские и загородные, со всеми их художественными сокровищами, императорские памятники и пр. Понятно, как должны быть велики тревога за ставшие сразу беспризорными богатства и забота о будущем устройении нашего художественного хозяйства. При всей косности прежнего управления, физическое охранение ценностей было до известной степени обеспечено, а для подлинных деятелей искусства не была исключена возможность вносить оживляющие струи в мёртвые бюрократические формы. Революция поставила искусство, его памятники и ценности перед лицом нового хозяина.

К счастью, неминуемые революционные бедствия, неизбежные жертвы, которых оказалось так безмерно мало в дни русской революции, не оказались особенно значительны и в области искусства.

Жертвами пожара стали два замечательных старинных здания – Окружный суд, стены которого со всеми архитектурными и скульптурными деталями, к счастью, уцелели, и, так называемый, Литовский замок: по недоразумению, уничтожены или сняты с некоторых старинных зданий государственные орлы, сняты эмблемы в бывших императорских театрах, кое-что пострадало в большом Ораниенбаумском дворце, где военным караулом были расстреляны некоторые находившиеся около дворца статуи и вазы. В первые дни велась большая борьба за сохранение в неприкосновенности Дворцовой площади, где первоначально было предположено погребение «жертв революции». В резолюциях объединённых собраний художественных обществ и деятелей выяснилась необходимость другого места погребения.

Благодаря этим резолюциям, личным разъяснениям, проекта погребения и памятника, наскоро составленным группой архитекторов с И. Фоминым и Е. Шреттером во главе, совет рабочих и солдатских депутатов убедился в необходимости избрать местом погребения Марсово поле.

Вообще, «совет» этот с первых же дней проявил просвещённое отношение к национальному искусству. В № 9 «Известий» «совета» появилось, подписанное его исполнительным комитетом и расклеенное потом в виде плакатов на дворцах, музеях, старинных зданиях – «воззвание», где сказано:

«Граждане, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания – это воплощение духовной силы вашей и предков ваших» - и далее «не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы - всё это ваша история, ваша гордость!»

Можно было опасаться за художественные памятники, например, памятники императоров. К сожалению, в этом смысле появились демагогические выступления в печати, например, статья Амфитеатрова в «Русской воле» «Идолы самодержавия», где доказывалась необходимость убрать как можно скорее «от глаз народа» памятник Николаю I на Исаакиевской площади и превратить его «в расплавленный металл или в музейное чучело». Возможно, что отзвуком позорно демагогического предло-

жения явились последовавшее вскоре уничтожение толпой в Нахичевани памятника Екатерины II и её портрета, подобные же покушения на памятники Одессы и Екатеринослава, причём екатеринославский памятник лишь после телеграммы «особого совещания по делам искусства» за подписью М.Горького, Александра Бенуа и Н. Рериха постановлено было не переливать на снаряды.

Подобные факты только отчасти объясняют величайшее возбуждение, овладевшее художниками и деятелями искусства. Помимо вопросов охраны и защиты, встали вопросы всего будущего строительства, уяснение насущных нужд искусства и художников, вопросы широкой сплочённой организации, по общему типу возникающих теперь организаций. Но нормы общественности, целиком перенесённые в область искусства, привели к чрезвычайной спутанности суждений, постановлений, дебатов. «Почва искусства» оказалась тесно связанной с вопросами художественного хозяйства, государственной опеки, профессиональных интересов. Упускалось из виду, что на почве искусства можно только разъединяться, не объединяться. В бесчисленных хаотических выступлениях менее всего проповедовалось необходимое с самого начала расчленение вопросов. Ставились широчайшие задачи нового художественного строительства, и одновременно упускались из виду самые насущные вопросы, являвшиеся результатом происшедшей разрухи. Резко обозначилась борьба художественной общественности против попытки организации, задавшей целью прежде всего нормировать беспризорное художественное хозяйство.

4 марта, по инициативе М. Горького, собралось более 50 деятелей искусства, избравших комиссию, в состав которой вошли кн. В. Аргутинский-Долгоруков, Александр Бенуа, Билибин, М. Горький, Добужинский, Каратыгин, Н. Лансере, Лукомский, Петров-Водкин, Рерих, Фомин, Шалапин. На другой же день представители комиссии предложили Временному Правительству свои услуги по устройству художественных дел, встретили сочувствие, и 13 марта, по предложению Ф.А. Головина, комиссара над бывшим министерством двора, организовалось «особое совещание по делам искусства». Кроме комиссии, в это совещание вошли: помощник комиссара П.М. Макаров, член Государственной Думы А.В. Неклюдов и кооптированные потом: Гржебин, Завадский, Зилоти, Карташёв, Нарбут, Нувель, Ростиславов, Щуко. Одновременно членами «совещания» стали П.М. Неведомский, Н.Д. Соколов и А.В. Тихонов, представители «совета рабочих и солдатских депутатов», признавшего совещание «состоящей при совете комиссией». Оставаясь инициативным органом, «особое совещание» наметило для устройства всех отраслей искусства в России 8 комиссий из членов и приглашённых деятелей: музейную и охранения памятников, строительную, народных празднеств и распространения искусства в народе, музыкальную, театральную, государственных заводов и издательств, художественного образования и законодательную. С 5 марта началась деятельность, почти ежедневные заседания, поездки, осмотры, принятие мер, составление воззваний, плакатов и пр. Характер работ был обусловлен насущными нуждами ставшего государственным художественным богатства и жизненно-художественными вопросами, выдвинутыми переменной строя.

Наряду с разными обществами и учреждениями «совещание» сыграло спасительную роль в деле избрания местом погребения «жертв революции» Марсова поля. В Царском Селе исключительно благодаря настояниям членов «совещания», жертвы революции были погребены на месте скрещения двух аллей, а не перед Екатерининским дворцом, как было сначала предположено. Под руководством отдельных членов «совещания» предпринята огромная работа по приёму городских и загородных дворцов, приведению в порядок всего их художественного наследия и хозяйства, причём решено настаивать на необходимости правительственного выступления с декларацией о дворцах. В результате первоначальных осмотров и поездок удалось выселить из Петергофского дворца занимавшую его роту самокатчиков и устроить охрану, как и в других дворцах; отстоять наиболее прекрасные в художественном отношении комнаты Елагинского дворца от помещения в них лазаретных коек; вступить в переговоры с владельцами покинутых Ораниенбаумских дворцов об их охране, составле-

нии описей и вывозения всего наиболее ценного для хранения в одном из государственных учреждений; наметить выбор всего наиболее ценного в Аничковом дворце. Ряд организаций и учреждений пытался занять для своих помещений Зимний дворец, но «совещанием» была выяснена необходимость превратить его в художественно-исторический музей. Начало было положено перевезением в него Музея Старого Петербурга и решением водворить художественные произведения из других дворцов, а также весь архив и музей капитула орденов.

Для осмотра дворцов в Твери и в Киеве были командированы члены «совещания» Лукомский и Нарбут, причём Лукомским было подробно сообщено о печальном положении дворца, занятого организациями, и о принятии необходимых мер для охраны его имущества. Был поднят вопрос о царских комнатах на железнодорожных станциях и о великокняжеских дворцах. Сделан ряд постановлений и заявлений комиссару о музеях и коллекциях, например, о необходимости признать собственностью музея Александра III, для размещения его коллекций, освобождающийся левый флигель; решено ходатайствовать о временном сохранении Фарфорового завода, Гранильных фабрик и музеев при них в ведении бывшего министерства двора. Для сохранения частных коллекций предложено устройство при музеях временных коллекций по английскому типу. Решено ходатайствовать о покупке государством боткинской коллекции А. Иванова, об ассигновке на покупку для Тифлисского музея произведений искусства, расхищаемых в Персии и Турции. Подняты вопросы о месте нахождения картин, перевезённых из Лазенковского дворца, об участии коллекции древностей и икон кн. Ширинского-Шихматова и произведений Лампи, Боровиковского, Кипренского, находящихся в имении кн. Дундуковой-Корсаковой, Полонное. К правительственным и общественным учреждениям обращена просьба о приостановке начатых работ по сооружению памятников, особенно династических, в разных местах России и о доставлении сведений в «совещание» о работах и проектах. Министру путей сообщения направлено заявление о необходимости перенесения строящейся около Новгорода железнодорожной линии с северной от города стороны на южную. По поводу гибели части старинных портретов в Псковском городском управлении и провинциальных памятников вообще постановлено предложить Временному Правительству дать полномочия провинциальным учёным и архивным комиссиям и художественным учреждениям для собирания и охраны памятников старины и искусства. Ввиду заявлений об оскорбительной для чувств поляков надписи на московских Триумфальных воротах, решено соответственно изменить её, сохранив внешний характер.

Относительно нового строительства единогласно постановлено ходатайствовать о недопустимости устройства архитектурных украшений Дворцового моста архитектором Мельцером, о передаче дела на конкурс и наименовании моста «Мостом свободы», а также о желательности спасения решётки сада на бывшей Дворцовой площади. Очень спешным, ввиду правительственных заявлений и возникших недоразумений, является разрешение вопросов о династических портретах, о многочисленных эмблемах на зданиях, о государственных бумагах и знаках, о национальном гербе, флаге, нагрудных медалях.

Правительством был принят рисунок штемпеля, сделанный членом совещания Билибиным. В особом воззвании к милиционерам указано на необходимость охранения не являющихся эмблемой Романовых зданий. Постановлено сохранить снятые и закрытые эмблемы в государственных театрах. Членом совещания Неклюдовым выработан проект «Лиги друзей искусства».

Почти одновременно с работой «особого совещания» по делам искусства началась чисто академическая работа комиссии, организованной по инициативе совета «Института истории искусств» гр. Зубова для разработки вопроса о «министерстве искусств». 7 марта в помещении института состоялось под председательством С.Ф. Ольденбурга многолюдное собрание, в котором участвовали представители и делегации петроградских художественных обществ и организаций, научно-

художественных и археологических кругов, только что организованной «комиссии Горького», театров и консерватории. После доклада В.Я. Курбатова большинством голосов была принята резолюция об учреждении самостоятельного ведомства изящных искусств. Предложение проф. Ф.Ф. Зелинского учредить лишь специальный департамент по вопросам искусства при министерстве народного просвещения не встретило сочувствия. Для выработки «проекта» собрание избрало комиссию, председателем которой 10 марта был избран Александр Бенуа, товарищами председателя М.И. Ростовцев и гр. В.П. Зубов, секретарями В.Н. Ракинт и В.Я. Курбатов. В организованные затем семь специальных комиссий по отдельным отраслям искусства были избраны: в комиссию по архитектуре – Фомин, Таманов, Покровский, Курбатов; по живописи, графике и скульптуре – Александр Бенуа, Добужинский, Грабарь; по художественной промышленности и кустарному делу – Чехонин, Чемберс, Гауш и Курбатов; по театру – Александр Бенуа, Юрьев, Фокин, Головань, К. Миклашевский, Мейерхольд, Черкасская, Коутс, Тиме и Вальтер; по музыке – Каратыгин, Римский-Корсаков, Коутс и Вальтер; по охране памятников и музейному делу – Ростовцев, гр. Д. Толстой, П. Вейнер, гр. Зубов, Нерадовский, Шитдт, Пунин, а также приглашённые потом Беренштам, Вальдгауер, В. Воинов, Георгиевский, Жарновский, Курбатов, К. Романов, Могиланский, Калугин, А. Миллер, Ракинт и Чемберс; по художественно-историческому образованию – Н. Кондаков, Айналов, Головань, Шмидт и Ракинт. Советом «Института» был получен ряд приветствий и заявлений о присоединении к резолюции от московских Художественного и Малого театров и др. Работы избранных комиссий продолжаются.

Независимо от самой мысли о необходимости «министерства изящных искусств», эта бескорыстная работа почтенных деятелей может дать плодотворные результаты и ответить на вопросы будущего управления художественным хозяйством и отношения к нему государства.

Совсем иначе рисуется начавшееся почти одновременно работа, уже буквально академическая, высшего при старом строе художественного учреждения в России – Академии Художеств. Казалось бы, при новых порядках, Академия Художеств должна продолжать лишь временное существование до полной переработки, идущей отнюдь не из недр самого учреждения. Коллегиальность этого учреждения была призрачна, находясь постоянно под давлением высокопоставленных президентов, и сводилась к выборам «своих же», причём президенты и конференц-секретари никогда не выбирались, а назначались. В настоящее время, конечно, никому нельзя мешать организоваться и составлять какие угодно проекты, но комиссар над бывшим министерством двора поступил неправильно, предоставив сомнительной комиссии право новых выборов президента и конференц-секретаря вместо уволенных. Для специального и текущего ведения делами Академии должен быть назначен временный комиссариат, чтобы, как и в других учреждениях, не осталось беспризорным текущее хозяйство. Между тем уже на экстренном собрании Академии 8 марта обсуждались вопросы о необходимости пересмотра устава Академии, о введении новых штатов, о переходе Академии в министерство народного просвещения, как было до 1842 г., об учреждении того же «министерства искусств» и т.д. Была избрана комиссия, в состав которой вошли Н. Кондаков, Жебелев, В. Маковский, Беклемишев, Л. Бенуа, Кардовский и Котов, «для разработки оснований деятельности Академии Художеств, в связи с новым строем России». Комиссией этой на ежемесячном собрании 27 марта был представлен доклад, согласно которому, для широкого и глубокого проникновения искусства в народ, государству будет потребен особый орган ведения, в котором все вопросы, касающиеся искусства, найдут своё средоточие. Причём, «во всяком случае, Академии Художеств надлежит играть в этом органе не только теоретическую, но и практическую роль», и Академия, как и прежде, будет служить высшим художественным учреждением государства для поддержания, развития и распространения искусств в России. Каким беззастенчивым самодовольством веет от этого «как и прежде»! Не предостережение ли это комиссару над бывшим министерством двора, предложившему

академическому собранию продолжать начатую работу и тем прийти на помощь Временному Правительству?.. Надо отметить, что учащиеся в Высшем художественном училище при Академии Художеств уже в первые дни после революции среди ряда требований выставили необходимость реорганизации Академии «художественным учредительным сбором» из представителей всех художественных объединений и обществ.

Впрочем, и сами академическое собрание и комиссия поняли, что без «широкой общественности» не обойдётся, и было решено привлечь в академическое собрание представителей всех художественных обществ и учреждений, Временного Правительства, «Совета рабочих и солдатских депутатов». На собрании 17 апреля состоялось предварительное обсуждение вопроса. Но не являлись ли эти «новые начала» только маской «общественности» для своеобразной коллегиальности всё того же «академического собрания» и представителей, ему сочувствующих? По выработанному проекту соотношение сил выражалось в цифрах 24 делегата от обществ и учреждений и 60 членов академического собрания. Получившие приглашение участвовать «Союз деятелей искусства», «Союз деятелей пластических искусств», Общество архитекторов –художников огромным большинством голосов отклонили академическое приглашение...

Попыткой широкой общественной организации всех деятелей искусства явился, по инициативе Общества архитекторов-художников, «Союз деятелей искусства». 9 марта в зале совета Академии Художеств было устроено предварительное организационное собрание, куда явились видные представители и деятели 45 художественных обществ и учреждений для обсуждения программы и самой техники общего собрания и выбора организационного бюро. В проекте резолюции была выяснена цель «союза» - «давать ответы на все запросы искусства, выдвигаемые жизнью, ответы, являющиеся обязательным основанием для решения всех мероприятий правительства в области искусства».

12 марта в Михайловском театре под председательством В.Д. Набокова состоялось огромное собрание деятелей искусства всех отраслей, где после продолжительных и весьма сумбурных прений с участием более 40 ораторов голосованием был принят ряд резолюций: об учреждении «союза», о необходимости созыва всероссийского учредительного собора деятелей искусства» и т.д. По предложению председателя, было постановлено выразить благодарность так называемой «комиссии Горького» за меры и деятельность по охране художественных памятников в первые дни революции. Ни один список кандидатов во временный комитет не прошёл, и уполномоченным остался комитет, организовавший собрание, с А.И. Тамановым во главе.

Затем в Академии Художеств начался ряд собраний делегатов, вошедших в состав «Союза обществ и учреждений», причём собрание 25 марта, согласно резолюции, явилось временным комитетом уполномоченных «Союза деятелей искусства» для разработки проекта устава. Целый ряд этих проектов был представлен на усмотрение собрания. В состав союза вошло более 90 учреждений и обществ, в том числе: Академия Художеств, Общество поощрения художеств, Общество защиты и охранения памятников, Институт истории искусств, Общества архитекторов и архитекторов-художников, «Мир Искусства», «Союз русских художников», «Новое общество», все другие петроградские художественные общества, Эрмитаж, музей Александра III, консерватория, дирекция бывших императорских и частных театров, редакции «Старых Годов», «Театра и Искусства» и др. Было выработано восемь [9] основных куриЙ: архитектура, скульптура, живопись, музыка, литература, театр, история искусств, история и теория искусств (археология и музеи), художественная промышленность. В президиум, по одному представителю на каждую курию, оказались избранными Таманов, Беклемишев, Дубовской, Каратыгин, Ф. Сологуб, Гайдебуров, Айналов и Гурецкий. Затем Дубовским, Ф. Сологубом и Айналовым был выработан наказ для представления председателю совета министров, комиссару над бывшим министерством двора и «Совету рабочих и солдатских депутатов».

На собрании 8 апреля после продолжительных и бурных прений решено было избрать в делегацию для представления наказа по три представителя «от течений правого, левого и центра» (!?). Предоставляем потомству разобраться, к каким течениям отнести избранных Ф. Сологуба, С. Прокофьева, Мейерхольда, Арабажина, Шкловского, Юрьева, Сангайло, П. Щеголева, Гайдебурова и вошедших, надо думать – в качестве президиума, архитекторов Таманова, Дубенецкого, Криммера и Ястржемского. Согласно наказу, «устройство художественной жизни в нашем обширном отечестве не должно зависеть ни от какого бы то ни было совещания или комиссии отдельных деятелей искусства, ни от какого бы то ни было бюрократического учреждения, в том числе и министерства изящных искусств, а единственно только от мира художников, свободно и широко организовавшегося на началах равного представительства от всех художественных течений и ведающего интересами искусства всей нашей страны. В заключение признано необходимым, «чтобы государство предоставило деятелям искусства полную автономию в устройении и управлении художественной жизни России и чтобы все по делам искусства мероприятия и предположения правительства проходили через обсуждение «Союза деятелей искусства». Последнее требование, которым предвосхищалось право намечавшегося тем же союзом «учредительного собора» «всего художественного народа», могло бы вызвать недоумение у представителей правительства. Впрочем, те, кому приходилось бывать на чрезвычайно бурных и сумбурных собраниях «Союза деятелей искусства», могли привыкнуть ко всяким неожиданностям. Весьма много времени было потрачено на обсуждение деятельности «Особого совещания по делам искусства при комиссаре над бывшим министерством двора».

Почти одновременно с «Союзом деятелей искусства», по почину общества имени Куинджи, был организован «Союз деятелей пластических искусств, живописцев, скульпторов и гравёров». Союз должен был организоваться на профессиональных началах для разрешения реальных, а не отвлечённых вопросов, и войти в предлагаемый «союз союзов». 18 марта в зале совета Академии Художеств, под председательством В. Маковского и Репина, состоялось многолюдное учредительное собрание художников, членов почти всех петроградских художественных обществ: Товарищества передвижных выставок, Общества имени Куинджи, «Мира Искусства», «Нового общества», «Союза русских художников», «Петроградского общества», «Товарищества», «Общества взаимопомощи», «Акварелистов», «Независимых», «Мюссаровских понедельников». По приблизительному подсчёту в союз должно было войти около 1000 человек. Характерно, что и это собрание началось с заявления о необходимости протеста против существования «особого совещания при комиссаре над бывшим министерством двора», но после горячей защитительной речи Репина, заявление не было поддержано. Характерны были также резкие выступления против футуристов, несмотря на лозунг о «свободе творчества», причём даже предлагалось футуристам организовать обособленно, ввиду отсутствия точек соприкосновения с большинством членов собрания. После продолжительных прений было решено, чтобы количество делегатов для составления ядра «союза» было пропорционально количеству членов обществ, чем предreshалось засилье многолюдными представителями третьестепенного художества. Нормой является один делегат от 25 членов, а малолюдным обществам, «насчитывающим не менее 10 членов», предоставлено право представительства одним делегатом. Дальнейшие работы «союза» и его делегатов происходили в помещении Общества им. Куинджи.

21 марта в Троицком театре под председательством В.В. Исаченко состоялось открытое собрание федерации деятелей искусства «Свободу искусству», организованной так называемыми «левыми» представителями нашего художества. Секретарём Зданевичем было сообщено о предшествовавших собраниях и деятельности других организаций, выставлены лозунги, согласно которым только на основах самоуправления возможно полное развитие художественной жизни, только «учредительный собор» может решить вопрос о ведении искусством. Затем В. Денисовым была

прочитана длинная декларация, включающая 14 тезисов, которые могли бы лечь в основу деятельности союза «Свободу искусству». Среди продолжительных и страстных прений и здесь также раздавались резкие голоса против существования «особого совещания при правительственном комиссаре», был голос за необходимость расчленения понятий свободы и устроительства, ибо свобода искусства имеет мало общего с управлением художественными делами. Обсуждение декларации было отложено и в заключение вынесена резолюция о необходимости основ самоуправления, о правомочности для решения вопросов искусства только «учредительного собора». Дальнейшие работы федерации не выносились на общественное обсуждение.

Одновременно с поставленными революцией вопросами нового устройства художественной жизни, вопросами охраны памятников и произведений искусства занялись и ранее уже существовавшие общества и учреждения. Так, Обществом архитекторов 8 марта, в разгар дебатов о месте погребения жертв революции было устроено собрание, где под председательством Л. Бенуа участвовали представители разных обществ: архитекторов-художников, гражданских инженеров, археологического, городов-садов, внепартийного, имени Куинджи и др. Единогласно была вынесена резолюция, в которой определённо высказывалось несочувствие проекту погребения на Дворцовой площади и указывалось как более подходящее место, Марсово поле.

Само собой понятно, что Общество архитекторов-художников, где зародилась идея союза деятелей искусства, посвятило ряд своих собраний обсуждению злободневных вопросов. Здесь особенно резки были выступления против «особого совещания» по делам искусства, хотя в совещание вошло девять членов этого общества. Был выработан протест, отправленный Временному Правительству, «исполнительному комитету совета рабочих и солдатских депутатов» и самому «совещанию». Отдавая дань уважения отдельным членам совещания, Общество архитекторов не считает его правомочным, так как при организации не было соблюдено выборное начало, и требует выяснения, на каком основании совещание образовалось, из кого оно состоит и что им сделано. После доклада Щусева, председателя организованного в Москве «Союза зодчих», решено было примкнуть к этому союзу. По примеру других обществ и организаций отказано Академии Художеств в посылке делегатов для выбора президента Академии и участия в работах по её реорганизации. Обсуждению Общества, так же, как «особого совещания», был предложен вопрос о всероссийском конкурсе проектов памятника «борцам за свободу». Особый архитектурной комиссией, по поручению «исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов», была выработана программа бесплатного конкурса на составление проекта временной отделки братских могил на Марсовом поле. Выработан был характер могильных холмов и растительного убранства без архитектурных сооружений. Требовалось представить план, фасад и разрез. Автору лучшего проекта давалось право его реализации.

В Москве революция также, конечно, всколыхнула мир деятелей искусства. Ввиду особого «Письма из Москвы», мы ограничимся лишь самыми краткими сообщениями. Подобно нашему митингу в Михайловском театре, состоялся и московский грандиозный митинг художников и артистов, на котором участвовало около 1500 человек и была вынесена резолюция о необходимости учреждения «министерства искусств» и особого органа, который ведал бы охраной памятников старины и искусства. Согласно постановлению митинга организован союз, в который вошли «Товарищества передвижных выставок», «Союза художников», «Мира искусства», «Общества любителей художеств», «Бубнового валета», «Свободного творчества», «Московского салона» и др. Председателем был избран А. Васнецов, товарищами председателя К. Коровин и В. Домогацкий, делегатами в петроградский союз - К. Коровин и В. Маковский. Ученики Московского училища живописи, ваяния и зодчества вынесли резолюцию об избрании новой администрации и преподавателей и признании училища «высшей автономной школой». Ряд различных мер по охране памятников старины и искусства был принят московской городской думой и

комиссаром по городу Кишкиным, который предложил всем московским учреждениям отправлять портреты лиц дома Романовых в Исторический музей. Городская дума уже в первые дни революции организовала комиссию по охране Кремля и дворцов и приёму дворцового имущества, поступившего в собственность города. В комиссию, наряду с городскими деятелями, вошли художники Грабарь, Поленов, А. Васнецов, Клейн и др., причём не было допущено ни одного представителя казённых учреждений. Возникла идея превратить Московский Кремль со всеми его дворцами, зданиями и башнями в городок-музей, сосредоточить в нём все московские музеи. Тем не менее передачей дворцов городу были нарушены права комиссара над бывшим Министерством Двора. В Москве же произошёл и другой не крупный на вид, но важный принципиально факт, где в силу политического момента попрлись права музейной охраны. По телеграмме военного министра было приказано выдать из Оружейной палаты старинные польские знамёна для формировавшихся в Киеве польских отрядов. Московское городское управление правильно усмотрело в этом распоряжении опасный прецедент и энергично выступило против попытки расхищения музейного имущества, немедленно командировать к председателю совета министров делегацию в лице И. Грабаря и хранителя Оружейной палаты.

Глухие вести из провинции, конечно, не говорят, чтобы там вопросы об охране памятников старины и искусства, о художественных делах вообще, не возбуждали опасений. Есть, увы, основание полагать, что погибло и погибает немало династических портретов и статуй, среди которых могут быть очень ценные в художественном отношении. Нельзя также не опасаться за старинные усадьбы, со всем их художественным имуществом.

Правительственные задачи сейчас так огромны и сложны, что для представителей правительства художественные дела тонут в море общего и государственного устройства. Тем более стойкими, разумно работающими должны быть деятели искусства. В сфере художественного хозяйства, очевидно, произойдёт крупный переворот. Вопрос, конечно, насколько это хозяйство влияет вообще «на судьбы искусства», но, столь плачевно поставленное при прежнем строе, оно может сыграть крупную роль в смысле просвещения и материальной поддержки искусства. Поэтому самая «академическая» разработка проектов предстоящего художественного строительства может быть полезна, может дать материал для будущего законодательства. С другой стороны, насущной, напряжённой задачей всех художественных деятелей должна быть *охрана и пропаганда охраны*. Между тем, политика митингов и резолюций, причём хаотически смешиваются дела художественные и профессиональные, а также – чисто внешнее применение общеполитических приёмов и лозунгов, по-видимому, гораздо более по душе художественным деятелям. Искусство как бы даже начинает сдавать свои позиции в угоду политике. Всё более резко ставится грань между «буржуазным» (?) и «демократическим», грань бессмысленная, ибо даже к крупнейшим произведениям приклеивается ярлык буржуазности, а под «демократизацией» подразумевается чуть ли не полное одичание искусства. Совершенно ясные задачи охраны памятников и произведения искусства для той же демократии, задачи правильного художественного устройства *в её же интересах* затемняются рабским преклонением её запросами, которые органически в деле искусства не могут стоять на высоте.

А. Р[остиславов].

СТУПЕНЬ К МИРОВОМУ ЕДИНСТВУ

«Крушение народов. Разрушение городов. Мы думали, это удел истории. Но видим, что ничто не ушло из жизни. Не ушёл и зверь человеческий.

Уйдёт наша раса. Ей на смену возникнет новая. Может быть, уже зарождаются элементы нового народа. Или она придёт извне? Неожиданной, неугаданной. Когда в ночи светильники затемнятся.

В новом народе создастся ещё одна ступень к мировому единству»...

«Наша раса к этому феномену бытия, конечно, не приспособлена. Но раса следующая, быть может, ближайшая, при изменённых биологических условиях жизни, при одинаковой степени просвещения духа, при знаниях могучих, при разумном пользовании забытыми силами природы, создаст реально возможное человеческое мировое единение, где личные устремления будут превзойдены ревностью о благе общем.

Но наши неумелые, шаткие шаги — это только неясные мечтания о том, что ясно возможно на нашей планете при тех же видимых звёздах. Мы ещё элементарно не вооружены для новой, мирной, светлой жизни. Но надо спешить. Надо закалять и поднимать дух. Надо создать людей, которые могут породить человечество, способное взглянуть в ослепительное лицо солнца единства»...

Н.К. Рерих. «Единство». 1917.

ЧАСТЬ 1
ФИНЛЯНДИЯ (ПОКАЯНИЕ)

1917 год

«1917 год. Н.К. Рерих в Петрограде работает вместе с Алексеем Максимовичем Горьким в «Совете по делам искусства». Художник живёт в Финляндии, где создаётся легендарная «Сюита Героика», отмеченная кристальностью красок, несущая взлёт синтеза; художник отвечает на революционные настроения родной страны».

Д. Бурлюк «Рерих». 1930 г.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Зима 1917-1918-го: Сортавала, Иенецен Талу. Лето 1918-го — на острове Тулола среди разнообразных шхер ладожских. Поездка на Валаам. "Святой остров" (кажется, он теперь в Русском Музее). Россияне мало знали Ладогу!

Зима 1918 года — Выборг. Выставка в Стокгольме. Бьёрк и Мансон помогли — оба знакомы ещё с Мальмё. Затем выставка в Гельсингфорсе у Стриндберга. Атенеум купил "Принцессу Мален". Исторический Музей тоже хотел купить "Каменный век", но у них имелась лишь малая сумма в 5000 марок.

Вспомнили мы с Е.И. наши прежние поездки по Суоми — Нислот, Турку, Лохья, конечно, Иматра и каналы. Впереди были Швеция и Англия. Дягилев помог с визой и с выставкой...»

Рерих Н. К. "Финляндия".

«Иногда по явному неведению нас считают эмигрантами, но ведь Вы знаете, что по болезни мы поехали в Финляндию в Декабре 1916 года и никогда ниоткуда не бежали...»

Из письма Н.К. Рериха к Рудзитису Р. от 14. 06. 39.

«Шестнадцатого Декабря 1916 года мы выехали в Финляндию.

Карелия была хороша для моих нескончаемых бронхитов и пневмоний. Вернулись, началась работа с Горьким. Мелькнуло приглашение быть министром Изыщных Искусств.

Но ползучая пневмония в начале Мая заставила ехать в Карелию, где у нас с Декабря было снято именье Юхинлахти в ладожских шхерах.

Затем события совсем прервали сношения...»

«В Сердоболь мы выехали в Декабре 1916 года — врачи предписали чистый воздух после пневмоний. С тех пор мы наезжали в Питер нередко, а руководство учреждением я поручил Химоне...

Целая цепь внешних событий изменяла наши планы. Вот мы были уже совсем готовы ехать из Сердоболя в Питер, но пресекалась железная дорога. Затем явилось предложение добыть в Швеции мои картины, бывшие там со времени выставки в Мальме в 1914 году.

Бьорк звал для этого в Стокгольм. Там получилось от Дягилева приглашение приехать в Лондон для новой версии "Половецких плясок", для "Садко", "Салтана". Всё было в ходу, когда Бичам впал в банкротство, но тогда же приехал Харше от Карнеги Института с предложением выставки в сорока музеях Америки...»

Н. Рерих. «Памятки»

Из воспоминаний Н.К. Рериха о Финляндии:

«Однажды в Финляндии, на берегах Ладоги, я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошёл мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: «Кто этот человек?» Необычайно серьёзно мальчик ответил: «Это Учитель». Я снова спросил: «Это ваш Учитель?» — «Нет», — ответил мальчик, — это учитель из соседней школы». — «Вы знаете его лично?» — «Нет», — ответил мой юный друг. «Почему же вы его приветствовали так почтительно?» Ещё более серьёзно малыш ответил: «Потому, что он Учитель».

Истинно в этом мальчике, снявшем шапку перед учителем, заключено здоровое зерно народа, знающего своё прошлое и сознающего значение слова «созидать».

Когда мы плыли по незабываемым финским озерам, вызывая образы мудрого Вайнемайнена, Айно и Сампо, мы видели и развалины седых замков, и древние храмы и знакомились с такими же древними обычаями, и мы чувствовал, что так ясно, почему Калевала стоит в первом ряду вечных человеческих творений....» (*Чары Финляндии*)

ФИНЛЯНДИЯ

Замечательны сны Елены Ивановны. Много их. Бехтерев записал часть. В начале Декабря 1916-го был такой сон: Е.И. ходит по дворцам, пустынным и заброшенным. Видит группу художников "Мира Искусства" — они переписывают картины и обстановку. Затем вдали появляется отец Е.И. и манит её поспешить за ним. Идут по каким-то холмам, приходят к небольшому домику, окружённому оградой из шиповника. Синее небо и много цветов.

Тогда же для "Русского Слова" пишу, по обычаю, к рождественскому номеру сказ "Страхи". Спрашивают, отчего такой сумрачный?

Подшло Рождество, прошли школьные экзамены, Е.И. решила на праздники ехать в Финляндию. Все гостиницы оказались заняты, хорошо что Ауэр надоумил ехать в незнакомый нам Сердоболь (Сортавала) на севере Ладоги. Решили, поехали. Конечно, бабушки и тетушки считали такую морозную поездку сумасшествием. Было 25° мороза по Реомюру. Вагон оказался нетопленным — испортились трубы. Всё же доехали отлично. "Сейрахуоне", гостиница в Сортавале, оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами — очаровательна.

Финны были к нам очень дружелюбны. Знали и любили моё искусство. Моя дружба с Галленом Каллелла тоже была известна. Семья Солнцевых — славные люди. Мы сняли дом Ихинлахти, имение Реландера. Поездка на праздники превратилась в житьё. Для моей ползучей пневмонии климат Финляндии был превосходен. Ихинлахти была тем самым домом с оградой из шиповника, который Е.И. видела во сне.

Тогда же укрепилась мысль достать мои картины из Швеции, где они оставались с 1914 года после выставки в Мальмё. Лето 1917 года — Ихинлахти. Зима 1917-1918-го: Сортавала, Иенецен Талу. Лето 1918-го — на острове Тулола среди разнообразных шхер ладожских. Поездка на Валаам. "Святой остров" (кажется, он теперь в Русском Музее). Россияне мало знали Ладогу!

Зима 1918 года — Выборг. Выставка в Стокгольме. Бьёрк и Мансон помогли — оба знакомы ещё с Мальмё. Затем выставка в Гельсингфорсе у Стриндберга. Атенеум купил "Принцессу Мален". Исторический Музей тоже хотел купить "Каменный век", но у них имелась лишь малая сумма в 5000 марок.

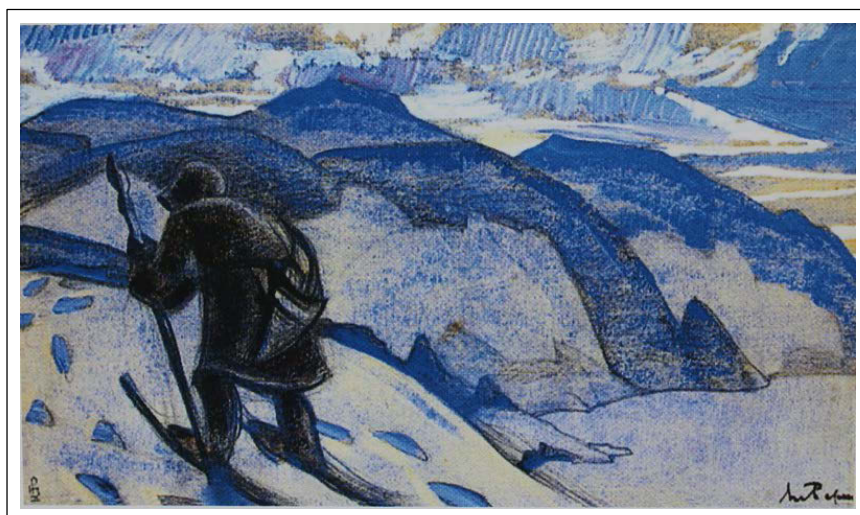
Вспомнили мы с Е.И. наши прежние поездки по Суоми — Нислот, Турку, Лохья, конечно, Иматра и каналы. Впереди были Швеция и Англия. Дягилев помог с визой и с выставкой.

Рерих Н. К. «Листы дневника», т. 3. М., 1996.

ЯНВАРЬ

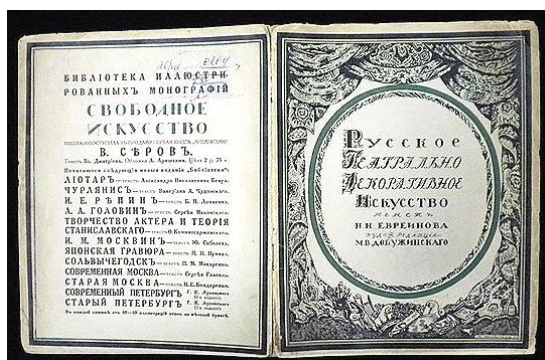
«17 Декабря...[1916 г.] Поздно ночью отходил поезд; вагон был нетоплен; родственники считали наш отъезд сумасшествием. Святослав, верно, помнит, как мы обернулись всеми плечами от 25 град. мороза.

Мечта движения! И снежные скалы Финляндии встали первыми вестниками будущих высот Гималайских. Е.И. так стремилась ехать; так знала непреложность пути, и ничто не могло остановить её...»



Следы. 1917. (Эскиз)

1 января 1917 г.

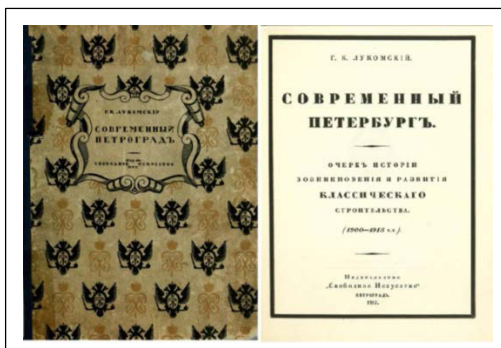


Театральные издания

Повысившийся в последние годы интерес читателя по вопросам искусства, естественно, вызвал интенсивную в этом направлении деятельность наиболее крупных наших художественных издательств. Особенно приятно отметить рост специальной литературы по истории театра, о сценическом искусстве и выдающихся его деятелях. Наступающий год, будем надеяться, окажется в этом отношении столь же благоприятным. Так, уже теперь двумя крупными фирмами объявлено о предложенном выпуске весьма интересных художественно-театральных изданий. «Свободное искусство» выпускает обширное иллюстрированное издание в 5-ти частях, посвящённое истории русского театрально-декоративного искусства за последнюю чет-

верть века. Редактировать это издание приглашены М.В. Добужинский и Н.Н. Евреинов. Ближайшие участники его: А.Н. Бенуа, С.К. Маковский и Н.К. Рерих. ...

Биржевые ведомости. 1917. 1/14 января. Утрен. Выпуск. № 16014. С. 8.



Библиография

Г.К. Лукомский. Современный Петроград. Изд. «Свободное искусство»

Молодое издательство, зарекомендовавшее себя в художественном мире великолепно изданной книгой о Рерихе, несмотря на трудности, связанные сейчас с издательским делом, выпускает ряд небольших, обильно иллюстрированных монографий, посвящённых старому и современному зодчеству Петрограда, Москвы, Киева и др. больших городов.

Русская воля. 1917. 9 января. № 8. С. 7.

10 января 1917 г.

Ив. Лазаревский

Новая книга о русском художнике

Н.К. Рерих – один из интересных наших художников. Талант его самобытен и значителен, мастерство своеобразно и оригинально. Художник завоевал в истории искусства определённое место и стал наряду с художниками, к творчеству которых историк отнесётся с большим вниманием.

Естественно, что объявления о выходе в свете монографии, посвящённой этому художнику, были встречены сочувственно, и издание разошлось почти всё по подписке; в продажу поступило незначительное число экземпляров, и не успело издание выйти в свет, как стало библиографической редкостью.

С одной стороны, это свидетельство внимания широкой публики к творчеству Н.К. Рериха, с другой – характерный показатель укрепившейся потребности русского читателя в художественных изданиях.

Объявления о монографии Рериха составили умело, широковещательно, и тем большее разочарование было всех, получивших лишь пухлые и неуклюжие тома. Многие справедливо удивляются, как мог сам художник допустить, чтобы его деятельность была увековечена подобным аляповатым и с художественной стороны очень небрежно выполненным изданием.

Первое неприятное впечатление – это правописание фамилии художника. Для этого потребовалось изобразить какую-то новую букву, которой доселе в русской азбуке не существовало. Для издателей, вероятно, очень далёких от охраны подлинно русского, было всё равно, какие буквы ни изображать, а вот Н. Рериху, всегда так старательно подчёркивавшему свою любовь ко всему исконно русскому, зазорно выду-

мывать какие-то онемеченные буквы. Изволите ли видеть, почтенную фамилию г. Рериха никак нельзя написать просто «Рерих», а необходимо написать «Роерих», и так, чтобы «о» и «е» писались слитно [се - ред.]. То ли художник желал оттенить своё иноземное происхождение, то ли сами издатели захотели щегольнуть новшеством, не знаю. Но впечатление, повторяю, от такого правописания фамилии художника получилось отталкивающее.

Далее. В общем, репродукции работ художника оставляют желать лучшего. Не только красочные, но и в чёрном выполнены далёкими от совершенства. Некоторые из произведений Н.К. Рериха, в которых главное достоинство в их красках, как, например, «Город строят», - воспроизведены в чёрном. Это большая ошибка. Среди цветных репродукций неудачны те, что сложены пополам и при развёртывании проецируются на бумагах разного тона. Дальше такой нехудожественности трудно идти.

Открыли переплёт, перевернули неудачный титульный лист, украшенный какими-то неведомыми гербами, совершенно излишними для издания, в котором разбирается деятельность художника, и перед вашими глазами портрет Рериха. Но если не иметь удовольствия знать художника лично, то все основания думать, что это работа самого Рериха и изображает она художника Кустодиева, ибо подпись буквально гласит так: «Н.К. Рерих. Портрет Б.М. Кустодиева». 1915.» Это небрежность, не больше, но такое небрежное отношение к делу отображается на всём издании.

Текст монографии составлен из статей разных авторов. Кроме блестящей характеристики г. Рериха, написанной с неожиданной для автора её, Александра Бенуа, искренностью, и деловитой, умной статьи С.П. Яремича, ни о чём остальном с интересом не вспомнишь. Ни о путанной и философски бессвязной статье Балтрушайтиса, ни о заметках Ремизова, ни о звонко написанной, но пустой, как речь юного помощника присяжного поверенного, статье некоего г. Гидони. Особенно неудачна эта последняя статья, сама по себе совершенно ненужная, так как о том же с неизмеримо большим успехом написал С.П. Яремич. Г-н Гидони развязно указывает, что, дескать, до Рериха «о старине, о прошлом, о красоте древних времён – родоначальнице сегодняшних вдохновений» никто и не думал. Если же кто говорил об этом – слова были не настоящие. В картинках и стихах вместо старины – бутафория». Написал и доволен. А хотя бы про Шварца, Сурикова, Нестерова, Пушкина, Алексея Толстого и вспомнить не удосужился. И как неприятно всюду в его статье: «Петербург», «петербургский», какие-то заковыристые слова вроде «реминисценция» и т. д.

Плохая книга вышла о Рерихе, талант художника заслуживал бы иного отношения, нежели то, которое проявило к нему новое издательство «Свободное искусство». Это издательство наметило ещё ряд иных монографий – о наших художниках, о современной графике о декоративном искусстве и т.п., и если последующие издания будут столь же небрежны и нехудожественны, как монография о Н. Рерихе, то любители русских иллюстрированных изданий уж не поверят широким рекламам и по заслугам, с недоверием отнесутся к новому предпринимательству.

Новое время. 1917. 10/23 января. № 14673. С. 4.

Аполлон. Январь. № 1. 1917 г.

Выставки и художественные дела

Обилие аукционов прежнее. Выяснилось, что за год на аукционах, устраивавшихся в Обществе поощрения художеств, было продано всего на сумму в 100 т.р. Аукцион, устроенный Общиной св. Евгении, дал до 5000 р. Особенно цены повышались

на оригинальные работы современных художников – Александра Бенуа, Браза, Сомова, Рериха. ...



Н.К. Рерих. Бесконечные следы. 1917.

Русская мысль. Январь. № 1. 1917 г.

Эмиль Верхарн По письмам и личным воспоминаниям

Умер Эмиль Верхарн. Это – одна из тех смертей, с которыми примириться трудно. <...>

Характерной чертой Верхарна была ненасытная любознательность. <...>

После нашего сближения Верхарн засыпал меня просьбами-ознакомить его с русским искусством. Верхарну хотелось сразу узнать и русскую живопись, и русскую иконопись, и эволюцию русской архитектуры. Позднее он получил возможность полнее удовлетворить своё любопытство, посетив музеи и картинные галереи в Петрограде и в Москве. Свои впечатления и выводы Верхарн изложил тогда в ряде статей, напечатанных частью в Русских ведомостях. <...>

Вот самое характерное из этих писем, от декабря 1908г. (Верхарн редко датировал письма, и основываться приходится лишь на дате почтового штампа): “Combien je vous remerci de vos envois. Oui, j’aime beaucoup le style décoratif de Bilibine et j’adore les larges traits et solidité de l’art de Roerich. Mais ce que je préféré c’est encore C. Jouonn et sa me ville dans la neige que des traîneaux traversent. Ces trois artistes sont bien du Nord; leur métier est fruste et lourd, même épais, - mais ils me plaisent plus que les autres, parce qu’ils me paraissent très atochtones. <...>¹

Месяца через два, в феврале 1909 г., Верхарн сообщал мне в письме:

<...> Mercereau m’a également apporté un album de Roerich qui me parait le plus russe de tous vos artistes”^{2**}

Позже, через год, во время Брюссельской всемирной выставки, Верхарн писал мне 8 августа 1910 г. о русском отделе уже со знанием дела:

¹ Перевод с французского: * «Как я благодарен вам за присланное! Да, мне очень понравился декоративный стиль Билибина, и я в восторге от широты и основательности искусства Рериха. Но особенно дорог мне Юон: город под снегом с пересекающими его санками. Эти трое поистине, художники севера. Техника у них старинная, тяжёлая, даже густая, но они нравятся мне более других, потому что кажутся очень самобытными».

² ** «...Мерсеро доставил мне альбом Рериха, которого я считаю самым русским из всех ваших художников».

“J’ai parkouru à Bruxelles la Section Russe. Jen’y ai guère trouté de Somoff. Et le Rœrich ne me plait pas enormement”³

В других письмах ещё 1909-1911 г. повторяются те же мысли: Верхарн несколько раз упоминает имя Рериха как художника, которым особенно интересуется, Сомова, Юона...

Валерий Брюсов

Русская мысль. 1917. Январь. № 1. С. 1-15.

**15 января 1917 г. Царское Село.
Письмо В. Левитского к Рериху Н.К.**

15/1 – 17 г. Ц. Село.

Дорогой Николай Константинович.

Пришло, к сожалению, то время, когда я считаю необходимым опубликовать проделки изд. «Свободное искусство».

Дабы не вышло какого-нибудь недоразумения между мною и Вами, необходимо нам поговорить, потому что мне придётся в моём обличии коснуться и книги, и Вас.

За всё моё многострадальное время редактирования я видел обмана много - пусть все художники, которые, несмотря на мои предупреждения, кинулись в объятия Фридриха – Фёдора Беренштама, узнают, с кем они имеют дело. Вы многого не знаете.

В настоящее время я на военной службе и занят с 10 д. – 6 веч. Отлучиться днём ни в коем случае не могу, и значит, видеться можем в один из вечеров. Соблаговолите сообщить.

Крепко жму руку

В Левитский.

Цар. Село. Новая ул. 12.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/917, 2 л.

16 января 1917 г.

Сергей Глаголь

ПЕВЕЦ НЕЗДЕШНЕЙ КРАСОТЫ

Если задача искусства – создание новых миров, полных чарующей красоты и напоминающих сонные видения, то после Врубеля в русском искусстве на первое место должен быть поставлен, конечно, Рерих.

Передо мною роскошно изданная, посвящённая ему книга, и, когда пересматриваешь воспроизведённые в ней снимки с того, что вышло из-под кисти художника, перед глазами действительно встаёт какой-то новый мир, как будто «реальный» и в то же время сказочно прекрасный.

Мир этот рисуется художнику в далёком доисторическом прошлом Руси, в её языческих капищах, в её бревенчатых городах с расписными ладьями у стен, с её заморскими гостями и сказочными походами и битвами, в мистических представлениях

³ *Перевод с французского:* «Я осмотрел на Брюссельской выставке русский отдел. Там вовсе не нашёл я Сомова. И то, что выставлено там Рерихом, не поразило меня особенно».

об ангелах, охраняющих город, о святых, молитвою отводящих тучи каменного дождя, или в злом змие, опоясавшем «град обречённый».

Ю.К. Балтрушайтис верно определяет Рериха как художника не реального мира, а видений опять-таки реальных, как реальна и сама жизнь.

Оглядываясь на путь, пройденный творчеством Рериха, Ю.К. Балтрушайтис снова очень верно очерчивает характер этого пути. Рериха с первых же шагов самостоятельной работы влечёт к себе доисторический мир. Он чувствует скрытую в нём чарующую красоту, но находит её далеко не сразу. А.Н. Бенуа тоже верно указывает на сходство первых работ Рериха с работами Васнецова и Кормона. Доисторические люди для Рериха ещё те же люди современности, только перенесённые в обстановку доисторической жизни, и его злоевающие вороны всё-таки ещё не вороны сказки. И, очевидно, Рерих сам чувствовал это, ибо, несмотря на успех, который имели его первые картины, он скоро далеко от них уходит и пытается увидеть доисторический мир и передать таким, каким изобразил бы его и сам доисторический человек, овладевший искусством современности.

В уцелевших от доисторической эпохи рисунках человека, в странных формах найденной его утвари, в амулетах и идолах дикарей, в наивных очертаниях художника примитива, всюду находит для себя Рерих богатый материал и скоро достигает того провиденья, которое в современный реальный мир делает в его глазах каким-то новым, точно смотрящим на него из дали давно ушедшего времени.

Рерих нашёл в раскопанных им курганах то магическое зеркало, которое по-новому отражает Божий мир, отражает его таким, каким мог он быть (и верится, что был) много тысяч лет назад. И мудро ли, что в этот далёкий мир нисходят ангелы с небеси, что облака, висящие над ним, кажутся готовыми низринуть на землю камни, что зарево горит над ним, как в самом деле должно было некогда гореть над пожарищем Содомы и Гоморры.

От этого же так удивительны эскизы декораций, написанные Рерихом для «Принцессы Мален» Метерлинка. В этих злоевающих пейзажах и странных интерьерах действительно каждый актёр волею-неволею почувствует себя какою-то бессильною игрушкой в руках судьбы.

Само собою разумеется, что такой ищущий художник, как Рерих, не может быть ровным, и действительно, в каждом новом цикле его картин вы видите какой-нибудь новый уклон то в сторону обычной реальности, то в сторону странной архаичной стилизации, и потому не для всех одинаково приемлемы все его произведения.

В картинах Рериха не раз было отмечено его критиками отсутствие человеческого лица. Действительно, картины Рериха безлики. Порою действующие лица даже повернуты к зрителю спиной.

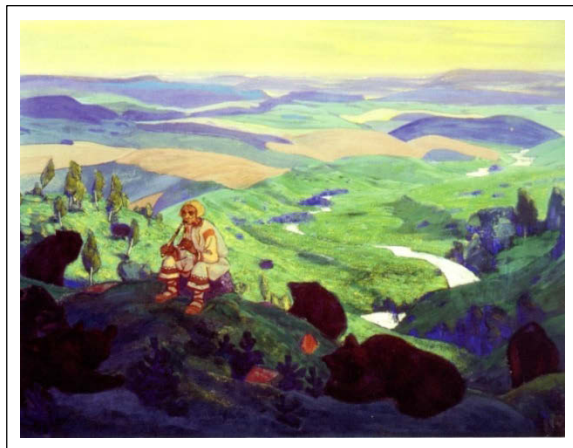
Я не знаю, как объяснил бы это художник, но меня это никогда не беспокоило в картине Рериха.

Даже наоборот. Человеческое лицо с отразившимися на нём его индивидуальными переживаниями мне бы в картине Рериха даже мешало.

Разве картины его и при этом отсутствии человеческого лица бездушны? Разве не говорят вам ничего ни эти каменные глыбы застывших в воздухе облаков, ни эти седые камни, ни каркающие вороны, ни одинокая фигурка девушки на песчаном берегу моря или фигура огненного ангела, идущего к стенам города?! Разве нет во всём этом души?

Я сказал бы, что в картинах Рериха всё живёт одинаково с человеком жизнью; и травы, и облака, и камни, и даже ангелы. Если бы Рерих изобразил даже самого Перуна, глядящего на мир из дали облаков, я уверен, что этот бог тоже не имел бы лица, т.е. своей индивидуальной, обособленной от мира жизни. И он был бы такою же частью мира, какою является у Рериха человек. В картинах Рериха всегда тот панпсихизм, о котором говорит Леонид Андреев в своих статьях о театре. Человек Рериха ещё не сознаёт себя не только царём природы, но и чем-либо от неё отдельным, он такое же создание Божье, как и камень и облака.

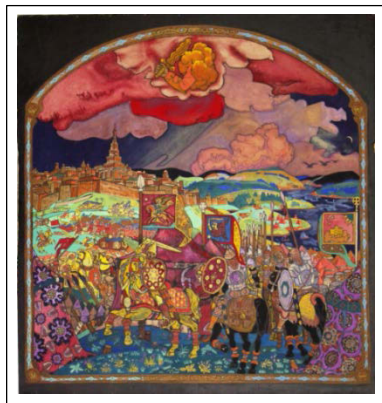
Кто интереснее вам, например, в картине Рериха с пастушком, играющим на рожке, и медведями, которые собрались и его слушают? Кто? Пастушок или медведи? Чьи переживания интереснее? А затем, разве не слушают пастушка камни и деревья?



Н.К. Рерих. Человечьи праотцы. 1911.

Нет. Может быть, и придёт завтра художник, который многое расскажет о смутных переживаниях первобытного дикаря-человека, но это уже будет не Рерих, и в картинах его уже не будет такого слияния человека с природою, которое царит в картинах Рериха.

И этот панпсихизм рериховских картин делает то, что их хочется видеть на больших поверхностях, на стенах исторических и археологических музеев, но до этой роскоши мы ещё не скоро доживём. Увидим мы кисть Рериха только на стенах нового строящегося в Москве Казанского вокзала, и, признаюсь, я жду этого момента с огромным интересом.



Н.К. Рерих. Покорение Казани. 1915. Панно для Казанского вокзала.

Перехожу, однако, к самой книге, по поводу которой я взялся за перо и пишу эти строки.

Книга эта – новый шаг на пути издания в России художественных монографий, и его нельзя не приветствовать от всей души.

Первые шаги с успехом сделаны были И.Н. Кнебелем в Москве, и если бы не война и не злополучный московский погром, то мы имели бы теперь уже целую длинную серию выпускаемых им монографий.

Изданная «Свободным искусством» книга о Рерихе богата и красочными, и чёрными репродукциями, текст её занимает большое количество страниц, издана книга на толстой дорогой бумаге и вообще представляет собой так называемое *edition de luxe* [роскошное издание (фр.) – ред.]. Издана она всего в 500 нумерованных экземплярах и неожиданно встретила такой спрос, что разошлась без остатка по предвари-

тельной подписке. Ни одного экземпляра книги даже не поступило в продажу. И это при цене в 48 руб.

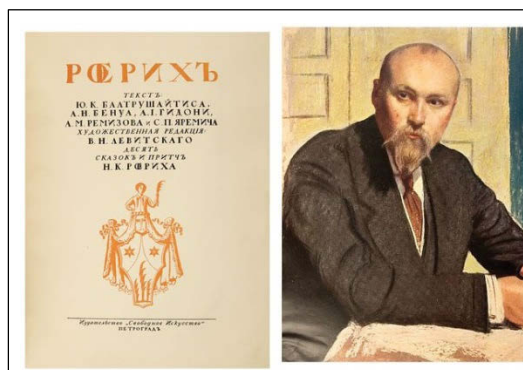
Явление, громко говорящее о том, что потребность в художественных, хотя бы и дорогих изданиях в России растёт не по дням, а по часам, и не подлежит сомнению, что такие же обещанные издательством книги, посвящённые творчеству А.Н. Бенуа и др. художников, встретят в публике тот же приём.

И отраднo это вовсе не с одной только аристократической точки зрения и удовлетворения спросу богатых коллекционеров. Отраднo это и потому, что успех таких дорогих изданий прокладывает путь для общедоступных демократических изданий. Каждое роскошное издание оставляет в руках издателя целое богатство клише и литературного материала, дальнейшее использование которых обходится уже бесконечно дешевле и при обращении к более дешёвым сортам бумаги делает возможными общедоступные дешёвые издания.

Немецкие, появившееся незадолго до войны *Volksausgabe* [популярные издания (нем.) – ред.], доведённые до цены 60 к. (в России) и снабжённые четырьмя-пятью трёхцветками и десятком чёрных цинкографий, только и возможны были потому, что ранее такие же издания были выпущены в более роскошном виде.

И нашим художественным издательствам, особенно после войны, когда страна с жадностью изголодавшегося бросится на книгу.

Русская воля. 1917. 16 января. № 15. С. 7.



Монография «РЕРИХЪ». Изд. «Свободное искусство».1916.

18 января 1917 г.

Выставка академика Н.К. Рериха

При редакции издательства «Свободное искусство» образовался комитет по устройству самостоятельной выставки картин академика Н.К. Рериха. В комитет вошли: А.Н. Бенуа, Максим Горький и будущий комиссар выставки С.Р. Эрнст. - Моё участие в организации выставки, - говорит Н.К. Рерих, - выразится лишь в предоставлении комитету моих новых, нигде не выставлявшихся работ. Таких картин у меня около шестидесяти. Новейшие работы написаны, главным образом, на сюжеты религиозно-мистического характера. Образы русские...

Цель организаторов выставки – возможно полнее представить развитие художественного творчества Н.К. Рериха. Ввиду этого они решили обратиться к наиболее крупным обладателям картинных галерей и собраний с просьбой прислать в комиссариат выставки полотна Н.К. Рериха. Когда точно состоится выставка, ещё не определилось. Большие затруднения вызываются отсутствием мало-мальски подходящих выставочных помещений. По словам Н.К. Рериха, мысль о самостоятельной выставке давно возникла у него самого. Ещё до войны об устройстве её в Париже его лично

просил директор Лувра г. Карно. События мирового характера помешали художнику использовать это приглашение.

Интересно отметить, что изданная недавно «Свободным искусством» монография о Н.К. Рерихе вся распродана. Среди коллекционеров цена на неё стоит в 200 рублей.

В непродолжительном времени, между прочим, в издании Общины св. Евгении выйдет значительно более доступный по цене иллюстрированный труд о Рерихе. Текст его пишет С. Р. Эрнст.

Петроградский листок. 1917. 18/31 января. № 17. С. 3.

Художественные вести

Выставка картин Н.К. Рериха предполагается в апреле. Окончательно вопрос будет решён, когда будет найдено подходящее помещение. Выставку устраивает комитет, во главе которого стоит гр. П.Ю. Сюзор. На выставке появится ряд новых произведений, написанных Н.К. Рерихом за последние 2 года.

Речь. 1917. 20 января/2 февраля. № 18. С. 5.

24 января 1917 г.

Письмо князя Владимира Николаевича Аргутинского-Долгорукого к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович, Большое спасибо за присылку эскиза. Я в восторге от него и страшно рад, что это первый – мой самый – любимый – вариант декорации.

Крепко жму Вашу руку. Посылаю 250 рублей и ещё раз благодарю.
<Непременно> Ваш преданный

В. Аргутинский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/543, 1 л.

27 января [1917 г.]. Москва.

Письмо А. Щекотихиной-Потоцкой⁴ к Рериху Н.К.

Москва 27 янв.

Глубокоуважаемый Николай Константинович, Сергей Тимофеевич Морозов желает иметь книгу с Вашими произведениями (вышедшую в осень 916 года), и нигде, где бы не спрашивал, не мог найти. Я обещала спросить у Вас, может быть, Вы окажете протекцию, возможность достать её, то пусть они вышлют наложен. платежом. На масляной собиралась в Питер, хотела зайти к Вам.

Здесь очень любят стиль модерн. Думаю, что долго не продержится. Очень извиняюсь за беспокойство.

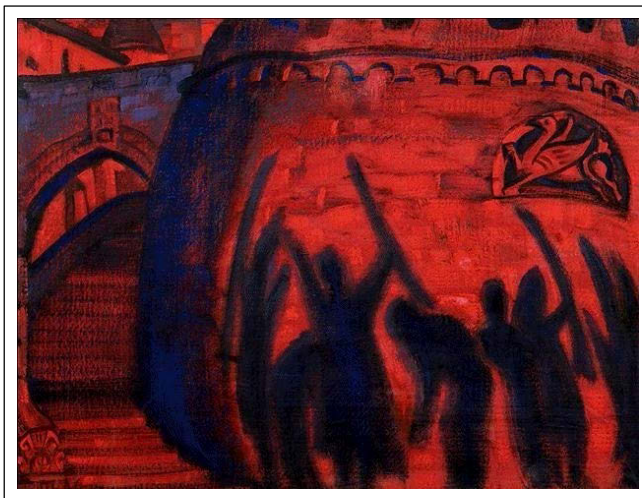
Приветствую Вас, поклон Елене Ивановне. С уважением *А. Щ. -Потоцкая*
М. Садовая Кудринская. дом С.Т. Морозова.

Отдел рукописей ГТГ ф.44/1128 1л.

⁴ Щекотихина-Потоцкая Александра Васильевна (1892-1967), ученица Н.К. Рериха, член объединения художников «Мир Искусства», жена Ивана Билибина.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля 1917 г.
Стихи Н.К. Рериха



Н.К. Рерих. Тени. 1916.

ОБЕРНИСЬ

Не уйди мой друг в темноту
Сядь так, чтобы я видел тебя.
Иначе призраки ночи
займут твоё место.
Окружены мы теньями.
Вызвало их твоё неразумное слово.
Их разогнать не умеем.
Им повелевать мы не можем.
Близится час полунощный.
Зажги, друг, ярче огонь.
К свету, к источнику
обернись.

1 февраля 1917 г.

Отдел рукописей ГТГ. 44/46. Л. 34.

Из архива Н.К. Рериха:

Друг мой, к двери ты/
подойди. Не бойся открыть,
долго
слышишь, √ стучат!
3 Подошел 2 1
уже Подходит он к двери.
Если открыв, ты ничего
не увидишь – не бойся, он

все-таки там. Что должно
то пришло те. Пришедшее
встретим.

~~Друзья ухожу
√ Я ухожу от вас друз
Лица ваши уже изменились
во взгляде моем. Каж Я вижу
что я знал вас мало.
Лики у вас бесконечно
новы. Вы меня тоже не
знали. Многое накопил я
без вас. Сохранное не
показал вам. За это
простите. Но за то без
меня вы соберете ~~многое~~
~~новое~~ прекрасное. И большую.
часть скроете от новых
~~др~~ ваших друзей. Меня
вы поймете и перед долгим
путем подарите мне все,
что я утаил, оно мне
в пути пригодится будет
нужно.
Посмотрите впереди меня
рано
уже идут. Они √ вышли.
Пристальней смотрите.
Темные на склоне горы
~~Черные точки в долине~~ - не
камни – это путники.
И я для вас сделаюсь скоро
им камнем далеким
~~такой же темной былинкой.~~
Но не забудьте, что это не
камень – это я, который
долго жил с вами. Лицо
которого вы знали близко и
четко. Ваши лица хотя и
изменяются для меня, но я буду
их помнить и пожалею
если с кем слишком
мало встречался теперь
Вещи мои я вам оставляю,
в пути они мне опять не
нужны. Если из них про-
падет или износится что,
вы не жалеите. Вернувшись
я все-таки кое-что найду~~

из оставленного мною.
Путники ~~внизу~~ уже скрылись
за горою. Не печальтесь что
я буду один; на пути я
2 1
встречу попутчиков.
Прощайте, скажите врагам,
что в отсутствие могут
2 1
они сделать свои дела.

Отдел рукописей ГТГ, 44/46. Л. 32, 33.

2 февраля 1916 г. Петроград

Письмо Н.К. Рериха к Кояковичу М. М. (машинопись)

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
«**ВЕСТНИК ИНЖЕНЕРОВ**»

ПЕТРОГРАД

Николаевская улица, д. 29.

Телефон 4-97.

Петроград 2 февраля 1916 г.

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

Позвольте принести Вам глубочайшую благодарность как от меня лично, так и от Редакции Вестника Инженеров, за прекрасную статью в сегодняшнем номере Нового Времени. Вы помянули в ней добрым словом и наш старый, к сожалению уже прекративший своё существование, Вестник Общества Технологов. Но уже таков неумолимый закон судьбы – старое должно давать путь новому, более сильному, подающему надежды. Без этого не будет движения вперед по пути совершенствования.

Примите, многоуважаемый Михаил Михайлович, уверение в моем глубоком почтении.

Н.Рерих

Российский государственный архив литературы и искусства 1077-2-7 1л.

6 февраля 1917 г.

В мире искусств

Отдельная выставка работ Н.К. Рериха в этом году не состоится. Она переносится на будущий год, ввиду неприбытия картин с выставки Мальмё.

Общество «Мир искусства» отводит в этом году Н.К. Рериху отдельную комнату, где он предполагает выставить около 40 картин, исполненных им за последние два года.

Русская воля. 1917. 6 февраля. № 36. С. 6.

7 февраля 1917 г.

Художественные вести

Большая выставка произведений Н.К. Рериха, предполагавшаяся в Петрограде в конце текущего сезона, откладывается за отсутствием свободного помещения, а также вследствие того, что картины его в количестве 30 не прибыли из Мальмё. Новые произведения Н.К. Рериха будут выставлены в отдельном зале на выставке «Мир искусства».

Речь. 1917. 7/20 февраля. № 36. С. 5.

19 февраля 1917 г.

В Обществе им. А.И. Куинджи

Художественные вести

19 февраля состоялось под председательством академика Н.К. Рериха годовое собрание Общества имени А.И. Куинджи. Перед заседанием была отслужена панихида по А.И. Куинджи. Собрание открылось чтением отчёта за минувший год. Доходы Общества в виде процентов с капиталов, пожертвованных А.И. Куинджи, составили 28 000 р. С «Пятниц» поступило около 6000 р. Значительная часть этой суммы пожертвована в пользу раненых воинов. На пособия нуждающимся художникам израсходовано было в отчётном году 3000 руб., на приобретение художественных изданий – 1700 руб., на покупку картин – свыше 10 000 руб. В течение 4-х лет Общество приобрело 95 картин на 31 000 руб. Почти все купленные художественные произведения отосланы или отсылаются в провинциальные музеи. В почётные члены Общества избрана В.Л. Куинджи, вдова покойного художника А.И. Куинджи. Затем были произведены выборы новых членов. Из предложенных правлением кандидатов несколько человек забаллотировано. Характерно, что забаллотированы именно те кандидаты, которые пользуются наибольшей популярностью в художественном мире. Собрание постановило отправить 2000 руб. в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. По полученным сведениям многие учащиеся Московского училища испытывают крайнюю нужду.

Речь. 1917. 21 февраля/ 6 марта. № 49. С. 5.

Выборы в Обществе А.И. Куинджи

Под председательством академика Н.К. Рериха состоялось годичное собрание членов состоящего под высочайшим Государя Императора покровительством Общества имени проф. А.И. Куинджи. По утверждению годичного отчёта по деятельности в минувшем году были произведены выборы. Единогласно избрана в почётные члены Общества вдова основателя его В.Л. Куинджи. В действительные члены Общества большинством голосов избраны: А.Ф. Афанасьев, Г.М. Бобровский, А.А. Бучкури, Г.Н. Горелов, И.М. Грабовский, С.Н. Зенков, П.И. Келин, И.В. Космин, П.И. Котов, В.Н. Кучумов, В.В. Лишев, А.П. Мочалов, Л.Ф. Овсянников и А.Н. Юдин.

Биржевые ведомости. 1917. 22 февраля / 7 марта. Утренний выпуск. № 16114. С. 4.



Дом Адамани на Марсовом поле, где находилось Художественное бюро г-жи Добычиной.
(Открытка 1920 г.)

19 февраля 1917 г.

В мире искусства

19 февраля в помещении г-жи Добычиной на Марсовом поле состоялся вернисаж «Мира искусства». Видное место занимают на выставке работы Н.К. Рериха, которому отведён отдельный зал. Полно представлены москвичи: И.И. Машков и П.П. Кончаловский.

Русская воля. 1917. 20 февраля. № 49. С. 6.

20 февраля 1917 г.

Выставка «Мир искусства»

Кажется на выставках «Мира искусства» никогда не было такого громадного количества номеров, как в нынешнем году.

И, тем не менее, выставка довольно слабенькая.

Неприятно то, что здесь всё какие-то крайности. Что бывший дягилевский кружок утратил определённую физиономию.

В самом деле: как понять, что на одной и той же выставке могут висеть в близком соседстве, например, Сорин и Кончаловский.

Слащавые портреты Сорина, право, напоминают Боброва, когда-то украшавшего своими произведениями акварельные выставки.

Мужской портрет Сомова почти тщательно до мелочей выписан, но здесь нет той приторной слащавости, которая так коробит у Сорина.

Куда девалась золотая середина этого кружка?

Думаем, что она ушла в «Союз», выставки которого напоминают времена дягилевского «Мира искусства».

Нынешней выставке ещё потому не повезло, что на ней нет ни Бенуа, ни Бакста, ни Лансере, ни Яковлева.

Набранные большей частью в Москве молодые художники дали незначительные этюды или графику, вообще доминирующую на выставках «Мира искусства».

Интереснее всех в нынешнем году Н.К. Рерих, два года не принимавший участия на выставках.

Даровитому художнику отвели отдельный большой зал, где он развесил свои своеобразные, полные настроения и очень разнообразные по краскам полотна.

Рериха надо чувствовать, и только тогда можно оценить его мечтательные, навеянные глубокой стариной сказочные произведения.

Как много настроения, например, в его «Ковре-самолёте», картине, несомненно, навеянной войной.



Н.К. Рерих. Ковёр-самолёт. 1916.

Весьма оригинальны по идее «Тени» - интересная задача для режиссёра, представить на сцене не живые существа, а их тени.

Художник выставил около сорока полотен, и везде у него большую роль играют облака, сообщающие картине то – то, то – другое настроение.

На открытии выставки было столько народу, что многие не имели возможности раздеться и входили на выставку прямо в пальто и в галошах...

Меценат

Петроградская газета. 1917. 20 февраля № 49. С. 4.

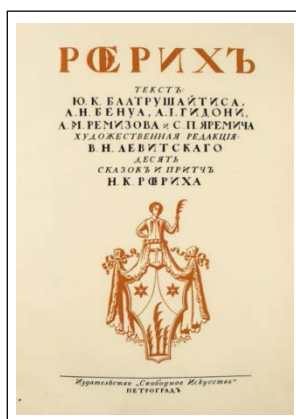
21 февраля 1917 г.

На выставке «Мир искусства»

На выставке «Мира искусства» обильнее всех представлены Кончаловский и Рерих. И тот и другой получили по отдельной комнате. О первом – говорить не будем. Это сплошное издевательство и над публикой, и над здравым смыслом, и «Союз», например, не пустил бы к себе Кончаловского. Но Господь с ним. Надо же чем-нибудь поднять падающий интерес. И вот выпускают таких кривлящихся «гениев». Но теперь это кривлянье в пустом пространстве. Публика равнодушна и с скучающим лицом скорей, скорей мимо...

Среди художников, как среди вообще людей либеральных профессий, писателей, музыкантов, актёров, имеются те, которым «везёт», и те, которым «не везёт».

Рерих – из числа тех, которым очень везёт. Большие художники Репин, Поленов, Виктор Васнецов, Нестеров, Владимир Маковский ещё не дождалась роскошно изданных монографий. Рерих, куда более молодой и с более скромными заслугами, дождался царственной монографии, да к тому ещё снабжённой гербом художника, подчёркивающим его прямое происхождение от Рюрика. Вот несказанно удивился бы покойный отец художника. Скромный василеостровский нотариус, немец никогда и во сне не мечтавший о родстве с грозными скандинавскими, бороздившими моря, викингими.

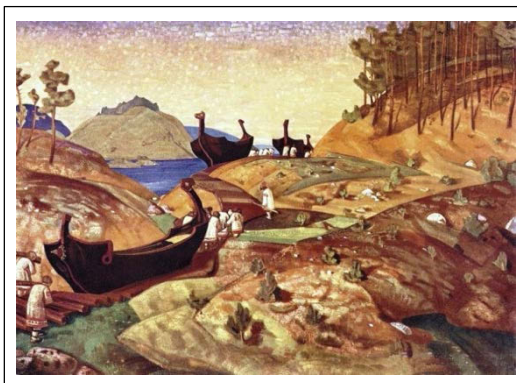


Любопытно, что о Рерихе нет средних мнений. Есть лишь крайние. Недоброжелатели – совершенно не признают, поклонники считают едва ли не «гением».

Правду, как это часто бывает, надо искать посередине. Конечно, Рерих не «чуть ли гений», но, конечно, и далеко не заурядность. Я бы сказал, это – «хитрый» талант, сумевший великолепно себя использовать, дать максимум своего напряжения. В картинах Рериха, ума спокойного, археологического, начитанности и знаний гораздо больше, чем таланта. Разве это не умно, не адски умно раз навсегда отойти к «упрощённой» форме? Здесь никак не подкопаешься. Действительно, не умеет человек рисовать, или он это «нарочно», для стиля и настроения?

Но чем приятен бывает художник, и это отмечалось нами неоднократно, - своими тонами. Приятен одинаково, будь это условный колорит, переносившийся в далёкую седую эпоху, или колорит как таковой, перламутровое, серебристое облачко, или кусочек природы вообще...

Если холодный и бесстрастный Рерих и не чарует вас, то, во всяком случае, несомненно, поучает. Например, картина «Волокут волоком».



Все мы читали в своё время и в то же время основательно забыли, что в давнюю старину ладьи воинские перетаскивали «волоком» по суше, до Днепра или до моря. Забыли. А вот Рерих вспомнил, и вспомнил, красиво и убедительно. Это – со вкусом и хорошими сочными красками написанный краешек древнеславянского эпоса...

Ник. Брешко-Брешковский

Петроградский листок. 1917. 21 февраля \ 6 марта. № 50. С. 2.

23 февраля 1917 г. Петроград

**ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.
23 ФЕВРАЛЯ / 8 МАРТА 1917 ГОДА В ПЕТРОГРАДЕ**



Петроград 23 февраля 1917 г.

Из сообщений Охранного отделения от 23-го февраля 1917 года:

«23-го февраля с 9 часов утра, в знак протеста по поводу недостатка чёрного хлеба в пекарнях и мелочных лавках, на заводах и фабриках района Выборгской части начались забастовки рабочих, которые затем распространились на некоторые заводы, причём в течение дня были прекращены работы в 50 фабрично-заводских предприятиях, где забастовали 87. 534 человека рабочих.

Рабочие Выборгского района, около 1 часа дня, выходя толпами на улицы с криками «дайте хлеба», стали одновременно производить в местах беспорядки, снимая по пути своего следования с работ работавших товарищей и останавливая движение трамваев, при чём демонстранты отнимали у вагоновожатых ключи от электрических двигателей и били стёкла в некоторых вагонах.

Забастовщики, энергично разгоняемые нарядами полиции и вытребованными конными воинскими частями, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в другом, проявляя в данном случае особое упорство. Лишь к 7 часам вечера в районе Выборгской части порядок был восстановлен.

К 4 часам дня часть рабочих всё-таки перешла по одиночке через мосты и по льду реки Невы на большом её протяжении, и достигли набережных левого берега, где рабочим удалось организовать в прилегающих к набережным улицам и затем, почти одновременно, снять с работы рабочих 6-ти заводов в районе 3-го участка Рождественской и 1-го участка Литейной части и далее произвести демонстрации на Литейном и Суворовском проспектах, где рабочие были разогнаны. Почти одновременно с этим, в 4 ½ часов дня на Невском проспекте, вблизи Знаменской и Казанской площадей, часть бастующих рабочих произвела несколько попыток задержать движение трамваев и учинить беспорядки, но демонстранты были тотчас же разгоняемы и движение трамваев восстанавливалось»

Государственный архив РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917. д. 34. ч. 57. л. 19

Публикуется по изданию: Петр Мультатули «Николай II. Отречение, которого не было». М.: АСТ, 2010.

О СОБЫТИЯХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Из воспоминаний Юрия Николаевича Рериха:

«Мне часто чудится, что я дома, в далёкой России, в своём доме в Петрограде. То ли просто сила воображения рисует мне картины прошлого, то ли сам я по природе связан с Россией давно минувших дней. Я не могу этого объяснить. Порой мне кажется, что какая-то неведомая сила притягивает меня всё ближе и ближе к давним дням моей жизни. Думаю, что подобное чувство хорошо знакомо всем русским, разбросанным по миру.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Лишь сегодня мы понимаем подлинное значение Французской революции. Русская революция 1917 года ещё раз заставила нас вспомнить те условия, которые преобладали во Франции в течение длительного периода внутренних беспорядков. Русская революция, действительно, может служить иллюстрацией для изучения революционного периода во Франции. Горько вспоминать все эти прискорбные события, через которые прошёл каждый русский. Горьки эти воспоминания, ибо они заставляют со всей силой ощутить то политическое унижение, которое наша родина пережила за последние годы. Я не собираюсь давать здесь полное описание хода революции в России. Эта задача слишком сложна. Страна слишком велика, и местные настроения столь разнообразны, что описание революции требует глубокого изучения предмета. Оценивать события в их исторической значимости для русского народа и для всего мира — задача, непосильная для современников. Французская революция была ограничена в своих устремлениях, русская революция воздействует на весь мир. Русские революционные вожди говорят больше о мировой революции, чем о революционизировании территорий Российской империи. Я поставил перед собой задачу описать самую первую ночь Февральской революции 1917 года в Петрограде, эту ужасную ночь, когда великая столица, покрытая темнотой холодной зимней ночи, была внезапно разбужена грохотом залпов и лязгом оружия на улицах. Броневики правили городом! Как известно, поводом для начала бунта стала нехватка хлеба в столице в течение последних нескольких дней. Уже вечером поползли слухи, что мятеж начался где-то за Невой. Казаки помчались туда, но ничего серьёзного не произошло. Улицы патрулировались военными отрядами императорской гвардии. Что-то очень тревожное было во всей обстановке. Огромные толпы шли по Невскому и Литейному проспектам. Военные отряды стояли на каждом углу. Главный мятеж начался около 11 вечера, когда толпа, при поддержке восставших войск, штурмовала Литовский замок и Мариинский дворец, резиденцию Императорского Государственного совета.

Наш дом был расположен совсем недалеко от военного министерства и Мариинского дворца. В этом районе столицы произошёл большой ночной бой. Около двенадцати ночи меня разбудила ожесточённая стрельба броневиков на улице. Я поспешил к окну. В дрожащем свете уличного фонаря вдоль по улице бежали человеческие фигуры, стреляя время от времени в невидимого врага. Слышалась стрельба со стороны Мариинского дворца. Но всё это было покрыто ночной темнотой, и никто не знал, что происходит. Броневики про-

должали свою трескучую стрельбу, и время от времени слышались залпы орудий в сторону Адмиралтейства. Литовский замок был подожжён, и тёмное небо стало красным от сполохов мощного пламени. Багровое небо осветило произведённые разрушения. На улицах зажгли огромные костры, и архивные бумаги и мебель Мариинского дворца были сожжены. Всё громче и громче раздавались крики. Теперь было ясно, что началась революция. Красное небо, пылание костров и красные флаги царили повсюду в городе в ту ночь. Той ночью никто не ложился. Все устало ждали следующего утра. Бои продолжались в течение всей ночи. Наступило утро. На улицах царило уныние и стояла странная тишина, как будто ничего и не было ночью, и всё же общий вид города стал уже иным. Всем пришлось сидеть дома, потому что средства сообщения оказались отрезаны. Были выпущены прокламации, и грузовики, полные вооружённых людей, появились на улицах. Ходили слухи, что ночью убили и замучили многих. Но не было никаких точных сведений. Вооружённые банды рыскали по домам в поисках оружия. Революция была провозглашена, и потом пришло известие, что Император отрёкся от трона... На холодном воздухе и пронизывающем утреннем ветру в суровом молчании стояли отряды солдат. Раздавались слова приказов, и славные знамёна былых дней медленно склонялись. Империи пришёл конец...»

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2008. Вып. 10, с.17-18

Публикуемые материалы редакция получила из архива музея Николая Рериха в Нью-Йорке, где они представлены в копиях. Оригиналы хранятся в мемориальной усадьбе Рерихов в Наггаре, в Индии.

Из воспоминаний Е.И. Рерих:

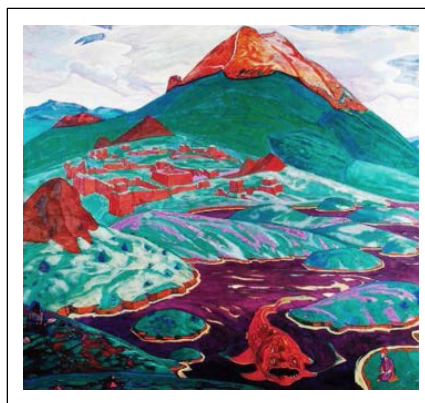
«1916 г. За несколько месяцев до февральской революции видела сон, в котором все царские дворцы, находившиеся в разных местах, соединились, опустели и лишились своих обитателей. В недоумении я прохожу по опустевшим помещениям, никого не встречая — даже слуг. Наконец, вхожу в большую светлую залу, заставленную в беспорядке всевозможными предметами, там собралась довольно большая группа людей, среди которых художники, члены Мира Искусства и несколько других художественных деятелей. Все они, видимо, заняты переписью дворцового имущества, ибо ходят, рассматривают предметы, развешивают и навязывают ярлыки, причем директор Эрмитажа гр. Дм. Ив. Толстой сидит за длинным столом перед огромной раскрытой книгой — инвентарём и вписывает новые предметы. Никто из присутствующих не замечает меня. За спиной гр. Толстого открывается широкая дверь, в ней появляется мой отец. Он пристально смотрит на меня, и взгляд Его передает мне необходимость ухода, отъезда, также я понимаю, что настало время кощунств и преступлений, и, следуя Указанию, - бегу. Пробегаю какой-то парк, оттуда в лес, бегу зелеными пригорками и холмами, пока не добегаю до небольшого дома с садом и изгородью и уже не могу найти выхода. Понимаю, что посажена в клетку, но страха нет, ибо надо мною синее небо, а изгородь обвита цветущим шиповником. ...Весною мы уехали в Финляндию, жили в небольшом доме с садом и изгородью, был там и шиповник».

24 февраля 1917 г.

Выставка «Мир искусства»

Настоящая выставка, несмотря на отсутствие работ целого ряда наиболее видных членов Общества и участников, каковы Александр Бенуа, Гончарова, П. Кузнецов, Е. Лансере, Сарьян, Серебрякова, А. Яковлев, наглядно показывает, чем являются и должны являться выставки «Мира искусства» в смысле объединения передового современного художества и указания на высоту его уровня. Должны бы только более широко привлекаться сюда художники наиболее новых течений. Дисгармонии нечего бояться. Задачи живописи сейчас до такой степени богаты и разносторонни, что под общим знаменем всё большего и большего отрицания реализма в смысле его протокольной фотографичности могут объединиться самые различные художники. Насколько художники «Союза» ещё связаны этим реализмом, настолько художники «Мира искусства» даже в работах, кажущихся реалистическими, ушли от него. <...>

Внешняя привлекательность выставок «Мира искусства», а настоящей, может быть, особенно, в том, что здесь, при всегдашнем характерном разнообразии, чувствуется напряжённость, добросовестность художественной работы, отсутствие трафаретов, повторений, обусловленных успехом. Многочисленные картины покрывают все стены, щиты и даже простенки между окнами. Общему впечатлению солидности и серьёзности особенно способствуют новые картины Рериха, представляющие целую отдельную выставку. Это новое выступление художника, пожалуй, ещё более ярко, чем было выступление на выставке 1913 года. При обычном богатстве фантазии и тем особенно ярко выступает разнообразие чисто живописных задач. Ясна всё более и более напряжённая работа именно в этом направлении. Отдельные картины разработаны в тонах того или другого преобладающего цвета и на общей выставке звучно контрастируют и в то же время гармонируют, дополняя друг друга. Отдельные задачи как бы разрешаются в красивом аккорде общей согласованности. В связи с тем или иным декоративным живописным характером — самые темы картин, в которых всё более сказывается мистическая струя, нераздельная от фантастики древних преданий, поверий, легенд, местами уходящих в глубину востока.



Н.К. Рерих. Мудрость Ману. 1916.

Чрезвычайно гармоничные сочетания зелёного и фиолетового в большой, очень цельной по композиции картине «Мудрость Ману», где отзвуки востока так сочетаются с прекрасной разработкой мотива гор.

Яркие, частью иконописные тона с преобладанием оранжевого, в «Трёх радостях» - чисто-русской легенде о том, как Илья, Никола и Егорий оказались помощниками в крестьянской работе. Фон с приёмом примитивов - совместительством в одной картине разных эпизодов - чрезвычайно удачно связан с «берендеевскими» избушкой и двором на первом плане. В очень красивых синих тонах выработан «Ковёр-самолёт» и жёлто-зелёных - «Зовущий». Совсем по-новому разработан старый мотив

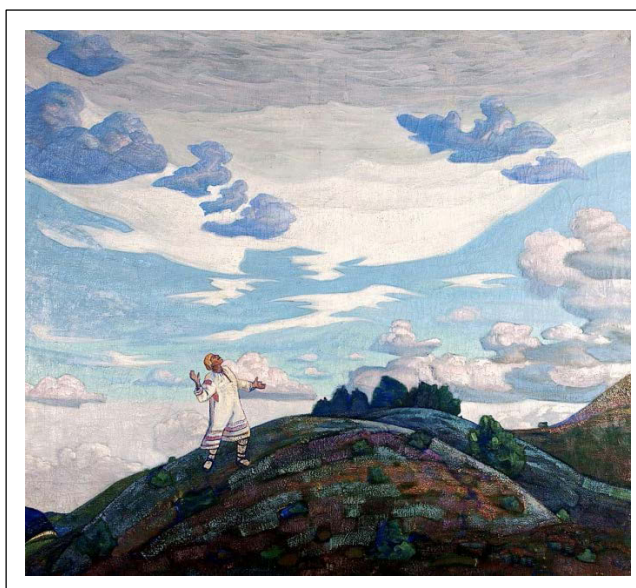
«Волокуч волоком». Замечательно разработаны облака в «Велениях неба». Немало совсем новых мотивов. Иконописный Никола - заботливый к нуждам - вышел со стены из древней церковки обойти зелёную гористую округу, как бы только что радостно омытую дождём и освещенную солнцем. Мечты и грёзы о других мирах, мистические воспоминания в очень оригинальной картине «Мехески - лунный народ», где с такой правдивой силой передана луна на тёмном небе. Может быть, никогда Рерих не проявлял себя столь сильным и тонким пейзажистом, как на настоящей выставке, в таких, например, [картинах] как: «Разлив», «Взгорье», «Озёрная деревня» и особенно «Знак», где небо над горизонтом изумительно по тончайшей передаче тона и в лаконизме передачи так согласован весь пейзаж. Очень хороши рисунки сюиты «Мален», с их поэзией и прочувствованностью архитектурных форм. Словом, уже первая комната, наполненная сорока картинами Рериха, представляет совершенно исключительный интерес....

А. Ростиславов

Речь. 1917. 24 февраля/ 9 марта. № 52. Пятница. С. 2.



Н.К. Рерих. Озёрная деревня. 1915.



Н.К. Рерих. Знамение (Знак). 1915.

25 февраля 1917 г.
Из архива Н.К. Рериха:.

К двери друг подойди.
~~Друг мой, к двери ты~~
~~подойди. Слышишь стучат.~~
3 2 1
Открыть двери не бойся.
Крепко светильник держи,
2 3 1
чтобы вихрь не затушил.
Слышишь, он к двери подходит.
Если открыв, ты ничего
не увидишь – не бойся, он
все-таки здесь. Что должно
придти, то пришло.
Прошедшее встретим.

25 Февраля 1917.

Л. 31.

Встретим,

Выйди смело мой друг.
Дверь входную открой.
Знаю, что
~~Может быть~~ путник идет.
Если у двери нет никого
Ты подожди и всмотрись. ~~в темноту~~
В темноте приблизится некто.
Не бойся его. Заставь себя
не бояться. Добр к дверям
подходя иди. ~~Не думай мой~~
~~друг, грабителя здесь не найдешь.~~
Слышишь. Стучат. Пойди
Крепко светильник
и открой. ~~То что я знаю~~
держи. Не затушил чтобы вихрь.
Если, открыв, ты ничего ~~не ув~~
не увидишь, не бойся – он все-таки

Справа на полях продолжение:

здесь. Что должно придти,
то пришло. Пришедшее
встретим.

Слева на полях дата: 25 Февраля 1917.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/46, л. 30.

25 февраля 1917 г.
(Два варианта стихов)

1. ВСТРЕТИМ

К двери друг подойди.
Не бойся двери открыть.
Крепко светильник держи,
не затушил чтобы вихрь.
Слышишь, он к двери подходит.
Если открыв, ты ничего
не увидишь – не бойся, он
всё-таки здесь. Что должно
прийти, то пришло.
Прошедшее встретим.

25 Февраля 1917.

Отдел рукописей ГТГ, 44/46. Л. 30.

2. ВСТРЕТИМ.

Выйди смело, мой друг.
Дверь входную открой.
Знаю, что путник идёт.
Если у двери нет никого
Ты подожди и всмотришь.
В темноте приблизится некто.
Не бойся его. Заставь себя
не бояться. Добр к дверям
подходя иди. [Не думай, мой
друг, грабителя здесь не найдёшь.
Слышишь.] Стучат. Пойди
и открой. Крепко светильник
держи. Не затушил чтобы вихрь.
Если, открыв, ты ничего
не увидишь, не бойся – он всё-таки
здесь. Что должно прийти,
то пришло. Пришедшее
встретим.

25 февраля 1917 г.

Отдел рукописей ГТГ, 44/46. Л. 31.

27 февраля 1917
Из архива Н.К. Рериха:

**СПИСОК ДЕЛ,
назначенных к слушанию в собрании
Императорской Академии Художеств
на 27 февраля. 1917 г.**

1) Баллотирование Ректора Высшего художественного училища на основании § 68 устава Академии.¹

Собрание Императорской академии Художеств, 30 января 1917 г., вследствие окончания пятилетнего срока избрания в ректоры профессора Л.Н. Бенуа, наметило кандидатов на должность ректора, при участии профессоров и преподавателей искусств Высшего художественного училища, штатных и нештатных, сообщивших письменно имена предлагаемых ими лиц. В числе кандидатов в ректоры намеченными оказались следующие лица: Л.Н. Бенуа (31 голос) и В.А. Беклемишев (4 голоса), причем В.А. Беклемишев просил снять его кандидатуру. Баллотирование Л.Н. Бенуа в ректоры состоится в академическом собрании 27 февраля 1917 г.

Г. г. члены академии, не предполагающие присутствовать в академическом собрании, 27 февраля 1917 года, благоволят, буде того они пожелают, прислать свои голоса за и против намеченного кандидата, адресуя записки на имя секретаря Академии.

2) О стипендии имени профессора И.К. Айвазовского.

Собранию Академии, 24 октября 1916 г., было доложено, что со времени утверждения при Академии стипендии имени профессора И.К. Айвазовского не имеется сведений, кто в течение 15 лет состоял стипендиатом и кто получает ее ныне, так как Феодосийское городское общественное управление, учредившее эту стипендию и обязанное выдавать ее из ассигнуемых им средств, все запросы оставляло без ответа. Вследствие сего собрание постановило просить Таврического Губернатора о разъяснении настоящего дела. в ответ на просьбу Академии, Таврический Губернатор 30 января 1917 г. за № 292, препроводил выписки из доклада Феодосийской городской управы и журнала городской думы.

Из доклада городской думы видно, что 20 сентября 1897 г. состоялось постановление Феодосийской городской думы об учреждении стипендии имени И.К. Айвазовского, в память шестидесятилетней художественной деятельности его, для предоставления возможности получить специальное образование тем лицам, из числа местного юношества, которые проявят свои выдающиеся способности в области прославленного его гением искусства.

В заседании 19 декабря 1897 г. городская дума постановила: 1) для учреждения означенной стипендии образовать капитал в размере 6. 000 руб. ежегодным в течение 6 лет ассигнованием по городским сметам по 1.000 руб., обращая %% с этого капитала на выдачу стипендий, и 2) возбудить в установленном порядке ходатайство о присвоении учреждаемой стипендии наименования «Айвазовского».

На основании вышеприведенного постановления думы от 19 декабря 1897 г. в городские сметы вносилось ежегодно в течение 6 лет, начиная с 1898 г., на образование капитала стипендии по 1.000 руб.; последнее ассигнование сделано по смете 1903 г.

¹ Для Г.г. членов, желающих иметь предварительное совещание о предлагаемых делах, зал заседаний будет открыт в воскресенье, 26 февраля в 8 часов вечера.

Хотя, вследствие того, что бывшим в 1905 г. пожаром уничтожен весь архив, книги и делопроизводство городского общественного управления, представляется весьма затруднительным восстановить все подробности дела, тем не менее в достаточной степени выясняется, что вышеозначенные ассигнования в свое время не передавались куда следует и до настоящего времени остались на бумаге. Так нет этого капитала и до настоящего времени, а потому представляется необходимым образовать его.

В виду того, что капитал стипендии по указанным в докладе причинам до сих пор не составлен, и, принимая во внимание крайне тяжёлое финансовое положение города в переживаемое время, Феодосийская городская дума, соглашаясь с предложением управы, 15 декабря 1916 г., постановила: 1) составление капитала стипендии в размере 6.000 руб. распределить в сметы шести лет, ассигнуя ежегодно в течение этого шести-летнего срока, начиная с 1917 г. по 1.000 руб; 2) в случае, если бы до образования капитала в означенном размере оказался удовлетворяющий требованиям положения о стипендии кандидата, выдавать таковому до окончательного составления капитала ежегодное пособие в размере 300 руб. из прямых на то ассигнований.

Совет Академии, 6 февраля 1917 г., об изложенном полагал внести в собрание.

3) О предоставлении академических зал для устройства выставки фотографий настоящей войны.

Вице-председатель Георгиевского комитета, состоящего под почетным председательством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Н.А. Добровольский обратился в письме от 24 января 1917 г. за № 966, к Секретарю Академии с просьбой о предоставлении академических зал для устройства комитетом в апреле 1917 г. выставки фотографий, относящихся к участию России в настоящей войне.

Совет Академии, 6 февраля 1917 г., приняв во внимание, что после Пасхальной недели в античных залах Академии предполагается устроить отчетную выставку работ учащихся провинциальных художественных школ, полагал предоставить залы в распоряжение Георгиевского комитета, по окончании упомянутой выставки, т.е. в конце апреля 1917 г.

4) О расширении прав оканчивающих архитектурное отделение провинциальных академических училищ.

Совет Киевского художественного училища обратился в Академию с ходатайством следующего содержания:

«Находя весьма желательным дополнить программы по специальным предметам, проходимым в Киевском художественном училище на архитектурном отделении, для исходатайствования увеличения прав, предоставляемых ученикам архитектурного отделения, Совет училища имеет честь предоставить на рассмотрение Совета Императорской Академии Художеств нижеследующие соображения:

Ученики, окончившие полный курс училища по архитектурному отделению, получают звание архитекторского помощника, пользуются относительно поступления на государственную службу и чиновничества правами лиц, окончивших курс в средних учебных заведениях и получают право поступления в Высшее художественное училище при Императорской Академии Художеств и с утверждения Императорской Академии Художеств удостоиваются диплома на звание учителя рисования и черчения в средних учебных заведениях и аттестата об окончании курса.

Поступать же в высшие технические учебные заведения права не имеют, а также не имеют права руководить гражданскими строительными работами.

Программы по общеобразовательным предметам, проходимым в Киевском художественном училище, утвержденные Императорской Академией Художеств, по соглашению с Министерством Народного просвещения, ничем не отличаются от программ, проходимых в реальных училищах, кроме того, на архитектурном отделении

предполагаются некоторые специальные предметы, проходимые в высших технических учебных заведениях.

Таким образом, казалось бы, окончившие курс художественного училища могли бы наряду с окончившими курс в реальных училищах и тому подобных учебных заведениях, поступать в высшие технические учебные заведения, но в уставе Киевского художественного училища говорится только о праве поступать в Высшее художественное училище при Императорской Академии Художеств.

Поэтому некоторые высшие учебные заведения, как например: Лесной, Межевой, Электротехнический Институт инженеров путей сообщения прислали извещения в ответ на ходатайство учащихся, что они допустят учеников, окончивших полный курс Киевского художественного училища к вступительным конкурентным испытаниям, а другие, основываясь на уставе, как, например, Киевский политехнический Институт, Киевский коммерческий институт, Институт гражданских инженеров, в этом отказывают.

Наше училище даёт учащимся техническую подготовку, а также по архитектуре и общеобразовательным предметам, совершенно достаточную для самостоятельного и ответственного производства строительных работ по гражданским сооружениям.

Все высшие технические учебные заведения дают по их окончании право ответственного производства строительных работ, хотя курс многих из этих учебных заведений по гражданской архитектуре гораздо ниже курса училища, не говоря уже о художественной подготовке.

Техники строители, имеющие право производить постройки, получают это право по выдержании экзамена на это звание из курса строительных предметов несколько не выше того, который систематически проходят учащиеся в нашем училище, и на практике такие техники сплошь и рядом менее отвечают требованиям по своим техническим познаниям и художественному развитию, чем окончившие наше училище.

Открывшееся в г. Киеве среднее строительно-техническое училище, программу коего мы представляем, даёт право производить постройки, как указал нам г. и. д. Киевского городского Головы; между тем программа и этого училища по архитектуре не выше нашего училища, а четырёхлетний курс этого училища, при разнообразии и обилии проходимых там предметов заставляя уверенно заявить, что познания учащихся по архитектуре будут там ниже, чем у наших учеников.

Кроме того, получающие образование и в высших технических учебных заведениях и в средних, а также техники строители, изучая строительное искусство с технической стороны, уделяют очень мало внимания изучению архитектурных форм, истории искусств и очень мало рисуют, но, имея право строить, производят зачастую уродливые сооружения не только по всей провинциальной России, в городах уездных и губернских, но и даже в таких крупных центрах, как Киев.

А наши ученики, затратив 7-8 лет на то, чтобы изучить архитектуру, как искусство, постоянно рисуя и изучая архитектурные формы и стили, вынуждены бывают из-за отсутствия прав, по окончании училища, пребывать в бездействии, либо становятся простыми чертежниками в ущерб пользе личной, общественной и государственной.

Совет Киевского художественного училища, в связи с ходатайством о предоставлении прав производства строительных работ окончившим курс архитектурного отделения, находит желательным расширить программу отделения добавлением к специальным предметам следующих: истории русской архитектуры, краткие понятия об аналитической геометрии, знакомство с интегральным и дифференциальным исчислениями, домовая канализация и водопровод, представления небольших проектов с расчетами по отделам специальных предметов и представления отчёта о двухлетней практической деятельности.

В связи с расширением программы курс архитектурного отделения необходимо установить пятилетний, причем к занятиям на архитектурном отделении допускают

учеников, перешедших в 4-й класс по общеобразовательным предметам и по рисованию допущенных к рисованию гипсовых голов.

На основании вышеизложенного, Совет Киевского художественного училища ходатайствует об изменении §§ 29 и 33 устава Киевского художественного училища дополнениями:

В § 29 вместо последних слов: «а в архитектурном отделении не свыше пяти лет», вставить: «курс архитектурного отделения пятилетний, причём к занятиям на архитектурном отделении допускаются ученики, перешедшие в четвёртый класс по общеобразовательным предметам и по рисованию, допущенных к рисованию гипсовых голов».

В § 33 после слов: «звание архитектурного помощника» добавить – «с правом производства гражданских строительных работ и с правом поступления в высшие учебные заведения с соблюдением установленных для приёма в эти учебные заведения правил».

По возбужденному вопросу было запрошено мнение остальных художественных училищ, где есть архитектурные отделения (в Казани и Одессе), каковы мнения ныне поступили, в виду чего Совет Академии, 6 февраля 1917 г., предлагает избрать особую комиссию из архитекторов для рассмотрения настоящего дела.

Для справки должно привести, что в 1907 году академической собрание избрало комиссию для пересмотра учебных планов и программ провинциальных школ, но эта комиссия. Состоявшая под председательством М.П. Боткина, не довела своих работ до окончания, а кроме того, за смертью М.П. Боткина и П.А. Брюллова, состав её уменьшился и в ней числятся В.Е. Маковский, М.Т. Преображенский, Е.А. Сабанеев и П.П. Чистяков.

5) Об окончании учебных занятий в Казанской Художественной школе до праздника Св. Пасхи 1917 года.

Заведывающий Казанскую художественную школу 26 января 1917 г. за № 1926 уведомил, что в заседании педагогического совета 18 января 1917 г. обсуждался вопрос о времени окончания сего учебного года, в виду переживаемого военного времени.

При обсуждении принята была во внимание всевозрастающая дороговизна, которая угрожает бюджету школы и тяжело ложится на материальное положение учащихся, вследствие чего совет постановил ходатайствовать перед Императорской Академией Художеств о разрешении закончить все учебные занятия до Пасхи.

Совет Академии, 6 февраля 1917 г., полагал внести в собрание об удовлетворении изложенного ходатайства.

6) Предложение о художественных приобретениях.

В Академию поступили предложения приобрести нижеследующие художественные произведения: 1) портрет академика С.Ф. Александровского, работы И.Н. Крамского, принадлежащий семье Александровского и 2) портрет академика П.П. Соколова, работы художника А.Н. Степанова (глухонемого), принадлежащий вдове Степанова.

Совет Академии, 6 февраля 1917 г., полагал внести вопрос о приобретении на благоусмотрение собрания, высказавшись против приобретения означенных портретов.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/549, 7 л.

Конец февраля 1917 г.

Предисловие к февральскому выпуску журнала «Аполлон», № 1.

От редакции «Аполлона»

Январская книжка «Аполлона» выходит с большим опозданием. Причин много. Главнейшая – крайняя затрудненность работы в типографии. Книжка, однако, была вся отпечатана в конце февраля, и только последние великие события задержали её на две недели рассылку её подписчикам.

Не имея возможности подробно высказаться в настоящем номере, по поводу этих событий, поскольку они касаются искусства. Редакция «Аполлона» всё же считает нужным наметить в нескольких словах свою точку зрения на ряд вопросов, внезапно вспыхнувших в эти тревожные дни.

Необычайное значение приобрёл вопрос об *охране искусства*, революция, даже самая мирная и единодушная, всегда грозит физической опасностью художественным памятникам страны, в особенности тем, которые обязаны своим бытием низложенному порядку. Не говоря о злом умысле, вероятны всякие увлечения и несчастные случайности, последствия которых могут оказаться роковыми. В виду этого настоятельно необходимо, не теряя ни минуты, усилить деятельность обществ и учреждений, имеющих охрану памятников, создать новые организации на местах, с определёнными охранительными заданиями, объединить усилия печати, всеми способами будить культурное сознание масс, дружно и бескорыстно оберегая национальное художественное достояние.

К сожалению, в первые дни революции, этот общий долг не был достаточно понят художественными кругами. Вместо того, чтобы сплотиться для практических мер охраны. Наши художники заговорили совсем о другом – об учреждении «министерства изящных искусств», как будто новое наспех созданное ведомство, с тем или иным министром во главе (а кто нынче не кандидат в министры «изяществу»?) – надёжный щит от тех бед, которые могут обрушиться на искусство.

Впрочем, учреждение нового министерства, по мнению редакции «Аполлона», не только бесполезно в данное время, но нежелательно и с принципиальной точки зрения. Если есть на свете что-нибудь подлинно свободное, то это искусство. Подчинение всего искусства страны особому ведомству всегда будет либо внешней, формальной опекой, либо опаснейшей из официальных диктатур. Удивительно, как могли, в такие исторические дни, додуматься до этой неверной, притом чисто бюрократической, идеи наши передовые художники, – нельзя же заподозрить их в личных соображениях?

Если России суждена новая эра свободного демократического развития, то тем паче не нужна ей ведомственная централизация искусства. Напротив, нужно поощрять свободную инициативу, частной и общественной инициативы. Разумное правительство призвано всячески содействовать художественному просвещению, защите искусства от вандализма, вольного и невольного, и от своекорыстия разных художественных «капралов». Все существующие ведомства так или иначе соприкасаются с искусством. От самостоятельности общества, при новом ответственном режиме, зависит и выполнение правительством (в совокупности) этих художественных функций. Министры народного просвещения, финансов, торговли и пр., оставаясь политическими, обязаны, если они выражают культуру страны, понимать значение искусства для народа. Но искусство – не политика, и потому над ним не должно быть министра... как бы охотно ни записывались кандидатами в министры наши художественные мечтатели.

Аполлон. 1917. № 1. Январь-февраль.

МАРТ

2 марта 1917 г. Псков.
МАНИФЕСТ Николая II

Приложение к № 18 Под. Губ.Вед. 1917 г. Цена 6 коп.

Высочайший Манифест

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
И прочая, и прочая, и прочая.
Объявляем всем верным Нашим подданным:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние волнения грозят отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской Нашей Армии, благо народа, всё будущее дорогого Нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная Армия Наша, совместно со славными Нашими Союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить Народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть. Не желая расставаться с любимым сыном Нашим, Мы передаём наследие Наше брату Нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены. Принеся в том ненарушимую присягу во имя любимой Родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь Ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества Рукою написано:
«НИКОЛАЙ»

Дан 2 марта 15 часов 1917 г.
Город Псков.

Скрепил Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант Граф Фредерикс.

4 марта 1917 г.

РЕВОЛЮЦИЯ И ИСКУССТВО

4 марта по инициативе М. Горького собралось более 50 деятелей искусств, избравших комиссию, в состав которой вошли кн. В. Аргутинский-Долгоруков, Александр Бенуа, Билибин, М. Горький, Добужинский, Каратыгин, Н. Лансере, Лукомский, Петров-Водкин, Рерих, Фомин, Шаляпин. На другой же день представители комиссии предложили Временному Правительству свои услуги по устройству художественных дел, встретили сочувствие, и 13 марта по предложению Ф. А. Головина, комиссара над бывшим Министерством Двора, организовалось «особое совещание по делам искусства»....

Аполлон. 1917. Февраль-март. №2-3. С. 64-72.

Из архива Н.К. Рериха:

[Март 1917 г.]

СПИСОК

Членов Особого Совещания по делам искусств при Комиссаре на бывшем Министерством Двора и Уделов.

В какую Комиссию выбран

Членом:

Председатель

1. ПЕШКОВ /Максим Горький/.
Алексей Максимович
Кронверкский пр. 23
Телеф. 212-68

1/ Театральную,
2/ По художественному образованию,
3/ Законодательную.

Товарищи Председателя:

2. БЕНУА, Александр Яковлевич
В.О. Первая линия 38
Телеф. 485-72

1/ Музейную и охраны памятников искусства, 2/ Строительную,
3/ По казенным заводам и типографиям, 4/ По художественному образованию, 5/ Законодательную.

3. РЕРИХ, Николай Константинович
Мойка, 83
Телеф. 120-62

1/ Музейную и охраны памятников искусства, 2/ Строительную,
3/ По художественному образованию,
4/ Законодательную

Секретари:

4. ГРЖЕБИН, Зиновий Исаевич
Песочная 24 а
Телеф. 70-00

1/ По казенным заводам и типографиям,
2/ По художественному образованию

5. ДОБУЖИНСКИЙ, Мстислав Валерианович
В.О. 11-я линия <90>
Телеф. 580-49

1/ Театральную, 2/ Торжеств,
3/ По казенным заводам и типографиям, 4/ По художественному образованию.

Члены:

- | | |
|--|---|
| 6. АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКОВ,
Владимир Николаевич
Миллионная 11
Телеф. 426-23 | 1/ Музейную и охраны памятников искусств, 2/ По казенным заводам и типографиям, |
| 7. БИЛИБИН, Иван Яковлевич
Греческий пр. 12, кв. 30
Телеф. 656-95 | 1/ Музейную и охраны памятников искусств, 2/ Торжеств, 3/ По казенным заводам, 4/ По художественному образованию. |
| 8. ЗАВАДСКИЙ /Сенатор/ | Законодательную. |
| 9. КАРАТЫГИН, Вячеслав Гаврилович
Александровский 3. Телеф. 161-31 | Музыкальную. |
| 10. КАРТАШЕВ, Антон Владимирович
Кавалергардская 22
Телеф. 264-15 | 1/ Торжеств, 2/ По казенным заводам и типографиям. |
| 11. ЛАНСЕРЕ, Николай Евгеньевич
В.О. Тучкова наб. д. 2 /1-18, кв. 13
Телеф. 521-83 | 1/ Музыкальную,
2/ Строительную. |
| 12. ЛУКОМСКИЙ
Георгий Крескентьевич
Каменноостровский 65.Телеф. 243-73. | 1/ Музейную, 2/ По казенным заводам и типографиям |
| 13. МАКАРОВ, Павел Михайлович
Разъезжая 3 38
Телеф. 417-21 | 1/ Музейную
2/ Законодательную. |
| 14. НАРБУТ, Егор Иванович
Эртелев переулок, 4, кв. 6
Телеф. 141-29 | 1/ Музейную, 2/ Торжеств
3/ По казенным заводам и типографиям. |
| 15. НЕВЕДОМСКИЙ /Миклашевский /
Михаил Петрович
Георгиевская 81. Телеф. 451-760 | 1/ Торжеств |
| 16. НЕКЛЮДОВ, Петр Алексеевич
Михайловская пл. 3. Телеф. 92-05 | 1/ Законодательную |
| 17. НУВЕЛЬ, Вальтер Федорович
Галерная, 12. Телеф. 494-61 | 1/ Музыкальную |
| 18. ПЕТРОВ-ВОДКИН,
Кузьма Сергеевич
В.О. 18 линия № 9. Телеф. 606-89 | 1/ Музейную и охраны памятников искусств, 2/ Торжеств,
3/ По художественному образованию |
| 19. СОКОЛОВ, Николай Дмитриевич
Сергиевская 81.Телеф. 451-76 | 1/ Торжеств,
2/ Законодательную |

- | | |
|--|---|
| 20. ТИХОНОВ, Александр Николаевич
Кронверкская ул. 20, кв. 8
Телеф. 245-80 | 1/Театральную, 2/ Торжеств,
3/ По казенным заводам и типорга-
фиям.
4/ По художественному образованию,
5/ Законодательную |
| 21. Фомин, Иван Александрович
В.О. Кадетская 29.
Телеф. 159-10 | 1/ Торжеств, 2/ Строительную.
3/ По художественному образова-
нию, 4/Законодательную. |
| 22. ШАЛЯПИН, Федор Иванович
Пермская ул. 2 б. /Аптека.остр./
Телеф. 606-14 | 1/ Театральную,
2/ Торжеств |
| 23. ЩУКО, Владимир Алексеевич
Каменноостровский 65
Телеф. 195-94 | 1/Торжеств,
2/ Строительную
1/ По художественному образованию |

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1098, 2 л.

6 марта 1917 г.

ОХРАНА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

4-го марта под председательством М. Горького состоялось совещание художников и деятелей искусства. На совещании было указано на необходимость принять меры по охране брошенных дворцов, представляющих художественную ценность, и всего имущества, находящегося в этих дворцах.

Совещание избрало особую депутацию в составе: А. Н. Бенуа, Ф. И. Шаляпина, М. В. Добужинского, М. Горького, К. С. Петрова-Водкина, Н. К. Рериха и И. А. Фомина, для того чтобы она посетила представителей Временного Правительства и указала им на необходимость принять немедленно меры к охране дворцов и художественных коллекций.

5-го марта депутация беседовала с министрами Временного Правительства и с членом Г. Думы Н. Н. Львовым, назначенным комиссаром по делам, касающимся искусства.

Временное Правительство вполне согласилось с необходимостью принять меры к охране художественных ценностей и образовало комиссариат для охраны художественных ценностей в составе: члена Г. Думы П. А. Неклюдова, Ф. И. Шаляпина, М. Горького, А. Н. Бенуа, К. С. Петрова-Водкина, М. В. Добужинского, Н. К. Рериха и И. А. Фомина.

В художественных кругах возник вопрос об образовании вместо Министерства Императорского Двора - Министерства изящных искусств.

Биржевые ведомости. 1917. 6/19 марта. Вечерний выпуск. № 16121.

**ЗАЯВЛЕНИЕ «КОМИССИИ ГОРЬКОГО»
В СОВЕТ МИНИСТРОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Желая оградить памятники искусства от уничтожения, мы, нижеподписавшиеся, решили образовать при Временном правительстве Комиссию по делам искусства, в которую вошли бы как нижеподписавшиеся, так равно и другие лица, участие в деле принесло бы пользу.

В ближайшие задачи Комиссии входят: 1) охрана памятников старины, 2) разработка проектов памятников борцам за свободу. 3) устройство народных празднеств и 4) разработка вопросов, связанных с текущим моментом, так равно и жизнью и развитием русского искусства.

Председатель Комиссии М. Горький.

Товарищи председателя Н. Рерих и А. Бенуа. Секретарь М. Добужинский.
Члены Комиссии: Билибин, Петров-Водкеин, Щуко, Шаляпин, Маяковский [...]

РГИА, ф. 471, год 1917. оп. 17, доб., № 2345, л.1.

**ЗАЯВЛЕНИЕ «КОМИССИИ ГОРЬКОГО»
В СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.**

Комиссия по делам искусства, занятая разработкою вопросов, связанных с развитием искусства в свободной России, единогласно постановила предложить свои силы в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов для разработки вопросов об охране памятников старины, проектирования новых памятников, составления проекта положения об органе, ведающем делами изящных искусств, устройства народных празднеств, театров, разработки проекта гимна свободы и т.п.

М. Горький, Н. Рерих, А. Бенуа, М. Добужинский

РГИА, ф. 471, год 1917. оп. 17, доб., № 2345, л. 2.

8 марта 1917 г.

ВОЗЗВАНИЕ «КОМИССИИ ГОРЬКОГО» ПО ВОПРОСАМ ИСКУССТВА

Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане! Берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания – это воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство – это то прекрасное, что талантливые люди имели создать даже под гнётом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – всё это ваша история, ваша гордость. Помните, что всё это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство.

Известия. 8 марта 1917. № 9.

12 марта 1917 г. Москва.

Театр в дни революции

В художественных и артистических кругах передают о том, что за последние дни подадут об организации Министерства искусства.

Кандидатами на должность управляющих новым Министерством называют С.П. Дягилева, известного художественного деятеля, редактора журнала «Мир искусства», имевшего громадное влияние в деле обновления русского искусства, и Александра Н. Бенуа, популярного художественного критика.

Ближайшими их помощниками называют художников Н.К. Рериха, гр. В.П. Зубова, С. Маковского, П. Муратова и др.

Рампа и жизнь (Москва). 1917. 12 марта. № 10-11. С. 5.

13 марта 1917 г.

Особое художественное совещание

13 марта Ф.А. Головиным, комиссаром Временного Правительства по ведомству бывшего Министерства Двора, организовано особое совещание при участии помощника комиссара Временного Правительства П.П. Макарова. В состав совещания, задачи которого – обсуждение и выработка мероприятий по охране художественных богатств, находящихся в установлениях ведомства, реформе и объединению деятельности этих установлений, вошли: кн. В. Аргутинский-Долгоруков, Александр Бенуа, Библибин, И Грабарь, З. Гржебин, М. Добужинский, С. Завадский, В. Каратыгин, А Карташёв, Н. Лансере, Г. Лукомский, Е. Нарбут, П. Неклюдов, К. Петров-Водкин, А. Пешков (М. Горький), Н. Рерих, Н. Соколов, А. Тихонов, И. Фомин, Ф. Шаляпин, В. Щуко, А. Щусев. Кроме того, уже после 13 марта было кооптировано ещё несколько лиц. Заседания совещания происходят в Зимнем дворце.

Речь. 1917. 21 марта / 3 апреля. № 68. С. 6.

13 марта 1917 г.

Из архива Н.К. Рериха:

ПОЛОЖЕНИЕ КОМИССИИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ КОМИССАРЕ (бывшем Министерстве Двора и Уделов)

[Начало (стр. 1,2) в документе отсутствует]

Стр. 3.

з/ Комиссия имеет право ходатайствовать об усилении средств музеев как столичных, так и провинциальных.

и/ Комиссия высказывает пожелания для руководства при составлении законопроекта о Ведомстве Изящных Искусств в той его части, которая касается государственных музеев и художественных библиотек и охраны памятников.

к/ Эта комиссия может разделиться на два отдела: Охраны памятников и Музейного дела.

2. КОМИССИЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ.

а/ Являясь частью Особого Совещания, Комиссия состоит совещательным органом при комиссаре бывшего М-ва Дв. по всем архитектурным вопросам.

б/ Комиссия следит за государственной архитектурной деятельностью во всём государстве и указывает меры её улучшения как по поводу отдельных случаев, так и по вопросу об общем её направлении.

ПРИМЕЧАНИЕ: Желательно: а/ чтобы комиссия безотлагательно приняла бы меры к спасению дела украшения Дворцового моста;

б/ чтобы приняты были бы меры к упразднению садика на разводной площадке. При этом Комиссия может дать идею «Памятника революции», имеющего быть на ней воздвигнутого; в дальнейшем она должна объявить именной конкурс для этого памятника;

в/ чтобы она заявила о необходимости сохранить стены выгоревшего здания Окружного Суда и составить проект для его переработки под новые нужды;

г/ чтобы она сделала то же самое по отношению к Лиговской тюрьме;

д/ чтобы она сделала то же самое по отношению к зданиям «Новой Голландии» и «Пеньковского буяна».

в/ Комиссия должна выработать проект тех статей будущего законопроекта о Ведомстве Изыщных Искусств, которые касаются архитектуры в ее соприкосновении с государственными интересами. Отчасти ее работы и здесь совпадают с работами Комиссий Охраны памятников и Художественного Образования. Особенное внимание надлежит обратить на планомерность застройки больших городских центров. – Необходимо сочетать здесь принципы самопочина и самоуправления с известным объединяющим все государственные архитектурные работы духом цельности.

ОБЩЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ. Во всех своих работах Комиссия должна быть исполнена сознанием необходимости в обновлении самого характера архитектурной жизни в обновленной России. Этот новый характер должен отвечать величию переживаемого момента. Но время робких подражаний прошло. Должен восторжествовать стиль над эклектической стильностью. Истинная демократия требует от своих художников во-первых свободы и вдохновенного творчества. Необходимо, чтобы сейчас выявился особый характер архитектуры, отвечающий требованиям целесообразности, простоты удобства. Красота, опирающаяся на одну пышность, не в духе нашего времени. Желательно было бы устроить и ряд публичных выступлений с кафедры и в печати, которые учили бы общество и художников, чем следует задаваться и каких искать путей.

3. КОМИССИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТОРЖЕСТВ

И

«ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ»

а/ Комиссия, являясь частью Особого Совещания, состоит совещательным органом при комиссии бывшего М-ва Двора и должна давать свои заключения по всем тем вопросам «показной» жизни государства, которые находились в дореволюционном режиме в ведении М-ва Двора.

б/ Комиссия должна выработать те статьи законопроекта о Ведомстве Изыщных Искусств, которые имеют своею целью обслужить государство в его выступлениях официального характера, в его участии в народных манифестациях и в его художественно-просветительной деятельности.

в/ В ближайшие задачи Комиссии входит: а/ выработка проекта революционного календаря; б/ составление проекта торжественного ознаменования разных моментов освободительного движения в России. В первую очередь, она должна озаботиться о грандиозных празднествах, приуроченных к празднику свободы 1 Мая и к ближайшему 14-го Декабря, и подготовиться к «празднику мира».

г/ На обязанности комиссии лежит самое оборудование и участие государства в означенных торжествах. При этом ей необходимо войти в контакт с установлениями, ведающими финансовой стороной государственной жизни.

д/ Комиссия вырабатывает идеи памятников, которые будут сооружены в память главнейших событий и деятелей освободительного движения. В этой своей функции Комиссия находится в тесном контакте с комиссией строительной.

г/ Комиссия сочиняет проект нового государственного герба, причём желательно, чтобы в основу его был принят принцип английского герба (исторического наслоения), а не французского (полное обновление).

д/ Сочиняет проект новой государственной печати.

е/ Сочиняет проект новых денежных знаков и почтовых марок.

ПРИМЕЧАНИЕ: По всем четырём последним пунктам Комиссия может идти путём объявления конкурсов.

д/ Комиссия заботится о наибольшем распространении художественных идей в народе.

ОБЩЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ: Не может быть речи о пользовании формами показной жизни старого режима. Надлежит и здесь идти путем совершенной свободы и в сознании торжества демократических принципов. В области распространения художественных идей комиссия должна, однако, быть озабоченной тем, чтобы вопросы чистой красоты отнюдь не приносились в жертву демагогическим приемам.

Стр. 6.

4. КОМИССИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАВОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

а/ Являясь частью Особого Совещания, Комиссия состоит совещательным органом при комиссии бывшего М-ва Двора по всем вопросам, касающимся художественных заводов, находившихся в ведении этого Министерства.

б/ В первую очередь Комиссия предпринимает шаги для возвращения в ведение комиссариата заводов Фарфорового и Гранильных.

в/ Комиссия следит за деятельностью государственных учреждений художественного промышленного типа, находящихся в ведении других Министерств, напр., за деятельностью Государственной Типографии и аналогичных органов при Академии Наук, Синоде и Сенате, а также за Экспедицией Заготовления Государственных Бумаг и Монетным двором.

г/ Комиссия разрабатывает те статьи законопроекта о Ведомстве Изящных Искусств, которые должны объединить в одно целое все эти учреждения, при непрременном сохранении за каждым из них большой самостоятельности.

ОБЩЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ: В основу всей жизни в этой сфере нужно поставить ощущение наибольших материальных возможностей и отнюдь не руководствоваться желанием превратить эти заводы в источники прибыли для государства. – В идеале мерещится создание на очень широкую ногу того, что [при] Людовике XIV было объединено Кольбером под названием Manufacture ded Gobelins.

5. МУЗЫКАЛЬНАЯ КОМИССИЯ.

а/ Являясь частью Особого Совещания, Комиссия состоит совещательным органом при комиссаре бывшего М-ва Двора по всем вопросам текущей жизни в учреждениях музыкального характера, находившихся в ведении бывшего Министерства /Певческая капелла, Придворный оркестр, отчасти консерватория и опера/

б/ Составляет статьи законопроекта о будущем Ведомстве Изыщных Искусств, долженствующие регулировать музыкальную жизнь в её соприкосновении с государством.

в/ Комиссия предпринимает шаги для собирания и хранения «Музыкальных памятников» (собрание и сводка народной, солдатской, фабричной, уличной песни; грамофонная запись; экспедиции, предпринимаемые с этой целью).

г/ Комиссия предлагает меры для распространения русской музыки за границей и на пространстве русского государства.

д/ Комиссия принимает ближайшее участие в работах Комиссии Торжеств.

е/ Комиссия находится в контакте с Комиссией Художественного образования.

ж/ В ближайшие задачи Комиссия входит выработка как условий конкурса будущего гимна русского государства, так и той торжественной обстановки, при которой состоится самое состязание.

6. КОМИССИЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ

а/ Являясь частью Особого Совещания, Комиссия состоит при комиссаре бывшего М-ва Двора в качестве совещательного органа по делам, касающимся государственных театров.

б/ Принимает шаги к тому, чтобы театры были возвращены под общее объединённое начало Комиссаров бывшего М-ва Двора.

в/ Комиссия находится в ближайшем контакте с комиссией «Музыкальной» и «Торжеств» и принимает непосредственное участие в их текущей действительности.

г/ Комиссия вырабатывает пожелания, могущие служить материалом и руководством при составлении законопроекта о будущем Ведомстве Изыщных Искусств, в той части его, которая касается жизни государственных театров.

д/ Комиссия должна выработать условия широкого распространения в народе театра художественного порядка. Желательно, чтобы были найдены способы каких-то передвижных театров.

ОБЩЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ: Комиссия должна уяснить вопрос о желательности государственных театров. Комиссия должна найти такие условия строя государственных театров, которые гарантировали бы им значительную автономность, но в то же время берегли важнейшее начало личной инициативы и руководства.

Комиссия должна разработать вопрос о том, что в ведении государственных театров принадлежит общей регламентации (что подлежит ведению общей дирекции) и что желательно приурочить к деятельности отдельных театров.

Комиссия должна выяснить, какую цель должны вообще преследовать государственные театры. Нужно ли, чтобы они служили только органам «охраны памятников», театральной литературы (включая сюда балет и оперу), или же они могут без вреда для художественной чистоты своей задачи, служить выражением известных настроений и идей, присущих государству в данный исторический момент – словом, должны ли быть музеями или могут быть трибуною. Возможно, что вследствие политического кризиса, вторая из функций государственных театров должна временно доминировать над первой; вероятно, часть театров будет превращена в трибуны, с которых станут раздаваться призывы к свободе, вселять ужас перед рабством, необходимость универсального братства, ненависть ко всем тем узким сепаратистским теориям, посредством которых старый режим развратил общественную мысль и совесть. В частности, государственные театры должны смело порвать с той идеологией, которая привела к тому, что были сняты с репертуара лучшие произведения немецкой литературы и музыки.

7. КОМИССИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

а/ Являясь частью Особого Совещания, Комиссия служит совещательным органом при комиссаре по текущим вопросам, касающимся Академии Художеств с сеть зависящих от неё учреждений, а также других аналогичных учреждений, находящихся в ведении М-ва Двора.

б/ Комиссия вырабатывает пожелания, долженствующие лечь в основу в составлении той части законопроектов о Ведомстве Изящных Искусств, которая касается художественного образования.

в/ Комиссия предпринимает шаги, дабы пробудить в других учреждениях, преследующих цели художественного образования, сознание момента. Особенное внимание надлежит обратить на Училище барона Щтиглица, являющееся образцом совершенной мертвенности.

ОБЩЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ: В своей деятельности Комиссия должна иметь в виду, что искусство обновлённого русского государства не может сохранить табель о художественных регалиях и все привилегии и права, что широкая струя общественности должна постоянно освежать деятельность художественных органов, что в то же время и для успешного творчества необходимо опираться на принцип самодеятельности и широкой личной инициативы. Не меняя уставов уже существующих учреждений, Комиссия, руководствуясь этими основными положениями, может сказать много пользы, предлагая те меры, которые явились бы и драгоценным опытом для будущих законодателей. В первую очередь нужно озаботиться о том, чтобы всюду были удалены лица определённого склада мышления, соответствующего в политическом плане с тем, что носит название черносотенства. Абсолютно вредными лицами нужно считать Г.И. Котова, В.К. Маковского, А.Н. Померанцева.

8. КОМИССИЯ, СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЗАКОНОПРОЕКТ О БУДУЩЕМ «ВЕДОМСТВЕ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ»

а/ Комиссия имеет два рода заседаний – замкнутый и общественный. В первых, участвуют лишь назначенные Комиссаром члены. Во вторых и посторонние лица, которые приглашаются для уяснения отдельных вопросов, делегаты от различных обществ и групп, представители ведомств.

б/ Комиссия входит в сношения со всеми обществами и кружками, о которых известно, что они заняты однородными вопросами. Она вырабатывает и условия их сотрудничества в общем деле.

в/ Перед внесением на рассмотрение и утверждение в законодательные учреждения Комиссия должна подвергнуть свою работу обсуждению выборных от различных художественных обществ и присовокупить все их пожелания и проекты к своему проекту. Окончательное решение вопроса предоставляется законодательным учреждениям, в которых, однако, должны быть призваны на правах докладчиков и экспертов лица, работавшие над проектом.

Комиссия вырабатывает самую форму этого общего собрания художников и условия участия в нём.

г/ Комиссия для большей целесообразности распадается на ряд отделов (могуших явиться как бы ячейками будущих делений Ведомства Изящных Искусств).

А/ Общих дел. Он же юридический и финансов.

В/ Музеев, библиотек и охраны памятников.

С/ Торжеств, театров и музыки.

Д/ Художественного образования, и распространения художественной культуры (этому же отделу подлежит вопрос о выставках).

Е/ Кустарного дела и художественной промышленности.

Г/ Строительный.

ПРИМЕЧАНИЕ: Каждый отдел насчитывает не более пяти человек членов, но имеет право кооперировать нужных людей (не превышая общего количества в 9 чел.) и приглашать отдельных лиц в случае надобности.

Ж/ Отдел А имеет сначала выработать в срочном порядке инструкции, касающиеся всего хода работ Комиссии, после чего и начнётся деятельность других отделов, долженствующая находится в постоянном контакте с отделом А.

Отдел А. заботится о координировании деятельности всех отделов.

В основе деятельности Комиссии законопроекта должно лежать ясное разделение между идеями: 1/ нужд искусства, как профессии; 2/ нужд государства в искусстве и 3/ возможностей государства в области искусства. Материальные нужды искусства имеют скорее касательство к ведомству торговли, финансов и юстиции. Вопросы о художественной собственности и обеспечении художников не должны обременять внимание комиссии.

Напротив, вопрос о нуждах государства в искусстве и вопросы о возможностях государственного искусства должны влиять решительным и последовательным образом на выработку условий законопроекта. Государство нуждается в сохранении памятников своей истории, в сохранении преемственности по целому ряду явлений, в придаче подобающей торжественности своим выступлениям, в зданиях, в придаче зданиям особого характера, отвечающего величию государственной идеи, в распространении художественной культуры среди населения и, в первую очередь, в ознакомлении общества с искусством родины, в кадрах лиц, заведывающих государственными установлениями художественного порядка, и лиц, творящих государственное искусство. С другой стороны, никакая частная инициатива не обладает такой массой возможностей, какой обладает государство, и это обилие возможностей обязывает государство их использовать.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1099, 5л.

А. Ростиславов

Закрепление позиций за гранью реализма (По поводу выставок «Союза» и «Мира искусства»)

...Исключительный материальный успех имела, например, выставка «Союза русских художников», почти вся распродана. Блестяще шла продажа и на выставке «Мир искусства», даже в послереволюционные дни.

<...> Если правда, что «Союз» давно уже на каждой выставке «повторяется», то, с другой стороны, вряд ли справедливо мнение, что старый «Мир искусства» гонится за новизной для придания себе «свежести» и с этой целью пополняет свои ряды чуждыми ему художниками. Ведь и на самых первых выставках «Мир искусства», почти 20 лет назад, группировались очень различные художники. И в этом теперь (как и прежде) чувствуется определённый принцип объединения художества, ставшего за гранью реализма. Пути за этой гранью могут расходиться в разные стороны – от стилизации, обусловленной ретроспективностью, от изысканной графичности до нового понимания природы в смысле выбора и сочетания её отдельностей и в смысле передачи прежде всего плотности, материальности, силы красок. <...>Рерих, выступивший на последней выставке «Мир искусства» с сорока картинами, - фантаст-историк, рассказчик легенд, даже оккультист и мистик (картины «Три радости», «Веления неба», «Мехески – лунный народ» и другие) и в то же время – пейзажист-реалист, что так

сказывается в картинах «Разлив», «Взгорье», «Озёрная деревня» и особенно в тончайшей передаче тона неба в картине «Знак». Но очевидно также и то, что во всех замыслах художника царят задачи красок. Мало того: целым собранием картин ему как бы нужно подчеркнуть общую согласованность контрастности и в то же время гармоничности отдельных цветовых задач. ...

Аполлон. 1917. Февраль-март. № 2-3. С. 80-82.

Всеволод Воинов

Собрание А.А. Коровина

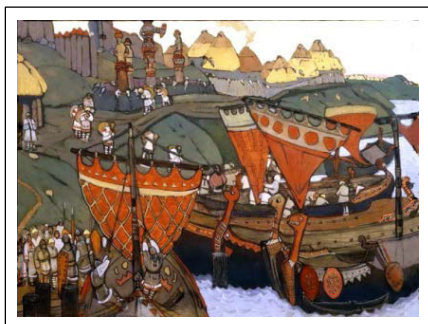
... Четыре произведения Рериха интересны сопоставлением начала и вершины его деятельности. Эскиз к академической программе «Сходятся старцы» свидетельствует о том, что художник первоначально задавался передачей светотени, без особо ярко выраженного стилизма, который в полной мере проявился лишь впоследствии, чему в собрании являются свидетелями гуаши: «Славяне на Днепре», «Небесный бой» и «Иноземные гости». Картины эти – прекрасные образцы богатой, насыщенной яркими красками палитры Рериха, всё более и более осознававшего себя, с годами, как колориста и композитора. ...

Собрание А.А. Коровина

<...> Н.К. Рерих. «Славяне на Днепре» (темп. и паст.). «Небесный бой» (темп. и паст.). Эскиз к картине «Сходятся старцы» (масло). «Иноземные гости» (масло). ...

Аполлон. 1917. Февраль-март. № 2-3. С. 1-27.

Четыре произведения Н.К. Рериха из собрания А.А. Коровина:



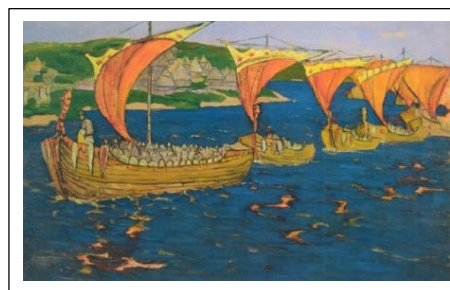
Славяне на Днепре. 1905.



Небесный бой. 1912.



Сходятся старцы. 1898. Эскиз.



Иноземные гости. Нач. 1901.

(В настоящее время все 4 картины находятся в собр. Государственного Русского музея. Поступили в 1920 г. из собрания А.А.Коровина) .

18 марта 1917 г.

Приглашение на собрание общества «Памяти Декабристов»

(Отпечатано в типографии)

Милостивый Государь

Николай Константинович!

Группа художников и писателей, решив основать Общество памяти Декабристов, наметила следующие цели и задачи учреждаемого единения:

- 1) Организация всенародной подписки на памятник;
- 2) Организация конкурса по постановке памятника;
- 3) Постановка памятника Декабристам;
- 4) Ознакомление народных масс с идеалами и движением Декабристов;
- 5) Издание и переиздание сочинений и портретов Декабристов;
- 6) Изучение идей и движения Декабристов;
- 7) Организация музея Декабристов;
- 8) Отыскание и охрана могил Декабристов;

Нижеподписавшиеся имеют честь пригласить Вас, м.г., пожаловать на **УЧРЕДИТЕЛЬНое СОБРАНИЕ** Общества, памяти Декабристов в помещение Библиотеки Академии Художеств, в Субботу, 18 марта 1917 г, в 8 часов вечера.

В.А. Беклемишев, В.П. Матэ, И.Е. Репин, И.А. Фомин,

Герман Лопатин, Вера Засулич, В.В. Водовозов, Лонгин Ф. Пантелеев.

Ф.Д. Батюшков, Максим Горький, Н.И. Иорданский,

В.А. Апушкин, А. Евг. Кауфман, Я.Н. Колубовский, В.В. Святловский.

Тип. Н.Г. Мазур. Садовая 61. Тел. 78 – 95.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1101. 1л.

31 марта 1917 г. Петроград.

В Императорском Обществе поощрения художеств.

Художественные вести

В экстренном общем собрании Общества поощрения художеств выработано обращение к Временному Правительству. Решено переименовать Общество во **Всероссийское Общество поощрения художеств**. Избраны в действительные члены кн. В.Н. Аргутинский-Долгоруков и гр. П.Н. Игнатьев; избран комитет в составе вице-председателя А.Е. Лагорио, секретаря И.М. Степанова, казначея Е.Н. Фену, директора школы Н.К. Рериха, директора музея С.П. Яремича, членов С.И. Шидловского, Е.Н. Волкова, В.А. Щавинского, П.П. Гнеди-

ча, В.Д. Дурдина, бар. Н.А. Типольта, В.А. Галецкого и кандидатов в члены Бориса Константиновича Рериха, А.В. Руманова и Н.П. Химоны.

Закрылась выставка «Мир искусства». Посетителей было около 9000 человек. Продано приблизительно на 10 000 рублей. Проданы преимущественно произведения Рериха, Григорьева, Чехонина, Добужинского, Билибина, Кустодиева и Остроумовой-Лебедевой.

Речь. 1917. 31 марта / 13 апреля № 76. С. 5.

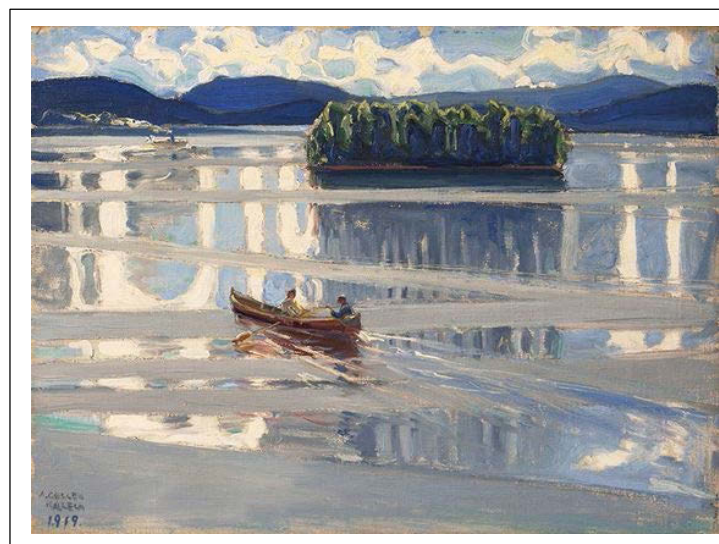
31 марта 1917 г. Петроград.

ВЫСТАВКА ФИНСКОГО ИСКУССТВА

3-го апреля открывается на Марсовом поле выставка финского искусства, устраиваемая Художественным бюро Н.Е. Добычиной. Во главе выставки стоит почётный комитет, в который входят: Н.И. Альтман, Л.Н. Андреев, А.Н. Бенуа, В.Н. Аргутинский-Долгоруков, М.Е. Буренин, М. Горький, Ф.А. Головин, А.К. Глазунов, И.Э. Грабарь, А.И. Зилоти, В.Г. Каратыгин, А.Ф. Керенский, П.М. Макаров, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, А.П. Остроумова-Лебедева, С.С. Прокофьев, Н.К. Рерих, И.Е. Репин, Ф.И. Родичев, К.А. Сомов, гр. Д.И. Толстой, В.Н. Фигнер, Ф.И. Шаляпин и Н.Н. Шмаков.

На открытие выставки приглашены члены Временного Правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Ожидаются видные представители Финляндии.

Речь. 1917. 31 марта / 13 апреля. № 76. С. 4.



Аксель Галлен-Каллела. В краю озёр.

АПРЕЛЬ

1 апреля 1917 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ

При старом государственном строе, в тех ненормальных условиях, при которых развивалась наша художественная жизнь, во многих городах задуманы, а частью даже и осуществляются разного рода памятники.

Исходя из того, что значительная часть их не удовлетворяет требованиям художественного вкуса, Особое совещание по делам искусств при комиссаре над бывшим Министерством Двора и уделов и Комиссия по делам искусств, утверждённая при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, постановили обратиться ко всем правительственным и общественным учреждениям, в ведении которых находится сооружение этих памятников, в особенности предназначенных к увековечению памяти династии Романовых, с настоятельной просьбой приостановить все работы по созданию этих памятников, а о проектах в начатых работах довести до сведения Особого совещания по делам искусств (Зимний дворец).

Председатель М. Горький.

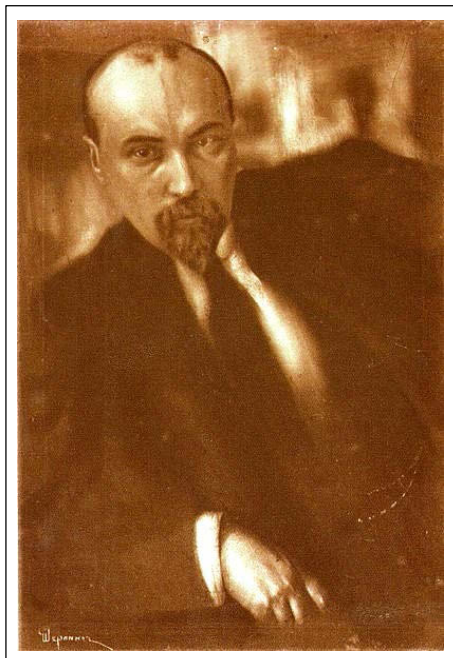
Товарищи председателя Н. Рерих, А. Бенуа.

Русская воля. 1 апреля 1917. № 44.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара 1999.

[ФОТОПОРТРЕТ]

Работы художника светотипии М. Шерлинга.



Н.К. Рерих

Искусство. 1917. № 3-4. Между с. 16-17

12 апреля 1917 г. Петроград.

Особое художественное совещание

13 марта при комиссаре по ведомству бывшего Министерства Двора Ф.А. Головине образовано особое художественное совещание, в состав которого вошли: кн. В. Аргутинский-Долгоруков, Александр Бенуа, Билибин, И Грабарь, З. Гржебин, М. Добужинский, С. Завадский, В. Каратыгин, А. Карташёв, Н. Лансере, Г. Лукомский, Е. Нарбут, П. Неклюдов, К. Петров-Водкин, А. Пешков (М. Горький), Н. Рерих, Н. Соколов, А. Тихонов, И. Фомин, Ф. Шаляпин, В. Шуко, А. Щусев. Кроме того, уже после 13 марта было кооптировано ещё несколько лиц. Заседания совещания происходят в Зимнем дворце.

Деятельность названного совещания, задачи которого, как сообщает газета «Речь», состоят в обсуждении и выработке мероприятий по охране художественных богатств, находящихся в установлении ведомства и реформе и объединении деятельности этих установлений, возбуждает к себе весьма несочувственное отношение со стороны художников самых разнообразных направлений. То определённо выразилось в целом ряде речей на делегатских собраниях образовавшегося союза деятелей искусства, на организационном собрании союза в Михайловском театре 12 марта и в единогласном постановлении собрания Общества архитекторов-художников (см. соответствующий отчёт в настоящем номере).

Несомненно, что среди проникающих в печать распоряжений и воззваний, к которым в той или иной форме причастно названное художественное совещание, имеются такие, с которыми никак нельзя согласиться, напр., предложение Городской управе о желательности изменения надписи на Московских воротах, действительно оскорбительной для поляков¹, но в прошлом, конечно, а не теперь, когда надпись имеет исключительно историческое значение. Затем нужно отметить, что ведь получают тревожные сведения об отдельных фактах вандализма по отношению к памятникам искусства, как, напр., повреждения некоторых статуй в Ориенбауме; это показывает, что задачу охраны старины особое совещание не в силах выполнить, несмотря на то, что эта задача является для того, по-видимому, главной. Очень нетактичным является воззвание совещания, обращённое ко всей стране о прекращении работ по возведению памятников и сооружений, связанных идейно с царствовавшей династией или, как говорится в воззвании, «не удовлетворяющих художественным требованиям».

Наконец, надо отметить некоторое несоответствие уничтожения делезных гербов на ограде у Зимнего дворца (совершенно независимо от достоинств или недостатков решётки) с нижеследующим обращением Петроградского общественного градоначальника к милиции и притом «от имени Художественного с овецания», как сообщает газета «Речь» (31 марта 1917 г.):

«Граждане милиционеры, приглашаем вас оберегать старинные здания и всякиму на них украшения. В частности, если кто-либо пытался бы разрушить государственные гербы, находящиеся на некоторых зданиях в виде лепки или металла, просим вас энергично прекращать подобные стремления и разъяснять, что эти гербы часто являются неотъемлемым украшением, связанным с архитектурой. Не имея ничего общего с гербом свергнутой династии Романовых, указывая на время построения многих лучших наших сооружений, характеризуя стиль, отмечая эпоху, эти знаки являются гербами Государства Российского, в них заключена история искусства нашего!»

¹ Московские Триумфальные ворота в Санкт-Петербурге, на аттике можно было видеть надпись из накладных бронзовых позолоченных букв: «Победоносным Российским войскам в память подвигов в Персии, Турции и при усмирении Польши в 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годах». (Текст собственноручно разработал и написал император)- ред.

Все эти факты и им подобные до чрезвычайности волнуют художественную среду. Напомним, что на собрании Общества архитекторов-художников 6 апреля совершенно справедливо выразилось недоумение, как могут лица, входящие в состав совещания, до такой степени игнорировать единодушно отрицательное к ним, в данной их роли, отношение. Обращаясь к той группе этих лиц, которая представляет пластические искусства, мы могли бы со своей стороны прибавить, что чисто художественные заслуги большинство этих лиц встречают, думаем мы, всеобщее признание. Этого, однако, не достаточно для того, чтобы признать за ними качества, по многим причинам необходимое для исполнения возложенных на «Особое совещание» функции.

Если, допустим, считать полезным существование такого Совещания, то не подлежит никакому сомнению, что оно должно быть составлено из лиц, пришедших с вотумом доверия от существующих художественных организаций.

Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. 12 апреля. № 10-14. С. 84.

[29 апреля 1917 г.]

Комитет ВОПХ – Н.К. Рериху

Копия

Общество Поощрения Художеств. Россия.
...Мая 1917. Петроград. Морская, 38.

СЕРТИФИКАТ

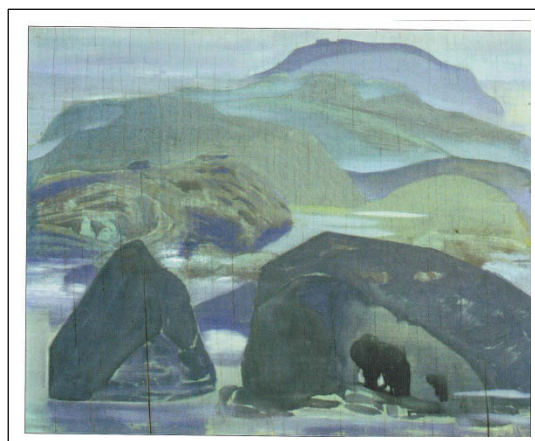
Этот сертификат выдан Господину Н. Рериху, Директору школы Общества Поощрения Художеств в России, который послан в Финляндию для посещения финских и ряда различных художественно-промышленных школ.

Комитет Общества имеет честь просить Администрацию и местные власти облегчать Н. Рериху выполнение его миссии.

Вице-Председатель Общества *(подпись)*

Секретарь *(подпись)*

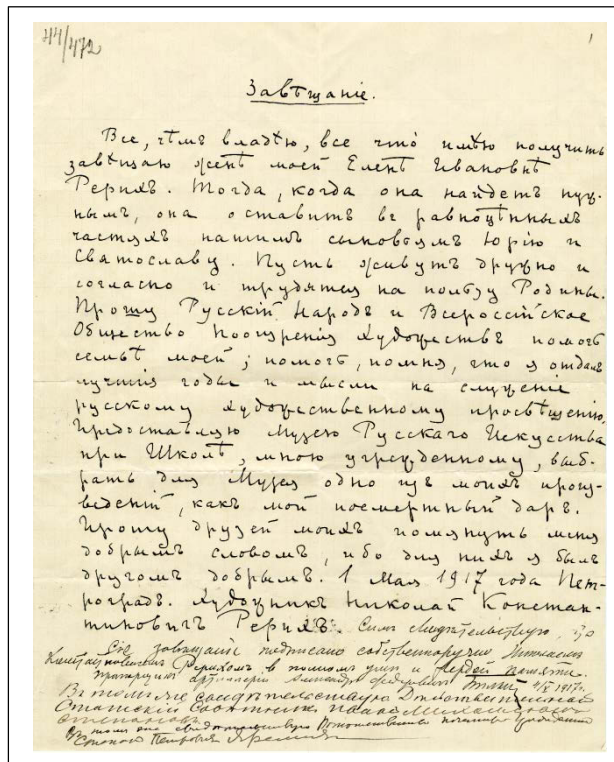
*Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л.2.
(Копия сертификата, перевод с фр. яз.)*



Н.К. Рерих. Эскиз. 1917.

МАЙ

1 мая 1917 г.



ЗАВЕЩАНИЕ

Всё, чем владею, всё, что имею получить, завещаю жене моей Елене Ивановне Рерих. Тогда, когда она найдет нужным, она оставит в равноценных частях нашим сыновьям Юрию и Святославу. Пусть живут дружно и согласно и трудятся на пользу Родины. Прошу Русский Народ и Всероссийское Общество Поощрения Художеств помочь семье моей; помочь, помня, что я отдал лучшие годы и мысли на служение русскому художественному просвещению.

Предоставляю Музею Русского Искусства при Школе, мною учрежденному, выбрать для Музея одно из моих произведений, как посмертный дар. Прошу друзей моих помянуть меня добрым словом, ибо для них я был другом добрым.

1 Мая 1917 Петроград. Художник Николай Константинович Рерих.

Сим свидетельствую, что сие завещание подписано собственноручно Николаем Константиновичем Рерихом в полном уме и твердой памяти.

Прапорщик артиллерии Александр Федорович Белый 4/У1917 г. (подпись)

В том сие свидетельствую Действительный Статский

Советник Иван Михайлович Степанов.

(подпись)

В том же свидетельствую. Потомственный почётный гражданин

Степан Петрович Яремич

(подпись)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/472, 2 л.

Приложен конверт с надписью: Завещание Н.К. Рериха. 1 мая 1917 г.

4 мая 1917 г.
Из архива Н.К. Рериха...
(Машинопись)

**О ЗАДАЧАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
КАК ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ.**

Если личное художественное творчество, свободное по своему существу, недоступное какой бы то ни было регламентации, может и должно предъявлять к государству единственное требование – охрану от каких бы то ни было на него посягательств, то искусство страны, как коллективный продукт этого личного художественного творчества, для своего процветания, развития и проникновения в общество во всех его слоях, несомненно, нуждается не только в любовном и бережном отношении к нему со стороны государства, но и в особом органе ведения, в котором все вопросы, относящиеся к искусству, нашли бы своё сосредоточие. Роль этого органа может быть и теоретической, но, главным образом, она должна принять практическое направление, осуществляя на практике всё то, что по теоретическим вопросам, касающимся искусства, будет выработано в особых учреждениях, выдающих те или иные стороны художественной деятельности страны. Одним из таких учреждений должно быть, по аналогии с Академией Наук, и Академия Художеств.

Уже по действующему уставу Академии она должна служить высшим художественным учреждениям «для поддержания, развития и распространения искусства в России» (§ 1). Это своё назначение Академия или совершенно не могла исполнять, или исполняла только отчасти, главным образом, думается, потому что на Академию уставом была возложена другая, чисто практическая задача, заключающаяся в том, что Академия «обязана была наблюдать за делом художественного образования и воспитания в России» (§ 2) и даже доставлять «высшее художественное образование лицам, посвятившим себя художественной деятельности» (§ 3). Такое положение Академии не должно быть признаваемо нормальным, а для нее самой как высшего художественного учреждения, должно быть вредным, так как, несомненно, чисто практическое задание Академии – сводилось ли оно к доставлению высшего художественного образования, или даже хотя бы к наблюдению за делом художественного образования – должно было отвлекать и на деле отвлекало Академию от чисто теоретической задачи, сводящейся очевидно, к разработке и решению вопросов, имеющих в виду поддержание, развитие и распространение искусства.

В чём же может найти своё осуществление роль Академии после того, как она, как высшее художественное учреждение, будет избавлена от присвоенных ей действующих уставом чисто практических, социально-педагогических задач?

1) В теоретической разработке всякого рода вопросов, относящихся к области пластических искусств, т.е. архитектуры, скульптуры и живописи, равно как и тесно связанной с ними области художественной промышленности;

2) в различных способах содействия к поддержанию, развитию и распространению пластических искусств.

Предусмотреть всё то, что относится к области теоретической разработки искусства, было бы нелегко, так как область эта чрезвычайно обширна и разнообразна. К тому же содержание этой области, в значительной мере, обу-

словливается как вопросами, выдвигаемыми жизнью и искусством в данное время, так и индивидуальными свойствами лиц, занимающихся разработкою и разрешением этих вопросов.

Проще было бы наметить те способы, которые могли бы быть пригодными при разрешении того, что может сделать Академия в своем содействии к поддержанию, развитию и распространению искусств.

Здесь роль Академии могла бы идти по четырем направлениям. Академия могла бы проявлять свое содействие по отношению: 1) к государству, 2) обществу, 3) широким народным массам и 4) отдельным художникам или художественным организациям.

Роль Академии в отношении к государству могла бы найти применение:

1) в содействии государству при выполнении им обширных государственно-художественных заданий, напр., при сооружении архитектурных памятников, при организации художественных и художественно-промышленных музеев, при устройстве всероссийских и международных художественных выставок, при разрешении всякого рода художественных вопросов и задач, выставляемых государством и т.п.;

2) в теоретической разработке правильной постановки художественного и художественно-промышленного образования на всех его ступенях, в вопросе об открытии новых художественных и художественно-промышленных школ, в создании тех или иных художественных институтов, как при самой Академии, так и вне её;

3) в охране художественных памятников, находящихся в государстве;

4) в регистрации и наследовании памятников, неизвестных или мало исследованных;

5) в устройстве и организации всероссийских и международных художественных съездов.

Роль Академии в отношении к обществу могла бы сказаться во всяческих мерах, способствующих распространению искусств и правильных представлений о нём в обществе. Сюда можно отнести: 1) устройство выставок произведений искусства, в особенности выставок ретроспективных; 2) издание всякого рода трудов, посвященных искусству в его настоящем и прошлом, равно как и издание художественно-научного журнала при Академии; 3) устройство публичных заседаний с чтением докладов по различного рода вопросам, касающимся искусства вообще, различным эпохам его развития, деятельности великих художников и т.п.

Роль Академии в отношении к широким народным массам могла бы найти своё выражение в популяризации сведений, касающихся искусства, путём устройства особых показательных выставок с объяснением их, или посредством публикации недорогих, но изящных изданий, касающихся искусства и его видных представителей, или при помощи организации соответствующих народных чтений и т.д.

Наконец, роль Академии в отношении к отдельным художникам (или художественным организациям) выразилась бы в представлении им средств для выполнения таких художественных заданий и предприятий, которые оказались бы недостижимыми для единоличных сил художников, а требовали бы содействия со стороны Академии, в создании для пользования художниками образцовой художественной библиотеки, в устройстве музея всякого рода художественных аксессуаров и иных вспомогательных пособий, необходимых

для художников при выполнении их работ, в издании специально для художников всякого рода пособий по их специальности и т.п.

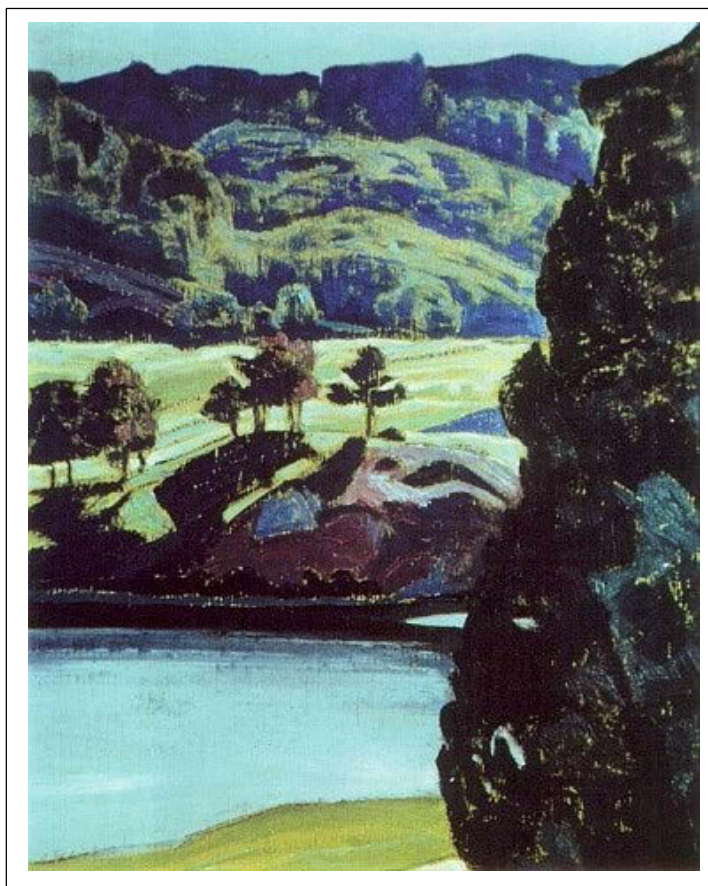
Таковы, в общих чертах, те задания, которые могли бы составлять предмет ведения Академии Художеств, как высшего художественного учреждения. Позволительно думать, что осуществление даже части этих заданий дало бы достаточно материала для деятельности Академии, и с уверенностью можно утверждать, что таковое направление деятельности Академии оправдывало бы её государственное существование даже при наличии особого ведомства изящных искусств, отдельным, но вполне автономным органом которого являлась бы Академия Художеств.

С. Жебелев

4 мая 1917 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/783, 2л

ФИНЛЯНДИЯ

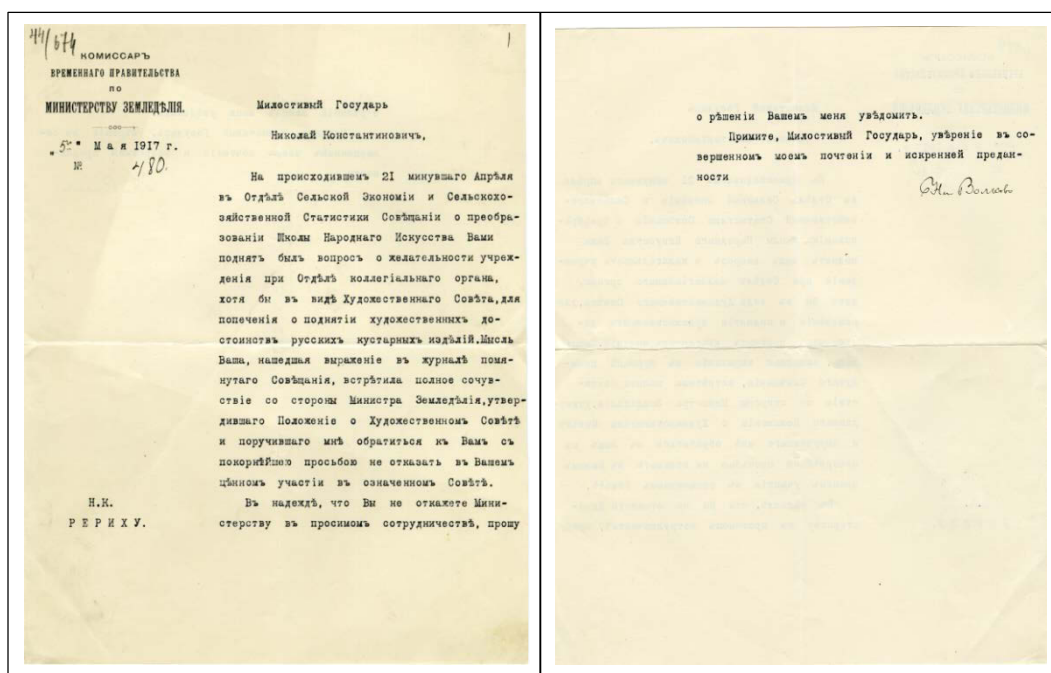


Н.К. Рерих. Юхинлахти. 1917.

«...ползучая пневмония в начале Мая заставила ехать в Карелию, где у нас с декабря было снято именье Юхинлахти в ладожских шхерах...»

5 мая 1917 г.

Письмо Е.Н. Волкова к Рериху Н.К. (Машинопись)



КОМИССАР
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО МИНИСТЕРСТВУ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

«5» Мая 1917 г.

№480

Милостивый Государь, Николай Константинович,

На происходившем 21 минувшего Апреля в Отделе Сельской Экономии и Сельскохозяйственной Статистики Совещании о преобразовании Школы Народного Искусства Вами поднят был вопрос о желательности учреждения при Отделе коллегиального органа, хотя бы в виде Художественного Совета, для попечения о поднятии художественных достоинств русских кустарных изделий. Мысль Ваша, нашедшая выражение в журнале помянутого Совещания, встретила полное сочувствие со стороны Министра Земледелия, утвердившего положение о Художественном Совете и поручившего мне обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не отказать в Вашем ценном участии в означенном Совете. В надежде, что Вы не откажете Министерству в просимом сотрудничестве, прошу о решении Вашем меня уведомить.

Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Е.Н. Волков

Н.К.РЕРИХУ

Отдел рукописей, ф.44. д.674, 2 л

10 мая 1917 г. Петроград.

Протест Общества архитекторов-художников против «Особого совещания»

«6 апреля с.г. в газетах появилось обращение “Особого совещания по делам искусства” за подписью Президиума в лице М. Горького, Александра Бенуа и Н. Рериха ко всем правительственным и общественным учреждениям с предложением приостановить работы по созданию разного рода памятников, которые были задуманы при старом государственном строе, а о проектах и начатых работах довести до сведения Совещания.

Ввиду того, что “Особое совещание” не создано на выборном начале, единственно приемлемом в настоящее время, а потому не может быть правильным. Общество архитекторов-художников считает совершенно недопустимым присвоение группой художественных деятелей права на разрешение или приостановление осуществления памятников, хотя бы и задуманных “при прежних ненормальных условиях художественной жизни”, и, во всяком случае, не считает нормальным, чтобы исходной точкой осуществления этих памятников явилось “удовлетворение требованиям художественного вкуса” той или другой группы художников.

Это поспешное проявление власти тем более внушает тревогу, что названное Совещание не ограничивается лишь памятниками последних дней старого строя: им санкционировано изменение надписи на арке Московской заставы, являющееся очевидным искажением исторического памятника высокой художественной ценности.

Вследствие этого Общество арх.-худ. считало обязанным: во-первых, обратить внимание общества и власти на отсутствие у “Особого совещания” нравственной поддержки художественных обществ, в избрании членов совещания не участвовавших. Во-вторых, указать на безусловную необходимость со стороны “Особого совещания” воздержания от всякого принятия на себя художественной власти и такого рода мероприятий, которые могли бы так или иначе повлиять на будущее художественное устройство страны».

Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. 10 мая. № 10-14. С.15-17.

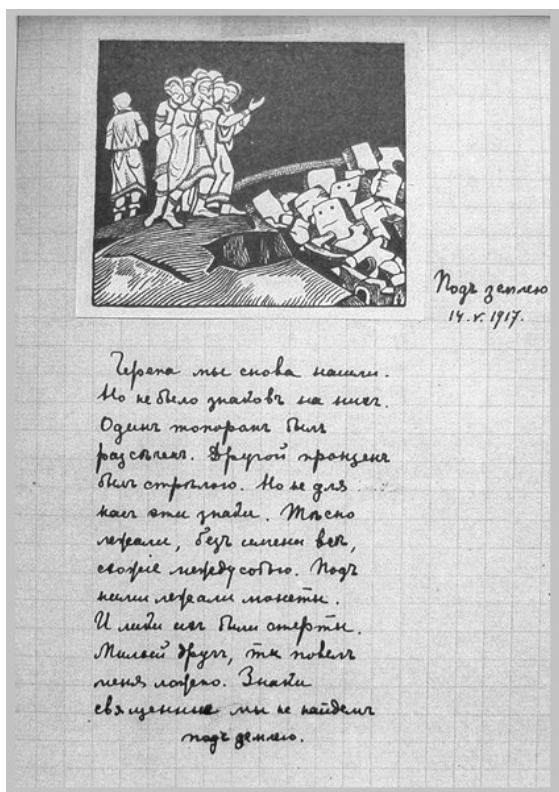
13 мая 1917 г. Петроград
О реформе Академии художеств...

В мире искусства

Избранная общим собранием действительных членов Академии художеств комиссия по выработке нового устава Академии художеств кооптировала для более успешного хода работ ряд художников и деятелей в области искусства, как то: Александра Бенуа, Рериха, Петрова-Водкина, Шреттера, Керзина, Александра Яковлева и др. Вчера состоялось очередное заседание комиссии, на котором были установлены основные принципы будущего устава Академии. От Академии совершенно отделяется Высшее художественное училище, которому предоставляется полная автономия. Академия отказывается от всякой опеки над искусством страны, признавая его совершенно свободным, а также отстраняется от руководства художественными школами. ...

Русская воля. 1917. 13 мая. Вечерний выпуск. № 112. С. 4.

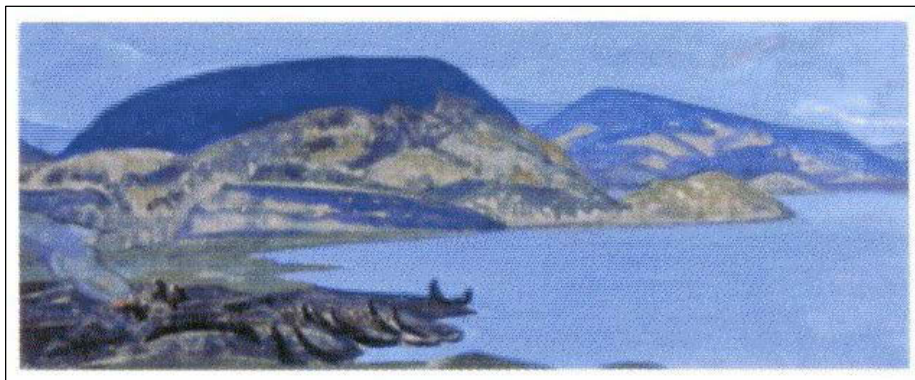
14 мая 1917 г. Сердоболь.



ПОД ЗЕМЛЁЮ

Черепу мы снова нашли.
Но не было знаков на них.
Один топором был
разсечен. Другой пронзён
был стрелою. Но не для
нас эти знаки. Тесно
лежали, без имени все,
схожие между собою. Под
ними лежали монеты.
И лики их были стёрты.
Милый друг, ты повёл
меня ложно. Знаки
священные мы не найдём
под земляно.

14.V.1917



Озеро. 1917. Карельская сюита.

16 мая 1917 г. Сердоболь.

Открытое письмо Н. К. Рериха к С. П. Яремичу

Petrograd. Петроград. Мойка, 38.

Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Степан Петрович, посылаю Тебе мой точный адрес.
Сердоболь. Sortavala. H. Relander. Seminarium. N. Roerich.

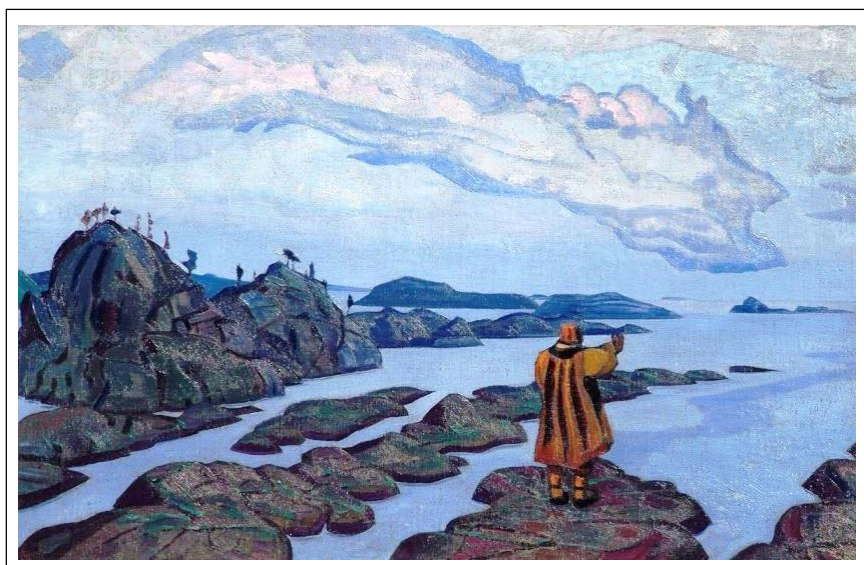
Хорошо здесь! Бодро, ветрено, каменисто. Рисуеться какая-то сюита
Carelia Heroica. Уезжай скорей из Питера, - надо отдохнуть, надо к земле при-

коснуться, сбросить обветшавшую кожу, надышаться воздухом. Надо! Отдохни, милый. Привет Ив. Мих. [Степанову – ред.], Вас. Алекс. [Щавинскому – ред.], Алекс. Ник. [Бенуа – ред.]. Пиши.

Твой Н.Р.

16.V.1917.

Архив Государственного Эрмитажа, ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 17-17 об.
Штемпель в Сердоболе: 31.05.1917.



Н.К. Рерих. Приказ. 1917. Сюита "Героика".

«Из давних детских воспоминаний встаёт посещение Троице-Сергиевой Лавры. Потом Иоанн Кронштадтский: «Не болей. Придётся много для Родины потрудиться»...»

19 мая 1917 г. Сортавала

Открытое письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову

Петроград. Петроград. Морская, 38. Вс. Общ. Поощрения Художеств.
Его Пр-ву Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович,

"Речь" получил. Спасибо за память - от Вас слышишь всё доброе, ибо Вы сами доброжелательный. Здесь у нас превосходно. Как сравнительно близко, и как хороша природа. Прикасаюсь к бодрой земле, набираюсь сил. Привет Ст[епану] Петр[овичу] - пусть тоже уедет, к земле прикоснётся. Как у нас тихо. За все Ваши вести - скажу спасибо. Искренно Ваш

НР.

19.V.1917.

Здесь масса из Петрограда приезжих.

Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 1-1 об. Штемпель в Сортавале 04.06.1917 г.



Озеро Хюмпола. 1917.

**21 мая 1917 г. Сортавала.
Письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В.**

Дорогой мой друг, прикоснулся я к земле и опять оживаю. Хочется послать Вам слово доброе, слово дружбы. Здесь хорошо. Вид на Ладогу неслышанно бодрый. По воздуху, по возвышенности – прямо русская Швейцария, впрочем, русская ли?

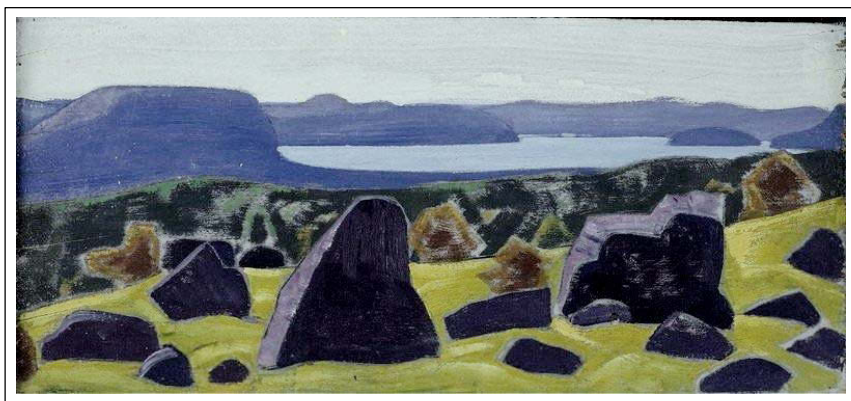
Черкните Вашим телеграфным стилем Ваши переживания. Мои мысли уже приходят в порядок, уже хочется работать. Привет Евгении Львовне. Если приедете, надо комнаты заказать заранее – всё переполнено Петербуржцами. Хотел приложить к моим рукописям ещё два отрывка, но подожду, приложу к следующему письму. Имейте в виду, что почта очень плоха. «Русское Слово» доходит с провалами в 3-4 дня. Черкните словечко. Да поможет Вам мой дружеский флюид.

Ваш искренно

НР.

21.V.1917. Sortavala.

Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 1694, А.В. Руманов. Оп. 1, д. 546, л. 23,24.



Н.К. Рерих. Ладога. 1917.



Н.К. Рерих. Облака над островами. 1917.

25 мая 1917 года

Письмо Н. К. Рериха к Бенуа А.Н.

*Сортавала, Сердоболь,
Семинариум Реландер, номер Рериха
25 мая 1917 года*

Дорогой Александр Николаевич,

Привет от голубых Карельских озёр, от Ладоги, такой широкой, такой богатой шхерами, что я, кажется, изменю моему Новгороду. Понимаю, отчего север Ладоги издавна привлекал новгородцев и викингов. Как-то особенно привольно здесь. Радуют и финны. Как осмысленно у них на хуторах! Отчего и малые дети уже могут работать? Отчего сын нашего дворника, оканчивая лицей, сидит на козлах, проезжает по городу, раскланивается со студентами? Есть достоинство в этом? Пусть нас долго давили, но и финнов угнетали. Отчего же у них такое достоинство и спокойствие? Земледельцы не тревожатся стачками рабочих, ибо запросы не будут чрезмерными, и они знают, что сговорятся. Плохо только с нашим рублём, курс уже 185. Но отчего ему уллучиться, если Россия не может быть полезной для Финляндии? Жалуются на солдат, на матросов, говоря, что не знают, что такое «свобода». Жалуются на петербуржцев, поднимающих цены. Наехало много. Всё занято. За дачи платят по 7000 марок. В гостинице тоже полно. Где ты решил провести лето? Право, уезжай из города, надо к земле прикоснуться. На расстоянии опять веришь, что всё будет хорошо. Если народ темнотою, неосведомленностью затрудняет дело; если многие живут вчерашним днём; если вылезли тёмные и нелепые, то всё же такой этап пройден и все тяготы оправдаются. Читал твои два фельетона (газеты сюда плоховато доходят). Дай Бог Зилоти твёрдо и сознательно осветить дело театра; пусть выдержит.

Первое лето я поехал без заданий (кроме двух эскизов) — хотелось работать этюды. Набрать свежего материала. Ведь здесь мои горы, мои леса, камни с разноцветными мхами. Напиши, куда едешь? Anne Карловне привет от нас.

Искренне твой

Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ, ф. 137/168.

ИЮНЬ

14 июня 1917 г.

Новый Совет по искусству при Ф.А. Головине

Ввиду сложности вопроса о заведывании всеми самыми разнообразными учреждениями по искусствам, которые управлялись при старом режиме, бывшим Министерством Двора, назначенным по делам этого Министерства, комиссаром Ф.А. Головиным – было признано необходимым создать особый орган из деятелей по различным отраслям искусства, который и приступит у занятиям и разработке плана своей дальнейшей деятельности с 15 июня.

Этот новый Совет по искусствам не имеет ничего общего с тем Совещанием, которое было созвано при комиссаре Ф.А. Головине немедленно по расформировании Министерства Двора и деятельность которого сводилась, главным образом, к охране дворцов и памятников старины в ближайшее время после революции. В состав вновь организованного Совета вошло семь лиц от самых крупных учреждений, находившихся в ведении бывшего Министерства Двор: гр. Д.И. Толстой (от Эрмитажа), А.И. Таманов (Академия Художеств), Батюшков (театры), Челноков (Музей Императора Александра III), Зилоти (опера), Кусевицкий (оркестр) и Калугин (певческая капелла).

Затем по назначению от Временного Правительства в Совете состоят: П.П. Вайнер, П.И. Нерадовский, Н. Рерих, К.К. Романов, С.И. Шидловский, гр. В.П. Зубов, М.В. Добужинский, художник Петров-Водкин, Латышев, Гальперин и Матвеев.

С 12 июня этот совет увеличился лицами, избранными различными петроградскими и московскими организациями по искусствам. Вошли: кн. Аргутинский-Долгоруков, М.И. Ростовцев, В.Д. Набоков, Оссовский, Д. Философов, С. Маковский, И. Фомин, П. Гайдебуров, Н. Лансере, Прокофьев, Плеханов, Яремич, С. Тройницкий, Покрышкин, Миллер и скульптор Корев.

Вечернее время. 1917. 14 / 27 июня. № 1846. С. 4.

14 июня 1917 г. - 16 июня 1917 г. Петроград Материалы Совета по делам Искусств

(конверт)

Николаю Константиновичу Рериху.

(штемпель)

ИЗ КАНЦЕЛЯРИИ КОМИССАРА
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
НАД БЫВШИМ МИНИСТЕРСТВОМ ДВОРА
ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ *Мойка 83.*

Л. 1.

Уполномоченный Советом по Делах Искусств для организации художественно-музейной секции его, Князь В.Н. Аргутинский-Долгоруков, просит Вас пожаловать на заседание секции, имеющее быть в пятницу 16-го сего Июня в 9 час. вечера (Зимний Дворец, Детский подъезд) для обсуждения нижеследующих вопросов:

1). Ходатайство Организационного Комитета «Своб. Ассоциации для развития и распространения положительн. наук» о предоставлении в его распоряжение дачи «Александрия» в Петергофе.

2). Предположения Общества Московских Скульпторов-Художников (Председатель Коненков) относительно организации правительственных и общественных конкурсов на составление проектов памятников.

3). Записка Н.К. Рериха о выдаче субсидии школ Общества Поощрения Художеств в Петрограде.

4). О желательности передачи на хранение в Эрмитаж собрания Сицилийских монет Великого князя Георгия Александровича и коллекции медалей Роти.

5). Предположение Художественной Подкомиссии по проверке имущества Царскосельского Федоровского Собора о перенесении из Собора ценных старинных икон в Русский Музей Александра III.

6). Заявление управляющего дворцом графа Строганова об угрожающей дворцу опасности захвата.

7). О целесообразности эвакуации художественных ценностей из Петрограда.

8). Об охране археологических раскопок (Керчь, Ольвия).

9). Об охране Новгородских древностей в связи с проведением вблизи их железнодорожной линии.

10). Об организации и смете Комиссии для приемки дворцового имущества.

«14» Июня 1917 года.

Л.2.

С.И. Шидловский просит Вас пожаловать на заседание Совета по Делах Искусств, имеющее быть в среду, 5 сего июля, в 8 час. 30 мин. вечера (Зимний Дворец, Детский подъезд) для обсуждения следующих вопросов.

Образование Комиссии для покупки дворцов.

1. О положении Совета по Делах Искусств.

2. Устава Училища Живописи, Ваяния и Зодчества.

3. Вопрос о бронзах Министерства Финансов и о портретах в Таможенном Департаменте.

4. Отношение Общества Ревнителей Истории о передаче из Царского Села в Музей Общества неприятельских знамен и других трофеев.

5. Обсуждение проекта Городской Управы о переименовании некоторых улиц и площадей Петрограда.

6. О преподании инструкции для выполнения постановлений Временного Правительства относительно мер к сохранению портретов лиц царствовавшей династии и художественно-исторических предметов, находящихся в правительственных учреждениях.

7. Обращение состоящей при Министерстве Народного Просвещения Комиссии по учёным учреждениям и предприятиям к Временному Правительству об издании акта, запрещающего продажу принадлежащих государству церквам, монастырям пр. памятников искусства и старины.

8. Запрос Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Петергофского района о дальнейшей судьбе сооруженного на средства рабочих, но еще не открытого, памятника Александра III.

9. Просьба Товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода о доставлении для украшения зала Синода, взамен портретов особ царствовавшего дома картин духовного содержания, принадлежащих бывшему Ведомству Двора.

10. Просьбы Техническо-Строительного Комитета при Министерстве Внутренних Дел о назначении представителя Комиссара Временного Правительства над б. Министерством Двора в образуемое междуведомственное совещание для выработки начал Строительного Управления в Государстве.

Л.3.

Ф.Д. Батюшков просит Вас пожаловать на заседание Совета по Делах Искусств, имеющее быть в Среду, 21-го сего Июня, в 4 часа дня (Зимний Дворец, Детский подъезд) для выбора Президиума в составе: Председателя, 2-х Товарищей Председателя, Секретаря и 2-х Товарищей Секретаря.

Желательно присутствие всех членов Совета для производства выборов.

Для ускорения выборов г.г. члены приглашаются заготовить списки кандидатов на прилагаемых листках.

Если кто из членов Совета не может лично приехать на заседание 21-го Июня, то он может прислать свой список в Канцелярию Комиссара Временного Правительства над б. Министерством Двора (по указанному адресу) в закрытом конверте, вложенном в другой конверт, с указанием от кого прислан закрытый конверт.

Из отдельных записок составится общий список кандидатов, которые будут подвергнуты баллотировке по большинству голосов, при изъявлении согласия баллотируемых.

Список лиц, приглашенных в составе Совета при сём прилагается.
«16» Июня 1917 года.

Л.4.

С П И С О К Л И Ц , П Р И Г Л А Ш Е Н Н Ы Х В С О В Е Т П О Д Е Л А М И С К У С Т В .

- 1). АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКОВ Князь Владимир Николаевич.
- 2). БАТЮШКОВ Федор Дмитриевич.
- 3). ВЕЙНЕР Петр Петрович.
- 4). ГАЙДЕБУРОВ Павел Павлович.
- 5). ГАЛЬПЕРН Александр Яковлевич.
- 6). ДОБУЖИНСКИЙ Мстислав Валерианович.
- 7). ЖЕБЕЛЕВ Сергей Александрович.
- 8). ЗИЛОТИ Александр Ильич.
- 9). ЗУБОВ Граф Валентин Платонович.
- 10). КАЛУГИН Михаил Дмитриевич.
- 11). КАРЕВ Алексей Еремьевич.
- 12). КУССЕВИЦКИЙ Сергей Александрович.
- 13). ЛАНСЕРЕ Николай Евгеньевич.
- 14). ЛАТЬШЕВ Василий Васильевич.
- 15). МАКОВСКИЙ Сергей Константинович.
- 16). МАТВЕЕВ Александр Терентьевич.

- 17). МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич.
- 18). МИЛЛЕР Александр Александрович.
- 19). НАБОКОВ Владимир Дмитриевич.
- 20) НЕРАДОВСКИЙ Петр Иванович.
- 21) ОССОВСКИЙ Александр Вячеславович.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1310, 5 л. (машинопись)



Н.К. Рерих. Карельский пейзаж. 1917.

21 июня 1917 г. Сердоболь.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Ляцкому Е.А.

Petrograd. Петроград. Фонтанка, 80.
Евгению Александровичу Ляцкому.

Привет из Sortaval'ы. Теперь в гостинице появились свободные комнаты. Люб мне здешний край. Мои скалы, леса, озёра и мхи. Много бодрости и подлинных зовов земли.

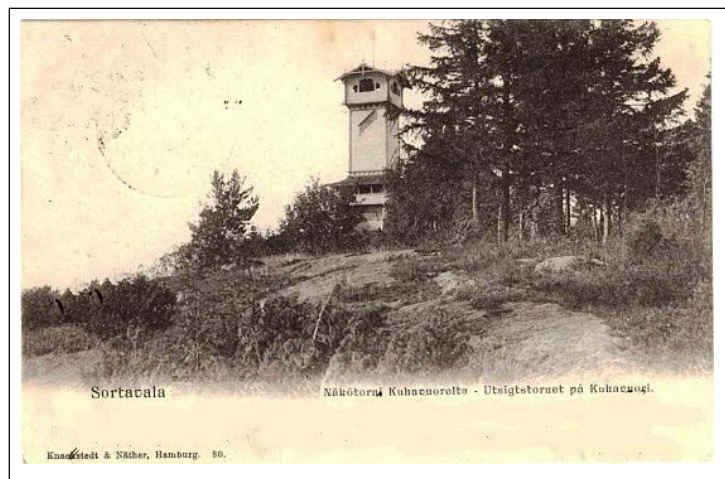
Преданный Вам *Н. Рерих*

21 Июня 1917.

Sortavala. Сердоболь.

Seminarium Relander. N. Roerich.

Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). СПб. Ф. 163. Е.А. Ляцкий, оп. 2, д. 427, л. 1. Автограф открытого письма с ч/б фото: Sortavalan Kirkjakauppa Osakeyhtioo. Sortavala, Kuhavuorelta. На штемпеле дата: Сортавала. 21.06.1917.



Сортавала. Обзорная башня на горе Кухавуори
(Старая открытка)

25 июня [1917]

Открытое письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

(Открытка с видом Sortavala/ Kuhavuorelta.)

Петроград.
Морская, 38. Общ. Поощр. Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

Привет, дорогой Иван Михайлович!

Приезжал ко мне Е.Н. Фену. Приятно мне было слышать, как хорошо он говорил о Вас и о Ст[епане] Петр[овиче]. Хорошо, когда хорошие люди объединяются. Как наша книжечка у Голике?!¹ Набор цел ещё? Когда Вы думаете ехать? Пусть бы Ст. Петр. поехал. Получил ли он мою весточку?

Искренно Ваш

Н.Р.

25 июня.

Отдел рукописей ГРМ, ф. 71 / 57, л.6-6 об.

27 июня 1917 г. Yhin-lahti.

Письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В.

Дорогой Аркадий Вениаминович, в гостинице Seurahuone в Sortaval'e освободились комнаты. Так что, известив заблаговременно, можно приехать, как Вы и предполагали. Жду Вашу весточку.

Посылаю для прибавления в книжку 5 отрывков. Карандашом помечено, в какой отдел, а точное место я определю в корректуре.

¹ Речь идёт о готовящейся к изданию Монографии Сергея Эрнста "Н.К. Рерих". (Ред.)

Прилагаю маленькую информацию для Гельсингф. газет, если точно по политич. моменту признаваться в дружбе можно. Уже сработано десятка два этюдов и эскизов. Опять творчество заварилось, и, оказывается, жить опять можно. Всё-таки единственно в работе, в искусстве я становлюсь крепко и чувствую смысл. Пишите, и пусть будет у Вас всё ладно и не худо.

Привет наш Евгении Львовне.

Ваш искренно
27 Июня 1917 г.
Yhin-lahti

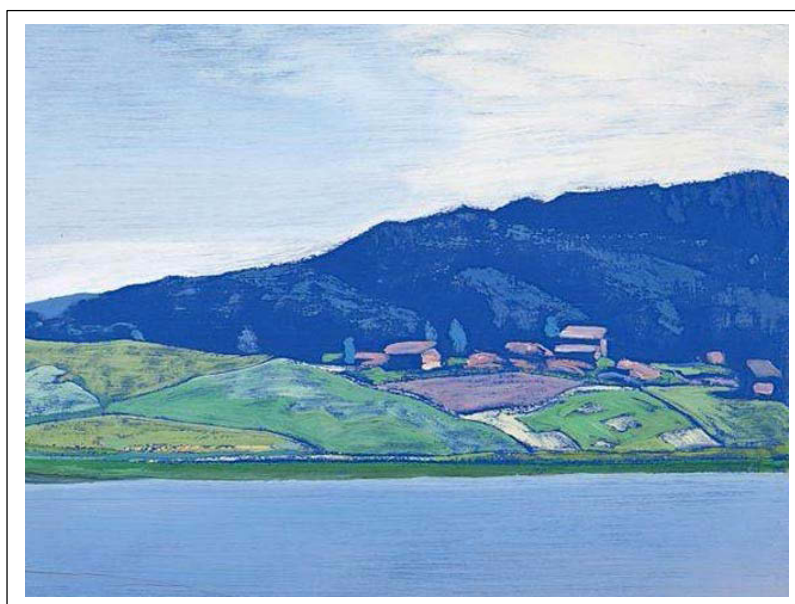
НР.

Приложенные отрывки – свидетельства моих настроений.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1694, А.В. Руманов, оп. 1, д. 546, л. 25,26.



Сортавала. Hotel Seurahuone .
(Старая открытка)



Н.К. Рерих. Утро. 1917. Карельская сюита.

[Лето 1917 г.]

Письмо кн. П.А. Путятина к Н.К. Рериху

Дорогой друг Николай Константинович.

Не знаю, когда к Вам дойдёт моё письмо, и дойдёт ли исправно при современной путанице. Дуня писала раза три и не получила в ответ от Ляли ничего. Верно, письма пропадают. Поправилось ли Ваше здоровье и приедете ли Вы в наш милый град Питер, который, по случаю дороговизны и пр[очего], порядочно повымирает [*1 сл. нрзб.*]. Мы, как знаете, это время к старости порядочно терпим. Сначала сгорел дом в Бологом. Потом страдания за дочерей и их мужей. Ныне из-за разных недомоганий и так далее - просто жизнь делается адом. Что Юра и Светик, как они проводят время? Относительно науки могу одно сказать - теперь она принижена, и только иногда бывают учёные доклады в обществах, но на них по случаю трудностей в трамваях и пр[очего] часто невозможно попадать. Кроме того, моя 80-тилетняя голова не выдерживает все эти давления судьбы, и я сам прихварываю от страданий телесных и душевных. Как Ваша живопись, и что случилось с квартирой и коллекциями?.. Хотя до сих пор ещё мои дочери не утратили веру в будущем, но письма зятьёв, сильно пострадавших от военных бурь, нас всех перемучили и подействовали на организмы. Мы сильно осунулись, похудели и изменились. Беспорядочно жестокий век отразился губительно. Письмо посылаю заказным в виду того, что не только наши к Вам не дошли, но и племянниц. Катя сомневается, дошла ли корреспонденция Кн[ягини] Шаховской? Стёпу мы видим, но не надолго. Он тоже волнуется и хлопочет о своей судьбе. Жаль мне очень Бологовского дома и моего кабинета, моей лаборатории раскопок и продуктов драгис *озёрных жилищ на плотах*. Образцы почв тоже я не успел подвергнуть промывке до пожара. Что из моей библиотеки и собраний предметов науки пропало, не могу ещё сообразить. Ещё в 1878-м году в "Памятниках древней письменности" у Ф.И. Булгакова была статья под заглавием "Палеографическая коллекция Кн. П.А. Путятина" Картины и мебель спасли. По-видимому, тут был недосмотр трубочиста, чистившего трубы к нашему приезду летом. Но что наше горе с ужасами погромов дворцов, уничтожением памятников истории и искусств, старинных зданий усадеб и пр[очего], пр[очего]. Наши с Вами художественные волнения ничто перед этим. Там уничтожалось воюющими народами, - а тут свой своего и своих разоряет и уничтожает, доводя до голода народ. Графиня Уварова мне написала очень сочувственное письмо по поводу утрат в Бологом. Но что всё это в сравнении с муками о детях, внучатах и наших страданий героев России... Всё это ничто перед больным сердцем. Дай Бог Вам всего хорошего от старика и его жены и Сони, которая не забывает нас, покоит, сколько возможно, несмотря на то, что тоже похудела и перестрадалась много. Об Мире тоскуем тоже, она с мужем и с детьми около них. Целую всех, от мала до велика от любящего сердца. Князь П.А. Путятин. [...]

[Приписка жены княгини Е.В. Путятиной]:

Ляля, целую тебя и деток без конца. Сердечный привет Колинке твоему. Твоя тётя.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Автограф. Без даты.

30 июня 1917 г. Бологое.

Открытое письмо П.А. Путятина к Рериху Н.К.

Его высочородию
Николаю Константиновичу Рёригу.
Сердоболь. Sortavala. Seminarium.
Relander. 30-е июня 1917-го года.

Родной и сердечный Николай Константинович.

Очень благодарим Вас за память. В трудные наши жизненные минуты она для нас драгоценна. Вижу, что Вы не знаете о нашем громадном горе. Большой Бологовский дом накануне почти нашего приезда сгорел, хотя многое удалось из него спасти. Картины и больш. часть библиотеки, рояль, мебель успели вытащить. Но такую постройку с верандой, паркетом и пр. из чудного соснового леса, почти столетнего, не устроишь – сгорела дотла. Думаю, вы понимаете, какой для нас с женою и детьми жестокий удар. При погромах, разрушениях памятников, грабежах наше горе понятно. Кабинет, лаборатория, разумеется, исключая книг, частью разрушен у 80-летнего старика больного и моей жены.

Целуем все вас крепко. Как любим.

Князь П.А. Путятин

P.S. Видимо, конец моим занятиям по археологии и искусствам. Положение жестокое. Аренды не платят и везде грабят.

[P.] P.S. Соня и Мира у своих мужей на фронте, а у нас живут Митусовы Злата, Людя и Катя.

Адрес Стёпы: Омск, Думская улица, 33.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма.

На штемпеле дата: Бологое. 30.06.1917. / Сердоболь. 26.07. 1917.



Петроград. 1917.

(Фото 1917 г.)

ИЮЛЬ

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Лето 1917 года — Ихинлахти...»



Н.К. Рерих. Юхиниемми. 1917.

17 июля 1917 года. Сортавала
Письмо Н.К. Рериха к А.Н. Бенуа.

Сортавала, Сердоболь,
Семинариум Реландер, номер Рериха.

Дорогой Александр Николаевич,

Как бы часто ни писать, теперь всегда между письмами будет бездна. Каждый день приносит ужасные вести: помни, что я живу на Yhin-lahtia, а в переводе: на заливе Единения. Само слово напоминает о том, что нужно, чтобы спасти культуру, спасти сердце народа. Неужели опять вернуться к культурному безразличию. Неужели можно думать о свободной жизни без знания, без радости искусства. Спуститься ли искусству до толпы, или же властно поднять толпу до найденных пределов искусства? Скоро ли искусство нужно будет толпам? Я верю человечеству, но всегда боюсь толпы. Сколько над толпой противоречивых, злых эманаций. Так много вредного нечеловеческого. Творим картины, но, может быть, надо сидеть в Комиссиях? Кто знает? Письмо твоё мне многое напомнило из наших сидений. Неужели опять будем сидеть? Чем кончилось с Академией?

Мы очень удивились, узнав, что ты попал в наш Новгород, да ещё так недалеко от моего валдайского каменного века. Сообщали нам об эксцессах в том краю. В Бологое у старика Путятин сгорел старый дом. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли. Точно так мы богаты для разрушений.

Неужели прошёл закон об аресте художественных произведений? Ведь нельзя же всё решительно запретить в свободной стране. Горький, выступив против твоего взгляда, опять не попал. Почему он так часто не попадает? Ведь ему угрожает единение, как ты пишешь, с Савостиным и Фаберже. Надо сплотиться всеми силами за культуру и искусство. Какое бы отношение мы ни встретили, мы должны сказать друг другу, что поклянёмся защищать наше дело, ради которого мы вообще существуем. К вражеским ударам мы уже при-

выкли, в этом наша судьба так сходна. (За это время я сочинил эскизы для сюиты: «Героика»). Искренне возмущился я отношением к твоим эскизам — к Соловью. По справедливости, по существу Ты должен делать эти декорации. Ведь это не в Головинском кругу. Думается, и Стравинский должен проявить настойчивость более определённую. Как всё это пахнет старым строем.

Где Яремич? Что он мне не пишет? Он один из немногих хороших и твёрдых людей. Привет Анне Карловне. До следующего боя осенью, до свидания. Пиши о настроениях.

Душевно твой

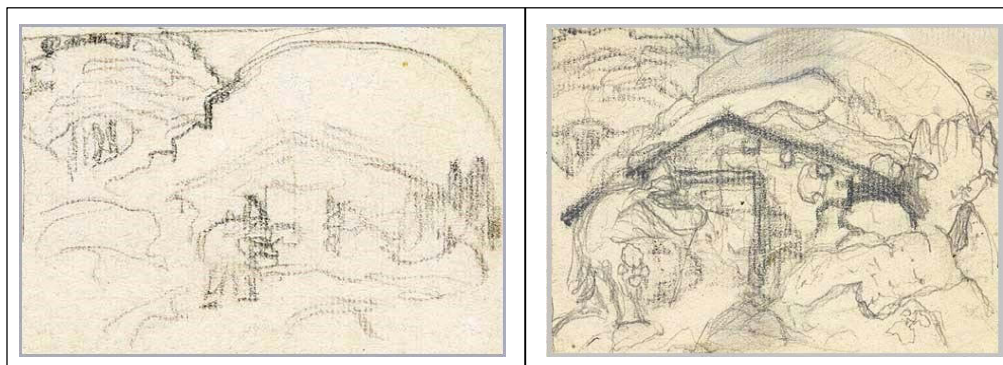
Н. Р.

17 июля. 1917.

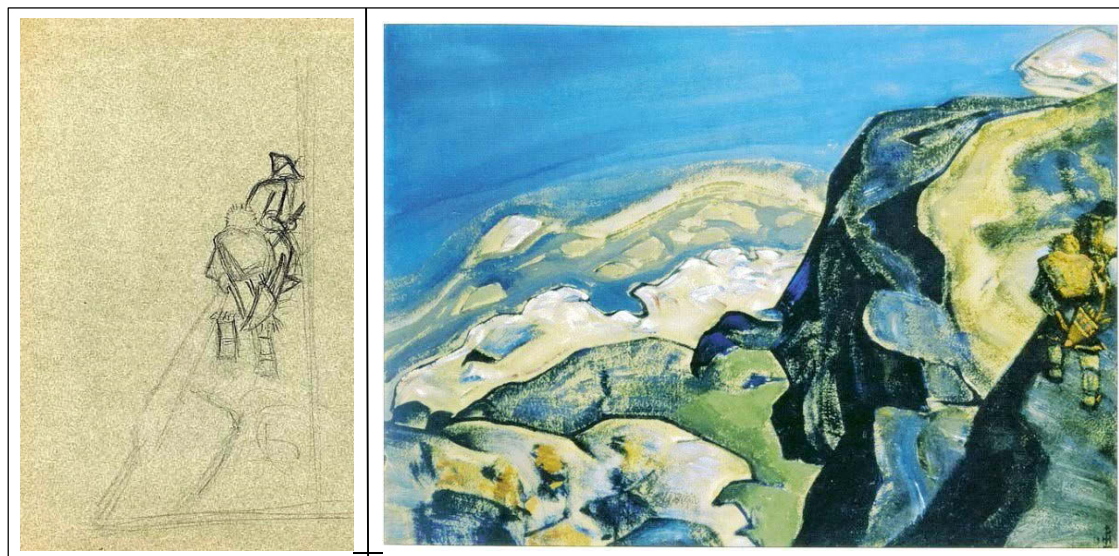
Отдел рукописей ГРМ, оп. 1, д. 1468, л. 26-27.

Пометка карандашом: Отправлено 17/30. 07. 1917.

«За это время я сочинил эскизы для сюиты: «Героика»...»



Эскизы к картине «Колдун». 1917-1918. Сюита «Героика».



Н.К. Рерих. Эскиз и картина «Победитель» (На горной тропе). 1917-18. Сюита «Героика».

18 июля [1917 г.] Петроград
Письмо С. П. Яремича к Рериху Н.К.

Ох, я ни минуты не сомневаюсь, дорогой мой Николай Константинович, что ты давно уже не считаешь меня обитателем здешнего мира и, вероятно, с усиленным вниманием следишь за некрологией и несчастными случаями, дабы дать разумное объяснение моему упорному молчанию. И тем не менее я жив и здоров и призываю Праведное Небо в свидетели, что вспоминаю тебя каждый день и ужасно укоряю себя, что в такой важный момент не проявляю никакого движения, в то время как кругом всё прыгает, скачет, стремительно катится, бежит, не признавая никаких преград. Но вся беда в том, что я *один* и должен заниматься хозяйством, чтобы не зачахнуть с голоду, как чахнет наш бедный Замирайло. При нормальных условиях жизни я бы считал себя счастливейшим человеком, п[отому] ч[то] страшно люблю располагать своею особою по своему хотению, но, повторяю, для этого необходимы нормальные условия жизни. Но вставить ни свет, ни заря, рыскать, чтобы добыть какой-нибудь съедобный продукт, в высшей степени отвратительно и скучно. Ресторанами теперь жить человеку среднего достатка невозможно. На что уж любитель ресторанных обычаев Н. Г. Плалер, но и тот отказался от своего-таки. Итак, значит, я должен заниматься всякой дрянью, а кроме того, у меня явилось сильное желание немного подогнать свои художественные дела, которые, как тебе известно, страшно запущены, и вот по этой причине я и не писал, хотя и чувствовал всё время огромную в этом потребность, а кроме того, и являлись вопросы весьма большой важности. Некоторые из них не потеряли и до сих пор своей остроты и, м[ожет] б[ыть], один из существеннейших из них — перенос библиотек[и] в Музей кажется мне неосуществимым в данный момент. Настроение среди учеников не из особенно важных, они занимаются всем чем угодно, только не искусством. При такой обстановке мне не представляется возможным производить такую утомительную работу в текущем году, так как она не может быть полезна для существа нашего дела. Затем, кроме того, я даже не знаю, будем ли мы в состоянии открыть в обычное время занятия в Школе. Татьяна Влад[имировна]²¹, например, говорит, что Школу невозможно открыв[ать] в опред[елённое] время уже по одному тому, что будут совершаться выборы в Учр[едительное] Собр[ание] и в такое время, разумеется же, будет не до живописи и рисования. Я совершенно согласен с этим мнением и предлагаю его тебе, как главе Школы, на рассмотрение. Потом, не надо терять из виду характер деятельности наших уважаемых Емельяновичей и Наумовичей²² — они горят желанием создать собственные династии и чтобы летосчисление, так сказать, начиналось с них. Всё это при других обстоятельствах было бы только смешно, а теперь это представляется в высшей степени отвратительным, п[отому] ч[то] нет отвратительнее зрелища, как видеть какое-нибудь ничтожество взбирающимся на поверхность с намерением властвовать и решать судьбы учреждения, когда за душой нет ни единой идеи, ни единой мысли, и единственная пружина,двигающая этими ничтожествами, зависть к подлинной заслуге и низкая ненависть к таланту, в каких бы формах он ни проявлялся. У нас вообще мало друзей. Это даже видно по Совету, который образовался из бывшего Сопещения, царство ему небесное. В Совете всё носит более чинный и даже «деловой» характер, каждый раз бывает Комиссар,

чего в былое время не бывало, по крайней мере, при мне. Все эти Фармаковские, Жебылевы (между прочим, этот тип приглашён по ошибке: Добужинский послал повестку вместо Нерадовского Жебылеву, да так он и остался), [слово неразборчиво] и даже Петр[овы]-Водкины удивительные пройдохи и удивительно неверный народ, а они-то теперь в значительном большинстве и, разумеется, гнут всё в свою пользу. Для примера: издание разного рода рефератов в Инст[итуте] Гр[афа] Зубова принято на счёт государства, а субсидия нашей школе отклонена, т. е. сдана в Комиссию при Акад[емии] Художеств, а это, конечно, провал.

Мой привет Елене Ивановне и молодёжи.

Душевно твой

С. Яремич

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

21 июля 1917 г. Петроград.

Открытое письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.

Финляндия. Suomi.
Сердоболь. Sortavala. Villa Relander.
N. Roerich.

Дорогой Николай Константинович.
Приехали из отпуска. У нас всё благополучно. Дров на зиму запасено с избытком. Сейчас с Бор[исом] Конст[антиновичем] осматривали ремонты.
Ст[епан] Петр[ович] здравствует.
Всего Вам лучшего.

Ив. Степанов

Сейчас приходил Иерон[им] Севастьян[ович] и просил уменьшить надбавку с Общ. архитекторов.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (На штампе дата: Петроград. 21.07.1917.)

26 июля 1917 г. Петроград.

Открытое письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.

Сердоболь. Sortavala. Villa Relander.
N. Roerich

26/VII.

Дорогой Николай Константинович.
Было бы желательно повидаться с Вами в середине Августа. Толковали мы об этом с Ст[епаном] Петр[овичем]. Было бы хорошо в середине Августа собрать заседание Комитета вот по какому поводу. Цена на дрова после заключения условий на выставочные зала увеличилась в три раза, жалование служащим удвоено, посему с 1-го <...> Сентября следовало бы увеличить плату за зал. Говорят, возможно отдать зало до 50 000 р.

Ст[епан] Петр[ович] Вам на днях, кажется, послал письмо. У него возникают вопросы по музею. Ждём от Вас весточки.

Искр. преданный

Ив. Степанов

Посылаю две одинаковых открытки.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (На штемпелях даты: Петроград. 26.07.1917. // Сердоболь. 10.08.1917.)

29 июля 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М.

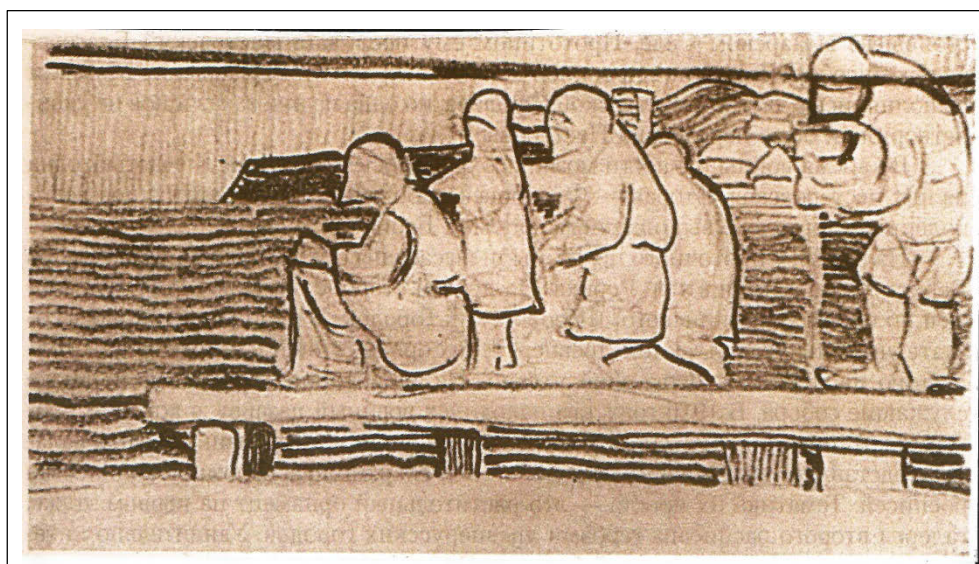
Заказное.
Петроград. Морская, 38.
Общ. Поощрения Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, сочувствую мысли Комитета. Прошу собрать Комитет 9-го Августа в Среду (час безразличен). Непременно приеду. У меня тоже есть вопросы. Привет Ст[епану] Петр[овичу].

Ваш Н. Рерих

29 Июля 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 2-2об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 02.08.1917, в Петрограде 11.08.1917



Н.К. Рерих. Ждущие. 1917. Эскиз.

АВГУСТ

«После хорошего, рабочего лета, в Августе я побывал в Петрограде и получил мою испытанную болезнь...» (Н.К. Рерих, 6 октября 1917.)



Н.К. Рерих. Небо над просторами. 1917.

6 августа 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38. Общ. Поощр. Худож.
Его Превосходительству Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, рад Вашей весточке; надеюсь, Вы отдохнули и оправились. Слава Богу, если дрова имеются. Хорошо бы за это время сделать железные прутья в стеклянных дверях с улицы в школу. В Музее были 3 решётки, не взять [ли] из одной 4 прута? Что Ст[епан] Петр[ович]? Не собирается ко мне? Вернуться думаю 4 Сент[ября]. Дана ли субсидия из б[ывшего] Мин[истерства] Двора? Пишу доклад о Школе.

Ваш НР.

6 Авг.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 3-Зоб. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 07.08.1917.

6 августа 1917 г. Сердоболь. Seminarium Relander.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Степан Петрович, где Ты, и как, и каково настроение? Не соберёшься ли к нам? Без Твоих весточек я скучаю.

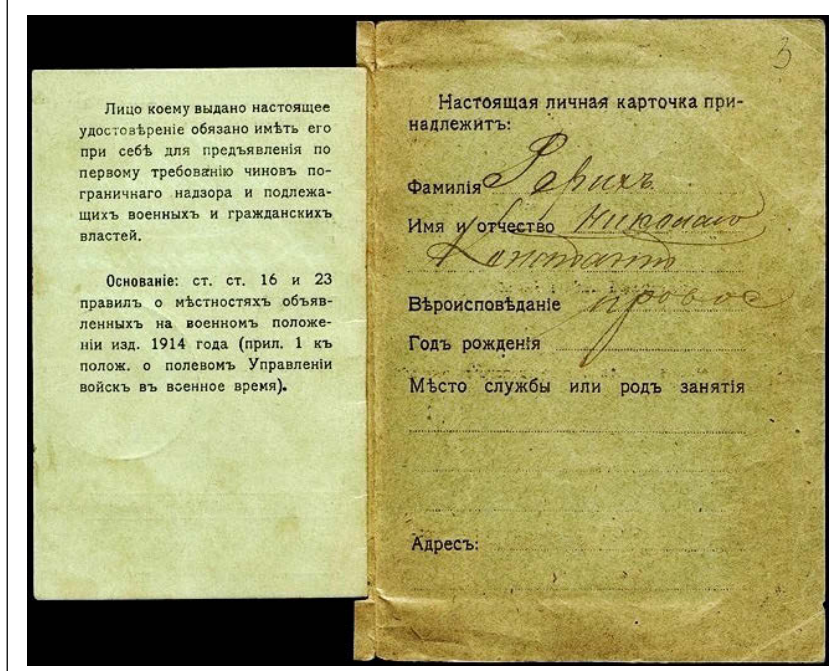
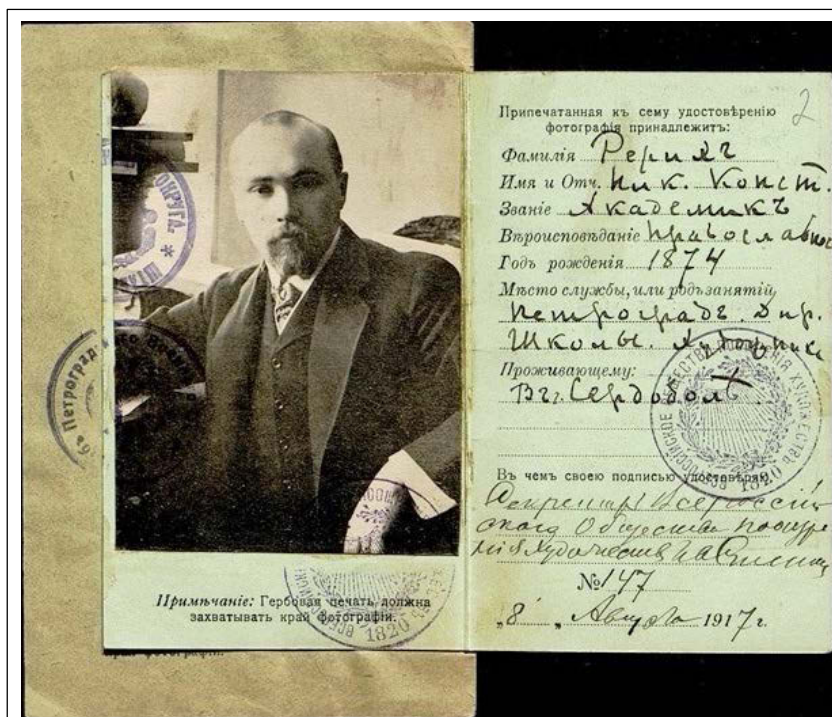
Как наследство Крачковского? Я беспокоюсь.

Твой Н. Р.

6 Авг. 1917.

Архив государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 19-19об... Красный штемпель: вскрыто военной цензурой. Выборгский военный цензор № 12. 8 АВГ. 1917.

8 августа 1917 г. Сердоболь.
Удостоверение Н.К. Рериха.



«Лицо коему выдано настоящее удостоверение обязано иметь его при себе для предъявления по первому требованию чинов пограничного надзора и подлежащих военных и гражданских властей.

Основание: ст. ст. 16 и 23 правил о местностях объявленных на военном положении изд. 1914 года (прил. 1 к полож. о полевом Управлении войск в военное время)».

Архив Музея Рерихов, Москва.

[Лето 1917 г.]

Письмо А. В. Щекатихиной-Потоцкой к Рериху Н.К.

Здравствуйтесь, Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Как Вы проводите это страшное лето? Но Вы вдали от всех житейских волнений, дрязг и работаете себе мирно. Николай Константинович, я хочу Вас беспокоить, хочу просить Вас указать или же рекомендовать меня какой-нибудь работе - всё равно какой. У Морозова мне тяжело подделываться под стиль Бём и вкус г. Бартрама. Иного они не признают.

Семейная жизнь моя не клеится. Мне необходимо уехать, так к[а]к нахожусь в тяжёлых условиях, - говорю Вам от сердца, как старая ученица своему старому учителю. Хочу начать новую жизнь - хочу только работать. Если бы не война и не финансовая невозможность, счастлива была бы уехать очень далеко. Ради Бога, извините меня, Николай Константинович, я вынуждена искать выходы. Вам лучше знать, что я умею делать, к какой работе или месту я пригодна. Обстоятельства научают всякому делу. Г[-н] Морозов собирался в Америку, может быть, уже и уехал, если уехал, то мне там нечего делать, так как Бартрам имеет подходящих для себя помощников и вряд ли меня пригласит. Сейчас я живу на Оредеже, работать невысказано, хотя поначинала. Кошмарное лето.

Преданная Ваша ученица
Петроград, Кирилловская, 18, кв. 23.
Поклон Елене Ивановне и Вашим сыновьям.

А. Щекатихина

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Есть помета: Оредеж.

[Август] 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П.

Петроград.
Морская, 38.
Музей. Общ. Поощр. Художеств.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Ст[епан] П[етрович], между каждым письмом — бездна. Уже разгрузка Петрограда! Что делать с Музеем? Что думаешь? Страшен предварительный момент. Нельзя ли узнать, как отъезд по Фин[ской] дороге, не затруднён ли? У нас говорят, что более не пропускают. А то я приехал бы (здоровье немного лучше, но чувствую себя плохо) - чтобы решить. Что думает В[асилий] А[лександрович] о собрании своём? Будут ли Школы? Если нет, то пусть бы Белый сдал помещения, иначе будут солдаты (рядом с Музеем). Сообщения. Каждый день чреват!

Твой Н. Р.

Многие везут вещи сюда - есть отступление.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 31-31об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 10.?.1917.

**[Август] 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.**

Петроград. Морская, 38.
Общ. Поощр. Худож.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И.М., что подсказывает момент?

Будут ли занятия в Школах при разгрузке? Может быть, уже надо краеугольно решить? Если надо Комитет, то сообщите мне (здоровье моё поправляется), можно ли проезжать через Белоостров. Здесь говорят, что более не пропускают и что обратно тоже уже не попасть на поезд. Пожалуйста, узнайте и сообщите мне. В газетах было, что в Москве в выс[ших] уч[ебных] зав[едениях] занятий не будет, - тем более, в Петрограде. Какие меры с помещением и Музеем? Приходится покупать 1 марка - 1 руб. Разоренье! Жду сообщений.

Ваш РН

РГАЛИ, ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 4-4 об.
Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 10.09.1917 г.

**31 августа 1917 г. Петроград.
Письмо И. М. Степанова к Рериху Н.К.**

Финляндия.
Сердоболь.
Семинария г-на Реляндер.
Академику Н. К. Рериху.

31/VIII.

Дорогой Николай Константинович.

Сейчас говорил по телефону с Финск[ой] ж[елезной] дор[огой]. Никаких препятствий к пропуску из Финл[яндии] в Петроград нет. С документами проезд не запрещён, да и приезжающие есть. Школу закрыть едва ли возможно - могут занять помещение другие учреждения. Заседание собрать никогда не лишне, но теперь Вице-Председателя нет; Ст[епан] Петр[ович] в Киеве. С Музеем благополучно. Евг[ений] Ник[олаевич] отказывается от казначейства. Надо просить оставаться. Вы не оставили мне большой Ваш доклад, и потому я не могу внести его в журнал заседания. Поправляйтесь и приезжайте.

Искренно Вам преданный

Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде неразборчив, в Сердоболе 17.09.1917.

СЕНТЯБРЬ

1 сентября 1917 г. Сердоболь

Докладная записка Н. К. Рериха — Педагогическому Совету школы ОПХ

Товарищи, нам нужно рассмотреть вопросы большого значения.

В собрании Комитета 8 мая с. г. Казначей Общества указал на то, что новая расходная смета Школы достигла небывалой цифры в 100 908 рублей при доходе в 91 208 рублей. При этом, не считая всего предоставленного Обществом помещения, отопления и освещения (что составляет не менее 80 000 рублей), оказывается, что многие статьи доходов находятся под сомнением. Между тем, цифры расходов легко могут возрасти и опрокинуть целесообразность сметы. Положение очень угрожающее. В силу этих непреодолимых обстоятельств Казначей Общества просил принять все меры к тому, чтобы расходы по Школе сократились. С данными сведущего лица нельзя не согласиться. Надо принять все меры к тому, чтобы пережить ближайшее время, не разрушая устойчивости Общества (учреждения частной инициативы), что прежде всего может быть губительно для Школы. И я, который всегда первый говорил о завоеваниях и расширениях Школы, сейчас, убедившись в грозном материальном положении учреждения, говорю о мерах особой предусмотрительности из желания защитить вообще существование нашей Школы.

Кроме правительственных субсидий, о расширении которых нельзя и думать, у меня были основательные предположения о частных пожертвованиях или о помощи города. Но мы знаем, что хозяйство города без всяких средств, а с повышением ставок подоходного налога отложены все переговоры о частных жертвах. И с грустью осматривал я в Финляндии прекрасные здания Сердобольского уездного Училища и Семинарии. Наше численно и внутренне крупное учреждение обставлено бесконечно бедно сравнительно с этими провинциальными Школами.

Неустанно изыскивая способы улучшения положения, надо найти внутренние силы пережить время устроения земли.

Мне очень больно, что мои давние мечты о свободных художественных мастерских опять встречают препятствия. Но я верю, что полезность и своевременность дела выведут нас на новый путь и найдём мы и средства, чтобы завершить идейное строение нашего дела. Верю, верю, надо верить.

Если трудно сохранить размеры расходных статей сметы, То ещё труднее сократить существующее. Хотя я считаю необходимым культурное воздействие предположенных лекций по истории искусства, но думаю, что эти лекции надо отложить. Вместо 200 рублей на пополнение диапозитивов назначить лишь половину и отменить обсуждение эскизов, сократив 180 рублей из суммы музея. Этим сохранится 900 рублей. Больших сокращений я не предвижу. Товарищи, не вспомните ли ещё что-нибудь, что можно отложить временно?

Чтобы ещё несколько улучшить стеснённое положение, в заседании комитета 9 Августа я пожертвовал весь мой гонорар по текущей смете и предложил Комитету следующее:

1. Переименовать инспекцию Школы заведующими Школой и Мастерскими (что вполне соответствует традициям Школы) и присвоить Н. П. Химоне, как представителю заведующих, наименование старшего заведующего Школой с сосредоточением на нём наблюдения за текущею учебною жизнью.
2. Ввиду многочисленности Педагогического Совета и трудности, при несовершенстве путей сообщения, его частого созыва, избрать из числа Совета Комиссию из 7 лиц для обсуждения текущих вопросов, причём всё решённое Комиссией вводится к жизнь лишь временно до созыва ближайшего Совета, где решение Комиссии и обсуждается.

Комитет Общества принял мои предложения, которые я вношу теперь на обсуждение Совета, причём предоставил мне права попечителя Школы. Таким образом, в ведении Директора-Попечителя находится общее руководство художественным направлением Школы, Председательствование в Совете, доклад Комитету и сношения с приглашаемыми преподавателями, с должностными лицами и учреждениями. Наблюдение же за текущею учебною жизнью, дела учащихся, классов, мастерских и канцелярии подлежат ведению старшего заведующего Школою. В случае отсутствия попечитель может временно поручить свои обязанности Старшему Заведующему.

Вследствие моего пожертвования и числа часов присутствия Н. П. Химоны, мы имеем 75 рублей в месяц экономии. Эта сумма могла бы иметь три назначения:

1) Экономия на случай непополнения приходной сметы; 2) Прибавление часов натуры в классах, указанных в записке учащихся при журнале 7 Мая. 3) Частично осуществить одну мастерскую, преобразовав её из одного 7-го класса школы. Предлагаю обсудить указанное теперь же или передать это в комиссию, которую мы выберём. Поясню о предположенной мастерской. Прежнее число классов равнялось 6, седьмой класс установлен недавно. Нельзя ли приступить к мысли о мастерских, добавив число часов работы в этом классе и поручив её одному руководителю, временно, с его неполным посещением. Называю неполным прежнее помещение класса — для мастерской недостаточное. Вообще мечтая и стремясь к свободным художественным мастерским, представляется, что в будущем, сохранив рисовальные и специальные классы, нужные для мастерских прикладного искусства, — можно обратить ещё некоторые классы в ряд отдельных мастерских. Такое положение может расширить понятие школы и ответить современным заданиям искусства. Считаю это предложение очень существенным и предлагаю поручить Комиссии теперь же всесторонне разработать этот проект и доложить соображения Совету.

В остальной нашей жизни существенным является установление вместо классов мужских и женских двух совместных групп занятий, что было уже применено прошлою весною в этюдном классе и очень желательно, так как все прочие классы, мастерские и лекции всегда были совместными.

Музей Русского Искусства при Школе в течение года пополнился рядом произведений художников: Багганц, Фёдор Васильев, Гонзаго, Заурвейд, Лебедев, Владимир Маковский, Константин Маковский, Поленова, Пурвит, Сомов, Стеллецкий, Чемберс, Шапошников, Шишкин, Яремич, принесённых в дар Музею искренними друзьями искусства.

Сгоревшее при пожаре Окружного Суда дело о наследстве С. П. Крачковского временно задержало это крупное поступление. В течение года по моему предложению на всех произведениях прикреплены номера и точные наименования. Музей, ценный не только содержанием, но расширяющий само понятие нашей школы, должен неустанно расти.

Чрезвычайно затруднено производство красок «Изограф». Стоимость труда и материалов делает краски дороже привозных красок английского производства. По качеству краски хороши, но несколько жидки и не имеют плотно кроющей силы. Предлагаю просить комитет о соответственном изменении этикета производства. Товарищи, нет ли ещё соображений о качествах этих красок?

Из прикладных мастерских за отсутствием материала нельзя осуществить мастерскую цветного стекла и чеканную.

Тяжело произносить всё, что относится до сокращения дела. По счастью наш учебный организм так велик, что эти сокращения мало заметны. Надо особенно вдумчиво пережить время, пока материальная жизнь учреждения и всей страны укрепитя.

Мы должны напрячь все силы и в единении с учащимися сберечь нашу свободную народную школу искусства. Ведь наша школа — самая старая, свободная и народная, уже прожила 78 лет.

Конечно, могут найтись враждебные делу, безответственные лица, которые будут усложнять положение Школы. Мне известно, что ещё прошлой весной обращались слухи относительно Школы, не соответствующие действительности. Передавались известия злонамеренно, не стесняясь неправдою. Но мы должны сейчас ответить словами Лассаля: «в нашем щите много вражеских стрел». Будет ли в нём одною стрелой больше или меньше, это не важно, лишь бы сохранить нашу, свободную, школу искусства. Щит не заржавеет. Являясь неотъемлемой частью народной жизни, пусть мы грозно стеснены материально, но зато никто не скажет, что мы умерли духовно. Верим в великое значение искусства для народа.

Какие бы трудности нас ни ожидали, будем твёрдо помнить, что идея народного просвещения всегда должна быть в человечестве самой нерушимой, самой любимой, самой близкой понятию подвига.

Н. Рерих

1 Сент. 1917 г.

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 7-8 об. Машинопись, подпись и число — автограф Н. К. Рериха

1 сентября 1917 г. Петроград.

Открытое письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.

Финляндия. Сердоболь.

Семинария, Г-ну Реляндер, (для передачи академику Н.К. Рериху).

1/ IX.

Дорогой Николай Константинович.

Вчера послал Вам открытку.

Дел у нас всяких бесконечно много: дело постоянной выставки не устроено, нужно новое лицо для заведывания продажей, т.к. Ольга Дм[итриевна] и после постановления Комитета отказывается и удержать её невозможно; дело с аукционами тоже не налажено; Вице-Председателя нет; Ст[епан] Петр[ович] в Киеве. Во всяком случае, спешить особенно нет надобности – поправляйтесь. Повторяю, что проезд через Белоостров с документами беспрепятственный.

Ваш Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. На штемпеле дата: Петроград. 01.09.1917. / Сердоболь. 17.09.1917 г. Стоит штамп военного цензора: 16.09.1917.

3 сентября 1917 г. Петроград.

Открытое письмо В. А. Щавинского к Рериху Н.К.

Сердоболь. Семинариум Реляндер.

Николаю Констант. Рериху.

3/сен.

Дорогой Николай Константинович.

Несомненно, издали всё кажется страшнее. Правда, что и у нас нервы перестали воспринимать, и нам стало «всё равно». Приезжайте, надо приняться за

обсуждение наших дел. На днях я собираюсь уехать в Киев. Жаль, если разъедемся.

Ваш В. Щавинский

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде неразборчив, в Сердоболе 01.10.1917.

**4 сентября 1917 г. Сердоболь.
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.**

Петроград. Морская, 38.
Общ. Поощр. Худож.
Его Превосходительству
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, получил Ваши письма – встревожился положением дел Общества. Приеду в Пятницу вечером. Прошу, соберите Совет Школы (мой брат посылает повестки) спешно на понедельник одиннадцатого Сентября и Комитет на вторник двенадцатого – мой доклад на повестке. Надо решить все дела и установить распорядок. Всё это очень важно. До свидания. Искренно ваш

Н. Рерих

4 Сент. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 5-5 об. На штемпеле дата: Сердоболь. 18.09.1917.
Публикуется по изд.: Н.К. Рерих 1917-1919. Материалы к биографии. СПб. 2008.

**[5 сентября 1917 г.] Сердоболь.
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И.М.**

Петроград.
Морская 38.
Общество Поощрения,
секретарю Общества Степанову.

Обеспокоен положением дел. Приеду пятницу вечером. Сообщите брату. Прошу, соберите спешно совет школы [в] понедельник одиннадцатого, комитет вторник двенадцатого — [на] повестке мой доклад.

Рерих

Центральный государственный исторический архив СПб.Ф. 448, оп. 1, д. 1120, л. 13. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

11 сентября 1917 г.
Заявление Н.К. Рериха в Комитет ВОПХ

В КОМИТЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ.

По болезни отъезжая в Финляндию, прошу разрешить мне отпуск как члену Комитета и извещаю, что обязанности Директора-Попечителя Школы, согласно вновь утверждённого временного положения, мною переданы Н.П. Химоне - старшему заведующему Школой.

11 Сентября 1917 г. Петроград.

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 10.

16 сентября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанов к Рериху Н.К.

Финляндия.
Сердоболь. Sortavala. Kummela д. Genitz, Академику Н. К. Рериху.

Дорогой Николай Константинович,

В день Вашего приезда, вероятно, придётся собрать заседание Комитета, а потому не откажите черкнуть заранее о дне заседания, а мне приятно будет иметь от Вас ещё письмо, которые я блюду с особой тщательностью.

В прошедшем письме к Вам я по рассеянности допустил грамматическую ошибку, а переписывать не было времени.

Искренно с Вами

Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 16.09.1917, в Сердоболе 01.10.1917.



Н.К. Рерих. Грозное облако. 1917.

17 сентября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Яремичу С.П.

Дорогой Степан Петрович, я совсем расклеился, и, видимо, затянулась долгая волынка. Конечно, Комитет может дать мне отпуск, ведь многим преподавателям всегда давали отпуска, а я за 19 лет всего один раз пользовался отпуском. Самочувствие очень плохое, и паршивая маленькая температура. Конечно, плохие нервы всё это усиливают и затягивают. Радуюсь нашему последнему разговору - он даёт надежды, потому что путь нищенства, попрошайничества и злобы - нам не нужен, нужно найти путь собственный, пусть сокращённый, но зато прочно стоящий на своих ногах - на собственных средствах. И, конечно, это путь мастерских, при эксплуатации помещений в доме Общества. Прочти письмо Ив[ану] Мих[айловичу]. Может быть, Комитет поручит мне разработать проект таких мастерских. Во время периода выздоровления я занялся бы этим проектом, который должен сохранить свободную Школу и вернуть Общество на прочный путь. Зачем мы будем бедствовать, когда впереди может быть радостная творческая работа, при горизонтах более широких, нежели прежние. Вместо того, чтобы задыхаться в отчаянии, нам надо искать новые пути. Прежние пути перегружены, значит, нужно найти новые, столь же полезные, но более устойчивые. Раз нет возможностей новых зданий и продаж прежних, - значит, надо построить соответствующую жизнь в прежних пределах. Конечно, я - неисправимый строитель, часто непростительный оптимист и верящий в Россию. Может быть, найдёшь, что строительство сейчас вообще невозможно, что надо и в близком будущем ещё сберечь энергию, свернувшись клубочком. Тогда подождём.

Теперь между днями - лежат бездны. Неужели Германский флот ещё изменит все наши планы и возможности? Неужели разруха ещё более затемнит культурную жизнь? Неужели радости духа будут истреблены голодом? Неужели?..

Настроения в Финляндии тоже нехороши. Идёт смута... Трудное время! Сохрани Тебя Господь! Напиши. Привет Ал[ександру] Ник[олаевичу], Ив[ану] Мих[айловичу].

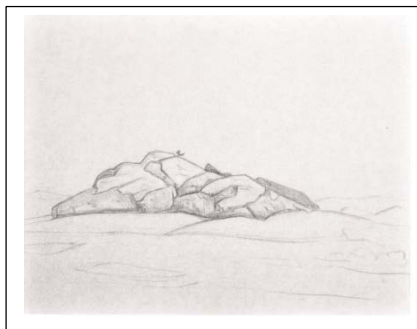
Сердечно Твой

Н. Р.

17 Сентября 1917. Сердоболь.

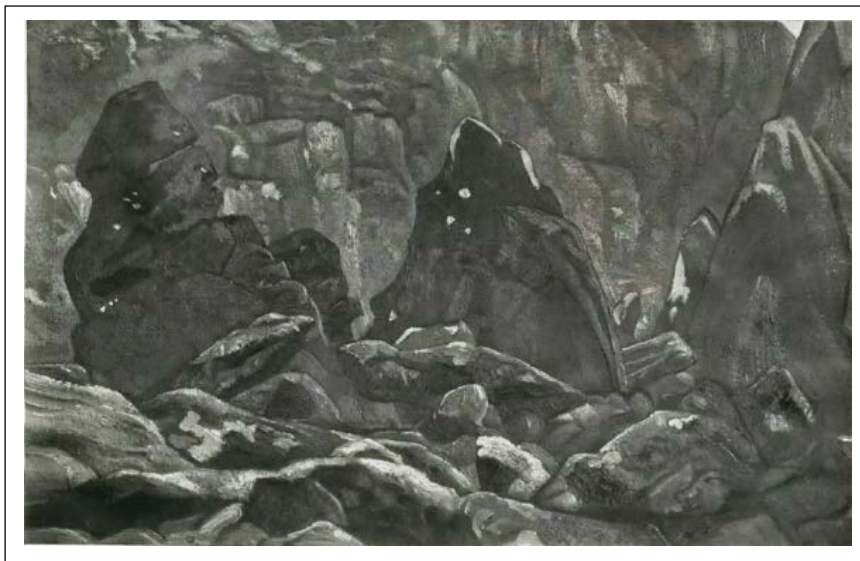
Посмотри у меня в зелёной комнате портрет. Кто это?

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 20-21об. Автограф письма.



Н.К. Рерих. Эскиз. 1917.

19 сентября 1917 г. Сердоболь.



Н.К. Рерих. Конец великанов. 1917.

ПРОРОЧЕСТВО

Устрашитесь, когда Бога назовут не нужным.
Бойтесь время, когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Бойтесь, страшитесь, когда кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь то время, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своём. Бойтесь, когда для зла
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
созданное раньше. И легко исполнят
угрозы и поношения. Бойтесь время,
когда не на чем будет записать
знания ваши. Когда листы писаний
станут непрочными, а слова злыми.
Камень воздвигнется тогда. И храм
каменный сохранит скрижали и
пророчество.

19.IX. 17

20 сентября 1917 г. Петроград.

Письмо И.М. Степанов к Рериху Н.К.

№ 190.

20 Сент. 1917.

Директору-Попечителю Школы Общества Н. К. Рериху.

Препровождая при сём отношении Учебного Отдела Министерства Торгов-
ли и Промышленности от 12 Июля с. г. за № 1166 с приложениями, Комитет

согласно постановления [*слово неразборчиво*] 11 сего Сентября покорнейше просит Вас, М[илостивый] Г[осударь], не отказать сообщить заключение Педагогического Совета по возбуждённому Учебным Отделом вопросу.

Секретарь

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 11.

20 сентября / 2 октября 1917 г.

Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

2 октября н/с 1917.

Сердоболь.

Дорогой Иван Михайлович,

Спешу Вам ответить. Болезнь моя настолько осложняется, что приехать в близком будущем я не могу и полагаю, что имею полное право на отпуск, которым все преподаватели по болезни всегда пользовались. Прошу Комитет собраться, не ожидая меня, теперь же.

Я совершенно против закрытия Школы. Простое постановление я понимал как временное сокращение занятий, вызванное исключительными условиями времени и денежным положением Общества. Если это положение позволит открыть Школу, после лета, в полном размере, в составе классов и мастерских, это доставит мне большую радость. Так как состояние сметы должно быть Комитетом вновь обсуждаемо, то очень прошу ещё раз рассмотреть вопрос положения наших преподавателей. Наша Школа — единственная, которая за всё время войны не могла ничем придти на помощь поистине убийственному положению наших интеллигентных работников. Наши гонорары в 50-100 рублей при вздорожании путей сообщения представляются скорее разъездными деньгами, и если мы прежде могли апеллировать к благотворительности и пожертвованию труда и знаний, то теперь для безумно обострившихся для всего интеллигентного труда условиях просьба о пожертвовании становится невозможной. Прошу этот вопрос обследовать.

Всегда готов письменно поделиться с Комитетом моими сведениями и прошу ещё раз сообщить Комитету, что я, безусловно, против закрытия Школы и соглашался лишь на сокращённые занятия в типе свободных мастерских, расширяемых при первой возможности. Не могу выразить, насколько моя болезнь разбивает все мои планы и отрывает от моих любимых дел. Прошу передать мой привет членам Комитета.

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 18, 20.

21 сентября / 3 октября н/с 1917 г. Сердоболь

Письмо Н. К. Рериха к Руманову А. В.

Дорогой Аркадий Вениаминович,
хочется побеседовать с Вами. У Вас, верно, много решений - хороших и жизненных. Вы говорите о строительном настроении. Но, что строить, не вижу, не знаю. Могу писать картины, но что с ними делать, как с ними поступать - не

ведаю. Предлагают продать собрание картин — моих друзей. Нужно ли на это решиться - и что дадут взамен картин? Тоже не знаешь, как быть.

Поступать, как поступает половина Россиян, т. е. проедать маленькие сбережения, выворачивать наизнанку старые запасы и платья без всяких надежд и перспектив, в чаянии на скорый конец вообще всего? Ведь это не строительство и уж очень мрачно это. И вот я, живший всегда будущим, попадаю в сегодняшний день, в порцию муки и крупы, без всяких мечтаний.

Вижу, что дело Школы разваливается без средств и при глупости учащихся. Значит, скоро и квартиру будем искать. И вдруг все данные, все сведения и знания оказываются неприменимы.

Ещё весною мы были в положении «отклоняющих предложения», а теперь где всё это? Может быть, зря и в Министерство Торговли не пошёл. Конечно, теперь, именно больной, я чувствую, как никогда, близость моего искусства, его ценность для меня. И вспоминаю, что Билибин только что говорил мне, что с удовольствием взялся за обложку, т. е. за то, что решил недавно более не делать.

Столько серьёзного, жизненного нахлынуло. Ведь скоро об искусстве только говорить будут, а применять не будут. Может быть, всё это плохое настроение больного, но, меняя рубли на марки и получая за 250 р. мешок муки, — делается страшно. Ведь эти масштабы ни с чем не соизмеримы. Ведь приходы те же, а расходы в 6-7 раз больше. Расчёт понятный и пугающий. Всё, что было так хорошо, станет так безнадёжно худо. И мы ещё будем, безработными, сидеть на своих творениях. Чувствую, надо поправиться и искать работу.

Надо начать снова, но где и что начать? Устроить за границей выставку; это теперь, при современной репутации всего русского? Что начать и где? Может быть, и Вы этим вопросом заняты и Ваши строения сложны. Всё это трудно. В тиши хорошо, когда есть покой, но, представляя себя себе оторванным и оконченным, тоже трудно. Что лучше?

Пока лечусь и пробую работать, но слабость большая, устаю. Голова работает ясно, образы выявляются, и нужные только для меня вещи наполняют ящик. Мой дорогой друг, мне захотелось побеседовать. Беседа невесела. Думаю, и у Вас нет веселья. Привет Евгении Львовне.

Сердечно Ваш

НР.

3 окт. н/с. 1917. Сердоболь.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва) Ф. 1694, А. В. Руманов, оп. 1, д. 546, л. 27-28об.

[21 сентября / 3 октября 1917 г.] Сердоболь.

Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38. Общество Поощрения Художеств.
Его Превосходительству Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Пишу дополнительно. Не знаю, кто будет подавать особое мнение о Школе? В этом вопросе поможет Е. Н. Фену, который сторонник сокращения занятий, о чём и постановлял Комитет. У меня есть его

письмо, где он только называет занятия иначе: «курсы», а мы называем свободные мастерские, но это только наименование, а сущность дела та же самая. Причём формула Комитета «расширяемые при возможности» очень широка. Конечно, голос финансовый здесь очень важен.

Ваш НР.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 7–7об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 03.10.1917.

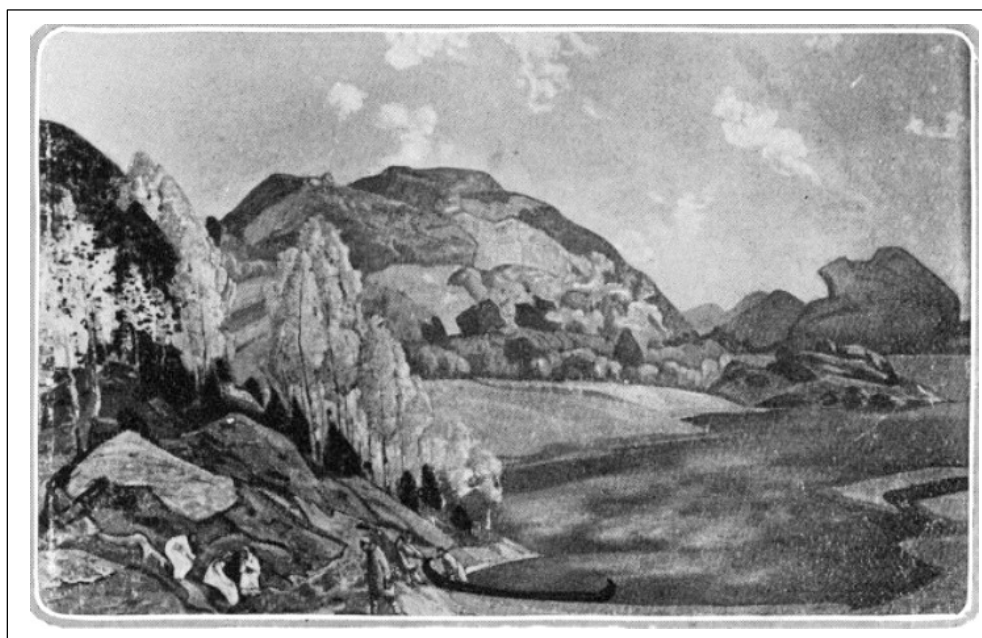
**[25 сентября 1917 г.] Петроград.
Письмо А.П. Иванова к Рериху Н.К.**

...Очень интересно, что такое Ваша Heroica? Серия ли ландшафтов или какой-нибудь цикл с темой поэтической? «Сага о Вёлунде» в Вашей трактовке более ясно могу себе представить, зная Ваш стиль и будучи знаком и с самой песней об этом связанном кузнеце, героическом аспекте огненного бога Локи. Помню даже наизусть один стих оттуда.

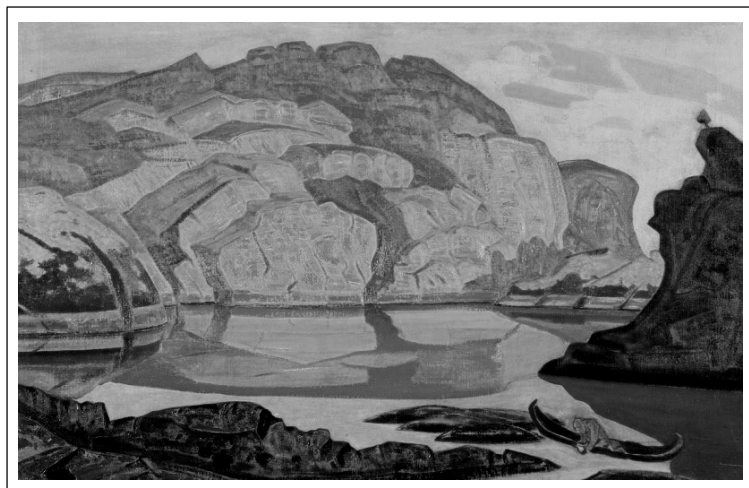
Сведал Нидуд, князь Ниаров,
Что жил Вёлунд в Волчьих Долах.

Но, конечно, увидеть бы самую картину очень, очень бы хотел. Придётся ли? ...

Публикуется по: Елена Сойки. Северный лик Николая Рериха. С. 56.



Н.К. Рерих. Сага о Вёлунде. 1917.
(Однотонное воспроизведение)



Н.К. Рерих. Клад захороненный. 1917.
(Однотонное воспроизведение)

НЕ ОТКРОЮ

Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
Здесь сокрыто. Ведь без тебя
Я наполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
Тебе не удастся.
Если же хочешь болтать –
Тебе придётся солгать.
Выдумай сам и солги,
Но ларец я теперь
не открою.

1917.

25 сентября / 7 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Бенуа А.Н.

Дорогой Александр Николаевич, мои лёгкие опять загнали меня в Сердоболь. Когда выпустят меня отсюда - не знаю. Может быть, буду рентгенизироваться, чтобы установить, что за нелепая форма ползучего процесса. Верно, где-нибудь имеется очаг, который при первой возможности осложняется. Настроение плохое. Живём в обстановке из Кн[ута] Гамсуна. Перед окнами - очень важное место, приход парохода! Покуда вне всяких городских соображений, ещё ничего. Природа хороша, хотя бы из окна. Но финская полукультура или вернее среднекультура, где нет ни низкого, ни большого - всё-таки тягостна. К тому же все они до того пропитаны маленькой политикой, что вопросы духа и, конечно, искусства очень далеки. Хорошо, что хоть есть уважение к искусству. По сравнению со многим нашим и то уже ладно. Всё время идут толки о десанте. Откуда эти вести ползут, почему так упорны эти слухи -

не пойму. Но ждут и ждут «разнообразно». Смотрю на серое небо, на бурные волны - не верится в десант накануне ледостава. Но этот говор всех волнует.

Степ[ан] Петр[ович], вероятно, Тебе передал мою записку о Школе. Как странно, что именно в революционном Правительстве - просветительное, общественное дело должно гибнуть и нищать. Положение дела ещё хуже, нежели я писал, ибо мои данные были от весны, а осень принесла во всём ухудшение. Надо придумать для Школы, хотя бы и сокращённые, но такие формы, чтобы она без нищенства могла бы стоять на своих ногах. Трудно это говорить, мне, строителю, но нужно что-то сделать своими средствами, нежели ждать наше правительство, которое богачу Зубову помогает. Мне представляется тип свободных худож[ественных] мастерских, и живописных, и прикладных. Таким путём, без громоздких «классов», мы всё же сохраним идею единого искусства. Если вообще творчество и строительство будет возможно.

Напиши о Твоих настроениях и работах. Как дело Твоё с Головиным? Будут ли и где выставки М[ира] Иск[усства]?

Привет Анне Карловне. Привет товарищам художникам. От всего сердца желаю Тебе всё светлое.

Сердечно Твой

Н. Перих

Сердоболь. Дом Genetz.

7 окт. н/с. 1917.

Дороговизна — ужасная. Мешок рж. муки — 250 руб. Кило масла — 22 р. и т. д.

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 137, оп. 1, д. 1468, л. 28-29об.

28 сентября / 10 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Иванову А.П.

Сердоболь. Дом Генец.

10 октября н/ст. 1917.

Дорогой Александр Павлович,
получил Вашу весточку. *Прочувствовал* её. Вот как нас раскидало! Живу в Сердоболе, больной - опять ползучее воспаление. Когда пройдёт - бог знает. Дождь бьёт в окна. Передо мной страницы К. Гамсуна с его маленькой культурой. Та же пароходная пристань. Те же интересы малого городка. Дороговизна убивает всё. Мешок рж[аной] муки - 250 р., кило масла 22 руб. и т. д. Как и все россияне, живём, проживаем запасы, вернее, проедаем, а что впереди? Предлагали мне продать нидерландцев, но разве друзей продают? А может быть, этот сантимент более неуместен? Школа распускается, а мне, строителю, можно ли в роспуске участвовать? Учащиеся говорят: будем жить на «дефицит», хоть пропади всё дело, а сегодняшней день наш. При моей дальнорукости такое положение разрушает все надежды. Приходы Общества те же, а расходы ушестерились - формула ужасная в своей ясности. В августе я отказался от директорства и остался попечителем Школы. Каждодневную работу передал Химоне. Комитет это считает временным, но я-то знаю, что к прежнему нет возврата. Есть мысль (неисправимый оптимизм) о новых формах сокращённой школы, но ведь их не дадут провести в жизнь. Если хотите, возьмите у моего

брата мою августовскую записку о Школе. Вы поймёте её и прочувствуете, особенно конец. Пока солнце взойдёт - роса очи выест. Где же свобода и единство? Какие же тёмные силы всё это съели? За это время я написал статью «Единство» - о современном положении, конечно, печатать её негде. В прошлый приезд познакомился с Плехановым и Кропоткиным. Первый мне особенно понравился, - в нём есть строительство! Второму, при его добрых глазах, мне трудно вложить в уста его речи из Писем бунтовщика. Несколько комично выходит.

Ото всего уходил в свою работу. Накоплял мечтания свои. Кому всё это нужно? Нужно нам самим и тому неведомому народу, которому остатки (в виде старинной картины) перейдут. В «Единстве» я провожу мысль об анонимности творчества и думаю, что при перестройке жизни этот принцип пригодится. Ведь время всё равно удалит личность. А мы творений духа временные стражи. И всё-таки, что бы ни мыслили и как бы ни перекраивали жизнь, а всё-таки светочами жизни будут стоять творения анонимные, причём подписи будут лишь сопроводительными нечёткими марками.

«Героика» - из 7 частей. 1. Клад захороненный. 2. Зелье нойды. 3. Приказ. 4. Священные огни. 5. Ждут. 6. Конец великанов. 7. Победители клада.

Четвёртая и шестая части без людей. Конечно, по этим вещам (я считаю их эскизами больших) здесь писать негде, а когда будет можно? Вёлунда — наверно себе не представляете. Первая часть светлая — приезд с братьями. Вторая часть — дочь Нидура пробирается к деревянной клетке — темнице (Чёрное, белое, зелёное). Сейчас буду писать Столпника. Если хотите, пришлю список вещей. У Грюнберга, кажется, всё разваливается. Руманов в курсе этого дела. Трудно здесь жить с гамсуновской культурой. Ни малого, ни большого. Да и всем трудно. Одно плохо — нездоровье. Это уже сверх программы. Привет Вашей супруге. Пишите. Очень рад Вашим вестям.

Сердечно Ваш

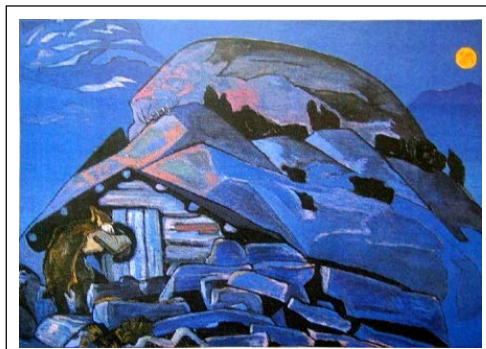
Н. Рерих

Публикуется по: Елена Сошни. Переписка Н. К. Рериха с современниками // Север. 1981. № 4. С. 110.

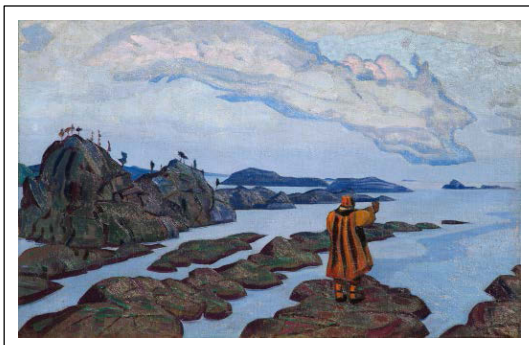
« "Героика" — из 7 частей. 1. Клад захороненный. 2. Зелье нойды. 3. Приказ. 4. Священные огни.*) 5. Ждут. 6. Конец великанов. 7. Победители клада....»



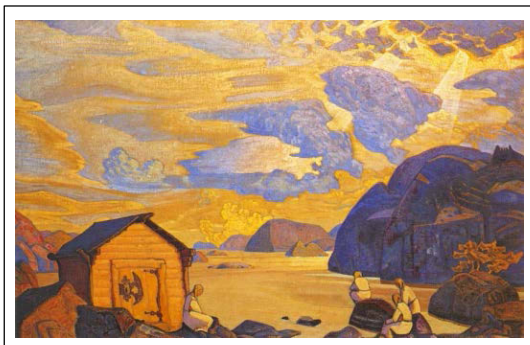
Клад захороненный.



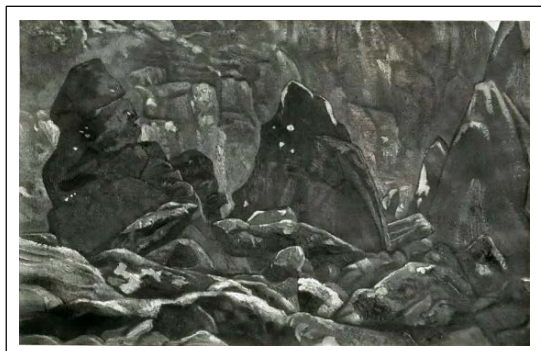
Зелье нойды.



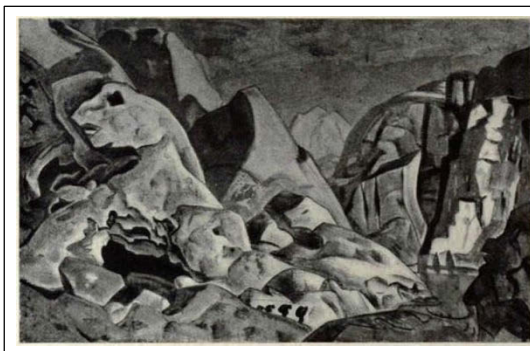
Приказ.



Ждут.



Конец великанов.



Победители клада.

(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмко. 1931 г.)

*) Воспроизведение картины «Священные огни» отсутствует - ред.

29 сентября 1917 г.

Листы из архива Государственного Эрмитажа

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ.

Краткая заметка о школе Общества

Предварительный проект преобразования её.

Школа Общества была основана при старом режиме, и, вполне естественно и даже неизбежно, основатели и организаторы её были **ВЫНУЖДЕННЫ** считаться с царившим тогда везде в России духом формализма и строить школу всё-таки применительно к общепринятым тогда казённым образцам, лишь по возможности вводя в неё некоторые улучшения.

Конечно, и самих организаторов школа не совсем удовлетворяла, но они мирились с ней, ибо только так и можно было, при прежних обстоятельствах, осуществить её.

В самом деле, ныне существующая конструкция школы не вполне соответствует своему назначению с двух точек зрения:

- 1) с точки зрения интересов художественного образования учеников школы и
- 2) с точки зрения финансовой.

Обучение искусствам и художественным ремёслам, как это показывает и заграничная практика, требует более свободного режима, не стесняющего учащихся непрерывным прохождением того или другого числа ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ. В этом отношении система, принятая ныне в школе, могла бы быть, с выгодой для художественного образования учащихся, заменена другой, а именно системой СВОБОДНЫХ МАСТЕРСКИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ИСКУССТВА, дающих полную возможность учащемуся развивать беспрепятственно ту сторону своего дарования, к которой его более влечёт.

Школа должна только дать нужного руководителя и все необходимые средства, как помещение, модели и пр.; и самоё руководство не должно, так сказать, «висеть» над учащимся. Совершенно достаточно, если руководитель придёт три раза в неделю посмотреть работу ученика и сделать руководящие указания.

Кроме того, ныне принятая система последовательных классов обходится слишком дорого. Вознаграждения, получаемые преподавательским персоналом, ничтожные и требует непременно увеличения в двойном и даже тройном размере, а такое увеличение невозможно без чрезмерного повышения платы с учащихся; повышение же платы можно допустить в известном, довольно умеренном, размере, если представить широкий доступ в школу всем слоям населения, что, разумеется, совершенно необходимо.

В настоящее время, когда всё в России перестраивается сизнова и стремится к формам, наиболее соответствующим успешному развитию культурных сил Родины, представляется совершенно неотложным заменить существующий строй школы Общества другим, более соответствующим духу и стремлениям времени, каковой строй и рисуется в системе уже упомянутых СВОБОДНЫХ МАСТЕРСКИХ.

Как будет ниже указано в сметных предположениях, такая реорганизация школы, помимо достижения главной цели, т. е. поднятия художественного образования учащихся, даст возможность также достигнуть упорядочения материального положения учащего персонала, не нарушая соответствия в приходо-расходных статьях школьного бюджета.

На основании всего вышеизложенного, предполагается учредить ПЯТЬ основных мастерских ЧИСТОГО ИСКУССТВА, а именно:

- 1). Мастерская НАГОЙ НАТУРЫ, РИСОВАНИЕ И ЖИВОПИСЬ.
- 2). Мастерская МЁРТВОЙ НАТУРЫ, " "
- 3). Мастерская ПОРТРЕТОВ, " "
- 4). Мастерская СКУЛЬПТУРЫ.
- 5). Мастерская АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАЦИОННАЯ.

Каждая мастерская находится под руководством ПРОФЕССОРА, приходящего три раза в неделю. Остальное время учащиеся работают самостоятельно. Модель — целый день, до и после полудня с кратким перерывом.

Для ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА учреждается пять мастерских:

- 1). Мастерская КЕРАМИКИ.
- 2). Мастерская РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ.

- 3). Мастерская ЖИВОПИСНО-ДЕКОРАЦИОННАЯ.
- 4). Мастерская ЛИТОГРАФИИ.
- 5). Мастерская ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТКАНЕЙ.

Эти мастерские находятся под руководством МАСТЕРОВ-СПЕЦИАЛИСТОВ; художественное руководство этими мастерскими осуществляется Директором школы.

Кроме того, читается три курса лекций:

- 1) по анатомии,
- 2) по перспективе и
- 3) по истории искусств,

для чего приглашаются соответственные лекторы.

Классы для обучения начальному рисованию остаются в пригородных отделах школы, которые будут играть роль подготовительных.

Общее заведывание школой и, главным образом, художественное направление её возлагается на ДИРЕКТОРА школы во всей полноте, который, кроме того, является одним из профессоров-руководителей. — Для заведывания художественно-административной частью школы приглашается ПОМОЩНИК ДИРЕКТОРА, каковой художественным руководителем не является. В помощь ему приглашается СЕКРЕТАРЬ школы.

* * * * *

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ СМЕТА НА СОДЕРЖАНИЕ ШКОЛЫ.

Приход

Приблизительная смета на содержание школы.

Субсидии школе. Р. 25 000

Плата 1000 учеников, считая в том числе 20% бесплатных, по Р.50 за триместр при 3-х триместрах Р. 120 000

Расход

5 профессоров по Р. - 3000. Р. - 15 000

5 мастеров по Р. - 3000 Р. - 15 000

3 лектора по Р. - 1500. Р. - 4500

Директору добав Р. - 1000

Помощнику Директора Р. - 3000

Секретарь. Р. - 2400

Служители. Р. - 17 600

Пригородные отделы. Р. - 15 500

Модели и пр. расходы. Р. 20 000

Музей при школе. Р. - 10 000

Библиотека. Р. - 5000

Содержание зданий. Р. - 20 000

Непредвиденные расходы. Р. - 16 000

Весь приход - Р. - 145 000

Весь расход - Р. - 145 000

Как видно из сметы, плата за обучение значительно повышена; но она всё же весьма невелика и в таком размере не может служить никому препятствием для поступления в школу. Кроме того, предвиден значительный % бесплатных учеников.

Значительный непредвиденный расход в Руб. 16 000 — внесён потому, что при ныне существующих тяжёлых и крайне неурегулированных обстоятельствах действительно возможны крупные экстренные расходы; кроме того, возможно уменьшение поступлений по приходной смете вследствие невзноса части платы учениками.

Во всяком случае, при вышеуказанной схеме приходы и расходы сметы должны сбалансироваться.

29/IX— 17 г.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 591, л. 5-6 об. Машинопись, без подписей.



Н.К. Рерих. Карельский пейзаж (Ладога). 1917.

30 сентября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения Художеств.
Его Превосходительству
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, не знаю, как удобнее передать имущество ученической столовой Комитету. Кому заплатить деньги? Кто даст расписку? Как бы не вышло неприятности из-за пустяка? Оттого Одинцова и получила общее распоряжение «не трогать». Поговорите с Белым. Это уже не моя, а хозяйственная часть. Прошу ещё карточку для моей жены с сыновьями. Здоровье моё очень плохо. Давно так не было. Хочется поправиться!

Ваш НР.

Привет С[тепану] П[етровичу].

РГАЛИ, ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 6-6 об. Штемпель в Сердоболе 30.09.1917 г.

ОКТАБРЬ

6 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н.К. Рериха к Ланговому А.П.

Дорогой Алексей Петрович.

Давно ничего не слышал про Вас. Да и меня самого закинуло в Сердоболь, где я до сих пор задержался из-за ползучей пневмонии. Вы знаете, какая это «приятная вещь», и какое «хорошее» создаёт она самочувствие.

После хорошего, рабочего лета, в Августе я побывал в Петрограде и получил мою испытанную болезнь. Сейчас меня тревожит такой вопрос: события идут так стремительно, что, право, не знаешь, удастся ли оставаться в Финляндии? Как Вы полагаете, если бы пришлось приехать в Москву вчетвером, можно ли там достать помещение, как с пищей, и принимает ли вообще Москва таких приезжих. Нужны, во всяком случае, две комнаты. Как Ваш совет и соображения?

Хотя Финны приняли меня более чем хорошо, но является предположение, как бы не отказаться отрезанным? Слухи – нехороши. Почему-то ждут десант в Финляндию. Откуда берутся эти слухи – трудно сказать, но сами Финны ими обеспокоены, хотя и относятся к ним разнообразно.

Если черкнёте мне Ваше соображение – буду Вам очень признателен. Адрес мой: Сердоболь. Финляндия. Sortavala. Дом Genetz. Мне.

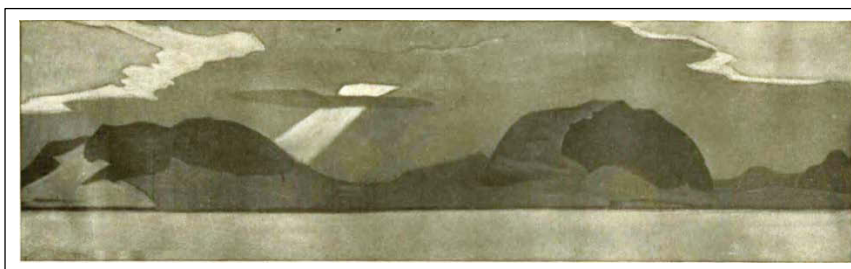
Сердечно Вам преданный

Н. Рерих

6 октября 1917. Сердоболь.

Места здесь очень хороши: лучшее – что я в Финляндии видел. Подлинный романтизм. Осень здесь ещё красивее лета!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 3/253. На штемпелях даты: Сердоболь. 10.10.1917. Москва. 20.10.1917.



Н.К. Рерих. Финляндия. 1917.

(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмченко. 1931.)

6 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Спасибо за письмо. Спасибо за то, что, видимо, принимаете в соображение мои планы. Всегда готов для Комитета, если

поручат, сделать проект. Как теперь с эвакуацией правительства? Неужели оно покинет столицу? Ведь тогда безначалье будет. Что решаете насчёт Музея? Вы знаете, о чём говорю. Радуюсь, если Верещагин оказался близким делу - привет мой ему. Что было в Комитете? Здоровье моё неважно. Хоть бы морозы скорей - при них лёгкое замрёт. День хуже, день лучше. Привет Ст[епану] П[етровичу].

Сердечно Ваш НР.

6 окт. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873. И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 8-8об.

**[Начало октября 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П.**

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой С[тепан] П[етрович]. Спасибо сердечное за письмо. Конечно, все мысли у нас общие. Если Комитет *поручит* мне разработать проект Школы, я немедленно его представлю. Как только начнутся морозы, я приеду (лёгкое замрёт тогда, а сейчас в слякоть ехать очень опасно). Думаю, что к Ноябрью похолодает, и ведь до 1 Января у нас есть время. Будь добр, напиши о Комитете. Буду *ждать поручения* Комитета. Твои мысли об «академии», конечно, по-прежнему близки, как и при первых наших беседах. А «Меч мужества» ведь имеется.

Твой Н. Р.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 24-24об.

Штемпель в Сердоболе <...>. 10.1917. Приписка рукой Яремича (?): получ. 12 окт. 1917.

**[Октябрь 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В.**

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Как Вы живёте? Ввиду всяких слухов у нас новое предположение. Не ехать ли в Москву? Как Вы думаете, когда последний срок. Телеграфируйте, если считаете мысль приемлемой: «хорошо и срок». Ведь и в вагон попасть в Питере нужно! Если оставить северную линию, телеграфните «оставайтесь». Настроение наше бодрое, но слухи неважны! Откуда всё берётся? Как Вы? Я скучаю без Вас. Привет Е[вгению] Л[ьвовне].

Ваш НР.

Говорят, что войска из Финл[яндии] пойдут через наш город.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1694, А. В. Руманов, оп. 1, д. 546, л. 53. Автограф письма без даты.

**7 октября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.**

Всероссийское общество
Поощрения Художеств
7.10.1917.
№ 212.

Попечителю Директору Школы
Николаю Константиновичу Рериху.

Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Комитет Общества в заседании, состоявшемся 5 сего Октября, выслушал:

а) Ваше письмо о необходимости обсудить вопрос о положении школы и преподавателей при создавшихся исключительных условиях; б) заявление казначея Д. И. Верещагина о затруднительном денежном положении Школы и о необходимости принятия экстренных мер для сохранения Школы на будущее время, так как самоё существование её возможно при полном переустройстве и в) внесённое в заседание Комитета прошение комиссии учащихся, основанное на постановлении общего собрания учащихся о разрешении открытия занятий в школе в ближайшие дни в помещении её на Мойке, ввиду того, что желающих работать в настоящее время явилось 360 человек.

По подробном обсуждении означенных вопросов Комитет пришёл к заключению, что современное положение вызывает необходимость переустройства всей Школы на новых началах; что же касается ходатайства учащихся, то Комитет признал необходимым открыть Школу и мастерские в сокращённом виде для желающих работать, а потому постановил:

1) просить Вас не отказать принять на себя работу по составлению проекта реформы Школы Общества на совершенно новых началах, конструируя Школу, если Вы признаете возможным, при условии увеличения платы с учащихся с уменьшением числа преподавателей; 2) ныне открыть школу и мастерские в сокращённом объёме курсов и в виде опыта, по 1 Января 1918 г. и 3) поручить Комиссии из следующих лиц: Н. П. Химоны, Б. К. Рериха, казначея Д. И. Верещагина и Секретар

я просмотреть вновь смету на 1917 и 1918 г. и, сократив насколько возможно расходы Школы, установить увеличенную плату с учащихся до 75 руб. за полугодие и уменьшить до возможного минимума число бесплатных учеников.

Сообщая о настоящем постановлении, прошу принять уверение в отличном уважении.

*Центральный государственный исторический архив, СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 19-19об.
Черновик письма. Машинопись на бланке ВОПХ.*

**9 октября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанова, В.А. Щавинского, С.П. Яремича к Рериху Н.К.**

Финляндия. Сердоболь. Sortavala. Kummela д. Genetz.
Академику Н. К. Рериху.

9/Х.

Дорогой Николай Константинович.

Неотложные дела требуют Вашего присутствия. Возможно скорей необходимо быть Вам в Питере.

Ив. Степанов

В. Щавинский

С. Яремич

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма И. М. Степанова. Штемпель в Петрограде 10.10.1917, в Сердоболе 25.10.1917

[Октябрь] 1917 г. Петроград.

Письмо А.А. Рылова к Рериху Н.К.

...Писал ли тебе Ник[олай] Петрович, что Комитет решается открыть школу на Мойке? Ученики собрали много подписей и очень просят об этом, и что в Демидовом вышло недоразумение: мастерские с *городскими* стипендиатами закрыть неудобно, а вместе с учащимися с Мойки - выходит теснота. Отопление и освещение в Демидовом за счёт учащихся, так было решено в Комитете, а как же городские стипендиаты? Химона говорит, что решено плату увеличить до 75 р. в полугодие. Завтра, в среду, - педагогический совет по этому поводу. Посмотрим, что выйдет. Досс очень дорогая - её, вероятно, не откроют.

Я просил Химону моих зверей тоже, ввиду дороговизны, не выпускать, я думаю ещё что-нибудь сократить, напр[имер], м[ожет] б[ыть], соединить натурные классы.

Ох! Как мрачно на улице, мрачно в России и на душе. Гибнем, что ли? А жить хочется.

Ну, дорогой мой, будь здоров, счастлив и удачлив. Поправляйся.

Будем жить!

Привет супруге твоей.

А. Рылов

В. О., 4 л., 31, к. 12.

Р. С. Комитет скажет - у нас денег нет, чтобы ещё открывать отделение на Юге. Мне кажется, не в деньгах дело, можно пока и без денег, раз помещение готово. Весной можно бы поехать туда, и хотя гипсовые орнаменты развесить, да мольбертов штук 10 поставить, чтобы на школу похоже было. Я бы готов был отказаться от своего жалования на первый год, а там какого-нибудь благодетеля прижали бы к стене в честь святого искусства.

Отопления почти не надо.

Освещение - бесплатное солнце. За квартиры с преподавателей слегка взимать, и за это у нас будут служители и натурщики. Учащиеся будут платить тоже слегка, и даже не слегка. Бабушка русской революции выхлопотала бы учащимся общежитие со столом, а преподавателям — клуб тоже со столом.

Садовницей у нас была бы какая-нибудь бесплатная ученица с помощницами дежурными. В огороде - тоже сами управляться будем. В винограднике был бы у нас виноградарь. Я бы поучился, люблю виноград.

Ну, так вот, как бы это?..

Твой Аркаша

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Начала нет. Без даты.

[11 октября 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой С[тепан] П[етрович]. Будь другом, черкни хоть открытку, что решила Комиссия делать с Музеем. Ведь это единственное достояние Общества. Решите заодно и о моём собрании. Там Вам виднее. Но бросать всё, как есть, по всем событиям - страшно. Судя по всему, события будут расти, и надеяться на чудеса, видимо, больше нельзя. Творений духа мы временные стражи; не погибнет же при нас то, что прожило сотни лет. Будь другом, сообщи, что́ и как.

Твой Н. Р.

Привет И[вану] М[ихайловичу]. Спасибо за письмо ему.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 22-22об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

12 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Добычиной Н.Е.

Конверт с адресом:
Надежде Евсеевне Добычиной.
Марсово Поле 7.

Многоуважаемая Надежда Евсеевна.

Получили ли мои открытки? В виду полной безнадёжности получения вещей из Швеции необходимо покончить дело с Серговским. Будьте добры, предложите ему или вернуть 300 руб., или выбрать в эту сумму мою другую вещь. Теперь не должно быть нерешённых дел. Три вещи, которые у Вас – в этой цене. Или он выберет что-либо иное, подходящее по цене. Все ещё кисну – жду морозов. Как Вы?

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

Сердоболь. 12 окт. 1917 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/104, 2 л.

12 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

12 октября 1917. Сердоболь.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович.

Вследствие письма Вашего за № 212 спешу известить Комитет Всероссийского Общества Поощрения Художеств, что я не премину сейчас же заняться проектом Школы и для этой необходимой работы использую время моего докучного для меня нездоровья.

В основу моего проекта я положу неоднократно уже одобренные Комитетом мои представления о введении свободных мастерских, при основании принципа о единстве искусства.

Хотя и тяжкие, но справедливые заявления г. Казначей необходимо ближайшим порядком принять во внимание, как указывалось в записке моей, при прошлом журнале Комитета приложенной.

Если Комитет решил повысить плату до 75 р. в полугодие и уже явилось 360 платных учащихся, то, конечно, занятия следует увеличить, лишь несколько сократив против прежнего размера. При первых морозах надеюсь приехать и прошу Вас передать мой привет Комитету Общества.

Искренно Вам преданный

Н. Рерих

Центральный государственный исторический архив, СПб. СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 23.

**13 октября 1917 г. Петроград.
Письмо В.Ф. Белый к Рериху Н. К.**

Финляндия. Сердоболь. Kummela. Sortavala, дом Genetz.
Николаю Константиновичу Рериху.

13 окт.

Дорогой Николай Константинович,

На Ваш вопрос относительно музейной комиссии могу ответить, что на неё надежда плоха, т. к. до сих пор вопроса никто не поднимал, а были лишь частные разговоры о невозможности эвакуирования. Вследствие такого наст[р]оения мы (Б[орис] К[онстантинович] и я) думаем в начале недели сделать в Д[емидовом] пер[еулке] кладовую. Думаем притянуть к этому делу и Руман[ова].

Сердечный привет Елене Ивановне и деткам.

Ваш В. Белый

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 16.10.1917, в Сердоболе 07.11.1917.

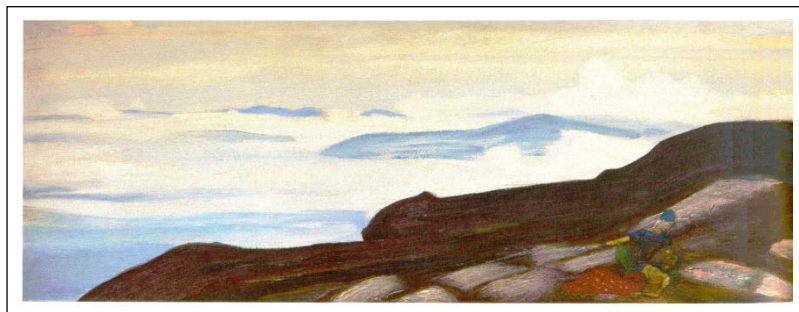
**13 октября 1917 г. Сердоболь.
Открытое письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.**

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой С[тепан] П[етрович]. Как живёшь? Каково настроение? Думаю часто о нашем Украинском разговоре. Пожалуй, и моё участие в Общ[естве] Шевченка имело какое-то значение. Кто знает? Конечно, теперь такое время, что всякие перестроения отпадают. Но подождём. Будем опять оптимистами. Но чем жить? Есть ли съедобное? У нас с едою плохо. Дороговизна такая, что просто возможности не отвечают условиям жизни. Если так пойдёт, то всякий

интеллигентный труд замрёт. Правда, чем тут жить? Как у Тебя — напиши. Погода отчаянная. Для меня это плохо.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 23–23об. На штемпеле в Сердоболе дата 13.10.1917.



Н.К. Рерих. Изгнанники.1917.

[14 октября 1917]. Петроград.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н. К.

Финляндия. Сердоболь. Sortavala. Дом Genetz.
Николаю Константиновичу Рериху.

Приеду понедельник, возможно с Аркадием Вениаминовичем, днём или вечером, не знаю. Приезжать тебе незачем — всё благополучно.

Можешь быть совершенно спокоен. Спрос на художеств[енные] вещи огромный. На выставках всё раскупается. Пер Гюнт, рисунок от Бертенсона, на аукционе достался Руманову за 800 р., и то с большим трудом. Всё нарасхват.
Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Адрес написан рукою Н. К. Рериха. Штемпель в Петрограде 14.10.1917, в Сердоболе 30.10.1917.

1/14 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М.

Петроград. Морская, 38. Канцелярия Всер. Общ. Поощр.
Худ. Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] Михайлович]. Как живёте? Погода не даёт мне оправиться. Бури и ветры. Как Комитет? Что особое мнение, о котором Вы писали. Не понимаю — от кого оно и каковы основания? Как Вы боретесь с дороговизной жизни? В Гельсингфорсе уже пекут хлеб на исландском мхе и кило масла 50 м[арок] при курсе в 112? Каково? Больше всего пугает то, что жизнь расходуется с возможностями. Это страшно. Пишите, как Вы? Всегда рад Вашим вестям.

Ваш НР.

14 окт. н/с. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 9-9об.

14 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П., Щавинскому В. А. , Степанову И. М.

Дорогие мои,

Степан Петрович, Василий Александрович, Иван Михайлович.

Призыв Ваш я получил. Дружеское слово мне близко и ценно. Как только здоровье позволит, так и приеду. С морозами, со снежком.

Начал проект нашей Свободной Академии. Всегда готов написать и сообщить всё полезное нашему общему делу. Школа пусть будет пока в переходном, сокращённом виде. Сообщите, какие неотложные дела? Горю знать.

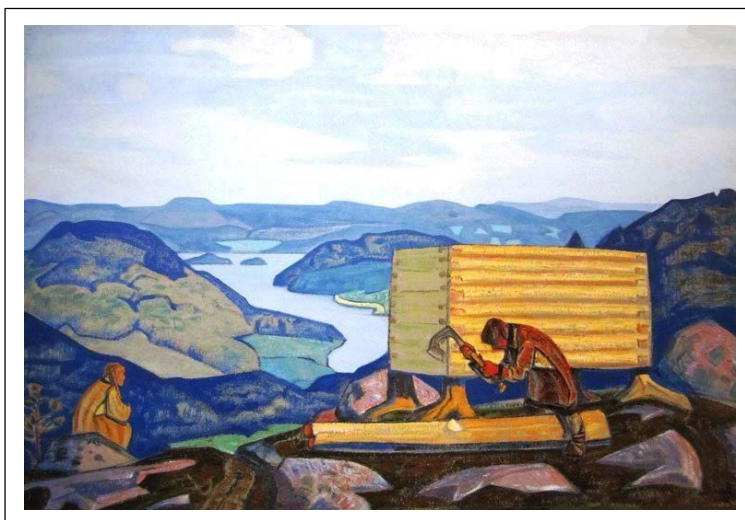
Да хранит Вас Господь.

Сердечно Ваш, духовно с Вами

Н. Рерих

14 окт. 1917. Сердоболь.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 10.



Н.К. Рерих. Новый дом. 1917.

15 октября 1917 г. Петроград

Письмо И. М. Степанова к Н. К. Рериху

15 окт. 1917.

Дорогой Николай Константинович.

Прежде всего, все мы озабочены состоянием Вашего здоровья. Хотя мы и писали, что присутствие Ваше здесь необходимо, но при настоящем состоянии Вашего здоровья о приезде Вашем не может быть и речи. Здесь пока тихо. Вопрос о музее ещё раз внесём на рассмотрение ближайшего заседания Комитета. Для меня, как несведущего человека, кажется, что все страхи преувеличены.

Надеюсь, Вы получили от Степана Петровича эскиз записки о Школе и моё полуофициальное письмо по тому же предмету. Теперь всем совершенно ясно, что при настоящих условиях Школа в таком виде не может оставаться.

Если Вы возьмёте на себя составление плана реформы Школы, то чтобы сохранить права на пенсию Директора и преподавателей (может быть, Ректо-

ра и Профессоров) и санкционировать положение Школы, необходимо внести положение на утверждение Временного Правительства в виде законопроекта. Для этого нужна историческая записка возникновения и деятельности Школы. Так как мы получаем на Школу субсидию от Министерства и Кабинета, то было бы полезно этим же законопроектом испросить ежегодную субсидию 50-100 т[ысяч], и тогда это будет верно и неотъемлемо. В этом нам могут помочь Галецкий и Шидловский.

Если бы Вам понадобились какие-либо материалы, черкните, я Вам вышлю, также пришлю форму законопроекта, который должен быть составлен в этом случае по существующему во Временном Правительстве порядку.

Плохо двигается наше дело о духовном завещании Крачковского; не пришлось бы нам заплатить большие деньги за квартиру, в которой хранятся завещанные нам предметы. Мне кажется, Руманов слишком занят своими делами, чтобы ещё заниматься делом Общества. Я это увидел из дела по иску, предъявленному к нам каким-то типом по аукциону Платера. Так трудно было сговориться с Румановым даже по этому ничтожному делу. Он ни к телефону не подходит, ни на письма не отвечает. К нему обращался, по моей просьбе, Борис Константинович, но и это не помогло. Однако, не найдёте ли возможным, дорогой Николай Константинович, написать Аркадию Вениаминовичу по делу Крачковского. Насколько я знаю, это дело не требует такой длительности.

Вот пока наши главные вопросы.

Искренно Вам преданный

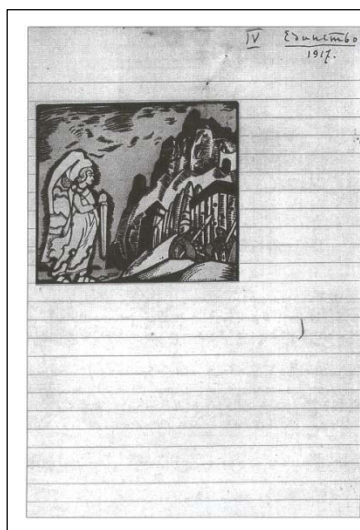
Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Н.К. Рерих. Залив. 1917.

15 октября 1917 г. Залив Единения



Страница рукописи. Начало четвертой части сборника. 1917.

ЕДИНСТВО

Братец! Не знаю, как мыслите вы там в городе. Может быть, слова мои неуместны. Но мне сказали, что они нужны.

Когда звонкою, призывною трубой — кукованье. Когда чётки горлицы вздохи. Когда непонятно мягко и удалённо звенят колокольчики стад. В хвойном бору рождается звон. Хранят звон камни и скалы. В озёра звон погружается. Звенит всё нечеловеческое. Другого не слышно.

Тогда думайте о людях.

Будет так, как должно быть.

Крушение народов. Разрушение городов. Мы думали, это удел истории. Но видим, что ничто не ушло из жизни. Не ушёл и зверь человеческий.

Уйдёт наша раса. Ей на смену возникнет новая. Может быть, уже зарождаются элементы нового народа. Или она придёт извне? Неожиданной, неугаданной. Когда в ночи светильники затемнятся.

В новом народе создастся ещё одна ступень к мировому единству.

Ещё недавно казались слова об единстве — мечтою несбыточной. Ступени единства не однажды выявлялись в жизни. Возникали с ожесточением.

Несостоявшееся равенство. Искалеченное братство. Неосознанная великая свобода, не сочетанная с великим знанием.

Теперь опять гребень метровой волны. Опять слова о единстве. Слова опять грубые. Непохожие на великие провозвестия древности. Может быть, и теперь это только предчувствия. Ещё безмерно сильны основы лжи и враждебности. Ещё живо всё, что единству противоположно. Может быть, ещё придётся пережить ступень обратную. Окунуться в «самоопределение народностей», так противоречивое смыслу мирового единства. Но и здесь чувствуется извилина того же пути. Пусть народности вспомнят все свои корни. Расчлениятся на роды и кланы. Обессиленные очаги создадут новую необъятную волну единства. И новые, умудрённые люди скажут новое общечеловеческое слово.

Мечта о единстве. Она ещё так же далека, как всемирная мечта о «золотом веке». Но она так же жизнеспособна, ибо она повторяет лучшую мечту человечества.

Проповеди пророков, осмеянные «здравыми» людьми, всегда казались мечтами. Но не бытовые собрания, не выдуманные решения толпы, а вещания избранных все-

гда строили главные пути жизни. Велика житейская умудрённость Пилата. Высоко измышлены слова фарисеев, но мечта их рассеяла и стёрла.

Но далеки пути звёзд и мечты. Мнящие себя уже готовыми носителями всемирного единства должны помнить, что вся грязь жизни, клевета и личные счёты безмерно далеки от светлой мечты о единстве. А между тем, глубокие философские учения, которые единственно могут приблизить торжество сознательной правды и единства, встречаются малознающими людьми без всякого внимания. И если сами проповедники крайнего социализма сами лично так нечутки, так далеки от основных начал единства, то значит человечество ещё не организовано для восприятия великой идеи.

Ранее водворения идеи придут проповедники её, которые подкрепят учение личной жизнью. Примеры, кроме немногих исключений, мало годны. Они не заразительны в достаточной мере. И сами социалисты точно опасаются тех, кто должен подвигом жизни подтвердить чистоту учения своего. И в подавляющем большинстве суждений в основе лежит злоба. Но этот бич людей не может прикоснуться к священной идее единства. И каждое незлобное, спокойное слово, подкреплённое доказательствами и наблюдениями, встречается с пеною брани, встречаемо некультурным, огульным отрицанием. Встречаемо всем тем, что наиболее вредит прогрессу мирного человечества. И мы видим, что человечество настолько мало духовно вооружено, что толпы (почти всегда) вместо того, чтобы единением и обменом усугублять массу доброго начала, чаще всего поддаются выявлению начала несовершенного, злого. Отсюда пока высшую радость духа составляют природа и творения человечества уже воплощённые, вне их авторов. Вне всего, что приближает к нам толпу, несовершенную, злую, даже благой порыв которой претворяется в ужас и насилие.

Вы спрашиваете, как же распознавать? Как же узнавать творческие мысли - образы? Неужели, прочтя несколько книг, мы уже что-то можем развить в себе? Но когда вам удастся сосредоточиться, когда вы хоть что-либо подлинно узнаете, тогда поймёте, почему этот вопрос ваш был неуместен.

Реторта алхимика, правда, расплавляла и испепеляла различные металлы, но она не создавала золота.

Поймите свободную законность. Поймите любовь творящую.

Помните, что самое страшное — бунт одичалого народа против знания. Против всех, кто знает больше дикаря. Правда, в истории такие бунты редки, но всё-таки мы их знаем. Содрогаемся, но уже знаем. Ступень такого народа очень низка, но всё-таки бывает народ, изгоняющий учителя. Голодного, самоотверженного народного учителя! Поэтому идея народного просвещения и ближе всего к понятию подвига.

Неужели, подражая свайным жилищам, и нам придётся спасаться на островах, — от кого? От своих. Свои, свои! Откуда в вас эта безмерная дикость? Отчего замолчал в вас голос природы? Где ваш инстинкт, который даже у собак предъявляет природно-разумные веления? Отчего вы всё утеряли? Ведь солнце и звёзды были те же над вами? Каким безмерным трудом сможете вы искупить всю нашу дикость. Какие бездны откроются перед вами. Какие волны воплощений вам предстоят. Если бы вы только могли уразуметь это. Если бы вы могли знать больше того малого, что знаете. Откуда пришло самоуничтожение? Откуда восстание против знания и стремление к равнению по убожеству, по невежеству? Откуда изгнание свободы и замена её тиранией? Если бы вы знали, что вы себе готовите!

Приготовляете неумолимо. «Свои! Свои!» Отчего тупоумны и недоброкачественны вожди ваши? Неужели запятнанный человек может стоять во главе чистой идеи? Вы убиваете душу народа. Но за это убийство вы заплатите безмерно и бесконечно. Убийство души народа и знания непростиимо. И опыт, основанный на наследии пушки и насилия, не есть достижение.

Что общего с социализмом имеют дикие орды «большевиков» и им присных с ярким тяготением к грабежу и насилию?

Эти сборища одичалых рабочих, потерявших лик человеческий, но зато стремительно разбегающиеся от первого выстрела. Все социалисты (если такие есть) должны восстать и уничтожить озверелые толпы. Дикари, они воюют с женщинами и с детьми! Большевики русские могут неотъемлемо гордиться одним, что ими нанесён смертельный удар социализму. Пусть сменит мёртвую букву будущее единство знания и духа. Пусть человечество очистится и твёрдо уничтожит негодяев и глупцов им верящих. Глупость надо искоренить.

И тот, кто вписал бы в исторические исследования геройские страницы русского большевизма, тот скажет отвратительнейшую ложь. Мы поражены бессмысленностью и некультурностью происходящего. Позорное самоуничтожение! Бездарная, кровавая [трагедия] с грабежами. Настоящий бунт рабов против знания. Неужели высокие принципы единства так безмерно далеки от этих дикарей? И чем возместят большевики миллиарды, которые они отняли у народа? Отняли своею грубою ложью. Новые налоги, безмерные тяготы будут памятью об одичалых, продажных большевиках.

Документы их подкупности хранятся. И мы знаем, что не народ, не нация, а банда негодяев была предателями союзников. Большевики будут громить дворцы; они будут разрушать храмы; они будут вредить Финляндии, Украине. Они всюду вносят зерно чёрного начала. Во имя единства, во имя созидательной свободы, во имя законности пусть торопится народ убрать большевиков и тех предателей, которые с ними. Которые получили свои тридцать сребренников.

Помните, как бесконечно долго добивались люди знания, самого простого знания, самой простой красоты. Укроем знание. Как под снежным покровом...

Покров снега греет и сохраняет даже самые нежные листья. Пусть свет хоть северного сияния, но не пожара.

Братья, помните, что наша Россия более всего страдает распушенностью мысли. Распушенность мысли есть следствие отсутствия морального воспитания. Конечно, не схоластически морального, а свободно морального.

Различим всегда красивую, воздымающую мораль от мещанской сентиментальности. Носители искусства и знания, помните это. Помните вы, созидающие будущую жизнь.

Не равнение по невежеству, но поднятие низов — единственная задача человечества. Материализм — есть собачья психология.

В России особенно не укреплено чувство собственности. Неукреплённая собственность вредит возрастанию чувства достоинства. Отсутствие чувства достоинства вредит усовершенствованию. Когда свободный, сознавший чувство достоинства человек укрепится в понимании собственности, тогда он тем легче дойдёт от собственности личной до собственности народной, вселенской. И путь к единству золотого века только через эти три сознания. Но явиться могут они только при единстве духа. Заметьте: толпа наша всегда — безумна. Толпа времени единства будет всегда священна и мудра. Насколько наши толпы далеки от священности свободной, настолько наше человечество далеко от великого единства.

Помните великую легенду о всемирном потопе.

Братья, оставим всё относящееся до обычных мыслей. До прежнего строительства. Мы прикоснулись к первой судороге крушения нашей цивилизации. Когда всё бывшее уже несовершенно, а будущее не в нашем кругозоре.

Исполнятся пророчества древности. И в болезнях и ужасе родится новое человечество. Для него наша боль, наше горе будет мёртвым. Для него будет радость, нам неявленная. Долгая тьма. Нет ещё света. А теперь? Теперь прошу: если сердце начнёт ожесточаться, повели, Могущий, облаку благодати низко спуститься с вершины и покрыть нас благоуханным покровом. Просвети и наставь!

Уже не говорим о высших жизнях. И в жизни человеческой есть путь вне обычной, нелепой усмешки. Есть явления указующие, ведущие, при которых мускулы губ в усмешку не сложатся. Но насильно никто не должен быть убеждаем? Надо выйти за

пределы нашего «сверхъестественного». На пути подлинных знаний, на дороге просвещения безбоязненного к явлениям «обыденным», которые мы, слепые, видим вокруг себя ежечасно и которые мы, глухие, слышим постоянно. Видим — слепые. Слышим — глухие.

Мне могут сказать, что единство человечества вообще невозможно, ибо оно противоречит несовершенной природе человеческой. Но я подчёркиваю, что об абсолютной идее нужно говорить вне случайных условий нашей обстановки.

Наша раса к этому феномену бытия, конечно, не приспособлена. Но раса следующая, быть может, ближайшая, при изменённых биологических условиях жизни, при одинаковой степени просвещения духа, при знаниях могучих, при разумном пользовании забытыми силами природы, создаст реально возможное человеческое мировое единение. Где личные устремления будут превзойдены ревностью о благе общем. Но наши неумелые, шаткие шаги — это только неясные мечтания о том, что ясно возможно на нашей планете при тех же видимых звёздах. Мы ещё элементарно не вооружены для новой, мирной, светлой жизни. Но надо спешить. Надо закалять и поднимать дух. Надо создать людей, которые могут породить человечество, способное взглянуть в ослепительное лицо солнца единства.

И все вы это можете проводить в жизнь. И все вы будете полезны, но не словами, а трудом, творчеством, отрешившись от злобы и лжи. Попробуйте не лгать; попытайтесь не злиться, не заливать побег духа чёрными волнами злобы. Право это на общее место. Право это надо каждому из нас ежедневно твердить, отходя ко сну.

Если вы не можете подняться к добру сразу, скоро, то не думайте, что это означает бессилие ваше. Это неумение. Перед нами путь претворения культуры механического, материалистического интеллекта в культуру духа.

В светлую жизнь благословенного, могучего, просвещённого духа.

Восстановленный дух научит нас понимать свободу. Лишь для злобных трудно отличить преуспевающих людей, но идея знания и свободы ничем не загрязнена, и любить её можно неотвратимо, без огорчений и сомнений малодушных. И если, временно, обессилела душа человека, то душа человечества чиста и сильна. Не смешайте только эту великую душу с душою толпы. Опять помните, если незаметно исчезают культуры целых стран, если сравниваются с землёю величайшие достижения, то одичание приходит совершенно незримо. Равнение по невежеству подходит тайком, ночью при свете пламени. Ещё запомните, что ни наука, ни техника, ни философия не отразят полно душу народа. Её прочтём, лишь отражённую в памятниках искусства. Радость совершенствования разлита во всём творчестве людей, от великих до малейших. И светочами жизни стоят творения.

И мы творений духа временные стражи. Пусть будет ближайшим условием уравнивания радости духа анонимность творчества. Вспомним чудесные скульптуры Египта и Греции. Вспомним изделия старого Китая, поражающие какой-то нерукотворностью. На них уже непонятные надписи. Замолкнувшие навсегда имена. Наконец, обратимся к увлекательным анонимным примитивам, часто с ярлыками, приклеенными лишь чьим-то тщеславием. Авторы этих творений не оставили нам имён своих. Они, видимо, и не стремились к этому. Ими руководили иные задачи. Они дали творения народу и стали творениями народа. Разве произведения стали хуже от их анонимности? Разве кому-нибудь, кроме торговца, нужно определённое имя выше художественного смысла картины? Пустой звук. Отошедший в забвение пустой набор букв. Необъяснимое клеймо.

Подумайте об анонимности творчества. Это не выдумка, а условие вполне жизненное. В нём ещё одна ступень возвеличения духа за преходящими пределами дня. В нём ещё шаг в ускорении мечты человечества. Или все радости должны быть уничтожены? И тогда не нужны и возвеличения духа.

Но без радости духа отбрасывается и весь смысл существования в этой жизни.

Ближайшие условия творчества: внешняя анонимность и внутреннее одухотворение. Не этими ли признаками возросли творения древности, дошедшие до нас через все бури веков?

В искусстве, в великом сердце народов с чуткостью и прозрением отражается всё грядущее. И тем справедливее народам на всех ступенях развития искусство сбереечь и возвеличить.

Биение великого сердца предсказывает. Бурные и терпкие искания. Стремления символизма, со всеми высокими взлётами и падениями.

Всеобобщающий, технический кубизм. Мятежный футуризм. Эклектическое всячество. Все виды синтетической живописи. Всё, к чему отнеслись и здравые, и только под знаком насмешки. Всё это показательно. Всё это преддверия. И последовательность как чутка! Наметятся и новые пути искусства. Кроме широкой, всепроникающей народности, в искусстве опять отразятся символы будущего. Скажем проще.

За последние дни учител[я] напомнили нам о путях духа. Учителя знали, что наступает время великих исканий. Это время должно быть возглавлено выявлением духа. Та же глубина духа отразится и в искусстве, впитавшем все красоты техники. Не мудрование, не рассказ, не подчинение, а грядёт одухотворение. Одухотворение всех вещей. Жизнь — всюду.

Конечно, для высокого духа не пусто слово «братство». И для безмерной, ещё неосознанной просвещённости возможны равенство и единство.

Единство — высшее одухотворение всего существующего.

Но к самым священным словам, к самому заветному, святому месту человечества могут приближаться люди очистившиеся, омытые трудным потом подвига жизни. Всякая личная выгода, личное возвышение около священного места — преступно и отвратительно. Зовите подвиг. Всякая злоба, твержу, и звериность устремлений — губительна для претворения в тело мечты человечества. Всякий подходящий пусть спросит себя, спросит наедине, спросит грозно, может ли он попытаться подавить злобу в себе?

Если сознается себе самому, перед страшным, молчаливым вопросом, то пусть отойдёт и тащится в грязи условностей человеко-звериного существования.

Лишь подвигом деятельным мечта претворится в жизнь. Мечта великая и мирная требует и подвиг великий и мирный. Не изгоняйте мечту, звероподобные, злые в незнании своём! Откуда умирится злоба, если знание не увеличится? Откуда ширина горизонта, если глаза повязаны кровавой завесой? Ещё прежнюю звериною тропую идёт человечество. Где же ему уловить мечту самую чистую, самую свободную. Слепорождённый не знает, что есть свет. Не ведает раб рождённый свободу.

Помните индусское учение о связанных душах.

Души связанные. Души, ищущие свободу. Души свободные. Души вечно свободные. Обратите внимание.

Мудрый говорит, что между связанными и свободными душами ещё стоит целая ступень, резко ограниченная, - души, ищущие свободу. Даже эта душа ещё далека от четвёртой степени. А многие по невежеству, по дикости воображают, что всё может стать доступным сразу. — Без сосредоточения, очищения, освобождения духа. И души, пригодные для единства, то есть третья ступень, как далеки они от злобы, лжи, убийства, грабежа — всего того, что царствует теперь.

Ни злоба, ни невежество, ни своекорыстие развязать их не могут. Не освободят их слова. Хотя бы заклиали их целым словарём добра.

Не отречение, не отказ, не отдача, но действительное благо, добро живого подвига — труда, откроют темницы, опечатанные ложью и злобою. Братья, возлюбите знание и красоту.

Духотворчество должно прийти. Иными путями не прийти. Надо восстановить духотворчество. Вспомнить о водительстве духа. Но как отличить водительство духа? Где он, дух? Где Пути его? Мы забыли и утратили его физическую ощутимость. Забы-

ли к нему обращение. Всякое неизвестное толпе явление, хотя бы оно относилось к явной астрофизике, или биологии, или иной науке, всё-таки будет под знаком сомнения и насмешки. Так легко отрицать и смеяться не зная! Так легко толковать о точной науке, не желая понять, что пределы её безмерны. Забывая, что чувства наши сейчас особенно ограничены, Забывая, что при нашей технической культуре опущено многое, уже открывавшееся не однажды.

Завеса между видимым и невидимым сейчас не становится ещё прозрачнее.

Но пути неоспоримы. В поисках духа возникнет духотворчество. И сделает оно дух осязаемым даже для нашего грубого ощущения.

Оборачиваясь к провозвестиям древности, зная, что самые отвлечённые пророчества чудесным путём ковали новую жизнь, мы обернёмся и к древним знакам духа. Придёт духотворчество. Опять легко смеяться. Легко утверждать, ничего не зная. Особенно легко нам, живущим в полуграмотной стране. Срам-то какой! А если бы каждый грамотный обучил двух неграмотных, то величайший позор отошёл бы в область преданий.

Но никакая темнота не угасит духа. Посмотрите опять на толпы. Во зле друг другу вредящие. Не может так продолжаться.

Спешим от града до града. Слышен грохот тяжело обитых ворот. По каменному полу стучат спешные шаги. Одинокие. Нетронутые недра. Знания мало. Всегда будем помнить, что мы знаем мало. Вступая в тень, встречая ночь, вспомним, что узнали нового. В чём поднялись? Не знаем. Не чувствуем. Изыщем пути.

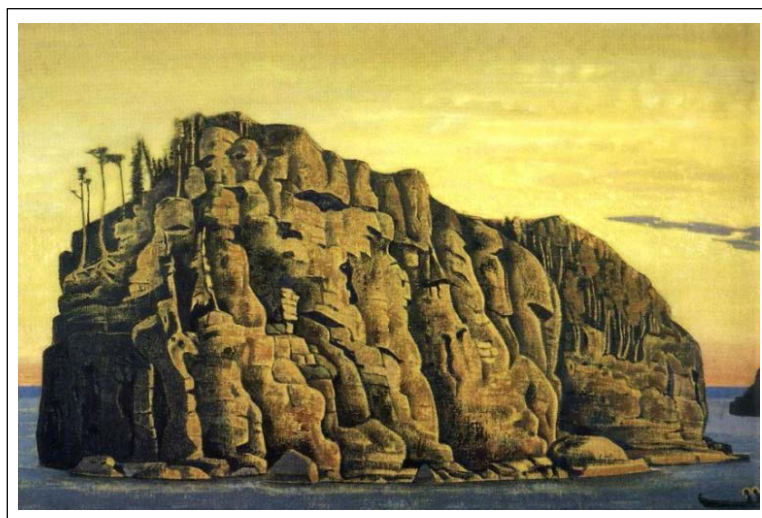
На побережье бесчисленны серые камни. Валуны. Прошедшие объятия волн. На гребне волны вознесённые. Уравненные. Вскройте их. Молотом оживите. В них аметисты, топазы, гиацинты. Кристаллы сверкающие. Отложения десятков тысячелетий. Испытайте. Ищите.

Разбили? Гранит? Опять шпат и кварц? Все камни простые? - Не отчаивайтесь. Верьте. За ночь паук уже переплёл нашу дорожку тонкими нитями... Но разве крепки они?

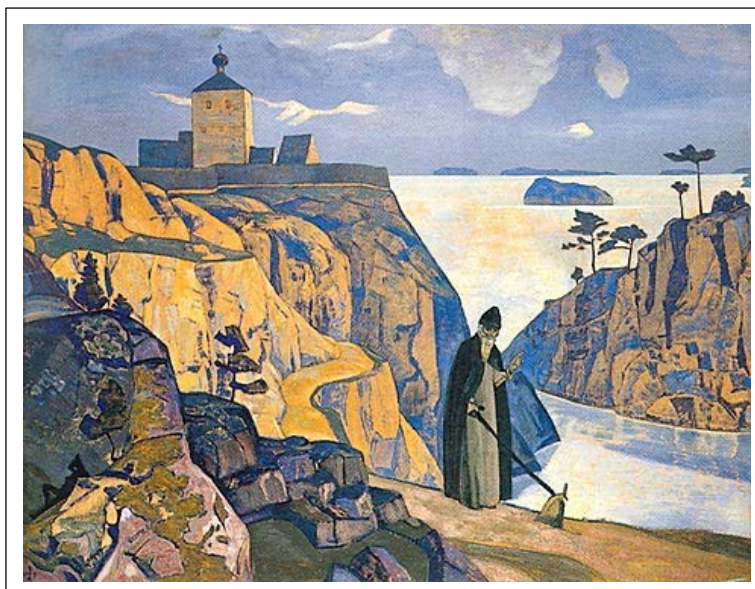
А сколько из птиц перелётных отдадут жизнь за один перелёт? За один перелёт в край чудесный.

Залив Единения. 1917. 15 октября.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Рукопись.



Н.К. Рерих. Святой остров. 1917.



Н.К. Рерих. Святое озеро. 1917.

«Лето 1918-го — на острове Тулола среди разнообразных шхер ладожских. Поездка на Валаам. "Святой остров" (кажется, он теперь в Русском Музее). Россияне мало знали Ладогу!...» (Н.К. Рерих «Финляндия».)

**16 октября 1917 г. Петроград.
Письмо С. И. Метальникова к Рериху Н. К.**

Многоуважаемый Николай Константинович,

Очень был рад получить Ваше письмо и узнать, что Вы так сочувственно и горячо отнеслись к идее устройства в Ливадии Университета и «Дома искусств». Я не мог ответить Вам тотчас на Ваши вопросы, так как ждал сведений из Ялты, где образовалось из местных общественных деятелей особое общество для проведения этого про[е]кта в жизнь. Вчера приехала из Ялты особая делегация, и мне сообщили, что город и земство точно так же отнеслись очень сочувственно к этой идее и ассигновали даже некоторые средства. Правительственный Комиссар, заведующий Царскими именными, также сочувствует этой идее и сообщил нам, что готов немедленно передать некоторые помещения и дворец для этой цели. Собственно, большинство имеет в виду, главным образом, Университет. Я же и многие другие общественные деятели Ялты именно хотят соединить Университет (дело идёт только об одном естественном или философском факультете пока) с Домом Искусств.

Сегодня я иду с делегацией в Удель, чтобы говорить там с главным Комиссаром и через него с Временным Правительством об уступке помещений Ливадии для нашей цели. Вот всё пока, что я могу сообщить Вам об этом деле.

Я также очень радуюсь схождению наших путей, тем более, что я всегда страстно любил искусство. Скажу откровенно, вначале я мало понимал Ваше художественное творчество, но теперь я всё более и более начинаю его понимать и любить.

С искренним уважением,

С. Метальников

16 Октября 1917 г.
Английский пр., 32. Петроград.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Автограф письма на бланке Петроградской биологической лаборатории.

16 октября [1917 г.]

Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К.

16 окт. 7 ч. веч.

Дорогой Николай Константинович.

Сейчас мне сообщил по телефону Степан Петрович, что Руманов обиделся на то, что я не послал ему полной доверенности на ведение дел Общества. Дело было так: Ст[епан] Петр[ович] передал мне от имени Руманова *бланк* доверенности, которая начинается с предоставления права на залог, продажу и проч., и проч. имущества доверителя. Для какой надобности был прислан этот бланк, для формы или подписания я не знаю, но Ст[епан] Петр[ович], Д. И. Верещагин и В. А. Щавинский пришли к заключению, что такую доверенность можно дать только с ведома общего собрания. Впрочем, я, как Секретарь, доверенности дать и не мог и ещё до заседания выписал с присланного бланка доверенность по данному делу и за две недели до слушания дела послал при письме Руманову и просил внести какие нужно поправки (хотя бы и полную доверенность), если она ему необходима) и дать мне указания. Ответа не получил. 6 Октября я писал ему и просил сообщить, в чём дело. Ответа не получил. 13 Октября (накануне слушания дела) послал подлинное постановление об уполномочии его на ведение дела. Ответа не получил.

В заседании, на котором А[ркадий] В[ениаминович] не присутствовал, я докладывал дело, и Комитет решил выдать доверенность по данному делу. Сразу же я составил постановление и дал к подписи Членам. Как я мог поступить иначе, не знаю.

На всякий случай считаю необходимым сообщить Вам об этом.

Душевно преданный,

Ив. Степ[анов]

Я хотел бы знать Ваше мнение, дорогой Николай Константинович, допустимо ли такое отношение Руманова. Казалось бы, это не вытекает из долга вежливости к человеку старше его по возрасту.

Пищу Вам голую истину совершенно искренно, т. к. только совершенно искренно и прямодушно я могу вести работу в Обществе Поощрения. Иначе работа была бы невозможна.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

16 октября 1917 г. Петроград.

Письмо С. И. Метальникова к Рериху Н.К.

Многоуважаемый Николай Константинович,

Очень был рад получить Ваше письмо и узнать, что Вы так сочувственно и горячо отнеслись к идее устройства в Ливадии Университета и «Дома искусств». Я не мог ответить Вам тотчас на Ваши вопросы, так как ждал сведений из Ялты, где образовалось из местных общественных деятелей особое общество для проведения этого проекта в жизнь. Вчера приехала из Ялты особая делегация, и мне сообщили, что город и земство точно так же отнеслись очень сочувственно к этой идее и ассигновали даже некоторые средства. Правительственный Комиссар, заведующий Царскими имениями, также сочувствует этой идее и сообщил нам, что готов немедленно передать некоторые помещения и дворец для этой цели. Собственно, большинство имеет в виду, главным

образом, Университет. Я же и многие другие общественные деятели Ялты именно хотят соединить Университет (дело идёт только об одном естественном или философском факультете пока) с Домом Искусств.

Сегодня я иду с делегацией в Уделы, чтобы говорить там с главным Комиссаром и через него с Временным Правительством об уступке помещений Ливадии для нашей цели. Вот всё пока, что я могу сообщить Вам об этом деле.

Я также очень радуюсь схождению наших путей, тем более, что я всегда страстно любил искусство. Скажу откровенно, вначале я мало понимал Ваше художественное творчество, но теперь я всё более и более начинаю его понимать и любить.

С искренним уважением,

С. Метальников

16 Октября 1917 г. Английский пр., 32. Петроград.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма на бланке Петроградской биологической лаборатории.

19 октября 1917 г.

Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Степан Петрович, очень рад был получить о Тебе вести и сожалел, узнав, что Ты болел. Спасибо за все дружеские наименования, которые Ты мне дал в беседе с моей женой. Составляю *три версии реформы*. Одна из них или комбинированная из двух ответит запросам дела. Черкни мне, кому Ты приписываешь портрет у меня в зел[ёной] комнате. Я думаю Mytens, тот, который в Швеции работал, а гризаль де Витте. Привет И[вану] М[ихайловичу] и В[асилию] А[лександровичу]. Сердечно Твой

Н. Р.

19 окт 1917.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 30–30об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

20 октября 1917 г.

Письмо Н. К. Рериха к Руманову А.В.

Копия

1917. 20 окт.
Петроград, Морская 35, Руманову.

Обеспокоенный делом Крачковского, прошу, сообщите, как ускорить получение наследства. Боюсь большого ущерба желанием жертвователя. Письмо следует.

Душеприказчик Рерих

ЦГИА СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1587, л. 42. Копия телеграммы, написанная рукою Н. К. Рериха.

20 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Иван Михайлович.

Спасибо за Ваше доверительное письмо. Я сам всегда ищу искренность, и только на почве доверия можно работать. Когда приеду, мы выясним и побеседуем близко. Делом Крачковского я очень всё время встревожен. Говорят, что восстановление уничтоженного требует много времени. Сейчас я послал ещё депешу. Копию присоедините к делу.

Занимаюсь проектом «Свободной Академии». Предоставлю три версии. Очень хорошо, если Вы займётесь пока проектом исторической справки. Материалы к ней:

1) Исторический очерк «75 лет Школы» - он имеется в Библиотеке и в складе.

2) Мои записки, присоединённые к протоколам Комитета за последние годы, с 1912 г. В них указан и размер нашего дела, и вся трогательность того, что частное общество положило столько духовного интереса на всенародное просветительное учреждение. Даже лучше, если историческая справка будет составлена не мною самим. Бесстрашный голос историка тут нужнее.

В очерке имеется и отзыв Министерства Торговли.

Приехать мне сейчас, при такой сырой погоде, было бы губительно. Ведь теперь если остаётся что, то это руки и здоровье. Как станет снег, так и приеду; и всею душой буду рад заняться близким делом.

Привет нашим друзьям!

Искренно Ваш

Н. Рерих

20 окт. 1917.

Сердоболь.

Я слышал, что Ст[епан] Петр[ович] был нездоров. Что это? Надеюсь, не опасно. Пусть бережётся. Моя квартира — в его распоряжении.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 11-12. Автограф письма.

21 октября 1917 г. Петроград
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К.

21 Окт. 1917.

Дорогой Николай Константинович.

Вчера, по настоянию нашего казначея, собрались для обсуждения вопроса о финансовом положении Школы: Д. И. Верещагин, В. А. Щавинский, Ст[епан] Петр[ович] и я. По подсчёту выяснилось, что дефицит к концу 1917/18 уч[ебного] года по школе выразится в сумме более 91 000 р., при условии, что преподаватели не получают ни гроша прибавки. Необходимо просить об увеличении субсидии Министерство Торговли и Промышленности, Городское Общественное Самоуправление и Уездное Земство. Решили просить Вас составить коротенькую записку о значении школы и недостатке средств.

Сейчас вернулся из Канцелярии Временного Правительства, спрашивал у знакомого чиновника, как составить представление о штатах новой школы и

постоянной субсидии (законодательной). Мне сказали, что нужно составить коротенькую, совершенно официально написанную историю школы, её значение и проч. и заключительную часть о том, чего желает от Правительства Общество Поощрения Художеств, т. е. просит об утверждении штатов и субсидии (думается, ежегодно 100 000 руб.). Проект представления, прежде всего, нужно представить на заключение Государственного Контроля и М-ва Финансов.

На днях собираем заседание Комитета и доложим финансовое положение школы и какие от того могут быть последствия.

Пишу Вам всё, что у нас происходит.

Душевно Вам преданный

Ив. Степанов

Надо бы переписать это письмо, но тороплюсь на почту. В 4 ч. закрывают.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

22 октября [1917г.]

Письмо А.А. Рылова к Рериху Н. К.

22/X. Воскресенье.

Вчера я был в Школе. Из преподав[ателей] был только ещё Дмоховский. Учеников мало. Настроение на улицах тревожное, была стрельба, магазины в 4 часа стали закрываться ставнями и щитами. Под Петроград[ом] идёт бой с войсками Керенского.

Сегодня с утра слышалась стрельба.

Что будет, Бог знает!

Целую тебя.

Аркаша

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

23 октября 1917 г. Петроград

Письмо И.М. Степанова к Н. К. Рериху

23/X, понедельник.

Дорогой Николай Константинович.

В письме, посланном Вам в субботу, забыл написать, что коллективное письмо вызвано было докладом казначея о том, что передержка по смете 1917/18 г. выразится в сумме более 91 000 р., и мы имели в виду в Вашем присутствии обсудить создавшееся положение Школы, при котором мы платим преподавателям от 40 р. в месяц, на что Вы неоднократно обращали внимание. Загородные же преподавателе[ль]ницы получают содержание, равное расходам на трамвай. Поэтому в ближайшее заседание (в четверг 26-го) вносится доклад о необходимости сокращения числа преподавателей и об увеличении содержания загородным преподавателям вдвое. Эта мера, переходная к новой Школе.

На днях, при переговорах с Берг[г]ольцем об увеличении платы за лишние дни выставки, он довольно твёрдо заявил, что по окончании выставки сряду же внесёт задаток на будущий год, как это он делал раньше. Но и я твёрдо ему заявил, что не могу распорядиться принять задаток до рассмотрения этого заявления Комитетом, от которого только и зависит дать разрешение. Этим

Берг[г]ольц был крайне удивлён, и затем мы мирно разошлись по своим местам.

Вот пока текущие наши вопросы.

Поберегите себя. Не торопитесь сюда. Ваше здоровье важнее очень многого.

Душевно с Вами,

Ив. Степанов

Сейчас получил прошение Зарубина, в котором он просит вновь пенсию по болезни. Также единовременное пособие из сумм Общества.

Какое горе, ведь нет его дела в канцелярии, нет и формулярного списка. Кроме того, для пенсии по болезни нужно много формальностей, а с ним трудно говорить. Я пробовал. В законе указаны, кто [по] обществу имеет право на пенсию: только Директор и преподаватели. Да ведь он был преподавателем два-три года, а Секретари, Педаго[гический] Совет и Комитет лишены права на пенсию.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Есть помета Рериха: Получено 10 Ноября 1917.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Во второй половине 1917-го года к нам в Финляндию начали приезжать друзья и сотрудники. Приезжала Добычина за картинами, ибо всё время на них увеличивался спрос по очень крупным ценам. И Арбенин тоже просил картин, — жаль, что он скоропостижно умер, и расчёты с ним все обрушились. Приехал и Химона от Совета и учащихся Школы. Были настойчивые приглашения и даже требования как можно скорее вернуться, ибо все сочувствовали моему проекту преобразовать Школу в Народную Академию. Передавали также о моей кандидатуре в министры изящных искусств. Но нездоровье — несноснейшая ползучая пневмония — даже и в прекрасном климате Карелии всё ещё давало себя чувствовать. Хорошо, что после 50 лет всякие лёгочные невзгоды потом прошли. Говорят, что это обычное явление. Но во второй половине Ноября я всё же поехал для обсуждения Народной Академии, которая уже с давних времён была мне близка.

.....

Публикуется по изданию: Рерих Н. К. «Листы дневника», т. 3. М., 1996.

24 октября 1917 г. Сердоболь.

Проект Н.К. Рериха реформы Школы Общества поощрения художеств.

СВОБОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Комитет Всероссийского Общества Поощрения Художеств обратился ко мне:

1) с извещением о заслушании моего письма от 5-ого Октября о необходимости обсудить вопрос о положении Школы и гонорара преподавателей при создавшихся исключительных условиях.

2) с просьбой «принять на себя работу по составлению проекта реформы Школы Общества на совершенно новых началах, конструируя Школу при условии увеличения платы с учащихся с уменьшением числа преподавателей».

Исполняя просьбу Комитета, представляю следующие соображения о преобразовании Школы Общества:

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Веление искусства: полное восстановление начала единства искусства. Полное сотрудничество мастерских так называемого чистого искусства и мастерских прикладных. Сохраняя принцип единства искусства, наше учреждение всегда будет занимать особо значительное место, будет оставаться на гребне волны. Оно ещё раз исправит общую ошибку, отделившую отрасли единого искусства друг от друга. Исправит нелепую постановку дела, отдаляющую торжество общенародности искусства.

Знаем, что душу народа выражает не наука, не философия, не техника. Лишь памятники искусства выражают глубокое понятие — душу народа. И тем искусство всегда будет народным. И если мы верим в грядущую культуру духа, мы знаем, что скучает ступени этой светлой культуры искусство общенародное, углублённое творчеством, ставшее насущным для всей жизни государств.

Праздник духа, торжества искусства придёт. Этот призыв, это заклинание твёрдо повторим в дни войны и смятения.

Требование жизни: обращение к принципу мастерской после подчинённого, скользящего понятия переходного класса. Класс с формальными отличиями отметок и перехода всегда далёк от углублённой черновой работы в преддверии искусства. Только длительная работа в свободно избранной отрасли искусства под ближайшим руководством мастера возглавит подлинное приближение к искусству живому. Даст приближение к трудовому творчеству, строгому, углублённому, которое создаст радость духа, общую всем векам и народам.

Уже с 1913 года я постоянно выдвигал в нашей Школе идею свободных художественных мастерских. Суровые условия жизни постоянно отдаляли эту мечту за недостатком средств. Уже удалось открыть в Школе Архитектурную мастерскую, первую в предположенном ряду, но и её через год пришлось прервать по тем же материальным соображениям. Теперь снова властно выдвигается необходимость пересмотра всего Школьного уклада. Конечно, при наличии крупных средств и предполагавшегося нового обширного здания (не выполненного лишь по условиям войны) можно было думать о сохранении всей основной Школы и о возглавлении её целым рядом свободных мастерских, о чём я неоднократно представлял Комитету.

Но теперь, при изменившихся условиях, при непомерном вздорожании всей жизни, все наши сметы опрокинуты и наши сметные предположения из скромных сделались нежизненными по своей ничтожности. Оценивая, здраво и бесстрашно, положение нашей Школы, мы будем совершенно правы, полагая, что лишь путём преобразования можно вообще сохранить так ценное для всех нас понятие Школы Искусства. Искания новых форм дела тем легче для нас, что вполне возглавленный принцип свободных мастерских — «Свободной Академии» — нами уже был не только неоднократно обсуждаем в Педагогическом Совете и Комитете, но и вполне принят. Если мы не можем добавить к полному прежнему составу дела понятие «Свободной Академии», то ясно, что именно в пределах этого начала должны находиться наши настоящие утверждения. Но, терпя несчастья со стороны материальной, мы должны получить достаточную сметную обоснованность. Только утвердив материальную сторону настолько, чтобы она не препятствовала учебному плану, мы можем уверенно приняться за новую версию нашего дела. И при основах свободных и независимых, при работе не за страх, а за совесть, при сотрудничестве лиц, проникнутых строгою любовью к искусству - возможен рост нашего любимого дела.

В многообразии ценных форм искусства трудно установить идеологически обоснованное число желательных мастерских. Сама жизнь может исправлять и заполнять эту задачу. Мы же, в конкретных условиях, можем исходить из существующего, применяя и изменяя наше, сложенное долгим временем, положение Школы. И в

этом будет сохранение наших традиций, всегда у нас бывших свободными и чуткими к велениям искусства.

Возьмём наименьшее. Примем для начала десять мастерских. Пять мастерских чистого искусства и пять прикладного.

Три мастерских живописных. Одна скульптурная с лепным отделом. Одна архитектурно-декоративная, т. е. сочинения рисунков с отделом съёмки с натуры.

Пять мастерских прикладных: 1. Декоративная. 2. Столярно-резчицкая. 3. Графическая с отделом литографии. 4. Рукодельно-ткацкая. 5. Керамическая с отделом фарфора. Для занимающихся в прикладных мастерских и вольноприходящих должны быть сохранены 4 орнаментно-рисовальных и фигурных отдела, и живопись «натюр морте», и уроки черчения (может быть, включённые в архитектурно-декоративную мастерскую).

Кроме того, необходимы общие лекции по истории искусства, анатомии и перспективе.

Должен быть сохранён курс педагогики, который за два года существования показал, какое серьёзное внимание учащихся он привлекает.

В полной мере должны быть сохранены наши пригородные Отделения, - эти живые рассадники художественно-технического просвещения среди фабрично-рабочего подрастающего поколения. Рисование, черчение, основы сочинения рисунков и начальная техника красок совершенно заслуженно оцениваются управлениями заводов и существенно способствуют увеличению заработка для окончивших наши отделения. Но кроме практической стороны мы, строители жизни искусства, знаем, какое огромное духовное значение заключается в наших просветительных отделах для культуры рабочего контингента. При бесплатности и широкой доступности наши Пригородные Отделения поистине украшают идейную сторону нашего учреждения. Как отдельное, начинание представляется полезным общий воскресный класс, так полезный для учащихся среднеучебных заведений и для лиц, служащих и занятых в будние дни.

Преподавание в этом классе могло бы быть поставлено на началах, так сказать, приват-доцентства. Преподаватели могли бы быть приглашаемы без постоянного содержания, причём плата от учащихся по 1 рублю за урок за вычетом половины за натуру поступала бы в их пользу. Таким путём, не обременяя смету, мы могли бы сохранить установление, очень нужное в смысле начального художественного просвещения в широких слоях населения. При успехе воскресного класса он всегда мог бы быть увеличен за счёт каникул или прибавления часов.

В отношении основной Свободной Академии рост дела подскажет и целесообразные расширения, и включение новых отраслей. (Вторая лепная мастерская, чеканка, стекло, мозаика, ювелирное дело и пр.) При этом число мастерских может быть увеличиваемо также на основаниях приват-доцентуры.

Перейдём к общим положениям Свободной Академии.

Помним, что наибольшая краткость Устава соответствует наибольшему объёму и жизненности дела, основной Устав Общества, составленный Д. В. Григоровичем, очерчен для своего времени изумительно обширно и свободно. Полный искреннего почтения памяти этого замечательного деятеля нашего Общества, предлагаю всячески сохранять основной Устав и в инструктивном порядке заменить соответственные расширенные понятия.

I. Цель Свободной Академии — способствовать образованию полезных художников в различных отраслях искусства.

II. Во главе Свободной Академии стоит Ректор, избираемый Комитетом Общества из числа известных Художников. Ректор руководит общим художественным направлением Свободной Академии, председательствует в Совете профессоров-руководителей, в комиссиях и частных совещаниях, имеет доклад Комитету, в котором состоит непременно членом, и сносится с приглашаемым учебным персоналом,

а также с учреждениями и должностными лицами. (По представлению Ректора может быть избираем Проректор, заменяющий в случае отсутствия Ректора.)

III. Для заведывания хозяйственно-административной частью Академии Комитет избирает из числа кандидатов, представляемых Ректором, Заведующего Мастерскими. В ведении Заведующего Мастерскими находятся все дела учащихся, выдачи билетов, приём платы учащихся (передаваемой в Кассу Общества) и текущие хозяйственные дела учреждения.

IV. Должности Ректора и Заведующего Мастерскими не совмещаемы с прочими должностями по Свободной Академии.

V. Для заведывания Канцелярией Свободной Академии избирается Комитетом по представлению Ректора Секретарь, состоящий в непосредственном ведении Ректора.

VI. Профессора-руководители избираются Комитетом Общества из числа кандидатов, представляемых Ректором. Кандидаты, предварительно избранные Комитетом, обсуждаются по представлению Ректора в Совете Свободной Академии.

VII. Совет Свободной Академии, ведающий всеми делами Академии и представляющий через Ректора свои постановления на утверждение Комитета, состоит из: профессоров-руководителей (10), Заведующего Мастерскими, Секретаря Совета под председательством Ректора. Кроме названных должностных лиц, Совет Академии может избирать Почётных Членов Совета из числа лиц, оказавших особые услуги (учреждению) (искусству).

VIII. Кроме Совета, созываемого председателем по мере надобности, в начале учебного года и весной перед отчётною выставкою созывается особый пленарный Совет с участием всех прочих преподавателей, лекторов и заведующих Отделениями Школы.

Вне заседания Совета могут быть созываемы частные совещания профессоров и преподавателей по группам для ближайшего обмена мнений о программах и характере занятий.

IX. Принятие в мастерскую учащихся производится профессором-руководителем.

X. Программа занятий в мастерской составляется профессором-руководителем и представляется им на суждение Совета профессоров-руководителей. В основу 4-х летнего курса мастерских полагается объём практического прохождения избранной отрасли, достаточный для самостоятельной полезной работы. После 4-х летнего курса с разрешения профессора-руководителя желающие могут совершенствоваться в течение не более ещё 4-х лет.

XI. Композиционная часть прикладных мастерских устанавливается мастерскою Архитектурно-Декоративной.

XII. В течение учебного года мастерские являются самостоятельными, но на годовой выставке Совет высказывает своё суждение об успешности работ.

Примечание к пункту XII-му:

Каждая мастерская является обособленной организацией, поэтому:

1) Профессор-руководитель приглашает остальной персонал мастерской,
2) Профессор-руководитель предоставляет учащимся мастерской избрать старосту для облегчения постоянных сношений с руководителем по делам мастерской. Староста приглашается руководителем на заседания Совета с совещательным голосом по работам учащихся и с полным голосом по избранию кандидатов профессором-руководителей.

В мастерских прикладных, кроме прохождения курса производства, обращается внимание:

1. В графической мастерской, заботясь о возрождении дела художественной литографии, могут быть приглашаемы известные художники для исполнения отдельных литографий. Принимаются заказы на плакаты, иллюстрации и пр.

2. В керамической мастерской обращается внимание на изучение реставрации фарфора. Достигается хорошая техника массы и обжига. Принимаются заказы на серии художественных предметов.

3. В столярной мастерской принимаются заказы на сочинение и изготовление мебели, рам и резных предметов.

4. В Декоративно-малярной мастерской, кроме стенных украшений и разнообразной уборки стен, принимаемы заказы на художественные плакаты и вывески.

5. В ткацкой мастерской особое внимание обращается на тонкие художественные швы и на гобеленовую ткань в строгих, применимых к об[и]ходу, стилях.

Во всех мастерских руководители ведут книгу заказов по прежнему образцу.

Медали, если Комитет найдёт нужным сохранить эти внешние отличия, можно оставить в прежнем размере, но распространив их на все мастерские. Аттестаты, без гражданских прав, выдаются Советом.

Желательно исходатайствовать отсрочку по воинской повинности и право льготного проезда по железным дорогам.

При ознакомлении с прилагаемой сметой надо иметь в виду следующие соображения: Следует помнить, что приём учащихся с согласия профессора-руководителя (чем и отличается система мастерской от переходного класс[а]), несомненно углубляя дело и поднимая уровень лиц, посвящающих себя искусству, не может способствовать чрезмерной численности учащихся. Если при особо лёгком доступе в низший класс мы имели в текущем году 360 записавшихся лиц с платой 60 рублей в полугодие, то можем ли мы сразу включить в смету 600 учащихся с платой по 150 руб. в год (т. е. по 20 р. в месяц). При установлении нового состава учреждения приходится иметь в виду не только все преимущества, но и все опасности. Среди статей сметы самым неустойчивым местом является плата учащихся. Устанавливая плату по 20 рублей в месяц, Общество всё же идёт впереди прочих частных мастерских, где плата от 30 до 50 рублей при работе лишь с натуры. Но, предполагая в смете сразу 600 платных учащихся, мы можем при начале дела оказаться неправы, ибо, если со временем, при развитии интереса к искусству, и это количество окажется малым, то первое время, мне кажется, на него трудно рассчитывать и потому и первую смету включаю 425 учащихся (при 130 бесплатных). При этом более 60 человек в одной мастерской при одной натуре заниматься не могут, а постановка двойной натуры сразу обременит бюджет значительной цифрой. С другой стороны, расходные статьи уменьшены быть не могут, если только вздорожание жизни не упадёт в значительной мере. Кроме двух, трёх сравнительно мелких цифр не представляется ни одной отдельной статьи расхода, которая, будучи отсечена, сразу представила бы значительное облегчение. Может ли быть сокращена керамическая мастерская? Но она всегда привлекала значительное число учащихся, превышающее число учащихся в некоторых других мастерских, поэтому временно приостановить эту мастерскую значило бы не только лишиться 3000 рублей специальной субсидии, но и уменьшить число поступлений в Школу. (В этой мастерской число занимавшихся колебалось от 50 до 70 человек.)

Наличность иконописца в декоративной мастерской обусловлена только размером субсидии, выдаваемой на этот предмет.

Хотелось бы, кроме механических мертвящих урезок, охранить равновесие сметы каким-то обстоятельством вне педагогических соображений, условием, поставленным прочно и позволяющим спокойно углубляться в идейную работу без острой боязни за ближайшее существование.

Следует, прежде всего, ещё просить Правительство о субсидии. Правительство, заботящееся о расцвете творческих сил народа, не должно отказать в этой просьбе. Но если бы, к ужасу, забота о развитии творческих сил народа не оказалась насущною, то может быть ещё одно героическое средство. Сдать за крупную сумму часть помещений в доме Общества по Мойке, сжав Академию в размере 9-ти мастерских

(сократив ткацкую мастерскую). При накоплении средств в будущем Академия может вновь расширяться. При сокращённом проекте сохраняются и пригородные отделения, и воскресный и подготовительные классы.

Если Комитет окончательно остановится на проекте Свободной Академии с подготовительными классами, с пригородными отделениями и воскресными классами, то необходимо подумать о преподавателях, чтобы сохранить опытные силы в новой организации. Очень приятно, что классы и воскресный отдел, широко поставленный, сразу получают хорошее руководство благодаря наличному персоналу Школы.

Таким образом, мы имеем три пути:

1. Школа во всех прежних размерах, возглавленная мастерскими.
2. Свободная Академия только с пригородными отделениями.
3. Свободная Академия с подготовительными классами, с пригородными отделениями и с воскресными классами.

Избрав один из путей этих, надо установить и время введения преобразования. Надо думать, что ранее начала будущего учебного года, совпадающего с возобновлением условий на сдаваемые помещения в доме Общества, нельзя приступать к новому делу, тем более что и вопрос субсидий должен быть вырешен заблаговременно.

Но, прибегая к испрошению Правительственных средств, надо всеми силами души помыслить, следует ли приобрести объём учреждения путём подчинения министерству или же сохранить учреждение хотя бы и в меньших размерах, но зато свободным, растущим самостоятельно. Второе предположение ближе свободным традициям нашего Общества. Испрошение субсидий должно быть сопряжено с гарантией свободного развития учреждения.

При этом представляю три сметы. Одну на большой план Академии с испрошением новой субсидии в 62 000 рублей. Другую сокращённую, на 9 мастерских, при условии прежней субсидии и с отдачей внаймы помещений в доме Общества. По второй смете рукодельно-ткацкая и иконописная мастерская могут быть на основах приват-доцентства. Третья смета — идеализированный план второй сметы.

Кончаю. На какой бы путь мы ни вступили, какой бы новый круг дела ни очертили, прошу об одном, чтобы наше художественно-просветительное учреждение продолжало существовать. Такие очаги искусства, свободные и углублённые, нужны в духовно-культурной жизни нашей Родины.

Н. Рерих

Сердоболь. 24 октября. 1917 г.

Центральный государственный исторический архив, СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 54-54об., 56-58об. Машинопись.

24 октября 1917 г.

Письмо И.М. Степанова к Н. К. Рериху

24 окт., вторник.

Дорогой Николай Константинович.

Ваша монография¹ в издании Общины готова, остановка за цветными оттисками, которые в работе, и за обложкой, клише которой не подходит, т. к. пришлось поставить на книгу другую бумагу. Чехонина в городе нет, оригинал обложки у него, и потому придётся сделать набором.

Я затрудняюсь в Ваше отсутствие дать текст о Школе. Вероятно, для общего собрания нужно дать особо от законопроекта, который нужно внести для испрошения кредита и утверждения штатов.

¹ Сергей Эрнст. Н.К. РЕРИХ. Издание Общины Св. Евгении. Петроград. 1918.

Вот какую форму мне преподали в Канцелярии Временного Правительства:
Изложение дела. Время основания существующей школы, история её развития, средства и проч. Польза Общества.

Соображения, по которым Общество пришло к заключению о необходимости преобразования на новых началах соответственно времени, и о новых средствах, которые имеются в виду Общества, и о казённой субсидии.

Справки. Сметы и ресурсы настоящего времени (я приготовлю).

Законы (приготовлю).

Заключение, т. е. что испрашивается:

- 1) штаты;
- 2) субсидия.

Все пункты излагаются коротко и официально.

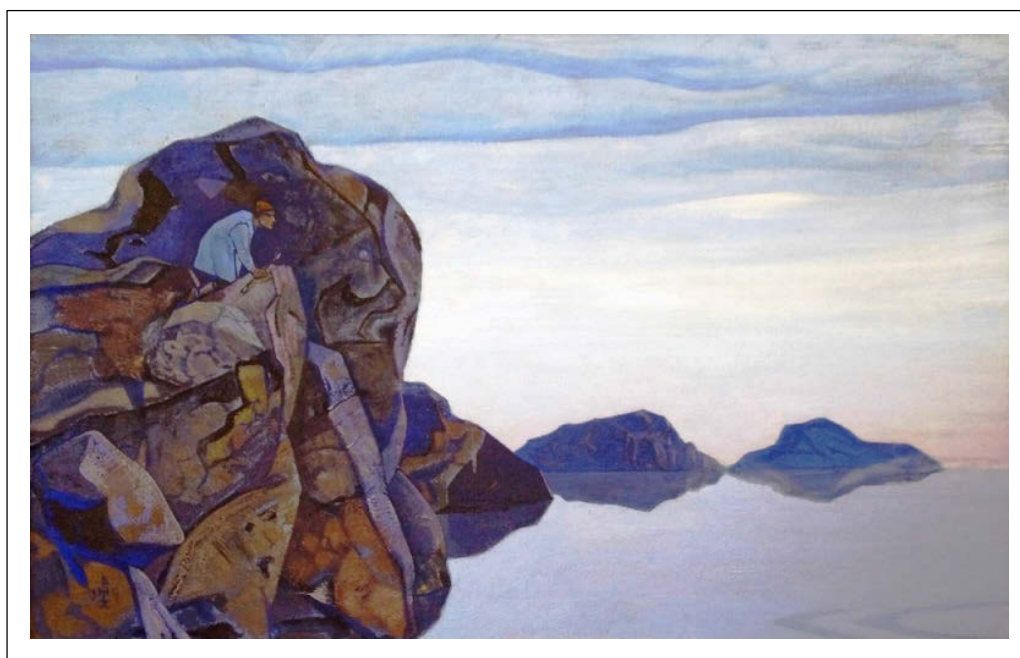
Заседание комитета собираем в четверг, а Вы поправляйтесь. Шлю пожелание здоровья.

Искренно Вам преданный,

Ив. Степанов

Устав перепечатываем заново, исправлять листы не берутся. Нашли дешёвую типографию при помощи Бориса Константиновича.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.



Н.К. Рерих. Стрела. 1917.

25 октября 1917 г. Петроград

**ОБРАЩЕНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!»**



Листовка Петроградского военно-революционного правительства. 25 октября 1917 г.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов . 25 октября/7 ноября 1917 г

Декрет II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т.е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин);

Народный комиссар по внутренним делам – А. И. Рыков;

Земледелия – В. П. Милютин;

Труда – А. Г. Шляпников;

По делам военным и морским – комитет в составе: В. А. Овсенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко;

По делам торговли и промышленности – В. П. Ногин;

Народного просвещения – А. В. Луначарский;

Финансов – И. И. Скворцов (Степанов);

По делам иностранным – Л. Д. Бронштейн (Троцкий);

Юстиции – Г. И. Оппоков (Ломов);

По делам продовольствия – И. А. Теодорович;

Почт и телеграфов – Н. П. Авилов (Глебов);

Председатель по делам национальностей – И. В. Джугашвили (Сталин).

Пост Народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незаполненным.

26 октября/8 ноября 1917 г.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Принятый единогласно на заседании Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г.

Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24-25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета – не предоставляется права свободным голосованием, при полном

выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отменным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии – все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Владимир Ульянов-Ленин

26 октября/8 ноября 1917 г.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

- 1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.
- 2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.
- 3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.
- 4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

О земле

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в това-

ришестве, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

26 октября/8 ноября 1917 г.

Председатель Совета Народных Комиссаров *Владимир Ульянов-Ленин*

ДЕКРЕТ О ПЕЧАТИ

27 октября/9 ноября 1917 г.

В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.

Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.

Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Общее положение о печати

1) Закрыванию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера.

2) Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3) Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.

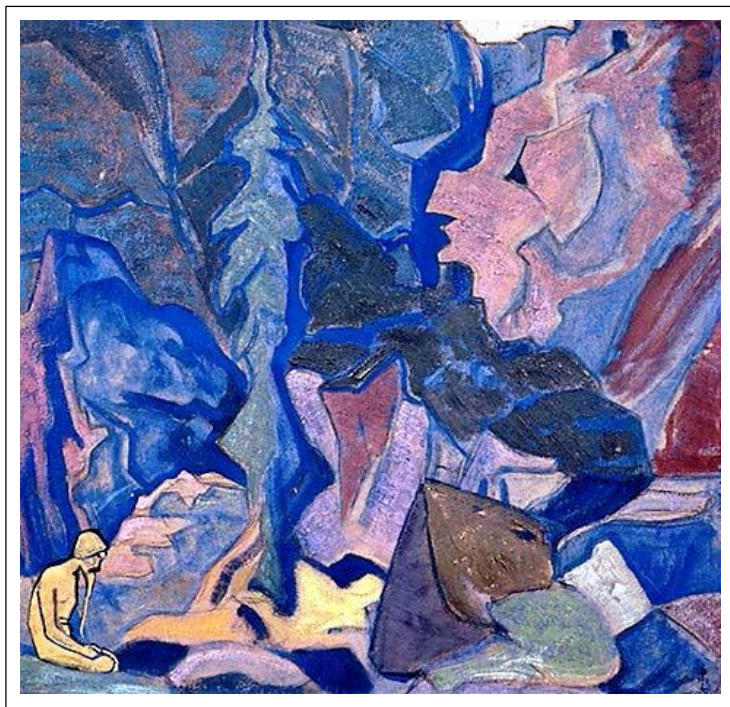
Председатель Совета Народных Комиссаров

Владимир Ульянов-Ленин

<p style="text-align: center;">18</p> <p style="text-align: center;"><i>27 октября (9 ноября). Декрет о печати.</i></p> <p style="text-align: center;"><small>Копия 1 д. ЦГАОР, ф. 1235, оп. 17, ед. хр. 1, л. 9. «Газета» №16 1 и 15, 28 октября и 25 ноября; «Известия» № 209, 28 октября; «Правда» № 171, 28 октября; «Собрание Уставов» № 1, ст. 4; «Протоколы», стр. 6–7.</small></p> <p style="text-align: center;">ДЕКРЕТ О ПЕЧАТИ</p> <p>В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.</p> <p>Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посетив на свободу печати.</p> <p>Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.</p> <p>Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.</p> <p>Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.</p>	<p style="text-align: center;">Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:</p> <p style="text-align: center;">Общее положение о печати</p> <p>1) Закрыванию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера.</p> <p>2) Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.</p> <p>3) Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.</p> <p style="text-align: right;">Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов (Ленин).</p> <p style="text-align: center;">Петроград, 27 октября 1917 г.</p> <p style="text-align: center;">См. примечание к № 32.</p>
--	---

Копия документа хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Ф. 1235, оп. 17. Ед. хр. 1.

27 октября 1917 г. Сердоболь.



Н.К. Рерих. Экстаз. Эскиз. 1917.

Я СОХРАНЮ

Подойди, подойди ко мне, Светлый,
Не испугаю тебя я ничем.
Вчера ты хотел подойти,
но бродили думы мои и взгляд
мой скользил. Тебя увидеть я
не мог. Когда ты уже отошёл,
я почуял твоё дуновенье,
но было поздно уже. А сегодня
оставлю всё, что мне помешало.
Мысли я погружу в тишину.
В радости духа прощу всем
досадившим сегодня. Спокойным
я остаюсь. Мне никто не мешает.
Звуки жизни случайной меня
не тревожат. Жду. Я знаю, что ты
меня не покинешь. Ко мне
подойдёшь. Образ твой в молчании
я сохраняю.

27. X. 1917

Цветы Мории. Берлин. 1921.

28 октября 1917 г. Петроград.
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

28/X.1917.

Дорогой Коля!

Это время я не мог увидаться с Метальниковым, чтобы поговорить о проекте. Я простудился, чихаю, кашляю, принимаю хинин, аспирин и пр., хотя дома не сижу и выхожу в Школу, хотя и с пропусками, из-за этой простуды с повышенной температурой и болью в спине я лишился энергии, чувствую вялость, и только пушечные, пулемётные и ружейные выстрелы заставляют встрепенуться нервы. Сергея Ивановича можно поймать только вечером, а я к этому времени раскисаю, он же живёт далеко, на Пантелеймонской ул., 4.

Когда на улицах было светло и когда у меня не болела грудь и спина, то эта улица находилась гораздо ближе. Простудился я не то в мастерской из-за отсутствия угля, не то в хлебных и др. хвостах (кухарка моя 3 недели не действовала из-за кошки, которую она хотела пнуть на лестнице, и вместо кошки пнула, что есть силы, каменную ступеньку).

Школа наша существует.

Один раз я не попал в Школу из-за электрической темноты, другой раз из-за разведения мостов старым Правительством, третий раз из-за бомбардировки эскадрой Центробалта Зимнего дворца.

В моём классе, в VI-м, поставлена чугунная печь, и я рад и доволен. А то было, натурщик капризничал, я неистовствовал.

Ученики сначала через своего неприятного председателя Борисова изводили Химону всякими заявлениями, но Николай Петрович отлично с ними ладит, спуску им не даёт и сделал их, как он говорит, шёлковыми. Они уже не требуют, а просят, не они, а Борисов, к сожалению, Борисов провалился на Академическом Экзамене. Ученики, конечно, не много, но всё-таки есть, и плата поступает, хотя и не обильная. Николай Петрович тебе напишет об этом подробнее. Ученики недовольны, почему нет Бобровского. Химона объяснил им. Затем такое заявление: они хотели бы учиться под твоим руководством натюрморту и вообще недовольны, что тебя нет. Словом, задают вопросы и получают ответы.

В VI-м классе у меня сначала было 11 человек, а потом они куда-то исчезли, осталось человека 3-4, которых Николай Петрович в моё отсутствие перевёл в VII-й класс из экономии на натуре и освещение. По-моему, правильно. Я думаю, что мои ученики перешли к Эберлингу, т. к. теперь у нас занятия совместные — двуполые, у Эберлинга привлекает женская модель, а от меня отвлекает капризный, зазнавшийся Хренов, натурщик, а кроме того, я сам стал вял и ленив из-за простуды и половинчатости Школы. Леню ужасно учить рисовать натурщика всё одного и того же, чувствую, что надоело. Если бы ты был здесь, и все преподаватели налицо, и учеников было бы много, то я опять увлёкся бы, и работа закипела бы.

Не очень я люблю заниматься в чужом классе, с учениками Бобровского. Своих-то, как надо, оболванить можно, и делаю это я уверенно, и с интересом слежу за успехами. В курилке пью чай по-прежнему, только вприкуску. По вечерам встречаюсь там с Вахрамеевым, Макаренкой, Плотниковым, Бухгольцем, и Дмоховским, и Химоной.

Завтра открывается выставка Общества Куинджи, я послал туда одну картину «Красный Яр», которую ты видел у меня на стене в мастерской. Во дворце Искусств открыли выставку Общинники с благосклонным участием И. Е. Репина с сыновьями «Гайдамаки».

Ну вот. Будь здоров. Поправляйся и приезжай.
Целую тебя.

Твой Аркаша

К Сергею Ивановичу схожу на днях...

Большевики завладели Зимним дворцом и, чтобы загладить свою вину, стараются приводить улицы в порядок и не позволяют хулиганам грабить обывателей. Обещают даже по фунту хлеба на человека. Трамваи всё время ходят, магазины все торгуют, много яблоков, а вечерних газет и пьяных на улицах не видать.

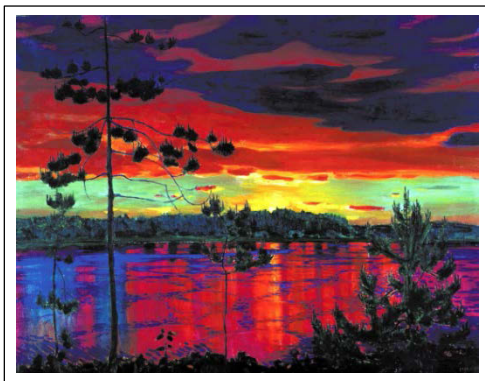
Ну, будет, пора спать.

А Р.

Всеропхуд — это В.О.П.Х. или Поощрение. Центробалт — совсем другое.

Р. С. Химона говорит, что ученики нашли на Дворцов[ой] площади растерзанный, с проколотыми глазами портрет Никол[ая] II-го в тужурке работы Серова и отнесли его в Музей Нерадовскому. Химона послал учеников взять эту находку от Нерадовского для нашего музея, но Нерадовский не даёт. А по моему, и пускай там он находится. Говорят, он сильно испорчен и реставрировать его нельзя.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.



А.Рылов. Красный Яр. 1917.



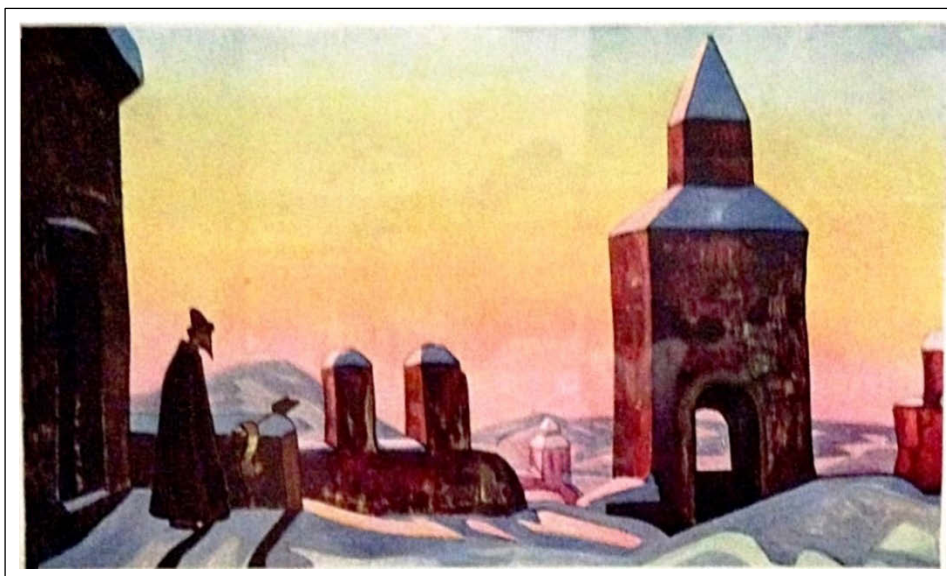
И.Е. Репин. Гайдамаки на Умани готовят оружие. 1898-1917.

НОЯБРЬ

«Поймите свободную законность. Поймите любовь творящую.

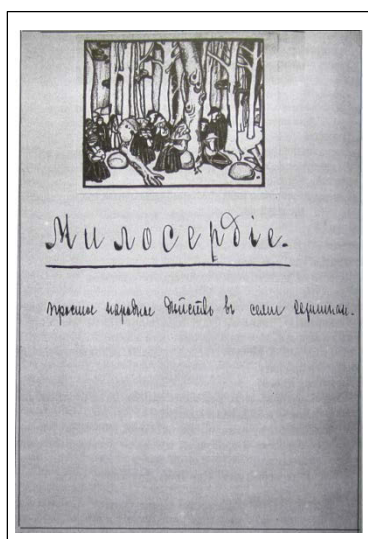
Помните, что самое страшное - бунт одичалого народа против знания. Против всех, кто знает больше дикаря. Правда, в истории такие бунты редки, но всё-таки мы их знаем. Содрогаясь, но уже знаем. Ступень такого народа очень низка, но всё-таки бывает народ, изгоняющий учителя. Голодного, самоотверженного народного учителя! Поэтому идея народного просвещения и ближе всего к понятию подвига»...

Н.К. Рерих. «Единство».



Н.К. Рерих. Весть Фёдору Тирону. 1917.

Сердоболь, 1 ноября 1917 г.



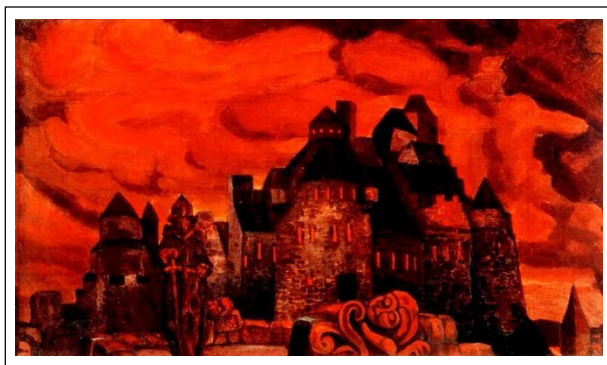
Титульный лист рукописи «Милосердие»

МИЛОСЕРДИЕ

Простое народное действо в VII картинах

I картина

Высокое помещение с открытыми пролётами колонн в глубине. На первом плане с двух сторон поднимаются снизу две лестницы. В пролёты колонн видно небо, освещённое пожарами. Яркие клубы дыма и искр. Слышны звуки труб и рожков. Временами глухие удары каменётов и стенобитных орудий. Всё время, то удаляясь, то приближаясь, - лающая человеческая толпа: ау, ау, ау! Посередине за столом - старейшины. В пурпурных плащах. По лестницам снизу сбегают вестники, иногда истерзанные и раненые. (Общий тон картины похож на «Зарево».)



Н.К. Рерих. Зарево. 1914.

1-ый вестник (*продолжая весть*). ...Ими овладело безумие. Наши отступают. Вождь ошибся. Он вступил в переговоры. Он собрал пленных и отпустил их. Они всё высмотрели. Всё узнали. Сегодня они опять бьются. Им дали новое оружие. Они уверены теперь, что позволено всё. Думают, что они знают.

2-ой старейшина (*шепчет*). Опять переговоры! Или трус? Или глупец?

3-ий старейшина. Он отпустил заложников...

2-ой вестник. Они ворвались в школы! Избивают юношей! Гибнут надежды народа. Их терзают восставшие против знания. Учителям они угрожают.

3-ий вестник. Они захватили женщин. Влекут их. Насилуют. Если бы вы видели ужас! Они...

4-ый вестник. Они пробили стены Палаты. Захватили кованые сундуки. Похитили священные сосуды. Ломают. Похищают золото и камни.

5-ый вестник. Они волокли за ноги раненых. Они разбивают черепа о перила. Они сбрасывают в воду. Топят камнями. Врачей они убивают.

6-ой вестник. Подожжены лучшие здания. Разрывали изображения. Разбивали лучшие статуи. Книги уничтожали. Выпущены из тюрем все убийцы. Преступники стали во главе избивающих. Кто-то платит им золото. Я сам видел, как сыпали монеты.

7-ой вестник. Кто-то их опьяняет. Они грозят уничтожить знание. Здание Правосудия только что рухнуло. Я видел людей, обременённых добычей. Откуда столько грабителей? Неужели они скрывались здесь, между нами? Худо там, худо...

1-ая старуха. Они изнасиловали моих дочерей. Им всё можно. Говорят: «Старейшины, истребите злодеев!»

2-ая старуха. Мечь грабителям! Они уничтожили целебные составы. Они издевались. Школа моя истреблена. Посмотрите на моих учениц Милосердия! Найдите их, уведенных войсками. Или это всё нужно? Вы мудрецы?!

3-ья старуха. Или вы обессилели, старейшины? Люди вы или нет? Или грабителей вы послали?

4-ая старуха. Или и вам заплатили золотом? За кровь наших детей?! Где ваше мудрое знание? Вы ослепли?

5-ая старуха. Моего сына тащили обнажённым. По камням тащили. И били! За то, что он был в школе. За то, что учиться хотел. Ваше знание искал. Учителей там задушили арканом.

6-ая старуха. Всех больных волокли по земле. Содрали с них одежды. Бросили их в подвалы укреплений. Неужели вы можете слушать мою весть?

7-ая старуха. Они в храмах плясали. Священнослужителей убили. Хо, хо! Хо, хо! Там весело. Теперь идут вас задушить. Хо-хо! Там весело. Красно там. У вас тут темно. Хо, хо!

7 стариков (*спеша и перебывая друг друга*). Они уничтожили все наши книги. Пропали знаки о новых звездных путях. Изображения камней и толкования, в них заключенные, разорваны. Линии звуков нарушены... всё гибнет...

1-ый земледелец. Всё было спокойно. Мы кончали пашню. Готовились сеять. Вдруг всадник. Кричит: будут искать! Что искать, мы не знали. Будут обыскивать. А там уже идут убийцы. С оружием пришли. Начали убивать всех...

2-ой земледелец. Моим коням глаза выкололи. Овец заперли в хлев и сожгли. Овцы кричали человеческим голосом. Так громко...

3-ий земледелец. Топили в реке зерно. Искали школы, чтобы их уничтожить. Учителя избили до смерти. Бороду вырвали. Дали молиться ему. Ждали. И растерзали потом. Спокойно терзали.

4-ый земледелец. Где помогающие? С трудом я пробрался. Всего оборвали... Куда надо сообщить? Меня прислали просить помощь. Там уже сожгли, может быть! При мне убили священника. Моего соседа, белого, ему сто лет, поймали, избивали. Не давали проститься с семьёю. Глаза выбили. Его сыновьям камни привязали на шею. Бросили... Куда сказать. Кто поможет!.. Научите... Я с ними прошёл... Я ничего не прибавил... Только правду... Соседи знают... Научите ж, куда сказать... Где помогающие?

2-ой старейшина. Видите? Чуете? Поняли? Теперь помогите! Молчащие!

Сумасшедший (*незаметно протолкавшись*). Где же пожар? А у них у всех крылья. Они летают — красные птицы. Я полечу с ними... (*Убегает.*)

Старейшина. Выйдите, старцы. Выйдите, вестники. Надо говорить просто. Так, как для всех. Мы обдумаем спасение знания. Наша скала неприступна. Велики запасы. Кто с нами, собирайтесь на нижнем дворе. И в храме. И по всем переходам. Идите! (*Уходят*). Братья, а вы думайте все. Если бы мы знали, что они хотят насадить новое знание. Но они хотят только разрушить. Они думают, что из разрушения само возникнет новое знание. Глупцы! Мнят, что толпа может творить знание...

2-ой старейшина (*перебивая*). Нет, они ничего не думают. Они идут путём лжи. Им надо только разрушить...

3-ий старейшина. Они одержимы тёмными силами. Но они их не видят! Тёмные сами!

Старейшина (*продолжая*). Но мы знаем, что противостоит их разрушениям. Умереть знание не может. Только народ всё ещё не уверен в бессмертии знания. Бедные! А мы знаем. И потому мы не боимся.

2-ой старейшина (*перебивая*). Но надо остановить ужас. Глупцы уже тронули то, что их уничтожит - Знание! Просветлённое.

6-ой старейшина. Как могли народ обмануть?

8-ой старейшина. Где же мудрость!?

9-ый старейшина. Где благо?

4-ый старейшина. Как же могут быть вождями народа люди, уличённые в преступлениях? Неужели могут вести народ ко благу, которые сами творили зло?

5-ый старейшина. Они поведут ко лжи, они отдадут врагам землю!

Старейшина. Знание...

4-ый старейшина. Или приходит последний час знания?

Старейшина (*перебиваемый шумом*). Для знания нет последнего часа. Братья, мыслите! Вы сомнений не знаете. Нам толпы не страшны. Народный ум помутился. Слышали, и нам кричали, что мы продались. Кому мы можем продаться? Мы, мечтавшие всегда о дубраве! При блеске пожара я говорю о дубраве тишайшей. Но глупцы опять хотят отдалить радость мира. Единство им ненавистно. Для народа должны мы знание сберечь...

2-ой старейшина. Наше знание бессильно. Обернитесь. Смотрите.

7-ой старейшина. А я говорю, отдайте им всё. Пусть возьмут. Тайны им недоступны. Может быть, время пришло. Знание мы унесём. В дубраву уйдём. Или погибнем. Всё равно сохраним. Неужели вы будете с толпой состязаться? Разве для вас страшен огонь пожара? Вас он не опалит. Главное — сохранить знание. Время пришло. Огнём Владыкодохнул.

6-ой и 5-ый старейшины. Время пришло!

8-ой старейшина. Разве мы знаем время? Скрыты сроки! Вижу разрушение. Что-то должно погибнуть. Эти толпы погибнуть должны. Вожди их погибнуть должны. Что мы знаем?

2-ой старейшина. Помните, что в гневе и лицо пророка становилось страшным. Умейте быть грозным.

9-ый старейшина. Брат, ты знаешь, что углубление знания не приходит во лжи и насилии. Свободная мирная воля знание творит. То, что мы видим, не утверждает и не творит. Время еще не пришло.

8-ой старейшина. Что мы знаем о времени? Ничего мы не знаем.

10-ый старейшина (*самый древний, как бы пророчествуя*). Грохочут железом обитые ворота. По каменному полу стучат спешные шаги. От града до града. Спешим. Куда ходим? Кто зовет? Кто пылает? Вы кончили ваши дела? Кричат для молчанья. Горят. А пепел очистит... Близится время.

5-ый старейшина. Я предлагаю открыть плотины и затопить весь город. Волна сметёт безумцев.

6-ой старейшина. Вызовем грозу и ливень.

1-ый старейшина. При смерти множеств погибнут невинные. Нам нужно отразить восставших против знания. Их гибель принять мы можем, но остальных должны мы оберегать.

5-ый старейшина. Кто отличит восставших? Когда мнут толпы? Во тьме? В огне?

3-ий старейшина. Время идёт. Надо призвать могучие силы.

4-ый старейшина. Безмолвный глас! Неслышный грохот! Призовите Сурендру Гайятри.

5-ый старейшина. Гайятри ушёл от нас. Он людей уже знает. Он в тихой дубраве. Что заставит его вернуться? Вступить в огонь пожара?

Старейшина. Мы заставим его вернуться. Правда! Знание он защитит. Он откроет новые силы. Он придёт сам.

3-ий старейшина. Силы он призовет. От людей он уже давно удалился. Прояснел его глаз. Его воля чиста.

4-ый старейшина. Правда. Пойдёмте все. Будем молить.

11-тый старейшина. Не попытаться ещё толпу убедить? Объяснить им... Всем нам выйти. Знаменья дать.

Старейшина. Вчера уже отвергли они все соглашения.

2-ой старейшина. Идите к Гайятри. Он скажет, есть ли надежда ещё? Утром мне сообщили, что враг новый поднялся на нас. Этот на кораблях, при ветре попутном уже миновал острова. К нам плывёт, чтобы стадо злодеев усилить.

12-ый старейшина. А наше безумное войско встречаете восторгом врага.

8-ой старейшина. Не говорите так. Не надо так говорить. Это только предатели!

9-ый и 11-ый старейшины. Мы так мало знаем!

4-ый старейшина. Спешите к Гайятри. Кто идёт? Скорее!

Старейшина. Идите вы трое. Вы знаете тайны затворов ворот. К тайнику вы пройдёте. Ходом подземным выйдёте за реку. Там в кряже скалистом у белого круга. Оттуда видны Синие горы. Знаете, Гайятри там, у подножья. В дубраве. Просите. Ведите. Скорей!

3-ий, 5-ый и 6-ой старейшины. Скорей! Скорей! *(Ушли.)*

2-ой старейшина. Хранилища можно было сберечь. Мы время имели. Уже три дня говорили вожди. Только безумец всё лгал. О толпах мы знали. Жидким огнём тогда можно было залить, спалить их. Приблизиться к ним самому. Начать самому. Если кто знает, что он защищает. Тогда знанию ничто не грозило бы. Дайте сказать. Среди огня и паденья скажу. Я говорил и писал вам. О ложном учении предупреждал...

8-ой старейшина. Не укоряй!

Другие. Не надо!

2-ой старейшина. Погодите... Я называл разрушителей. Письма прочтите. Всё, что я говорил, всё сбылось. О подкупах я говорил.

Другие. Не надо!

2-ой старейшина. Нужно знать. О зачатках сборищ вы знали. Вы знали при- бывших подкупных убийц. И преступных вы сами сюда допустили. Пленники вы! Знание вы защитить не могли. Дайте, дайте скажу...

За арками — особенный грохот. Взлетают столбы искр. Старейшины спешат к колоннам и застывают, уцепившись за камни.

Все. Рухнуло хранилище книг!.. *(Шёпотом.)* Не унесли свитки... Рухнуло знание... После нас никто уже не упомнит... Рухнуло... Рухнуло... Погребено...

II картина

Дубрава тишайшая. (В зелёном.) Гайятри кормит птиц. На плечах у него — птицы. Проходит путник.

Гайятри. Давно ли видел людей, брат?

Путник. Недавно от них я. Всё у них тихо. Все занимаются делами. Празднуют и торжествуют. Ищут забав. Почему ты ушёл от людей? Как твоё имя?

Гайятри. Я просто лесной. У меня здесь друзья. Их навестить я пришёл.

Путник. Скучно тебе?

Гайятри *(смеясь).* Скучным я не родился. Светел мой праздник с друзьями.

Путник. Друзья твои люди?

Гайятри *(глядит птицу на плече).* Друзей не выдам своих.

Путник. А ты не боишься, что люди тебя позабудут? Уйдут от тебя. Покинут. Слово людей не услышишь.

Гайятри. Люди не уйдут. Улетают птицы. Убегают звери. Не уйдут люди. Придут. Принесут тяготу. Радость ищу я.

Путник. Ты шутник. И весел. А знаешь ли страх?

Гайятри. Не приходилось...

Путник. Знаешь, когда стемнеет в лесу и звери с воем выходят. И змеи вьются на ветках...

Гайятри. А пострашнее ты ничего не придумал?

Путник. Или гроза и вихрь в горах? Это тоже ведь страшно?

Гайятри. Друг, есть вещи страшнее. Если ты любишь бояться. Тебе надо в город спешить. Там много страхов.

Путник. А если убьют?!..

Гайятри. Смотри, тамаринд на тебя упадёт!

Путник (*отскочил*). Где? И который?

Гайятри. Друг, осторожней. Здесь бездонная яма.

Путник (*отскочил*). Ты меня изведёшь.

Гайятри. Друг. Прочно стоят тамаринды. Крепка, как скала, здесь земля. Мирны здесь птицы, и звери здесь ласковы. Страхов здесь не найдешь. В город иди. Там страхи собрались. За спиною стоят. Шепчут через плечо. Дуют на шею.

Бедные люди! Столько страха у них. Столько хлопот им страх доставляет. Бедные!

Путник. Ты шутник! Наговоришь тут. А к вечеру, когда приду в харчевню или на хуторе я заночую, и начнёт казаться. Тебе тут хорошо! (*Проходит.*)

Гайятри (*смеётся вслед*). Не страшно со зверями и боязно за стенами харчевни. Люди! Когда звенят призывные песни птичьи, когда звенит всё нечеловеческое и хранит дубрава звон священный, тогда думаю о людях.

Молитва Гайятри:

Птицы Хома прекрасные. Вы не любите землю.

Вы на землю никогда не опуститесь. Птенцы ваши рождаются в облачных гнездах. Вы ближе к солнцу. Размыслим о нём, сверкающем.

Но Дивы земли чудотворны. На вершинах гор и на дне морей прилежно ищи. Ты найдешь славный камень любви. В сердце своём ищи Вриндаван — обитель любви. Прилежно ищи — и найдешь.

Да проникнет в нас луч ума. Тогда всё подвижное утвердится. Тень станет телом. Дух воздуха возвратится на сушу. Сон в мысль превратится. Мы не будем уносимы бурей. Сдержим крылатых коней утра. Направим порывы вечерних ветров. Слово Твоё — Океан истины.

Кто направляет корабль наш к берегу? Майи, не ужасайтесь. Её непомерную силу и власть мы прейдём.

Слушайте! Слушайте! Вы кончили споры и ссоры?

Вот молитва моя! Порази в корень нищету моего сердца.

Песня, которую должен я спеть, ещё остаётся неспетой.

Ты призвал меня на праздник этого мира, и тем благословенна жизнь моя.

Могу ли я принести Тебе моё безмолвное поклонение,

Мою молитву, которую будешь знать только Ты?

Я пополнию сердце своё Твоим молчанием и претерплю его.

Но придёт солнце и утро, и Твоё слово вознесётся песнею над каждым птичьим гнездом. И Твои напевы расцветут во всех лесных чащах.

В дубраве — призывы.

Гайятри. Уже приходят. Ушла тишина. Благодать ушла. Зовут. Призывают. Отозваться нужно. (*Зовёт.*) Как на зверя — загоном идут.

Перекликаются.

Старейшины. Гайятри! От камней города ушёл ты под сень Араньяни... В благостной тишине ты остался... Тебя мы зовём.

Гайятри. Куда?

Старейшины. Брань воздвиглась. Противу знания безумцы восстали. Они замыслили разбить священный сосуд. Мудрость Нильгири погибнуть должна. Гхат и Кхунда хребты поникнут теперь. Город Гайя погибнет. Фальгу река зарастёт.

Старейшины. Нет средств ужас разбить. Огонь и стрелы. Яд и смертельные громы льются и сверху и снизу. Летят чёрные птицы. Враги заняли город. Школы разбиты. Те, кто стремится к знанию, убиты, замучены.

Старейшины. К тебе приступаем. Люди в беде. Ждём твою помощь. Требуем помощь. Покинуть их ты не можешь.

Старейшины. Забудь благую молитву. Ищи Смертное слово. Смертный глас ты найди. Проси заклатье победы.

Гайятри (*поникнув*). Прощай, Араньяни. Прощай, серебро и золото неба. Прощай, дубрава тишайшая.

Старейшины. Гайятри, наши зовы услышь. Мы к тебе приступили...

Старейшины. Молящиеся, сражающиеся, трудящиеся, служащие! Все ждут тебя, Гайятри. Все просят. Все надеются.

Старейшины. Все гибнут...

Гайятри. Араньяни! Араньяни! Пою я хвалу Араньяни! Матери дикого зверя, благоуханной, пряно-душистой, всех наделяющей пищей...

Старейшины. Не отступим! (*Следуют за Гайятри.*)

III картина

Заклинание на вершине горы. Лилово-синяя. Молния серебряная. Лучи на Гайятри голубые. Небо далёкое. Потом сгущается туча. На вершине круг белых камней. Гайятри ходит внутри круга, бросает стрелы острием наружу и поёт заклатья. Сожигает травы по кругу и поёт второе заклатье. Входит на камень посередине и поёт третье заклатье.

Стоит в молчании, полный сил и воли. Над головой вспыхивают три голубых луча. Гайятри опускается на колени. Всею силою молит.

Гайятри. Лев и лебедь! Орёл и олень! Бык, лев, орёл! Бог земли, Бог звёзд и луны! Бог света и солнца! Индра!

Не дай чёрный век! Истожились силы. Уснул священный алмаз! Не отражает блуждающих духов. Не отвращает врагов.

Дай заклатье на злобу! Дай заклатье на силу! Заговор на победу!

Дай врагов отразить! Скажи слова Нагаима.

Дай силу Екзола. Дай смертное слово! Глаз смертный открой. Якшазы открыли соковища людям. Ракшазы людей возносили. Самьяза, вождь сынов неба, бог-змий и тот учил силе. Азазиель и тот научил оружие ковать. Амазарака и тот открыл тайные силы трав и корней. Они тёмные, злые. Ничтожные. А Ты можешь. Сила в Тебе!

Аллелу! Аллелу! Аллелу!

Ты бесконечный. Ты ведущий. Ты, пришедший в молчании. Не дай погибнуть. Мудростью вершин соверши испытанье. Я неотступен.

Аллелу! Аллелу! Аллелу!

Сгущается туча. Гайятри остаётся в земном поклоне, как изваяние. Молния без грома.

Голос (*сверху*). Не дам тебе ни Екзола, ни Нагаима. Ни против войска, ни для удачи. Не дам тебе Заадотота, ни Аддивата — ни против вражды, ни для отмщенья. Не дам тебе ни Каальдеба, ни Альсибена, ни против злобы — ни для вреда и разрыва. Не дам тебе смертное слово. Смертный глаз не открою. Заклатья все соберу.

Альшиль! Альзелаль! Алальма! Ашмех!

Каальдальбала! Каальда! Кальдебда!

Оставлю! Забуду!

Анакс! Алюксер! Атаия! Атарс!

Покончу! Покину!

Дам другое. Вот имеет отражения силу. Власть никому не откроет. Слушай!

Идёт один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча.

Всё сделанное тебе на них обратится. Всё желаемое тебе да получат. Зло и добро. Хотящий зло да получит. Хотящий добро - да примет.

Воздастся каждому. Иди. Не медли. Испытание конца я свершу.

Альм! Альм! Альгарфельмурок!

Во время гласа узоры молнии по небу. Серебро по лиловому.

IV картина

Широкий коридор со сводами. Наверху круглые окна. У стен расположился народ. С имуществом. С детьми. Старики лежат. Из глубины потом выходит старейшина. Некоторые работают. Другие лежат.

1-ая женщина. Кладов-то сколько опять захоронено. Будут искать!

Старик. Я, как только услышал, что идут, сейчас сложил монетки в горшочки и закопал... Поставил значки...

2-ая женщина. А кто их найдёт?

Старуха. Сосед наш. Тот сложил золотые в котелок и в озеро опустил. Заметил все камни. Там где-то около Морды...

3-ья женщина. А если вода убудет? На озере? Мужчина. Или зальёт все значки?

2-ой мужчина. Кому эти все клады?

Старик. Как полегчает, так и выроем их. Сами возьмем.

Мужчина. Сами ли?

2-ой старик. Слышали, что корабль, который первым бунт поднял, на скалу налетел. Потонул. Все утонули.

Женщина. Они шли без начальника. Мудрено ли?

2-ой старик. Тут не начальник! Тут перст! Указанье.

Старуха. Мы сами тут на корабле.

Мужчина. На обломках...

Старик. Здесь всё-таки тепло. Мы и не знали, что в скале так много помещений.

Женщина. Мы вообще ничего не знаем. Скоро даже забудем, сколько дней мы здесь затворились. Отрезаны.

Другой старик. А пища хороша. Обильно кормят. Только надолго ли. А потом вдруг перестанут. Да выгонят. Откуда тогда возьмёшь. И не выйти отсюда.

2-ая женщина. К ним пойдёшь.

3-ья женщина. А мне всё кажется, что наши не сумели согласиться. Ещё бы раз поговорить. По-хорошему.

4-ая женщина. Чего там изгонять знание! Да у нас и без того знания мало. Что мы знаем?

5-ая и 6-ая женщины. Ничего мы не знаем.

3-ий старик. Я говорил. Давно говорил, чтобы не напирали так уж на школы. Все учены. В наше время учились меньше, а знали, пожалуй, столько же.

8-ая женщина. И долго ли нас будут здесь держать?

9-ая женщина. Да уж они знают лучше нас.

8-ая женщина. Ты всегда за них.

Старик. И вообще пусть нам скажут.

3-ья женщина. Пусть всё скажут. Мне кажется, они что-то скрывают. Всегда что-то прячут.

10-ая женщина. Они любят таиться.

Мужчина. Зла мы от них не видали.

2-ой мужчина. Всё, что они показали, полезно.

Молодая женщина. И учат они хорошо.

2-ая молодая женщина. Ласково учат. От их учителей дурного слова не услышишь. *(Спрашивает мальчика.)* Хорошо тебе там, в школе?

Мальчик. Хорошо. Ух, хорошо! И объясняют здорово. А тот у нас толстый, такой добрый. И другой, нестриженный...

Старик (*перебивает*). Насчёт ученья всё-таки хорошо. А только мы не знаем ничего.

4-ая и 5-ая женщины (*вместе*). Да-да, не знаем.

Старуха. Надо бы спросить их толком.

Старик. На что у них надежда?

2-ой старик. А то от смерти да в тюрьму попали.

Старуха. Свету-то не видишь.

6-ой старик. А главное, надолго ли? Надолго ли?

Мужчина. Они знают. Не надо мешать им.

3-ий мужчина. Вестники говорят, что ещё очень беспокойно.

4-ый мужчина. Утром говорили, что битва ещё идет. О каких сроках думать?

Старик. Всё ждём. И счёт дням потеряли. Вести всё хуже и хуже. Мы умрём с голода.

Внук (*подросток*). Дедушка, а если нам взять деньги от тех, тогда мы не умрём. Многие взяли их деньги и живут весело. У них песни и пляски. Мне говорили...

Старик. Замолчи. Тут оглупеешь с вами. Тоже сказал: взять деньги. Их деньги жгутся.

Женщина. Многие взяли и не обожглись.

Старик. Но зато мы охраняем знание. Так нам сказали.

Старуха. Оглупел ты со своим знанием.

Старуха. Будем ли мы избавлены от всех разрушавших храмы? Только когда их не будет, можно вздохнуть. А то начнёт подозревать невинных... Не ты? Не ты ли? Не был ли с ними?

Старуха. Нам нужно знать, что их уже больше нет. Не существует.

Старик. Тогда мы успокоимся. Но всё-таки пусть нам скажут.

Старуха. Ведь можем же спросить.

Другой старик. А? Хорошо бы узнать.

6-ая, 7-ая и 8-ая женщины (*вместе*). Правда, спросим?

3-ья старуха. Пошлём кого потолковей.

4-ая старуха. Пусть мужчина этот сходит.

Старик. И я схожу. Узнаем.

Старуха. А то сомнение всё.

Те идут по коридору.

4-ая старуха. Пусть пошли. Тут недолго.

6-ая старуха. Тоже не знаем... Что вышло с нашими? Где они остались? Когда затворялись, не видать их было. Рассеялись! Точно ветром раздуло.

9-ая старуха. Может быть, тоже схоронились где-нибудь.

Старик. Тут такое обширное помещение, что мы не знаем толком, кто здесь собрался! Пускали с разных ворот.

Старуха. Эти наши, хоть и женщины, а тоже воевать собрались. Снарядились. Ворота охраняли.

Мужчина. И охраняли храбро. Такие подобрались расторопные.

10-ая старуха. А как они захватили моего мальчика, потащили, он-то бьётся! Кричит во весь голос. А они-то копьями по головке так и норовят... Продались им наши начальники...

Женщина (*под чёрным покрывалом*). А мой-то! Мой мальчик!

Все (*шепчут*). Не трогайте её... Она поклялась мстить.

Мужчина. Сколько мстителей! Страна содрогнётся от мести.

Старуха. А разве мы забудем? Ещё увидишь, как припомним.

Другой старик. Не забуду!

По коридору идут старейшина и посланные. По пути старейшина останавливается, наклоняется к лежащим, возлагает руки. Все копошатся и двигаются за ним.

Старейшина. Братья! Вы хотели, чтобы я сказал вам. Будьте спокойными. Кто здесь затворился — выйдет спасённым. Приняты меры. Вам здесь не угрожает ничто. Запасы наши велики. Защищены наши входы. Злодеи сюда не проникнут. Вы здесь в обители знания. Помните и теперь и после, всегда: вас защитит только знание.

Старик. А долго ли нам здесь оставаться?

Старейшина. Это не знаю. Вокруг нашей твердыни кипит ещё битва. Конца я не вижу. Но знайте: вас здесь брань не коснется. Отсюда ваш путь только во благо.

10-ая старуха. Ещё позволь поспросить. А будет казнь злодеям? Такая, чтобы земля содрогнулась.

12-ая старуха. Почернели бы горы.

8-ая старуха. На деревьях листья б свернулись.

Старик. Злодеев казните?

Старейшина. Будет суд справедливый. От суда они не уйдут. Всё будет ко благу. *(Уходит.)*

Старик. Слышали, как грозно сказал: «Будет суд!»? Старуха. Там их рассудят!

10-ая старуха. Я бы так рассудила, чтобы по всему свету помнили казнь.

Другой старик. В старину убийцам и грабителям заливали горло свинцом, а перед тем отрубали обе руки.

Женщина. Кормить и гнать. Подлечить и гнать. Чтобы не имели ни минуты покоя.

Мужчина. Чего тут возиться! Отрубить головы.

Старуха. Вот так, просто срубить голову. Что же это за казнь. А вот выдергать их волосёнки, осмолить, обвалить пухом и возить по базару.

Старик. В клетках держать!

2-ой мужчина. Велику клетку надо построить, чтобы вместила убийц.

4-ый старик. Ещё тут с клеткой трудиться. Повесить! Подержать, подержать, да отпустить. Да опять вздернуть!

2-ая молодая женщина. Сколько злобы-то. Злоба-то велика.

6-ая старуха. Нет, слушайте. Вот я скажу: ослепить их. Да вывихнуть руки, так и пустить бродить их по свету. Вспомнят тогда на досуге все свои гадости.

2-ая старуха. Ещё тут кормить их придётся. Будут шляться, канючить... Народ зла долго не помнит, начнут с ними возиться...

Женщина. Только всех объедят. Будут таскаться...

Старик. Мелких преступных пускали с клеймом и без ушей. А всех убийц и злодеев казнили смертью. Скоро казнили. А казнь была по заслуге. Рубили помост. Видный для всех. Палачи на нём и казнили. Народу всегда ходило много...

5-ый старик. Всё началось, когда отменили смертную казнь. Я сразу тогда говорил, что не к добру. Как же человеку без казни прожить?

Старуха. Мы вот все соберёмся, когда будут судить. И подадим прошение. Скажем, чтобы была смертная казнь. Чтобы судили по-Божески, без слабостей человеческих.

4-ый старик. И подадим. Приступим крепко. Так и напишем, как в старину: поднявший меч от меча да погибнет. Так всегда говорили.

3-ья старуха. Справедливо. Весьма справедливо. Напишем и подадим. Приступим крепко.

5-ая, 6-ая и 7-ая старухи (вместе). Неотступно приступим.

8-ой и 9-ый старики. Мы не сдадим.

10-ый, 12-ый и 14-ый старики. Наша воля.

Завеса

У картина

Старейшины

В башне. Огневое освещение. Сидят около стен и работают. Пишут. Чертят. Складывают листы рукописей и изображений. Работают углублённо и спешно.

Женщина-воин (контральто или альт).
Поёт за сценой

Огни на горах зажигайте!
Те, что на нас поднялись,
Назад уже не вернуться.
Жгите светлее огни,
Осветите им путь последний.

После пения — молчание. Шелестят листы свитков.

11-ый старейшина. Тишина-то какая! Ведь мы забыли о ней. Творить. Складывать. Узнавать. Какая радость!

12-ый старейшина. Откуда в народе зверь поднялся? Когда не видишь народа - так к нему тянет. Так хочется учить его. Но и пророк говорил: дурным людям кланяйтесь издали.

2-ой старейшина. А когда вместо человека выходит зверь. И мы не знаем его речи. И он не понимает слов человеческих. Тут уж не близко и не далеко. Просто нет сообщения.

3-ий старейшина. Неужели это всё нужно? Неужели нужны крупницы зла, которых так много разлетелось? Гибельно осядут они на народе. Мы можем уйти. Они ведь не могут уйти...

7-ой старейшина. Надолго, надолго мрак!

8-ой старейшина. Но и звери не грызут друг друга!

10-ый старейшина. Нельзя себе ничего представить. Воображение бессильно. Откуда эта подкупность? Откуда кровожадность? Грабительство откуда? И глупость и мерзость - всё вместе.

2-ой старейшина. И сколько подвигов! Точно ненужных... Сколько героизма и силы проявилось наряду со зверством. И точно ни к чему.

3-ий старейшина. Кто знает. Мы ничего не знаем.

2-ой старейшина. Главное - работайте. В том, что мы делаем сейчас, столько прелести. Всё это не для нас. Нам это всё не нужно. Всё это безымянное передаётся кому-то нам неизвестному. И он никогда не будет знать, какие люди это творили. Была ли у них радость, могли ли чувствовать они горе. Познающий будет считать нас, кто знает, какими мудрецами...

Старейшина. А мы ученики...

4-ый старейшина. Работники без дня, без срока...

5-ый старейшина. Научится когда-нибудь народ работать? В жизни столько облегчений внесено, а всё становится труднее и сложнее. И перед нами непочатая работа. Всё сначала.

3-ий старейшина. Смертельно жаль сокровищ творчества. Уже века они прожили, радость получали - и для того, чтобы погибнуть от тёмных рук. Другие люди, те, что были раньше, - те стражи были лучше. Их сберегли они. А нам досталась судьба предать их черни.

10-ый старейшина. Мы много ужасов ещё не знаем.

8-ой старейшина. Страшной вестей воображение не вмещает. Разграблены сокровища Кремля. И храмы сожжены. И стенопись тончайшая погибла. Нерукотворная резьба смелась незаменимо. Подумайте — незаменимо! Подумайте, как языки огня лизали стены храма. И в пламени испепелялись лики. А нимбы в пламени сияли. Чтобы исчезнуть. Невозможно верить таким вестям.

2-ой старейшина. А тот безумец или глупец ещё писал: сложить все достоинства в кучу. Грабьте. На всех вас хватит. К кому он обращался? Кого он призывал? Безумец старый. Не знал он ничего. Не знал он человека. Не знал путей... Был тёмн дух его...

9-ый старейшина. Вызвать силы может всякий. Заклясть их, обернуть в пределы — на это нужно знание.

8-й старейшина. Разгромлены сокровища Кремля! Ужасно знать!

2-ой старейшина. Ещё страшней, стыдней, что все узнают. Зачем такой народ наш? Нигде я не читал, чтобы народ уничтожал своё всё достояние сам. Чтобы своё могущество рассеял сам.

12-ый старейшина. Всем странам на презренье. Нигде я не читал, нигде народ своими руками не уничтожил достояние своё. И, наконец, своих вождей они схватили и их же мучили. Пытались сжечь. Сварить в котлах хотели.

10-ый старейшина. Безумие. Позорное безумие. Разве это люди?

Старейшина. Перед победой знания всегда возможен бунт дикой черни. Мрак борется со светом. Все бои последние — всегда страшнее! В этом движении учения не ищите. Тут бунт! Грабёж! Захваты! Стремленье личное к обогащению. К власти. Малое знание страшней всего. Доносят нам, что вожаки восставших уже в бессилии стремятся скрыться, уйти от власти.

2-ой старейшина. Какая власть, когда и хлеба они достать не могут. Опять мы хлеб достанем. Чем заменить его, мы знаем. Лишь бы не замерла душа народа. Её восстановить задача долгая. Чтобы учение тела не взяло верх над духом... (*работают*).

Старейшина. Опять мы за работой. Точно ничто не случилось. Дни безумия уже кажутся далёкими. Их отделяет от нас воскрешаемое знание. Кое-что мы успели записать. И сохранить. Наши тайники никому не известны. Подземные ходы стали сказкою. Уже давно не живут построившие их.

2-ой старейшина. Но о ходах всё ещё говорят.

Старейшина. Говорят, но ничего не знают. Остались молва, сказки. Но найти их ещё нельзя. Сквозь эти скалы ни глаз, ни рука, ни сердце ещё не проникнет. Ещё нужны тайны.

8-ой старейшина. Мне напомнила наша работа, как мы и ещё те, которых нет с нами, так же трудились, когда кончали наш главный тайник.

3-ий старейшина. Многое, что мы опять подтверждаем, уже внесено в тайники.

2-ой старейшина. Наверно! Но лучше подтвердить. И потом в этой работе время идёт незаметно.

10-ый старейшина. Я утратил состав лучей для знаков Урану. Те, что для Сатурна, недостаточно сильны.

12-ый старейшина. Не забудь о Кассиагене.

Старейшина. Сколько ещё записать необходимо. Конечно, жаль Александрийские свитки, но содержание их нам известно. А формулы в них неточными бывали. Не знаем, которым из списков мы владели.

7-ой старейшина. Я записал последнее пророчество. Так ли помню его: «Слушайте, гнушающиеся правосудием и искривляющие всё прямое, созидающие горю кровью и царство преступлением. Там, где судят за подарки, и поучают за плату, и порицают за деньги. За вас дома будут распаханы плугом, и гора храма станет лесистым холмом. Выйдет чудовище. И наполнит город. И пожрёт самое себя».

Старейшина. Последнее иначе: «И возникнет чудовище. И наполнит землю! И воздаст себе!» Пророк так говорил. Но время пророчества установить трудно. Думается, что оно к безумию нашему...

5-ый старейшина. Как знать! Мы ничего не знаем.

2-ой старейшина. Ведь это было последним указанием. После него Пророк удалился.

8-ой старейшина. Ничего равного нашему безумию нигде не возникало теперь.

10-ый старейшина. А это старое пророчество. Помните? (*Находит список и читает.*) «Близок день, близок — и весьма поспешает. Горько возопиет тогда и самый храбрый. День гнева,— день тот, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного клича против всех укрепленных городов и всех высоких башен. И стесню я людей, и приведу их в трепет, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их — как помёт. Ни серебро их, ни золото их не спасёт их в день гнева, и огнём пожрана будет вся эта земля, ибо смерть и истребление свершится над всеми жителями земли».

Не к нам оно?

3-ий и 2-ой старейшины. Кто знает!.. Это давнее.

Старейшина. И всегда будут повторять его. Ещё непрочно знание. И ещё много раз отступит оно от мира. И бесчисленно раз предаст мир знание. Укрепим тайники наши и утвердим сокрытые ходы. Они ещё нужны. Ещё долго нужны.

3-ий старейшина. Исчезнет всё, разбираемое нами. Испепелятся листы. Камень прочнее всего. На каменных плитах надо запечатлеть знание и раскидать по вершинам. Или сложить в тайниках храма...

5-ый старейшина. Всё тайники. А когда же праздник знания? Когда можно будет доверить знание людям?

2-ой старейшина. И будет, когда наследие наше вынесут всенародно и безопасно для знания!

3-ий старейшина. Как знать? Мы ничего не знаем.

8-ой старейшина. Будет всё-таки... Будет свет... Будет радость. И наша страна не погибнет!

Вносят вождя.

7-ой старейшина. Вот и ещё нам защитник. Последний защитник.

Врач (старейшине). Остриё я не вынул. Это продлило на минуту жизнь его. Он хотел вас увидеть.

Вождь. Там ослабели. Стрелки за башней остались. Камнеметатель разрушен. Спросите. Кажется, жидкий огонь на исходе. В ворота «Гоненья» впустите всех меченосцев. С ними немного лучников еще оставалось. И затворите ворота. И сдвиньте скалу. Сюда не взойдут. Не выйдем и мы. Впрочем, я уже ухожу. Меченосцев хвалите. Такую защиту вы никогда не имели. Мне трудно. Наложите руки. Легче. Отгоните. Или не успею сказать. У верхних зубцов хранился жидкий огонь. Сверху можете лить. Если бы тот не солгал. Если бы пленных не отпустил, всё было бы иначе. Я ведь не хотел... Я говорил... Вы знали...

Старейшина (возлагает руку). Брат, мы знаем. Ты идёшь героем. Ты приготовил себе путь славный. А здесь? Никто не живёт вечно, брат, и ничто не длится долго. Помни это и радуйся. Знание драгоценно для нас, потому что никогда не достанет у нас времени им овладеть. Всё завершается в вечных небесах. Но земные цветы мечты вечно цветут. Брат, помни это и радуйся... Он радуется уже не с нами. Героя в храм отнесите.

Всё будет так, как должно быть.

Старейшина. Всё будет так, как должно быть. Опять ждём мы. Не будет со-
глашения. Мы будем долго отрезаны. Разве нет у нас очага? И кто ожидает возврат
наш? Очага, услаждённого ласковыми заботами? И свет очага погас ради знания.

10-ый старейшина. Мы мало знаем.

7-ой старейшина. Ничего мы не знаем. Мы ещё не умеем исчезать. Мы не
имеем смертного глаза.

3-ий старейшина. Мы ещё не можем строить словом. Сдвигать жезлом гро-
мады и скалы.

Старейшина. Но вы уже знаете, что это всё бывает. Разве это не знание? Ме-
шала вам боязливость. Мешала приверженность толпе и земле. Но всё-таки и вы уже
можете распознавать содержание земной глубины. Вы творите пищу. Вы уже куёте
ковкое стекло. Вы уже знаете омываемые огнем несгораемые одежды... Вы сносите-
сь с планетами... Много, что уже знаете. Могли бы знать уже несравненно больше.

11-ый старейшина. И как далеки будут для каких-то неведомых нам людей
все наши мысли и беспокойства.

Самый древний (бормочет). Агламид, повелитель змия, Артан, Арион, слы-
шите вы?.. Лев пустынного поля... Сгинь, пропади, лихой...

Старейшина. Зачем зря повторяет? То, что имеет иное значение?

8-ой старейшина. Нам надо пытаться. А если Гайятри не придёт? Его не
найдут? Если он удалился в пустыню? Или скрылся в камне? Надо пытаться. Надо са-
мым призывать силы. Кроме нашего знания, мы не знаем много.

3-ий, 4-ый и 9-ый старейшины. Не знаем. Не знаем.

2-ой старейшина. И всё-таки что-то уже близко.

3-ий старейшина. Началось, когда из жизни ушла тишина.

11-ый старейшина. Но можно ли было думать, что опять в жизнь войдёт
разрушенье?

12-ый старейшина. Если уничтожались древние царства, если стирались
города до земли? То отчего не могло опять придти разрушенье? Знание ещё не со-
вершенно.

2-ой старейшина. И потом, эти чужие. Зачем пришедшие? Знание они всегда
презирали. Их наука была так бедна и ничтожна. Дальше ничтожных границ тела они
не пытались идти. А зло несовершенства породило уродство.

Старейшина. С высокой ступени сверглось человечество. Когда поднимется
вновь?

2-ой старейшина. Чем поднимется?

3-ий старейшина. Кто остановит безумство?

12-ый старейшина. Пути в пророчествах. Трудно понять их. Но теперь по-
няли мы, о чём сказано было: и возникнет чудовище! И наполнит землю! И воздаст
себе! Так? Что это значит? И воздаст себе.

2-ой старейшина. И всё-таки что-то уж близко. *(Слушает.)*

3-ий старейшина. Надо открыть окно.

Старейшина. Не открывайте. При огне соединим наши желания. Сделаем
круг. Сомкнитесь. Желайте. Если мы, умертвив желания, все пожелаем сразу, это со-
здаст чудную силу.

В башне вихрь колеблет пламя. Стук в дверь.

Старейшина. Надо спросить...

Женщина (вооруженная). Чудо! Чудо! Откройте!

Старейшина. Кто пришёл? Войди!

Женщина. Чудо! С башни Духа заметили мы странное. Какая-то весть обежала
врагов. И смутила. К бою прибрались они. Ожидали. Но от нас отвернулись. Вдали уже
бой разгорелся. Мы слышали рёв. Камнеметы гремели. Целые полчища выли. Кому-то
грозили. И устремлялись куда-то. От близости чуда мы трепетали. И ждали. И вот за-
мечаем. Идёт там один. Идёт мирным. Идёт в белой одежде. Идёт без меча.

Старейшины. Что случилось?

Женщина. Идёт. Идёт белый и тихий. Без копья и меча. Без зла и угрозы.

Старейшины. Что случилось?

Женщина. Пустили враги в него стрелы, натёртые ядом. И стрелы обратились, их самих поразили. Другие метнули копья в него. И упали пронзёнными. Ядом плеснули — и попадали в корчах.

Старейшины. Что случилось!

Женщина. Пустили жидкий огонь — и вспыхнули все. Полчища гибнут своєю рукою. Злобою дух преисполнен. Местью сердце раздулось.

Старейшины. Что случилось!

Женщина. Рушат и жгут. Отравили озёра и реки. Бросили огненный дождь. Прокричали проклятья. Горят и тонут. В корчах чернеют. Режут и душат сами себя.

Старейшины. Что случилось! Забыли добро. Добрый глаз затемнили. Вот случилось!

Женщина. Гибнут безумные. Силой врагов проходит он город. Прошёл селенья, врата и мосты. Гибнут безумцы. Он стоит. Велико его знание. Он близко. Идите. Встречайте.

2-ой старейшина. Пришло!

Старейшина. Зло замолчало. Он - Гайятри - пришёл.

Спешат.

Завеса.

VI картина

Заключённые

Подземелье. Сине-зелёное. На первом плане силуэты многочисленных узников. Звяканье цепей. Сзади мутно-зеленоватая стена. Через неё потом появляется Гайятри.

1-ый осуждённый. Один человек противу всех пошёл.

2-ой осуждённый. Сила у него. Если бы ему на пути попались, не были бы мы здесь.

3-ий осуждённый. И здесь нас не помилуют. Вот увидите. Придумают что-нибудь.

4-ый осуждённый. На рудники пошлют. Девятым осуждённый. А мы убежим.

5-ый осуждённый. Всякий надеется убежать. В этом сила. Только без головы ноги не побегут. А голову-то нам снимут. Не убежать!

6-ой осуждённый. Снимут голову! Ох снимут!

2-ой осуждённый. К диаволу этого колдуна. Испортил всё дело. Власть была за нами. Всё было наше. Имущества были наши.

8-ой осуждённый. Наши – да не совсем. Старейшины да иноземцы нас не признали.

6-ой осуждённый. К диаволу иноземцев. Нам на них не жениться. А вот, нам головы срубят.

4-ый осуждённый. Всё бы дал, чтобы утечь, убежать. Спрятаться да пересидеть где-нибудь. Вид изменить.

10-ый осуждённый. Боюсь смерти! Всегда боялся.

2-ой осуждённый. Когда чужое стащил, небось не боялся смерти.

3-ий осуждённый. Если кто вызволит, поклонюсь земно.

6-ой осуждённый. Всё отдам! Обещаю уйти далеко. Правда, уйду! Диавол с ним! Пусть остаются, лишь бы отпустили.

10-ый осуждённый. Только не отпустят.

Все. *(глухо)*. Не отпустят.

Гайятри *(появляется через стену)*. Хотите, чтобы вас здесь не казнили?

Осуждённые *(шепчут)*. Он, он! Осторожней!

3-ий осуждённый. Господин, просим тебя нас избавить и помиловать.

Все. Помилуй от казни.

6-ой осуждённый. В могуществе своём пощади нас.

8-ой осуждённый. Только бы нас отпустили живыми.

1-ый осуждённый. Если не избежать рудников, это ничего. Мы отработаем.

Гайятри. И убежим. Думаешь ты.

Все. Мысли знает... Осторожней.

Гайятри. Как мыслить осторожней? Зло скроете в словах, но в мыслях зло явно. От казни здесь освободить могу вас. Если вы это хотите сами. Если вы решили просить об этом. Скажите.

Все. Господин, мы просим. Смиренно просим. Очень смиренно просим. Убереги от казни. Помилуй. Только бы нас отпустили. А мы уйдем. Поклянемся. На чём хочешь поклянемся. Ты будь спокоен.

Гайятри. Я слышу. Вашу просьбу я исполню. От казни здесь я вас освобождаю. Сказал я. Но только здесь. Казнь здесь вас минет. Так решено, если сами вы захотели. Вольным путём идёте вы. Теперь я покажу вам, что увидеть вам нужно.

Показывает картины, выступающие на стене.

Осуждённые. Кто эти прокажённые? У них обнажились кости. У них отваливаются члены.

Гайятри. Это вы!

Осуждённые. Их кормит девушка, так чисто одета. Она из знатных.

Гайятри. Вы её замучили теперь...

Осуждённые. Какие страшные слепцы. Голодные. Они грызут кость. Отняли у собаки.

Гайятри. Это вы!

Осуждённые. Смотрите, тонут. И ледяные волны. За лёд схватились. Коченеют. Лица страшны.

Гайятри. Это вы!

Осуждённые. Один схватился. Кажется, спасётся.

Гайятри. Он тоже согрешил, но был убит. Его судьба не так жестока.

Осуждённые. Волки разрывают человека. Глаза вырвали. А жив он. Изгрызли ноги. В грудь впились. Другому перегрызают горло.

Гайятри. И это вы!

Осуждённые. Мальчишки гонят человека. Бросают камни. Голову пробили. Подшибли ногу.

Гайятри. Он из вас!

Осуждённые. Мятажные полки на копья подымают. В ров бросили. Живых. Друг друга давят. Шевелятся, как черви.

Гайятри. И это вы!

Осуждённые. Сгоревшие в пожаре! Отравленные ядом! Бесконечные муки! Смотреть нельзя. Не надо.

Гайятри. Вы многого не знаете ещё, что вам грозит. Определено вам. И неизбежно. Вы слышите: для вас всё это неизбежно. Эти ваши цепи вы сковали крепко. Ничто их не разрушит. Я показал судьбу вам. Вы просили избавить вас от казни. Я обещал вам. От казни вас избавил. Чтобы свою судьбу вы претворили в жизнь.

Осуждённые. Погоди, не уходи теперь. Ведь ты утрашал нас. Мы знаем, что ты утрашал. И утрашил. Страшно стало. Ведь мы можем изменить судьбу. Мы убьём друг друга.

Гайятри. Судьбу измените вы! Ухудшите её! И новые века страданий вы призовёте. Подумайте: века! Тысячелетия! Необъяснимые страдания, без выхода, без об-

легченья. Без оправданья! Вы будете искать спасения, не помня, что закрыли путь к нему вы сами, только сами. Строители несчастные! А изливать вы будете печали и жалобы на всех. Вы созданы свободными. Вы сами куёте каждый шаг. Вы кузнецы! Себе сковали цепи! *(Исчезает.)*

Подземелье темнеет. Осуждённые воют.

VII картина

Суд

Портик перед площадью. Яркое утро. Небо золотое. Богатое. Вдали вершины башен. Золотятся. Внизу, на площади, невидимый народ. Чуть видны руки осуждённых в цепях, когда они их поднимают. Видны острия копий и знамёна. По сторонам сидят старейшины. Снизу, с площади, всходят выборные цехов.

Писец *(оканчивая чтение акта).* ... народному суду повинны. Казнь изберут по голосам от цехов избранные. Если повелит голос избранных помиловать преступных — так будет. Если изберут род казни через лишение жизни — и это будет.

Старейшина *(страже).* Скажите, пусть выйдут цехи.

Стражник *(сходит с лестницы).* Идите. Кто выборные. Судить идите.

Слышны звуки рогов. По лестнице поднимаются выборные. Каждый цех отдельно, со значком. Становятся посередине.

Старейшина. Пусть совершится суд человеческий. Вы помните слова пророка: «Мне отмщение, воздам я». И помните, что жизнь дана не нами. Мы даём лишь тело. И прекращает жизнь сам рок, в его законах слепо наше зренье. Его велений не уловит слух. Мы обещали вам предоставить суд. Возможность эту теперь мы вам вручили по вашей просьбе неотступной. Судите.

1-ый выборный. Такого преступленья никто из нас не помнил и не знал. На этот раз считаем мы необходимым воздвигнуть казнь смертную. Чтоб помнили её. Чтоб поколенья наши знали, что есть гнев народа. Приговорили мы преступных четвертовать. Рубить сначала руки, затем уж ноги. Проколоть язык и голову срубить. *(Подает старейшине лист и отходит.)*

2-ой выборный. Поручено мне передать наш голос, постановивший злодеев по базарам всем прогнать плетью. Потом по городам повесить и месяц не снимать. Такое наше слово.

3-ий выборный *(священник).* Помыслили в собраньи мы: изгнать злодеев, а буде кто вернётся — тогда лишить уж жизни.

Внизу недовольство народа.

4-ая выборная. Мы поклялись им отомстить. Должны вы их клеймить клеймом позорным и нам отдать на полный произвол. Или заставим их работать за убитых, или вольны предать их смерти. А смерть мы изберём.

5-ый выборный. Казнь наименьшая — лишение головы. Но, помня о злодейском преступленьи, постановили мы усилить казнь. Послать на рудники на время, не меньше трех лет. Чтобы тягчайшая работа производилась не меньше двадцати часов подряд. Но чтобы жизнь не прекращалась. А там уж после срока работ казнить лишением головы.

6-ой выборный. Мы избрали короче казнь. На барках всех вывезти далеко в море и утопить.

7-ой выборный. Избить плетью и головы срубить. Но перед тем их выставить народу, чтоб гнев народный мог излиться.

8-ой выборный. Всегда мы были против казни, но на этот раз решили казнь возобновить. Род казни пусть выберут старейшины.

9-ый выборный. Род казни нам безразличен, но требуем казнь смертную.

Гайятри (*появляется впереди выборных, весь в белой одежде*). Остановитесь, мечтавшие о казнях. Я победил, и мне принадлежит назначить казнь. Велико преступление. Казнь должна быть велика. Ваши казни ничтожны. И кратки. Я наложу казнь жесточайшую. Перед ней все ваши измышления погаснут. Противу знания преступление тяжко. После него молчит милосердие. Вот! Пусть живут те. Цепи с них снимите. На свободу отпустить. Они уже сковали судьбу свою. И знают, что их ожидает. Вы знайте одно: их жизнь берегите. Всякое лишение жизни улучшит их судьбу. А если помыслят себя убить, тем хуже им...

Народ. Он отпустил злодеев! Как знать? Он знает. Он победил. Мы не можем. Он сильный.

Гайятри. Я победитель. Казнь я назначаю. Я избрал жесточайшую казнь. Не будем противиться их жизни. (*Громче.*) Вы там! Вы останетесь живы! Вас никто не тронет. Всё, что сковали вы, исполнится теперь. Снимите цепи. Стража! Снимите. Сюда несите цепи. Цепи людей не нужны.

Внизу снимают цепи. Груды цепей вносят и складывают на полу.

Лучи солнца проходят по Гайятри.

Стражник. Злодеи просят тебя!

Гайятри. Пусть! Я знаю.

Преступники (*вздывают руки*). Гайятри, казни нас. Так нельзя. Мы боимся. Всё это к нам приходит. Ночью приходит. Каждую ночь мы не спим. Открыть глаза боимся. Убитые стоят. И шепчут что-то. Не знаем, что делать. Пусть возьмут головы. Ты знаешь. Ты показал нам...

Гайятри. К вам не выйду. Меня не найдете. Будете жить. В страхе или смятении. И смятём следы их шагов.

Преступники воют. Народ шелестит шёпотом.

Гайятри (*народу*). А вы пойдёте мирно. Будете трудиться. Будете слагать свою судьбу. Домохозяйева, послушайте! Вам очень трудно быть праведными. Препятствия во всём. Вы знаете их хорошо: болезни, горе, бедность и несогласия в домах! Но люди иногда должны уединяться, жить в одиночестве, бороться изо всех сил, чтобы постигнуть Духа. Иногда полезно ненадолго оставить дом, ответственность, тревогу и заботу. Не быть среди людей и о делах, так нужных миру, не думать. Жить одному или увидеть окрепшего, святого человека. Ищите подвиг. Работать научитесь. Признайте единую власть знания. Власть светлую, ведущую без страха и ужаса. Учитель есть. Бог есть! Творящий Дух. Во всём умеете узнать его блестящий облик.

(*Тише.*) Думайте. Углубитесь. Когда я шёл сюда, никто добром и не помыслил. Сколько притворства. Крался согбенный старик и пытался кинжалом ударить. Прекрасная женщина молила остановиться, для того чтобы ядом плеснуть. Юноша казался больным, чтобы метнуть копье. Тогда они уже догадались, что их удары безвредны для меня. Но всё же пытались. Обострили свою всю силу на вред мне. И ни одной попытки добра. (*Задумывается.*)

Осуждённые. Казни!

Гайятри. Нет, будете жить. Ваши вожди уже истреблены. Они истребили сами себя. Они не нашли в себе благой силы. А вы, что в темноте с ними встали, - будете жить. И будете - помнить. И будете - знать.

Осуждённые. Казни! (*Воят.*)

Гайятри. Нет!
Осуждённые. Казни!
Гайятри. Нет.

Осуждённые воют.

Гайятри. Когда сердце начнёт ожесточаться, ты, Знающий, повели облаку благодати низко спуститься с вершины.

Старейшины встанут и воздевают руки.

Дай силу высоко вознести дух над уловками жизни.
Дай не преклонить колени перед дерзким владычеством.
Когда желание ослепит дух ложью и прахом, приди, Бодрствующий, молнией и громом. Пошли Твою бурю, полную ужаса и смерти, если так угодно Тебе, и мечами молнии потряси мир от края до края.
Слушай, Слышащий. Молю. Источник слов моих знаешь.
«Где мудрость страха не знает.
Где мир не размельчён ничтожными домашними стенами.
Где знание свободно. Где слова исходят из правды.
Где вечно стремление к совершенству. Где Ты приводишь разум к священному единству.
Там дай проснуться, моей Родине».

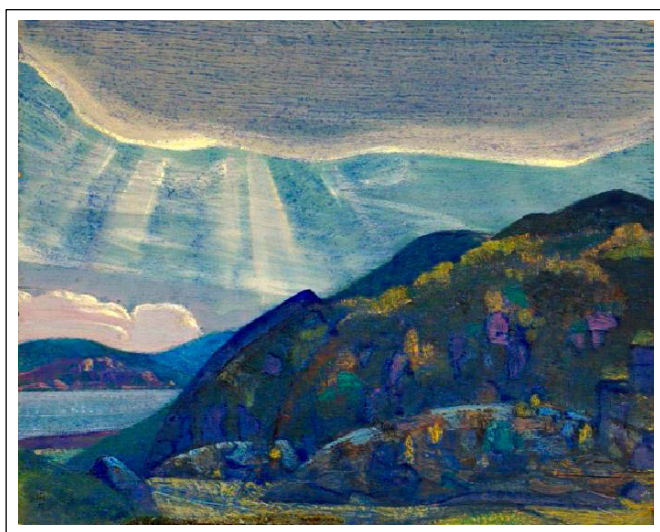
Солнцу.

Как увидим Твой лик? Всё сияет светом Его. В темноте сверкают крупички Твоего сияния. И в моих закрытых глазах брезжит чудесный Твой свет.

Конец

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Рукопись.

«И в моих закрытых глазах брезжит чудесный Твой свет...»



Н.К. Рерих. Карельская сюита. Солнце за облаком. 1917-1918.

[Ноябрь 1917 г.]

Письмо Н.П. Химоны к Рериху Н. К. (фрагмент)

«...Рассчитывать на поддержку со стороны других членов Комитета, каковы Фену, Галецкий, Типольт, не приходится, т. к. политические события их, видно, сильно поглощают и им не до нашего дела. Фену, напр[имер], сильно угнетён ещё и семейными обстоятельствами - у него дочь очень больна.

Относительно Школы в данный момент могу сказать, что дела пошли, было, хорошо, с учащимися наладились самые хорошие отношения, внесших плату в 60 р. было больше 100 человек и каждый день прибавлялось, но последние события (26-27 окт.) резко изменили дело. Занятия идут, но учащихся мало - особенно учениц, видно, боятся выходить на улицу. Хотя теперь на улицах стрельбы уже нет, но нельзя поручиться, что вдруг не попадёшь под выстрелы, ибо ликвидация вряд ли скоро совершится. Сегодня, напр., говорили, что из районов Балтийского и Варшавского вокзалов выселяют жителей, очевидно, готовится бой с приближающимися Правительственными войсками. Что будет? Один Бог Знает. Устали, измучились все. Вот приблизительная картина нашего существования.

Бодришь, дорогой, и с свежими силами приезжай, как только можно будет. Поклон Тебе от всех.

Ольга Ал[ександровна] и я шлём Вам наилучшие пожелания всего хорошего, так необходимые в данный момент. Целую Тебя.

Твой Н. Химона

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Без начала. Без даты.

[6 ноября 1917]

Письмо А. М. Арбенина к Н. К. Рериху

Е. В. Р. [Его Высокородию]
Господину Николаю Константиновичу Рерих.
Сердоболь. Sortavala.
Ktimmela, дом Genetz.
N. Roerich.

М[илостивый] Г[осударь].

Комитет «Мир Искусства» сим извещает, что открытие очередной выставки в Москве состоится 26-го Декабря с. г., в помещ. Художественного Салона. Б. Дмитровка, 11. Обязательство доставки произведений, ввиду отсутствия транспорта, комитетом о-ва снято.

Сведения для каталога просят сообщить не позже 15-го Ноября К. В. Кандаурову, Б. Дмитровка, 9, кв. 41.

Уполномоченный Комитета

А. Арбенин

Пометка Н.К. Рериха:

Получено 14 ноября.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Типографское извещение с рукописными вставками на бланке Комитета «Мира искусства». Наклеены 2 марки. Штамп военной цензуры.

На штемпелях даты: Петроград. 06.11.1917. // Сортавала. 26.11.1917.

[1917] Сердоболь
Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] Михайлович]. Письмо Ваше 21-го получил. Верно, скоро получите мои письма. Буду ждать кого-либо от Школы, ибо я предусматриваю одну версию, чтобы преподаватели не остались совсем без содержания. Думаю, что эта временная мера для Общества приемлема. О возрождении литографии я настолько думал, что включил эту статью даже в смету. (Поставил расходы по приглашению художников для лит[ографических] раб[от]) Всё можно делать, лишь бы явилась общая возможность к этому. Пишу открытку, ибо получил сведения, что цензура марает мои письма. Попросите Ростиславова торопить Руманова. Отчего Ст[епан] Петр[ович] молчит?

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 16-16об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

11 ноября 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П., Степанову И.М.

Дорогие Степан Петрович, Иван Михайлович.

Пишу третье письмо. Получили ли мои два? Ко мне доходят обрывки писем. Видимо, многое теряется.

Подавляют меня происходящее. Когда мы узнали, что народ сам уничтожает своё достояние, что сокровища Москвы и Зимнего Дворца истребляются, у меня начались, ко всему прочему, боли и удушье в аорте. Всё-таки творения искусства, творения духа человеческого - ближе всего. Их - не могут касаться тёмные руки. Серов - валяется на площади! Пробит Успенский Собор! Для чего же творить? Для чего учить народ творчеству? Мы, работавшие для свободы, мы, писавшие за искусство, - что мы должны чувствовать? Ведь это больно! Ведь можно с ума сойти! Чтобы самим уничтожить своё достояние духа! Уничтожать радость духа, которою так нищ народ наш!

Как вы там? Как здоровье, силы? Ваши письма я получил сегодня - 11 ноября - письма от 23, 24 октября.

Конечно, сейчас принимать какие-либо решения нельзя. Что мы знаем?

Проект Школы почти готов. Из него выкроить истину всегда можно. Но он для мирного народовластия, а не для войны.

Законопроекты сейчас тоже не у места.

Прошу, передайте Ростиславову, что я прошу его торопить дело наследства Крачковского. Кроме того, думаю, надо перенести Школьный Музей Рус[ской] живописи из Библиотеки в мою квартиру. В Библиотеке, верно, топят мало - там сыро и окна не защищены - на улицу. Хорошо бы и некоторые особо редкие издания тоже туда перенести. Моё помещение принадлежит Обществу. Семья этот год не приедет. Я же могу быть у брата. Пошлю Вам об этом телеграмму.

Проезд сейчас очень затруднён. У нас тоже не всё ладно. Подавляет и де-нежное положение Общества. Оно подобно положению всей России. Господи, сохрани страну нашу и народ наш. Просвети его свободой. Научи его понять, что есть *великая свобода*. И братство!

Пишите мне. Две недели мы не имели никаких вестей. Кроме того, и Финская забастовка! Без вестей так тяжело, а дойдут вести - задыхаешься от них.

Обнимаю Вас крепко.

Искренно Ваш

Н. Рерих

11 Ноября 1917.

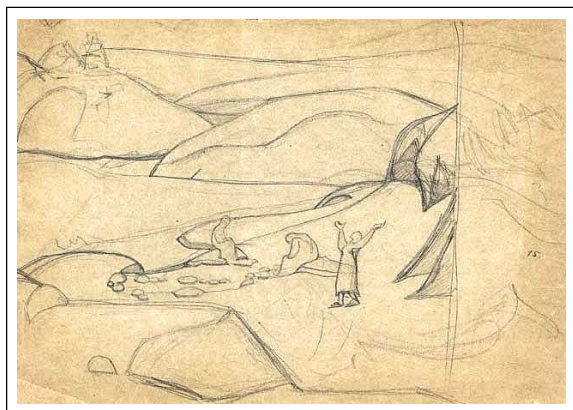
Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71, д. 57, л. 9-10 об. Автограф письма.

Стихи Н.К. Рериха

ОТКРОЙ

У тебя на полках по стенам
Многие склянки стояли.
Разноцветны они. Закрыты
Все бережливо. Иные обёрнуты
Плотно, чтобы свет не проник.
Что в них – не знаю.
Но их сурово хранишь.
Оставшись один, по ночам
Огни у себя зажигаешь, и новый
состав ты творишь.
Знаешь, чему полезны составы.
Помощь твоя мне нужна.
В твои составы я верю.
Который мне будет -
Полезен, тот сейчас и
Открой.

1917



Н.К. Рерих. Молитва. 1917.

[11 ноября 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М., Яремичу С.П.

Срочно.
Петроград. Морская, 38, Общество Поощрения.
Секретарю Степанову, Яремичу.

Прошу перенести школьный музей русской живописи из сырого помещения библиотеки в квартиру директора, пусть она продолжит музей. Посылаю письмо. Просите Ростиславова торопить дело Крачковского.

Попечитель-Директор

Центральный государственный исторический архив. СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 31. Телеграмма из Сердоболя.

[12 ноября 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград.
Морская, 38.
Общество Поощрения.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] Михайлович] Сейчас получил Ваше письмо с повесткой. Буду ждать вестей о собрании. Повестку я получил в 7 час. веч. 12-го — после собрания. Всё медленно идёт очень. Очень интересуюсь, что было. Рад был слышать, что несмотря на события на постоянной] выст[авке] - такая хорошая продажа! Прямо изумительно. Конечно, сейчас передавать в Министерство нельзя - там работа ненормально идёт. Кроме того, нужно особенно подчеркнуть, что мы хотим иметь Школу нашего типа, а не общеминистерского. Проект у меня готов. Надо переписать. И смета есть. Отчего С[тепан] Щетрови[ч] не пишет? Привет ему.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 13-13об. Автограф открытого письма.

14 ноября 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Ив[ан] Михайлович]. С нетерпением жду результатов Собрания. Как же мой проект? Для Министерской Школы он мало пригоден. Что полагает

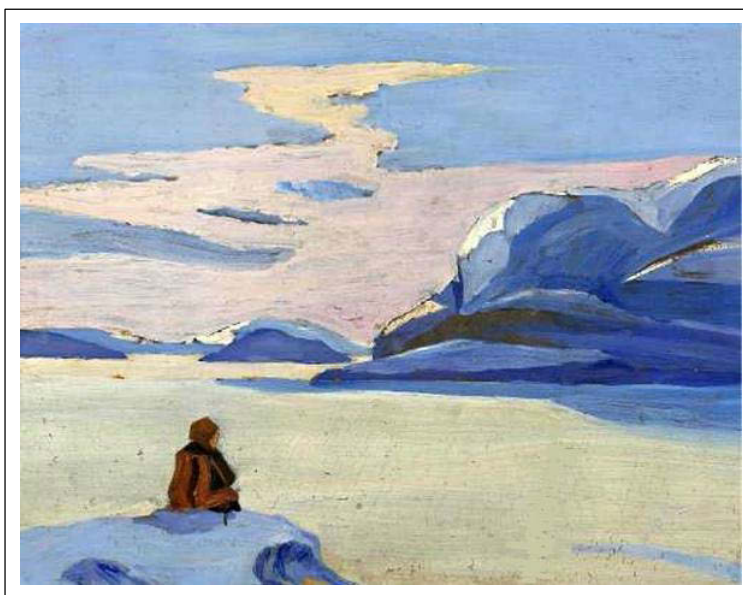
Педагогический Совет и Н. П. Химона, меня заменяющий? Кто, кроме Вас и Химоны, подписал заявление? Нельзя ли попросить Н. П. Химону ко мне приехать. Если Комитет попросит, он согласится, может быть. Если не так спешно, я передам ему мой проект. Преданный Вам

Н. Рерих

14 Ноября.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 14-14об. Автограф открытого письма.

«Каждый день жду вестей...»



Н.К. Рерих. Ожидание. 1917.

[Ноябрь 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Дорогой Иван Михайлович,
посылаю письмо Комитету. Ответ прошу срочно телеграфировать, ибо письма идут нескончаемо долго. Цензура! Мои сведения об Обществе прекратились 6 Ноября. Писем после 6 не было, и я ничего не знаю о Собрании 12-го. А ведь за это время день за год идёт. Думаю, что задерживать мой проект нельзя. Послать его почтой, без словесных указаний, тоже нельзя. Здоровье то лучше, то хуже, а в Петрограде лечиться чистым воздухом тоже нельзя. А без здоровья и работать нельзя. Сегодня у нас опять прекратились газеты. Так тяжело без вестей! Каждый день жду вестей. Привет Ст[епану] Петровичу]. Если Химона или Боря поедут - Пётр достанет им разрешение.

Ваш НР.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 25-25об.

15 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.

15/XI. 1917.

Дорогой Николай Константинович

Вот как решено дело о Школе в Общем собрании 12 Ноября: 1) Войти с ходатайством в М-во Торговли и Промышленности о ежегодной субсидии на содержание Школы до 200 000¹ руб. с тем, что если Министерство признает при этих условиях необходимым принять Школу, временно, в своё ведение, изъявить на это согласие; 2) за недостатком средств прекратить с 1 Января 1918 г. расходы из средств Общества на содержание и 3) получаемые ныне субсидии использовать на поддержание мастерских при Школе. К этому постановлению подали особое мнение Хренов, Н. П. Химона и А. А. Рылов, находя, что средства нужно найти посредством залога дома, и это понятно, но меня удивляет, что такого же мнения держится и Борис Константинович. — Мне кажется, что нельзя заложить дом Общества Поощрения Художеств, также как нельзя заложить Академию Художеств, Музей Александра III, Исаакиевский и Казанский Соборы и др. Я не уверен, возможно ли это сделать формально, да я и не собирался наводить эти справки, т. к. мне не пришлось бы приводить такое постановление, если бы оно и состоялось.

Твёрдые в этом отношении мнения собранию высказали Е. Н. Фену, В. А. Щавинский и С. П. Яремич².

Телеграмму Вашу о музее получили; музей Ст[епан] Петрович завтра намерен перенести; что же касается духовного завещания Крачковского, то никаких признаков жизни не слышно от А. В. Руманова.

Нашего Вице-Председателя в городе, вероятно, нет, в заседании он не бывает, в последнем заседании был П. П. Гнедич.

Я, кажется, писал Вам, что по точной смете, исправленной и дополненной (без прибавок содержания преподавателям), передержка по Школе равняется 111 000 р.

Вот всё, что у нас случилось, но при теперешнем положении могут быть всякие возможности. Вот почему мы и писали Вам коллективом приглашение.

Как Ваше здоровье? Давно от Вас не было вестей.

Искренно Вам преданный

Ив. Степанов

У нас происходит разборка журнала «Художественные Сокровища России», и мы прекратили отпуск Общине св. Евгении этот журнал и возвратили часть денег. Как только кончится разборка, сами объявим продажу по значительно возвышенной цене.

Хорошо бы теперь возродить литографию, пригласить для этого наших знаменитых мастеров, как это было с начала возникновения Общества. Эти возможности в наших руках.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

¹ При увеличении содержания преподавателям. — Сноска И. М. Степанова

² Ст[епан] Петр[ович] находит, что после залога дома остаётся со стороны Правительства опека над обществом, заложившим дом. — Приписка И. М. Степанова по левому краю письма.

16 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо В.А. Щавинского, И.М. Степанова к Химоне Н.П.

Всероссийское Общество Поощрения художеств.
16 Ноября 1917 г.
Петроград, Морская, 38.
№ 233.

Копия

Г-ну Исп. Об. Директора Школы Н. П. Химон[е].
Общее собрание, в заседании, состоявшееся 12 Ноября с. г. постановило:
1) за недостатком средств прекратить с 1 Января 1918 г. расходы из средств Общества на содержание Школы и 2) полученные ныне субсидии использовать на поддержание мастерских при Школе.
Об этом постановлении Комитет имеет честь Вас уведомить, для объявления Г[осподам] преподавателям.

За Председателя В. Щавинский (подписал)
Секретарь Ив. Степанов (скрепил)

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Машинопись.

18 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо Н. П. Химоны к Рериху Н.К.

Финляндия.
Сердоболь. Sortavala.
Ktimmella, дом Genetz.
N. Roerih — Рерих.

18 ноября.

Дорогой Николай Константинович,
Из твоей последней открытки заключаю, что ты не получил ещё моего *казаного* письма, в котором более или менее подробно изложил тебе создавшееся положение. Очень жаль, если это верно. У нас здесь по Обществу, а следовательно, и по Школе такое происходит, что... что... просто всё идёт к полному развалу с головокружительной быстротой. Нужны быстрые и решительные меры. Момент подходящий, для того чтобы Педагогический Совет взял всё в руки. Приезжай, если можешь. В политике не так страшно — порядок есть.

Твой Н. Химона

Плотников убит у себя на квартире — сегодня хоронили.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 19.11.1917, в Сердоболе 08.12.1917.

19 ноября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха - Комитету ВОПХ

В Комитет Всероссийского Общества Поощрения Художеств.

Здоровье моё ещё не улучшается. Необходимо применить лечение морозным воздухом. Надежда моя — на то, что Г. М. Бобровский в своё время вполне поправился и вернулся к нашей работе, а мой случай очень похож на его болезнь.

Проект Школы, порученный Комитетом, мною закончен. Чтобы не задерживать течение дела, прошу Комитет, не признает ли он целесообразным командировать ко мне Старшего Заведующего или Секретаря Школы или обоих для передачи им проекта при объяснениях. Надеюсь, что из предположений проекта можно вывести приемлемое для Общества художественно-просветительное учреждение.

Прилагаю все силы, чтобы восстановить здоровье и вернуться к любимому делу.

Обращаюсь к членам Комитета с искренним приветом.

Н. Рерих

19 Ноября 1917. Сердоболь.

Центральный государственный исторический архив, СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 52, 53. Автограф.

21 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо А.Ф. Белого³ к Рериху Н.К.

21/XI.

Дорогой Николай Константинович.

Описывать тебе моё нравственное состояние и не хочу — ты, вероятно, и сам понимаешь, в каких условиях приходится жить и вообще, и раньше чего только не пришлось пережить. Одно желание - чтобы скорей отпустили бы домой. Довольно уже переживаний. В 43 года тяжело очень. Вовек не забыть этого «дивного периода» революции.

Обидно то, что и так немного жить осталось, и так здоровье худое, а тут больным совсем уйдёшь. Вчера узнал об убийстве Плотникова. За что? Жить стало противно. Как же у Вас в Финляндии это время? Надеюсь, что лучше, чем в России. Как ты сам себя чувствуешь и как Елена Ивановна с мальчиками? Передай мой им сердечный привет. Желаю Вам всем избежать всего худого в наше ужасное время. С осени мне всучили заведование Химической Командой, и вот przygotowляю инструкторов, вожусь с ними по теории и обкуриваю их хлором и в поле, и в камерах. Достается и мне. 16-го отравился и 2 дня худо себя чувствовал, но думаю, что это уже конец, т. к. всё равно скоро солдаты закроют лавочку, и мы накануне мира. Но что дальше будет — это уже трудно сказать. Боюсь осложнений, а нервы мои уже не могут выдерживать. Я был неврастеником, а теперь совсем худо себя чувствую.

³ А.Ф. Белый, брат В.Ф. Белого, находился в действующей армии – ред.

Отдыхаю, когда занимаюсь живописью. Пишу больше акварели, но времени для этого мало и дни коротки. Думаю, что скоро уже увидимся, с тем, чтобы быть у своего дела. Боялся я, чтобы в этот переворот и наш музей не пострадал, но, кажется, всё благополучно обошлось. Ведь какой-нибудь Антон тоже, вероятно, в большевики записался.

Отлично ты сделал, что перебрался из Питера в Финляндию. Воображаю, как гнусно в Петр[ограде] жить.

Бог даст, свидимся при лучших уже условиях.

Правда, небольшая, но всё же таится надежда на Учредительное Собрание. Авось сговорятся наши бывшие вожди. Извини, что пишу на обрывке - нет бумаги здесь это время. Чем же ты меня можешь порадовать. Или же тоже всё худое.

Мне почему-то кажется, что с Января и я уже приму участие в занятиях в Мастерских.

Ужасно был бы рад вернуться к своему делу. Брат писал мне и передавал твой привет. Желаю всего доброго и хорошего.

Сердечно обнимаю тебя.

Твой весь

Ал. Белый

Ещё мой привет семье.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Стоит штамп военной цензуры.

21 ноября 1917 г. Петроград.

Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

21/XI.1917.

Дорогой Коля!

Школа наша погибает. Комитет и Общее собрание, состоявшее из 10 человек, решили закрыть школу с 1-го Января. Хренов, я и Химона подали особое мнение, протестуя против закрытия и предлагая заложить дом, чтобы поддержать школу. Мы, педагогический совет, решаемся защищать всеми силами Школу, нашу гордость, Школу, просуществовавшую 78 лет. Нельзя её прерывать даже на время: стыдно будет всем нам, если не спасём её. Ты приезжай теперь же, чтобы помочь делу спасения. Это моя просьба и дружеский тебе совет. Яремич, Щавинский и др., прикрываясь финансовым кризисом Об-ва и проливая крокодиловы слёзы, держат себя врагами настоящей школы, и ясно виднеется в их действиях некоторый план. Школу разогнать, а потом открыть на новых экономных началах, т. е. одну художественную мастерскую, наподобие парижских частных мастерских. Я очень-очень против такого типа школы. Это дело частного лица, а не Об-ва. А я, как тебе известно, высоко ставлю именно идею нашей художественно-просветительной школы «для массы». Мы поставим вопрос о существовании Школы остро. Да, я прервал свою мысль о «некотором плане». Что ты думаешь о Яремиче? Не авангард ли это Алекс. Бенуа? А секретарь Степанов? (из Краен. Креста) Щавинский?..

Дело может обстоять так, что мы все уйдём, вероятно, и те с нами. Некоторые преподаватели спрашивали меня — знаешь ли ты о постановлении Общ[его] собрания и о плане реформирования школы и каково твоё мнение об этом. Я, конечно, не мог дать им точного ответа. Теперь начались морозы —

ты, может быть, приедешь? Химона тебе писал заказным — но ответа не получил. Сегодня похоронили Плотникова, убитого кем-то у себя на квартире — молотком.

Вопрос о Крыме пока не двинулся в ожидании тебя, а кроме того, главное, из-за вопроса о существовании нашей школы.

Будет огромная ошибка, если школа закроется и перейдет потом хотя бы даже под протекторат А. Бенуа. Ошибка для дела, не для нас — преподавателей, конечно.

Художественные мастерские - это только лишняя конкуренция для мастерских частных художников, Об-во поощрения будет отнимать у них кусок хлеба и плодить грубую массу живописцев. Другое дело мастерские при Школе со строгим фильтром. Тип Школы нашей образовался путём долгой работы и опыта. Она не должна следовать моде, широкой и пошлой современности, а идти своими традициями твёрдо, пользуясь своими заслугами и популярностью.

Нельзя вводить в неё стиль «модерн» какой бы то ни было, ибо всякий «модерн» — это то же, что «модер» в быту, который держится 5 лет не более.

Я скептически отношусь к новым методам художеств[енного] преподавания, которым заражены теперь все учителя и учительницы в приходских школах и в гимназиях, американское рисование обеими руками, замена гипса глиняными горшками и пр. Боязнь старого, боязнь рутины. Бояться надо всего пошлого и рутины, конечно. И Врубель и Серов учились по-старому, а Брюлловы, а Иванов, Кипренский, Боровиковский, Левицкий? и т. д. Я бы хотел только, чтобы школа была «строгая». Этого у нас, к сожалению, нет, а это надо. Уйдя из школы, я, м[ожет] б[ыть], сам открою у себя школу не для заработка, а из любви к искусству.

Очень будет жаль, если ты не приедешь, не сможешь. Жаль для дела и для тебя лично.

Как здоровье твоё?

До свиданья!

Твой Аркаша

Р. С. Ученики ведут себя выше всякой похвалы, пожаловаться не можем. VI и VII класс соединили. Барышни и ученики работают вместе: утренняя группа и вечерняя. Просили задать им эскиз - Вахрамеев задал: «построй на колонне» - пан[н]о. Темой они довольны - а что выйдет, неизвестно.

Плотников всех поразил.

Были сегодня на могиле Архипа Ивановича

Вчера была интересная «Пятница» на выставке Об-ва Куинджи.

Макаренко сегодня прогнал из Эрмитажа большевиков. Неизвестно, что дальше будет. Сегодня же он сцепился где-то с Яремичем. И он оба раза был прав.

Тебе бы очень надо приехать и уладить дело со Школой, я боюсь, что если не приедешь и не уладишь, то тебя многие будут обвинять в закрытии [сверху подписано разрушении] Школы, в соучастии. По дружбе тебе это советую.

Всего лучшего и счастливого.

Твой А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

21 ноября 1917 г. Петроград.
Письмо А. А. Рылова к Рериху Н. К.

Финляндия. Сердоболь.
Николаю Константиновичу Рериху.
Sortavala. Дом Genetz.

Дорогой Коля, вчера⁴ я отправил Тебе письмо о «закрытии школы». Сегодня мы, некоторые, собирались на совещание в Об-ве Куинджи. Твой брат и Химона прочли нам только что полученные ими с оказией письма, из которых видно, как ты волнуешься и недоумеваешь действиями Комитета. Так ты нужен нам в настоящий момент. Химона и Бор[ис] Константинович] дня через два едут к Тебе, и я верю, что с Тобой дело школьное спасётся, и враги будут посрамлены.

Будь здоров и счастлив.

Твой А. Рылов

Видно, что люди пользуются твоим отсутствием. Почта — одна беда!

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 21.11.1917, в Сердоболе 08.12.1917. Стоит штамп военной цензуры.

25 ноября [1917]. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М.

Петроград. Морская, 38.
Канцелярия Общ. Поощрения Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

25 Ноября.

Дорогой И[ван] Михайлович]. С нетерпением жду весть - приедет ли кто от Школы за проектом? Проект, кажется, удался, и, Бог даст, со временем кто-нибудь похвалит его, как мы хвалим Устав Григоровича. Всё у нас оттепель, выходить мне нельзя. Всё - 37. - 37,4 - 37,5. Просто беда. Но хочется хоть отсюда помочь Школе. По смете надо всего 25 000 добавочной субсидии или получить их от сдачи помещений, — это не страшно. Отчего Ст[епан] Петр[ович] упорно молчит. Работает, верно, над картинами? Что Александр Николаевич - писал ему, но ответа нет. Как Вы живёте? Пришлите газетку, уже неделю без вестей.

Ваш НР.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873. И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 19~19об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

⁴ Предыдущее письмо А. А. Рылова датировано также 21 ноября.

27 ноября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.

Петроград. Морская, 38.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Ст[епан] Петрович], я послал проект Свободной Академии. Будь добр, поддержи его. Не получаю Твоих писем. Напиши, как живёшь, что нового во всяких мирах, и в картинном? Ив[ан] Михайлович] (привет ему) писал, что был отличный состав постоянной] выст[авки]. Что там было? Никол[ай] Петр[ович] [Химона - ред.] расскажет Тебе о моей жизни. Буду ждать известий.

Твой Н. Р.

27 Нояб. 1917.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 25-25об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 29.11.1917.

«Знание духа указывает нам, как размер цели создаёт размер возможностей и символ распада тяжкой двери лучше всего показывает, так надо действовать...»

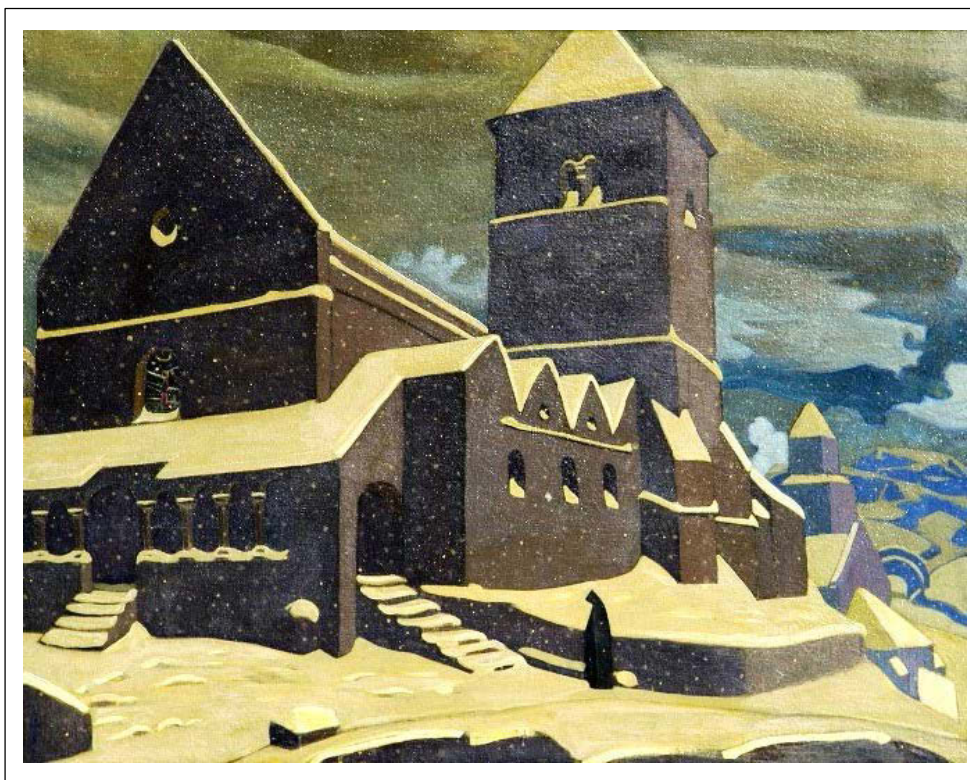
НА ПОСЛЕДНИХ ВРАТАХ

Нам сказали: «Нельзя».
Но мы всё же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово «нельзя».
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: «Нельзя».
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: «Нельзя».
— «Стражи седые, выдавшие,
знавшие! Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принёс.
Допустите нас, стражи!»
«Нельзя», — нам сказали
и затворили врата.
Но всё же много врат
мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.

И просили. И угрожали.
Остерегали: «Нельзя».
Мы запомнили всюду «нельзя».
Нельзя всё. Нельзя обо всём.
Нельзя ко всему.
И позади только «можно».
Но на последних воротах
будет начертано «можно».
Будет за нами «нельзя».
Так велел начертать
Он на последних
воротах.

1916

Цветы Мориц. Берлин. 1921.



Н.К. Рерих. Покаяние. 1917.

«Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда даёт мощь и силу перенести всё, решительно всё.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества».

Н.К. Рерих «Пламя».

30 ноября 1917

Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

30/XI.1917.

Коля, дорогой друг.

Никол[ай] Петр[ович] всё рассказал нам о тебе. Он говорит, что моё письмо показалось тебе обидным. Пойми меня, прости и не сердись. Оно должно было тебя взволновать, потому что я сам писал его, сильно волнуясь, но оно не должно тебя обидеть — я этого совсем не хотел, а если так вышло, то извини, прошу очень. Я нервничал, постоянно слыша заподозривания тебя в единомыслии с Яремичем, Щавинским и др. Я всеми мерами старался рассеять эти подозрения, рассказывая, как мы с тобой осенью рассуждали о программе школы, о расширении её, а не закрытии школы или сокращении.

Я очень обрадовался твоей телеграмме, которую всем, кого видел, - показал. Она успокоила преподавателей и рассеяла подозрения.

Мой настойчивый призыв к тебе, мой вопль, чтобы ты приехал, не должен тебя обидеть. Больному, конечно, ехать нельзя. Но ты сам писал мне, что с морозами ты приедешь. Это был мой вопль о гибели любимой мною школы, и ничто другое, а я знал, что твоё присутствие здесь сразу же ликвидировало [бы] заговор Комитета. Щавинск[ий], Яремич, Степанов и др. действуют, прикрываясь твоим именем.

Возмущены, что Химона, пользуясь твоим отсутствием, открыл школу. При мне на Общ[ем] Собрании Щавинск[ий] злобно высказывал это.

Вчера приехал Бобровский.

Завтра собираемся на совещание, а в Субботу на Педагогический] Сов[ет]. Проект твой хорош - надо разработать детали. Очень хотелось бы поговорить с тобой вообще об Обществе, да уж потом когда-нибудь.

Перминской трудно: обмен мнений слишком затягивается. Вот, напр[имер], о Варшавском Общ. Поощрении Худож., как я слышал, оно имеет свыше 30 000 членов, взнос 10 руб. = 300 000 руб. Половину почти оно тратит на покупку картин, которые разыгрывает между членами. Издаёт репродукции с картин, которые даются всем членам в виде премии. Таким образом, оно широко распространяет искусство, заинтересовывает им и поощряет, кроме того, бесплатный вход на выставки играет ту же роль. Приходится сравнивать Варшавское Поощрение с нашим, с Всероссийским. У нас, чтобы попасть в Действ[ительные] Члены и Комитет, достаточно собирать коллекцию монет, гербов и пр. и недостаточно быть художником или преподавателем Школы Об-ва. Хорошо, что ещё директор по уставу входит в число членов Комитета, а то и он мог бы не быть избранным. А ведь самые близкие, самые доброжелательные и заинтересованные друзья Общества были бы именно преподаватели с директором во главе. Фарфоров[ый] Завод — член Общества, а Школа — безгласный придаток, который по воле мыловаренного или Фарфорового Завода может быть за ненадобностью отрезан или перефасонен.

А общее собрание, чрезвычайное, из 10 членов, в том числе нанятый чиновник секретарь! Ведь Общество Всероссийское! Мне кажется, преподаватели давно заслужили § 7-й. Мне неловко перед товарищами, что только я, да Химона — твои близкие друзья — удостоились этого § 7-го. Понимаешь эту неловкость? Я избран не как художник или преподаватель, а за составление неудачного каталога Музея, Химона как инспектор, Машукова тоже. Словом,

предпочтение даётся всякой другой деятельности, кроме художественной. На общ[ем] собрании были три художника, которые горячо защищали Школу, а остальные всё какие-то чиновники, дилетанты... Мне было очень странно за-седать с ними.

Конечно, в Комитете Школа представлена Директором, но ведь у него только один голос, а могло бы быть много, не правда ли? Вот тебе мои раз-мышления.

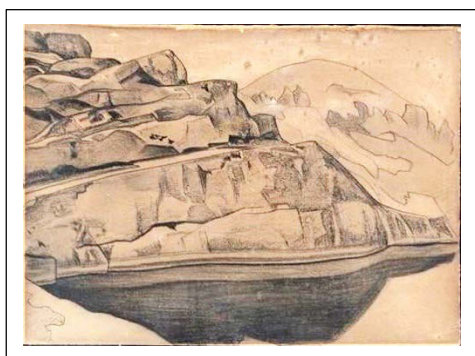
Химона с восторгом рассказывает о твоих работах. Работай, пиши, желаю тебе успехов, и не приезжай, пока не поправишься хорошенько. Не волнуйся, главное: всё пустяки, кроме искусства. Верю, что буйный, мутный поток, про-рвавший гнилую плотину, унесёт всю накопившуюся столетиями грязь и нечисть, войдёт в берега и потечёт чистой водой наша Российская река.

Пуускай отделяются все наши инородцы — это лучше.

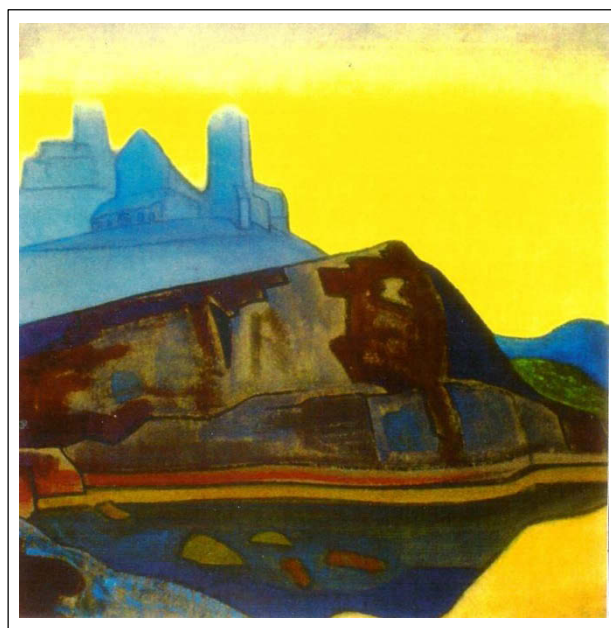
Дай Бог всего тебе счастливого.

Твой А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

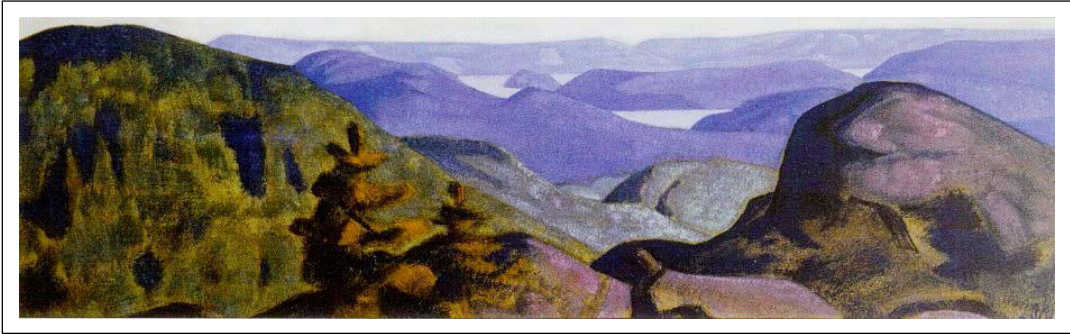


Н.К. Рерих. Линнасаари. 1917. Эскиз.



Н.К. Рерих. Линнасаари. 1917.
[Linnasaari в переводе с финского «Остров замок»]

ДЕКАБРЬ



Н.К. Рерих. Долина голубых гор. 1917.

1 декабря 1917 г. Петроград
Открытое письмо А. А. Рылова к Рериху Н.К.

Финляндия.
Сердоболь.
Николаю Константиновичу Рерих.
Дом Genetz (Sortavala).

1-е Декаб[ря] 1917.

Дорогой Коля!

А вот ещё добавление к письму от 30-го:

Комитет постановил отменить всероссийский конкурс, находя, что в этом году нельзя ожидать достойных премий произведений. И это в такое тяжёлое время Поощрение решило не поощрять искусство русское, не поддерживать его. А я, напр., в этом году работаю особенно продуктивно. Искусство служит мне щитом от всяких гадостей земных. Стыдно за наше Поощрение.

Будь здоров и счастлив.

Тв [ой] А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Штемпель в Петрограде 01.12.1917, в Сердоболе 19.12.1917. Стоит штамп военной цензуры

3 декабря [1917 г.]
Открытое письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В.

Петроград.
Морская, 35.
Аркадию Вениаминовичу Руманову.

Дорогой А[ркадий] В[ениаминович]. Сегодня 3 Декабря - получил Вашу статью. Она была как бы большим письмом о Ваших настроениях. Как дело с Крачковским? Ужасно тревожусь за имущество его. Нравится ли Вам мой проект Свободной Академии? Поддержите его в Комитете. Имеем мало вестей во-

обще. О моей жизни может Вам поведать Химона. Написал ещё неск[олько] вещей и мистерию Милосердие! Пока живём. Дай Вам Бог тоже.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1694, А. В. Руманов, оп. 1, д. 546, л. 58–58об. Автограф открытого письма. Стоит штамп военной цензуры. Штемпель неразборчив.

3 декабря [1917 г.] Сердоболь
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38. Канцелярия Общ. Поощр. Худож.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Спасибо за присылку анонса для выставки. Он полезен и привлечёт внимание. Как Вы нашли мой проект Свободной Академии? Эта версия опять поставит Школу на гребень волны. А сдать некоторые помещения всегда можно! Когда юбилей Репина — будьте добрый, сообщите. Я пошлю привет. Всё-таки ничего не получаю от Ст[епана] Петр[овича]. Где он? Здоров ли? Ему - привет. Преданный Вам

НР.

3 Дек.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 15–15об. Автограф открытого письма. Штемпель неразборчив.

3 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Н.К.

Воскресенье, 3 Декабря 1917 г.

Дорогой Николай Константинович,

Вчера, в Субботу в 4 ч. дня, состоялся Педагогич[еский] Совет. Сначала я огласил бумагу от Комитета о постановлении Общего собрания О-ва, что прекращается выдача средств на Школу с 1-го Янв. 1918 г., и затем прочитал Твой проект «Свободной Акад[емии]». Педагог[ический] Совет был почти в полном составе. Отсутствовали только Билибин и Щуко. Все очень внимательно прослушали его. Я читал его громко, ясно, не торопясь и подчёркивая главные пункты его. Очевидно, впечатление произведено весьма благоприятное. Воспользовавшись этим и чтоб не дать возможности более ретивым пускаться в критику проекта, я предложил принять его *объединённо с учащимися* и послать Тебе приветствие (да, по окончании чтения мы все дружно аплодировали).

Один из представителей от учащихся - Хортик - заявил, что к идее всецело присоединяется, но так как в проекте установлена плата в 75 р., то он не может ручаться за делегировавших его учащихся, что они тоже присоединятся, - но ему быстро разъяснили, и вопрос был снят. Все разошлись в очень хорошем настроении. По первому пункту, т. е. по поводу бумаги от Комитета, я допустил обмен мнений. Все почти одинаково высказались, что извещение это не *ясно*, что указаний в нём на закрытие Школы нет, а равно не указывается,

какая часть Педагогического состава должна уйти. Поэтому постановлено просить Комитет указать в какой сумме Комитет отказывает Школе. На Педагогич[еском] Совете был, наконец, и Яремич, которого я встретил перед заседанием и просил непременно быть. Видно, он чувствовал себя неловко, т. к., «уставившись в землю лбом», мрачно молчал. Его всячески задирали Макаренко и Вахрамеев, так что мне пришлось призвать их к порядку. Слово взял и товарищ Наумов, резко критиковавший Комитет. Я дал ему немного поговорить, т. к. он говорил это больше для Яремича, и напомнил, что это не есть дело Педаг[огического] Совета и не в порядке дня. Относительно возобновления занятий с Января 1918 г. будем говорить после ответа Комитета, а сей последний поторопился назначить своё заседание в Понедельник, Бог знает, почему, ибо дел никаких нет — на повестке значится только «текущие дела». — Продолжение после Комитета.

В политике всё то же. В последние дни здесь днём и ночью в разных частях города то и дело раздаются одиночные выстрелы, а иногда и залпы. Ничто теперь не удивляет и не пугает. Учредит[ельное] Собр[ание] неизвестно когда откроется. Перемирие заключено на всех наших фронтах до 30 Дек.

Крепко обнимаю Тебя.

Н. Химона

Получил ли газеты, отправлен[ные] мною из Выборга? Интересно.

Целую руку Елены Ивановны. Очень благодарю за бутерброды - очень пригодились в дороге.

Дружески жму руку симпатичным юношам - Юрику и Светику.

Банки эти дни не оперировали, денег достать нельзя, Пётр очень обеспокоен. Картину придётся упаковать в ящик — иначе Трансп[ортная] контора не принимает.

Приехал Бобровский и вместе со всеми нами принимает горячее участие в делах Школы. Это очень приятно, п[отому] ч[то] в данный момент всякие равнодушные и безразличия пагубно действуют.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

4 декабря 1917 г. Петроград.

Письмо Н.П. Химоны, А.А. Рылова, Б.К. Рерих, В.Ф. Белого к Рериху Н.К.

Дом Генец. Рериху.

Финляндия. Сердоболь. Sordavala.

04.12.1917.

Жизнь общества [в] критическом положении. Разрыв [с] Комитетом. Участвует Александр Бенуа. Необходимы решительные действия, иначе полный крах многолетней работы. Надежда на тебя.

*Химона, Рылов,
[Борис] Рерих, Белый*

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 04.12.1917 в 21 ч. Принята в Сердоболе 05.12.1917.

5 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа Н.А.

5 декабря, вторник, 1917 год

Дорогой Александр Николаевич,
Не знаю, получил ли Ты за осень два моих письма. Так много писем теряется, что не знаешь никогда, что именно дошло... Всё провалы и проскоки получаются. Здоровье моё всё ещё не ладно. Всё скачки температуры. Не поймёшь, что это – туберкулёз или особая нервная форма. А фокус в лёгком точно лучше. Сегодня я послал нашему Степану Петровичу телеграмму. Просил его хоть на день приехать ко мне. Вчера меня так потянуло к Школе, к обществу. Точно что-то нужно. Точно я что-то должен сказать. Только что я послал туда мой проект Свободной Академии — тех мастерских, о которых я Тебе писал. Надо его провести — этот проект. Кажется, я продумал его детально. Конечно, до осени и думать нечего начинать новое дело. Надо как-то пережить тяжёлое материальное время, а осенью и кликнуть клич.

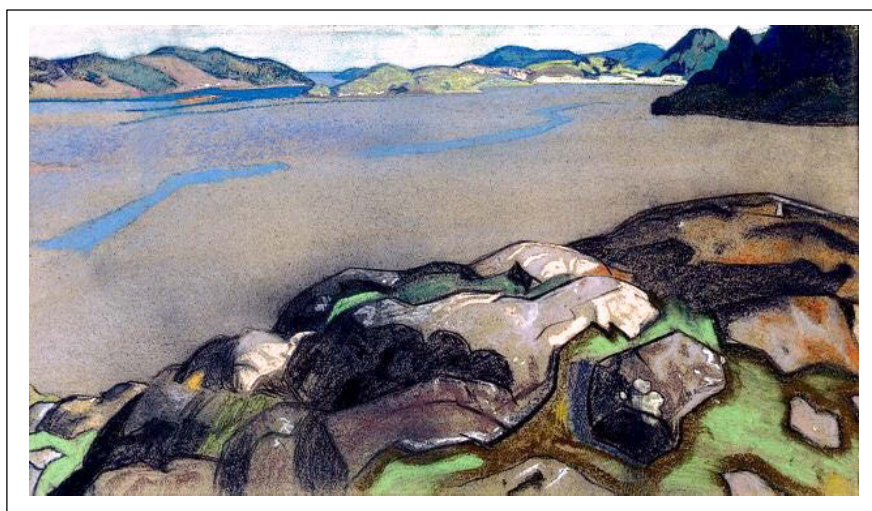
Давно я не слышал о Тебе. «Новую Жизнь» мне уже давно прекратили посылать. А теперь, кроме Дня, ничего не получаю. Да и то не регулярно. Хотелось бы узнать, что Ты думаешь? Чем живёшь духовно? Уже столько лет мы идём, как Ты писал, рядом и храним и защищаем то же искусство.

Когда проклятая температура и боли меня не выводят из строя - я работаю. Несколько вещей удалось. Кроме того, написал мистерию «Милосердие» - хорошо бы найти композитора, который бы приделал музыку. Увидимся - Ты мне посоветуй. *Зимой здесь хорошо — воздух кристальный! Закатные туманы и утренний свет - поразительны.* Удалось прочесть и несколько очень нужных книг. Когда будешь в тишине - советую Тебе их прочесть. Особенно нужно «Провозвестие Рамакришны»; очень серьёзное, а главное — близкое человечеству учение.

Привет наш А[нне] К[арловне] и всем Твоим. Юрик всё ждёт писем от Кони¹. Дружески обнимаю Тебя.

Твой Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 137, оп. 1, д. 1468, л. 30-31. Помета карандашом: Получено 2/1.1918.



Н.К. Рерих. Северный пейзаж. 1917.

¹ Сын А. Н. Бенуа — Николай – ред.

[5 декабря 1917]
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская 38. Общество Художеств.
Степанову.

ПРОШУ, ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ МОЕГО ПРОЕКТА, ИНТЕРЕСУЮСЬ.
РЕРИХ

ЦГИА СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 38. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

[5 декабря 1917]
Телеграмма Н.К. Рериха к Яремичу С.П.

Ответ уполчен 10. Петроград. Морская 38,
музей Общества Поощрения. Яремичу.
Передать немедленно.

Мучаюсь делами Общества. Приехать ещё не могу. Заклинаю искренней дружбой, приезжай ко мне хотя [на] один день. Утром выехать, вечером здесь. Разрешение Пётр устроит. Все расходы мои. Чувствую величайшую необходимость видеться. Обсудим мой проект. Завтра мои именины. Ответ[ь], что приедешь.

Рерих

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 29. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

6 декабря 1917 г.
Хроника

Художественные вести

В последнем заседании педагогического совета художественной школы при обществе поощрения художеств обсуждался выработанный директором школы Н.К. Рерихом проект преобразования школы в вольную академию. Педагогический совет отнёсся к проекту Н.К. Рериха сочувственно, однако считает его в настоящее время вряд ли осуществимым. Так как образование вольной академии требует довольно значительных средств, которых нет у школы.

Газета «Наш век». 1917. 6/19 декабря. № 6. С. 4.

6 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Дорогой Иван Михайлович,

Вчера я послал Вам телеграмму. Уж очень интересуется меня впечатление Ваше и Комитета от моей Свободной Академии. Идея единства искусства и свободной академии должна привлечь много учащихся, а 4 подготовительных класса, расходуя 6000 р., дадут нам 20 000 р. прихода, ибо в них будет около 200 человек. Главная группа преподавателей перемещается на воскресные классы, которые Обществу ничего не стоят, но зато мы сохраняем всех препо-

давателей и отпадает скучный вопрос пенсий и обиды. Вместо 425 учащих, если общие условия жизни позволят, мы обойдёмся сразу в цифру 500— 600 учащих, т. е. можем обойтись почти без дополнительной субсидии. Сторону истории искусств можно усилить конъюнктурой с Зубовским Институтом — у меня есть обдуманная идея, но предложу её лично. Словом, думаю, что мой опыт и предвидение не обманут меня. Вчера я послал и Ст[епану] Петровичу] депешу; спрашивал, не соберётся ли он ко мне на денёк. Я ему выложил бы мои мысли. Надеюсь, что теперь скоро побываю в Питере и увижусь со всеми Вами. В тишине мысли мои уяснили - к тому же укрепился я прочтением ряда хороших, глубоких книг. Жду Ваших добрых вестей. Привет Ст[епану] Петровичу], Александру] Николаевичу] и В[асилию] Александровичу.

Искренно Вас обнимаю.

Ваш НР.

6 Дек. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 17-18. Автограф письма.

7 декабря [1917 г.] Петроград.

Письмо С.П. Яремича к Рериху Н.К.

7 Декабря.

Дорогой Николай Константинович.

Из твоей телеграммы (по обыкновению запоздавшей) вижу, что тебя страшно беспокоят дела нашего О-ва. Я это понимаю. Отдать значительную часть жизни делу, лелеять его, ухаживать за ним, волноваться, страдать и чувствовать, что оно близится к упадку, - в высшей степени тяжело. И не скрою от тебя - положение наше неважное. Прежде всего Педагогический Сов[ет] оказался не на высоте, а кроме того и наш Комитет довольно-таки обезлюдел. Больше всего жалею, что ты не здесь, мне кажется, что ты во многих случаях нашёл бы правильный выход из создавшегося положением, вдохнул бы жизнь в слабеющий организм нашего О-ва. И, конечно, не Н. П. Химоне справиться с трудным положением Школы. Человек он, безусловно, очень честный и хороший, но он не чувствует и не понимает хода вещей, не замечает движения жизни, не видит, как всё трещит по швам и видоизменяется каждый день. А ему всё кажется, что всё обстоит благополучно и что можно помочь делу обычными способами и обычными приёмами. Как же можно дойти до такого абсурда, чтобы поддерживать мысль Хренова (на Общем Собрании О-ва) о необходимости заложить дом, «а там как-нибудь обойдётся». Разве это выход? Разве могут *так* вести свою линию люди, любящие своё дело, своё учреждение? Если мы не можем производить ликвидации таких пустячных операций, как возвращение по частям беспроцентной ссуды в 40 тысяч, каким же образом можно рассчитывать на то, что, взяв, предположим, под залог дома 500 т. (и кто это в данный момент эти деньги даст?), мы их будем в состоянии «как-нибудь через 2-3 года возвратить»? Вздор и пустяки! Между прочим, такую же позицию занимает и Педагогический] Сов[ет]. И это производит не сказал бы, что важное впечатление со стороны. В особенности злобствует П. С. Наумов. Он не находит слов, чтобы очернить способ действия Комитета, изображая это как две стихии — с одной стороны «угнетённый работник преподаватель», а с другой «хозяин-кунак», т. е. Комитет. И мне неприятно это засвидетельствовать, но по моим наблюдениям, то что высказывает в резкой форме Щаумов], в более лёгкой форме выражает и весь Педагогический Сов[ет]. Тут происходит

основное непонимание художественных задач, и это создаёт такую тяжёлую атмосферу, что часть Комитета (и в том числе и я) начала подумывать, не сложить ли полномочия и не отойти ли в сторонку. Но нам сделалось жаль вещей, которые пропадут зря, сейчас же, как только произойдёт малейший разлад. И некоторые довольно осязательные признаки уже налицо. И признаки довольно гнусного порядка. В то время, как шла «борьба» между Комитетом и Педагогическим Сов[етом] (и я должен сказать, что «чугунные зады» проявились здесь во всей своей стихийной красе), над О-м повисла настоящая гроза. Некий г. Брик² из «С. Д. И.»³ (кажется, чуть ли не друг А. И. Таманова) с одним футуропоэзописом начали собирать подписи художественного пролетариата с целью захватить в свои руки «хорошо оборудованную школу» О[бщества] П[оощрения]. Я думаю, что это дело увенчалось бы успехом, но появились на сцену наши учащиеся, и одно это появление разбило все махинации поэзописов. Они предлагают, чтобы помещение школы было сдано им на льготных условиях, т. е. даром, конечно. Было обещано рассмотреть их предложение. Учащиеся, главным образом, против платы. Они просят помещение, отопление, освещение и модель. Раздаются также голоса о необходимости устройства клуба и ночлежки и предоставление в их распоряжение Музея. Насчёт столовой молчат, да и о какой столовой можно теперь говорить? Письменного заявления в Комит[ет] ещё не поступало от учащихся, и мы не знаем, что следует дальше.

О проведении в жизнь каких бы то ни было проектов, даже самых простых, и думать нечего. Нет материала, нет средств, нет людей. Проект Свободной Академии сконструирован прекрасно, широко, действительно свободно, но для его осуществления необходим мирный уклад жизни, а кроме того, и настоящий темп жизни. А именно в данный момент этого-то и нет. Умирание решительно во всём, и это сказывается и на нашем О-ве. Каждый только и думает о своих микроскопических личных выгодах, что касается общих линий, общих идей, то до них нет никому никакого дела. Порой чувствуется такая пустота, что, оглядываясь вокруг, не узнаёшь издавна знакомых мест.

Видался с А. А. Ростиславовым. Он говорит, что ему неизвестно, в каком положении дело о наследстве С. П. Крачковского, и предпринять какие бы то ни было меры он лишён возможности. А. В. Руманов на нас обиделся и не кажет глаз, так что мы теперь и без юрисконсульта, и трудно сказать, будем ли и когда обладать собранием картин Крачковского.

Что удивительнее всего, так это то, что у нас блистательно идёт продажа на постоянной выставке - каждый день плывут вещи, не успеваю добывать материал. Начиная с 1 окт. и до 7 дек., продано вещей на 22 тыс. Аукционы тоже идут удивительно живо.

Картины, о которых говорила Елена Ивановна, смотрел, они не представляют никакого интереса: одна из них работы Verdier («*eleve de Charles de Vign*»⁴, как гласит подпись на обороте), а другая копия с Сасофферато. Да, забыл сказать: картины и худож. предметы уходят, главным образом, в Финляндию. Передай, пожалуйста, мой привет Елене Ивановне. Поклон молодёжи.

Твой С. Яремич

² «ученик Шарля лё Брюна» (фр.).

Ужасно жалею, что не могу к тебе приехать, но когда мне Пётр изложил всю сложность процедуры поездки в Финляндию, я увидел, что это мне не под силу. Фотографии, хождения по разным полицейским казематам — это ужасное отвращение.

Твой С. Яремич

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

**8 декабря 1917 г. Петроград.
Телеграмма И. М. Степанова Рериху Н. К.**

Академику Рериху.
Финляндия. Сердоболь. Sordavala.

ОДОБРЕН. ИЗБРАНА КОМИССИЯ. СТЕПАНОВ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 08.12.1917 в 15 ч. 30 мин. Принята в Сердоболе 09.12.1917.

**8 декабря 1917 г. Петроград.
Телеграмма С.П. Яремича Рериху Н. К.**

Академику Рериху.
Финляндия. Сердоболь. Sordavala.

ПРИЕХАТЬ НЕ МОГУ. ЗАТРУДНЯЮТ ФОРМАЛЬНОСТИ. ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ.
ЯРЕМИЧ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 08.12.1917 в 15 ч. 30 мин. Принята в Сердоболе 09.12.1917.

**[9 декабря 1917 г.] Сердоболь
Телеграмма Рериха Н.К. Степанову И.М.**

Петроград. Морская 38. Общество Поощрения.
Степанову.

ПРОШУ ОТЛОЖИТЬ ОБСУЖДЕНИЕ МОЕГО ПРОЕКТА КОМИССИЕЙ ДО ЯНВАРЯ. ПРИЕДУ САМ. РАДУЮСЬ ОДОБРЕНИЮ ПРОЕКТА. БЛАГОДАРЮ [ЗА] ВАШЕ ДРУЖЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ.
РЕРИХ

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 43. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

10 декабря 1917 г. Петроград.
Телеграмма Б.К. Рериха Рериху Н.К.

Сердоболь. Sordavala. Срочная. Гениц.
Рериху. Финляндия.

10/XII.1917.

КОМИТЕТ РАЗОГНАЛ СОВЕТ. НЕОБХОДИМЫ РЕШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ [ДЛЯ] СПАСЕНИЯ
ОБЩЕСТВА. ПОЛОЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЕ. ТЕБЕ НУЖНО ПРИЕХАТЬ.

Бор[ис], Химона

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 10.12.1917 в 9 ч. 40 мин. Принята в Сердоболе 10.12.1917.

10 декабря 1917 г.

И ЛЮБОВЬ

Что случилось с дружбой!
Когда я допущен был
в обитель стовратную!
Если друг Твой, некогда
милый Тебе, прогневал Тебя,
не карай его, Мощный,
по заслугам его. Все говорят,
что Ты отвратился? Когда
утешенный сердцем увижу
Тебя примирённым? Прими!
Источник слов моих знаешь.
Вот грехи и добро моё.
Я приношу их Тебе.
Вот знание и невежество.
Возьми и то и другое.
Преданность Тебе мне оставь!
Вот чистота и скверна!
Я не хочу ни того, ни другого!
Вот добрые и злые помыслы.
И то и другое я Тебе приношу.
Сны, вводящие в грех, и
сновидения правды я Тебе отдаю.
Сделай так, чтобы осталась
у меня к Тебе преданность
и любовь.

10.XII.1917

Цветы Мории. Берлин. 1921.

**11 декабря [1917 г.] Петроград.
Письмо В. Ф. Белого к Рериху Н.К.**

Сердоболь.
Kummela, дом Genetz.
Николаю Константиновичу Рериху.

11/XII.

Дорогой Николай Константинович,
Дела в О-ве приняли очень дурное направление. Ученики предполагают устроить на Мойке интернат. Большая угроза квартирам. Приложу все силы не допустить их. Буду действовать решительно, хотя уверен, что не получу поддержку со стороны некоторых лиц. Всё это очень грустно и печально. Купил и отослал от Вас валенки и рукавицы. Имею квитанции. А. Ф.⁵ на днях будет освобождён от воен[ной] службы. Сейчас это большое счастье. Будем вместе действовать. Бог поможет, и будет хорошо.

Сердечный привет семье. Нет хозяина, и дело плохо. Преданный

В. Белый

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 13.12.1917, в Сердоболе 04.01.1918. Стоит штамп военной цензуры.

**14 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо И. М. Степанова к Рериху Н.К.**

14/XII.1917.

Дорогой Николай Константинович.

Не уверен, получили ли Вы два мои заказные письма, посланные после 3 и 12 Ноября по школьным вопросам, и потому пишу Вам, пользуясь случаем отъезда моих знакомых в Сердоболь. Вместе с тем, обращаюсь к Вам с просьбою не отказать дать совет супруге моего сослуживца Баронессе Вере Константиновне [*фамилия неразборчива*], возможно ли при теперешних условиях устроиться ей с детьми в Сердоболе.

Что Вам сказать. Самочинству и бесчинству, которые здесь происходят, нет названия. Когда Вы приедете в Питер - не узнаете его ни с внешней, ни с духовной стороны.

Нельзя сказать, чтобы и в делах нашего Общества всё гладко шло, и мы в своих заседаниях, стремясь к сохранению Общества, не избежали эксцессов, хотя к тому не было никаких оснований; одно можно сказать, что люди волновались не из личных интересов и не из желания внести в дело интригу, которым у нас нет места, но есть какое-то неуловимое для меня недоразумение. Я уже писал Вам, что оставаться без Председателя или Тов[арища] председателя неудобно, но я уверен, что если бы Вы были здесь, то всё проходило бы, как нельзя быть лучше. Это мы знаем из опыта.

Жизнь здесь идёт кувырком, и сегодняшний день не похож на вчерашний, и так каждый день, и этому не видно конца.

Вчера поступило заявление учащихся Школы с подробной программой передачи им помещения Школы для занятий по искусству, а перед этим были

⁵ Белый А. Ф.

сведения, что какие-то современные типы (может быть, Маяковский, и ещё кого-то называли) хотели самочинно занять Школу для занятий кубистов, считая, что Школа устарела. По этому поводу Ст[епан] Петр[ович] собирался писать Вам подробно.

Средства наши плохи, мы выдаём жалование преподавателям из денег, которые к нам поступили за картины выставки. Во второй половине учебного года мы не можем рассчитывать на получение субсидии из М-ва Торговли и Промышленности, которое, кстати, большевики упразднили, да и за этот год мы не можем получить остальных денег, а в Декабре не знаем, как платить жалованье. У нас с Ст[епаном] Петр[овичем] есть надежды на поддержку от аукционов и выставок, а также изданий. Уже почти два месяца идёт разборка «Художе[ственных] Сокровищ». Мы разыскиваем 1906 и 1907 г. и подбираем разрозненные экземпляры. Хотелось бы сыскать 3-4 комплекта в 1906 и 1907 гг., чтобы продать их, по крайней мере, по 500 р. [за] комплект. Красному Кресту в выдаче журнала отказали и возвратили остаток денег. Подберём и объявим у себя продажу.

Как Вы здравствуете? Надеюсь, живя в тишине, несколько поправились, а мы живём, как на вулкане, и, несмотря на это, я увеличиваю своё собрание. Теперь у меня есть классики в старых изданиях.

Может быть, пригодится для Вашей библиотеки География времени Елизаветы, напечатанная] при Разумовском. В этой географии любопытна награвированная карта. Где Россия, там напечатано: «Страна неведомая». На первой карте люди дошли «до Геркулесовых Столбов» и написали: «не дале».

Надеемся видеть Вас скоро здоровым и бодрым.

Душевно Вам преданный

Ив. Степанов

По делу Крачковского я написал А. А. Ростиславову официальное письмо. Ответа не получил.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Автограф письма.

[15 декабря 1917 г.] Сердоболь

Письмо Н.К. Рериха – Комитету ВОПХ.

Петроград. Морская, 38.

Комитету общества поощрения художеств.

Спасением Школы [и] сохранением Общества прошу найти объединённое решение продолжать занятия школы без перерыва. Разрешить преподавателям заниматься по вольной записи учащихся осеннее полугодие. Всякий перерыв занятий грозит бедствием лишения помещений. Прошу телеграфировать после Комитета, успокоить меня решением продолжения занятий. Прошу именем искусства найти объединённое решение. Среди бедствий взаимным вниманием сохранить свободный дружный очаг искусства.

Рерих

Центральный государственный исторический архив СПб.. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 46. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

15 декабря 1917 г. Сердоболь
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И. М.

Петроград.
Морская, 38. Общество Поощрения.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Будьте добрый, сообщите подробности постановления о проекте. Уже 2 недели не имел весточек. Жду и письмо С[тепана] П[етровича]. Надеюсь приехать в начале Января. Хорошо, если бы с 1 Янв. Пётр потопил мою квартиру (спальню и столовую) - верно, холодно! Хорошие Вам праздники.

Здесь уже праздники прошли. Я очень рад, что доктор меня выпускает в начале Января. Всего светлого Вам желаю. Привет С[тепану] Петровичу.

Ваш НР.

15 Дек. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 20-20об. Автограф письма на ч/б открытке. Штемпель неразборчив.

[15 декабря 1917 г.] Сердоболь
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И. М.

Петроград. Морская, 38. Общество Поощрения.
Степанову.

БЛАГОДАРИЮ ПИСЬМО. РАД, [ЧТО] ПОМОГ ВАШИМ ЗНАКОМЫМ. ПРОШУ КОМИТЕТ ОБЪЕДИНИТЬСЯ [И] ВЫНЕСТИ ДРУЖНОЕ РЕШЕНИЕ СПАСЕНИЯ ШКОЛЫ. ВСЕ ДРУЗЬЯ, ПРИГЛАШЁННЫЕ МНОЮ, ДРУЖНО ВЗАИМНО ПОВЕРЯТ. РЕРИХ

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71, д. 57, л. 13. Телеграмма из Сердоболя.

16 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н.К. Рериха к Яремичу С.П.

Дорогой Степан Петрович,
спасибо Тебе за Твоё хорошее письмо. Мы с Тобой чувствуем то, что от многих других ускользает. И Ты прав, говоря, что мы не можем отклоняться от дела во имя искусства, во имя предметов творчества. Время такое трудное, так всё разваливается, так велика злоба поднявшаяся - что всякое строительство поникает. А ведь мы не можем не строить, не создавать. Так больно, что и то дело, которое поглотило особенно много труда и особенно отвлекало, - и то шатается. Ох, чугунные зады! Ох и мой брат, который как секретарь Школы не извещает меня с 6 Ноября. Ох, огорчает он меня. Конечно, о П. С⁶ и говорить

⁶ Павел Семёнович Наумов – художник, преподаватель школы ОПХ в этюдном и воскресных классах.

нечего - этот выродился в определённый тип. Руманов не отвечает мне с 17 октября - на все запросы о деле Крачковского. Тут не обида, не лень, а чёрт знает что! Человек нам душу свою завещал, а тут не добиться ответа. Попроси Ростиславова письменно (сняв и сохранив в деле копию) запросить Руманова. Пусть в деле будут следы наших шагов. Хотя кто теперь утверждает духовные? И кем хранятся эти дела? Не знаю. Мы проходили гладким путём, теперь пройдем стремнинами и утёсами. Я страшно рад, что за это время прочёл ряд книг — очень нужных, очень укрепляющих.

Что за тип Таманов? Неужели он вдруг неожиданно процвёл так махрово? Воображаю, как должно действовать многое на Ал[ександра] Ник[олаевича]. Сеяли, сеяли, а жатва? Хочется мыслить как-то особенно явно во благо искусства. Спасибо за мнение о моём проекте. Ты отметил то, к чему я стремился. В Январе приеду. Доктор позволяет съездить. Берегусь, чтобы температура опять не повысилась. Списываюсь с Лагорио, хочу привезти и его голос. Какой ужас - заложить дом! Ведь мы знаем, из чего можно погашать эту сумму! Тогда уже бесповоротный крах. Теперь ещё можно думать о сокращении, о сдаче новых помещений, о доходных продажах с выставок и аукционов. А тогда? Пишу как раз во время Комитета, куда послал телеграмму⁷. Завтра надеюсь получить ответ⁸. Хочется блага, хочется строительства! Чувствуешь, как хочется? Ведь в России так бедна линия искусства! Так мало сознание, что искусство строит будущую культуру. А что нам культура?.. Господи, просвети народ, открой ему, что есть свобода и знание. Уже две недели я выбит из колеи. Не работает. Всё хотел ехать в Питер. Спорил по этому поводу. Но, пожалуй, доводы здоровья теперь особенно важны; остаётся голова и две руки — всё это нужно. Больше ничего не остаётся! Крепко Тебя обнимаю. Сохрани Тебя Господь. Надеюсь, в Январе увидимся.

Привет И[вану] М[ихайловичу]. Передай привет Химоне, - он хороший человек, я рад, что Ты это видишь. Сердечно Твой

Н. Р.

16 Дек. 1917.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 26-27об. Автограф письма.



Н.К. Рерих. Карельский этюд. 1917.

⁷ Телеграмма Н. К. Рериха Комитету ВОПХ.

⁸ По поводу Школы ВОПХ Комитет постановил «считать Школу временно закрытою»

16 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Дорогой Иван Михайлович,
спасибо за хорошее письмо и за книгу. Рад был помочь Вашим симпатичным знакомым. Тревожусь делами Общества, Школы. Необходимо продолжить занятия без перерыва, чтобы не дать захватить Школу, как Вы пишете. Надо дать преподавателям работать по вольной записи, иначе мы лишимся *помещений*, а в ближайшем будущем лишимся и ещё *разных возможностей*. Смутно слышал о трениях. Мучаюсь ими. Вы все, приглашённые мною, - мои друзья, и среди вас не должно быть разногласий, недоразумений. Лучше всего - пригласите 3 выборных от Педагогического] Совета и Н. П. Химону, конечно. Покажите им денежное положение Общества, чтобы не было разговоров, что денежное положение им не знакомо. Это (весеннее) полугодие пусть идёт сокращённая работа по вольной записи, а с будущей осени начнём Своб[одную] Академию. Здоровье моё - лучше. Если будущий год будем живы - надеюсь приехать уже к 1 Августа и всё лично наладить. Теперь приеду 9-10 Января - установим Устав Академии и установим смету, поговорим о сдаче помещений в доме Общества - нашему соседу, и произведём выборы состава Академии. За это время я снесусь с Лагорио, узнаю его голос и его мысли.

Конфиденциально сообщаю Вам и Ст[епану] Петр[овичу] (для блага вашего общего дела), что лучше в Комитете не председательствовать В[асилию] Александровичу]⁹. Мне так хочется устранить все трения, так хочется мыслить явно лишь во благо дела искусства. Все зародыши недоразумений надо отметить. И Химона очень хороший человек и товарищ, и к Вам расположен. Меня звал в Общество Григорович, и я дал ему слово это дело не бросать. И я не брошу Общества, как только поправлюсь. С моими лёгкими сейчас можно опять получить большую неприятность. Здесь на морозном воздухе всё восстанавливается.

Приеду в Январе - наладим всё, Бог даст. Потом опять сюда, а там и весна. Как ни странно - мне было вредно прошлое жаркое лето. После жары сразу захватила холодная осень, и началось у меня! Всё это ещё усугубляется нервной почвой. А у кого теперь нервы в порядке!

Рад, что мой проект Академии Вам понравился и одобрен. Мне нужно было совместить массу жизненных заданий и в то же время не нарушить принципа свободы. Это, кажется, удалось.

Так хочется, чтобы всё шло явно, дружно. Могут быть взаимоубеждения, но не должно быть столкновений. Вы, вероятно, оценили мои соображения Комитету и обращение к Педагог[ическому] Совету.

Дай Вам Бог всё доброе.

Ваш Н. Р.

16 Дек. 1917.

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71 д. 57, л. 14-15об. Автограф письма.

⁹ Щавинскому

18 декабря 1917 г. Петроград
Телеграмма Б. К. Рериха к Рериху Н.К.

Гениц, Рериху.
Сердоболь. Sordavala.

СОВЕТ ЕДИНОДУШНО ПРИНЯЛ ПРОЕКТ. ПОКА ОБЪЕДИНЕН[ИЕ] КОМИТЕТА. ВСЕ ЩА-
ВИНЫ ПРОЕКТ ПЕРЕДАЛИ КОМИССИИ. ШКОЛУ ЗАКРЫВАЮТ, ПЕРЕДАЮТ УЧАЩИМСЯ. АРКА-
ДИЙ¹⁰ ПРОБУЕТ СОГЛАШАТЕЛЬСТВО КОМИТЕТА. МОЙ ПРИЕЗД ОСТАНАВЛИВАЮТ ЗАСЕДА-
НИЯ. ХОТИМ ОХРАНИТЬ ТВОЮ РАБОТУ, ИНТЕРЕСЫ. ПРЕДУПРЕЖДАЛ ПРАВИЛЬНО.

БОРИС

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 18.12.1917 в 17 ч. 30 мин. Принята в Сердоболе 19.12.1917.

[19 декабря 1917]. Сердоболь
Телеграмма Н. К. Рериха - Степанову И. М.

Петроград. Морская, 38.
Музей. Степанову.

ПРОШУ, ТЕЛЕГРАФ[ИРУЙ]ТЕ ОТВЕТ КОМИТЕТА [НА] МОЮ ДЕПЕШУ. РЕРИХ

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 49. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

[21 декабря 1917]. Петроград
Телеграмма И. М. Степанова — Н. К. Рериху

Рериху.
Финляндия. Сердоболь.

УЧЕНИКАМ ПРЕДЛОЖЕНО ОБРАТИТЬСЯ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОВЕТУ ВЫРАБОТАТЬ
УСЛОВИЯ. СТЕПАНОВ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 21.12.1917, принята в Сердоболе 22.12.1917.

22 декабря 1917г. Сердоболь.
Открытое письмо Н. К. Рериха к Ростиславу А.А.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу,
прошу переслать Александру Александровичу Ростиславу.

¹⁰ А.А. Рылов – ред.

Дорогой Александр Александрович,
на время моей болезни прошу Вас заступить моё место первого душеприказчика по наследству С. П. Крачковского. Дело поручено прис[яжному] пов[еренному] А. В. Руманову. Вопрос возрастания расходов ввиду отсрочки утверждения завещания и вопрос охраны имущества меня очень тревожит. Надеюсь, что здоровье позволит мне быть в Питере в Январе. Напишите мне — обрадуется. Адрес: Сердоболь. Дом Генец.

Преданный Вам

Н. Рерих

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 28-28об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 22.12.1917. Стоит штамп: вскрыто В. ценз. № 1633.

[22 декабря 1917] Петроград.

Открытое письмо Н. П. Химоны к Рериху Н. К.

Финляндия. Сердоболь, дом Генец.
Николаю Константиновичу Рериху.

22 Дек.

Дорогой Никол[ай] Константинович. Меня страшно волнует и беспокоит, что ты не получаешь известий. Всё тебе послано. Твои письма от 14 Дек. (3 пис.) получил только вчера, а заказное и две открытки только сейчас. Телеграммой не послали постановление Педагогического Совета потому, что она приветственная. Раскола в Педагогическом] Сов[ете] нет — он единодушен, как никогда. Отдельные члены Комитета всё дело портят: вошли с учениками в переговоры - деморализовали их вконец. Вчера был Педа[гогический] Совет и экзамены, закончивший занятия на это полугодие. Постановлено начать занятия с 9-го Января 1918 г. в полном объёме с платою в 30 р. Будет сделан референдум, т. е. записи предварительные, т. к. среди учащихся раскол. Сегодня в 3 часа Комитет. Подробно напишу сегодня вечером. Целую.

Твой Химона

Привет всем.

Боря неаккуратен в переписке.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 25.12.1917, в Сердоболе неразборчив. Стоит штамп военной цензуры: 11 янв. 1918.

22 декабря [1917] Петроград.

Письмо Н. П. Химоны к Н. К. Рериху

22 Декабря.

Дорогой Николай Константинович.

Меня страшно тревожат Твои телеграммы и письма, в которых ты про-
сишь сведений и фактов. Конечно, всё это ужасно и для тебя, видно, мучи-

тельно, я понимаю это, но что поделаешь, когда всё так глупо, бестолково сложилось.

Единодушное постановление Педагогического Сов[ета] Борис Конст[антинович] почему-то не послал телеграммой (находил, что такую телеграмму не примут), а послал по почте (надеюсь, что Ты получил уже). Откровенно должен сказать Тебе, что, придя в отчаянное положение, я или, вернее, мы - четверо - послали Тебе телеграмму и были уверены, что Ты немедленно приедешь, и в ожидании ничего не писали Тебе, отчего и получился такой перерыв-интервал в переписке.

Отчаяние же произошло вот отчего. Щавинский и С^о вступили в отдельные переговоры с некоторыми из учащихся, и в результате появился в Комитете О-ва проект Школы, написанный учащимися, в котором они просят Комитет сдать им помещение Школы и они будут полными хозяевами, - словом, дичь такая, что дальше идти некуда, и эти господа Щавинские серьёзно стали защищать этот проект. Я разозлился, назвал их выходку приказом № 1-й и ушёл из Комитета, заявив, что не желаю даже разговаривать. Комитет состоял из: Щавинского, Яремича, Верещагина, Степанова, Бори и меня. Этот Комитет был сорван нами. Собирается другой - уже в большем составе + Типольт, Гнедич и Руманов. Можешь представить себе - после долгих споров стали голосовать две формулы одна - Руманова - передать в Педагогический Совет, чтобы вместе с учащимися обсудить и прийти к соглашению для продолжения занятий на следующее полугодие 1918 г. - Только двойной голос Председателя (Типольт) дал перевес в нашу пользу. Но это ни к чему не привело.

Учащиеся, или, вернее, та ничтожная часть из них, которым терять нечего, почувствовав поддержку со стороны Щ[авинского] и С^о, упорно держится на своём, и соглашение, конечно, не произошло в Педаг[огическом] Совете с ними, т. к. Педагогический] С[овет] нашёл, что он не полномочен делать коренное изменение устава.

Но, я повторяю, это желание только части учащихся. Среди них раскол, поэтому мы не придаём большого значения этому и хотели выяснить настоящее мнение учащихся, прибегнув к референдуму, - т. е. посредством записей предварительных, если Комитет предоставит нам, т. е. Педаг[огическому] Совету, вести Школу самостоятельно, не вводя О-во в расходы, - но Гг. Щ[авинские] со зловредным упорством противятся и настаивают на передаче таковой учащимся. Сегодня в Комитете были длинные разговоры. (Почему-то притащили на этот Комитет и Алекс. Бенуа.) После всего решили так: устроить такое соединённое совещание: Комитет О-ва, 10 - представителей от Педа[гогического] Сов[ета] и 10 — от учеников на 3-ье Января в 3 ч. дня, а 2-го Янв. Комитет, который подготовит доклад для этого (редакция Руманова).

Николай Константинович, ты извини меня за это несвязное, бестолковое письмо, но, поверишь ли, я так устал от всего, что чувствую себя отвратительно и физически, и морально. Всё мне представляется беспросветным, распавшимся и погибшим навсегда, я только лишь потому проявляю некоторую деятельность, что вижу ещё единомыслие сплочённости в Педа[гогическом] Совете. Минутами безумно хочется уйти подальше от всего, чтобы не слышать, не видеть, как гибнет то, что создано на моих глазах.

Ты собираешься приехать числа 8 Янв. Не можешь ли ускорить свой проезд на несколько дней раньше, т. е. к 3-му Янв., чтобы быть на соединённом заседании Комитета? - можешь спасти дело.

Мне кажется, Тебе излишне ждать от нас фактов и сведений - теперь всё ясно. Общее собрание постановило прекратить отпускать средства на Школу с 1-го Янв. 1918 г., а о роспуске преподавателей ничего не говорится, т. к. Мастерские остаются и будут существовать на субсидию. Всё это и создало неопределённое положение: есть ли Педаг[огический] Совет, или нет, или какая часть его остаётся. Борис Конст[антинович] к Тебе не приедет. Известит Тебя телеграммой. Ни жена, ни я отсюда уезжать не думаем - всё очень дорого.

Итак, до скорого свидания.

Всего не описать - узнаешь на месте. Привет Ел[ене] Ив[ановне] и молодцам. Целую Тебя.

Н. Химона

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

[22-23 декабря 1917] Петроград.

Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

Дорогой Коля!

С Праздником. С Новым Годом! Бог повернёт Новый год к лучшему.

Сейчас получил твоё письмо, полное тревоги. Как всегда, переписка телеграммами и черепашьей почтой ведёт к непонятностям.

Твой проект Свободной Академии Художеств радостно принят всеми преподавателями в Совете, да ведь иначе и быть не могло. И только представители учащихся не согласились с первоначальной редакцией телеграммы тебе, где было сказано о единодушном принятии твоего проекта. Они заявили, что они не уполномочены принять проект, как он есть.

Их смущает, конечно, плата 75 р. и что-де не сказано в проекте «какая роль учащихся». Поэтому и пришлось составить телеграмму только о единодушном приветствии тебя (я забыл, как телеграмма была составлена). По моему глубокому убеждению «роль учащихся» - учиться. Им объяснили, что сама жизнь покажет в новой Академии роль учащихся. Так же, как она привела в Педаг[огический] Совет делегатов от учащихся с Марта 1917 года. Никакого раскола и равнодушия среди преподавателей нет. У всех одна мысль - спасти Школу всеми средствами.

Теперь о Комитете:

Яремич, Щавинский, Верещагин (казначей) и Степанов задумали закрыть школу, чтобы освободиться от Педагогического Совета, дорого стоящего, а потом открыть снова, но в типе Парижской Академии Кормона и т. п., с двумя преподавателями, директором, инспектором и секретарём. Мне напоминает это: старый многоглавый деревянный храм, требующий постоянного ремонта, решено из экономии сломать и построить маленький одноглавый в современном стиле. Какое заблуждение! Яремич, вероятно, убеждён, что мы все рутинёры, не знаем о Кормоне, а он более сведущ в этом деле — «4 года жил в Париже», как постоянно напоминает нам Щавинский. Он, Яремич, думает, что он ближе к искусству, чем мы, он друг Бенуа, он критик, и я подозреваю его в желании стать во главе школы а la Кормон. (У Штиглица¹¹ директором Добужинский, он переменил весь педагогический персонал.)

¹¹ Центральное училище технического рисования барона Штиглица в Петрограде.

Я в качестве Действ[ительного] Члена хожу в заседания Комитета. Т. к. Общество (собрание Действительных Ч[ленов]) постановило «прекратить выдачу средств на Школу, а субсидии обратить на содержание Мастерских при Школе», то твой брат (молодчина), Химона и я всё время доказывали Комитету, что это постановление не выражает закрытие школы. При мастерских должны быть рисовальные классы. Педаг[огический] Совет запросил Комитет: «в каких суммах Комитет отказывает Школе», чтобы сообразно с этим составить план занятий на следующее полугодие. Нам эти четверо разъяснили на словах, что школа закрыта, но мы не согласились с этим расшифрованием постановления Общего Собрания, учащиеся подали заявление в Комитет о сдаче им помещения. Они хотели там сами преподавать, устроить клуб и пр. «Четверо» пошли было им навстречу.

В Комитете суетливый мямля Степанов прочёл это заявление учащихся. Я заметил, что это начало социализации Общества. Все расширенными глазами и полураскрытыми ртами изобразили паузу. Председательствовавший Типольт, а также Руманов и Гнедич горячо протестовали против сдачи помещения учащимся. И это удалось «отклонить». Постановлено Педагогическому Совету обсудить вопрос о продолжении занятий в Школе совместно с учащимися. А на прошлом Комитете был заслушан твой проект и решено передать его в особую комиссию (Яремич, Алекс. Бенуа, Химона и ... кажется, Гнедич).

Вчера после экзамена на Педагогическом Совете мы не согласились с проектом учащихся, а постановили открыть занятия в Школе 8-го января на прежних основаниях с платой 30 р. в полугод[ие]. На праздниках откроем предварительную запись учащихся.

Настроение учащихся за последние дни сильно изменилось в нашу пользу. Все хотят заниматься с прежним Педагогическим персоналом. Делегаты нам выразили благодарность, но предложили нам свои условия, неприемлемые для нас. Там опять говорится о «роли учащихся», о Комитете Школы, состоящем из учащихся и учащихся поровну, который будет приглашать и увольнять преподавателей, и т. п. В самой делегации замечен раскол и сознание несостоятельности своего проекта, но они не уполномочены уступать, собрать же им ещё сходку сейчас трудно, когда кончились занятия, и потому они вынуждены остаться при своём проекте, а мы делаем предварительн. запись с «30» руб.

Труд наш будет оплачиваться платой за ученье. Сколько кому придётся - пропорционально. Пускай это будет вдвое меньше того, что мы получаем. Надо будет широко объявить об открытии. Посмотрим, что выйдет. Делегаты несколько другие - вместо Маршевой¹² - какая-то симпатичная девица (кажется, молодая дама), всецело нам симпатизирующая.

Т. к. эти четверо из Комитета находили возможным дать учащимся освещение и отопление, то, стало быть, весь вопрос только в содержании учащихся и натурщиков, что мы и надеемся покрыть платой за ученье. Уменьшить плату с 60 до 30 р. пришлось ввиду того, что опять-таки эти «четверо» готовы были согласиться брать с учеников плату по 2 ½ руб. в месяц, и по 2 ½ руб. ученики хотели вносить в фонд по их школе, т. е. 5 р. в мес[яц] или 20 р. за четыре месяца (бесплатных, конечно, не могло бы быть у них).

¹² Маршева — член Комиссии учащихся школы ВОПХ.

Не желая прерывать занятия в Школе до её реформы, до Свободной Академии, Педаг[огический] Совет и открывает запись учащ[ихся] на будущее полугодие.

Жаль, нет Лагорио. Жаль — нет тебя здесь. Всё бы это шло тогда гладко и быстро. Молодчина твой брат, он яро отстаивает школу от нападения этих четверых. Ну и Яремич — я не ожидал! При тебе он такой тихий. Меня он, видимо, сильно смущает, а Щавинский на первом Комитете закрывал своё лицо от меня рукой. Химона чувствует под ложечкой боль и потому вял в этом деле, в особенности по сравнению с твоей кипучестью, изобретательностью и творческим даром.

Узнав, что Комитет готов сдать помещение школы группе учащихся и уволить преподавателей, одна ученица, Фурсевич, написала на листе своё желание о существовании школы при прежнем педагогическом Совет[е], которому выражает доверие. И со своей подписью положила этот лист на стол к Елиз[авете] Густ[авовне]. Сейчас же к её подписи присоединилось множество других, и даже такой, как Борисов, подписался. Но потом другие ученики настояли на уничтожении этих подписей, а, написав то же самое, подписали: «вся школа».

Вот я нарисовал тебе картину состояния нашего школьного дела. Я думаю, тебе всё понятно теперь. Сегодня Комитет, к сожалению, я не могу на нём быть из-за флюса (не могу рта закрыть) и лёгкой простуды. Настроение у меня, слава Богу, бодрое, оптимистическое. Я большой оптимист.

Главное, надо укротить «Яремича, что ты, когда приедешь, легко сделаешь. А делегатам будем внушать их роль - учиться и хлопотать пособия, а в педагогическое дело не вмешиваться, т. к. учащиеся - элемент скоропреходящий, неответственный и некомпетентный, по молодости своей легко ошибающийся. Нынче они сами отказались присутствовать на экзамене, заявив, что они не считают себя компетентными в этом деле.

Жаль, нет Билибина, а то бы школу можно вести во всей почти полноте.

Интересно, что сегодня скажет Комитет по поводу нашего решения. Ну вот, до свиданья. Не хворай, поправляйся.

Я думаю, что вдали твои волнения сильнее, когда ты не видишь всего своими глазами. Привет и поздравления глубокоуважаемой Елене Ивановне. Целую Тебя.

А. Рылов

[Продолжение написано на следующий день:]

Сейчас узнал от Химоны, что было на вчерашнем Комитете. Комитет устраивает 3-го Янв. совещание из 10 учащихся и 10 учащихся + члены Комитета по вопросу о школе. Наше постановление о начале занятий 8-го января с 30 руб. некоторые члены комитета называют «декретом».

Вообще, главная цель некоторых членов К-та — избавиться от всего педаг[огического] персонала, чтобы потом устроить всё по-своему. Жаль мне наш старый, испытанный бурями корабль.

Трудно ему бороться со штормом, когда капитан болен и находится на берегу. Мы в Комитете всеми силами старались оттянуть ликвидацию школы до твоего приезда, а болезнь твоя старается оттянуть твой приезд, который бы спас нашу школу и вывел бы корабль в доброе море. Теперь, я думаю, всё пропало. Конечно, пропало не всё. Будет школа, но другая, в руках Алекс. Бе-

нуа, который уже показывается на заседаниях Комитета, как акула возле мученика-корабля.

Плохо, что и Лагорио нет.
(Яремич получил прибавку 1500 р.)
Ну что ж - кончаем наше плаванье.
Будь здоров.

Твой А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

23 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо И. М. Степанов к Н. К. Рериху

23/ХП— 1917.

Дорогой
Николай Константинович.

Прежде всего, самые лучшие Вам и Вашему семейству пожелания при наступающем новолетии. Неужели этим годом не кончатся наши невзгоды? Нас уверяют оптимисты, что кончатся, и даже в ближайшее время.

В нашем Обществе, слава Богу, почувствовался перелом. Примирителем, надо сказать правду, явился А. В. Руманов, и вчерашнее заседание прошло уже более гладко. Он находит, что целиком пренебречь заявлении[м] учеников при теперешних условиях нельзя и что заявление учеников, с которым они обратились в Комитет, нельзя назвать неприемлемым, поэтому нужно найти средину между преподавателями и учениками.

2 Января для этого назначено заседание Комитета, а 3 Января заседание с представителями от преподавателей и учеников. Этот выход, внесённый А. В. Румановым, всех удовлетворил. Он был только в последних двух заседаниях, и предпоследнее заседание, по форме прений, доходивших до колкостей, было для него настолько неожиданным, что он собирался лично у Вас побывать, но вчера, по-видимому, дело повернулось к лучшему.

Вам ведь отлично известно, что в этих спорах ни у кого нет личных интересов[ов]. Комитет стремится только, чтобы сохранить Общество. Н. П. Химона недоволен, зачем члены Комитета выслушивают учеников Школы, но как же быть, ученики с самого начала учебного года приходят в Канцелярию Комитета за справками, интересуются отчётом и сметой, многие из них люди уже почтенного возраста; нельзя же говорить с ними, как со школьниками младших классов. Не такие теперь времена. В последнем заседании было высказано, что могло быть хуже - теперь никто не удивится, если бы ученики явились с «красногвардейцами». Последнее заявление учеников подано в довольно мягкой форме. Вот всё, что произошло у нас.

Надеемся, если Вам здоровье позволит, скоро повидать Вас здесь. Будем бесконечно рады.

Всего Вам лучшего. Душевно Вам преданный

Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

[1917 г.] Петроград.

Письмо П. А. Путятина к Н. К. Рериху

Дорогой друг Николай Константинович,

Не знаю, когда к Вам дойдёт моё письмо, и дойдёт ли исправно при современной путанице. Дуня¹³ писала раза три и не получила в ответ от Ляли ничего. Верно, письма пропадают. Поправилось ли Ваше здоровье, и приедете ли Вы в наш милый град Питер, который по случаю дороговизны и пр[очего] порядочно повытирает бока. Мы, как знаете, это время к старости порядочно терпим. Сначала сгорел дом в Бологом. Потом страдания за дочерей и их мужей. Наконец, разные недомогания и так далее. Просто жизнь делается адом. Что Юра и Светик, как они проводят время? Относительно науки могу одно сказать - теперь она принижена, и только иногда бывают учёные доклады в обществах, но на них, по случаю трудностей в трамваях и пр[очего], часто невозможно попадать. Кроме того, моя 80-тилетняя голова не выдерживает все эти давления судьбы, и я сам прихварываю от страданий телесных и душевных.

Как Ваша живопись, и что случилось с квартирой и коллекциями?.. Хотя до сих пор ещё мои дочери не утратили веру в будущем, но письма зятьёв, сильно пострадавших от военных бурь, нас всех перемучили и подействовало на организмы. Мы сильно осунулись, похудели и изменились. Беспорядочно жестокий век отразился губительно. Письмо посылаю заказным, ввиду того, что не только наши к Вам не дошли, но и племянница Катя сомневается, дошла ли корреспонденция Кн. Шаховской?..¹⁴ Стёпу мы видим, но ненадолго. Он тоже волнуется и хлопочет о своей судьбе. Жаль мне очень Бологовского дома и моего кабинета, моей лаборатории раскопок и продуктов драги с озёрных жилищ на плотках. Образцы почв тоже я не успел подвергнуть промывке до пожара. Что из моей библиотеки и собраний предметов науки пропало, не могу ещё сообразить. Ещё в 1878-м году в «Памятниках древней письменности» у Ф. И. Булгакова была статья под заглавием «Палеографическая коллекция Кн. П. А. Путятина». Картины и мебель спасли. По-видимому, тут был недосмотр трубочиста, чистившего трубы к нашему приезду летом. Но что наше горе с ужасами погромов дворцов, уничтожением памятников истории и искусств, старинных зданий усадеб и пр., пр... Наши с Вами художественные волнения ничто перед этим. Там уничтожалось воюющими народами - а тут свой своего и своих разоряет и уничтожает, доводя до голода народ. Графиня Уварова мне написала очень сочувственное письмо по поводу утрат в Бологом. Но что всё это в сравнении с муками о детях, внучатах и наших страданий [за] героев России... Всё это ничто перед больным сердцем. Дай Бог, Вам всего хорошего от старика и его жены, и Сони, которая не забывает нас - покоит, сколько возможно, несмотря на то, что тоже похудела и перестрадалась много. Об Мире тоскуем тоже, она с мужем и с детьми около них. Целую всех от мала до велика от любящего сердца.

Князь П. А. Путятин

¹³ Жена П. А. Путятина, княгиня Е. В. Путятина.

¹⁴ Княгиня Анастасия Васильевна Шаховская, сестра Е. В. Путятиной.
Номер телефона.

Прочёл вчера в газете, что Гр. Алексей Александрович Бобринской, председатель бывшей Археологической Комиссии и пр., пр., называет себя настоящим пролетарием. Заводы его социализированы. Земли отняли.

[Приписка княгини Е. В. Путятиной:]

Ляля, целую тебя и деток без конца, сердечный привет Колинке твоему.

Твоя тётя.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

[30 декабря 1917] Петроград.

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

Дорогой Александр Николаевич,
итак, я приехал! Хотя и не совсем ещё поправился, но надо настроить дела Школы. К удовольствию узнал, что Ты в Комиссии по моему проекту Свободной Академии, и очень прошу Тебя завтра 31-го в 4 часа к моему брату – Кадетская линия, № 9. необходимо повидаться в Комиссии. Очень жду Тебя. Привет Анне Карловне. Искренно преданный

Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ, ф. 137, оп. 1, д. 1468, л. 23. (Заметка карандашом: Зима 1917).

[30 декабря 1917] Петроград.

Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.

Дорогой Степан Петрович
Весь день искал Тебя — никак не найти. Завтра, в воскресенье, в 4 часа у брата Бори (Кадетская, 9) будет Комиссия по проекту Школы. А. Н. Бенуа будет. Побывай непременно.

Рад видеть Тебя.

Н. Рерих

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 34. Автограф письма. Без даты.

31 декабря 1917 г. Петроград.

Письмо П. П. Гнедича к Рериху Н. К.

Дорогой Николай Константинович, я получил повестку на заседание 2 января, 3 часа, и перенёс заседание, назначенное на этот день у нас, на сегодня. Теперь я никак не могу отложить его. Странно, что Вы вчера не дозвонились мне: я трижды беседовал по телефону после 5-ти, совершенно свободно. Теперь уже поздно. – 2-го увидимся. Я приеду в 2 ½ – и свободен всё время.

С Новым годом! Сердечно преданный

П. Гнедич

31.XII. 1917.

P.S. завтра весь день я дома.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

31 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Б. К.

Многоуважаемый Борис Константинович!

К моему большому сожалению, по случаю нездоровья не могу быть на заседании Комиссии по просмотру проекта директора Школы Н.К. Рериха. Будучи детально знаком с проектом, я не вижу в нём пунктов, которые вызвали бы с моей стороны возражений, поэтому я всецело готов принять его и голосую за него.

С уважением пребываю

Н. Химона

Петроград. 31-го Дек. 1917 г..

Центральный Государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1. Д. 1750-а, л. 67.
Автограф письма.

31 декабря 1917 г.
Журнал заседания Комиссии

Журнал Заседания Комиссии, созванной и избранной Комитетом Всероссийского Общества поощрения Художеств, для рассмотрения проекта Н.К. Рериха «Свободная Академия».

31-го Декабря 1917 г.

Присутствовали: Алекс. Н. Бенуа, С.П. Яремич, Б.К. Рерих и Н.К. Рерих.
При сём письмо Н.П. Химоны, не прибывшего по нездоровью.

По прочтению проекта и обсуждению его принята единогласно III версия при По сокращённой) смете, при условии выполнения сметных назначений, при этом были приняты след. поправки: в § VII вместо 2 учреждению» внесено «искусству» и к §10 след. примечание: «в случае обнаружившейся невозможности совместной работы профессору предоставляется право отказаться от руководства, причём ученик выбывает из данной мастерской».

Александр Бенуа
Н. Рерих
С. Яремич
Б. Рерих

ЦГИА СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1759-а, л. 65. Автограф Б.К. Рериха.
Подписи-автографы соответствующих лиц.

31 декабря 1917 г. Петроград.

РЕЧЬ Н. К. РЕРИХА НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ

Дорогие товарищи.

Хочется мыслить в наши дни особенно явно, особенно открыто, во благо России, во благо знания и искусства. Во благо строительства светлой единой жизни человечества.

Среди разрушения каждая рабочая ячейка должна думать о созидании. Мы все здесь старались во имя искусства.

Меня призвал к работе Комитета Д. В. Григорович и взял с меня слово, что я эту работу не покину. Это слово я сдержу. Сдержу, зная, что звал он меня защищать не чье-то личное дело. Если мы здесь для дел личных, то лучше нам скорей разойтись. Звал он меня на строение общественных путей искусства. Путь частного почина. Путь, на которых более всего познаётся жизнеспособность искусства страны, этого мерила будущности и значения народа.

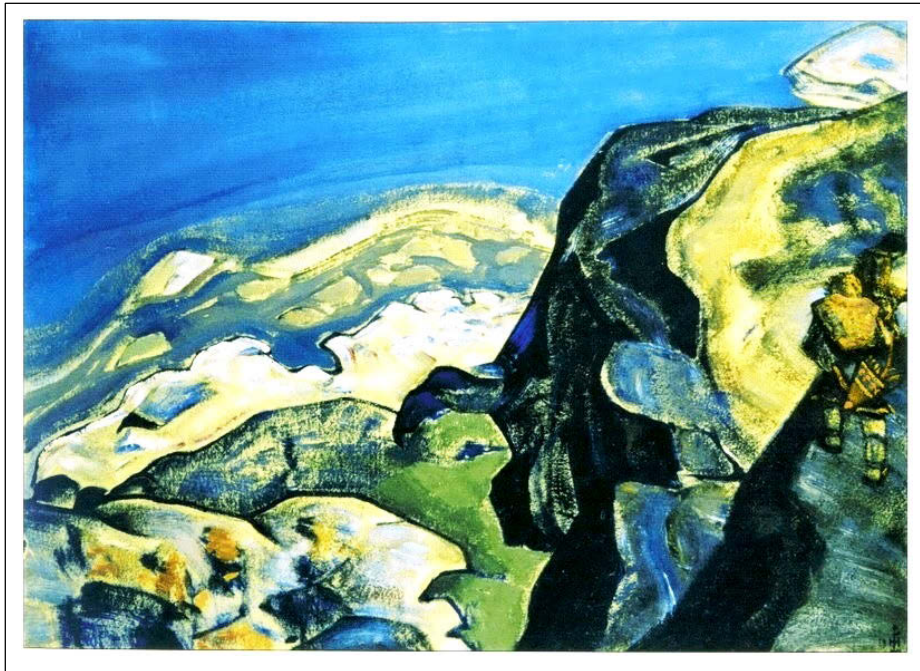
Я работаю здесь, в этой комнате Комитета, 20-ый год. Я в своё время обращался ко всем вам, всех вас звал, за исключением Д. [И]. Верещагина, с которым я не имел удовольствия встречаться ранее (представленного В. А. Щавинским), звал Вас на дружную работу, зная, что все мы не только связаны дружеством, но и искреннею любовью к искусству. В деле должен быть обмен мнений, взаимоубеждение, но враждебного начала не может быть. Зародыши этого начала, если бы они стали возникать, надо искоренить.

Ко всем Вам я обращаюсь с открытой душой, уверенный в дружбе Вашей. Теперь можно смеяться надо всем. Можно опрокидывать весь словарь добра. Но для нас ведь это не словарь, не букварь, а понятия всем нам близкие и глубокие. Имеются же и человеческой жизни ценности, которые не вызывают усмешку. И во имя этих ценностей мы должны создать логически обоснованный, расширяющийся путь нашего дела.

В комнате Комитета работали над общественным делом Григорович и Куинджи, они верили в свободное общественное начинание художественного дела. Я слышал их убеждённые споры. Будем же спорить. Будем взаимно убеждать. Но не должно быть признака вражды, признака враждебного обособления. Будем мыслить явно, громко, ибо в наших исканиях и достижениях всё должно быть гласно и едино, как едино в своём многообразии подлинное искусство.

*Н. Рерих
31 Декабря 1917 г.*

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 55. Машинопись. Подпись и число — автограф Н. К. Рериха



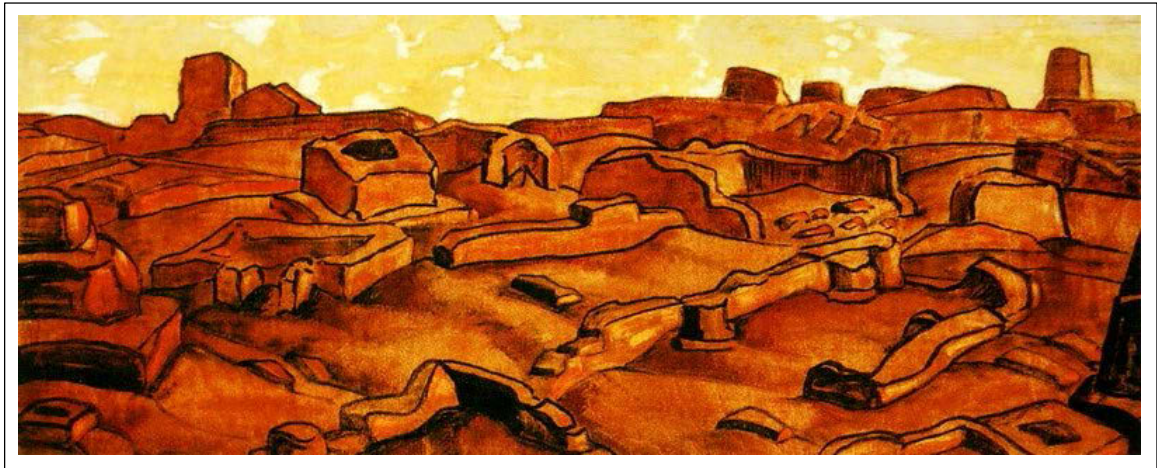
Н.К. Рерих. На горной тропе. (Победитель клада). 1917.

Взойду

Голос ещё раз подам.
Куда от меня вы ушли?
Вас мне снова не слышно.
Голоса ваши в скалах
заглохли. Я больше не отличу
голос ваш от
ветки падения, от взлёта
птицы случайной. Призывы
мои для вас тоже исчезли.
Не знаю, пойдёте ли вы,
но хочется мне ещё на
вершину подняться. Камни
уже оголились. Мхи стали
реже, а можжевельник
засох и держится слабо.
Аркан ваш пригодным
был бы и мне, но и один я
взойду!

[1917]

Цветы Мориц. 1921.



Н.К. Рерих. Фамагуста. 1918.



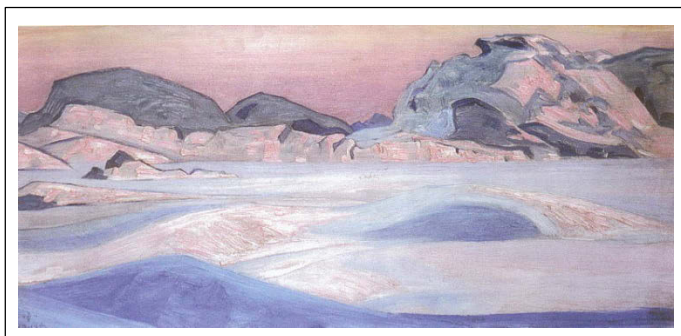
Кипр. Город-призрак Фамагуста.
(Современное фото)

Часть 2 НАЧАЛО СТРАНСТВИЙ

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

*«... памятный нам Декабрь 1916-го.
Кто мог думать, что наш отъезд в Сердоболь послужит
началом странствий по всем частям света! ...» (28.03.47 г.)*

1918 г.



Н.К. Рерих. Зима.. 1917.

1918 год. Художник живёт в Сердоболе. Надо указать, что после Балтийской выставки (1914 г.) большое количество картин Н.К. Рериха осталось в Стокгольме. Проф. Биорк приглашает Н.К. Рериха с его холстами в Швецию и в день отречения Вильгельма, Н.К. Рерих там демонстрирует 70 картин своих, холстов Самоцветов. Несмотря на «плохое» уже тогда отношение к русским, скандинавские музеи покупают картины. *Д. Бурлюк «Рерих». 1930 г.*

ЯНВАРЬ

*5 января 1918 г. Борго. Финляндия
Письмо А. Е. Лагорио к Н. К. Рериху*

Борго, 5-го Января 1918 г. Fredsgaton, 19.

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Вашу открытку получил и спешу ответить Вам. О школе я знаю очень мало, так как, несмотря на мои письма, я ответа не получил. Писал я Фену и другим. Фену ответил, что финансовое положение не особенно благополучно, но сносно, но это было ещё в конце лета. Потом я был в Петрограде в конце августа, но никого не застал, и так как я должен был сейчас же возвратиться сюда, то мог зайти только один раз, и, как видите, неудачно.

В Министерстве мне сказали, что деньги, которые были назначены на этот год для школы, переведены полностью, но что будет на тот год назначено и будет ли вообще что-либо дано, этого, конечно, никто мне сказать не мог. С тех пор всё переменялось. Не знаю, существует ли ещё Лихницкий, который заботился о нас; Галецкий ушёл из Министерства после последнего переворота. Письма вообще и сюда, и туда не доходят, и простые, и заказные. Изредка

получаются известия. Прямо невыносимое положение! Слышал только, что предполагается какая-то реформа школы, но какая, - мне совершенно неизвестно. Моё мнение сводится к тому, что следует подождать, пока жизнь хоть сколько-нибудь урегулируется, а до тех пор не предпринимать никаких изменений, кроме самых необходимых, вызываемых независимыми от школы и нас обстоятельствами. Напишите о Ваших предположениях и намерениях. Буду очень благодарен.

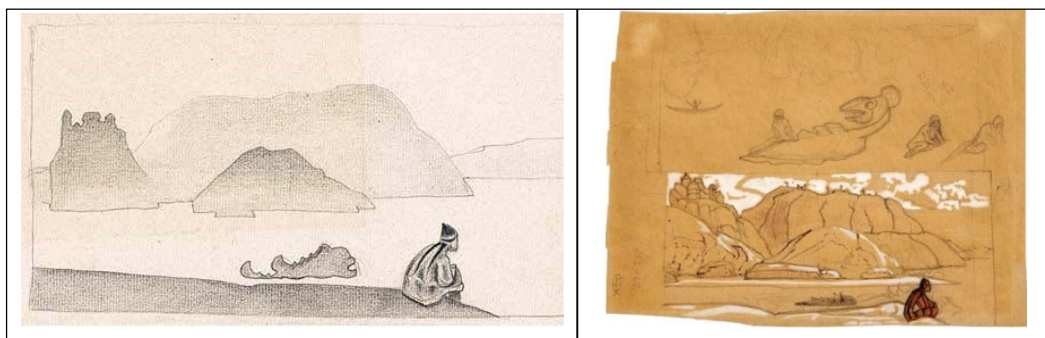
Я живу здесь с женой и двумя дочерьми, в том числе и Аделаидой, скромно в двух комнатах. Городок тихий и спокойный. Дороговизна ужасная. Вот уже три месяца, как мою пенсию не выдают. Почему? - не знаю. Никто меня об этом не извещал и не предупреждал, а взяли прямо, да и прекратили уплату, а ведь я прослужил 42 года и сил своих не щадил! - Ехать в Петроград сейчас бесцельно, по моему мнению: всё равно помочь ничему нельзя! Кроме того, проезд чрезвычайно дорог (билет стоит более семидесяти марок). Для меня такой расход сейчас невозможен, и, кроме того, въезд и выезд из П[етрограда] сопряжён с различными затруднениями. Если моё отсутствие вызывает какие-либо неудобства для дела или неудовольствие в среде наших коллег, то просил бы произвести переизбрание, хотя готов всегда посильно служить дорожному мне делу и впредь.

Желаю Вам всего доброго и хорошего. Жму крепко Вашу руку! Будем ждать лучших времён. Не откажите написать мне несколько строк. Дочь шлёт Вам, глубокоуважаемый Николай Константинович, свой привет.

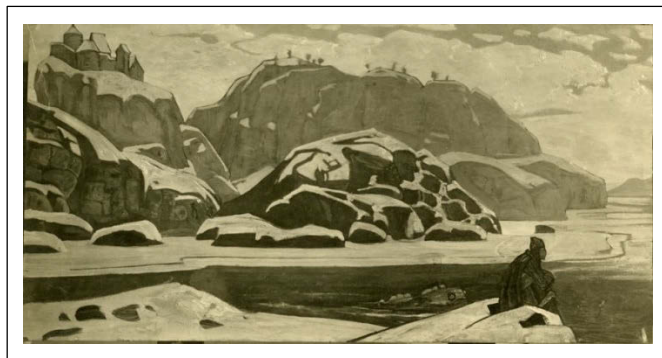
До счастливого свидания! Ваш искренно преданный

А. Лагорио

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.



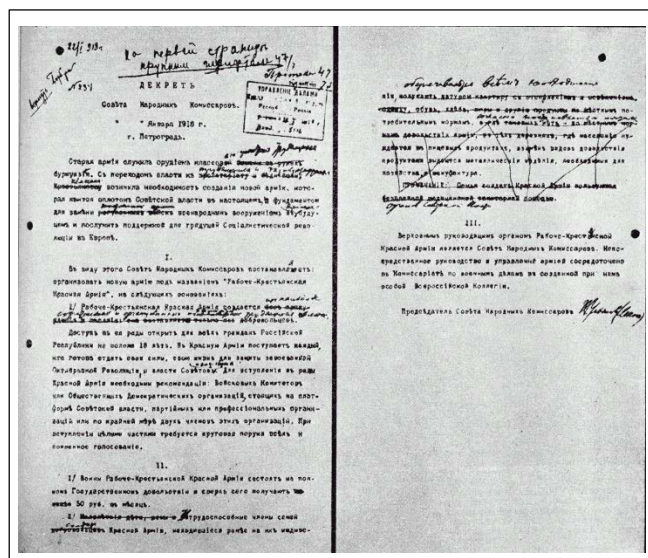
Н.К. Рерих. Морское чудо . 1918. Эскизы.



Н.К. Рерих. Морское чудо . 1918.

22 января 1918 г.

О создании новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.



Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии с поправками В.И. Ленина

ДЕКРЕТ Совета Народных Комиссаров

«...» Января 1918 г.

Г. Петроград.

Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, и фундаментом для замены постоянной армией всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для социалистической революции в Европе.

I

В виду этого Совет Народных Комиссаров постановляет:
Организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия», на следующих основаниях:

Рабоче-Крестьянская Армия создаётся из наиболее сознательных элементов трудящихся классов.

2) Доступ в её ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поимённое голосование.

II

1. Воины Рабоче-Крестьянской Армии состоят на полно государственном довольствии и, сверх всего, получают 50 руб. в месяц.

2. Нетрудоспособные члены семей солдат Красной Армии, находившиеся ранее на иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительным нормам, согласно постановлениям местных органов Советской власти.

III

Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет Народных Комиссаров. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточено в Комиссариате по Военным Делах в созданной при нём Всероссийской Коллегии.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В.Ульянов (Ленин)*



Формирование Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1918 г.



Н.К. Рерих. Всадник ночи. 1918.

28 января 1918 г.

Письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу

28 Января 1918.

Дорогие Степан Петрович, Иван Михайлович. Посылаю весточку с невероятной военной оказией, - авось дойдёт. И мы в сфере боёв, выстрелов, патрулей и ожидания нападений. Отрезаны 3 недели. Присутствуем при героической борьбе финнов за свободу. Их пытаются раздавить солдатами и всякими грабежами и насилиями, но они мужественно организуются и бьются. Городок наполнился пушками, пулемётами. Остановлены и распущены школы - поме-

щения заняты военными силами. Пророчат какие-то большие действия в нашем районе в скором времени. Каждый день неожиданности. То угрожает поджог города, то появляются с неожиданной стороны вражеские патрули. Бои идут ежедневно. Теперь надо брать Варкауз и Таммерфорс. Только что взяли Куопио, взяли 500 пленных. Что делать с пленными? - их будут тысячи. Если бы Вы видели финских крестьян, так охотно идущих в войска за свободу и демократизацию. Есть у финнов стремление к народовластию и государственности. Несмотря на грабежи и насилия, как они борются! Разграблен банк в Гельсингфорсе - 200 миллионов. Это большая брешь для финнов.

Как мне хотелось бы знать Ваши вести. Ведь 3 недели о России мы ничего не знаем. Как Вы живёте? Слышно было, что с деньгами и едою очень плохо у Вас в Питере. Долго ли это продлится? Мы все идём к медленному разрушению и уничтожению. Сейчас только самые злые пессимисты, над которыми ещё летом мы все улыбались, - оказались правы и могут существовать, а нам всем угрожает безнадежное разрушение. Как наш внутренний фронт - Общество? Если и в Финляндии учреждения прямо закрываются временно из-за дороговизны и отсутствия продуктов и материалов, то, как же тяжело должно быть в Питере? Здесь пророчат скорое исчезновение денег, а каково у Вас? И главное, так близко и настолько - полнейшая неизвестность.

Попробуйте мне телеграфировать через Лодейное Поле - Олонец, если примут. Прежде этим путём шли депеши, но теперь Бог знает! Через Выборг телеграф и всё прервано.

Трудно жить стало и как-то безнадежно. И всё труднее! На всякий случай, имейте в виду, что у меня здесь есть дополнение к моему завещанию, хранящемуся в Обществе, - в чём Общество тоже заинтересовано. Будьте, друзья мои, целы и здоровы; да сохранит Вас Бог.

Искренно Ваш

Н. Р.

Хочется вести получить. Очень хочется! Привет Ал[ександру] Ник[олаевичу].

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71, д. 57, л. 16 -17 об.



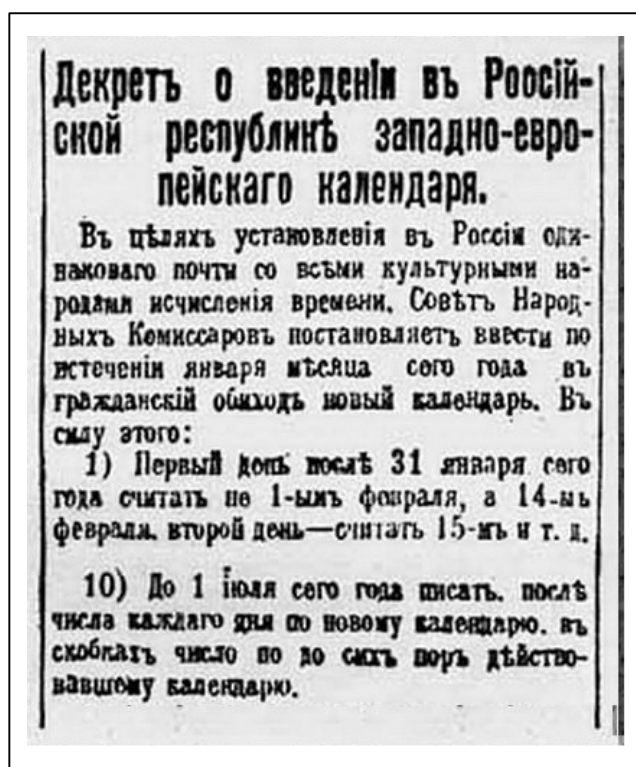
Н.К. Рерих. Всадник ночи. 1918.

ФЕВРАЛЬ

1-14 февраля 1918 г. Россия.

«Первый день после 31 января сего года считать не 1-м февраля, а 14-м февраля...»

ДЕКРЕТ О ВВЕДЕНИИ В РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО КАЛЕНДАРЯ



В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени, Совет Народных Комиссаров постановляет ввести по истечении января месяца сего года в гражданском обиходе новый календарь. В силу этого:

1) Первый день после 31 января сего года считать не 1-м февраля, а 14-м февраля, второй день считать 15-м и т. д.

2) До 1 июля сего года писать, после числа каждого дня по новому календарю, в скобках число по до сих пор действовавшему календарю.

23 февраля 1918 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

Чтоб спасти изнурённую, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашей согласии подписать их условия мира.

Наши парламентёры 20 (7) февраля, вечером, выехали из Режицы в Двинск и до сих пор нет ответа.

Немецкое правительство, очевидно, медлит ответом. Оно явно и не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран германский милитаризм хочет задуть русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы – банкирам, власть монархии.

Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая Республика Советов находится в величайшей опасности.

До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии.

1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.

2) Всем Советам и Революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую до последней капли крови.

3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожить пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав: вагоны и паровозы, немедленно направлять на восток в глубь страны.

4) Все хлебные, и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергнуться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей.

5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева, всех городов, местечек, сёл и деревень по линии нового фронта, должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов.

6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся расстреливать.

7) Все издания, протвояствующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать наше положение империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ.

8) Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хунты, контр-революционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления.

Социалистическое Отечество в опасности.

Да здравствует социалистическое отечество!

Да здравствует Международная Социалистическая революция!

Совет Народных депутатов.

МАРТ

3 марта 1918 г.

Брест-Литовский мирный договор



(фрагменты)

<...>

Уполномоченные собрались в Брест-Литовске для Мирных переговоров и после предъявления своих полномочий, признанных составленными в правильной и надлежащей форме, пришли к соглашению относительно следующих постановлений.

Статья I

Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция с одной стороны и Россия с другой объявляют, что состояние войны между ними прекращено: они решили впредь жить между собой в мире и дружбе.

Статья II

Договаривающиеся стороны будут воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных учреждений другой стороны. Поскольку это обязательство касается России, оно распространяется и на области, занятые державами четверного союза.

Статья III

Области, лежащие к западу от установленной договаривающимися сторонами линии и принадлежавшие раньше России, не будут более находиться под ее верховной властью;

установленная линия обозначена на приложенной карте (приложение I), являющейся существенной составной частью настоящего мирного договора. Точное определение этой линии будет выработано русско-германской комиссией.

Для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России.

Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей. Германия и Австро-Венгрия намереваются определить будущую судьбу этих областей в согласии с их населением....

<...>

Статья VI

<...>

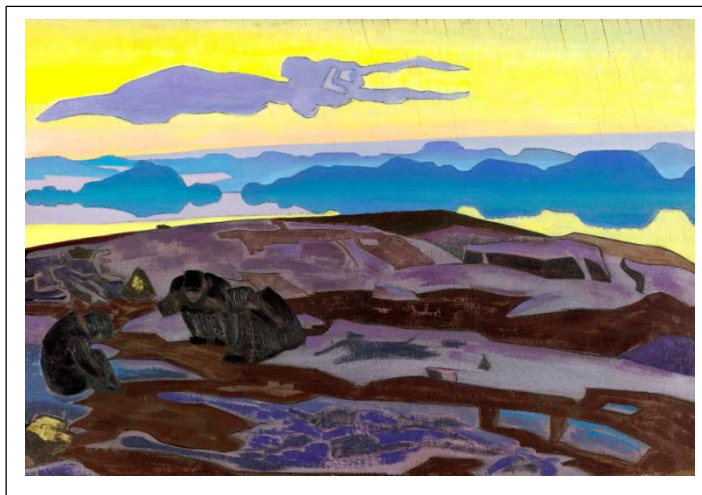
Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходит в общем по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии проходит в общем через озеро Чудское и Псковское озеро до его юго-западного угла, потом через Любанское озеро в направлении к Ливенгофу на Западной Двине. Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока об-

щественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там государственный порядок восстановлен. Россия немедленно освободит всех арестованных или уведенных жителей Эстляндии и Лифляндии и обеспечит безопасное возвращение всех уведенных эстляндцев и лифляндцев.

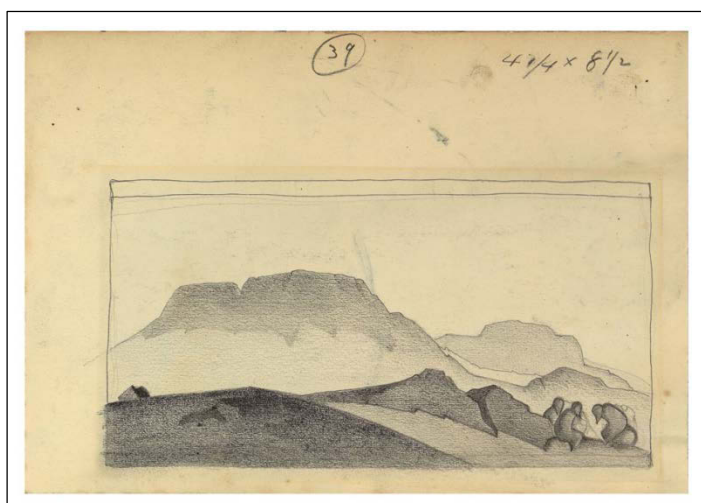
Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской красной гвардии, а финские порты от русского флота и русских военно-морских сил. Пока лед делает невозможным перевод военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены лишь незначительные команды. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Финляндии.

Воздвигнутые на Аландских островах укрепления должны быть снесены при первой возможности. Что касается запрещения впредь воздвигать на этих островах укрепления, а также вообще их положения в отношении военном и техники мореплавания, то относительно них должно быть заключено особое соглашение между Германией, Финляндией, Россией и Швецией; стороны согласны, что к этому соглашению по желанию Германии могут быть привлечены и другие государства, прилегающие к Балтийскому морю.

<...>

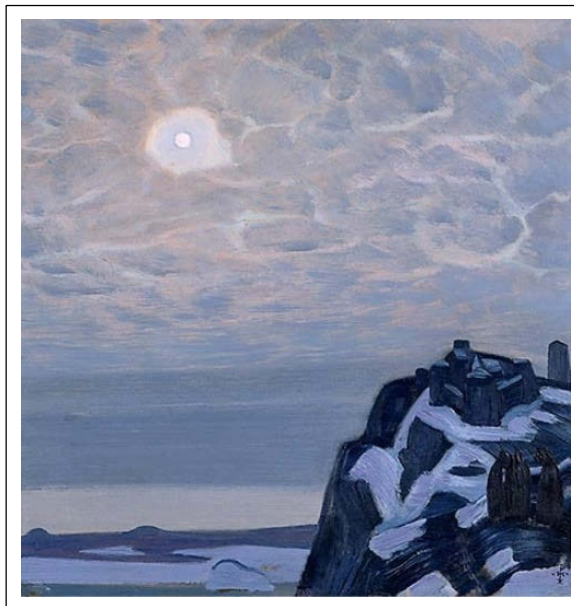


Н.К. Рерих. Приговор. Задумались. 1918.



Н.К. Рерих. Эскиз. 1918 г.

Стихи Н.К. Рериха
Из книги «Священные знаки»:



Н.К.Рерих. Лунный свет (Белая ночь). 1918.

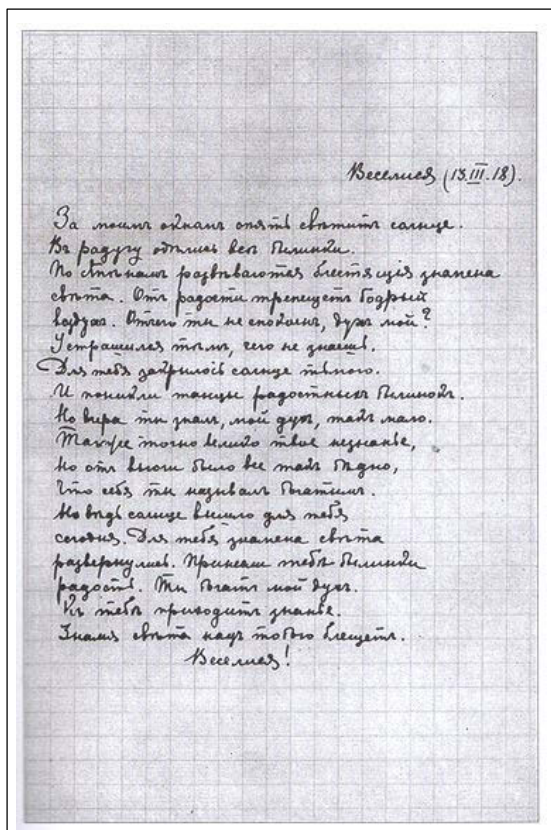
НАПРАСНО

Не видно знаков священных.
Дай глазам твоим отдохнуть.
Знаю, они утомились. Закрой
их. Я за тебя посмотрю. Скажу
о том, что увижу. Слушай!
Вокруг нас та же равнина.
Седые кусты шелестят.
Озёра сталью сверкают.
Безответно замерли камни.
Блестят в лугах сияньем
холодным. Холодны тучи.
В морщинку сложились. Ушли
бесконечно. Знают, молчат и
хранят. Птицы не вижу.
Зверь не бежит по равнине.
По-прежнему нет никого.
Никто не идёт. Ни одной
точки. Путника ни одного.
Не понимаю. Не вижу. Не знаю.
Глаз свой ты напрягал бы
напрасно.

1918

Публикуются по изданию: Н.К. Рерих «Цветы Мории». Берлин. 1921.

13 марта 1918 г.



ВЕСЕЛИСЯ

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
знамёна света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем – чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твоё незнание. Но от вьюги было
всё так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамёна света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!
Веселись!

13. III. 1918.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



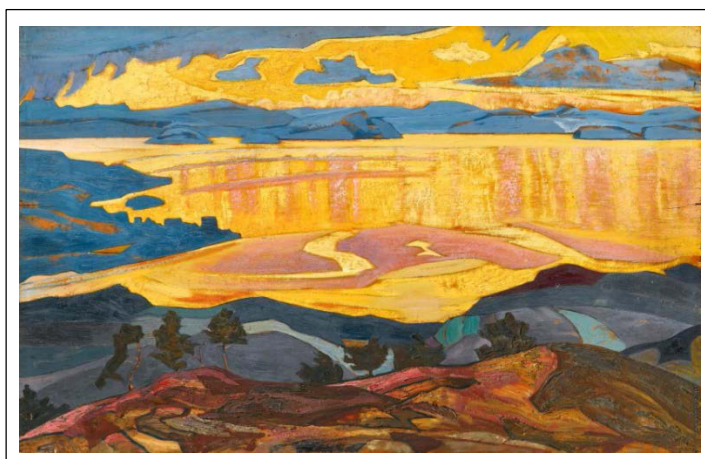
Н.К. Рерих. Всадник утра. 1918.

29 марта 1918 г.

БЛАГОДАТЬ

Дар мой прими, милый друг!
Трудом и знаньем я накопил
Этот дар. Чтобы отдать его,
Я сложил. Я знал, что отдам
Его. На даре моём нахлоишь
Радости духа. Тишина и покой.
Среди восстания духа в дар
Мой твой взор устреми.
А если хочешь слуге приказать
Дар принести, ты его назови
Благодать.

1918 г.



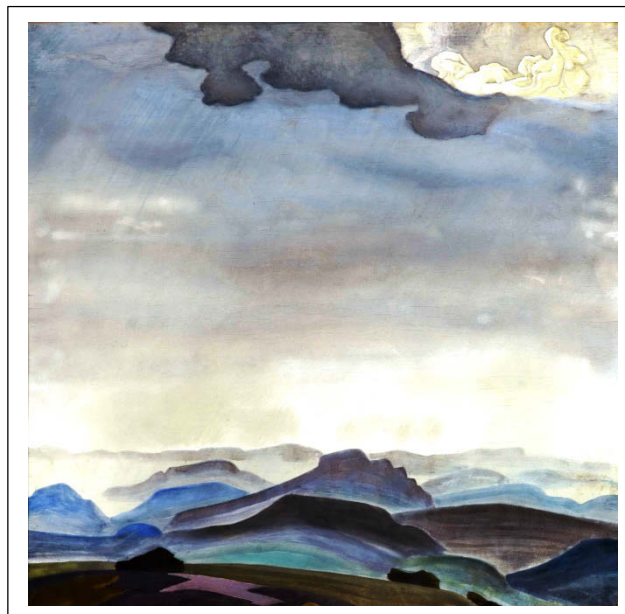
Н.К. Рерих. Перед дождём. 1918.

КАПЛИ

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льётся
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льётся
на землю. Не вижу, кто подберёт
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках,
крепко сжатых, я донесу только
капли.

29. III. 18.

Архив Музея Н. Рериха, Нью-Йорк.



Н.К. Рерих. Пейзаж с дождём (Волшебница дождя). 1918.

СВЕТ

Как увидим Твой Лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
всё, жажда пустыни и соль
океана! Буду ждать сиянье
Твоё. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звёзды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга.
Не играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Всё сияет светом его.
В темноте сверкают
крупницы Твоего сиянья.
И в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой
свет.

1918.

Цветы Мориц. Берлин. 1921.

АПРЕЛЬ

4 апреля 1918 г. Стокгольм.

Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу.

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения Художеств.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогие Ив[ан] Михайлович] и Ст[епан] Петр[ович]. Наша отрезанность, наша forse majeure всё затягивается. Просто беда, конца не видно! Хочется иметь весточку. Телеграфируйте по адресу: Stockholm Saljobaden. Grand Hotel В. Каменка pour Roerich. Может быть, дойдёт до меня, хотя вся почта без всяких правил идёт! Не знаешь, что именно доходит. Теперь уже 10 недель без вестей. Дай Вам Бог всё доброе. Передайте мой привет друзьям.

4 Апреля 1918.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 21-21об.

14 апреля 1918 г.

Стихи Н.К. Рериха



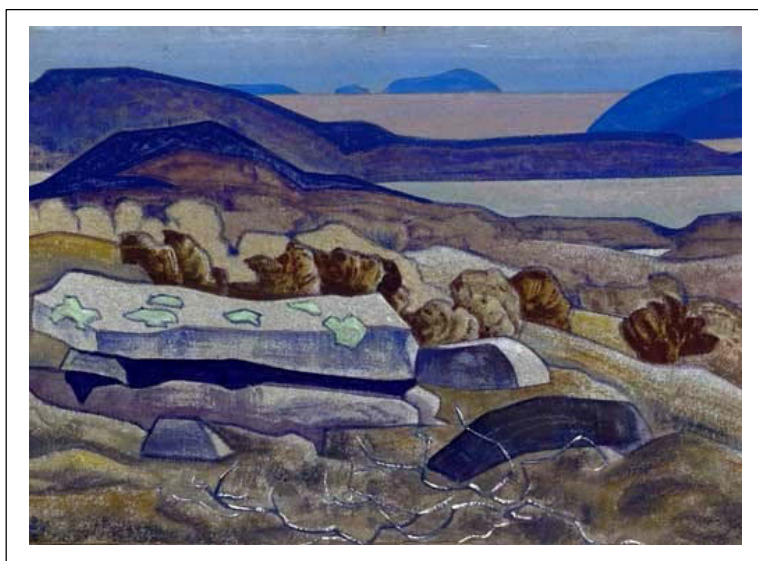
КАК ЛЮДИ

Ты удивлён? Ты не знаешь чем я опечален? Небрежный слуга ларец мой с камнями толкнул. Грани камней смешались в ларце. Ещё вчера камни светились в страшном порядке. Но теперь камни смешались. Грани разбились, исчезли глубины камней. Свет потускнел. Пропала улыбка кристалла. Порядок граней нарушен. Не пытайся ларчик встряхнуть. Снова долгим трудом, под внимательным глазом, камни переложи. Вновь сомкни их ряды. Они в стройном сомкнутся значеньи. Будут камни как люди.

14. IV. 18.

Автограф Н.К. Рериха

«Будут камни как люди...»



Н.К. Рерих. Камень вождя. 1918.

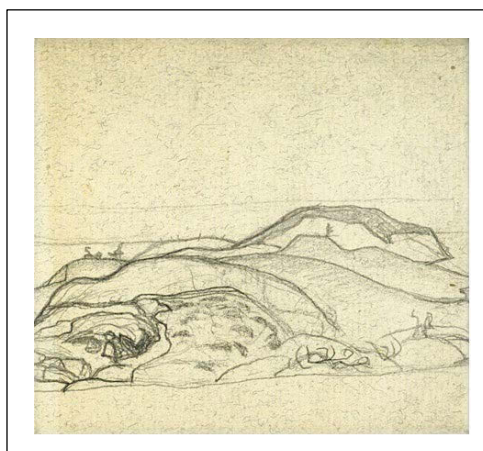
22 апреля 1918 г. Сортавала

Письмо Н.К. Рериха к Степанова И.М. и Яремичу С.П.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогие Иван Мих. И Степан Петр. Ещё раз пытаюсь сообщить. Прямо – бедствие какое-то, с 4 Января по 22 Апреля без вести. Найдите возможность послать мне весточку. Как Вы живёте? Как наше общее дело? Нельзя ли через Ревель написать? Сообщают, что кабель на Швецию повреждён. И тут не везёт! Привет друзьям. Желаю Вам всё лучшее.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 873, И. М. Степанов



Н.К. Рерих.. Холмы. 1917-18. Лист из альбома «Северные этюды».



Н.К. Рерих. Скалы и утёсы. 1918.

**<23-24 апреля 1919> . Финляндия, Тюрсево
Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К.**

23 апреля 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович!

Был в некоторой нерешимости, куда Вам писать. Но не это главное: духом я ослабел. Выпадают такие дни, что еле встаёшь с постели, и тоска постепенно становится преобладающим чувством. Решаюсь писать Вам об этом по дружбе, ибо не выношу в себе таких состояний и стыжусь их, как вообще стыжусь всякой болезни и слабости. И никакая работа не идёт: хватаюсь за бумагу, бросаю, ночью вместо сна думаю, а днём эти мысли ненавижу. Причина - безумие мира. То, что делается в Европе, отношение её к большевизму и России и всё, о чём только ни читаешь - ложится на мозги серой паутиной и отравляет душу злом и бессмыслием.

А большевизм всё продолжается, и не видно ни конца, ни краю всей этой мучительной чепухе, а за окнами неподвижное Тюрсево: Шайкевич идёт в гости к Вальтеру, Вальтер идёт к Шайкевичу - и холодная, формальная, бездарная весна. Вдруг начинается удушье, и целую ночь дышишь точно в трубочку. Оттого главное и не пишу. Что за радость обременять своим нытьём! Хочется, как собаке, залезть под террасу и там отлежаться. А думаю о Вас с нежностью, милый друг. Мне ещё жаль, что Вам выпало столько неприятной возни с этими деньгами, воистину в чужом пиру похмелье! Передайте мой низкий поклон и благодарность Вашей супруге за её письмецо; видно, что и её коснулась эта неприятность. Всё собираюсь в Выборг, и всё откладываю по тем же душевным причинам. А где Вы? Когда едете? Черкните письмецо. И о выставке. Крепко обнимаю и целую братски.

Ваш Леонид А.

Сейчас, перед отправкой на почту, получил Ваше письмо и деньги, милый друг. К написанному раньше могу прибавить от всей души: эх! Читали ихнюю резолюцию? Вообще - не хочется, не могу говорить. Вас ещё раз крепко целую. Конечно, мы вместе и твёрдо.

Пишите мне и давайте адрес. Л.А.

24 апреля

Публикуется по изданию: De visu 4(5)'93. Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.

МАЙ



Н.К. Рериха. Ладога. 1918.

**18 мая 1918 г. Стокгольм.
Телеграмма О. Бьорка - Рериху Н.К.**

ТЕЛЕГРАММА

Отправлена: 18.05. 1918 г. в 20 ч. 40 мин.

Я ПОЛУЧИЛ РАЗРЕШЕНИЯ ДЛЯ ВАС С СЕМЬЕЙ ПРИБЫТЬ В ШВЕЦИЮ. ВАШИ ПАСПОРТА БУДУТ ВИЗИРОВАТЬСЯ ПО ПРИКАЗУ ШВЕДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ШВЕДСКОЙ МИССИЕЙ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ. ПИСЬМО СЛЕДУЕТ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ ТЕЛЕГРАММОЙ.
БЬОРК

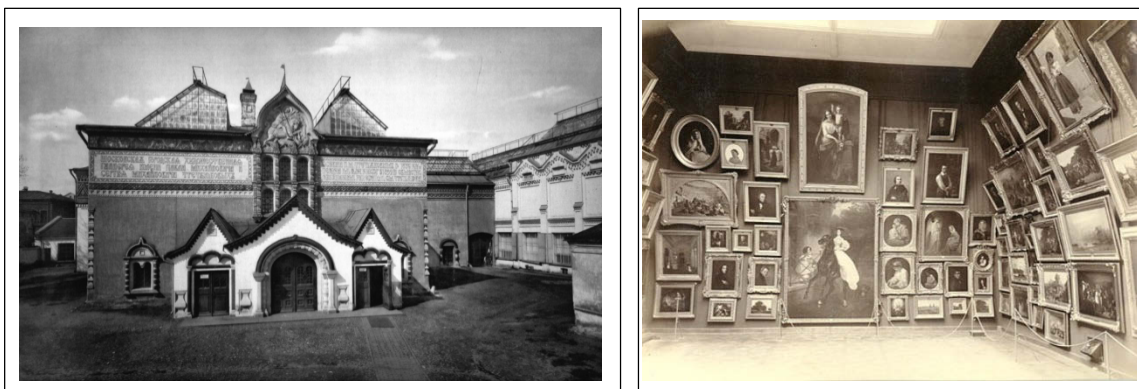
*Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма из Стокгольма на финском бланке.
Публикуется по изданию: Н.К. РЕРИХ 1917-1919. СПб. 2008.*



Н.К. Рерих. Карельский этюд. 1918.

ИЮНЬ

3 июня 1918 г. Москва.



Третьяковская галерея. Москва, 1910-е гг.

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Принимая во внимание, что московская городская художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным комиссариатом по просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Московскую городскую художественную галерею имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью {390} Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереей и её деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Республики.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

3 июня 1918 г.
Москва

Из воспоминаний С.Н. Рериха:

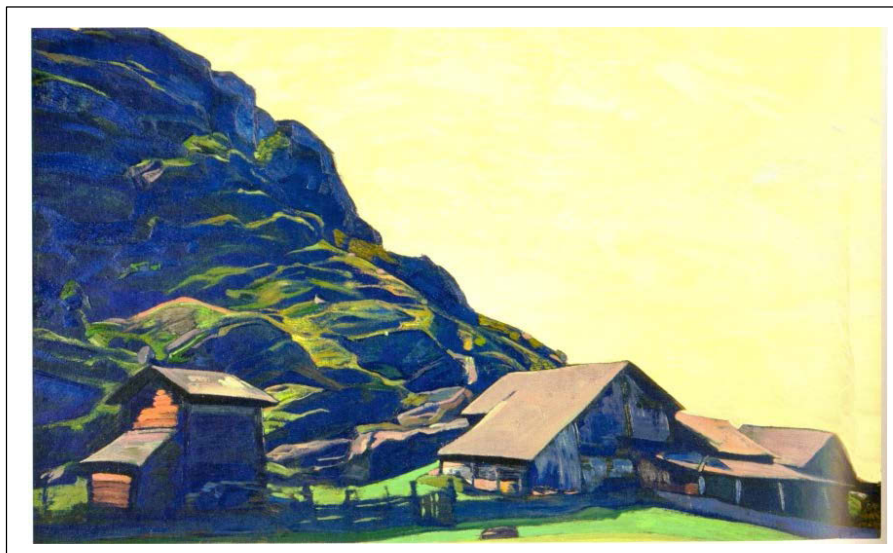


Ю.Н. Рерих. Портрет Святослава. 1918 г.

Святослав Николаевич с детства отличался замечательной памятью. По прошествии более пятидесяти лет он отлично помнил многие обстоятельства своей карельской юности, людей, с которыми приходилось там встречаться, места, которые там посещались. Так, в 1975 году он писал:

"Из Uhinlahti часто ездили по шхерам, особенно нравился Николаю Константиновичу Karne Saari, и он там писал несколько этюдов и воспользовался скалами для картины "Столпник".

Вы правы, на Tulola дом стоял на возвышении, на северо-западной стороне острова, недалеко от пристани.



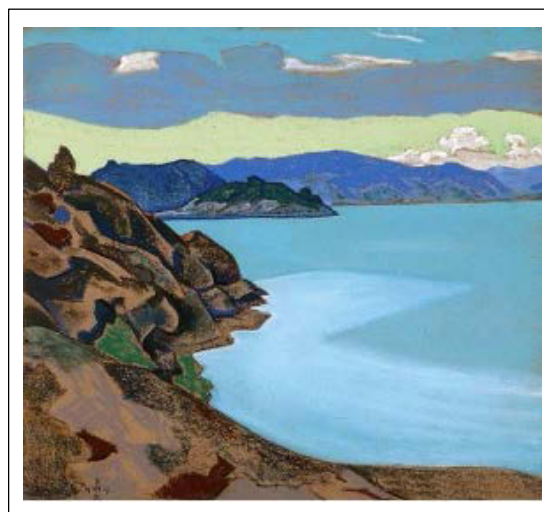
Н.К. Рерих. Тулола. Этюд. 1918.

... На север от острова были причудливые заливы Kirjava lahti, куда мы ездили на катерах. На северной стороне острова были известные каменоломни и оттуда везли гранит для памятников Петербурга...

Остров был полон дичи. Тетерева, вальдшнепы, трудно представить себе такое изобилие всякой птицы. Сам дом был большой, с мезонином, деревянный, с большими комнатами, меня особенно поражали доски полов – совсем невиданной ширины. Ездили на Валаам, посещали скиты на островах, особенно меня поразили схимники. Раз в год они собирались в подземном храме у раки преподобных Сергия и Германа для службы.

На юг от Сердоболя, по дороге в Yhinlahti было Валаамское подворье, около озера, поскольку помню, звали Нумпола. Николай Константинович писал много этюдов".

Публикуется по изданию: П.Ф. Беликов «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». М. 2004.:



Н.К. Рерих. Карельский пейзаж. Озеро Хюмполо. 1917.

26 июня 1918 г. Тулола

Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу.

Петербург. Морская, 38. Музей
Ивану Михайловичу Степанову

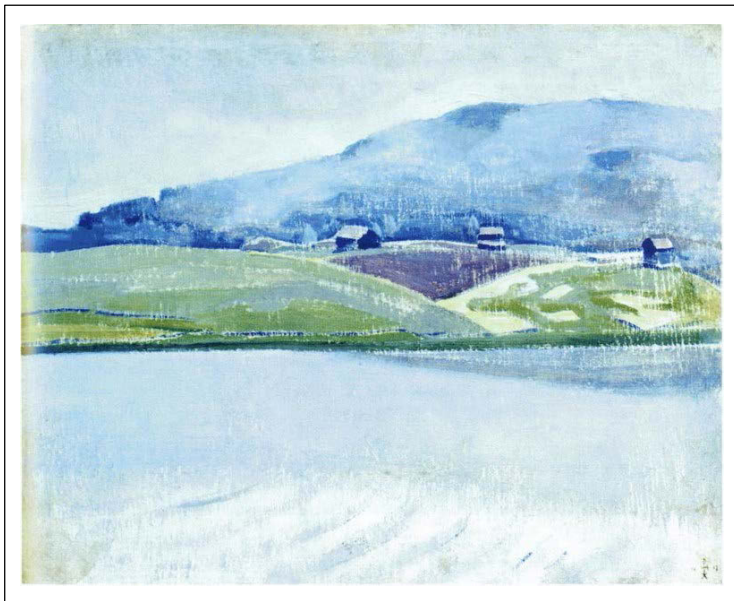
Дорогие Степан Петрович, Иван Михайлович. Найдите возможность дать мне весточку. После 21 Января от Вас ничего не имею. Хочется видеть Вас. Жду вестей о деньгах. Теперь так трудно, с собою везти не дают, - живи, чем хочешь? Моё здоровье лучше, но очень плохо здоровье жены – или невралгия, или сердце. Так всё это тяжело. Когда начинается Школа и когда мне необходимо быть? Нельзя бросать дело. Одно затруднение исчезает – возникает другое. Слышал, что в Киеве 200 домов взорвано – что это? Жду вестей.

Ваш НР.

26 Июня 1918.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

ИЮЛЬ



Н.К. Рерих. Туманное утро (Туман рассеивается). 1917.

1 июля 1918 г.
Стихи Н.К. Рериха

БЕЗДОННО

Ты, Могущий, везде и во всём.
Ты пробуждаешь нас к свету.
Нас усыпляешь во тьме.
Ты ведёшь нас в блуждании.
Идти неизвестно куда понравилось
нам. Три дня мы блуждали,
с нами огонь, оружие, одежда...
Кругом много птиц и зверья,
чего же нам? Над нами закаты,
восходы, пряный ветер душистый.
Сперва шли широкой долиной.
Зелены были поля.
А дали были так сини.
Потом шли лесами и мшистым
болотом. Цвёл вереск. Ржавые
мшаги мы обходили. Бездонные
окнища мы миновали. Держались
по солнцу. Затучилось. Слушали
ветер. На влажную руку ловили
волны его. Стих ветер. Поредели
леса. Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней сдавились
в давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядями утёсов

ничто не виднелось. Темнело,
ступенями великанова храма
спустимся ниже. Тучи. Стало
темно. Снизу застлались
туманы. Ступени всё круче и
круче. С трудом мы сползали
на мох. Нога внизу ничто
нащупать не может. Здесь мы
ночуем. На мшистом уступе
подремлем до утра. Долгая
тихая ночь. Просыпаясь, слышим
лишь свист неясных полётов.
Вой далёкий дрожит равномерно.
Засветился восток. Застлали
туманы долину. Остры, как лёд,
синими глыбами сгрудились
плотно. Мы долго сидели вне
мира. Пока туман разошёлся.
Поднималась над нами стена.
Под нами синела пропасть
бездонно.

1. VII. 1918



Н.К. Рерих. Белый всадник (Всадник дня). 1918.

12 июля 1918 г. Сортавала

Письмо Н.К. Рериха к Галлен-Каллела Акселю

Сортавала. Тулолансаари, дом Баринова.

12 июля 1918 года.

Мой друг Аксель!

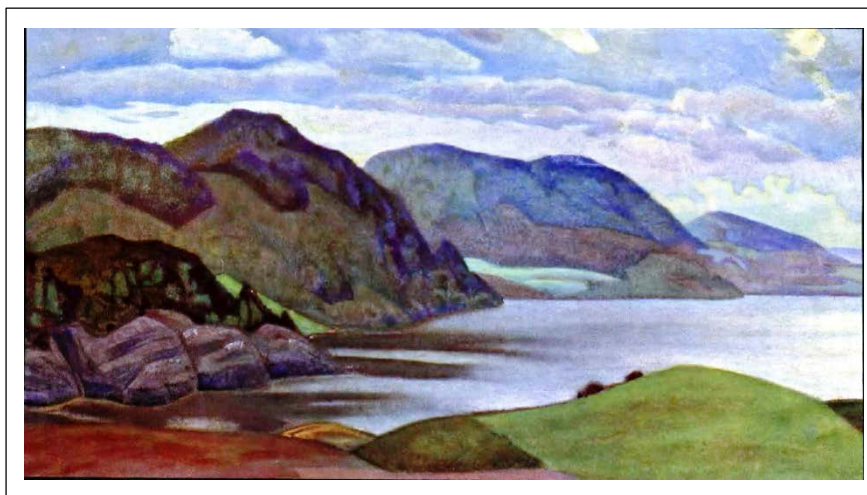
Получите наши искренние комплименты. Моя жена и я слышали разговоры о твоём героизме и о том, что твой сын был серьёзно ранен. Надеемся, что сейчас он выздоравливает. Мы часто думаем о тебе, потому что вот уже

больше года, как мы в Финляндии. Зима застала нас в Сортавале, и мы восхищались энергией и организаторскими способностями финнов, из ничего они создали армию. Теперь мы живём в Тулолансаари, это час езды от Сортавалы на пароме. Я много работаю, природа этих мест мне бесконечно нравится. Мы были бы очень счастливы, если бы ты приехал провести у нас несколько дней. Я бы так хотел показать тебе мои последние работы. Милый друг, у меня есть к тебе большая просьба. Мне необходимо получить в сенате разрешение на перевоз моих картин и красок багажом. Я уверен, что если ты замолвишь словечко о значении моих работ, я получу это разрешение. Я также думаю, что несколько слов от тебя или от художественного общества властям Сортавалы могли бы мне очень помочь. До сегодняшнего дня мне не на что жаловаться, можно только восхищаться их любезностью. Но время бежит, мне хотелось бы, чтобы они узнали, что у меня есть друзья, ценящие моё искусство. Надеюсь, что это письмо дойдёт до тебя. Буду счастлив, узнать твои новости.

С искренней дружбой,

Н. Рерих

Публикуется по: Елена Сойни. Северный лик Николая Рериха.



Н.К. Рерих. Ладога. 1918.

(Цветное воспроизведение в Монографии Ярёменко. 1931 г.)

17 июля 1917 г. Сортавала

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

*Сортавала, Сердоболь,
Семинариум Реландер, номер Рериха
17 июля 1917 года*

Дорогой Александр Николаевич,

Как бы часто ни писать, теперь всегда между письмами будет бездна. Каждый день приносит ужасные вести: помни, что я живу на Yhin-lahtia, а в переводе: на заливе Единения. Само слово напоминает о том, что нужно, чтобы спасти культуру, спасти сердце народа. Неужели опять вернуться к культурному безразличию. Неужели можно думать о свободной жизни без знания, без радости искусства. Спуститься ли искусству до толпы, или же властно

поднять толпу до найденных пределов искусства? Скоро ли искусство нужно будет толпам? Я верю человечеству, но всегда боюсь толпы. Сколько над толпой противоречивых, злых эманаций. Так много вредного нечеловеческого. Творим картины, но, может быть, надо сидеть в Комиссиях? Кто знает? Письмо твоё мне многое напомнило из наших сидений. Неужели опять будем сидеть? Чем кончилось с Академией?

Мы очень удивились, узнав, что ты попал в наш Новгород да ещё так недалеко от моего валдайского каменного века. Сообщали нам об эксцессах в том краю. В Бологое у старика Путятин сгорел старый дом. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли. Точно так мы богаты для разрушений. Неужели прошёл закон об аресте художественных произведений. Ведь нельзя же всё решительно запретить в свободной стране. Горький, выступив против твоего взгляда, опять не попал. Почему он так часто не попадает? Ведь ему угрожает единение, как ты пишешь, с Савостиным и Фаберже. Надо сплотиться всеми силами за культуру и искусство. Какое бы отношение мы ни встретили, мы должны сказать друг другу, что поклянёмся защищать наше дело, ради которого мы вообще существуем. К вражеским ударам мы уже привыкли, в этом наша судьба так сходна. За это время я сочинил эскизы для сюиты: «Героика»¹⁰. Искренне возмущен я отношением к твоим эскизам — к Соловью. По справедливости, по существу Ты должен делать эти декорации. Ведь это не в Головинском кругу. Думается, и Стравинский должен проявить настойчивость более определённую. Как всё это пахнет старым строем. Где Яремич? Что он мне не пишет? Он один из немногих хороших и твёрдых людей. Привет Анне Карловне. До следующего боя осенью, до свидания. Пиши о настроениях.

Душевно твой

Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ, ф. 137/168.

29 июля 1917. Сердоболь.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Заказное.

Петроград. Морская, 38.

Общ. Поощрения Художеств.

Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, сочувствую мысли Комитета. Прошу собрать Комитет 9-го Августа в Среда (час безразличен). Непременно приеду. У меня тоже есть вопросы. Привет Ст[епану] Петро[вичу].

Ваш Н. Рерих

29 Июля 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 2-2 об. (На штампах даты: Сердоболь. 02.08.1917. // Петроград. 11.08.1917.)

АВГУСТ

9 августа 1918 г.

Из письма Вадима Диганова Н. К. Рериху¹

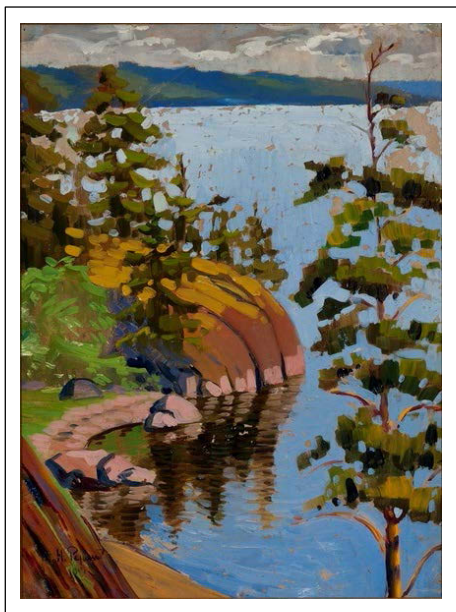
9.VIII. 1918 года

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

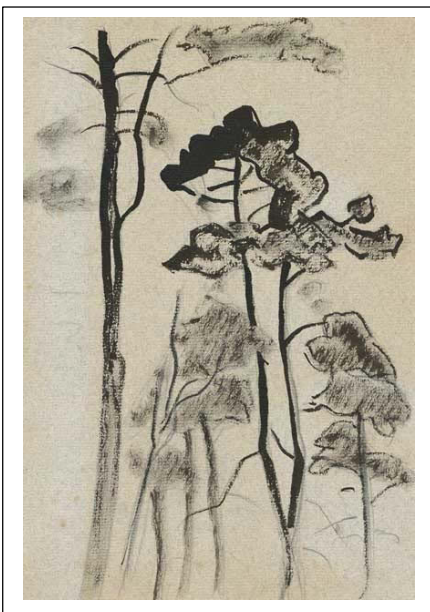
Итак, подтверждаю: всё для экспедиции в район Ловозеро и на его острова мною подготовлено. Интересны эти пустынные места Лапландии не только загадочной болезнью местных аборигенов-лопарей - "мереченьем", но и некоторыми странностями горных пейзажей, находками в пещерах и тем, как себя начинают чувствовать приезжие люди, попадая в эти места. Словом, здесь много всего "загадочного". Но лучше самому увидеть и прочувствовать.

Посему - приглашаю! ... Словом, жду!

Искренне Ваш Вадим Диганов



Н.К. Рерих. Карельские сосны. 1917.



Н.К. Рерих. Сосны . 1917.

12 августа 1918 г. Сердоболь

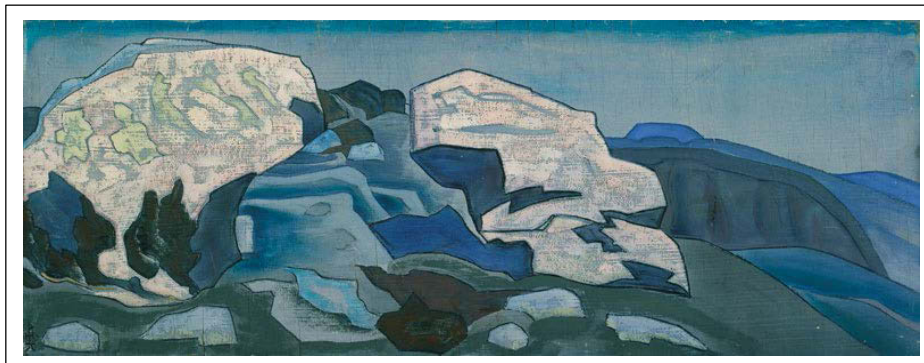
Из записей в дневнике Н. К. Рериха:

Сердоболь. 12.VIII.1918 г.

Проснулся в начале седьмого. За окном ветер в соснах, видно, как на берег катятся пенные волны. Над беспокойным озером носятся чайки. Через открытую форточку слышны крики, пронзительно- печальные, будто они жалуются на что-то. Отдаленный лай собак, которых здесь видимо-невидимо. В комнату вливается свежий воздух, пропитанный ароматом карельского мокрого лета. Я прислушиваюсь к себе. Да, я здоров, я окончательно поправился. И сегодня, сейчас, во время завтрака, я покажу своей Ладе письмо от Вадима Диганова, очень оно

¹ Письмо А. Диганова и последующие записи из финского дневника Н.К. Рериха – источник: Сайт Е.Б. Герман.

кстати. Пора встряхнуться, пора совершить ещё одно путешествие по здешним землям в Лапландию. Всё, о чём пишет Вадим, чрезвычайно интересно. Да, да!



Н. К. Рерих. Ладога. 1918.

15 августа 1918 г.

Телеграмма из Шведской миссии – Рериху Н.К.

ТЕЛЕГРАММА

Профессору Рериху
Тулолансаари. Сортавала.

РАЗРЕШЕНИЕ ЗДЕСЬ С МАЯ. ШВЕДСКАЯ МИССИЯ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма на финском бланке. Отправлена 15.08.1918. в 19 ч. 10 мин., получена 15.08.1918 в 21 ч. 10 мин.

20 августа 1918 г. Ревда

Из записей в дневнике Н. К. Рериха:

Ревда. 20.VIII.1918 г.

Село Ревда - большое, просторное, одноэтажное. Вокруг тундра, заболоченная тайга, на горизонте неясно видные, расплывающиеся в сиреневом мареве головы сопок.

Здесь одна из лесопилок Ивана Спиридоновича, на которой все оборудование уже разобрали старательные финны. Остановились в большом доме управляющего лесопилкой, Василия Петровича Захарова. Он в смятении: как жить дальше, как прокормить семью? Решил организовать рыболовецкую артель, будут промыслять на Умбозере. Говорит: "Однако где уверенность, что не придут эти, в черной коже, и не заберут все - на нужды прожорливой революции".

Добрались сюда за сутки, несколько раз застревали: как говорит Вадим, "болота дороге поели". Хорошо, лошади сильные, запрягли их цугом сначала в одну телегу, потом в другую. Завтра в путь, к Ловозеру, вёрст примерно восемьдесят.

Радуют меня сыновья: все их интересует, не чураются никакой работы, Юрию особенно нравится обихаживать лошадей. А Святослав за все берется с одинаковым рвением, но скоро ему надоедает, норовит ухватиться за что-нибудь еще. С возрастом, уверен, такая разбросанность пройдет, появится интерес к чему-нибудь одному (...)

Сейчас лето, длинный день, солнце заходит часа на два, и всю ночь на западном горизонте пылает феерическая заря. Какие краски! Обязательно напишу. Но представляю, каково здесь зимой, в пору, когда этим заброшенным миром владеет глухая и ледяная полярная ночь, и только живые многоцветные веера северных сияний иногда раскрашивают чёрную мглу, освещая замершие поселки и стойбища лопарей, разбросанные далеко друг от друга в белом безмолвии снегов, скованных лютым морозом.

Итак, завтра в путь!

20 августа 1918 г. Тулолансаари
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела

20 августа 1918 г.

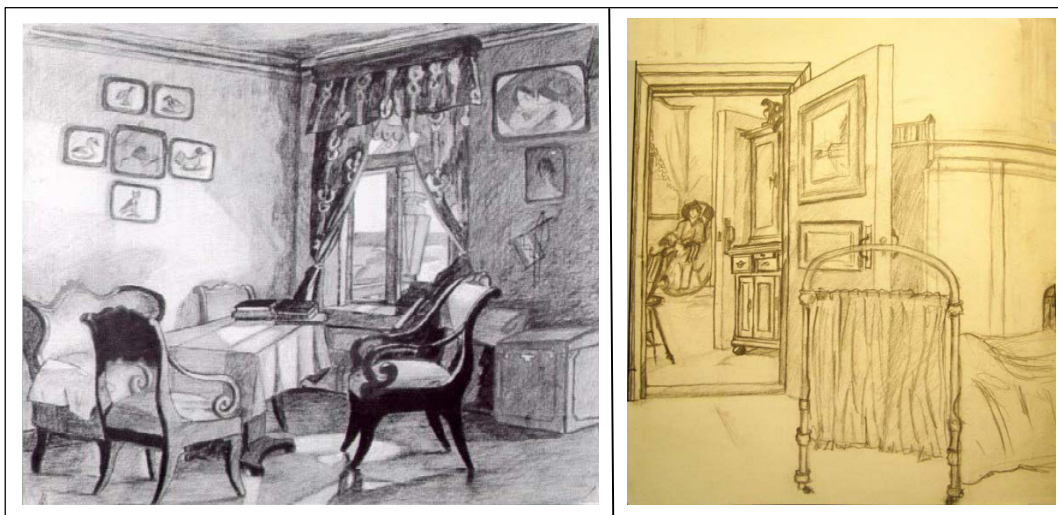
Мой дорогой друг Аксель!

Я тебя искренне благодарю за любезное письмо и за сертификаты. Мы будем очень счастливы увидеть тебя и твоего сына в Тулолансаари. Довольно трудно точно узнать дату нашего отъезда, но думаю, что мы останемся три или четыре недели в доме Баринова. Я послал письмо твоему другу из Ваасы. Конечно, с собой у меня есть несколько картин, но хотелось бы знать, какой жанр он предпочитает. Я слышал, что при красных была полностью разрушена большая коллекция картин. Кому принадлежала эта коллекция и какие авторы там были? Моя жена передаёт тебе привет. Надеемся видеть тебя и твоего сына в Тулолансаари.

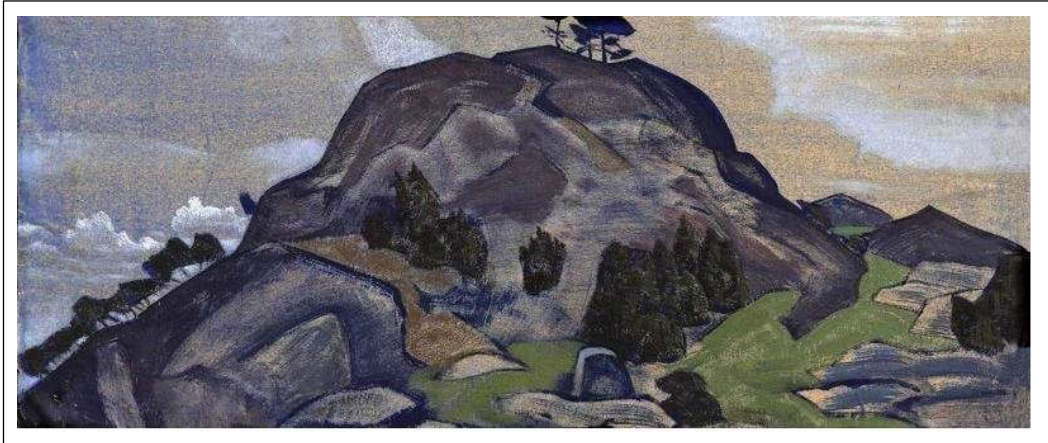
Искренне твой

Николай Рерих

Публикуется по: Елена Сойни. Северный лик Николая Рериха С. 64.



Юрий Рерих. Интерьеры комнат [в доме Баринова]. 1918. Рис.



Н.К. Рерих. Лапландский замок. 1918.

20 августа 1918 г.

Из дневника Н.К. Рериха²:

Южный берег Ловозера
20.VIII. 1918 г.

Второй день мы живём здесь, разбив лагерь, то есть, поставив палатку на самом высоком месте, которое нашли. Впрочем, оно рядом с берегом. Вокруг болотистая тундра, кое-где скальные образования: прямо из болот или тундры, покрытой или ягелем, или низким кустарником, поднимаются уступами длинные и короткие гранитные скалы высотой сажен до двадцати, На небольшой возвышенности, близко от нашей палатки, старое заброшенное кладбище лопарей, могилы почти стерло время, ни крестов, они ведь язычники, ни памятников, только иногда на еле заметных холмиках - камни, на них - ничего. (...)

Еще вчера совершили маленькую экспедицию по исследованию берега, дошли до южной оконечности озера и неожиданно оказались у начала мощной дороги, по которой явно никто не ездит, но она в прекрасном состоянии: высоко насыпана, утрамбована так, что на ней ничего не растет, а сверху - тонкий слой дробленого камня. Кем? Каким образом? Привезти сюда дробленый камень невозможно - вокруг болота, даже троп нет. Но главное - зачем? Кому нужна эта дорога? С какой целью она проложена? У Ильи мать из здешних мест, рассказал, что дорогу эту старожилы помнят с незапамятных времен: "Всегда тут была". И ведет она напрямик через болота и тундру к соседнему Сейдозеру, до него версты две. Мы проделали вчера это путешествие в две версты, хотя уже порядочно устали, больше, пожалуй, от впечатлений и переживаний, вызванных внезапной короткой бурей.

И что же мы увидели? Вернее - открыли? Дорога, которую ни при каких обстоятельствах не могли проложить аборигены- лопари в этих местах, привела нас на берег Сейдозера, которое совсем небольшое, с того места, на котором мы оказались, отчётливо был виден противоположный берег. И...

Во-первых, присмотревшись, мы обнаружили, что стоим на площадке, явно возведенной здесь руками человека ("Или каким-нибудь другим разумным существом", - сказала, несколько странно улыбнувшись, моя Лада. Я был

² Место хранения рукописи неизвестно.

озадачен её словами. Что-то она знает. Или догадывается. Давно надо было привыкнуть, но не могу.) Эта возвышенность абсолютно правильной круглой формы, её склон, спускающийся к воде, расчищен от кустарников. Или, наверно, точнее сказать, на этом склоне ничего не растёт. То есть, как теперь пишут во всяких географических изданиях, мы оказались на смотровой площадке.

Во-вторых... И сейчас по моей спине бегут мурашки. Следует уточнить: от восторга. С площадки, на которой мы столпились, отчётливо виднелась отвесная скала на противоположном берегу Сейдозера, отражавшаяся в воде, как в зеркале, и на её явно отполированной вертикальной грани была изображена тёмная человеческая фигура огромных размеров.

Все были ошеломлены и заворожены открывшейся картиной. Все молчали...

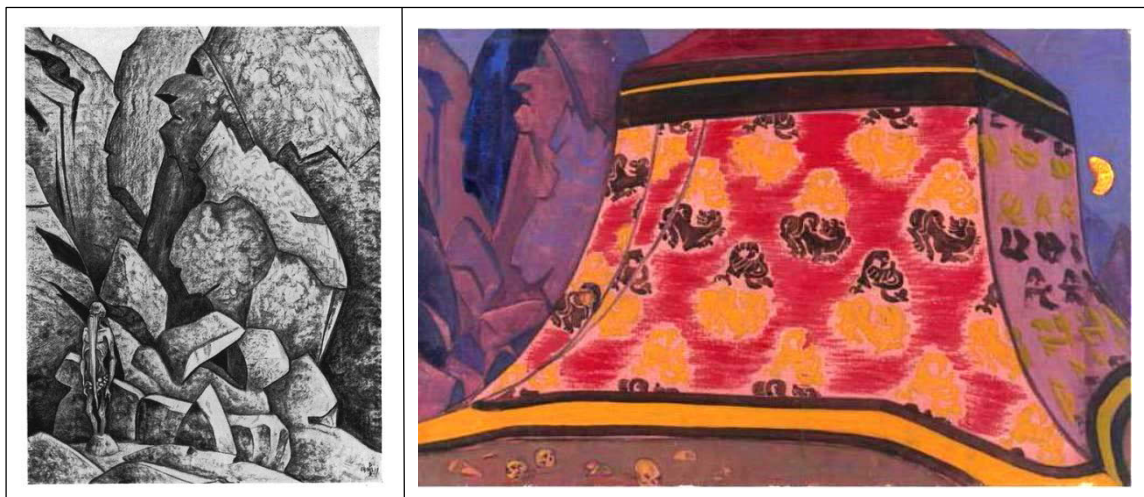
Молчание нарушил Славик:

- Пошли! Пошли отсюда! Не хочу на него смотреть!..

И всем нам, непонятно почему, сразу захотелось уйти. Что мы и сделали. Должен заметить: спешили, несмотря на усталость. Не оглядывались.

Но завтра мы туда вернёмся. Продолжим исследования.

Мир полон загадок.



Н.К. Рерих. Экстаз . 1917.

Н.К. Рерих. Тайна . 1918.

23 августа 1918 г.

Южный берег Ловозера
23.VIII. 1918 г.

Только что вернулись из второго похода к Сейдозеру. Сейчас - 23.15. Вальсую с ног от усталости, но надо записать, иначе могут забыться какие-нибудь подробности.

Невероятно! Все невероятно.

С утра отправились по дороге, которую Слава назвал "Звёздной", уж не знаю почему, но что-то есть в этом названии. Спешили. Странно: я заметил, что всех нас охватило нетерпение - скорее бы очутиться на смотровой площадке, увидеть эту гигантскую фигуру чёрного человека на отвесной грани скалы, которая на противоположном берегу под самым углом уходит под воду

озера. "Только бы не испортилась погода!" - несколько раз повторила Лада в крайнем возбуждении.

Но погода была великолепной весь день: безоблачно, солнце, еще жаркое, легкий южный ветер.

И вот мы на смотровой "площадке". Сразу изумление - смотрим на Чёрного человека. Да, он на своём месте, на отшлифованной грани скалы. Расстояние до этого своеобразного наскального изображения - сажен двести пятьдесят, может быть, триста. Он на месте. Но - и это заметили сразу все - другой. Вернее, что-то изменилось в его позе, таинственный пугающий незнакомец вроде бы чуть-чуть повернулся налево, и - самое невероятное - на его голове был тоже черный котелок. По форме даже модный, современный котелок. Вчера его точно не было.

"Надо подойти ближе и как следует рассмотреть", - предложила Лада.

"И вообще исследовать ту гору", - сказал Глеб.

И мы двинулись к скале по левому берегу Сейдозера, очень медленно, часто обходя болота или преодолевая их, - хорошо, что по совету Ильи мы взяли несколько широких досок, которые нашлись на паруснике Саши: клали их на неглубокие болота как мостки, преодолев несколько сажен, перемещали дальше. Подобрались к скале.

Но нас ждало разочарование: вблизи Чёрный человек исчез, мы могли видеть, подойдя вплотную, только тёмные пятна на каменной скале сероватого цвета. Кстати, скала с изображением не купалась в озере, как это казалось издали, со "смотровой площадки", между водой и отвесной каменной гранью было сажени три. Словом, Чёрного человека можно было увидеть только издали. Или, может быть, с лодки, если к скале плыть через озеро. Интересно, с какого расстояния изображение начало бы исчезать? Но у нас не было лодки.

Дальше нас ждали другие, более чем странные открытия...

Мы решили обойти скалу вокруг и, если найдем тропу, подняться на её вершину, что, впрочем, представлялось маловероятным: почти вертикальные гранитные уступы встретили нас. Скала оказалась в основании огромной, верст пять-шесть по окружности. Скалу, или наверно это будет правильнее, гору пересекали глубокие ущелья. И в одном из них мы обнаружили... Её первой увидела Лада, закричав: "Смотрите! Что-то белое и высокое! Как свеча!" И действительно, в каменном гроте стояла большая желтовато - белая колонна, примерно в два человеческих роста, выточенная из однородного камня, очень похожего на мрамор, но без прожилок. Свеча, только гигантских размеров. Рядом с ней лежал тёмный кубический камень. Абсолютно вымеренный до миллиметра куб!

Сейчас я думаю: мы попали в древнее капище или аборигенов - лопарей, что маловероятно, или тех, кто жил когда-то, в доисторические времена. (...)

Следующее открытие, не менее загадочное, ждало нас на северной стороне горы: мы увидели, что на высоте примерно двухсот сажен зияет огромная чёрная пасть пещеры, и к ней ведёт очень круто вверх вполне отчётливая тропа. "Поднимаемся?" - нетерпеливо спросил Глеб (...)

Мы поднялись: Юрий был молодцом, он, я видел, преодолел страх. Он хотел узнать, а потом, если удастся, понять! Горжусь своим старшим - он в меня. И в маму.

Мы оказались возле пещеры, это была расщелина, которая явно вела вглубь земли. Три, хотя и стёртые временем, каменные ступени вели вниз, а

дальше начинался полный мрак. У нас не было свечей, ни фонаря. И я видел: не только меня - всех охватило давящее ощущение... Сейчас определяю его так: противодействие незримых сил. Кто-то хотел, чтобы мы шли дальше, вглубь земли. А может быть, нас - или меня испытывали?

Едва заметная тропинка от пещеры вела направо, и, пройдя по ней недолго, мы остановились: перед нами был тупик - нагромождение каменных глыб. Зато с того места, где мы стояли, неожиданно открывалась широкая панорама на восток: ровная болотная тундра, в маленьких озерах поблескивало солнце, и посреди этой северной пустыни возвышались три невысокие сопки, которые, если их соединить линиями, образуют равнобедренный треугольник. Но самое удивительное заключалось в том, что сопки были похожи по конфигурации на пирамиды, и явно их главные грани были кем-то искусно сделаны: такие осмысленные, совершенные формы природе не под силу. Впрочем, смотря, что подозревать под Природой.

Мне, когда я рассматривал сопки-пирамиды, пришли мысли о том, что, скорее всего, мы оказались среди обломков могучей просвещенной цивилизации, когда-то существовавшей здесь и исчезнувшей, оставив о себе загадочные, обрывочные воспоминания.

Мои размышления прервал возглас Глеба, который прошел еще немного вперед, протиснувшись меж каменных глыб: "Идите скорее сюда!"

Кое-как мы по очереди пролезли в узкую щель между камней и оказались у явно замурованного входа или в пещеру, или в склеп: отчётливо были видны "швы" между камнями, заполненные неким веществом тёмно-коричневого цвета. Но это была не глина, вещество оказалось тверже камня. Но... "Вы смотрите сюда!" - прошептал Глеб. Я не поверил своим глазам: на замурованной поверхности, в левом углу был изображён... Нет, правильнее сказать - вырос цветок лотоса! Да, именно так: самый почитаемый в Индии цветок, только каменный, вырос, вернее образовался из того же вещества, которое скрепляло камни, замуровавшие вход в подземелье. Цветок был барельефом, как бы выдирающимся из кладки, его питали те силы, которые находятся ТАМ, в подземелье. Некое усилие присутствовало в позе цветка - другого слова не нахожу: он вырос только что! И даже кусочки этого темно-коричневого вещества были под ним, на земле, корни каменного лотоса, прорываясь к нам, разрушили породу.

И я испытал мгновенную смесь сладостного восторга, и - наверно, так? - не менее сладостного ужаса: я понял, что цветок каменного лотоса пророс совсем недавно, может быть этой ночью. И он явлен здесь мне. **Он - вестник.**

Я поймал себя на чувстве... Нет в моём языке слов для его определения. На чувстве: сейчас я брошусь на эту замурованную стену, вырву из неё каменный лотос и за ним будет проход. Я знаю, куда он ведёт....

"Папа, папа... - услышал я голос Юрия. - Что с тобой?.."

Оказывается, все смотрели на меня. У всех были испуганные лица. "Давайте спускаться", - я попытался сказать это спокойно, но мой голос был хриплым, слова вырывались резко. "Может быть, попытаемся извлечь из каменной цветок?" - предложил Владимир. "Нет! Нет! - запротестовал я. - Мы не сумеем, а только разрушим его. Спускаемся!"

И, наконец, последнее событие, вернее видение этого дня. Мы вернулись на смотровую "площадку", в которую упирается "Звёздная дорога", окончательно измотавшись, преодолевая болота по левому берегу Сейдозера. Солнце

висело над горизонтом и, похоже, совершенно не собиралось за него опуститься.

Между тем был уже одиннадцатый час вечера. На площадке сухо, мы расстелили войлочную подстилку, мальчики на неё тут же плюхнулись - хоть немного отдохнуть перед последними двумя верстами, - преодолев их, мы наконец окажемся в своём базовом лагере. Мы с Ладой тоже присели на мою куртку.

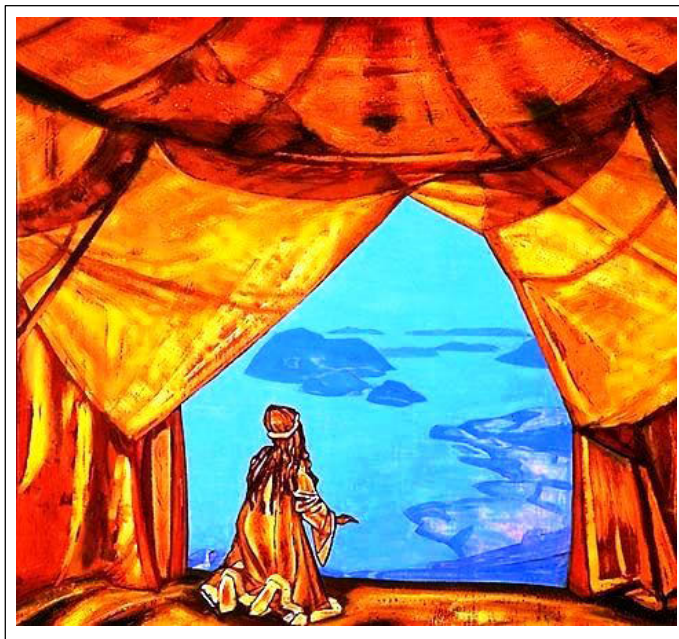
Сейчас мне кажется, что мы все одновременно посмотрели на огромную фигуру Чёрного человека, изображённого на скальном обрыве на противоположном берегу Сейдозера. У кого-то вырвался возглас изумления. И немудрено...



Н. К. Рерих. Утес.

Чёрный человек был другой: он стоял, повернувшись к нам в профиль, и на нём был длинный плащ с капюшоном, закрывавшим лоб, наверно, до бровей, утреннего котелка не было, а глаза, вернее, там, где на лице должны быть глаза, отчётливо светились два малиновых пятна. На гору с фигурой чёрного великана падали лучи закатного солнца. Может быть, они создавали этот жуткий феномен? Но так я думаю сейчас. А тогда... Никто не проронил ни слова. Все вскочили, стараясь не смотреть на противоположный берег Сейдозера. Я взглянул на Святослава. Он был бледен, но не плакал, молчал и - может, мне показалось? - был крайне сосредоточен, похоже, думал о чём-то, очень важном для него. Всю дорогу до "дома" никто не проронил ни слова.

После ужина - есть не хотелось никому: не было аппетита, все валились с ног от усталости, и телесной и духовной, когда неудавшаяся трапеза закончилась, Святослав, таинственно поманив рукой, вызвал меня из палатки, и мы отошли в сторону, нас никто не мог слышать. "Папа, я знаю, что есть Бог, - тихо сказал Слава. - И я верую, честное слово - верую! Но, папочка, ведь он... Ну чёрт или дьявол... Он тоже есть?" И я ответил моему младшему сыну: "Да, он есть, тёмный князь мира сего. Но если ты веруешь в Бога и Он живёт в твоём сердце, дьявол не страшен тебе: он никогда не сможет завладеть твоей душой".



Властитель ночи. 1918. Сюита "Героика".

ВЛАСТИТЕЛЬ НОЧИ

Должен Он придти – Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встаёт Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовём. Вызовем. Огонь жёлтый, и юрта золотая, и блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдёт Он, желанный. Придёт ведунья. И зажжёт травы. И вспыхнет зелёный огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдёт Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдёт та, злая. И бросит красные травы. И заволочёт туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь. Откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы, и багровее пламя. Ах, приди и останься. И потянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. А вы уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыла намет. И вот она стоит на коленях. Ушёл приказ. Ушло волхование. И тогда пришёл Он, властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Всё стало просто. Ах, так проста ночь. И проста звезда утра. Он дал власть. Дал силу. И ушёл. Растаял. Всё просто.

*Н.К. Перих
1918 г.*

Публикуется по изданию: П.Ф. Беликов «РЕРИХ». (Опыт духовной биографии). Новосибирск. 1994.

25 августа 1918 г. Joensuu

Неожиданные встречи

Joensuu, 25 Авг. [1918]

Теперь везде много особенно неожиданных встреч. Много их и в Финляндии. Некоторые из них хотелось бы описать. Очертить круг русской колонии, сложившийся под такими неожиданными условиями. В Куопио, в Нейшлоте, в Карелии везде разбросаны маленькие группы русских. Среди русских в Финляндии оказался и академик Рерих.

Уже более полутора лет Рерих живёт в Карелии на ладожских шхерах, так близких его мотивам. Наш мастер по болезни лёгких должен был задержаться после прошлого лета, а там перерыв сообщения и некоторые затруднения оторвали его временно от России. Теперь, по-видимому, недомогание лёгких оставило художника. Он болеет за Россию, но твёрдо верит в неё, смотрит бодро, работает. При нашем свидании художник получил письмо от своего друга Акс[еля] Галлена-Каллела, в котором тот заботится о том, хорошо ли живётся нашему мастеру. Мне удалось видеть несколько новых произведений художника. Он занят небесной сьютой «Хранитель земли». Всадники утра, заката, дня и ночи. После чего Вечный Хранитель земли, победив дракона, возвращается в свой замок. Кроме того, много мотивов Карелии. Ясно видны новые углубления, новая звучная кристалличность воздуха, ещё более выдержанные, точно эмалевые краски. Как особенность, я заметил, что большинство вещей написано на досках. Этот стойкий материал, мне показалось, очень идёт к суровому творчеству мастера.

Определённые деятели вызывают известные сопоставления. Если Врубель представляется нам волшебником, если Сомов напоминает русского помещика, если Бенуа вызывает образ алхимика, то Рерих напоминает нам варяга. Не только по имени, не только по искусству, но и по особенностям внутренней жизни он как-то близок северным искателям. Спартанец в своём внутреннем обиходе, выносливый любитель передвижения, искатель, неизменно верный своей основной песне, он умеет, как никто её углублять.

Художнику предлагали устроить выставку картин в Стокгольме, но он мечтает о возвращении в Россию - к своей также любимой художественно-просветительной деятельности.

Вспоминая известные картины Рериха, появившиеся перед войной и перед революцией («Змей проснулся», «Меч Мужества», затем «Ангел последний», «Град Обречённый» и «Дела человеческие»), с надеждой смотрел я на его «Хранителя земли».

Следующая встреча с Л. Андреевым.

Ив. Голосов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф неизвестного.

29 августа [1918] г. Тулолансаари
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела

Мой милый друг Аксель!

Надеюсь, что это письмо ещё застанет тебя в Каяни. Нужно, чтобы ты срочно рекомендовал меня губернатору Выборга господину Хекселю. В противном случае очень возможно, что мне придётся покинуть Финляндию. Меня информировали, что с 1 сентября снова начнётся выселение русских, проживающих в Финляндии. На этот раз никто не сможет остаться. Потому что оставят только тех, у кого есть работа или жильё. Не имея ни того, ни другого, я окажусь среди высланных. Вот, пожалуйста: известная личность, известное имя и общественное положение и высылка из Финляндии только по причине национальности. Такого не случалось никогда ни в одной стране. Когда мне сообщили эту новость, я засмеялся. Но только что я получил письмо от человека, которому доверяю. Этот человек советует мне застаться рекомендательными письмами от исключительно известного и ценимого в Финляндии человека. Я сразу же подумал о тебе. Твоё имя мне поможет. Мне очень неловко тебя вновь беспокоить, но что делать. Я утешаюсь тем, что, может быть, позже смогу тебе помочь. Как бы я хотел видеть тебя, поговорить с тобой, знать, о чём ты думаешь, о том хаосе, который нас окружает. Если бы нас не преследовали, мы бы остались здесь ещё на три недели, а на зиму бы остались в Выборге (у нас уже там намечено жильё).

С благодарностью и дружбой

Твой Н. Рерих

29 августа, Тулолансаари, Сортавала.

Публикуется по изданию: Елена Сойни. Северный лик Николая Рериха. Самара. 2001.



Н.К. Рерих. Острова. Ладога. 1918.

СЕНТЯБРЬ

10 сентября 1918 г.

Письмо А. Галлен-Каллелы к губернатору Выборгской губернии

В канцелярию губернатора Выборгской губернии.
Выборг.

ПРОСЬБА

Могу настоящим подтвердить, что мой знакомый и друг, русский подданный, художник господин Николай Рерих заслуживает всестороннего доверия и возможности пребывания в стране, где ему будет угодно, для чего ему нужно выдать официальное разрешение остаться в Финляндии.

Мне будет очень стыдно, если иностранного художника, господина Рериха, не уважают и без визы вышлют. Своей подписью прошу официальные власти, чтобы господину Рериху оказали всяческое содействие и поддержку на время его пребывания у нас в стране.

Руовеси, 10 сентября 1918 года.

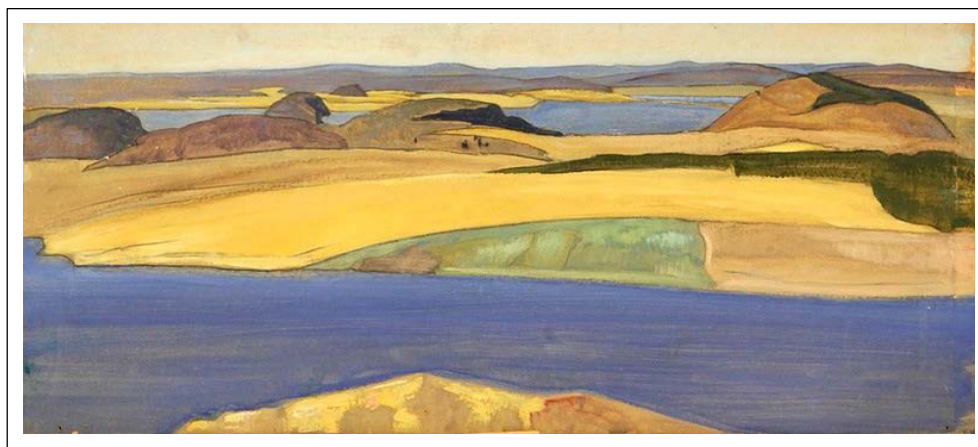
С уважением, *Галлен-Каллела*

Архив Русского культурного центра, Дели, Индия. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 38, л. 1.
Перевод с финского Эррки Кяхконена.

Сентябрь 1918 г. Финляндия. Тулола.

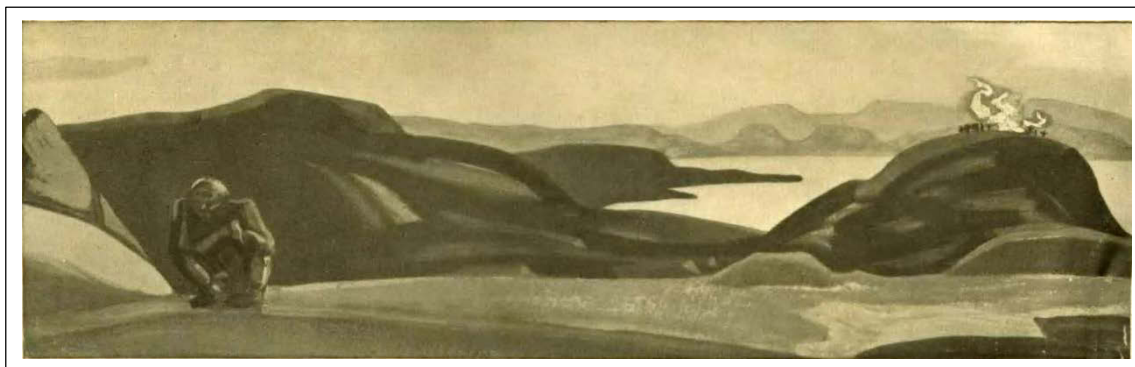
"Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?..."

"Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно..."



Н.К. Рерих. Тулола. 1918.

Сентябрь 1918 г. Тулола.



Н.К. Рерих. Отверженный. 1918.
(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмко. 1931 г.)

Н.К. Рерих.

ПЛАМЯ (письмо)

В измятом холщёвом пакете я получил, наконец, письмо. Часть пакета была залита дождём или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло моё. Пока шёл ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернётся письмо, на котором надо написать: "по дороге до города..... оттуда переслать по реке до устья Передать в село для пересылки с оказией до перевала, где вручить крестьянину села, а ему указано, как доставить по принадлежности". Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно - исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их ещё недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имён и местностей (я опущу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишённым местного интереса, те пусть посмотрят на письмо как на страницу нашей сложной современности.

"Пламя" - так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть мой друг простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счёл нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

* * *

"Ты нашёл меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всём происшедшем со мною.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Всё описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как на сон. Второе - вернее.

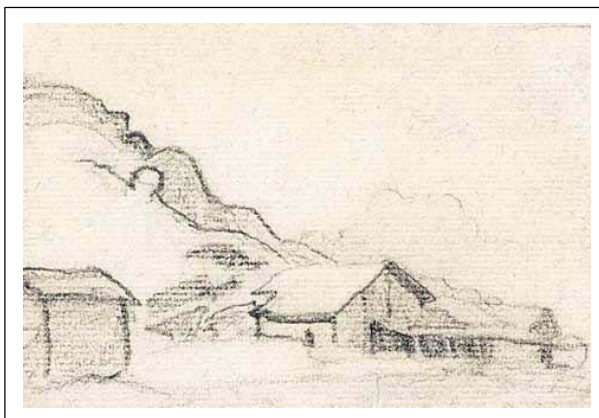
Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат - выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать всё, как было, - слушай.

Просто так, как было.

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом тёмными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана - их, кажется, бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.



Н.К. Рерих. Тулола. Этюд. 1918.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, - на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жильё. А может быть, это - просто скала. Налево и сзади сгрудились скалы, покрытые лесом. Чёрные озёрки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше, давно, здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитой цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие....

А может быть, всё это - просто воображение...



Н.К. Рерих. Финский пейзаж. Остров Тулола. 1918.

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль о постройке храма, где сохранятся достижения культуры

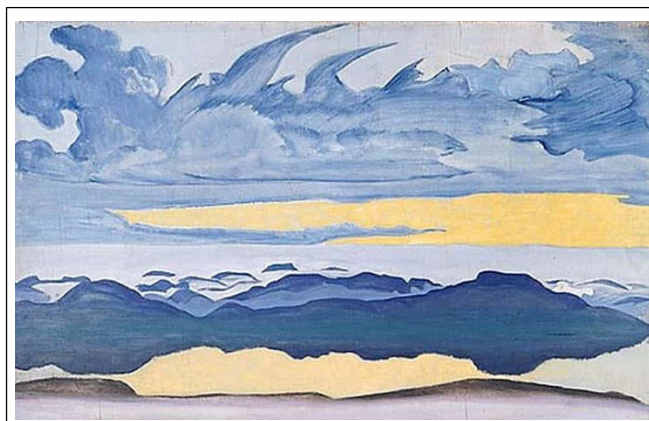
нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непорочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего - такое хранилище - было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на чёрной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, жёлтые листки, точно опавшие листья с далёких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далёкой Чёртовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждёт наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произносит вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда, дальше посёлка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали чёрной точкой покажется сойма. Он ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их - малодушие.



Н.К. Рерих. Небесный всадник. 1918.

Но человекообразием мы всё же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гоняются за страшными зверями. В смертельных поединках поражают тёмного змея. Величественно плавают волшебницы, разметав волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остаётся невыполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо весёлых игр волн под утёсом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Всё это остановило бы внимание настолько, насколько всё это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что север мрачен и беден, то знай, что он севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую даёт север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к северу без предубеждения. Где найдёшь такую синеву дальше? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников? Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашивать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потёмков? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, всё равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить её от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Всё это один раз по просьбе уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, - ведь путь очень труден.

Ещё один раз, - последний, я заставлю себя для тебя записать всё бывшее. Если не всё, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит - не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи назвали моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово "пламя".

Теперь моё пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет памяти бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Без имён. Без времени.

* * *

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоётся, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю её. Даже уничтожаю. Мысль и умение стремятся вперёд. Всё сделанное ранее уже слишком несовершенным.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь.

Так же было и с сюитой картин, объединённых названием "Айрана Ваджа".

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчинённых одной сущности. Сочинённых, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчётность, подневольность. Торговля в храме. Будни - в празднике. Праздник - в буднях. Наши выставки - разве это праздники творчества? Право - подёнщина. Отчёт. Обязанность. Конторская книга. Всё это со временем изменится. Всему найдётся своё место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое - ничтожным. Третье - неизобразимым. Но всё в искусстве создаётся не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества - не верьте. В этом уже скрыто чьё-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчётности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях - победа искусства, его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе своё непосредственное очарование, все уверения, все законы будут бессильны.

В чём это очарование? В чём истинная правда произведения? Где границы радости и подъёма, сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? - Мы не знаем. К счастью не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно даёт и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно всё, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти тёмные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почётные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошёл.

Ковал мою "Ваэджу"³.

3 «Айрана-Ваэджа», что означает «Исток Ариев» («ваэджа» переводится с авестийского языка как «зерно», «исток»). Айрана-Ваэджа неоднократно упоминается в древнейших книгах зороастрийцев как священная земля. – *Ред.*

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я обезумел. Но я ничего не слушал. Твёрдо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он даёт спокойствие мысли. Только он открывает глаза на красоты, нас окружающие и незамеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благодати легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездок, среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определённом порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собой. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей, и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвящённым. Четвёртые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и всё это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

- "Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что моё чувство - ничто для вас!" И я тоже слышал эти слова. И всё-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано...

Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть.

В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения... Кому-то не передали приглашения... кто-то пришёл незванный. Не всё ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья.

Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидел, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъёме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действия.

Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был твёрд, несмотря на все соображения о всеобщем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня.

Тогда возникла новая опасность. Владелец крупных изданий зажёгся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку.

Затем возникло новое, казалось, непреодолимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя бы на короткое время перенесены в печатню.

Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печатню только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он всё умел объяснять - "краски в воспроизведении тона всегда несколько изменяются и потому точные копии будут вполне достаточны".

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка показалась приемлемой.

Этот же дьявол нашёл того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было лишнего.

Помнишь ты, того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. И я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углублённо и, видимо, с подъёмом. Копии я утвердил.

Копии были перенесены в печатню. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашёл ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нём более ничего не знаю.

И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо.

Значит, опять произошло так, как нужно.

Всё это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали, и не знали.

И настолько встревожились, настолько напряглись нервы, что когда издатель, бледный, ворвался с криком: "Печатня сгорела. Картины погибли", - мы даже не удивились.

Вот оно: обрушилось то, что уже висело над нами. Мы ещё не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: "Вот оно".

То, молчаливое вошло.

И замкнулся извилистый круг. Одна ошибка родила другую.

Всё разгласилось.

Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается, ещё раньше уехавшего сотрудника о молчании.

Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его.

Промолчав вначале, я не знал, что сказать потом.

Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить её у себя. Не принять её я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я накупил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок.

Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

А пламя уже разгоралось.

Чужое несчастье всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись.

Трудно представить себе изощённость всех сожалений. Ты издали всё-таки слышал о моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не преувеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали ещё более яркими, нежели при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувственными адресами. Иностранные академии избрали меня почётным членом. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний.

Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни - наконец воплощённая - истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились всё ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен.

Молчал.

На моление моё не обижались. Приписали его горю. Наоборот, молчание моё только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днём необходимость окутывала их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеей. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он всё приходил. Сторожил. Берёг посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною. С тобой мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник не давал о себе вестей. И сейчас я ещё не знаю, вернулся ли он? Или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинные картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься или начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же, наконец, я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и намекнул о моём невольном попустительстве.

А тебя всё не было. А пламя разгоралось.

Я продолжал безумие начала.

Я решил показать ещё раз подлинные картины.

Опять картины стояли на прежних местах.

Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И, казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трёх, четырёх случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались.

Но глядели смущённо.

Они не поверили.

Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку.

Они не поверили.

Смотрели - слепые. Слушали - глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда даёт мощь и силу перенести всё, решительно всё.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко?

Когда пламя-то пылает?

Вот тогда оно блестит. Оно затемняет.

И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили, что картины найдены плохими повторениями, тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов.

Да и немудрено. В спешке. В огорчении.

Можно ли сделать так же хорошо, если первое достижение было так общепризнанно блестяще.

Да и не стал ли мастер слабеть?

Всегда приятно первому найти момент ослабления. Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение.

Не так ли?

К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А "умудрённый" человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это же ясно. И вот когда к одной ясности прибавится ещё целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли - повторения всегда далеки от оригинала...

Пламя пылало.

Из тёмных углов высывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила:

- "Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покачивалась бы тишина и слава. А теперь куда пойдёте вы с вашей правдой? Куда завела вас эта правда? Сожгли бы и пепел всё покрыл бы..." Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещённые пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться.

Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка - когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направятся во зло? И всё-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и бескорыстно и заблуждённо, но всё-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло ещё так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка - когда решил в последнем доверии к людям вторично показать картины. Тем довёл до ложных ощущений всех, которые вторично увидели подлинные вещи.

Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины сказал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно.

Не изумлён ли ты, что пишу я о моём потрясении спокойными словами. Точно не о своём. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе.

Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности.

Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

Итак, все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние превосходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние вещи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые

за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводились примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта.

Все эти суждения постепенно докатывались до меня. Докатывались беспощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом, эти анонимные письма? Кому есть досуг измышлять их?

Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить развалины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу.

Но и здесь тащилась цепь.

На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись.

Около нашего дома тащили цепь. И цепь звякала. Тащили её беспощадно. Точно переехали жизнь.

Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не дальше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно срыть. Мы не у места. Через нас путь пройдёт. Прошли. Звенели цепью. Стучали.

И опять бесповоротно. И человечески ясно.

Пламя пылало.

Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писали. Спрашивали. После долгих трудов отыскали. Собрались на ней поселиться.

Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь всё давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает. Человечество всегда ползёт, как раки из корзины; всё сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих.

Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Закрыто. Кончилось - среди необъятного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить стыдно.

Вообще, бойтесь алого пламени.

Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя - пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламени надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, всё так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий всё время. Труд, в далёком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою.

Ещё смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Всё, что мы не видим, нам кажется несуществующим. Это было крайне поучительно, но огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно. Далёкие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу ещё поднялись в цене. Да и старая ненависть поникла: ведь смерть и голод - это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет.

Знаем, что суждения все преходящи. Всегда, по два, по три раза в течение века меняются приговоры людей. И ничего не значит, ни худое, ни хорошее. А

избранные имена составляют чаще всего не что иное, как имена массовые, среди которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощённое жизнью. Не знаем многое.

Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя моё уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде помыслим.

И будет всё так, как должно быть.

Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребёнка. Ребёнку случается видеть тяжёлый, мучительный сон. Но стоит ему только открыть глаза, и он снова увидит себя в раю.

Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби.

Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание?

Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо?

Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, тёмные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте.

Но приказ звучит.

Пламя меняет цвет.

Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня.

И глаз мой вперёд обращён. Потому я и записал в последний раз для тебя о бывшем. Меня всё это более не касается. И со встреченными людьми мы прикоснёмся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим - слепые.

Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь её рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут всё описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лёд подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберёгся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоанн: "Не болей, придётся много для Родины потрудиться". А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданые. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зоны и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте это, друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие её знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймёте?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Ещё страшнее злобы они.

Где оно - облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звёзд и луны не осветили огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы, и что для них был Давид?

Среди безумия толпы что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить всё, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распушенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится чёрный век наш. Что произойдёт ещё?

Неужели ещё раз увижу себя расстроенным? Неужели ещё придётся уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете всё немедля, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я ещё не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьянённым загадками; расскажу чтецам звёздных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас ещё не знаю, но вы уже проходите близко. Озарённые пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу?

Или спешишь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки?

Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Уже не боится влияний...

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, то задержу месяца ещё на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется ещё многое сказать. Так ты получишь? Где получишь?

Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы ещё поедем с тобою или в или на берега в Туда, где нас ждут, где ждёт нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Кончу словами белой книги. Помнишь, её мы любили вместе читать:

----- "Знай, что то, которым проникнуто всё сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого воплощённого, который вечен, неразрушим и необъятен.

Поэтому сражайся".

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою"

* * *

Кончаю тем, чем начал.

Прости меня, друг, если я напечатал твоё письмо.

Знаю, ты простишь меня. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверного. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Но ты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

Продолжу из неё:

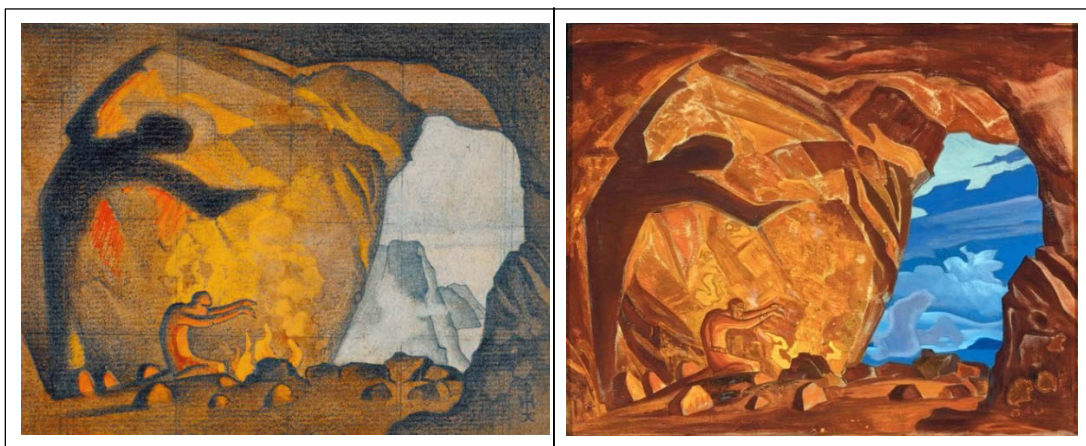
"Взираи лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим - плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным".

Верю, что ты вернёшься. Жду тебя, друг мой.

Тулола. Сентябрь 1918.

Публикуется по изданию: Николай Рерих. Пути Благословения. Алатас. 1924.

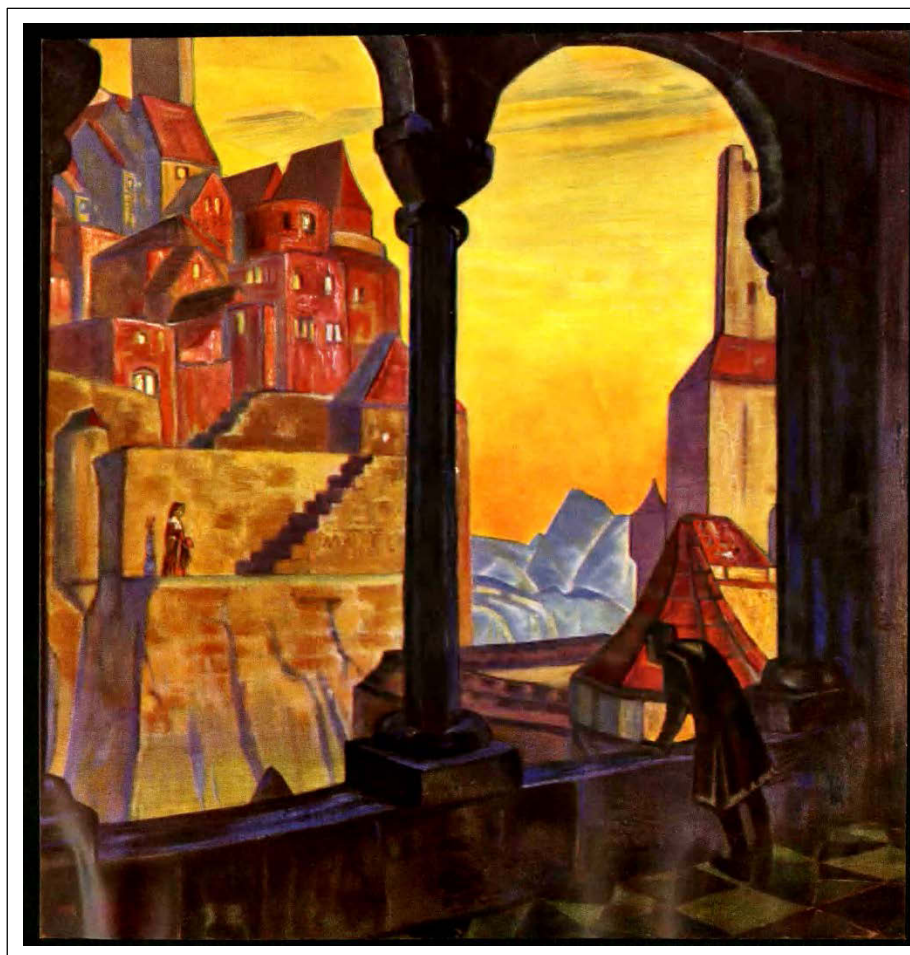


Н.К. Рерих. Закливание огня (Мистерия).
Эскиз.

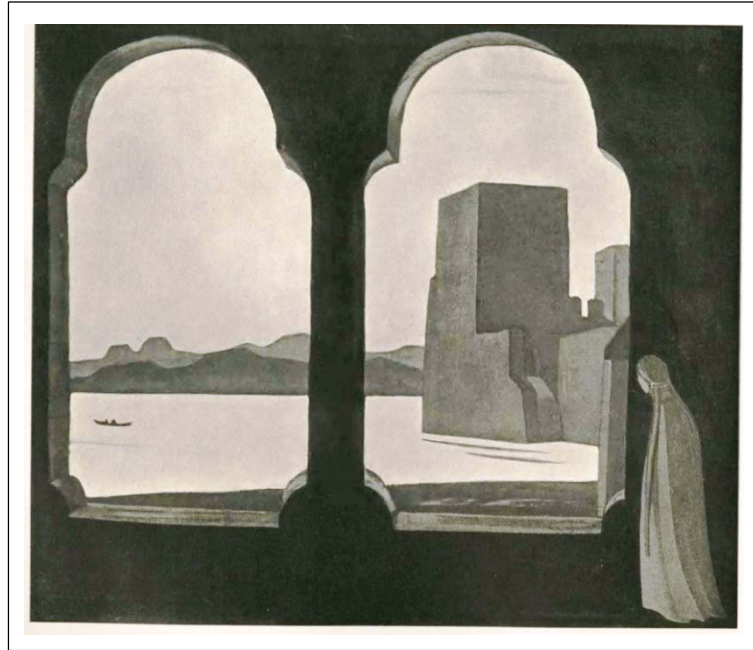
Заклинатель (Превращённый змей). 1917.

Послесловие...

"Вспоминаю всегда рассказ, как критик указал на неправильный рисунок какой-то детали картины, а художник в тот же день исправил его, но большинство публики, тем не менее, усматривало несуществующую небрежность рисунка. Этот анекдот отдаёт правдой. Особенно же бывает забавно, когда начинается художественная травля и некоторые зрители получают разрешение печати возмущаться. То-то уморительно бывает смотреть, как они возмущаются, фыркают и брызжут, словно бы на любимую их мозоль наступили, словно бы искусство для них было невесть чем-то близким, а ведь целый год о нём готовы не вспомнить. И попробуй уличи их, что они говорят с чужого голоса, так, куда тебе, - выйдет что ещё в люльке они тем же возмущались, когда ногами барахтали..." (Н.К. Рерих. Художники (старые разговоры). 1900 г.)



Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). 1917.



Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). 1917.
(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмченко. 1931 г.)

30 сентября 1918 г. Станция Тюрисева, дача Левстрем
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху Н.К.

30 Сентября 1918 г.

Дорогой Николай Константинович! Когда я узнал от Гуревичей, что Вы в Финляндии, я был чрезвычайно обрадован. Я ещё не знал, как и когда удастся нам повидаться, я не знал даже Вашего адреса, чтобы написать, но один факт, что Вы здесь, в том же кругу ада - сделал самый ад не таким угрюмым и чёрным. Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня - *свой*.

Со всею радостью и со всем душевным приветом я буду ждать Вас, у меня посветлело на душе, когда нынче я прочёл Ваше письмо. Приезжайте, дорогой Николай Константинович! Дорога простая: станция Тюрисева, оттуда две версты прямой шоссированной дороги до имения Орловского, где находится и наш временный приют, именно на даче *Левстрем*. Можно на извозчике, легко и пешком. Если бы я знал, с каким поездом приедете, то встретил бы Вас на станции.

Дружески обнимаю и крепко целую. Будьте здоровы, приезжайте — жду!
Любящий Вас

Леонид Андреев

Простите, что пишу на машине, совсем отвык рукою, царапаю так, что трудно разобрать.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 255-256.

ОКТЯБРЬ

11 октября 1918 г. [Выборг].

Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу

Петербург.
Морская, 38. Музей.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогие И. М. и Ст[епан] П[етрович], с весны не имею никаких вестей от Вас на все мои письма и заявления о приезде и возможности денежного существования. Теперь еду на месяц в Стокгольм - устроить выставку, необходимо что-нибудь заработать; вопрос пропитания очень тяжёл. Мы уже приблизились больше, чем на полпути, новый адрес: Wiipurin. Ladanukatu № 8. кв. 2. Дороговизна - устрашающая! Чем только люди живут? Привет мой Александру Николаевичу. Дайте весточку - хотя въезд в Питер и воспрещён, письма иногда доходят. Обрадуйте!

Ваш НР.

11 окт. 1918.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 24-24об.

14 октября 1918 г.

Письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову и С.П. Яремичу

Петербург.
Морская, 38. Музей.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович и Степан Петрович, с весны не имею никаких вестей от Вас на все мои письма и заявления о приезде и возможности денежного существования. Теперь еду на месяц в Стокгольм – устроить выставку, необходимо что-нибудь заработать; вопрос пропитания очень тяжёл. Мы уже приблизились больше, чем на полпути, новый адрес: Wiipurin. Ladanukatu № 8. Кв. 2. Дороговизна – устрашающая. Чем только люди живут? Привет Александру Николаевичу. Дайте весточку – хотя въезд в Питер и воспрещён, письма иногда доходят. Обрадуйте!

Ваш НР

11 окт. 1918.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 24-24об.

14 октября 1918 г.
Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«В 1918 году у меня был забавный случай: я был явно похоронен в Сибири; я даже не был там в это время. Были пропеты реквием и написаны некрологи. Конечно, во время нашего далёкого путешествия можно представить, как много было ложных истолкований. Мне показали вырезку интервью с А.Н. Бенуа. Даже Бенуа был введён в заблуждение, повторил парижскую сплетню и рассказал об анафеме Папы Римского. В это время, когда согласно интервью Бенуа, я был в Лхасе, я на самом деле шёл по Алтаю. Занимательно!»

Н.К. Рерих. «Улан-Батор-Хото». 1927.

Стихи Николай Асеева, прочитанные 14 октября 1918 года на вечере, посвящённом памяти Рериха¹

РЕРИХ

Тому, кто шёл на безымянный берег,
В могилу клали меч, копьё и лук.
Кто ж на щиты тебя поднимет, Рерих,
Последний, может, рюриковский внук?

Вели коня в седле за павшим князем,
И посреди вонзённых в землю стрел
Гроб на костёр слагали, а не на землю,
Чтоб он при всех в живом огне сгорел.

А ты, пленённый древней русской сказкой,
Влюблённый в память сумрачных времён, -
Твой конь увяз среди трясины вязкой
Во тьме, в лесу до шёлковых стремян...

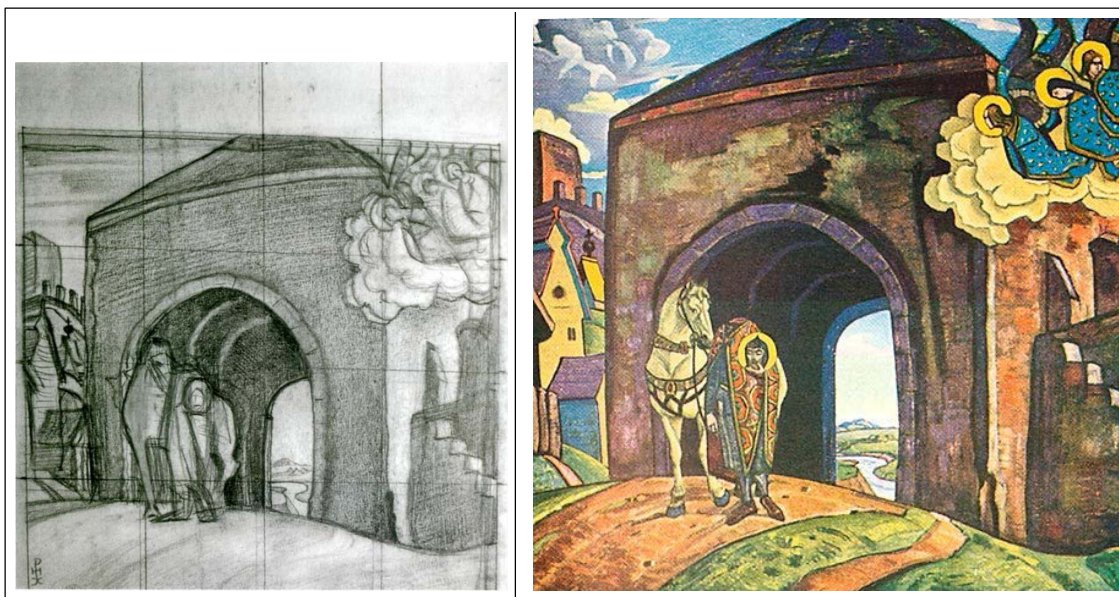
Но верим мы: пройдут года, и ты, чей
взор упорный испепелял века,
восставишь старый, пламенный обычай -
ладью времён вернёт твоя рука.

Не нашим поколением, быть может,
Грядущим - исполнен будет он:
зажгут костёр, тебя на щит возложат
и понесут весной на горный склон.

Промчатся снова кругом лета, зимы...
О, юноши, взгляните же назад:
Князь на костре горит неугасимо,
И пламя, пламя плещется в глаза!

Поэт не знал, сколь пророческими окажутся его слова. Через три десятилетия на Гималайских склонах будет зажжён костёр, и тело Рериха предадут всеочищающему огню...

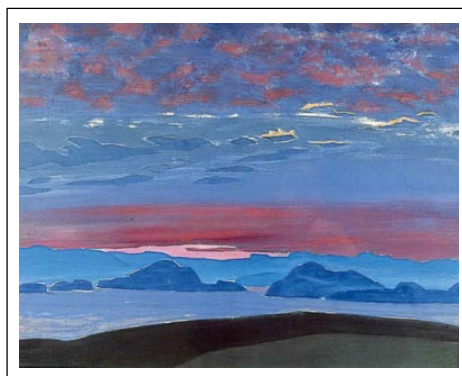
¹ См. П.Ф. Беликов. «Рерих». Новосибирск, 1994. С. 149-150.



Н.К. Рерих. Св. Меркурий Смоленский. 1918.

21 октября 1918, ночь.
Из воспоминаний Л. Андреева:

"Днём был перерыв в стрельбе, а вечером снова забухало. Как раз в этот день ко мне приехал Рерих (о котором надо будет особо), с которым мы и утром слушали стрельбу и вечером побежали на Корниш [*прибрежная дорога - фр.*] смотреть. Вечер был лунный, тёплый и ясный, море штилевое, в голубой дымке, как бесконечность, и оттуда приносились величественно гулкие удары с круглыми катящимися раскатами" (*Л. Андреев. S.O.S.*).



Н.К. Рерих. Закат (Северный закат). 1918.

[22 октября 1918 г. Лондон]
Телеграмма С. П. Дягилева - Рериху Н.К.

Лондон. 22/10. Русское дипломатическое представительство, Стокгольм.
 Рериху.

ВЫСТАВКА ВОЗМОЖНА ЯНВАРЕ ГАЛЕРЕЕ ЛЕСТЕРА, КОТОРАЯ СПИШЕТСЯ С ВАМИ НЕПОСРЕДСТВЕННО. РАД ВИДЕТЬ ВАС ЛОНДОНЕ. ДЯГИЛЕВ. ОТЕЛЬ «САВОЙЯ».

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма. (Перевод с англ.)

НОЯБРЬ

2 ноября 1918 г. Гельсингфорс.
Зарубежная хроника

Дорогие встречи

Звонит телефон.

- Можно ли к вам зайти? - говорит Рерих.

- Николай Константинович? Вы? Когда приехали? Надолго ли?

- Приехал только что, завтра еду в Стокгольм, устраиваю там выставку своих картин. Сегодня хочу повидаться с вами.

Через два часа Н. К. был уже у меня и рассказывал о себе, о своих трудах, планах и встречах.

Академик Рерих один из самых выдающихся талантов нашего художественного мира. Представитель определённого художественного направления, им и созданного, яркий, стильный, с печатью высшей одарённости, нашедшей точное и глубоко индивидуальное отражение в каждом мазке его оригинального письма.

Это живой и интеллигентный человек, совсем ещё молодой, несмотря на 25 лет работы.

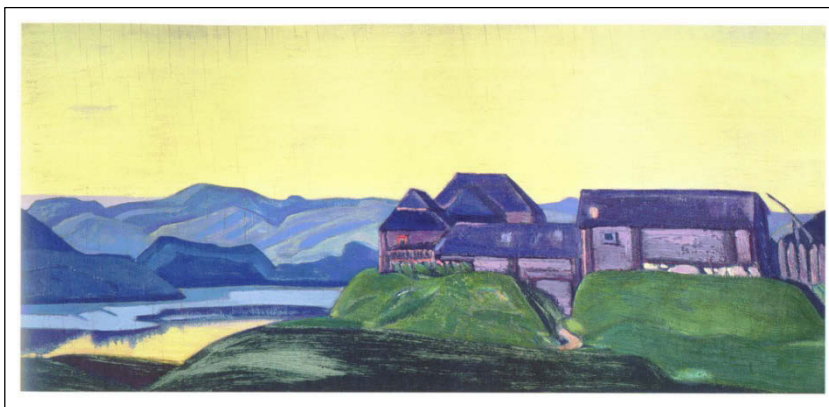
- Вы выглядите молодым человеком. А между тем, ваше имя так же известно, как и наших ветеранов.

- Да, мне повезло, с первых шагов на меня обратили внимание Григорович и Куинджи, и это сразу выдвинуло меня и дало возможность спокойно работать, не заботясь о завоевании успеха, и быть всегда «на страже» интересов искусства.

Последний год академик Рерих проживал в Финляндии, около Сердоболя.

Он вынес самые благоприятные впечатления о Финляндии. Отношения к нему местного населения носили характер отменной дружелюбности и внимания. Рерих интересовался прошлым края.

- Мне хотелось увидеть настоящую новгородскую пятину, исконную пятину, и я увидел её. Я увидел новгородский край. Тот же тип, та же раса.



Н.К. Рерих. Карельский двор. 1918.

С большим оживлением и очень красиво и образно передаёт Н. К. свои впечатления от пережитого за последние годы.

В первые дни революции он почти случайно попал в комитет по охране искусства, где был и Бенуа, и Щуко, и Шаляпин, а во главе... М. Горький.

Об этом комитете почтенный художник вспоминает без увлечения...

- Так вышло, привезли в автомобиле, вокруг все друзья и товарищи... ничего не вышло.

В противовес этому комитету возник делегатский «Союз деятелей искусства», в который вошли представители более 120 обществ литературы, живописи, музыки, скульптуры, архитектуры, театра, начиная с Академии Художеств, Консерватории и кончая маленьким союзом футуристов. Я принимал близкое участие в этом союзе вместе с Сологубом, но должен признаться, что шума, разговоров и тут было больше, чем настоящего дела.

Впрочем, всё же приятно было видеть во дни общего безумия и вандализма около двух сотен людей с печатью дарования и общепризнанными заслугами, которые волновались и хлопотали около настоящего, вечного - около искусства и литературы.

- Да, искусство... - горячо подхватил Н. К. - Это ведь самое важное теперь. Оно спасёт Россию.

Вокруг - распад и ужас. Но искусство не умрёт. Мы должны показать наше искусство всюду в мире. Оно вернёт нам наше место в ряду цивилизованных народов.

Вот и я еду... В Стокгольм, везу около 60 номеров. Что делать, не хотелось бы оставлять картин за пределами России, но пусть посмотрят.

Замечу, кстати, что через день после этого разговора я встретил Самуила Лазаревича Г[уревича], одного из горячих поклонников русского искусства и искренне любящего нашу несчастную Россию. Он сказал мне:

- Передайте Н. К. Рериху, что ни одна его картина не уйдёт из России. Он получит немедленно ту сумму, которую ему могут предложить за границей, и даже больше.

Как раз накануне и Рерих говорил мне много о Самуиле Лазаревиче, о его хлопотах о русских людях и о беженцах из Петрограда, для облегчения которых С. Л. сделал так много; о его заботах и тонкой деликатности в отношении ко всем людям ума и таланта, о дружеском внимании, которое он выказал и Л. Н. Андрееву.

Рерих перед отъездом был у Андреева, провёл у него много времени и был очарован.

- Он похудел, но лицо сделалось ещё утончённее, ещё более вдумчивым и проникновенным. Оно озарено какой-то высшей, духовной красотой, и держит он себя как-то особенно хорошо и достойно в эти дни великой скорби России...

Было приятно слышать от Н. К. хорошее о нашем большом писателе и о его жизни, об отношении к старым знакомым...

- Вашу газету мы все читаем и перечитываем, — говорил мне Рерих. — Она для нас большое утешение... единственная связь...

Н. К. Рерих большой оптимист. Он верит в Россию. Он имел превосходную возможность уехать из России навсегда, чтобы работать в Америке в самых благоприятных условиях, но он отказался...

- Россия будет, ещё всё вернётся; поверьте, что в наше время сказка ближе к истине, чем самая реальная правда... - говорил Рерих так горячо, так искренне, так убеждённо, что стало тепло и радостно на душе...

Милый художник рассказал мне на прощанье содержание прелестной и очень оригинальной мистерии, которую он задумал написать в связи с переживаемым, и поделился своей теорией доброго глаза.

Но об этом как-нибудь в другой раз. Желаем удачи милому художнику в Скандинавии. В его фамилии есть кое-что от северной культуры, и он ей родствен.

Русский листок (Гельсингфорс). 1918. 2 ноября. № 128. С. 1-2.

3 ноября 1918 г. Стокгольм
Из зарубежной прессы

Известный русский художник в Стокгольме **Профессор Рерих выставляет около 150 полотен**

Опять из протекающего через Стокгольм потока иностранцев вынырнуло славное имя, один из наиболее известных и интересных представителей современного русского искусства профессор Николай Рерих, открывающий в следующее воскресенье выставку картин в выставочном зале Гуммсона.

Профессор Рерих, которого мы посетили в его нынешнем месте жительства, Гранд Отеле, оказался мужчиной возраста около 45 лет, на облике которого, несомненно, можно увидеть отпечаток скандинавско-германского происхождения. Он также сразу рассказал, что по отцовской линии происходит из Скандинавии, в то время как его род по материнской линии чисто русский, и ведёт свои корни никак не меньше, как от Петра Великого. Сам он постоянно испытывает огромный интерес к древнему скандинавско-русскому времени и с энтузиазмом рассказывает об этой блестящей эпохе в русской истории искусства, о большем влиянии

Скандинавии во времена варягов, и которые он без всяких возражений хочет считать первейшими с точки зрения искусства.

Профессор Рерих только что приехал из Финляндии, где он в течение года проживал со своей семьёй в Выборге и Ладожских шхерах.

— Я родился в Петрограде, и у меня там дом, но прошлой осенью в воздухе царил такая тревога, что мне посоветовали уехать из города. Ещё в августе этого года в моём доме был полный порядок, но как обстоят дела сейчас, я не могу сказать. Там, далеко, каждый день приносит различные потрясения. У меня большая коллекция, как предметов искусства, так и этнографии, и никто не знает, что уцелело за это сложное время. Что касается моих работ, находящихся в частном владении, то я определённо знаю, что некоторые из них разрушены, сожжены и т. п. А некоторые просто пропали.

Хотя много произведений профессора Рериха исчезли или были уничтожены подобным способом, однако осталось достаточное количество работ, чтобы шведская публика смогла ознакомиться и восхититься его искусством. Он выставляет не менее 150 произведений, среди которых шестая часть уже известна интересующейся искусством публике, 25 полотен выставлялись в 1914 году на Балтийской выставке. Из-за вспыхнувшей сразу по окончании выставки мировой войны художник не смог забрать картины домой, и они всё это время хранились в Мальмё. Также на выставке будет представлено несколько работ, находящихся в частных коллекциях Швеции, и более 100 профессор привёз с собой из Финляндии. Все эти произведения дают довольно полное представление о сказочном искусстве художника.

Не пытаясь предвосхитить профессиональную критику, здесь можно лишь отметить колоссальную многогранность профессора Рериха, включающую в себя портреты, пейзажи, исторические и аллегорические картины, фрески, театральные декорации, мотивы на тему балета, всё это создаёт он своей кистью. Его работоспособность колоссальна, его фантазия сверкающе богата. Понятнее и лучше всего это проявляется в его картинах с аллегорическими и древними историческими мотивами. Что касается поздних работ, то особенно много взято от варягов или из

времени варягов. Многие его картины со сказочными мотивами полны выразительности, наполнены неопишным настроением и чудесной мистикой, которая ещё углубляется и усиливается роскошью и жаром красок. В России он был представлен как во всех общественных, так и во многих частных картинных галереях, кроме того, его картины имеются в Риме, Люксембурге, Лувре, Сан-Франциско и во многих других местах и он выставлялся в Париже, Лондоне, Вене, Праге, Венеции, Милане, Брюсселе, Чикаго и т.д.

Профессор Рерих первый раз в Швеции и вообще в Скандинавии. Это уже давно было его горячим желанием приехать сюда, откуда происходит его род, но до сих пор всегда встречались какие-либо препятствия. Но вот что можно привести как пример его гениальности: несмотря на то, что его нога никогда не ступала на норвежскую землю, он пишет декорации к спектаклю «Пер Гюнт» для Московского драматического театра - самой известной сцены России - и создаёт во всех отношениях превосходный храм Тхалия, отображающий в ошеломляющей иллюзорной манере норвежскую природу. В такой же манере пишет он испанский пейзаж, никогда не посещая Испанию. Само собой разумеется, что за этим лежит глубокое изучение предмета, но также и необычная интуиция художника. Среди других драматических произведений художника можно назвать декорации к спектаклям Метерлинка «Слепые»² и «Сестра Беатриса».



Н.К. Рерих. Слепые. 1905.

Многочисленные монографии о творчестве профессора Рериха написаны на различных языках, среди них А. Бенуа, Маковский, Яремич, В. Риттер и другие. Сам он рассказывает, что, несмотря на беспокойные времена, кое-что издаётся на его родине. И это даёт ему повод коснуться в нескольких словах положения искусства в России. Многие из молодых художников, принимавших участие в войне, потеряны для искусства. Но в то же время ошибочно думать, что русское искусство в условиях царящего в стране хаоса может только скатываться назад. Большевики, наоборот, хотят показать себя покровителями искусства и литературы. Книги печатаются, театры играют при полных залах, и большие суммы выплачиваются за произведения искусства. Так что, собственно говоря, по всей видимости, сейчас благоприятное время для наших художников.

Профессор Рерих, среди прочего, стоит во главе большой художественной школы в России, также является он и писателем, он написал ряд книг в области искусства и даже по мистико-теософским дисциплинам. Он имеет несколько высоких наград, и, среди них, он является с 1914 года кавалером ордена Полярной звезды первого класса.

Quelqu'une

[Статья из неизвестной шведской газеты.] 1918. [3 ноября.] Помещено фото: «Николай Рерих». Перевод со шведского В. А. Цейтлина.

² К спектаклю М. Метерлинка «Слепые» Н. К. Рерих декорации не писал, им были написаны только иллюстрации к этому произведению.

4 ноября 1918 г.

«Что надо человечеству?»

Отвечаю: Необходимо подлинное искусство во всех его проявлениях. Прикасясь к искусству, человечество прикасается к крупнице Великому Творчеству»...

Н.К. Рерих

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

Путь отрицания — безумен. Путь насмешки — бессмыслен. Путь гнева — тёмнен. Путь угрозы и принуждений — крив.

Этими путями град не строится. Ими человечество не восходит. Но близится время прочного созидания. Настал срок отбросить всё случайное. Провести борозды между преходящим скользящим и между творящую силою.

Творить — знание. Знание — Духа. Знание — жизни. Только спокойное сознание создаёт. Только красота укрепляет.

Знать и помнить. И уметь. И чувствовать.

Знание же утвердится только бывшим. Не суждениями нашими о бывшем, но самим бывшим. Тем бывшим, что запечатлевают скромная летопись. Бываем признательны не за суждения, но за изложение истинно бывшего (факты).

Суждения все слишком преходящи. Вспомните, сколько раз за столетие меняются суждения человечества. С улыбкой смотрят преемники на прежние и непреложные выводы. Для них уже странные и неприемлемые. Сравните разновременные истории искусства. Сравните писания одного и того же лица, если между ними легли даже только десятилетия. Примеров — без числа. Примеров — без всякой укоризны, ибо они только подтверждают вечную истину о сложном пути восхождения человечества.

Но как благодарны бываем за каждое истинное сообщение о бывшем. Эти сообщения — искренние пособники светлого знания, светлой красоты.

Не начнём говорить об относительности современных человеческих знаний. Об этом утверждении надо говорить особо. Надо привести поразительных свидетелей из самых разнообразных областей. Теперь только вспомним чистосердечно, как мало мы знаем. Как сильно во всём, надо думать, желание узнать и каждым знанием хоть немного подняться. И ещё раз взглянуть в бездны ещё неведомого. Даже самые глупые, среди пышного самомнения, по счастью, иногда сознают свою неосведомлённость, свой тёмный путь. Мы так мало знаем, что часто приучаемся даже долго говорить о том, чего вовсе не знаем. Особенно теперь часто говорим о вещах, которых мы не знаем вовсе. Даже серьёзные, вдумчивые люди долго беседуют или спорят о том, что им только кажется и чего вообще не было в жизни. Конечно, незнание всё то же, как всегда. Ни больше, ни меньше. Но оно приблизилось к нам. Ощущение его иное. Теперь, когда человечество особо расчленилось, изначальное познание указывает. И властвует. И учит о последующем. Научитесь, человеки!

Но среди относительного имеются понятия, которые можно утверждать непреложно. Среди непреложных понятий, знаем, что знание красоты неизмеримо велико. Знаем, что ничто так не возвысит, ничто так не очистит человечество, как красота. Эти ветхие слова надо твердить. Надо кричать. Ещё столько глухих и одержимых. Надо твердить, что искусством крепнет Дух. Надо не забыть, что в воспитании народа красота явится всегда сильнейшим, самым

убедительным двигателем. Воспитание народа! Думаем о нём, когда всё культурное облечено часто непреодолимыми трудностями. Теперь, когда человечество снова должно побеждать всё тёмное, чтобы опять подняться и овладеть новой ступенью. И если суждено время, когда овца будет лежать рядом со львом, если наконец когда-то придёт человечество к тому, что «и во всех един Господь», то и в этом строении именно красота - огонь сердца - положит лучшее и могучее основание.

Воспитание народа! Красота должна войти в народ. Искусство не должно быть для немногих; оно должно быть всенародно. Но не обманывайте народа. Не делайте для народа умышленных позорных подделок. Дайте народу подлинное искусство в его лучших проявлениях. В его чистых достижениях. Вы уже боитесь, что народ не поймёт подлинного искусства. Вы подозреваете, что именно лучшие проявления будут ему чужды и недоступны. Но мы знаем, что и пророки никогда не извращали учения ради народа. Они учили так, как должно. И тот, кто окажется на известном уровне чистоты, тот придёт, тот поймёт. Тот заразится и уверует. Тот обратится раньше прочих. А за этими хотя бы понемногу обратятся и им ближайшие.

Для толпы пророки не кривлялись, они не боялись сказать подлинные слова. Так же и в распространении искусства не бойтесь настоящего и подлинного.

Не правда ли, кому-то уже смешно. Можно глумиться, можно моргать и корчиться от издёвки. Какой случай поклеветать или шепнуть злобную выдумку. Конечно - за спиною. Конечно - тихомолком. Но эту глупость путь искусства не убавится. Вера любящих искусство не умалится, а моргающий останется тем, что он на самом деле есть.

Долой - злобное шептанье! Долой тихомолки и глупое подталкивание! Около искусства не место тёмным словам, не место клевете. Словарь зла произнесён полностью, но от того не иссяк словарь блага. Неужели опять будем стыдиться его?

Голгофа искусства неизбежна. Она была и будет. Пути искусства творятся подвигом. И много подвигов в окружающей жизни. Умейте увидеть их.

Не столпники, не только мученики завета, но подвижники несут жизнь. И, к счастью, - жив подвиг. И для молодых, для выходящих в путь понятие подвига всё так же светло, всё так же истинно привлекательно.

Подвиг жизни утвердится летописью бывшего. Не случайными суждениями. Труд, творчество, каменные отметы жизни - вписывают почти неистребимые руны. Умейте собрать их. Умейте прочесть. Из этих отмет будущее сложит основание наименее преходящее. В пене устремившихся волн кто уловит наивысшую? Но твёрдо русло ими проторённое. И строен водопад самый бурливый.

Знаем, что лучшие художники смотрели наиболее широко и спокойно, без исключения. Ибо искры искусства неожиданны. И призмы их преломления неисповедимы.

Уничтожающая «самокритика» плохой пособник. Безмерно легче поносить и разрушать, но созидать будет всё-таки лишь глаз добрый. Смотрящий в сущность. Смотрящий во благо.

Вдумайтесь: отчего толпа может тупо и жадно смотреть хоть целый час на издыхающую лошадь, на кровь ран, а не может и четверти часа любоваться

сказочным звёздным небом или зарёю заката? Толпа ещё не умеет это делать. Глаз добрый ещё не открыт. Или, верней, он временно затемнился.

Подумайте. Идеалист Апостол ещё мог, хотя и полубезнадёжно, твердить: «Дети, любите друг друга». Подвижник современности только может безнадежно молить: «Не губите друг друга». Таково развитие человечества.

Человечество настолько расчленилось, настолько разъединилось злыми глазами, ненавистью и подозрительностью, настолько овладела жизнью спекуляция, что эти пути ведут лишь к проклятию и отчаянию. Един путь объединения — путь доброго глаза. Самыми мощными внушениями и заклинаниями мы должны вызывать глаз добрый, глаз созидающий. Глаз не насилующий. Глаз всему находящий место среди необозримо богатой жизни планетной.

И всю мощь блага, всю силу благодати надо собрать тогда, когда к человечеству вслед за ненавистничеством подошло одичание. Подошло равнение по невежеству. Ведь одичание приходит незаметно, тайно во ночи, при зареве огня, при блеске металла. Вдумайтесь: одичание. Скоро человечество содрогнётся, наконец поняв, насколько оно огрубело за последние годы. С ужасом вспомнит, как спокойно человечество начало мыслить и говорить об убийстве, насилии и грабеже. Горе - начавшим убийство! Если бесследно сметались великие государства, распаивались и прахом размётывались «неприступные» твердыни городов, то защищена ли наша культура от выветривания и распада.

Бродят отупелые, одичалые люди. Одичалый человек, конечно, не тот, который обзавёлся хвостом и спустился до мохнатой шкуры. Одичалый человек часто ходит в лучшем платье. Произносит иностранные и странные слова. Думает, что он лучше всех и умнее всех и знает больше всех. Сколько бед вносит в жизнь одичалый человек. Сколько труднопоправимого зла сеет он своим самомнением. Всё сущее требует неустанного труда. Все творцы все свои досуги наполняют упражнениями. Вспомнить лучшую культуру, подняться на ступень можно тоже только постоянными упражнениями, вечным трудом, среди которого сияют озарения знания. Сияют в тиши, непроизвольно для нас. Трудно восхождение, безмерно легко незаметное одичание. Остаётся только видимость человеческая. Претензиям этой пустой видимости можно сказать словами индусов на одном конгрессе, когда им доказывали преимущества христианства. Они сказали: «Ваша религия очень хороша, но мы присмотрелись к вам, и вы, говорящие о религии, ей не соответствуете». Ужасно несоответствие видимости современного человека и его истинной культуры. Мы знаем, как легко ссориться и разрушать. Попробуем же не ускорять нашими повседневными делами смерть нашей культуры. Если бы вы знали! Если бы могли увидеть, что дело истинной культуры стоит очень плохо. Помочь истинной культуре может, прежде всего, искусство, не тенденция, не поучения, но действенная красота, сверкающее искусство во всех его бесчисленных проявлениях.

Вспомним, как мало напитана искусством жизнь даже лучших, даже очень образованных людей. Отрицать это нельзя. А сколько средних людей обходятся вообще без каких бы то ни было явлений подлинного искусства. Это не пугание, не умышленно страшные слова, это просто точное сообщение из жизни. И если крестьянству отчасти безотчётно восполняет влияние искусства — сама нетронутая природа, то городской и рабочий средний класс, за-

давленный условностями каменных глыб городов, особенно страдает от полного отсутствия воздействий подлинного искусства. Отсюда и нелепый язык, и ужасные суждения... Отсюда смрад и грязь жизни, которую нечем прикрыть. Нечем скрасить.

Как должно беречь человечество всегда сохранявшиеся светлые благоуханные ступени Духа. Для сбережения этих сокровищ должно напрячь все свои силы, всё своё умение, должно скромно и доверчиво извлечь словарь блага. У множайших он запылится и лежит под столом, над которым принуждены мыслить лишь о хлебе, лишь о пропитании на завтра. Ужас! Еда, пропитание и невозможность мыслить об истинных двигателях жизни. Словарь зла - погрузил мысли человека (ко брюху) к животу, к животному пропитанию... Как дьявольское возмездие за вызов тёмных сил.

Какое возмездие - именно тогда, когда все ходят какими-то подозреваемыми! Когда жизнь превратилась в проклятье, в тюрьму с обысками и защитой бумажных нелепых удостоверений! Когда подозрительность зла изощрена! Когда среди массы непроизводительных забот и непроизводительных мыслей замолчал дух человеческий.

Возмездие за вызов сил тёмных, которым заклатья не знали.

Об искусстве ли теперь думать? О красоте ли мечтать!? - когда надо строить новую, хотя бы простейшую жизнь. Когда надо укреплять понятия государства, надо возвысить само понятие Родины, надо вспомнить о человеческом достоинстве, о нерушимых словах, о чести и честности. Правда, все эти простые понятия стоят почти новыми заданиями перед значительную часть человечества. Но будем ли мы думать о высоком понятии государства, будем ли мыслить о священном понятии Родины, - везде, где только привходит основа истинной культуры, - везде, прежде всего, предстоит работа искусства. Во всех его проявлениях. Ибо без искусства - нет культуры. Без искусства мертво знание. Без искусства - недоступна религия. Без искусства - нет государственности. Без искусства далеко понятие Родины. Искусство - звено мира, за пределами стран и народов. Человечество, которому предстоит восходить, должно очиститься священным огнём искусства.

Вы, может быть, уже негодуете? При чём тут искусство? При таких краеугольных понятиях. Вы, может быть, заподозриваете уже пристрастие профессии. Но это не преувеличение. И не пристрастие - это просто наблюдение жизни. Это - примитивный опыт первой страницы человечества о священном огне искусства.

Вы мне хотите сказать: «Зачем твердите вы такие известные печи о значении искусства? Мы ведь это достаточно знаем». Скажу: «Друг мой, благо вам, если вы это знаете. Я говорю не для вас, а для тех множеств людей, которые этого не знают. А я знаю, как велики множества таких незнающих. А впрочем, и вы — знающий, покажите, насколько подлинное искусство действительно вошло в ваш обычный жизненный уклад. Многие говорят, что они что-то знают, но деяния их противоречат. Должно не только знать, но и делать. И вера без дел мертва. Сколько поколений ещё должны повторять эти простые слова. А мы должны неустанно молитвенно твердить: «Боже, пошли народам снова дожить до искусства». Именно теперь должны твердить, во время царства сил тёмных, в дни разрушения и скорби.

Спрашивайте!

Почему надо твердить, повторять?

Отвечаю: Повторный удар больнее. Повторный клич доходчивее. Что страшнее всего человечеству?

Отвечаю: Страшнее всего одичание со всеми его мрачными последствиями.

Что лежит в основе всего сущего, непроявленного?

Отвечаю: С Божественным рядом светится Великое Искусство. Лежит песнь познания. Лежит песнь мудрой радости.

Что надо человечеству?

Отвечаю: Необходимо подлинное искусство во всех его проявлениях. Прикасаясь к искусству, человечество прикасается к крупницам Великого Творчества.

Что надо искусству?

Отвечаю: Необходим глаз добрый. Глаз созидающий. Глаз радости, смотрящий на все крупницы прекрасного. Глаз, отвернувшийся от всего безобразного. Глаз, который вернёт человечество ко благовому покою. Глаз, который среди тьмы явлений сумеет найти хорошее и выделить лишь эту ценность от неблагоприятного и ничтожного. А грани искусства, повторяю, неисчислимы.

Сейчас предстоят новые постройки жизни. Улучшенной. Оправленной красотой, правдой, просвещением.

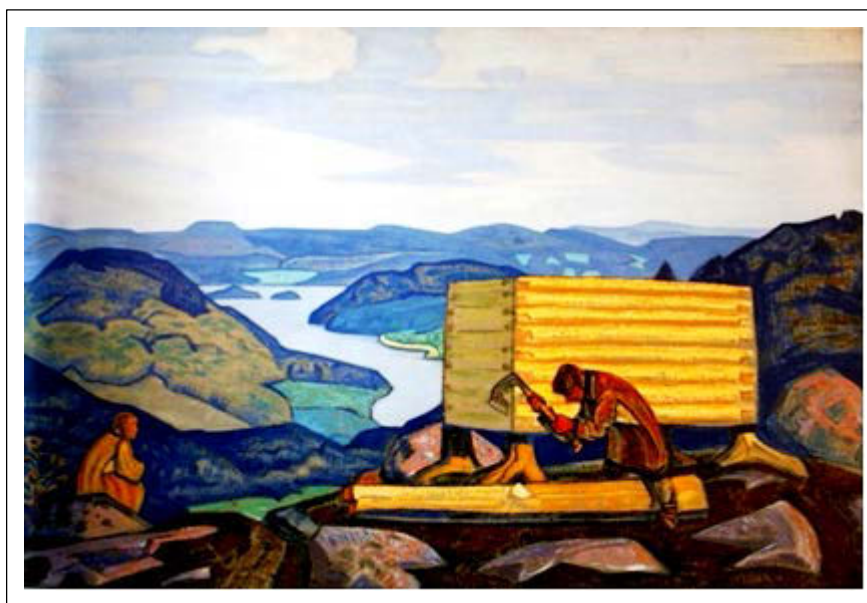
Вы, которые будете строить прочную, законную жизнь! Вы, которые хотите строить жизнь твёрдо и мудро, всегда помните о значении священных озарений искусства.

Вот проклятие и вот жизнь. Жизнь изберите.

Stockholm, 4 Nov. 1918.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Рукопись.

«Сейчас предстоят новые постройки жизни. Улучшенной. Оправленной красотой, правдой, просвещением...»



Н.К. Рерих. Новый дом. 1917.

5 ноября 1918 г. Стокгольм.

Из зарубежной прессы

Выставка всемирно известного русского художника в Стокгольме. Профессор Николай Рерих о современном русском искусстве

Те, кто подробнее познакомился с русской художественной выставкой в Мальмё в 1914 г., очевидно, был заинтересован и немного поражён её содержанием и, конечно, запомнил имя - Николай Рерих. Однако, для знатоков современной русской живописи это имя не было новым. Носитель этого имени был уже долгое время известен, несмотря на свою относительную молодость - 45 лет, он являлся владельцем большого собрания предметов искусства, имеющего международное значение. Но широкой шведской общественности он вряд ли был знаком. Началась война, выставка была закрыта, но картины остались в Швеции, так как доставка их обратно в Петроград была сопряжена с большим риском. Сейчас художник сам здесь, первый раз в Швеции, и готовит выставку как из тех картин, которые оставались в Мальмё, так и из части новых. Выставка будет располагаться в зале Гуммеса и открывается для публики в следующее воскресенье.

Профессор Рерих прибыл в Стокгольм последним пароходом из Финляндии, где он проживает в течение года или можно считать с начала большевистской революции, в Кёксгольском уезде в ладожских шхерах, в одном поселении, которое понравилось ему как своей красивой природой, так и своим своеобразным смешением культур. Здесь встречаются восток и запад, здесь видишь типичные православные церкви, их своеобразное расположение, и здесь же находятся самые крайние очаги скандинавской культуры. Профессор Рерих охотно хотел бы разместить в этих местах родину варягов и, учитывая его большой интерес к археологии, найти следы колыбели поблизости от одного озера, расположенного к северу от Ладоги, которое называется Рюриковское озеро. Сам художник гордится тем, что, возможно, его род имеет скандинавские корни, он не говорит об этом прямо, но, однако, шутит, что слова Рерих и Рюрик имеют что-то схожее между собой. Интересом к варяжским традициям объясняется его любовь к тем местам, которые связаны с деятельностью варягов. Например, Новгород и Псков, мотивы о жизни викингов, возможно, с русским восприятием, но снова и снова появляются в его работах с каким-то мистически-аллегорическим оттенком.

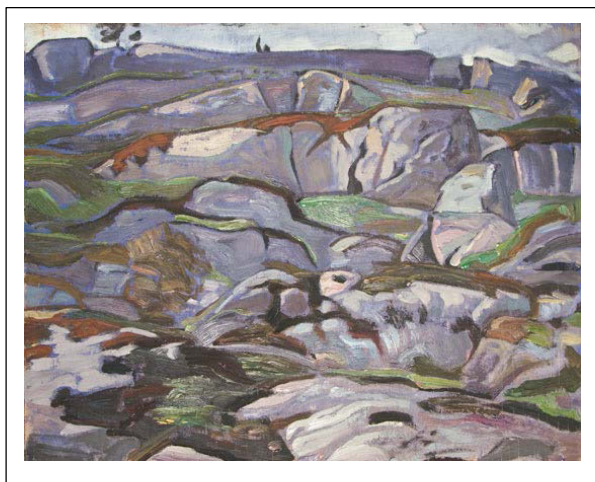
Мистика также накладывает свой отпечаток на спокойного светловолосого художника, на его деликатные высказывания и на его слегка затуманенный взгляд. Среди его картин можно отметить «Град обречённый»: белый и спящий город среди гор, обвитый огромным огненно-красным змеем. Она написана в 1913 г., но в картине ощущается предвидение большевизма. О картине «Ангел последний» можно сказать, что это аллегорически-пророческое произведение, написанное в том же самом году. Это может быть аллегорией мировой войны, и здесь трудно отказаться от мысли, что картина создана под влиянием мистического вдохновения. Почти всё его искусство несёт этот отпечаток, везде встречаешь своеобразную русскую душу, которая ведёт художника по сказочному миру и легендарной святой земле. И это не случайно, что он даже создал изысканные декорации для пьес Метерлинка: «Слепые» и «Сестра Беатриса». Его многогранности, впрочем, также хватает для пейзажей,

портретов и эскизов костюмов. Его выставка будет состоять более чем из сотни работ, часть уже известных из Мальмё, часть только что доставленных из Финляндии. Профессор мог бы показать нам намного больше, если бы не положение в России, заставившее его отправиться в изгнание, покинуть свой дом в Петрограде со всеми ценными предметами искусства, о судьбе которых ему ничего не известно. Многие из его произведений, которые находились в общественных или частных коллекциях, уже уничтожены революционными варварами. Но он говорит, однако, что в определённой степени это может быть хорошим временем для искусства или художников сейчас в России! Именно сейчас в России покупают намного больше картин, чем когда-либо, не государство и музеи, а частные персоны, новые пролетарские капиталисты, и платят они хорошо.

Но в целом для развития искусства Россия не является сейчас благоприятной страной. Многие художники и писатели находятся в изгнании; они относятся к интеллигенции, которая должна быть уничтожена. Каждый, кто остался, должен вступить на большевистский путь: писатель Максим Горький и великий певец Шаляпин. Многие же были убиты или бежали. В Финляндии сейчас находится писатель Леонид Андреев, там же живёт Репин, которые были бы убиты или умерли от голода, если бы остались в России. И количество беженцев непрерывно растёт. Однако в этом году в России было издано не менее двух прекрасных работ о Рерихе и его искусстве.

Сам профессор Рерих хотел бы поселиться в Швеции, и он уже обратился к шведскому правительству о выдаче вида на жительство, осталось лишь найти жильё, но этот вопрос может быть быстро решён. Во всяком случае, он для начала будет оставаться здесь в течение месяца. Из шведских художников знает он и любит профессора Бьёрка и Цорна, и ему очень нравится искусство Карла Ларссона, которое сильно отличается от его собственного искусства. Позже выставка профессора Рериха переедет в Копенгаген и впоследствии, возможно, в другие крупные скандинавские города.

Dagens Nyheter (Швеция). 1918. 5 ноября. Помещены илл. картин Н. К. Рериха: «Звон колоколов», «Старый король», «Град обречённый» и фото: «Профессор Н. Рерих». Перевод со шведского В. А. Цейтлина.



Н.К. Рерих. Скалы и камни. 1917-1918.

[6 ноября 1917] Петроград

Письмо А. М. Арбенина к Н. К. Рериху

Е. В. Р. Господину Николаю Константиновичу Рерих.
Sortavala. Ktimmela, дом Genetz. Сердоболь.
N. Roerich.

М[илостивый] Г[осударь].

Комитет «Мир Искусства» сим извещает, что открытие очередной выставки в Москве состоится 26-го Декабря с. г., в помещ. Художественного Салона. Б. Дмитровка, 11.

Обязательство доставки произведений, ввиду отсутствия транспорта, комитетом о-ва снято.

Сведения для каталога просят сообщить не позже 15-го Ноября К. В. Кандаурову, Б. Дмитровка, 9, кв. 41.

Уполномоченный Комитета

А. Арбенин

Пометка Н.К. Рериха: Получено 14 ноября.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Типографское извещение с рукописными вставками на бланке Комитета «Мира искусства». Наклеены 2 марки. Штамп военной цензуры. На штемпелях даты: Петроград. 06.11.1917. // Сортавала. 26.11.1917.

.

8 ноября 1918 г. Стокгольм
Их зарубежной прессы

Николай Рерих **Интересная выставка русского художника**

В России в данное время эпоха варягов, и это легко понять, что невыносимые нынешние условия должны иметь сдерживающее влияние на всю культурную деятельность, не исключая и искусство. Мы, в особенности в последнее время, здесь, в Стокгольме, часто соприкасаемся с французским, немецким и финским искусством, если не говорить о ещё двух соседних странах, но русское искусство видим мы редко. И это печально, ибо русское искусство так своеобразно и ново, что может в высокой степени разбудить наш интерес. Русское искусство в большей степени, чем искусство других стран, имеет национальные корни, поэтому оно также имеет свой мощный чистопородный стиль. Будем, также, надеется, что ужасное брожение в России не будет продолжаться долго и русское искусство сохранит свои силы для новых творческих импульсов.

Николай Рерих, которого вероятно многие помнят ещё по Балтийской выставке, представляет собой одну из современных, наиболее творческих действующих сил России. Несмотря на скандинавское происхождение по отцовской линии, он проявляет себя в своём искусстве истинно русским художником. Древнерусским легендам и сказкам, которые он особенно любит, придаёт он, используя своё личное восприятие с богатой фантазией, мистически-религиозное звучание. Для того, кто любит живопись не только за форму и цвет, следует посетить выставку в зале Гуммессона и ближе познакомиться с творчеством выдающегося русского художника.

Кроме древнерусских сказочных мотивов из времён варягов и викингов на русской земле, в его творчестве присутствуют исторические и аллегорические темы, а также портреты, фрески и театральные декорации, среди которых можно назвать декорации к спектаклю «Пер Гюнт» для лучшего драматического театра Москвы.

В творчестве Рериха присутствует часто поэтическое или религиозное содержание, определяющее как цвет, так и форму, и часто даже технику письма. Характерным в его творчестве является то, что не надо искать слишком многого на поверхности, гораздо больше можно найти в его сильных личных чувствах и своеобразном восприятии, которое всегда ощущается в его картинах. Для Рериха искусство, по видимому, не цель, а средство. При быстром взгляде может он казаться довольно колеблющимся и трудно найти эту красную нить, пока не рассмотришь его произведения ближе.

В больших декоративных картинах создаёт он мощные формы, как, например, в «Варяжском море», где величественные дракары³ образуют широкую дугу и придают композиции силу, или в «Вечере», где деревья стоят, как часовые, рядом с группой мужчин, которые сидят на корточках, окружённые пустынным пейзажем. Ошеломляющая монументальная работа «Тайный ход» с тёмными, мрачными, напоминающими крепости зданиями на фоне ясного ночного неба. Картина «Покаяние», написав серую запруду и создав мотив безысходности, придаёт он великолепное толкование. И в картинах «Праотцы» и «Заклинание» даёт он полный ход своей фантазии. Чем ближе он приближается к сказке, тем больше выигрывает изображение в силе и выражении. *И отдельно стоящее произведение «Сказ о святом Меркурии Смоленском» выражено сухо и напряжённо.* В серии «Героика» создаёт он произведения полные чувств, картина «Вечное ожидание», с атмосферой глубокого молчания, принадлежит к его одной из самых сильных и выразительных работ.

Цвет часто суховат и землист, и чаще всего полное отсутствие мягких переходов и оттенков делают колорит жёстким и безжизненным. Но эти недостатки, в общем, покрываются мощным написанием линий и поверхностей и живостью изображения.

O-dh

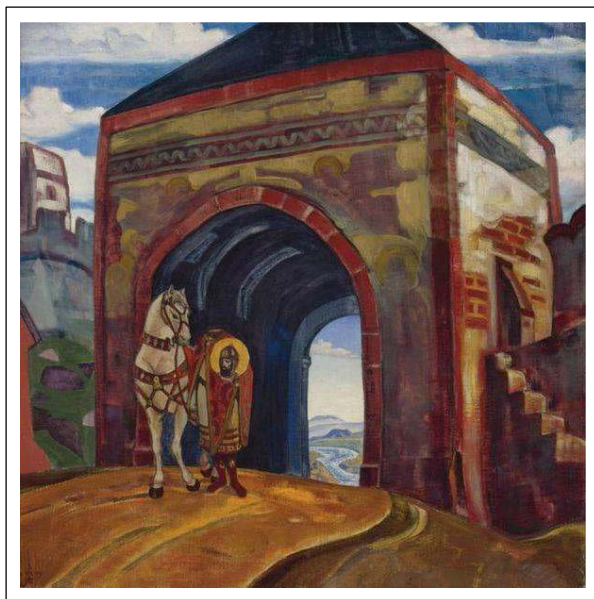
Svenska Morgonbladet (Швеция). 1918. 8 ноября. Помещена илл. картины Н. К. Рериха «Изба смерти». Перевод со шведского В. А. Цейтлина.



Н.К. Рерих. Изба смерти.
(Однотонное воспроизведение в журнале Svenska Morgonbladet (Швеция))

³ Дракары - средневековые корабли викингов.

«И отдельно стоящее произведение «Сказ о святом Меркурии Смоленском» выражено сухо и напряжённо...»



Н.К. Рерих. Св. Меркурий Смоленский. 1919.

ПОВЕСТЬ О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

В городе Смоленске в Петровской купеческой сотне жил молодой ещё человек, именем Меркурий. День и ночь учился он священному Писанию, своим благочестием, постом и молитвою сиял, как звезда богоявления. Был он возвышен душой и часто ходил молиться у креста за Днепром в Петровском посаде.

В то время зловерный царь Батый завоевал и разграбил русскую землю, проливая невинную кровь, как воду, предавая мучениям христиан. И приблизился царь Батый с бесчисленным войском к хранимому богу городу Смоленску, стал лагерем за тридцать вёрст от него, жёг в окрестности все церкви, избивал христиан и готовился к приступу.

Жители Смоленска были в большой печали, целые дни они молились с воплями и слезами в соборной церкви пречистой Богородицы, умоляли всемогущего бога, и пречистую богоматерь, и всех святых уберечь и сохранить их город от всякого зла.

И внял бог молитвам, показал своё попечение о смоленчанах. Неподалёку от города, за Днепром-рекою, был Печерский монастырь. И было видение пономарю в этом монастыре, явилась Богородица и сказала: «пойди, человек божий, да поскорей, к тому кресту, где молится подвижник Меркурий, и скажи ему: «Призывает тебя богоматерь!»

Пономарь поспешил в посад, нашёл Меркурия у креста и позвал его:

- Меркурий!

- Что тебя привело сюда? - спросил Меркурий. Пономарь сказал:

- Иди скорей, брат! Богоматерь призывает тебя в Печерскую церковь.

Когда Меркурий вошёл в святой храм, он увидел пречистую Богородицу на золотом престоле с Христом на руках, окружённую свитой ангелов. Он пал к

ногам богородицы, охваченный трепетом. Пречистая богоматерь велела ему встать и говорила с ним так:

- Сын мой и избранник мой Меркурий! Тебя посылаю на отмщение за пролитую кровь христианскую. Ты победишь зловерного царя Батыя и всё его воинство. А потом придёт к тебе воин светлоликий, ты отдашь ему меч свой, и он отсечёт тебе голову. И возьмёшь ты главу свою в руки, придёшь в град свой и только там примешь кончину свою. Тело твоё будет погребено в моей церкви!

Великие туга и печаль охватили Меркурия, заплакал он и сказал:

- О пресвятая госпожа, владычица, мать Христа бога нашего, откуда у меня, окаянного и худого раба твоего, возьмутся силы на такой великий подвиг? Разве у тебя самой, владычица, нет сил, чтобы победить злобного царя Батыя?

Потом принял от неё благословение, вооружился и одел доспехи, поклонился до земли богородице и вышел из храма. Тут стоял уже храбрый боевой конь. Вскочил Меркурий на коня и выехал из города. Доскакав до полчищ Батыевых, он ударил на врагов и с помощью бога и пречистой Богородицы разбил их, освободил от плена множество христиан, отпустил их в Смоленск, а сам носился по полю битвы, как орёл по воздуху.

Зловерный царь Батый, узнав о поражении своих людей, охвачен был великим страхом и ужасом и обратился в бегство с малой дружиной. Бежал он в землю венгров и там убит был иноверным царём Стефаном.

И тогда появился перед Меркурием светлоликий воин. Меркурий поклонился ему, отдал меч и подставил голову. Приняв усечённую голову в руки и ведя за собой коня, пошёл он, обезглавленный, в свой город Смоленск. Народ, глядя на это, дивился божьему промыслу. И дошёл Меркурий до Мологинских ворот. Какая-то девушка шла за водой к Днепру и встретила его в воротах. Увидев, что святой несёт голову свою в руках, она стала глумиться над ним. Тогда святой пал на пути и отдал богу душу. А конь его исчез в тот же миг.

Узнав об этом, архиепископ смоленский пошёл крестным ходом со множеством народа, чтобы взять и перенести в церковь священное тело героя. И не могли поднять его, не позволил им святой. Поднялся громкий плач и рыдания в толпе: «Не скорби об этом, слуга Господень! Кто послал Меркурия на одоление врагов, тот и похоронит его!»

И три дня лежало тело Меркурия непогребённым. Архиепископ всю ночь молил бога, чтобы открыл ему тайну этого чуда. И глядел со страхом в оконце, что выходило к соборной церкви. И видит: стало светло, среди ночи будто засияла солнечная заря, и в этом сиянии вышла из собора пречистая Богородица с архистратигами Михаилом и Гавриилом. И, подойдя к воротам, где лежало тело святого, подняла его богородица, окутала его своим покровом, и перенесла его в соборную церковь и положила во гроб на том месте, где и доныне стоит он, всеми видим, и творит чудеса во славу Христа, бога нашего, благоухая, как кипарис.

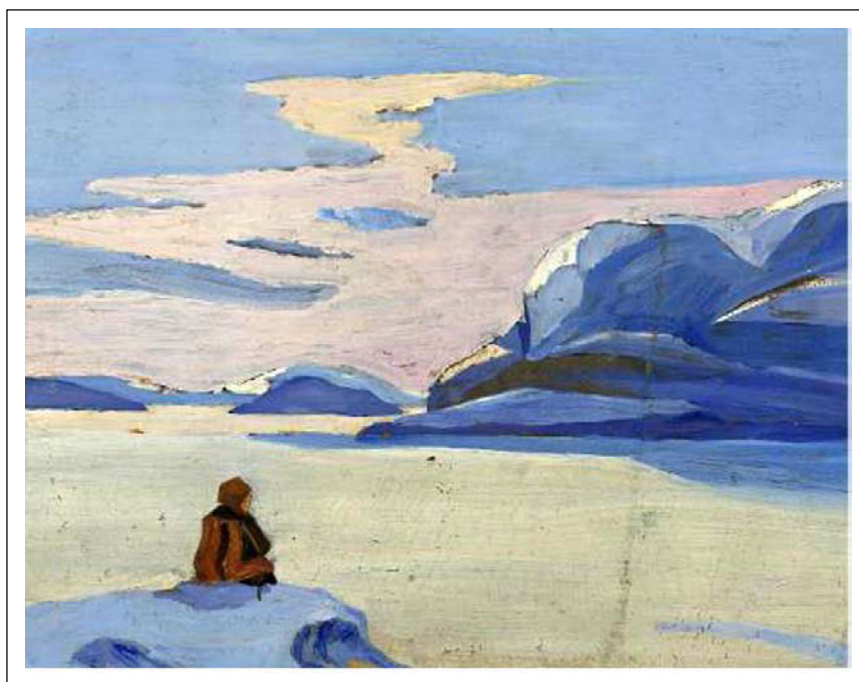
Когда архиепископ смоленский пришёл в собор к заутрене, увидел преславное чудо: святой лежит в гробу на месте своём, будто спит. И стал сбегать-ся народ поглядеть на это чудо, и все славили бога.

Публикуется по изд.: «Русские повести XV-XVI веков» Ленинград. 1958. Гос.изд.худ.лит., Москва

«В серии «Героика» создаёт он произведения полные чувств, картина «Вечное ожидание», с атмосферой глубокого молчания, принадлежит к его одной из самых сильных и выразительных работ».



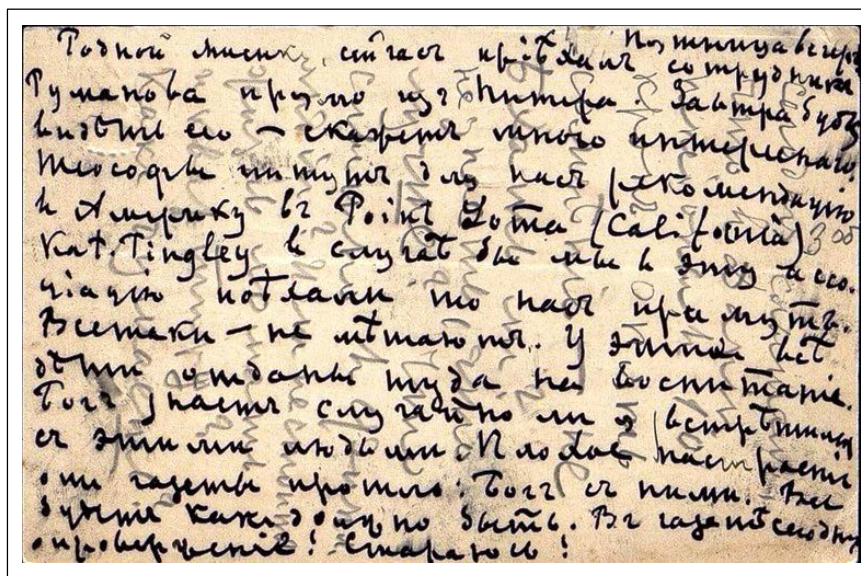
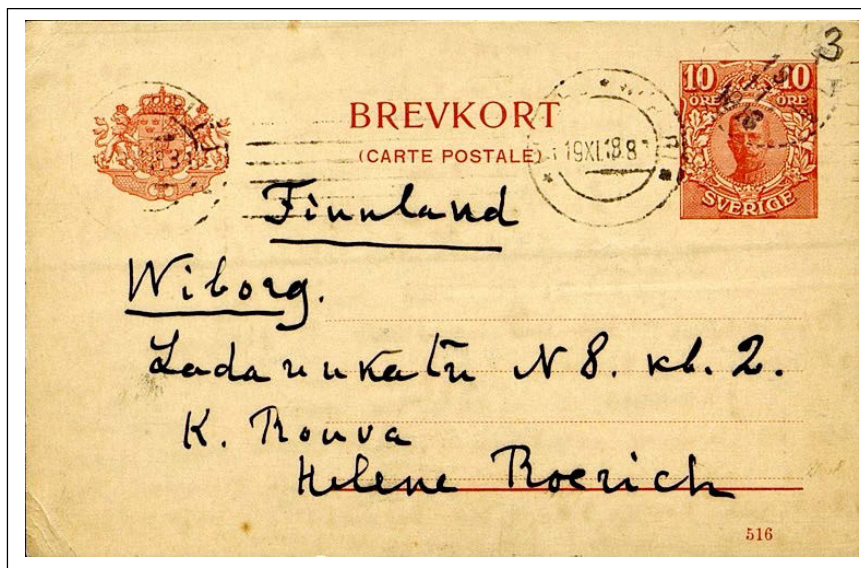
Н.К. Рерих. Вечное ожидание. 1917.



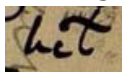
Н.К. Рерих. Ждущая. 1917.

19 ноября 1918 г.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.



Пятница, вечер

Родной Мисик, сейчас приехал сотрудник Руманова прямо из Питера. Завтра буду видеть его - скажет много интересного. Теософы пишут для нас рекомендацию в Америку в Point Loma (California) [Kat. Tingley] в случае бы мы в эту ассоциацию поехали, то нас примут. Всё-таки не мешают. У этих  дети отданы туда на воспитание. Бог знает, случайно ли я встретился с этими людьми. Плохое настроение от газеты прошло: Бог с ними. Всё будет, как должно быть. В газете сегодня опровержение! Стараюсь!

25 ноября 1918 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович!

Живу чудно. С одной стороны, суeta суeta, колониальная (тюрисевская) политика, даже некоторая «студия», где художественно-мейерхольдовская молодёжь досужит свои досуги, и где я вроде развесистого древа, под жидкой сенью которого располагаются путники и просто гуляющие; дома почти не бываю. С другой - почтительно взираю на события в мире.

Они так велики и значительны, эти события, что я впервые смирил гордыни своего ума и еле дерзаю мыслью о том, что в сущности *немыслимо*. Чувствовать можно, и я чувствую огромнейшую и пресветлейшую радость, но мыслить как? «Мерзавец, — нельзя объять необъятное!» — сказал ещё Прутков. Недавно, глубокой и чёрной ночью я возвращался домой по длинной и пустынной тюрисевской дороге, не было ни огонька, ни человека. Только раз прошлёпали по грязи чьи-то ноги и испуганно обошли меня: сам он так и остался невидим, как невидим и навсегда неизвестен остался для него и я. И слева от дороги тихо и мутно, по-ночному шумело море, еле плескалось, а справа, через каждый десяток саженей меня встречали и провожали свирепо гудящие телеграфные столбы. Ещё никогда я не слышал, чтобы эти столбы гудели так громко и напряжённо. В их голосе была страсть, торжество и ширь, почти свирепость. Я останавливался и слушал: это было так странно среди молчания, пустыни и непроглядной тьмы! Не знаю, кто говорил там и о чём, вероятно, глупости и мелочь — спекулянты сговаривались, как поднять цену на керосин, или поздравляли с ангелом. Но мне, одиноко шагавшему среди этой ночи и мглы, казалось, что это весь мир шумит, гудит, кричит и возглашает, передаёт свои небывалые вести, почти библейские сказания. Разрушение германской империи... победа, победа!., сообщите всем: пушки замолкли на Западе!., поражение!., победа!., отречение Вильгельма... отречение, отречение... миллиарды сил, золота, людей... революции... революции... победа!⁴ Потом, придя домой и улёгшись спать, я всю ночь в полусне всё ещё слышал и этот напряжённый и страстный говор мира, где великая победа и великое поражение слились в один вопль, в одно высокое и жгучее пламя.

Куда тут лезть со своими мыслишками. Взираю почтительно, для суда и суждения объявил самоотвод. Когда настоящее так стремительно переходит в будущее, а из-за спины высовывает свой прогнивший нос полудохлое прошлое, когда сцепились в драке не только все люди, цари, законы, но и самые времена — как тут судить, каким аршином мерить, какими *весами* взвешивать? С болью сознаю ограниченность моей человеческой мысли, воистину чувствую себя лавочником, которому бросили на прилавок Юпитер: взвесь!

Но наряду с болью, есть и восторг перед этой самой ограниченностью моей мысли. Да, как ни странно: восторг! Мне трудно это объяснить, но как будто в этом движении и сдвигах, в фатальных взрывах и разрушениях я смутно различаю те *величавые* истинные пути, по которым идёт человеческий мир. Не те правильные дороги, обсаженные тополями или виселицами, которые устанавливает моя человеческая, ограниченная, не самодовольная мысль,

⁴ Начавшиеся 3 ноября 1918 в Киле революционные события привели к отречению Вильгельма II от престола, провозглашению Германии демократической республикой и созданию Советов, которые вступили в борьбу за власть с правительством.

а великие и грозные, широкие, но тайные мути, которые пролагает человечество борьбою всех сознаний, всех волей, страстей и мечтаний. Там живёт правда, которой я ещё не знаю, а кто скажет? - быть может, там синайствует⁵ и сам Бог, которого мы все так мучительно ищем и разыскиваем. Нет-нет - и мелькнёт среди человеческих рук тень какой-то слишком большой руки, чтобы она принадлежала человеку; нет-нет — и среди наших речей и криков прозвучит глухо и тяжело какое-то совсем иное, совсем иное слово. На каком языке?

Не ведаю. Знаю только, что это не английский, и не немецкий, и не русский, и никакой другой человеческий язык. Так было со мною в самом начале этой войны, когда я будто бы прозрел что-то помимо человека, а потом забыл; то же испытываю я и теперь. И оттого не слишком тяготит меня ограниченность моей мысли, и только одного опасаясь: как бы опять не забыть, когда застрекочут громко все английские и русские разумные языки. Уже и сейчас нет вблизи меня ни одного лавочника, который вместо капусты не клал бы на весы Сатурна... а ведь и весы-то большей частью фальшивые! А когда придут мудрые социалисты со своими платформами! А французы со своей непогрешимой метрической системой!

Так вот я и живу, дорогой мой друг: суета с одной, видения и призраки с другой стороны. Но призраки реальнее этой наиреальнейшей суеты, и я очень люблю порою, когда шумит вокруг болтовня, людишки танцуют, поют и милодрамят, — опустить занавес у себя перед носом, погрузиться в тьму не освещённой ещё сцены, где уже огромные декорации на месте, и слушать то. Вообще, хотя сам болтаю достаточно, и в этом смысле есть я истинная жертва общественного темперамента, но занавес держу опущенным: моё представление не для публики. Очень рад сказать, что Анна, жена, также в мире видений, и я не одинок в моём зрительном зале. И «людишки» я сказал не пренебрежительно: есть плохие, но есть и совсем хорошие люди. Но не грезят!

Ваши весточки я получал и каждый раз от души радовался, жалел только, что адреса не было. Чувствую, что заложен хороший камень для будущих отношений наших, и, если проживём, то близко. Если я «духовидец» только по праздникам, то Вы такой всегда, и Ваша реальность, быт, всюду просвечивает. Жалко, что я не видел и не знаю последних Ваших картин, тех, что на выставке⁶, и не могу моими глазами проследить глаза публики: как они смотрят на вот это? это? Конечно, успех должен быть, но, как мне всегда казалось, не у толпы: она примет Вас только на веру, в очаровании красок, а к миру Ваших видений смогут подойти только немногие. Но мне хотелось бы видеть, как они видят? Как они смотрят? Лица и глаза? Вместе с Вами походить бы по выставке и подсмотреть смотрящих. А Вашими глазами я вижу Стокгольм, который люблю, и мне приятно за Ваши глаза.

Что ко мне относятся хорошо, это, конечно, приятно и радует меня. Но недоверчив я! И, когда в толпе хорошо на меня смотрящих, я зрю Арабажина, я смущаюсь и невольно ощупываю себя: всё ли в порядке? Сказать по правде, недоверчивость эта за последнее время ослабела: встречаю действительно

⁵ Неологизм от названия горы Синай, на которой Бог являлся Моисею и сообщил ему десять заповедей (см.: Исх. 19 и сл.).

⁶ С 10 по 30 ноября 1918 выставка картин Н.К. Рериха проходила в Стокгольме.

хорошее отношение (одно Вы знаете), и тут моя радость действительно велика - её вдыхаешь, как солнце, помните, на берегу?⁷

Крепко жму руку и целую Вас. Сколько Вы ещё пробудете там? Могу написать туда ещё раз или лучше на Выборг? Приветствую сердечно.

Ваш Леонид А.

25 ноября 1918 г.

Публикуется по изданию: Леонид Андреев. S.O.S. С. 263-265.

28 ноября [1918]

Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху

Получил Ваше дополнительное письмо, дорогой Николай Константинович, и тороплюсь ответить. «Дневник Сатаны» остался в том виде, в каком он и был, - неоконченным. С Вашего приезда я не написал ни строки - и не думаю писать. Все мои мысли о большой газете и о многих больших статьях, где я выплачу и своё горе, и радость. И читателя мне нужно русского, другого не хочу. Отсюда и неизбежный вывод: ничего дать в Стокгольмское издательство не могу, ибо ничего не имею и иметь не скоро буду. Пусть они не обижаются, не принимают это за неприветливость, а войдут в моё состояние. Вас же - ещё раз крепко целую за настоящую дружбу. Когда-нибудь (скоро) будем вместе работать - правда?

Не рассказал Вам ещё, что здесь в конце Октября были пережиты дни жестокой и бессмысленной паники: ожидали немедленного появления красных из Петрограда. Кой-кто сразу сбежал в Выборг, многие укладывались, многодетные (в том числе и мы) были в недоумении, как быть, - и все плакали над сделанными запасами, коим суждено погибнуть в большевистской пасти. Напрасно я клялся, что ничего не будет, - и клятвам не верили. Потом так же беспричинно успокоились, и беглецы вернулись, будто по делам ездили, но полного спокойствия нет. Волнуют слухи и всякие возможные невозможности и невозможные возможности, непонятные обстрелы побережья, таинственная стрельба. Третьего дня встал на горизонте неизвестный броненосец и долго сверкал огнями выстрелов и грохотал, а в кого — неизвестно. И сию минуту, когда я стучу эти строки, со стороны Кронштадта идёт тяжёлая пальба.

А переезжающие из Питера довольно согласно свидетельствуют, что большевики дышат на ладан и будто даже понемногу перевозятся в Москву, и голод в городе ужасный, вымирают целые семьи. Последнее достоверно, а ладаном уже столько раз дымили, что треба подождать, как говорят в государстве Украинском. Но несомненно, что дни большевиков сочтены: англичане так же мало умеют прощать, как сам Фатум, и меч висит над гусиной шеей Троцкого.

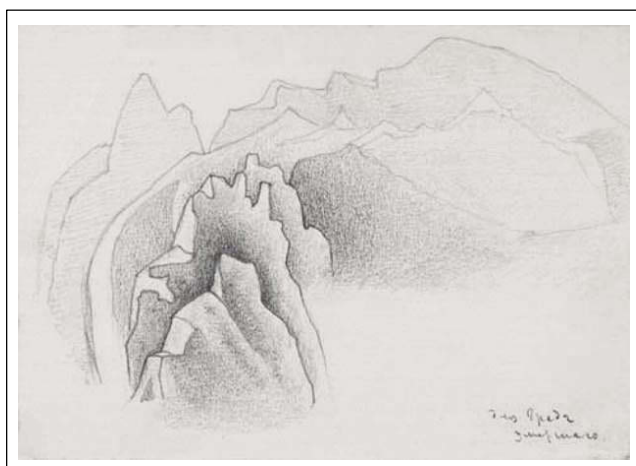
⁷ Из дневника Л. Андреева от 21 октября 1918, ночь: «Днём был перерыв в стрельбе, а вечером снова забухало. Как раз в этот день ко мне приехал Рерих (о котором надо будет особо), с которым мы и утром слушали стрельбу и вечером побежали на Корниш [прибрежная дорога – фр. (ред.)] смотреть. Вечер был лунный, тёплый и ясный, море штилевое, в голубой дымке, как бесконечность, и оттуда приносились величественно гулкие удары с круглыми катящимися раскатами». (Л. Андреев. S.O.S. 1994. С. 152).

Как Вам показалась картина сдачи германского флота? Во всей истории человечества, его войн, его преступлений и наказаний я не знаю ничего равного по силе, простоте и трагичности. Не физическая сила Германии упала, а таинственно сломлен самый дух её: будто не сам флот, потупившись, шёл в английские гавани, а вели его утопленники своими зелёными руками. Сколько было жуткого молчания в этом шествии Кайзеров, Гинденбургов, Вестфалий и Кёльнов! ⁸ Будьте здоровы, дорогой мой друг, и пишите.

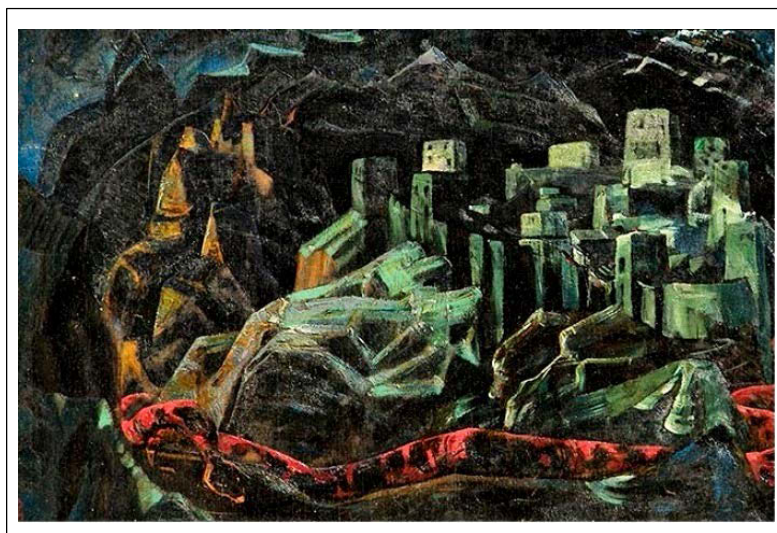
Ваш Л. А.

28 ноября.

Леонид Андреев. S.O.S. С. 265-266.



Н.К. Рерих. Эскиз для града умершего. 1918.



Н.К. Рерих. Град мёртвых. 1918.

⁸ Сдача части германского военного флота в интернирование англичанам произошла в 20-е числа ноября 1918, когда ряд крупных военных судов, в том числе названных Андреевым "Kaiser", "Hindenburg" и "Köln" ("Westfalen" был оставлен немцам), шёл по Северному морю в сопровождении английских судов с остановками в портах на восточном побережье Англии и Шотландии в гавань Скала Флоу (Оркнейские острова).

10 – 30 ноября 1918 г. Стокгольм

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ Н.К. РЕРИХА В СТОКГОЛЬМЕ
1918

RÖRICH
Separatutställning
10 – 30 November 1918
Gummessons konsthall
Strandvägen 17. Stockholm

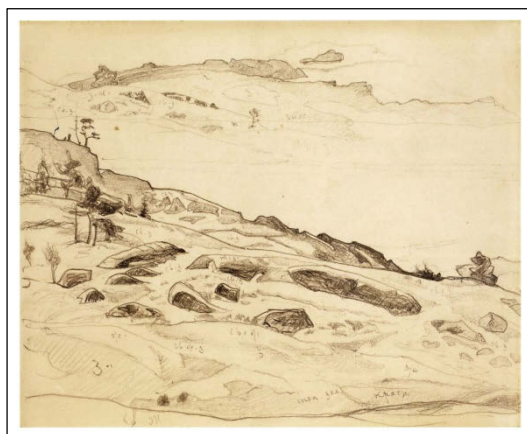
РЕРИХ
Персональная выставка
10 – 30- ноября 1918.
Художественный зал Гуммессона
Стокгольм. Страндвоген,17

-
1. Aftonen (Вечер)
 2. Det heliga berget (Святые горы)
 3. Det forna Ryssland (Старая Русь)
 4. Klostret (Монастырь)
Till. hr. M. Månson
 5. Besvärjelsen (Заклинание)
 6. Bla Bergen. Kaukasien (Голубые горы. Кавказ)
 7. Förfäderna (Праотцы)
 8. Bugur-Stan. Kaukasien (Бугур-стан. Кавказ)
 9. Vikingahavet (Варяжское море)
 10. Maleines rum (Комната Мален)
 11. Avgudarna (Идолы)
 12. Fängelset (Темница)
 13. Stenaldern (Каменный век)
 14. Framför slotted (Перед замком)
 15. Trollens grotto (Пещера троллей)
 16. Slottsgalleriet (Галерея замка)
 17. Drottningens rum (Комната королевы)
 18. Striden (Битва)
Till. hr. M. Månson
 19. Polevskoi stan (Половецкий стан)
Till. hr. M. Månson
 20. Slottsgarden (Двор перед замком)
 21. Ingang till kapellet (Вход в капеллу)
 22. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»)
 23. Drottning Annas torn (Башня королевы Анны)
 24. Slänker (Дары)
 25. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»))
 26. Dekoration (Декорации)
 27. Uppenbarel. (Святое видение /отравление)
 28. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»)
 29. |
 30. |
 31. | Sviten från Karelen (Сюита и Карелии)
 32. | (Intryk.) (Этюды)
 33. |
 34. |
 35. Karelisk gard (Карельский двор)
 36. Cor ardens (Cor ardens)

37. Kyrkans ö (Святое озеро)
38. Hövdingens sten (Камень вождя)
39. Joensu (Йоэнсуу)
40. Famagusta (Фамагуста)
(skiss till dörrprydnad) (эскиз для двери)
41. Morgonfåglar (Утренние птицы)
42. Nidurs sömn (Сон Нидура)
43. Den vita natten. Ladoga (Белая ночь. Ладога)
44. Ladoga (Karelen) (Ладога. Карелия)
45. Slottsberget (Замковая гора)
46. Norrsken (Норвегия)
47. Vila (Покой)
48. Natten | Etuder (Ночь)
49. Dagen. | (Этюды) (День)
50. Asket (Аскет)
(skiss till en tavla) (эскиз к картине)
51. Stenanletet (Landskapsskiss till tavlan "Asket")
Каменные лики (эскиз пейзажа для картины «Аскет»)
52. Hemlig gång (Секретный вход)
53. Niiden Selkä (Хийден Селькя)
54. Vikingadotter (Дочь викинга)
55. Karelen (Карелия)
56. Tuloladalen (Долина Тулола)
57. Konungens dotter med pilar (Принцесса со стрелами)
(Skiss still en tavla) (эскиз к картине)
58. Skiss still tavlan „De sammansvurna“
(Эскиз к картине «Заговорщики»)
59. Sagan om Völund (svitens 1 del). Völund finner Nidurs dotter
Сага о Вёлунде (1 часть сюиты) Вёлунд находит дочь Нидура.
60. Det svarta berget (Чёрная гора)
61. Havets under (У моря)
62. Trappstegen (Ступени)
63. Dimman skingras (Туман рассеивается)
64. Trädgård (skis till ("Prisessan Maleine")
Двор (эскиз к «Принцессе Мален»)
65. Ladoga (Ладога)
66. Vreden (Гнев)
67. Freden (Мир)
68. Polevskoi khan Kostym för Schaljapin (iscensättning av operan
"Prins Igor" i London)
Половецкий хан (Костюм для Шаляпина) (постановка
«Князя Игоря» в Лондоне)
69. Segraren (Победитель)
70. Blått moln Голубое облако)
71. Sagan om Hjala (Hjals död)
Сага о Ньяле (Смерть Ньяля)
72. "De sammansvurna" ur sviten "Prinsessan Malene"
«Заговорщики» (из сюиты «Мален»)
73. Spöken (teckning till samma tavla)
Призраки (рисунок к той же картине)
74. Ånger (Покаяние)
75. Spår (Следы)
76. Morgonens ryttare (skis till "Eques acternus")
Рыцарь утра (эскиз к «Вечным всадникам»)

77. Aftonenss ryttare (skiss till "Eques acternus")
 Рыцарь вечера (эскиз к «Вечным всадникам»)
78. Före regnskuren (Перед дождём)
79. Den snåle riddaren (decoration till Puschkins poem)
 Скупой рыцарь (декорации к пушкинским поэмам)
80. De ha ej farit ännu ... (skiss) (Ещё не ушли... (эскиз))
81. Den förtrolladeormen (Заклинатель змей)
82. Draken och kronan (Дракон и корона)
83. Wodsk församling (från det gamla Nowgorod)
 Водский погост (из старого Новгорода)
84. Noida (Нойда)
85. Framtrollerskan avregn (Волшебница дождя)
86. En förborgad skat (Клад захороненный)
87. Noidas gift. (Зелье нойды)
88. Befallningen (Приказ)
89. Den heliga elden Sviten (Священные огни)
90. De evigt väntande Heroika (Вечное ожидание)
91. Jättarnes död (Сюита (Конец великана)
92. Skattens here «Героика» (Победитель клада)
93. Nattens here (Властитель ночи)
94. Klockornas klang (från det gamla Pskov)
 Звон колоколов (из старого Пскова)
95. Besvärjelsen (skiss) (Заклинание (эскиз))
96. Sagan om den Helige Mercurius av Smolensk
 Сказание о Святом Меркурии Смоленском)
97. Ett budskap till den hellige Feodor Tiron
 Послание Святому Фёдору Тирону)
98. Sjön vid berget (Karelen) (Озеро у горы (Карелия))
99. Kullar. Skisser (Скалы. Эскизы)
100. Moln över kullarna (Облако над скалами)
101. Skis still tavlan (Эскиз к картине «Змей просыпается»)
102. |
103. | Blad ur resalbumet (Листы из путевого альбома)
104. |
105. Regnlandskap (Пейзаж с дождём)

Публикуется по изданию: Елена Сойни «Северный лик Николая Рериха». Самара. 2001.



Карельский пейзаж. 1917-1918. Лист из путевого альбома

ДЕКАБРЬ

6 декабря 1918 г. Стокгольм
Заграничные паспорта Н.К и Е.И. Рерих



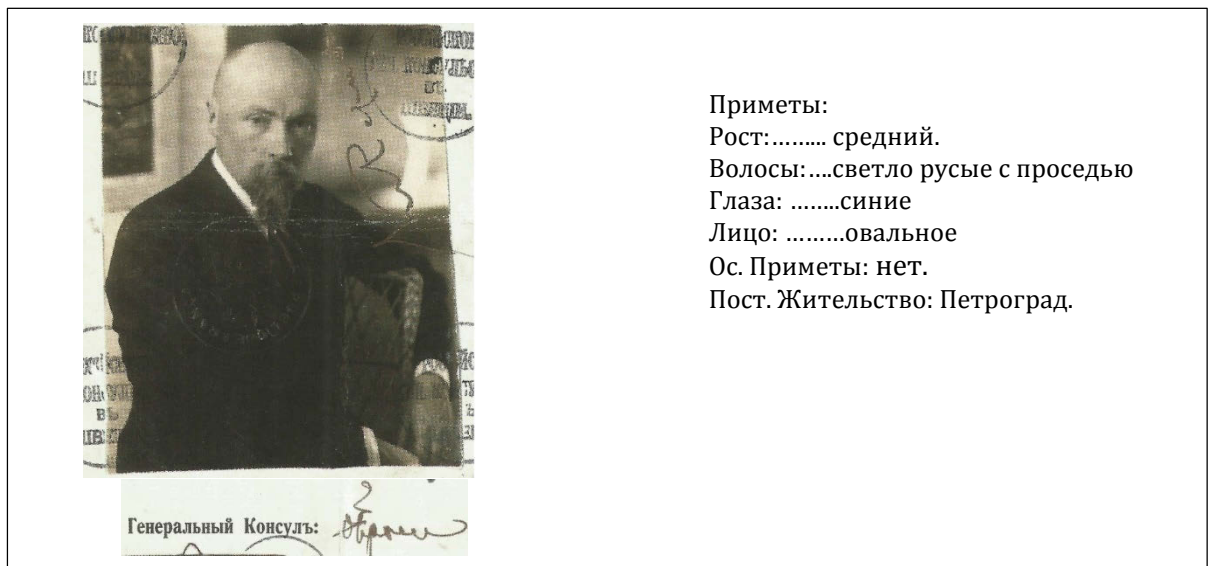
1. Н.К. Рерих

2. Е.И. Рерих

1. По уполномочию Временного Российского Правительства

Объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель.....сего российский гражданин Николай Константинович РЕРИХ, родившийся 27-го Сентября 1874 года в г. Петрограде, имеет место жительства в Швеции. Сей паспорт действителен также для проезда отправляется из Швеции за границу и для возвращения в Швецию.

Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Российского Генерального Консульства в СтокгольмеНоября 23/ Декабря 6 дня 1918 года



2. По уполномочию Временного Российского Правительства

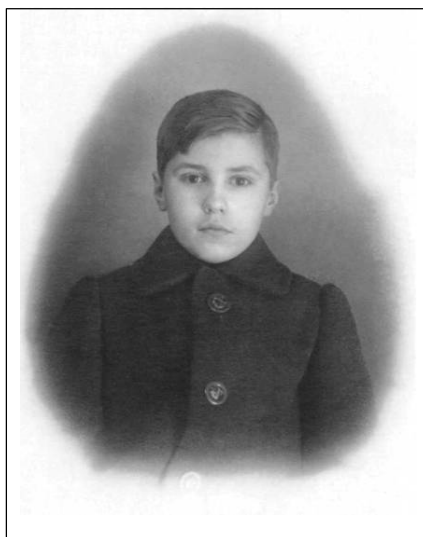
Объявляется чрезсие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель.....сего российский гражданин Николай Константинович РЕРИХ, родившийся 27-го Сентября 1874 года в г. Петрограде, имеет место жительства в Швеции. Сей паспорт действителен также для проезда отправляется из Швеции за границу и для возвращения в Швецию.

Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Российско-го Генерального Консульства в СтокгольмеНоября 23/ Декабря 6....дня 1918 года



Приметы:
Рост:..... средний.
Волосы:....темн. шатен.
Глаза:карие.
Лицо:овальное
Ос. приметы: нет.
Пост. жительство: Петроград.

Генеральный Консуль: 



Святослав Рерих.
Фотография для паспорта 1918 г.

6 декабря 1918 г. Стокгольм
Российское Генеральное консульство

Паспорт Ю. Н. Рериха, выданный Временным Правительством.



По уполномочию Временного Российского Правительства

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что
показатель сего российский гражданин *Юрий Николаевич Рерих*
родившийся 3 Августа 1902 года в
отправляется из-за границы в Швецию. Сей паспорт действителен также и для
проживания в Швеции. -----

Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от
Российского Генерального Консульства в Стокгольме
--- Ноября 23/ декабря 6 дня 1918 года.

Генеральный Консул (подпись)



Приметы:
Рост: средний.
Волосы: шатен.
Глаза: карие.
Лицо: овальное.
Ос. Приметы: нет.
Пост. жительство: Петроград,
23 ноября 1918 г.

Самоличность на изображённой на предстоящей карточке лица
и подлинность его подписи свидетельствуются.

Генеральный Консул: (подпись)

8 декабря 1918 г. Стокгольм
Письмо Н. К. Рериха к Дягилеву С.П.

Дорогой Сергей Павлович.

Пользуюсь случаем послать Тебе весточку. А. Я. Гальперин Тебе передаст её. Спасибо Тебе за Твои дружеские отклики; в наши чёрные времена мы и должны быть особенно близки во имя всего, что для нас ценно и дорого, во имя красоты, которой мы служим. Моя выставка в Стокгольме кончилась. В Копенгагене она будет от 15 Янв. до 1 Февраля. После 1 Февраля вещи могли бы быть отправлены в Лондон, но мне нужно знать условия выставки, издержки и страхование транспорта, количество % с продажи, условия возврата вещей. Всё это мне необходимо знать, чтобы скомбинировать с Гельсингфорсом, где потом предполагается выставка. Сам я пробуду до 20 Декабря в Стокгольме, и потом мой адрес: Finland. Wiborg. Ladaunkatu № 8, кв. 2. Сижу поближе к границе, слушаю, не раздастся ли благовест. А. Я. Гальперин расскажет Тебе, как плохо выглядят Алек. Ник. [Бенуа] и Сомов. Всё это так грустно, так тяжело! Много работаю. Находят, что вещи стали звонче и краше. И только в работе ухожу от чёрной действительности.

Рад был узнать, что и Ты по-прежнему полон дела и по-прежнему своей работой напоминаешь о России подлинной и неисчерпаемой. То, что Ты делаешь, так нужно, так своевременно.

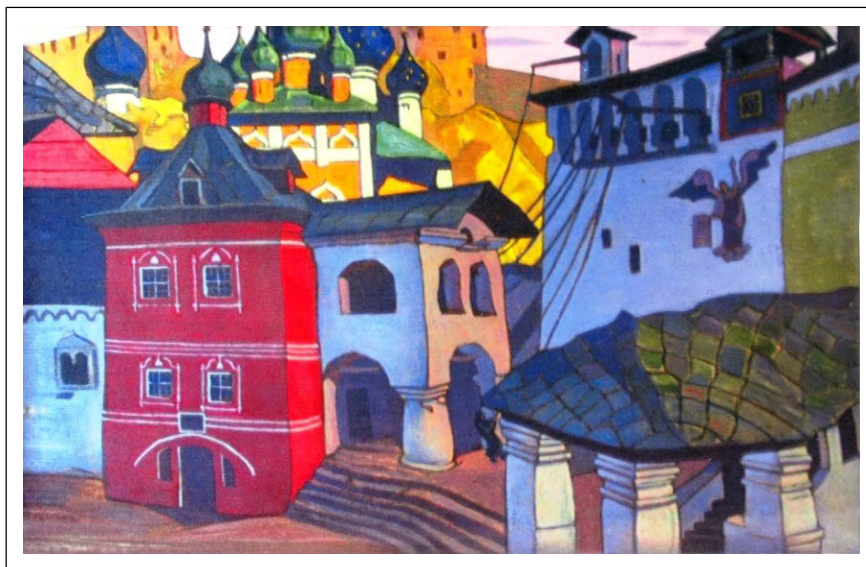
Шлю Тебе искренний дружеский привет.
Душевно с Тобою.

Н. Рерих

8 Дек. 1918 Стокгольм

Библиотека Гранд Опера. Фонд Б. Кохно. Письмо получено от В. П. Варунца.
Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

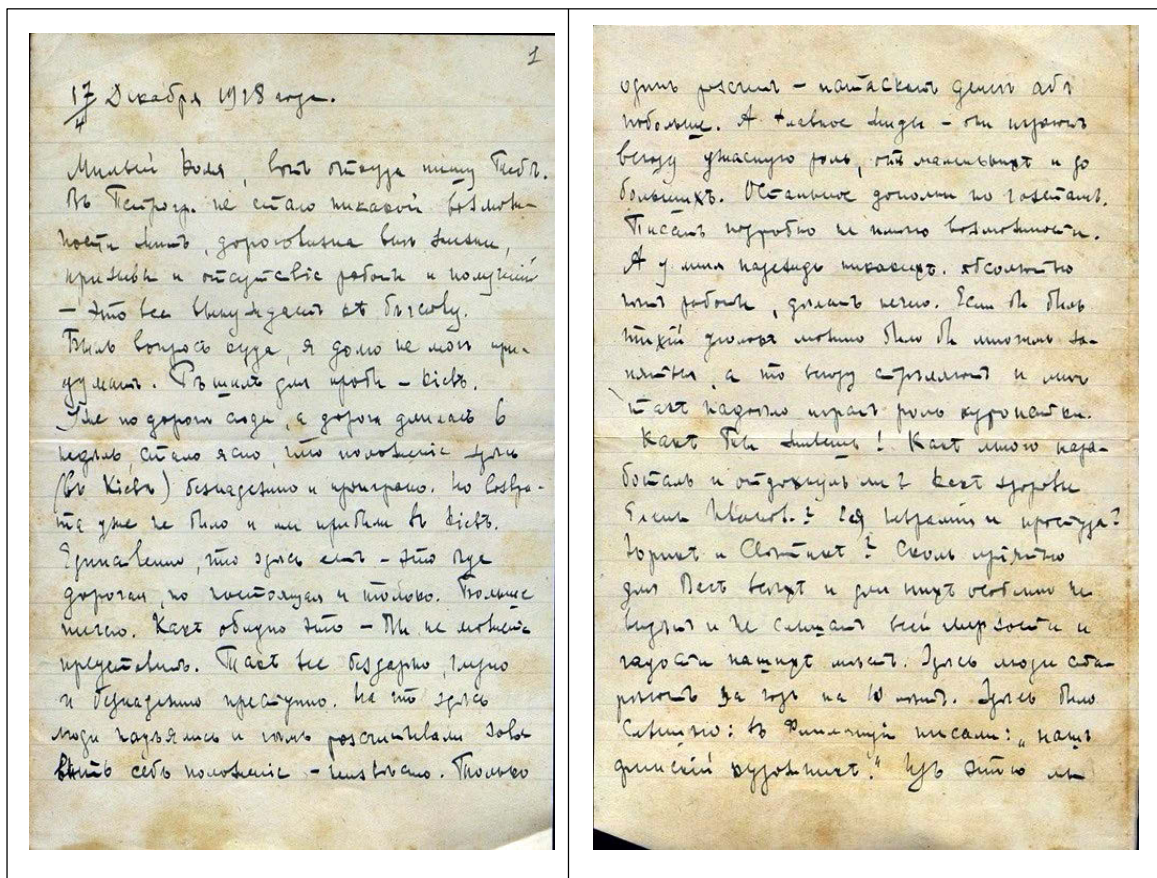
«Сижу поближе к границе, слушаю, не раздастся ли благовест...»



Н.К. Рерих. Звон колоколов (Благовест). 1918.

«Находят, что вещи стали звонче и краше...»

17/4 Декабря 1918 г. Киев.
Письмо Б.К. Рериха к Рериху Н.К.



Автограф письма. Л.1, 1 об.

17/4 Декабря 1918 г.

Милый Коля, вот откуда пишу Тебе.

В Петрограде не стало никакой возможности жить. Дороговизна всё [...], призывы и отсутствие работы и [...] - это всё вынуждает к бегству. Был вопрос куда, я долго не мог придумать. Решил для пробы - Киев. Уже по дороге сюда, а дорога длилась 6 недель, стало ясно, что положение дел (в Киеве) безнадежно и проиграно. Но возврата уже не было и мы прибыли в Киев. Единственно, что здесь есть - это еда дорогая, но настоящая и только. Больше ничего. Как обидно это, Ты не можешь представить. Так всё бездарно, глупо и безнадежно преступно. На что здесь люди надеялись и чем рассчитывали завоевать себе положение - неизвестно. Только один расчёт - натаскать денег [где] побольше. А главное жида - они играют всюду ужасную роль, от маленьких и до больших. Остальное дополни по газетам. Писать подробно не имею возможности. А у меня надежд никаких, абсолютно нет работы, делать нечего. Если бы был тихий уголок, можно было бы многим заняться, а то всюду стреляют и мне так надоело играть роль куропатки. Как ты живёшь! Много ли наработал и отдохнул ли? Как здоровье Елены Ивановны? Её невралгия и простуда? Юрик и Светик? Сколь приятно для вас всех и для них особенно не видеть и не слышать все мерзости и гадости наших мест. Здесь люди стареют за год на 10 лет. Здесь было слышно: в Финляндии писали: «наш финский художник». Из этого мы заключили, что Вам не так плохо жить. Вижусь с Арк. Ден. - делаем деньги - хотя теперь и [завял немного] - даже довольно сильно. Евг. Ник. здесь. Масса из Питера. Соф. Павл. с мужем теперь

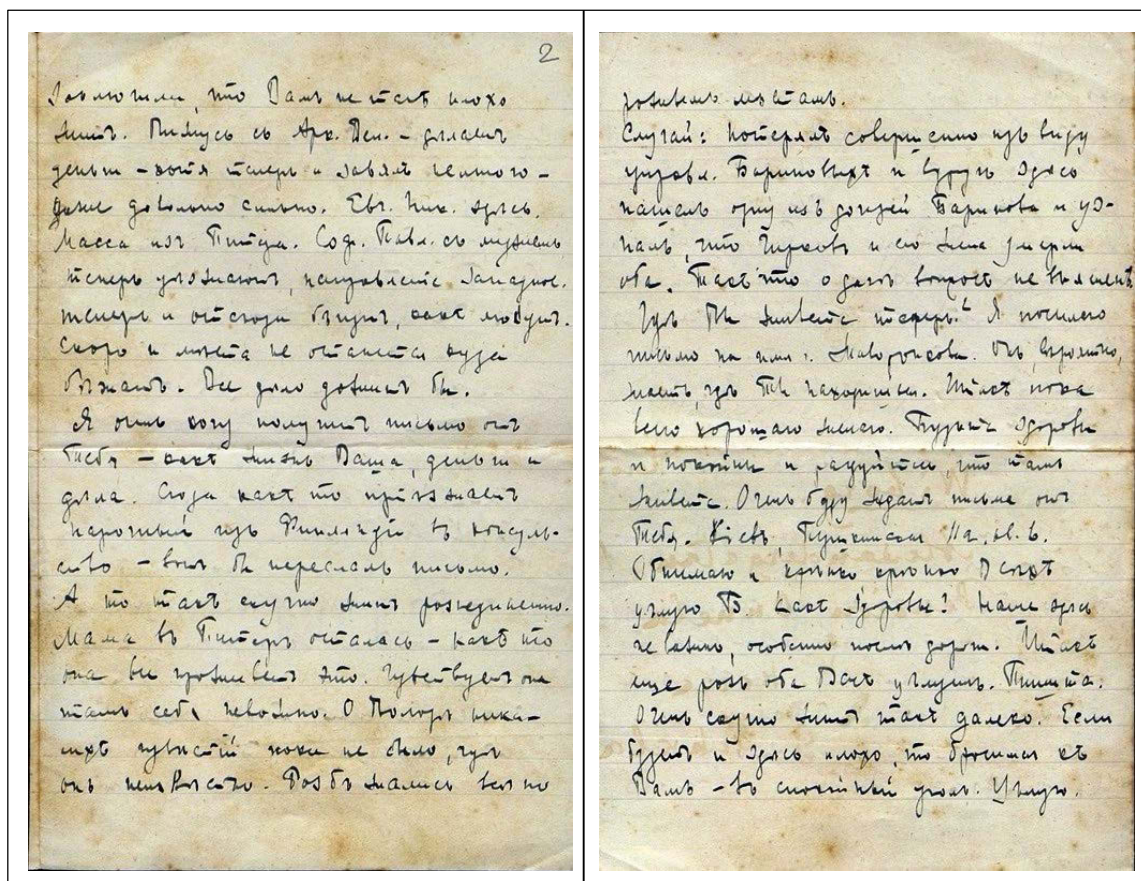
уезжают - направление западное . Теперь и отсюда бегут, как могут. Скоро и мест не останется, куда бежать. Всё дело – дожить бы.

Я очень хочу получить письмо от Тебя – как жизнь Ваша, деньги и дела. Сюда как-то приезжает нарочный из Финляндии, вот бы переслать письмо. А то так скучно жить разъединённо. Мама в Питере осталась - как-то она всё проживает это... Чувствует она так себе, неважно. О Володе никаких известий пока не было; где он, неизвестно. Разбежались все по новым местам.

Случай: Потерял совершенно из виду управл. Бариновых и вдруг здесь нашёл одну из дочерей Баринова и узнал, что [Чирков] и его жена умерли оба. Так что о даче вопрос не выяснен. Где Вы живёте теперь? Я пошлю письмо на имя г. Жаворонкова. Он, вероятно, знает, где Ты находишься. Итак, пока всего хорошего желаю. Будьте здоровы и покойны и радуйтесь, что там живёте. Очень буду ждать письма от Тебя.

Киев, Пушкинская 11а, кв. 6. Обнимаю и крепко, крепко всех целую. Б.

Как здоровье? Наше здесь неважно, особенно после дороги. Итак, ещё раз оба Вас целуем. Пишите. Очень скучно жить так далеко. Если будет и здесь плохо, то бросимся к Вам – в спокойный угол. Целую.



Автограф письма. Л.2, 2 об.

Архив Музея Рерихов, Москва.

1919 г.

«1919 год. Н.К. Рерих в Дании, Копенгаген. Лео Фейгенберг выражает мнение датчан о картинах русского мастера статьёй: «В стране Рериха». Она путями мистическими совпадает с последней, предсмертной статьёй Леонида Андреева: «Держава Рериха», статья написана, отчасти, по поводу картин начатых ещё на острове Тулола (Ладожское море). В этом же году завязалась переписка с С. Дягилевым и Н.К. Рерих переезжает в Лондон. Сер. Филиппс пишет статью: «Очарование России». Появились отзывы Розы Ньюмарш и Музеи Англии Виктории-Альберт и Вортинг приобретают картины Н.К. Рериха».

Д. Бурлюк «Рерих». 1930 г.

ЯНВАРЬ

2 января 1919. Стокгольм.

Личная карточка Н.К. Рериха для проезда в Финляндию на 1918 год.



Личная карточка
для проезда в Финляндию на 1918 год.
Подпись владельца.....
№ 305. Время выдачи 2 января

По настоящей личной карточке владельцу её разрешается неоднократный проезд в Финляндию по станциям до Гельсингфорса исключительно.

Видом на жительство служить не может. Что свидетельствуется подписями и приложением казённой печати.

Архив Музея Рерихов, Москва.

3 января 1919. Стокгольм

Знаменитый русский гость

Русский художник, профессор Рерих - директор художественной школы в Петрограде - будет проводить выставку своих работ в Овенлюссален на Бредгаде. Как и многие из его соотечественников, профессор находится в данный момент в эмиграции и пользуется возможностью познакомить Скандинавию со своим искусством. Недавно завершилась в Стокгольме крупная выставка его работ, которая вызвала сильный интерес.

Профессор достаточно молод, но его работы уже известны большей частью благодаря «Миру искусства». Его картины есть во всех крупнейших музеях, также они украшают Императорский дворец в Петрограде. Повсюду он известен как археолог и, помимо прочего, ведёт глубокие исследования эпохи викингов на Руси. В связи с этим, многие его картины написаны на подобные сюжеты, поэтому вне сомнений, что они не будут чуждыми жителям северных стран.

[Статья из неизвестной газеты.] 1919. 3 января. (Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной).

3 января 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху

Дорогой Николай Константинович! Простите, друг, за совсем невольное молчание. 15-го сего [декабря] со мною приключился довольно серьёзный сердечный припадок, и с тех пор я не могу оправиться. По-видимому, астма. Очень ослабел, задыхаюсь при движении и при всяком малейшем волнении, а то и так — вдруг остановка сердца и удушье. Плохо. Завтра буду серьёзно беседовать с врачом. Писать трудно, и только Ваше второе письмо, которое я получил нынче, взбодрило меня на сей подвиг. Не хотелось бы потерять ни крупицы из Вашего дружеского и милого отношения ко мне.

Справки в гимназии сын достанет. Что касается статьи, то она будет зависеть исключительно от здоровья. Месяц (до конца января?) срок большой, и не останусь же я таким. Если же здоровье не поправится, то - для крайнего случая - нельзя ли будет воспользоваться моим письмом, которое однажды я написал Вам по поводу Ваших картин? По счастью, я нашёл в бумагах его копию.

Настроение не из важных. Впереди целая гора работы, сил, здоровья и энергии нужно, как Геркулесу перед очисткой Авгиевых конюшен, - и быть в это время больным, слабым, инвалидным - нестерпимо. А навозу действительно горы! В нынешнем листке прочёл статью Арабажина и почувствовал трепет перед грядущим архихамством. И быть в одном лагере с этими господами - какое несчастье, какая трагически печальная необходимость! Я невысокого мнения о Керенском, большевики лишают меня жизни, я измучен мучениями России, но когда их, и его, и всю революцию начинает поносить торжествующе и злобно поганый язык осмелевшего труса - мне хочется встать на их защиту. А Струве-Лермонтов?

Насколько видел «Северную жизнь», это приличная газета. И Ляцкий приличный человек, насколько мне известно, и работать с ними, кажется, возможно. Жаль, что не удалось поговорить с Вами. За время Вашего отсутствия я несколько раз был в Выборге, лечил зубы, и сколько было времени для

беседы! А теперь и не знаю, когда пустит здоровье. И на нынешний съезд не поехал главным образом по этой причине, хотя были и другие соображения.

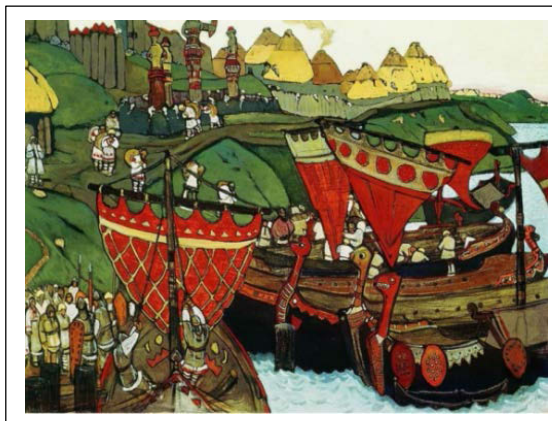
Дружески обнимаю и целую Вас. На днях, вероятно, напишу. Живу я теперь на новой даче (на прежней, было, померли все от сырости и холода) в ста шагах от старого помещения, и принадлежит она моему тёзке, Андрееву, и даже Леониду! Тут тепло и приятно и даже можно бы работать, если бы... да что там!

Ваш Леонид Андреев

3 января 1919 г. Новый год! Что-то в начертании его напоминает звериное число.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. С. 266-267.

5 января 1919 г. Стокгольм



Русский Мастер

Десятого числа сего месяца в нашем городе открывается выставка работ знаменитого русского художника, профессора Николая Рериха. Мы представляем вам одну из самых типичных для него работ, дальнейшая информация будет представлена в дополнительном выпуске.

Berlingske Tidende. 1919. 5 января. Утренний выпуск. Помещена илл. картины Н. К. Рериха: «Из времён викингов» [«Славяне на Днепре»]. Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

5 января 1919 г. Копенгаген

Русский художник

Только в течение нескольких дней в начале года мы сможем поприветствовать большое художественное событие — выставку русского художника, профессора Николая Рериха, представленную в нашем городе.

Выставка прибыла из Стокгольма, где, как и предполагалось, стала большой сенсацией. Стокгольмский Национальный музей приобрёл одну из работ этого русского художника. Не всем датчанам Рерих был неизвестен. Некоторые уже знакомились с русской секцией на Балтийской выставке и хранят незабываемое впечатление от своеобразного, несущего особое настроение творчества Рериха.

На своей родине профессор находится в авангарде российского художественного творчества. Он является директором академии в Петрограде и руководителем художественного объединения «Мир искусства». Кроме того, он участник Осенних салонов в Париже. Его работы есть в музеях Рима, Люксембурга, Лувра и Сан-Франциско. А в Париже, Лондоне, Вене, Праге, Венеции, Милане, Брюсселе и Чикаго проводились его выставки. Повсюду его встречали как одного из самых крупных и заслуживающих внимания художников европейского искусства — особый художественный талант России. Также он создал эффектные декорации для русского балета. Уже написано значительное количество литературы о нём и его работах. Особенно известна монография Дени Роша.

Датчане делают особый акцент на том, что его отец имел датские корни, а мать была русской. Это может быть объяснением его привязанности к Северной тематике. Ни у кого, кроме него, не было такой художественной техники, чтобы вернуть викингов к жизни на своих сказочных полотнах с древними истуканами. Деревянные скульптуры, величавые корабли викингов и одетые в кольчуги воины. На Балтийской выставке были и картины на тему викингов, сочетающие северную фантазию и восточноевропейский колорит; своим необычайным византийским великолепием и особым настроением они до сих пор вызывают восхищение великим русским художником.

К-2

Berlingske Tidende. 1919. 5 января. Утренний выпуск. Помещено фото «Профессор Николай Рерих». Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

6 января 1919 г. Стокгольм

Николай Рерих

Через несколько дней в Овенлюссален на Бредгаде откроется выставка работ русского художника профессора Николая Рериха.

Имя профессора Николая Рериха хорошо известно в художественных кругах нового русского искусства. Безусловно, в нашей стране не было прежде возможности познакомиться с его картинами, с другой стороны, он был наиболее полно представлен на Балтийской выставке 1914 года; также у него были выставки в самых развитых странах: Лондоне, Париже, Вене, Праге, Венеции, Милане, Брюсселе и Чикаго (в Париже он был представлен на Осеннем салоне), его картины есть в различных музеях Европы.

Рерих имеет скандинавские корни - его отец был преуспевающим юристом датского происхождения. В Петрограде он является (или, по крайней мере, был до революции) директором художественной школы при императорской академии. В наш город выставка прибыла прямо из Стокгольма, где его огромные декоративные картины по мотивам древнерусских сказаний вызвали значительный интерес и получили яркие отзывы в некоторых шведских газетах. Но кроме своеобразных фигурных композиций Рерих создаёт театральные декорации, в том числе и для театров Парижа и Лондона. Выставка открывается в Овенлюссален 10-го января.

Politiken (Копенгаген). 1919. 6 января. Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

8 января 1919 г. Копенгаген.

Известный русский художник открывает выставку в пятницу Николай Рерих, русский художник и археолог

Один из самых известных русских художников выставляет в пятницу в Овенлюссале на Бредгаде свои работы, показанные уже перед этим в Стокгольме и вызвавшие большой интерес.

Рериху только 44 года, однако, он уже занял место в русском искусстве. Он действительный член петроградской Академии, почётный Президент архитектурных курсов, почётный член Археологического института в Москве, член Национальной Академии в Реймсе и прочее; его творения насчитывают более семисот картин, они известны в России.

Его картины, в отношении уникальных по энергии и содержанию образов, особенно глубоки, это он перенял у своего учителя Куинджи, придерживаясь древнего изречения о том, что гений — это, прежде всего, усердие.

Николай Рерих начал писать в 1893 году, когда ещё был студентом: его отец хотел, чтобы сын занимался юриспруденцией, но Рерих посещал занятия и в Академии художеств. Сдав в Университете квалификационный экзамен, в Академии он внезапно прекратил обучение — из-за столкновения между старыми учителями и новым поколением. Историк искусства Стасов дал Рериху новый импульс и поддержал его разрыв с юриспруденцией; и после завершения обучения у Куинджи Рерих отправился в Париж.

Его слава началась с первой же выставки в Петрограде, но живопись не стала его единственной целью в жизни. Он также занимался археологией и особенно высоко ценил раскопки древностей в Псковской и Новгородской губерниях. Впоследствии он провёл глубокое исследование русских монастырей, церквей, а также крепостных стен Кремля; это изучение русской истории и культуры пополнило его знание и было использовано в его картинах, а наука даже признала их исторически точными образцами.

У него необычайно многостороннее дарование, как можно понять на его выставке, поскольку Николай Рерих много писал во всех жанрах — все виды живописи от фресок в некоторых новых русских церквях до декораций для ибсеновского «Пер Гюнта» и костюмов для балета Фокина, не говоря уже о пейзажах, картинах, изображающих архитектуру, и картинах на исторические и легендарные сюжеты; они сейчас выставляются в Копенгагене.

Haagen

Nationaltidende. 1919. 8 января. Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

10 января 1919. Копенгаген.

Выставка русского художника

Сегодня для приглашённых гостей открывается выставка великого русского художника Николая Рериха в Овенлюссален на Бредгаде.

Ранее мы уже представили нашим читателям статью об этом русском Мастере и упоминали о его картинах, представленных на Балтийской выставке 1914 года в Мальме. Из числа тех картин на выставке находятся самые значительные — заглавные произведения творчества Николая Рериха — «Варяжское море» и «Идолы». С каким восхищением смотришь на эти поражающие

работы: «Варяжское море», изображающая ладьи викингов драккары на зелёных гребнях волн и викинга на переднем плане, прибывших в чужую страну. «Идолы» — первобытные деревянные скульптуры, сияющие на солнце на фоне тёмно-голубого частокола с белыми черепами на нём.

Здесь мы представляем и другие работы: большое полотно «Вечер» изображает группу русских, одетых в меха, греющихся у большого костра на фоне зимнего холодного пейзажа, при чудном, тусклом свете бледно-голубых тонов.

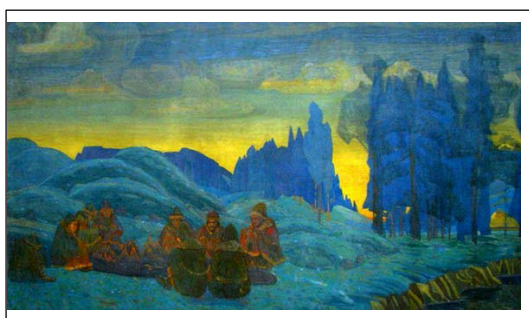
Композиция «Дары» — характерна для картин, изображающих древнерусскую архитектуру со множеством башен и зубцов крепостных стен.

Также свойственна такая колоритность — яркий жёлтый и золотистый цвета фигур в кафтанах.

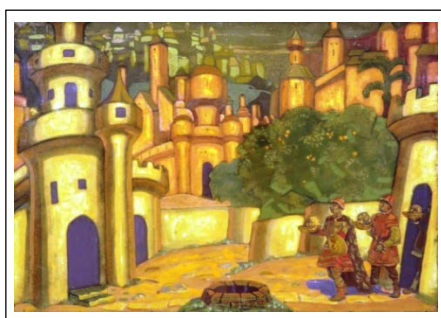
Эти картины дают понять, что декорации Николая Рериха для русской оперы должны быть мастерскими. Этому можно найти подтверждение: небольшие наброски и эскизы декораций к «Князю Игорю», несомненно, представляют собой ценность.

Из других картин можно упомянуть финскую сюиту, написанную в Карелии, с мотивами из Песни о Вёлунде и Саги о Ньяле; сюиту «Героика» с сюжетами древних сказаний и детально проработанный церковный интерьер «Откровения».

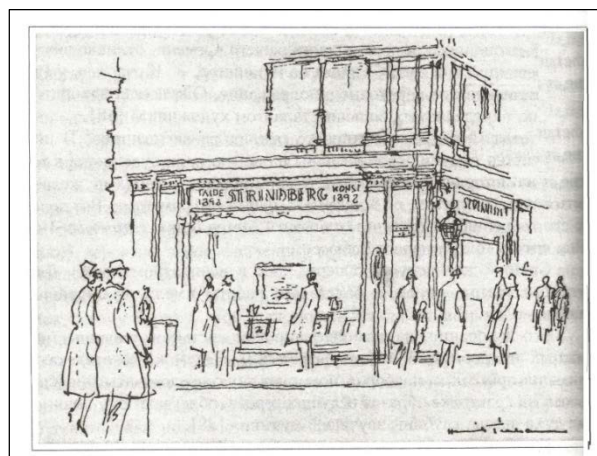
Berlingske Tidende. 1919. 10 января. Утренний выпуск. Помещены илл. картин Н. К. Рериха «Вечер» и «Дары». Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.



Н.К. Рерих. Вечер. 1907.



Н.К. Рерих. Дары. 1909.



Лицевая сторона пригласительного билета на выставку в Салон Стринберга, Хельсинки.

Январь 1919 г. Хельсинки

**КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ Н.К. РЕРИХА В ХЕЛЬСИНКИ
1919**

**Салон Стринберга
Художественная выставка № 71
1919**

АО Типография Линдберга. Хельсинки

Когда Николай Рерих впервые выставлял свои работы в Финляндии, некоторые были добавлены в каталог его выставочных работ.

Рерих как художник лишь отчасти знаком в нашей стране. Однако он не чужд Северу. Недавно он устроил выставку в Стокгольме, и сейчас он приезжает к нам из Копенгагена, где его экспозиция пробудила необычайный интерес. Многие посетители Балтийской выставки 1914-го года наверняка помнят выставочный зал с яркими, своеобразными работами художника.

Характер и пристрастия Рериха ведут его к древности, там фантазия мастера освобождается, часто в тёмных и мрачных тонах. Ему нравятся старые сказания, и он обрабатывает их с той же богатой фантазией, это касается древнескандинавских или древнерусских мотивов. Его интерес к северной культуре, возможно, в определённой мере обусловлен его скандинавскими корнями. По отцовской линии его родственники происходят из Скандинавии, среди родственников матери исконные русские с традициями, идущими от Петра Великого.

Рерих без колебаний отмечает времена древних варягов на Руси в качестве периода исключительного значения для истории русского искусства. Из этого же периода он берёт так много мотивов для своих картин, там зрители чувствуют себя перенесёнными в прошлое – в сказания древнего Севера, с освещёнными солнцем драккарами и викингками в блестящих доспехах и сверкающим оружием.

Ещё одна составляющая искусства Рериха, возможно, ещё более значительна и глубока – мистически-религиозная, конечно же, связанная с его личными склонностями: он также занимается литературной деятельностью, преимущественно обращаясь к мистически-религиозным проблемам. Сложно вкратце дать описание этого мистического элемента, с которым и сказание, и аллегория достаточно тесно связаны. Глубокие мысли являются основой необычных картин со странным сюжетом и сияющими красками.

Подобно безграничной фантазии Рериха его работоспособность и многосторонность интересов великолепны. Помимо исторических и аллегорических картин он пишет портреты, фрески, декорации для балета и театра. Среди вышеназванных можно отметить декорации к «Пер Гюнту» для драматического театра в Москве (которые, несмотря на кажущееся совершенство воспроизведения норвежской природы, всё же отражают стиль художника), а также декорации для известной оперы Бородина «Князь Игорь», к произведениям «Слепые» и «Сестра Беатриса» Метерлинка и многим другим.

Как и большинство работ современного русского искусства, Рерих до сих пор был сравнительно неизвестен нашей публике. Но как в России, так и по всей Европе его работы находятся в крупных музеях: В Риме, Люксембурге, Сан-Франциско и т.д. Он проводил выставки в Париже, Лондоне, Вене, Праге, Венеции, Милане, Брюсселе, Чикаго и других крупных городах.

Появилось множество монографий о Рерихе и его художественном творчестве на разных языках. Среди таковых можно назвать работы А. Бенуа, Дени Роша, С. Маковского, В. Риттера и др.

Профессор Николай Рерих родился в 1874 году. В настоящее время он вынужден находиться на положении беженца в Выборге. Некоторые из его работ на финские мотивы можно найти на выставке.

Каталог опубликован на шведском языке Вступление к каталогу – перевод со шведского А.Е. Лыжиной.

Salon Strinberg
Konstutställing №71
1919
Nicholas Roerich

Салон Стринберга
Художественная выставка № 71
1919
Николай Рерих

1. Aftonen (Вечер)
2. Skiss (Эскиз)
3. Det forna Ryssland (Старая Русь)
4. Berg sjö (Горное озеро)
5. Besvärjelsen (Заклинание)
6. Blå bergen. Kaukasien (Голубые горы. Кавказ)
7. Tillbakavisad (Отверженный)
8. Bugur-Stan. Kaukasien (Бугур-стан. Кавказ)
9. Vikingahavet (Варяжское море)
10. Maleines rum (Skiss till "Prinsessan Maleine")
(Комната Мален (эскиз к «Принцессе Мален»))
11. Avgudarna (Идолы)
12. Fängelset (Темница)
13. Stenåldern (Каменный век)
14. Framför slotted (Skiss till "Prinsessan Maleine")
(Перед замком (эскиз к «Принцессе Мален»))
15. Trollens grotto (Till Per Gynt) Moskwa
(Пещера троллей (Москва))
16. Slottsgalleriet (Skiss till "Prinsessan Maleine")
(Галерея замка (эскиз к «Принцессе Мален»))
17. Drottningens rum (Комната королевы)
18. Himmelssöner (Bibiskt motiv) (Сыновья неба (Библейский мотив))
19. Den vita stenen (Белый камень)
20. Slottsgården (Skiss till "Prinsessan Maleine")
(Двор замка (эскиз к «Принцессе Мален»))
21. Lappenlinna (Лаппенлинна)
22. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»)
23. Drottning Annas torn (Башня королевы Анны)
24. Slänker (Дары)
25. Dekoration till „Prins Igor“ (London)
(Декорации к «Князю Игорю» (Лондон))
26. Dekoration till „Prinsessan Snövit“ (Till Opera Comique I Paris)
(Декорации к «Снегурочке» (для «Опера Комик в Париже»))
27. Uppenbarelse. (Откровение)
28. Dekoration till „Prins Igor“ (London)
(Декорации к «Князю Игорю» (Лондон))
- 29 - 34. Sviten från Karelen (Сюита и Карелии)
(Intryk.) (этюды)
35. Karelisk gard (Двор в Карелии)
36. Cor ardens (Cor ardens)
37. Tempelön (Храм)
38. Hövdingens sten (Камень вождя)
39. Joensuu (Йоэнсуу)

40. Famagusta (Фамагуста)
(skiss till dörrprydnad) (эскиз для двери)
41. Morgonfäglar (Утренние птицы)
42. Nattens ryttare (Рыцарь ночи)
43. Den vita natten. Ladoga (Белая ночь. Ладога)
44. Rodnad (Румянец)
45. Slottsberget (Замковая гора)
46. Norrsken (Норвегия)
47. Cor ardens (Variant) (Cor ardens (вариант))
48. Keekrinlahti (Кекринлахти)
49. Svetainra (Светаюра)
50. Skiss (эскиз)
51. Stenanletet (Landskapsskiss till tavlan "Asket")
Каменный лик (эскиз пейзажа для картины «Аскет»)
52. Hemlig gång (Секретный вход)
53. Hiiden Selkä (Хийден Селькя)
54. Vikingadotter (Дочь викинга)
55. Karelen (Карелы)
56. Tuloladalen (Долина Тулола)
57. Tulolansaari (Тулоансаари)
58. Skiss still tavlan „De sammansvurna“
(Эскиз к картине «Заговорщики»)
59. Sagan om Völund (svitens 1 del). Völund finner Nidurs dotter
Сага о Вёлунде (1 часть сюиты) Вёлунд находит дочь Нидура.
60. Det svarta berget (Чёрная гора)
61. Morgonstämning (Утренняя молитва)
62. Trappstegen (Ступени)
63. Dimman skingras (Туман рассеивается)
64. Trädgård (skis till "Prisessan Maleine")
Двор (эскиз к «Принцессе Мален»)
65. Ladoga (Ладога)
66. Vreden (Гнев)
67. Skiss (эскиз)
68. Polevskoi khan Kostym för Schaljarin (iscensättning av operan
"Prins Igor" i London)
Половецкий хан (Костюм для Шаляпина) (постановка «Князя Игоря» в Лондоне)
69. Segraren (Победитель)
70. Blått moln (Голубое облако)
71. Sagan om Hjala (Hjals död)
Сага о Ньяле (Смерть Ньяля)
72. Holmar (Острова)
73. Skater (Сокровище)
74. Ånger (Покаяние)
75. Dagens ryttare (skis till "Eques acternus")
Рыцарь дня (эскиз к «Вечным всадникам»)
76. Morgonens ryttare (skis till "Eques acternus")
Рыцарь утра (эскиз к «Вечным всадникам»)
77. Aftonens ryttare (skiss till "Eques acternus")
Рыцарь вечера (эскиз к «Вечным всадникам»)
78. Nattens ryttare (skiss till "Eques acternus")
Рыцарь ночи (эскиз к «Вечным всадникам»)
79. Den snåle riddaren (decoration till Puschkins poem)
Скупой рыцарь (декорации к пушкинским поэмам)
80. De ha ej farit ännu (skiss) (Ещё не ушли... (эскиз))
81. Den förtrolladeormen (Заклинатель змей)
82. Draken och kronan (Дракон и корона)
83. Wodsk församling (från det gamla Nowgorod)
Водский погост (из старого Новгорода)

84. «Noida»	(«Нойда»)
85. Framtrollerskan avregn	(Волшебница дождя)
86. En förborgad skat	(Клад захороненный)
87. Noidas gift.	(Зелье нойды)
88. Befallningen (Sviten Heroika)	(Приказ (Сюита «Героика»))
89. Den heliga elden (Sviten Heroika)	(Священные огни (Сюита «Героика»))
90. De evigt väntande (Sviten Heroika)	(Вечное ожидание (Сюита «Героика»))
91. Jättarnes död (Sviten Heroika)	(Конец великана (Сюита «Героика»))
92. Skattens here (Sviten Heroika)	(Победитель клада (Сюита «Героика»))
93. Nattens here (Sviten Heroika)	(Властитель ночи (Сюита «Героика»))
94. Klockornas klang (från det gamla Pskov)	(Звон колоколов (из старого Пскова))
95. Besvärjelsen (skiss)	(Заклинание (эскиз))
96. På den kallasjon	(На студёном море)
97. Ett budskap till den hellige Feodor Tiron	(Послание Святому Фёдору Тирону)
98. Sjön vid berget (Karelen)	(Озеро в горах (Карелия))
99. Englarnas rikedom	(Сокровище ангелов)
100. Moln över kullarna	(Облако над холмами)
101. Skiss "Prinsessan Malene"	(Эскиз к «Принцессе Мален»)
102. Skiss	(эскиз)
103. Kväll	(Вечер)
104. Blad ur resalbumet	(Листы из путевого альбома)
105. Regnlandskap	(Дождь)
106. Före regnskuren	(Ливень)
107. Spår	(Следы)
108. Dimmor	(Туманы)
109. Skiss	(эскиз)
110. Höst	(Осень)
111. Havuksensaari.....	111. Хавуксенсаари
112. Tulolansaari.....	112. Тулолансаари
113. Besvärjelse.....	113. Клятва
114. Skiss.....	114. Эскиз
115. Skiss.....	115. Эскиз
116. Dimma (skis).....	116. Туман (эскиз)
117. Hemlighet	(Тайна)
118. Skiss från Karelen	(Эскиз из Карелии)
119. Skiss från Karelen	(Эскиз из Карелии)
120. Skiss från Karelen	(Эскиз из Карелии)
121. Jordisk värme	(Жар земли)
122. Blå morgon (Skiss)	(Голубое утро)
123. Karnersaari	(Воронья скала)
124. Kirjavalahhti	(Кирьявалахти)
125. TheodorTiron (Rysk saga)	Фёдор Тирон (Русское предание)
126. Skiss	(эскиз)
127. Kaarnesaari	(Каарнесаари)
128. Morgon	(Утро)
129-132. Skiss	(Эскизы)
133. Himmeln söner	(Сыновья неба)
134. Hagel	(Град)
135. Vinterbild (Karelen)	Зимний пейзаж (Карелия)
136. Skiss.....	136. Эскиз
137. Skiss.....	137. Эскиз

Публикуется по изданию: Елена Соини «Северный лик Николая Рериха». Самара. 2001.

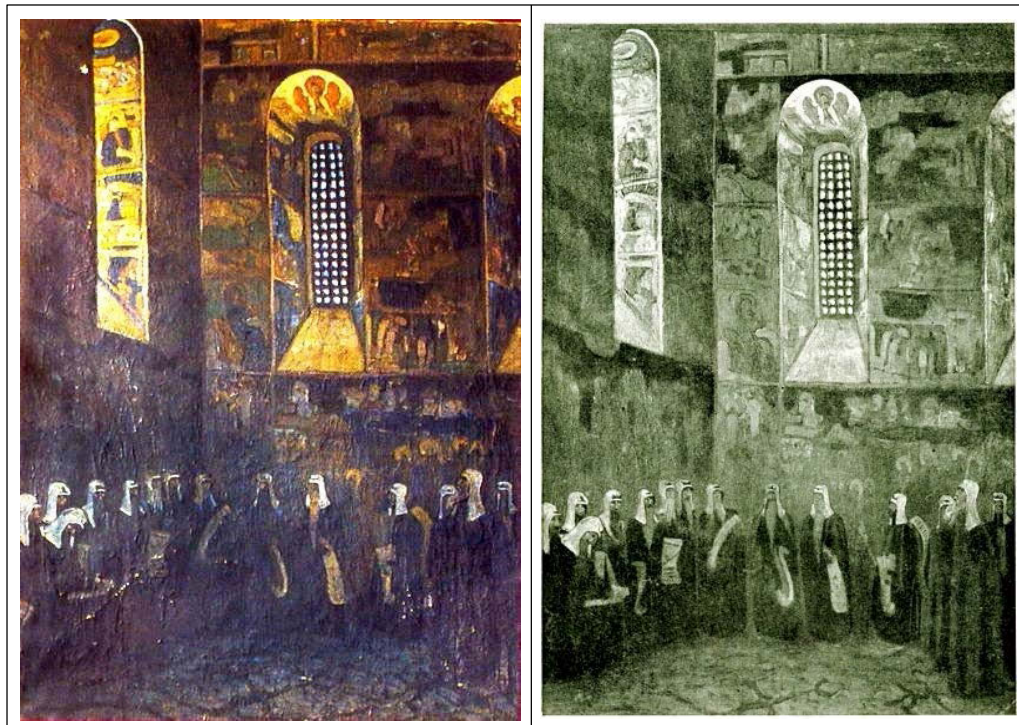
1. Aftonen (Вечер)
2. Det heliga berget (Святые горы)
3. Det forna Ryssland (Старая Русь)
4. Klostret (Монастырь)
- Till. hr. M. Månson
5. Besvärjelsen (Заклинание)
6. Bla Bergen. Kaukasien (Голубые горы. Кавказ)
7. Förfäderna (Праотцы)
8. Bugur-Stan. Kaukasien (Бугу-стан. Кавказ)
9. Vikingahavet (Варяжское море)
10. Maleines rum (Комната Мален)
11. Avgudarna (Идолы)
12. Fängelset (Темница)
13. Stenaldern (Каменный век)
14. Framför slotted (Перед замком)
15. Trollens grotto (Пещера троллей)
16. Slottsgalleriet (Галерея замка)
17. Drottningens rum (Комната королевы)
18. Striden (Битва)
- Till. hr. M. Månson
19. Polevskoi stan (Половецкий стан)
- Till. hr. M. Månson
20. Slottsgarden (Двор перед замком)
21. Ingang till kapellet (Вход в капеллу)
22. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»)
23. Drottning Annas torn (Башня королевы Анны)
24. Slänker (Дары)
25. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»))
26. Dekoration (Декорации)
27. Uppenbarel. (Святое видение /отравление)
28. Dekoration till „Prins Igor“ (Декорации к «Князю Игорю»)
- 29-34. Sviten från Karelen. (Intryk.) (Сюита и Карелии. Этюды)
35. Karelisk gard (Карельский двор)
36. Cor ardens (Cor ardens)
37. Kyrkans ö (Святое озеро)
38. Hövdingens sten (Камень вождя)
39. Joensu (Йоэнсуу)
40. Famagusta (skiss till dörrprydnad) (Фамагуста. Эскиз для двери)
41. Morgonfåglar (Утренние птицы)
42. Nidurs sömn (Сон Нидура)
43. Denvita natten. Ladoga (Белая ночь. Ладога)
44. Ladoga (Karelen) (Ладога. (Карелия))
45. Slottsberget (Замковая гора)
46. Norrsken (Норвегия)
47. Vila (Покой)
48. Natten Etuder | (Ночь)
49. Dagen. (Этюды) | (День)
50. Asket (skiss till en tavla) (Аскет. Эскиз к картине)
51. Stenanletet (Landskapsskiss till tavlan "Asket")
Каменные лики (эскиз пейзажа для картины «Аскет»)
52. Hemlig gång (Секретный вход)
53. Hiiden Selkä (Хийден Селькя)
54. Vikingadotter (Дочь викинга)
55. Karelen (Карелия)
56. Tuloladalen (Долина Тулола)
57. Konungens dotter med pilar (Принцесса со стрелами)
(Skiss still en tavla) (эскиз к картине)
58. Skiss still tavlan „De sammansvurna“ (Эскиз к картине «Заговорщики»)

59. Sagan om Völund (svitens 1 del). Völund finner Nidurs dotter
Сага о Вёлунде (1 часть сюиты) Вёлунд находит дочь Нидура.
60. Det svarta berget (Чёрная гора)
61. Havets under (У моря)
62. Trappstegen (Ступени)
63. Dimman skingras (Туман рассеивается)
64. Trädgård (skis till ("Prisessan Maleine") Двор (эскиз к «Принцессе Мален»)
65. Ladoga (Ладога)
66. Vreden (Бугур-стан. Кавказ)
67. Freden (Варяжское море)
68. Polevskoi khan Kostym för Schaljapin (iscensättning av operan
"Prins Igor" i London)
Половецкий хан (Костюм для Шаляпина) (постановка «Князя Игоря» в
Лондоне)
69. Segraren (Победитель)
70. Blått moln Голубое облако)
71. Sagan om Hjala (Hjals död)
Сага о Ньяле (Смерть Ньяля)
72. "De sammansvurna" ur sviten "Prinsessan Malene"
«Заговорщики» (из сюиты «Мален»)
73. Spöken (teckning till samma tavla)
Призраки (рисунок к той же картине)
74. Ånger (Покаяние)
75. Spår (Следы)
76. Morgonens ryttare (skis till "Eques acternus")
Рыцарь утра (эскиз к «Вечным всадникам»)
77. Aftonenss ryttare (skis till "Eques acternus")
Рыцарь вечера (эскиз к «Вечным всадникам»)
78. Före regnskuren (Перед дождём)
79. Den snåle riddaren (decoration till Puschkins poem)
Скупой рыцарь (декорации к пушкинским поэмам)
80. De ha ej farit ännu ... (skiss) (Ещё не ушли... (эскиз))
81. Den förtrolladeormen (Заклинатель змей)
82. Draken och kronan (Дракон и корона)
83. Wodsk församling (från det gamla Nowgorod) Водский погост (из старого Новгорода)
84. Noida (Нойда)
85. Framt rollerskan avregn (Волшебница дождя)
86. En förborgad skat (Клад захороненный)
87. Noidas gift. (Зелье нойды)
88. Befallningen (Приказ)
89. Den heliga elden Sviten (Священные огни)
90. De evigt väntande Heroika (Вечное ожидание)
91. Jättarnes död (Сюита (Конец великана)
92. Skattens here «Героика») (Победитель клада)
93. Nattens here (Властитель ночи)
94. Klockornas klang (från det gamla Pskov) Звон колоколов (из старого Пскова)
95. Besvärjelsen (skis) (Закливание (эскиз))
96. Sagan om den Helige Merkurius av Smolensk (Сага о Святом Меркурии Смоленском)
97. Ett budskap till den hellige Feodor Tiron (Послание Святому Фёдору Тирону)
98. Sjön vid berget (Karelen) (Озеро у горы (Карелия))
99. Kullar. Skisser (Скалы. Эскизы)
100. Moln över kullarna (Облако над скалами)
101. Skis still tavlan (Эскиз к картине «Змей просыпается»)
- 102 - 104. Blad ur resalbumet (Листы из путевого альбома)
105. Regnlandskap (Пейзаж с дождём)

Публикуется по изданию: Елена Соини «Северный лик Николая Рериха». Самара. 2001.

10 января 1919 г. Стокгольм

«Среди картин, упомянутых в утреннем выпуске, следует особо отметить «Откровение» — затемнённое, но чарующее пространство храма со служителями, торжественно стоящими перед расписанными фресками стенами...»



Н.К. Рерих. Откровение (Владыки нездешние). 1907.
(Справа: Ч/б воспроизведение картины)

Выставка Николая Рериха

Сегодня прошло официальное открытие выставки русского художника профессора Николая Рериха в Овенлюссален на Бредгаде, а с завтрашнего дня она представлена для широкой публики.

Кратко ознакомившись с работами, можно пожалеть, что площадь экспозиции не так велика - картины очень плотно размещены.

Как уже сообщалось в наших утренних выпусках, несколько значительнейших работ Рериха известны после Балтийской выставки. Помимо этого, здесь выставляется ряд других крупных работ, а также множество небольших картин, которые свидетельствуют о фантазии Мастера и яркости его палитры.

Среди картин, упомянутых в утреннем выпуске, следует особо отметить «Откровение» - затемнённое, но чарующее пространство храма со служителями, торжественно стоящими перед расписанными фресками стенами.

Представленные наброски декораций для русской оперы «Князь Игорь» и сюиты «Героика» пробудили всеобщий интерес.

В последующих статьях наши критики дадут отчёт о выставке, как о большом художественном событии.

Berlingske Tidende. 1919. 10 января. Вечерний выпуск. Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

11 января 1919 г. Стокгольм

Николай Рерих

Вчера открылась выставка русского художника профессора Николая Рериха в Овенлюссален.

Первое впечатление от его искусства достаточно сложное и противоречивое. Рерих в совершенстве владеет техникой, которая вместе с фантазией является сильнейшим средством воздействия в его работах. Вся выставка насыщена восточным колоритом и богатством драматического эффекта, что для датского взгляда сродни театру и художественному творчеству.

Но выставка интересна и содержательна из-за своей противоречивости - ряд сложных и богатых картин, которые при близком знакомстве покажут, чем же они притягивают взгляд.

К. Р.

Politiken (Копенгаген). 1919. 11 января. Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

13 января 1919 г.

Русский художник

После Балтийской выставки в Мальме запомнилось имя русского художника Николая Рериха. Экспозиция занимала три зала, и там его своеобразное искусство вызвало сенсацию, как и среди наших художников.

Прошло не так много времени, а он уже вновь выставляет свои работы в Овенлюссален на Бредгаде. Зал слишком мал, и поэтому отсутствуют некоторые из картин, которые были в Мальмё.

Здесь представлена картина «Идолы» - одна из наиболее эффектных картин на выставке. Языческое капище окружено частоколом, увешанным лошадиными черепами - мистический ореол картины отметили на художественном обсуждении. Рерих - своеобразный и превосходный во всех отношениях художник.

Ekstrabladet. 1919. 13 января. Дополнительный выпуск. Помещена илл. картины Н. К. Рериха «Идолы». Перевод с норвежского А. Е. Лыжиной.

13 января 1919 г. Стокгольм.

Николай Рерих

РУССКОЕ ИСКУССТВО

I

Профессор Николай Рерих, одна из центральных фигур русского искусства и председатель объединения художников «Мир Искусства», находится в Стокгольме. Наша газета обратилась с просьбой к такому авторитету в области искусства, как профессор Рерих, написать статью о русском искусстве, первая часть которой выходит сегодня, а вторая в завтрашнем утреннем номере.

Я с удовольствием исполняю ваше желание познакомить шведскую публику с современным русским искусством настолько подробно, насколько позволяют это сделать узкие рамки газетной статьи. Тем более я делаю это с большой охотой, так как интерес к нашему искусству в Швеции, несомненно, растёт, но, как я заметил, знания о нём ещё недостаточны.

Мы до сих пор мало изучили друг друга, а это в интересах дружески настроенных соседних народов, обладать такими знаниями. Всё это зачатки искреннего взаимопонимания, которые предстоит построить более счастливым будущим поколениям. Мир нуждается сейчас в таком строительстве.

До самого последнего времени русское искусство было мало известно в Швеции. На Балтийской выставке в Мальмё по инициативе профессора О. Бьёрка был открыт отдел русского искусства. Талантливый археолог Арне способствовал распространению знаний о древней русской истории; из всех представленных направлений наибольшее значение имели предметы, рассказывающие о связях между северной и южной Русью. Присутствовали также и другие экспонаты, дающие представление о русском искусстве и археологии, но, по большому счёту, они остались для широкой публики чем-то чуждым и непонятным.

Современность использует великолепное наследие античности. И прежде, чем заговорить о нашем времени, я хотел бы бросить беглый взгляд на путь искусства, пройденный им с древних времён.

Много тысяч лет назад, на заре жизни и искусства, в каменном веке, на территории современной России были созданы предметы с такими совершенными формами, что крупнейшие французские учёные (Capitan, Riviere, de Prescourt) сравнили их с классическими египетскими чудесами. Мы изучаем в каменном веке не только примитивную культуру, но также её оригинальность и развитие. Это неверно не делать различий между людьми каменного века и дикарями, как мы делаем различие между умным и глупцом.

Во времена той, полной тайн, эпохи искусство и знание побеждали стихию и собирался первый урожай духовной цивилизации. Мы находим хорошо сохранившиеся, поучительные предметы искусства, принадлежащие той эпохе и подвергнувшиеся влиянию стран Азии и Финикии. В русской древности также пробивается прекрасная антика, часто повторяющиеся явления и стили, наполненные примитивным очарованием. Я подчёркиваю, эти находки с древнейших времён и до великого переселения народов сохранились для нас (находки со времён готских походов, скифско-сарматские находки из курганов). Жаль, что приходится касаться всего несколькими словами этой сказочной и полной значения стороны истории. Земля прячет эти прекрасные изделия, предвестники будущих непосредственных связей между севером и югом, тех великих водных путей «из варягов в греки».

Волшебные арабские сказки, роскошь Константинополя, наследство Рима - всё это распространялось на север и принималось с восторгом.

Так мы подошли к этой интересной эпохе IX-XI вв., когда даже русская равнина отдала с восторгом дань римскому искусству, которое стало для всей Европы в течение нескольких веков источником свежести и кристальной чистоты.

Эпоха варяжского влияния действительно много значит для России. Очевидно, что ассимиляция скандинавской культуры не была случайной. Можно наблюдать её как концентрацию сильной воли и чувства красоты.

Учёные считают, что первые признаки влияния варягов на Ярослава совпадают по времени с действительным становлением государства; в это же время из тьмы на свет начинает выступать искусство и наука. Во времена Ярослава в Киеве было около 300 церквей, украшенный драгоценной мозаикой дворец, напоминающий дворец Роджера на Сицилии. Я напоминаю о роскош-

ных находках в районе Новгорода - первом этапе распространения культуры на север. Всё это надо знать и держать в памяти, ибо мы стоим у истоков прорыва замечательного искусства и самобытного северно-римского стиля, который без преувеличения вызывает чувство энтузиазма и восхищения.

Северно-римский стиль, во взаимодействии с влиянием с востока, должен был иметь действительно значение для развития, и искусству и науке не удалось бы впоследствии продлить своё существование в блеске татарских минаретов. Пришли жестокие времена. Храмы и дворцы разрушались. От них остались лишь руины. И слышался отблеск татарских минаретов над русской равниной снова в восточных сказаниях, но больше уже не мирный, а угрожающий, как само насилие.

Татарское иго нанесло русской культуре неисчислимый ущерб, но, во всяком случае, придало русскому искусству оригинальность.

Благодаря татарскому игу выросла богатая красками Москва, где можно заметить оригинальное влияние более ранних периодов. Расцвела русская иконопись в Москве и Новгороде. Эта эпоха имеет такое же большое значение для русского искусства, как и культура времён Ярослава. До самого последнего времени мы не знали в России, какими большими ценностями являются эти иконы. Их религиозное содержание было сдерживающим фактором для искусства, но когда под тёмным лаком удалось увидеть сверкающие и мистические краски, изысканные композиции, то тогда поняли, что мы обладаем весомой причиной для национальной гордости самой высокой степени. Кто изучит изысканные краски и композицию икон - увидит, что всё в них сливается воедино, всё подчёркнуто оригинальностью, глубиной понимания сюжета, что это навсегда останется в русском искусстве постоянным источником наслаждения.

Такое же оригинальное смешение восточного и западного влияния проявляется в московской архитектуре со всем её самобытным характером, который многие понимают как неуклюжий и игривый, но в котором можно найти черты чистой и высокой поэзии. До наших дней дошло мало хорошо сохранившихся зданий в Великом Новгороде, но на новгородских монетах имеется изображение льва, точно такого же, как лев Святого Марка в Венеции. Этот свободный город мечтал о владении морем, как и Венеция. Затем пришло время московских царей, пропитанное схоластикой и последними догмами Византии. Сверкающие краски икон скрытые за золотом и серебром, жизнь, заторможенная доктринами. Назревал кризис, и он пришёл вместе с Петром Великим, который сломал старые формы. В своём восстании против доктрин он также разрушил многие из предшествующих оригинальных бесценных произведений искусства. Бесконечное поле для предположений; как бы развивалась жизнь, не окажи Пётр влияние на её развитие.

Но если мы посмотрим внимательным взглядом, то окажемся правы. Не было бы искусства, введённого благодаря заслугам Петра и его наследников? Не было бы городов, заложенных Петром, и построенных им дворцов? Не было бы иностранных мастеров, а призвал бы он только халтурщиков?

Нет, искусство со времён Петра и до Екатерины II было плодоносным и возвышенным. И те, кто захотят изучить русское искусство, должны изучить должным образом эту эпоху. Следовательно, если в древнерусской истории искусство каменного века и времён переселения народов оставляет такое сильное впечатление, то также и в России Петра искусство достигло значи-

тельного уровня. Во времена великих князей встречаемся мы с остатками культуры скандинавской Руси, после этого у нас появляются вышеназванные бесценные иконы. И XVIII век придал нашему искусству западноевропейский импульс.

Екатерина II основала Академию художеств. Русские художники проявляют себя уже с большей силой. В именах Левицкий и Боровицкий мы видим уже представителей русской живописной школы, свободной от иностранного влияния. Довольно трудно в таком коротком обзоре назвать многочисленные имена тех, кто содействовал созданию русской художественной школы, но когда Академия укрепилась, появились у нас такие великие имена, как Брюллов и Бруни. Здесь проявляется полное значение Академии. Одновременно появляется богатый русский жанр живописи, связанный с именем художника Венецианова, создавшим собственный крестьянский мир в своём искусстве.

Тихо протекает подъём русского искусства в середине XIX века. Это время расцвета академического искусства, официального портрета и оригинального крестьянского жанра. Но живые силы русского народа были всегда против традиционных направлений в искусстве, появляются блестящие исключения, художники, чьи работы останутся бессмертными.

Так появляется в самой середине академического периода замечательный Александр Иванов, художник-аскет, художник-фанатик в своём положении, который посвятил всё своё творчество библейским сюжетам. «Явление Христа народу», полотно, которое Иванов написал в Италии после скрупулёзного изучения темы и большого количества религиозных композиций, является блестящей страницей в истории русского искусства. Вся его творческая жизнь полна загадок, и такой же загадочной была его неожиданная смерть.

В XIX веке вместе с освободительным движением появилась новая революционная школа в искусстве. Оппозиционеры были представлены молодой группой художников во главе с Крамским, они протестовали против академического застоя и добровольно покинули Академию художеств. Эта группа создала свободное объединение художников и представляла своё искусство в организованном ими «Товариществе передвижных выставок». К ним присоединился Куинджи, непревзойдённый мастер пейзажа, поэт ночи и предшественник свежей струи импрессионизма. В этой компании начал свой путь в искусстве старец Репин, и отсюда пришёл он к своим современным работам, сильным и оригинальным в своём отображении реальности. Здесь творил Шишкин, художник леса. Здесь же свои первые шаги делали религиозные художники [В. М.] Васнецов и Нестеров в своём высоко просвещённом особом жанре. Васнецов покинул религиозное искусство и посвятил себя созданию великолепных исторических и сказочных произведений, а Нестеров в своих религиозных мотивах создал незабываемую интимность, которой обладает восхитительный русский пейзаж, достиг того мистического настроения, в котором многое в русской жизни имеет свои корни. С ними вместе был и великий Суриков, могучий титан, который воссоздал в своих полотнах древнюю Москву и русский народ того времени своеобразно и притягательно.

Наравне с этими художниками стоит Левитан со своими полными поэзии пейзажами, самый светлый представитель русской школы. Ещё мы не должны забыть замечательных художников-декораторов Коровина и Головина, работы которых стали известны Европе благодаря режиссёру Дягилеву. Константин Маковский был также передвижником в первый год создания общества, и

его работы, созданные в тот период, получили широкую известность. В. Маковский, Перов, Ярошенко, Савицкий создали группу жанровых художников, возможно с привкусом поучительности. Несмотря на свои заслуги в живописи, они противопоставляли себя передвижникам.

Говоря о передвижниках, не должен я забывать о следующих художниках, чьи произведения, созданные в тот же период, получили широкую известность: замечательный мастер пейзажа Саврасов, лирический жанровый художник Максимов, работавший в жанре портрета и мотивов народной жизни Богданов-Бельский, а также Кузнецов, создавший ряд замечательных портретов.

Академия художеств, к которой в то время принадлежали такие художники, как Айвазовский, Верещагин, Виллевалде, Боголюбов, Гунн и многие другие, естественно, не могла со своим консерватизмом выиграть в конкуренции у свежего, полного активных жизненных сил, характерного Общества Передвижников.

Выше всех среди них, несомненно, стоит Верещагин, несмотря на выражение академических тенденций тех дней, непревзойденный мастер реализма и батальной живописи.

Ещё одним фактором снижения авторитета Академии и подъёма роли Общества является застывшие формы искусства во времена Александра III. Во главе национально художественной школы стоял архитектор Стасов. Он присоединился к кругу архитекторов и художников, некоторые из которых были названы, что не совсем точно соответствует понятию национального, но они сделали успешный выбор перспективного пути развития. Здесь я особенно заостряю внимание на иллюстрациях Поленова и Малютина к сказкам в работах Коровина и Головина, которые расширили пути для трёх ныне существующих направлений в искусстве.

Николай Рерих

Svenska Dagbladet (Швеция). 1919. 13 января.
Перевод со шведского В. А. Цейтлина.



Н.К. Рерих. Русский город. Виньетка. 1919.

14 января 1919 г.

РУССКОЕ ИСКУССТВО

II

В 1890 годах в русском искусстве появились новые факторы. Новое направление живописи, такое как западноевропейский импрессионизм, всё более распространяющаяся эклектика среди русских художников и появление новых художников из высокообразованных кругов способствовало появлению нового могучего объединения, которое в истории искусства стало известным под именем «Мир Искусства».

Организаторский талант Дягилева (его художественная деятельность везде оценена высоко) и способность соединить вместе прекрасных художников стали основой новой фазы в искусстве. Давайте бросим беглый взгляд на эту группу. Некоторые из них принадлежат к выдающимся художникам из передвижников, другие, наоборот, стоят совершенно обособленно и дали новый импульс молодым. Среди тех, кто пришёл позже, но внёс в группу огромнейший вклад, можно особо назвать имя Врубеля. Не из личных симпатий (хотя они, конечно, тоже очень сильны), но из глубокого понимания значения Врубеля для русской живописи, так что я должен указать на него особо. Он у нас единственный в своём роде. Никто, как он, не проник в мир мистики и фантазии, никто не понял, как он, — как усилить своей техникой влияние волшебной силы на зрителя. Нельзя переоценить значение его произведений.

Совершенен и многогранен Врубель в манере, но также ясен и притягателен Серов. Его портреты, пейзажи и жанровые картины характерны той свежестью, которой отмечена его индивидуальность. Кто-то назвал Врубеля волшебником, Серова аристократом, Бенуа алхимиком и Сомова русским помещиком.

Произведения Сомова необычайно элегантны и глубоки по восприятию. Его сюжеты из старой русской помещичьей жизни с выдуманными высокомерными маркизами сделали его весьма ценным. Александр Бенуа стал известен не только благодаря его картинам из жизни императорского двора, но и благодаря своему глубокому знанию истории искусства.

У Бакста прекрасный, чисто декоративный талант, который и настоящее время получил заслуженное одобрение в Париже в Лондоне. Бакст сконцентрировался на театральных декорациях и костюмах и достиг необычно высокой популярности в этой области.

Чрезвычайно тонкий и искусный Лансере замечателен непосредственной близостью, интимной передачей цвета и составлением композиции. Он также талантлив в создании сценических эффектов.

Билибин — оригинальный и умелый иллюстратор сказок, также связан с работой в театре.

Вообще, можно сказать, что у художников из «Мира Искусства» огромное желание способствовать проникновению искусства в реальную жизнь и распространение прекрасного среди широких слоев общества. Поэтому они и уделяют большое внимание театру и публичным представлениям.

Кроме Бакста, Бенуа, Лансере и Билибина, в театральной области работают также Кустодиев, Сапунов, Судейкин, Анисфельд, Добужинский и Стеллецкий.

Это тоже полезно знать.

Кустодиев - талантливый портретист, но кроме этого он работает в специальном жанре - русская крестьянская повседневная жизнь.

Сапунов (к сожалению, рано нас покинул) и Судейкин: замечательные театральные декораторы с красочной колоратурой. Анисфельд, что касается красок, близок к ним, его работы оригинальны и экзотичны. Он также пишет эффектные натюрморты. Добужинский работает в основном как театральный декоратор, но кроме этого он и деликатный график. Стеллецкий притом работает дома в области скульптуры, также он интересен своими графическими работами. К этой группе можно отнести и мастера цвета Петрова-Водкина. К группе «Мир Искусства», по моему мнению, можно также отнести по характеру его творчества другого рано умершего художника. В своём творчестве он обращается к романтическим сюжетам из старой жизни аристократов, и здесь он близок к Сомову, но в его творчестве больше поэзии и мистической тишины. Это Борисов-Мусатов.

Такая же тяга к творчеству притягивает многих из названных художников к графике и гравюре. Остроумова - ещё одно имя в этой области.

За последнее время «Мир Искусства» пополнился новыми выдающимися членами, из которых можно назвать Яковлева (замечательный по технике и портретист) и Григорьева. Каждый любитель русского искусства будет постоянно встречаться с этими именами.

Рядом с «Миром Искусства» стоит строго закрытая группа Союз московских художников. Союз богат творческими силами. Здесь выставляются как Коровин, так и Головин. Другой член Союза Юон (пейзажист с оттенком фантастики). Члены закрытого общества: Аполлинарий Васнецов (пейзажист и мастер сюжетов из жизни древней Москвы), Архипов, Виноградов, Переплётчиков создали, так сказать, связующее звено между Союзом и Передвижниками. Совершенно обособленное положение занимает группа Петроградских художников: интимный пейзажист Рылов, выдающиеся портретисты Бобровский и Малявин, последний ещё и жанровый живописец, Бродский и другие.

Было бы несправедливо пройти мимо группы архитекторов и скульпторов, которые близко стоят к «Миру Искусства» и «Союзу». Первейшим среди современных русских архитекторов, без сомнения, является Щусев, который удачно соединил богатую античную архитектуру с современными западноевропейскими идеями. Щусев создал здания с прекрасными линиями и пропорциями. Многие церкви и общественные здания — дело его рук.

Другой архитектор - Шуко - стоит ближе к Западной Европе. Он занимает значительное место в Петрограде. Жолтовский (Москва), Лансере (Петроград) и Таманов принадлежат той же самой архитектурной группе.

Скульпторы тоже стоят близко к практической жизни. Матвеев и Кузнецов удачно украсили скульптурами монументальные здания. Конёнков (Москва) вызывает нежные чувства своими работами.

А сейчас мы подошли к самому сложному периоду в русском искусстве. Здесь трудно что-то сказать со всей определённойностью.

С одной стороны, Академия художеств достигла определённых успехов, но, несмотря на реформирование (1895) и подготовку её преподавателями замечательных художников, ей не удалось освободиться от старых застывших догм и предрассудков. Свежесть и жизнь в искусство принесли отдельные группы художников, стоявшие в оппозиции к Академии. На более свободной основе работало Общество поощрения художеств и Московская школа живо-

писи и ваяния. Более сложное положение было у школ барона Штиглица и Строганова. Эти четыре школы - очень большие, количество учеников в них достигало 1800 человек.

За последнее время количество музеев и художественных собраний значительно возросло. К двум музеям в Москве и Петрограде добавилось в провинции много других, и их количество постоянно растёт каждый год. Кроме того, имеются и частные собрания, которые, как ожидается, перейдут к государству. Кроме известной Третьяковской галереи, можно отметить собрания Щукина, Гиршмана, Лангового, Морозова и других.

Современное русское искусство, можно сказать, занимает правые позиции. Общество Петроградских художников и Общество акварелистов на правом центре, Академия и Передвижники - на левом центре, Союз русских художников и, наконец, «Мир искусства» заняли положение в левом крыле. Сюда также могут относиться молодые объединения и другие новые организации Москвы и Петрограда, но некоторые из них ещё не определились со своими задачами и целями. В связи с большим количеством появившихся новых художественных объединений, разумеется, выросло количество молодых художников за последние годы. Крайние тенденции входят в употребление. В Москве возникло интересное объединение молодых художников, среди них выдающаяся женщина Гончарова, прекрасный колорист Сарьян, Кузнецов, Ларионов и Лентулов.

Если не быть приверженцем крайних теорий в искусстве, то со всей определённой можно сказать, что оно развивается само, интуитивно, и его достижения, таким образом, оказываются особенно ценными. Поэтому я не буду детализировать потери последнего времени, а быстро перейду к переходящим тенденциям. Они эфемерны, как водоворот, и оставляют слишком малый след в истории. Отдельные, богато одарённые индивидуальности всегда идут впереди всех, и я бегло назову часть имён из российской школы искусства, чтобы каждый образованный в области культуры человек, встретив эти имена, мог оценить их и знать, к какой школе они принадлежат.

В самое последнее время в России произошёл целый ряд перемен и сдвигов. О возникших в самое последнее время художественных организациях я ничего не скажу, потому что они не создали чего-нибудь выдающегося. Среди их учредителей часто появляются дилетанты и искатели удачи. Но мы знаем, что за последние два десятилетия в России возникли собственные, очень мощные творческие силы. Они были высоко оценены во всей Европе. И они проявили себя не только в области живописи, но и в декоративном искусстве, в области театра, литературы и т. д.

Искусство всегда ценило меценатов и коллекционеров. Я вспоминаю самыми высокими словами собрания Третьяковской галереи. Я назову ещё имена Мамонтова и княгини Тенишевой. Имеется ещё много других имён, которые вложили свои средства, чтобы спасти и сохранить духовную красоту России. И если я назвал людей, чьи действия несут характер благородства и жертвенности, то и должен я повторить уже несколько ранее названных имён тех, кто несёт в своём имени ореол подвига. Ибо шли они к своей цели не путём учений пи теорий, с которыми пришла эпоха искусства, а пробивали дорогу делами и жертвами, среди каменных сердец, под холодными непонимающими взглядами и неслышащими ушами. Часто не признаётся огромное значение искусства для жизни. Но как же они тогда велики! Это Александр

Иванов, Врубель, умершие от нервного расстройства, Серов, сломанный тяжестью жизни, Кунджи, покончивший с собой, отдавший почти всё, чем он владел, Суриков, который сражался с ним плечом к плечу, был тоже побеждён жизнью, незаслуженно оскорблённые Левитан, Борисов-Мусатов.

Я повторил эти имена. Как мало человеческого понимания (осталось им в их непростой жизни. Но, однако, я знаю, как сейчас разыскивают их произведения и платят за них безумно дорого. Мы видим, что русское подвижничество живо. Мы видим, что только через подвижничество и подвиг создаются лучшие направления в русском искусстве. Во всех произведениях этих ушедших от нас художников есть что-то от вечности, от великого покоя, и для будущих поколений останется что-то непреходящее и бесценное.

Великие не искали это осознанно. Глубина их произведений, часто в их различном понимании отображения великого покоя и гармонии жизни, открыло огромные ворота, которые ещё не закрыты. Этот покой и эта гармония востребованы сейчас всеми, даже теми, кто по ошибке не хочет осознать это. Не прячь это... грядёт что-то новое...

Это должно завоевать мир, в чью душу покой льётся, как река в могучий и не всегда спокойный океан. Мы должны найти этот покой, который ещё является ценнейшей частью жизни, о который для многих ещё спрятан.

Сейчас российская художественная академия уничтожена, школы искусства разрушены. Сейчас в области искусства работает множество случайных людей. Много испорчено и уничтожено.

Некоторые, возможно, скажут: а это приемлемо ли – так вдохновенно и возвышенно сейчас говорить о России? А это приемлемо ли для вас — так думать и быть такими гордыми сейчас?

Я отвечу: да! Ибо я рассказываю не о сиюминутной России - это пройдёт, а о России неизменно могучей и неиссякаемой.

Николай Рерих

Стокгольм, декабрь 1918.

Svenska Dagbladet (Швеция). 1919. 14 января. Перевод со шведского В. А. Цейтлина.



Н.К. Рерих. Наши предки. 1919.

21 января 1919 г. Копенгаген
Th. Oppermann

Выставка Николая Рериха

На Балтийской выставке в Мальмё русская секция была одной из самых заметных. Высокохудожественные произведения можно было увидеть в сравнении с немецкими, шведскими и датскими работами. От них словно шло особое веяние, они пробуждали фантазию. Картины порождали странное беспокойство. Что-то от старины, давным-давно умершей в Западной Европе, нечто, совмещающее черты византийской культуры, но проявляющее интерес к новизне. Это умирающее искусство прошлого, ослабленное жестокостью и усовершенствованиями; странность – только вспышка большой и нетронутой народной души, которая долгое время всюду производит поразительное впечатление. Они показали свою силу в секции Александра Яковлева, эти непонятные трогательные картины русских художников-учёных; наиболее примечательные находятся в коллекции Стеллецкого – скульптурная группа «Марфа Посадница»,



Дмитрий Стеллецкий. Марфа Посадница. 1910.

но самые великолепные – это работы Николая Рериха.

Его выставка имела глубокий замысел, был открыт большой зал, вместивший работы Рериха. Он одарён редким чутьём к художественным работам. Профессиональные критики писали, что множество его картин словно превращены в холсты тканей и мозаики.

Выставка Рериха в Овенлюссален на Бредгаде показала новую ступень в его творчестве. Он с самого начала зарекомендовал себя как необыкновенный театральный декоратор. У него есть фантазия, он обладает энергией достойной восхищения. Его картины обладают очень интенсивной палитрой и обширной тематикой, он отказывается от широко используемых приёмов художественного творчества, которые дают станковой живописи своё очарование, - все они рассчитаны на рассмотрение с некоторого расстояния. Его палитра отвечает его исполнению. Мазки он насыщает чистыми, яркими цветами; и он не боится противоположностей; его творчество обладает изумительными возможностями для создания театрального эффекта; так же как в сюите «Героика» - непосредственность действенности в названии: «Клад захороненный», «Зелье нойды», «Приказ», «Священные огни», «Вечное ожидание» и «Конец великана». Здесь недостатком выставки как единого целого является то, что замысел слишком велик – сталкиваются неуловимые оттенки цвета.

Самый большой и сильный интерес связан с целым рядом картин, ранее представленных на Балтийской выставке, что предопределило выбор мест следующих выставок.

В частности, «Откровение», где изображены церковная келья с мозаикой и монахом, является характерным для всего творчества Мастера. Картина написана синим по синему, и использованы предельно все синие оттенки. Производит необычно странное впечатление, тёмное, как само Средневековье, тёмные тона очень массивны.

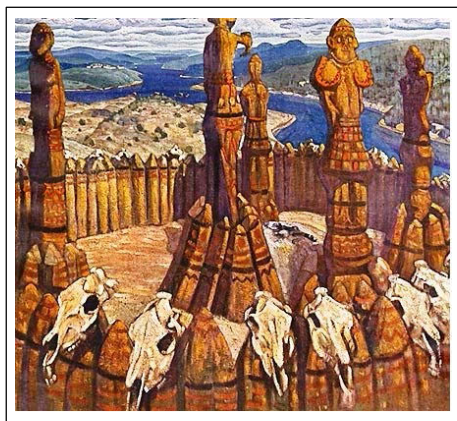
Родственна этой работе «Комната Мален». В ней нет ни намёка на избыток синих тонов, цвета резкие и тонкие, но это производит сказочное впечатление. Теперь все последующие работы будут восприниматься, как заповедь бескрайней России, о чьей культуре и варварстве идут чудесные сказания.

Особенно своеобразны русские своим мироощущением, поэтому картина, изображающая старый город, в каталоге отмечена, как «Старая Русь». Ощущаешь себя на пути в восточные страны, находящиеся на краю света. Колористы относят Рериха к лучшим художникам; его палитра гармонична, а вся картина в цельности похожа на гобелены.



Варяжское море. 1910.

Самая известная среди выставляемых картин «Варяжское море». Она великолепна по своей композиции, она смела своим творческим решением, здесь проходит один из лейтмотивов отваги. Краски буйствуют в лесах синеющих вдали скал, зеленееющее море и линия горизонта охвачены блеском заката. И среди множества островов появляются корабли викингов с князем и его дружиной, их приветствуют нарядные новгородские мужчины и женщины.



Идолы. 1910.

Примечательны также «Идолы»: иссушенные ветром берега и тёмная синь. Это идеальный фон для языческой картины с красновато-бурыми истуканами и частоколом, увешанным лошадиными черепами.

Искусство Рериха не только заслуживает особого внимания. Но и носит печать будущего, с которым у него будто бы договор о новом искусстве, которое может дать ответы. В своём смелом искусстве он нашёл золотую середину, и это показывает, что новое искусство грядёт.

Berlingste Tidende. 1919. 21 января. Перевод с новежского А.Е. Лыжиной.

24 января 1919 г. Копенгаген

Мир Рериха

Рерих постоянно развивается и не может быть обозначен одним простым словом. Рерих не просто человек, а целый мир: у него есть Север, Юг, Восток и Запад, самобытный народ, архитектура, театр, дома, одежда, собственное будущее, храмы, предания, песни, молитвы и свой собственный особый язык.

Его мир похож на наш: там есть моря, флот, дома, театр, старики, животные, идолы, но всё это: море и флот, дома и язык, несомненно, имеют другое будущее.

И когда попадаешь на его выставку, чувствуешь непостижимое волнение, непонятное любопытство, как человек, попавший в новую и неизвестную страну.

Даже критику сложно отнести Рериха к одному из старых ограниченных определений, потому что в нём, в его мире, всё становящееся, новое, неизвестное.

Зрители не почувствуют мирного успокоения от картин Рериха, среди всех чувств обнаружится бесчисленное множество вопросов и неоднозначностей: почему облака в «Друидах» кучевые? Зачем плетут корзины? И зачем старики заплетают борода?

Эти вопросы остаются нерешёнными. Но так же вне решения этих проблем находится и живопись, чтобы остаться прекрасной. В Мире Рериха это касается не только домов, одежды и языка, но также и его вечного, неразрешённого вопроса. И поэтому его мир тоже прекрасен.

«Мир Рериха» - живой мир. Он развивается и растёт каждый день, он движется. И как каждый живой мир не имеет в себе ничего косвенного, он живёт и борется сам с собой в разных вопросах: художественно-реалистических, символических, стилизаторских и прочих.

Рерих пробует различные пути, различные палитры, оттенки и материалы, а также, это немаловажно, вне зависимости от того, являются ли картины стилизациями или оригинальным произведением, все они – стилизации и не стилизации, фантастические и реалистические – несут характерную особенность личности мастера, неизменно юной и неизменно находящейся в путях вечных вопросов.

Рерих – не только художник, но и археолог, писатель, а также он пишет замечательные стихи. И всё это – его рассказы, стихи, живопись – появились потому, что у него есть жизненный путь, и он ведёт его к цели, за которой лежит Вечность. То есть этот мотив действительно можно обнаружить в его картинах: поддержка могучего лагеря в далёкой стране, благодаря которому он ведёт путь вдаль, к новому, безграничному, светлому Миру.

В основании поисков Рериха лежит тайна с вечными вопросами, и в его вечной молодости лежит бессмертие творца.

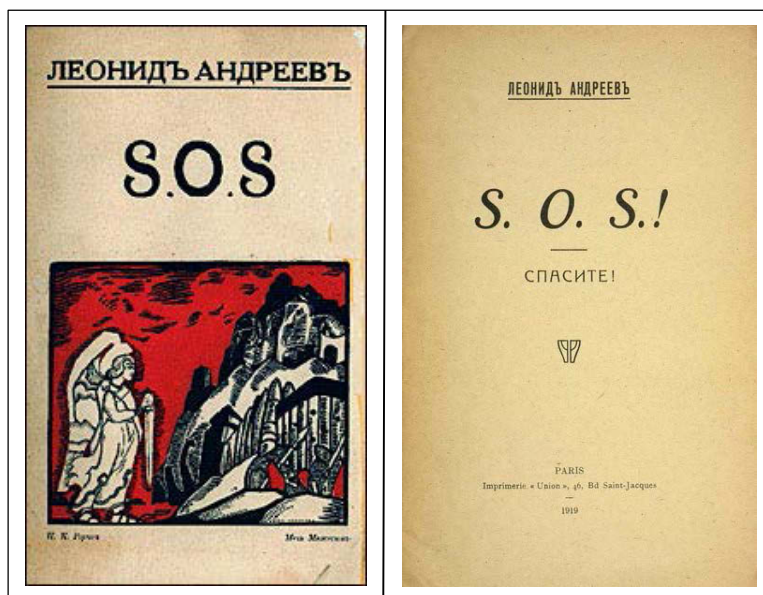
Когда человек отправляется в путь в мир приключений и останавливается среди пейзажей могучих викингов и воспринимает их так, будто они существовали – сказочные животные и идолы, которые не имеют сходства ни с чем и которые всё-таки напоминают нам о чём-то неизвестном, - понимаешь, что они передают нам смысл, даже если Рерих является стилизатором, ведь он – «Метерлинк в живописи». Но зачем ему быть Метерлинком, если он – Рерих?

Leo Feigenberg

Verde nog Vi (Копенгаген). 1919. 24 января. Помещены илл. Картин Н.К. Рериха «Приказ» и «Священное место». Перевод с норвежского А.Е. Лыжиной.

ФЕВРАЛЬ

6 февраля 1919 г.



S. O. S.

То, что ныне по отношению к истерзанной России совершают Правительства союзников, есть либо предательство, либо безумие.

Или они знают, что такое большевики, которых они приглашают на Принцесы острова для примирения их с растерзанной их же руками и окровавленной, умирающей Россией - тогда это простое предательство, отличающееся от других случаев такого же рода лишь своим мировым масштабом. Тот элемент неожиданности, что так остро поразил всех верующих в благость и справедливость союзников, есть также вещь обычная для таких случаев: все предательства неожиданны, и если божественный Иисус прекрасно знает, куда и зачем отправляется Иуда, то все ученики его продолжают оставаться в счастливом неведении вплоть до самого классического поцелуя. Впрочем, я не намерен входить в психологию предательства: она всем нам хорошо известна; что же касается обстановки - вместо нежного поцелуя - радио и Эйфелева башня, то она естественно меняется и прогрессирует со временем, не создавая никаких новых ценностей по существу. Нет надобности останавливаться и на целях предательства, они все те же со времени Иуды: Голгофа для одного, серебренники для другого. Иногда, впрочем, и верёвка, ... но это уже относится к патологии предательства, а не к его нормальной и здоровой психологии.

Либо другой случай: союзники не знают, что такое большевики, которых они приглашают для дружеской беседы, и тогда это безумие. Ибо теперь, после полуторагодичного властвования большевиков в России, их выступления в Германии и других странах, только безумный может не знать, какую силу зла и разрушения представляют собою эти дикари Европы, восставшие против её культуры, законов и морали. Нужно совсем не иметь Разума, чтобы не понять простых и ясных поступков, действий и вождений большевизма. Надо не иметь глаз, как слепому - или иметь глаза, но ничего ими не видеть, -

чтобы не различить на поверхности земли этой огромной России, сплошь превращённой в пепел, огонь, убийство, разрушение, кладбище, темницы и сумасшедшие дома, каким стал от голода и ужаса целый город Петроград, да с ним и многие другие. Надо совсем не иметь ушей - или иметь, но ничего ими не слышать, - чтобы не услышать этих воплей и стонов, воя женщин, писка детей, хрипения удушенных, треска непрерывных расстрелов, что составляют неумолчную песню России в течение последних полутора лет. Надо совсем не знать разницы между правдой и ложью, между возможным и невероятным, как не знают её сумасшедшие, чтобы не почувствовать социалистического бахвальства большевиков и их неистощимой лжи: то тупой и мёртвой, как мычание пьяного, как декреты Ленина, то звонкой и виртуозной, как речи кровавого шута Троцкого, то беспритязательно простой и наивной, как та ложь, какою обманывают маленьких детей, животных и... народы. Что-нибудь в роде клока сена, которым животное заманивают в стойло, или официального заявления Совета, что через Атлантический океан можно перейти вброд, или человеколюбивого приказа: в виду отмены смертной казни, немедленно расстрелять такую-то кучу буржуев. В частности, слух союзных Правительств должен быть поражён особым и смертельным недугом, чтобы не слышать не только воплей России (нынче весь мир вопит), но и тех вразумительных и ясных докладов о сущности большевизма, что делались им г.Нюлансом, г.Скавениусом и другими, очень многими другими достойными доверия людьми.

Далее: надо совсем не иметь памяти, как не имеют её умалишенные, чтобы забыть о plombированных вагонах, о происхождении русского большевизма из недр германского имперского банка и преступной души Вильгельма, о Брестском мире, который германские агенты совершали с теми же германскими агентами, как последнюю возможность победы над Соглашием. При этом попутно следует забыть Пруссию и Галицию, до насыщения пропитанные русской кровью, и Корниловых-Калединых, павших одиноко жертвою долга и союзной верности, и адмирала Щастного, и Духонина, и разрушенный Ярославль, и мальчиков юнкеров, и студентов, доверчиво погибавших во имя России и ваше, дорогие союзники, и те многие тысячи русских офицеров, которых по той же причине гонят, убивают и преследуют, как собак и которых вы - бессознательно, конечно! - ныне так безбожно оскорбили вашей нежностью с убийцами и палачами. Для полноты беспамятства надо забыть и то, что завтракать в Париж собирался Вильгельм - Вильгельм II, германский император, а г.Вильсон завтракает лишь по счастливому случаю, переплыв два океана; Атлантический - и океан русской крови, пролитой в защиту союзного дела.

Далее: надо вовсе не иметь чувства достоинства и даже простой опрятности, надо совсем не знать различия между чистым и грязным, как не знают его умалишённые, употреблять в пищу нечистоты, умываться помоями вместо воды, - чтобы с приятной улыбкой проглотить, как подсахаренный ананас, все те оскорбления, насмешки глумливые издевательства и откровенные, чисто-сердечные пинки, какими награждались представители всех союзных народов в большевистском Петрограде. Я не говорю об аресте румынского посла г.Диаманди, против которого в своё время протестовали даже абиссинцы: г.Диаманди настолько не «великая держава», что ему незачем сходить с ума, чтобы скромно и с достоинством молчать. Не говорю о швейцарском посланнике и других малых сих, невинная нейтральность которых также пострадала

от беззащитной руки большевика. Не смею говорить и о г. Вильсоне, который своевременно в ответ на свою сочувственную радиотелеграмму свежей Советской власти получил совсем дикую и горячую «пощёчину» от Зиновьева: для христианина и гуманиста это лишь повод подставить другую щёку, что ныне и исполняется. Но - нападение и убийство в английском посольстве? Но соответственное объявление большевиков, стоящими вне закона?

И, наконец: имея глаза и уши, имея разум и волю - надо быть или таким же дикарём, как сами большевики, или человеком, который страдает нравственным помешательством, чтобы остаться равнодушным к бесчеловечной деятельности большевиков и называть её каким-нибудь другим именем кроме преступления, убийства, лжи и грабежа. Нужно быть самому нечеловечески, скотски или безумно безнравственным, чтобы называть «внутренними делами» тот случай, когда здоровенный мерзавец насилует женщину, или жестокая мать истязает ребёнка и не вмешивается под тем предлогом, что упомянутые действия некоторой группой людей называются «социализмом» или «коммунизмом». Есть слова священные и велико их очарование для живой человеческой души, но когда эти зловещие шуты своих тёмных и злых китайцев, нанятых для убийства, называют «авангардом китайской революционной демократии», - то нужно иметь не Живую, а мёртвую душу, чтобы пойти на эту жалкую и постыдную приманку. Здесь наглою шумихою ходячих терминов нагло замазывается преступное существо дела: наём желтолицых убийц для истребления европейцев - случай, доселе небывалый в летописях самой злой европейской тирании!... И страшно сказать: одурелая Европа уже год смотрит во все глаза на этих экзотических зверей, которых кормят нашим телом, - и всё ещё не может сообразить, что такое перед нею: «авангард демократии» или авангард чертей, выброшенных адом для уничтожения несчастной земли. Зовут на Принцессы острова!

Перечисленные дефекты, какие необходимы для того, чтобы не знать большевика, дают в целом законченный образ совершенного Безумца - человека, лишённого зрения и слуха, памяти и сознания, разума и воли, человека, страдающего нравственным умопомешательством, грязного и тупого. Никто, однако, не может допустить мысли, чтобы во главе величайших современных держав стояли простые пациенты из сумасшедшего дома. Их всему миру известные имена, их энергичная и вполне разумная деятельность в продолжении войны, наконец, то уважение, которое до сих пор питали к ним даже враги, - делают такую мысль не только нелепой и недопустимой, но даже оскорбительной. Конечно, они не сумасшедшие.

Но если это не безумие, то...?

Как ни ясен неизбежный вывод, я пока остерегусь его делать. Жизнь не всегда подчиняется суровой и прямолинейней логике. Основы человеческих действий так сложны и многообразны, - в частности, искусство политики, как и чёрная магия, столь тёмное и тонкое дело, что и здесь помимо двух указанных объяснений: предательство или безумие, могут существовать и иные побудительные причины, затерявшиеся в лабиринте громких слов, в пышности декораций и торжественности завтраков, цилиндров, приёмов, процессий и экскурсий по развалинам. Со всех фотографий на меня успокоительно смотрят зубы г. Вильсона, обнажённые широкой и радостной улыбкой, и многие другие такие же обнажённые зубы сопутствуют ему, - но я положительно не уверен в искренности этой успокоительной и беспечной улыбки. Так ли ясна ду-

ша г. Вильсона, как его фотографическое лицо? Так ли спокойны и тверды мысли г. Л. Джорджа, как выражение его фотографических глаз? Нет ли там некоторых тайных опасений, неразрешённых колебаний, некоторой смутной нерешительности, основанной на каких-то неясных расчётах?

Тогда не надо и прямого предательства, чтобы свершилось то, что свершилось, и танцующий убийца-большевик отправился на прекрасные острова. И - возвращаясь к Евангелию, столь дорогому для г. Вильсона - не надо ли тогда классический и страшный образ Иуды заменить другим образом, не менее классическим, но гораздо более простым, распространённым и общечеловечным: Пилата, умывающего руки?

Пилат знал, что Иисус - праведник. Об этом предупреждала его и жена. И он не был ни безумен, ни подл, но он был Пилат. И, сказав: «не повинен в крови праведника сего» - он умыл в доказательство руки и отправил праведника на суд к Каиафе. Каиафа послал к Анне. Анна обратно к Каиафе ... и разве отсыл России на Принцезы острова не напоминает этого хождения по честным судьям с веревкою на шее? Ходи и ты, Россия, пока доходишься до креста! Не повинны в крови твоей ни г. Вильсон, ни г. Л. Джордж - разве весь мир не видел, как они умывали руки? Все видели и многие услужливо подавали полотенце.

Однако: стоило ли в начале кричать так громко, чтобы кончить - Пилатовым. фальцетом? Стоило ли вступаться за нейтралитет Бельгии, защищать Сербию, поднимать миллионы людей на миллионы, проливать моря крови, грозить Германии Страшным Судом за её бесчеловечность, рыдать над Луненом и Лузитанией, клясться и взывать к небу, пять лет истово бить себя кулаком в грудь перед богом Человечности - и кончить умывальником! Обворожённый речами, декларациями и клятвами - как светлейшего праздничка, как воскресения всех мёртвых ждал мир победы Согласия; её ждали и мёртвые, чьей жизнью было куплено дорогое торжество. Люди верили, что с победою этих хороших господ, которые так хорошо говорят о добре и зле, на землю вступит сама Справедливость; что мир, принесённый ими, будет истинным миром, а не новой кровью, огнём и мукой, истреблением беззащитных, предельном нечеловеческих страданий.

И когда над окровавленной землёю прозвучал колокол победы - сколько бледных лиц озарилось улыбкой надежды и счастья - как почернели и исказились зловещие лица убийц, ужаснувшихся перед лицом воскресшего Закона! Это были сказочно-прекрасные, фантастические дни, когда улыбнулся измученный, мрачный Петроград и поверил в англичанина как в Бога; это были страшные и счастливые сны, грёзы мученического безумия, когда в каждом выстреле угадывали английскую пушку и бегали на Неву, чтобы посмотреть на английский флот, «прибывший ночью». И дрожали убийцы, и достаточно было показать только чучело англичанина, чтобы вся эта Каинада обратилась в паническое бегство. И ... что вышло?

Обманутые живые и мёртвые. С нелепым упорством вы гоняетесь за старым, жалким, бессильным Вильгельмом, чтобы судить его за грехи народа - и дружески протягиваете руку здоровенным молодым убийцам и вора, чудовищам и уродам, которые продолжают проливать кровь невинных. Да, она льётся бессмысленно и страшно, и в этой бессмысленности - ужас и преступления большие, нежели в пятилетней войне. И воспрянул духом обласканный убийца, и уже не хочет бежать, а насмехается над вами и не боится даже живого англичанина, так как принимает его только за чучело.

«Война кончена! Больше ни одного убийства! Долой оружие» - вот тот грозный и благодный приказ, которого ждали люди от Согласия и его силы, увенчанной победою. А вместо того - тихое шипение выдохшейся гуманности, которою г. Вильсон обрызгивает раскалённые угли ... и кровь, кровь, кровь! По-прежнему трещат выстрелы, кем-то берутся и кем-то отдаются города, кого-то бьют и режут, что-то разрушают и уничтожают. С силою лесного пожара, раздуваемого ураганом, распространяется кровавый и бессмысленный Бунт, пробирается под землёю, вспыхивает за спиною и по бокам, бросает искры на солому - и не в силах противиться ему ослабевшая Европа, нервно обессиленная пятью годами лишений, ещё не вышедшая из полосы того психического возбуждения, что создалось войною и ныне превращает все европейские массы в группы неуравновешенных людей, в податливый и беспомощный объект для самых диких внушений. Нерешительность и внутренняя двойственность вождей «мировой политики», помешавшая им сразу и определённо стать на ту или иную сторону, всё дальше вовлекает их в смертоносные объятия Бунта, который уже удушил Революцию в России, душит её в Германии и не нынче завтра всю Европу (а за нею и Америку) превратит в арену повальной резни и разбоя, войны всех против всех. Сегодня нет электричества в Берлине, завтра в Лондоне не хватит угля, а пройдут ещё недели, и кто знает? - быть может, остановятся все дороги, замрут в своих гаванях пароходы с хлебом и костлявый Голод воцарится над Европой, выметая последние живые остатки правых и виновных...

Так мстит Судьба за нарушение клятв, какими клялось Согласие перед богом Человечности. Да, они были нарушены всенародно и громко в тот роковой момент, когда Эйфелева башня с высоты своей начала рассылать приглашения убийцам и жертвам - и это подтвердили те честные русские деятели, что с презрением и ужасом отвергли лицемерное, малодушное и губительное приглашение. Обмануты живые и мёртвые и об одном нужно молить жестокую Судьбу: чтобы дала она время одуматься - если не поздно! - задержать на миг свою карающую руку ... и не осуществила мрачных предчувствий того, кто уже видел разрушение своей родной страны.

И не к правительствам Согласия, уже сказавшим своё тяжёлое слово, обращён мой молитвенный вопль: «спасите наши души!» Нет, не к ним, нарушителям клятв, а к ВАМ, люди Европы, в благородство которых я верю неизменно, как верил всегда.

Как телеграфист на гибнущем пароходе, что сквозь ночь и тьму шлёт последние призывы: «скорее, на помощь! Мы гибнем. Спасите наши души!» - так и я, движимый верою в человеческую благодать, бросаю в тёмное пространство мою мольбу о гибнущих людях. Если бы вы знали, как темна ночь над нами, слов нет, чтобы рассказать об этой тьме!

Кого я зову? Я не знаю. Но разве телеграфист знает, кого он зовёт? Быть может, на тысячи миль пустынно море и нет живой души, что услышала бы его мольбу. Ночь темна. Быть может, кто-то далёкий и услышит его, но подумает: зачем я пойду так далеко? я и сам могу погибнуть! - и продолжит свой ночной невидимый путь. Ночь темна и море страшно. Но он верит и зовёт настойчиво, зовёт до последней минуты, пока не погаснет последний свет и не умолкнет навсегда бессильный радио.

Во что он верит?

Он верит в человека, как и я. Он верит в закон человеческой любви и жизни: нельзя, чтобы один человек не помог другому, когда тот погибает. Не может быть, чтобы человек без борьбы и помощи отдал другого человека морю и смерти. Не может быть, чтобы никто не пришёл на помощь зовущему. Кто-то должен придти. Я не знаю его имени, я ясно прозреваю его человеческие черты, его душу, сродную моей. Сквозь холод и ненастье я почти чувствую тёплое прикосновение его энергичной и дружеской руки, напряжённой волею к помощи и человеческим сочувствием. Я ощущаю эту волю к помощи, которая напрягает его мышцы, делает зоркими глаза, озаряет светом и решимостью его быстрый и твёрдый человеческий ум. Я его вижу, я его знаю, я его жду - это человек.

Не о помощи Народу Русскому я его прошу. Это слишком велико - Народ Русский, чтобы спасти его: над его жизнью и смертью властен только Бог. В эти скорбные дни, когда презрение, издевательства и насмешка глупцов стали уделом больной и поверженной России, я с гордостью ношу имя русского и твёрдо верю в её грядущую славную жизнь. Также твёрдо верю, как верю в твоё будущее, благородная Франция, и твоё, Германия, наш побеждённый враг, и в твоё, старая и мудрая Европа, мать мира и наша общая мать! Такие колоссы, как Народ Русский не погибают. Придут ли правительства Согласия на помощь к своему союзнику - России, или предоставят ей самой выбирать из гнилой трясины, - Россия в урочный час встанет со своего одра, и выйдет просветлённой, и по праву займёт своё место среди великих народов мира. То, что так страшно для нас, маленьких и смертных людей, живущих мгновением - то лишь единый удар сердца для великого и бессмертного народа. Сотнею тысяч погибших больше или сотнею тысяч меньше, годами страдания больше или меньше - что это значит для России с её великою и неисповедимою судьбою!

Нет, не о помощи Народу Русскому прошу я тебя, человек. Но вот эти тысячи, которых «больше или меньше», вот эти тысячи людей, у которых жизнь единственна и так мгновенна и которые гибнут ежечасно в невыносимых страданиях - или живут, но так, что это хуже всякой смерти! Это не важно, что они называются «русскими» ё важно, что это люди, страдания которых начались так давно и продолжаются бесконечно, продолжаются беспросветно, как в настоящем аду, из которого нет выхода и над которым безраздельно господствуют злые и страшные силы. Их страдания ещё можно сократить, смерть ещё можно отвлечь от их голов и о спасении их душ я посылаю мою человеческую мольбу.

Мой друг, я не стану рассказывать тебе, как нам больно и страшно в нашей теперешней России, в нашем мученическом Петрограде. Я не смогу рассказать. Всё что я попробую рассказать, будет бледно и ничтожно наряду с действительностью. Чтобы рассказать - нужны слова, а нынче все слова, как и деньги, стали фальшивыми и уже не стоят того, что в них сказано: целые горы словесной лжи нагромоздились в мире - и под эту грудю бессильным и вялым кажется правдивое слово, отражённое тысячью уродливых теней. Как раскрывать уста для молитвы, когда престолослужительствует сам пьяный Сатана? Вот я скажу слова: ужас - убийство - кровь ... и что это скажет уху, в течение пяти лет почти не слыхавшему иных слов? Вот я стану описывать ужасы вымирающего Петрограда - и разве это не прозвучит чем-то старым, уже рассказанным когда-то, а в худшем случае, не покажется ли жалкою выдумкой

романиста, патетическим преувеличением адвоката, который хлопчет за своего клиента?

Нет, я не стану рассказывать ни о количестве, ни о качестве наших страданий: уже достаточно сказано слов другими и новых слов не найдётся на человеческом языке. Но на одно свойство этих страданий я позволю себе указать: это - чувство незащитности для себя и чувство безнаказанности для убийц. Не так страшно умирать или терпеть страдания, граничащие со смертью, когда ты чувствуешь за собою руку Закона, который так или иначе, рано или поздно, но не позволит безнаказанно проливать твою кровь, не уподобить тебя простой бутылке кваса, которую походя вылил на мостовую кто-то пьяный и беззаботный. Не страшно умирать, когда ты ещё веришь в совесть убийцы и думаешь, что в ней он найдёт рано или поздно свою кару. Но страшно умирать, но невыносимо больно страдать, когда это происходит на площади, среди бела дня, под равнодушными взорами людей и самого Неба - и знать, умирая, что нет совести у убийцы, что он сыт, весел и богат, что под покровом лживых слов он не только не потерпит кары, но заслужит чей-то восторг, чьё-то уважение и низкие поклоны! Страшно, когда детишки голодны и умирают, а убийцы сыты, и Троцкий в свой рот опрокидывает последнюю бутылку молока! Страшно знать, что для мертвецов не хватает могил в Петрограде, а для этих господ открыты дороги не только на Принцевы острова, но и по всему миру, что с их награбленным богатством им доступны все лучше климаты, все лучшие места продажной земли! Невыносимо думать, умирая, что на чьих-то бесчеловечных весах ты вешишь не больше мошки и твоя драгоценная жизнь выбрасывается из мира, как плевков.

И я не знаю, насколько моя вера в человека может найти себе отклик в мученическом Петрограде: там едва ли верят теперь не только в человека, но и в Бога.. И это: потеря всех верований в человеческую и божескую справедливость, безнаказанное попрание всех высших свойств человеческой души - есть страдание большее и горшее несравненно, нежели все физические муки в большевистских застенках. Оттого мы все почти сумасшедшие, оттого даже наиболее стойких из нас лишь тонкая грань отделяет от последнего отчаяния и самоубийства. Трудно сохранять жизнь - почти счастьем кажется избавление от неё!

Кто знает, - быть может, и это моё обращение к тебе есть также сумасшествие, которым я охвачен наравне с другими: может быть, тебя нет совсем и я ловлю только призрак человека ...

Нет, я верю в тебя, но скажу горькую правду: все силы свои должен я собрать для этой веры, для этого неуместного вопля, всё бесплодие которого минутами так ясно представляется моему уму. Нет, я ещё верю в тебя - и сделай же так, человек, чтобы моя вера стала верою и тех несчастных, кто сейчас, в эту минуту томится отчаянием в беспросветном Петрограде и уже подымает руку, чтобы убить себя и своего ребёнка! Это гибнет душа человека!

Мой друг, встань и протяни нам руку. Каждый отдельный француз - я обращаюсь к тебе и тебя зову. Пусть или слабосильны, или ошибаются твои вожди - исправь их ошибки и твоею силою умножь и подкрепи их силу. Ещё ребёнком я научился любить и уважать тебя, француз, и в истории твоей жизни искать великих образцов рыцарства и великодушного благородства. От тебя я узнал о свободе, равенстве и братстве, с ними жил всю жизнь, с ними хочу и

умереть. С тобою я плакал, когда германские полчища топтали твою прекрасную Францию, и знаю, ты не засмеёшься над моими теперешними слезами.

И ты, каждый отдельный англичанин, - к тебе я обращаюсь: спаси паши души! Это ты на твоём языке, создал этот призыв, который стал законом на всех морях и властно поворачивает к гибнущему судну носы всех корабли - и ты не оставишь его звучать напрасно. Когда Германия во весь голос распевала о своей ненависти к тебе, уже тогда в её голосе звучали страх и сознание неминуемой гибели: она знала, что это ты - тот человек, у которого слово подобно закону и обещание равно исполненному делу. Нас ещё надо называть по имени - и достаточно сказать одно слово: человек, чтобы сразу узнать англичанина. Встань же, человек, и протяни руку: здесь гибнуть люди здесь гибнуть женщины и дети!

И ты, каждый отдельный американец, - тебя я зову. Ты молод и богат, ты широк духом и энергичен, ты хочешь, чтобы факел твоей Свободы бросил свет и на далекую Европу - приди же и взгляни, как нам тяжело, в каком бесчеловечном рабстве томится наше тело и дух. Только взгляни и, уверяю тебя, ты ужаснешься и проклянешь тех обманщиков и лжецов, что злейшую тиранию выдавали тебе за порыв к свободе всего русского народа!

И ты, каждый отдельный итальянец, и ты, швед, индус и кто бы ты ни был: среди всех народов существуют благородные люди и каждого человека я зову - каждого в отдельности! Ибо настало время, когда не за кусок земли, не за господство и деньги, а за человека, за его победу над зверем должны бороться люди всей земли. Поймите, что это не революция то, что происходит в России, уже началось в Германии и оттуда идёт дальше - это Хаос и Тьма, вызванные войною из своих чёрных подполий и тою же войною вооружённые для разрушения мира!

Пусть ваши нерешительные правительства дают оружие и деньги - вы, люди, дайте самих себя, вашу силу, мужество и благородство. Пусть отдыхает усталый, пусть в свою тёплую нору забирается малодушный, пусть спит, кто может спать в такую страшную ночь, но вы, кто силён и не устал, в ком бьётся мужественное сердце - идите на помощь людям, гибнущим в Росси.

Организуйтесь!

Только твёрдо организованная, разумная сила в состоянии бороться с безбрежным хаосом, с бесформенным, широким, всё проникающим Бунтом. Огонь не тушат огнём и всякая вооружённая, но не твёрдо организованная, не разумная толпа, вышедшая на борьбу с бунтом, сама становится достоянием бунта и только усиливает пожар. Строго проверяйте самих себя, идите только с ясным сознанием высокой цели, иначе вы сами погибнете на пути. Нельзя посылать пьяниц на охрану винных погребов - нельзя слепому поручать охрану маячных огней.

Организуйтесь!

Формируйте батальоны и армии. Я думаю, в этом помогут вам и ваши правительства, нерешительность которых исчезнет перед вашею благородною волею. Малыми силами, которые ныне разрозненно и одиноко вступают в борьбу с большевиками, только затягивается борьба и проливается лишняя человеческая кровь. Голый Разум не властен над ними: что значит сам Сократ против пулемёта? Они знают только силу и только силе способны они подчиняться. Всякая слабость, хотя бы слабость ребёнка или женщины, укрепляет их, в крови они черпают ярость и веселье. Но перед организованной и твёрдой

силой они падут бесшумно - без выстрела, без того сопротивления, которое вызывает неизбежное убийство и кровь. Их просто не станет, они исчезнут, растают, как тает тьма перед светом - кто убивал когда-нибудь темноту? Не надо будет убивать - и этого великого счастья вы достигнете силой. Организуйтесь!

Моё последнее обращение - к тебе, журналист, кто бы ты ни был, англичанин, американец или француз: поддержи мою мольбу о гибнущих людях! Я знаю: сотни миллионов денег брошены на подкуп печати, тысячи станков фабрикуют и выбрасывают ложь, тысячи лжецов кричат, вопят, мутят воду, населяют мир чудовищными фантомами и масками, среди которых теряется живое человеческое лицо. Самый воздух подкуплен и лжёт: эти фальшивые радио, что дьявольскими кругами опутывают всякую редакцию, эти ночные вести, что назойливо стучатся в дверь, лезут в уши, мутят сознание! Но я знаю и другое: как есть люди среди двуногих, так есть и люди-журналисты, те, кому издавна присвоено имя рыцарей св. Духа, кто пишет не чернилами, а нервами и кровью - и к ним я обращаюсь ... к каждому в отдельности! Помоги! Ты понимаешь, в какой опасности человек? - помоги!

Но скорее! Скорее!

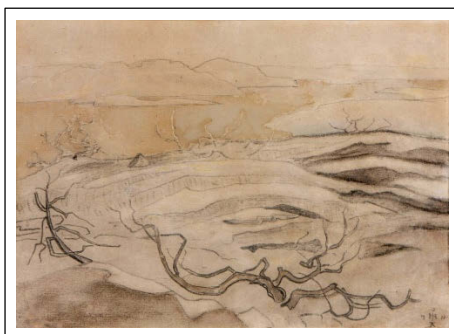
Что ещё сказать тебе, мой друг? Скорее - приходи скорее!

6 февраля 1919 года

Финляндия.

Леонид Андреев

Paris. Imprimerie „Union“. 1919. 46, Bd Saint-Jacques.



Н.К. Рерих. Эскиз. 1919.



Н.К. Рерих. Жар земли. 1919.

9 февраля 1919 г. Выборг
Письмо Н. К. Рериха к Ляцкому Е.А.

Многоуважаемый Евгений Александрович, сейчас я получил Вашу депешу. До Среды я ничего нового не узнаю. Как только узнаю что-либо определённое, сейчас же извещу Вас. О чём говорил Шуберский?

В дополнение к рецензии из Копенгагена могу сообщить, что мне прислали ещё до 20 отзывов, — все очень хорошие. Называют: «Метерлинк в живописи», «волшебная земля Рериха», «живопись чёрного опала», «говорящие камни» и т. д. Какой-то исландский писатель заинтересовался и прислал свою большую книгу о викингах (Gunnar Gunnarsson). Словом, мои викинговы набеги — удачны.

До свидания. Преданный Вам

Н. Рерих

9. II. 1919. Выборг.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург) [РО ИРЛИ]. Ф. 163, Е. А. Ляцкий, оп. 2, д. 427, л. 2.

10 февраля 1919 г. Выборг
Письмо Н. К. Рериха к Ляцкому Е.А.

Многоуважаемый Евгений Александрович.

В дополнение ко вчерашним сведениям я могу сообщить, что моя статья (о которой Вы спрашивали меня) в «Svenska Dagbla[de]t» прошла 13 и 14 Января двумя большими фельетонами под названием «Rysk Konst»*) и с очень любезной прибавкой от Редакции. Таким образом, и выставками в Стокгольме и Копенгагене, и статьею удалось удачно послужить России. Помню, как перед отъездом в Стокгольм Л. Н. Андреев убеждал меня в необходимости напомнить о Русском Искусстве. Говорил: «Каждый, кто имеет предъявить сейчас что-либо культурное о России, - обязан это сделать». Это правда.

Сегодня я получил также уведомление об избрании меня членом Худож. Общества в Финляндии; вероятно, и это Вам интересно, как всякая дружественная паутинка.

Искренно Вам предан,

Н. Рерих

10. II. 1919.

*) Статья "Русское искусство" - см. выше: 12, 14 января - ред.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург) [РО ИРЛИ]. Ф. 163, Е. А. Ляцкий, оп. 2, д. 427, л. 3.

12 февраля 1919 г.
Письмо Н. К. Рериха к Дягилеву С. П.

Дорогой Сергей Павлович.

Как хочется мне, наконец, сговориться с Тобою. С письмами творится что-то невозможное. Не знаю, получил ли Ты мои письма? От Тебя, кроме одной депешы, я ничего не имею. От Лейчестерской Галереи я получил только

дополнительное письмо, а главное письмо с условиями до меня так и не дошло. Моя депеша в Галерею была «stopped from sensor». Надеюсь, что хоть это письмо до Тебя достигнет. Дело в том, что мне очень хочется ехать в Лондон и Париж; не можешь ли мне помочь получить разрешение? Выставка моя была в Стокгольме (где выбыла 21 вещь и купил Национальный Музей) и в Копенгагене. Ведь отзывы были весьма хороши. Теперь я дополню выставку и устрою её в Апреле в Гельсингфорсе, а к Маю могу ехать с семьёю.

Считаю, что наше дело теперь — пропагандировать Россию во всех областях. Здесь, в Финляндии, — дело маленькое, надо выступать шире. То же я говорю Л. Андрееву и тещу его в Париж.

Извести, милый, что можно сделать для моего приезда и для моего выступления.

Буду с нетерпением ждать Твой ответ. Адрес: Wiborg, Ladaunkatu, № 8, или через английского вице-консула в Выборге Frisk. Буду сердечно рад с Тобою увидаться после всего пережитого. По сю сторону надо держаться вместе и утверждать русское искусство за границей. Ты продолжаешь творить большое русское дело, которое становится всё более насущным.

Жена моя шлёт Тебе привет и стремится ехать за границу.

Сердечно Тебе предан.

Н. Рерих

12.II.1919

Семья моя: жена Елена Ивановна, Юрий, Святослав — сыновья.

Библиотека Гранд Опера. Фонд Б. Кохно.

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

13 февраля 1919 г. Выборг

Письмо Н. К. Рериха к Ляцкому Евгению Александровичу

Helsingfors.
Wladimirkatu, 3,
Hotel Pension Comfort.
A Monsieur:
Monsieur le Redacteur
E. Liadsky.

Многоуважаемый Е[вгений] А[лександрович].

Сейчас вопрос, прежде всего, о реализации денег, и я ничего не знаю об этом, ибо к деньгам отношения не имею. По уговору — эту сторону ведает Ник[олай] Григорьевич] Вальтер (Тюрисево. Свой дом, тел. 39). Обратитесь к нему с запросом или письмом, или, если удастся, телефоном, но последнее труднее. Преданный Вам

Н. Рерих

13. II.1919.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург) [РО ИРЛИ]. Ф. 163. Е. А. Ляцкий, оп. 2, д. 427, л. 4-об.

На штампе дата: Выборг. 13.02.1919.

14 февраля [1919 г.]

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович!

Пишу Вам наскоро - и между нами. При всей моей симпатии к Гуревичу, я не доверяю его дипломатическим способностям и боюсь, как бы из его сношений с французским консулом не вышло какого-нибудь недоразумения. Но если Вы думаете, что выйдет хорошо, то - предоставляю рукопись в Ваше распоряжение. Кстати: статья уже пошла тремя путями, о которых Вам расскажет Евгений Густавович.

Крепко жму Вашу руку и жду - ждём! - во Вторник.

Ваш Л. А.

14 февраля.

Леонид Андреев. «S.O.S.»

19 февраля 1919 г. Выборг

Открытое письмо Н. К. Рериха к Ляцкому Е.А.

Helsingfors. Wladimirkatu, 3. Hotel Comfort.

K. Herra Redactori

E. Liadsky.

Многоуважаемый Е[вгений] Александрович].

Отвечаю на Ваши вопросы. Сегодня вернулся от Андреева. Видимо, дело временно откладывается и здоровье всё-таки мешает планам Л[еонида] Николаевича]. Нужно надеяться, что так или иначе единение всё-таки произойдёт, ибо это самая слабая сторона русской колонии и все должны способствовать исправлению этого дефекта. Поживём увидим, — думаю, дождёмся.

Преданный Вам

Н. Рерих

19.II.19.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург) [РО ИРЛИ]. Ф. 163, Е. А. Ляцкий, оп. 2, д. 427, л. 5-5об. На штемпелях даты: Выборг. 12.11.1919. // Гельсингфорс. 20.11.1919.

20 февраля 1919 г. в датской газете "Vore Herrer" (Копенгаген) была напечатана нижеприводимая статья М. Фокина:

Михаил Фокин

[НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖИЙ]

Рерих занимает одно из первых мест среди группы русских художников, которые, порвав со скучным, бездушным, казённым академизмом, но не вдаваясь в крайности кривляющихся «новаторов», дали столько действительно нового в своём искусстве.

Упорное изучение природы, глубокое знание природы, любовное отношение к старым мастерам и вообще к старине, так же как и к старому народному искусству, высокая культурность, разносторонняя образованность - вот что создало из этого кружка, богатого такими мастерами, как, например, Бакст,

Врубель, Бенуа, Сомов, Рерих, Головин, Коровин, явление громадного художественного значения.

Особенно велики достижения данной группы, объединившейся одно время под знаменем «Мира искусства», в области декоративной живописи. Все эти художники значительную долю труда и таланта своего отдали театру, а некоторые из них почти исключительно работают в этой области, дающей широкие возможности фантазии художника. Как ни странно, но до того времени в России, как и в других странах, декорации и костюмы для театра писались обыкновенно «специалистами» этого дела, в большинстве скучнейшими ремесленниками, а лучшие, подлинные художники, по какому-то заблуждению чуждались театра.

Знание и чувство стилей, декоративное чутьё, совершенно новая техника письма декораций, понимание отношений между костюмами и декорациями создали новую эпоху в русской декоративной живописи и оказали, особенно через выступления в Париже, влияние на театральную работу художников и в других странах.

Но, объединяясь в одном общем порыве к декоративности, живописности и стилю, каждый художник шёл своей дорогой, свойственной его индивидуальности. Совершенно особым путем направился и Рерих, этот оригинальнейший, ни на кого не похожий художник.

Ретроспективность, то есть устремление к искусству прошлого, свойственная всем художникам данной группы, увлекла и Рериха. Будучи одновременно и археологом, художник углубился в славянскую и скандинавскую древность и создал ряд картин совершенно нового, особенного понимания историзма и преисторизма.

Работа учёного-археолога не помешала Рериху остаться чистым художником и через глубь веков почувствовать древнего человека, его религию, его искусство и его отношение к природе. На картинах Рериха наши предки убоги, неуклюжи, в грубых одеждах и как будто маловыразительны. Но как страшна и прекрасна полная тайн окружающая человека природа, в которой всё ему непонятно, всё его пугает и всё внушает священный трепет. Какие формы, какие краски нашёл Рерих для одухотворения этой природы! Глядя на его картины, мы начинаем понимать пантеизм человека при первой его встрече с природой.

Колорит в этих картинах Рериха суровый, зловещий. Он разнообразен: от сумеречно-серого до ярко-пламенного, пылающего, но, кажется, никогда не бывает радостным.

Манера письма широкая, обобщающая. Никаких лишних деталей. Только то, что нужно для выражения. Но — всё прочувствовано. Что бы ни писал Рерих — горы, леса, облака... — всё полно значения, всё одухотворено.

Человек среди этой говорящей природы кажется невыразительным, но только кажется. Для первобытного человека Рерих нашёл ту упрощённую форму изображения, напоминающую, быть может, примитивы, которая наиболее выражает его несложный, далёкий от нас, и потому особенно интересный духовный мир. Как он колдует, молится, как смотрит на небесное «знамение»!..

Изучение старинных мастеров и особенно древней русской иконописи дало Рериху повод к созданию картин религиозного содержания, в которых он трактует темы из Священного писания, Апокалипсиса, средневековые леген-

ды. Стилизация в этих произведениях доходит почти до иллюзии. Кажется, что перед нами средневековый мастер, наивный иконописец далёкой Руси, а не художник, наш современник, утончённый знаток и ценитель старины. Но стилизация не переходит в подражание, оставаясь на той границе, которую может найти лишь большой талант. Он не боится до последних пределов перевоплотиться в чужую манеру, так как, имея что сказать, всегда, даже и на чужом языке, говорит непременно своё и по-своему.

На выставках Рериха всегда можно найти картины различных периодов его творчества. Нетрудно разглядеть, что он мог бы с лёгкостью точно передавать природу такую, как мы её видим. Но он всегда даёт её такую, какую её чувствует или какую её чувствует тот человек, душевный мир которого является темой художника. Он менее всего реалист и всегда поэт, фаталист и мистик. Оттого творчество его так гармонирует с поэзией Метерлинка, символизмом Ибсена, музыкой Вагнера, Дебюсси.

Театр многим обязан Рериху. Его работы для русской оперы, балета, драмы всегда создавали атмосферу высокой художественности, помогали артисту. Написанные широким приёмом, его декорации не развлекали зрителя ненужными подробностями и не идущими к делу красочными эффектами, а помогали ему сосредоточиться и почувствовать смысл, дух, характер действия и музыки.

1918

Рукопись хранится в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

Публикуется по изданию: «Держава Рериха». Москва. Изобразительное искусство. 1994.



Журналист Хааген и М Фокин на выставке Н.Рериха в Копенгагене.
(Фото опубликовано в газете "Vore Herrer" (Копенгаген) 20 февраля 1919 г).

25 февраля 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой и милый Николай Константинович!

Опять здоровье немного ухудшилось от (маленькой) простуды, почему в Выборге завтра не буду. Известил об этом Карташёва и просил перенести свидание на другое время. Замотался я ещё здесь! Как-то выходит, что каждый день на людях и в разговоре, недосыпаю и утомляюсь.

О делах. Книгу разрешите задержать ещё на немного дней. Сегодня сажусь за статью о Вашем творчестве¹ и постараюсь быстрее написать.

Фонд «имени Андреева» оказался созданным исключительно для напечатания и распространения *моих* статей, так что если мы пожелаем сохранить наш кружок — надо будет изыскать другие средства. На деньги фонда послана телеграммой Бурцеву моя статья. (Стоило 12 000 марок!)² И будет издаваться через посредство издательства Тиандера и в его переводе по-фински и шведски. Будет издана и по-русски, также выйдет в обеих газетах³. Сегодня был у меня И. А. Меликов, и обо всём мы условились.

Конечно, это не мешает и Вашим добрым «людям», принёсшим деньги⁴, печатать статью в каком угодно количестве - с удовольствием разрешаю! Меликову об этом заявлено мною. Ваш рисунок - это богатство. Выбирать не решаю, пусть то, что ближе Вашей душе. Всё хорошо - и «Всадник помощи» (С.О.С!), и «меч мужества» (спящим-то!), и не знаю, что лучше; менее подходит град обречённый⁵, поскольку основной звук в призыве и есть элемент пассивности и страдания, а надо именно мужество и быстрого коня! Так что действуйте, и можно уже теперь приступить к печатанию - но не выпускать, пока не выйдет в газетах здешних.

И ещё дело. Приехал И. В. Гессен («Речь»), и я уже был у него в карантине⁶, поеду и завтра. Вероятно, он увидит Вас и расскажет чудесные вещи о наших художниках и писателях; особенно хорош 75-летний юбилей КОНИ, каковой он справлял с - большевиками!⁷ И стыдно, и смешно, и страшно! Но дело

¹ Берман Е. Г.

² Статья Л. Андреева «S.O.S.» была послана телеграммой в Париж Особым комитетом по делам русских в Финляндии.

³ Под «издательством Тиандера» Андреев имеет в виду книгоиздательство «Фундамент», основанное в Гельсингфорсе осенью 1918 с целью опубликования книг и календарей на русском языке. Директором издательства был К. Ф. Тиандер. Перевод статьи на шведский язык, напечатанный в журнале «Nya Fugen» не был подписан, но возможно, что переводчиком являлся Тиандер, который был сотрудником журнала. Финского перевода «S.O.S.» не было. Впервые о статье «S.O.S.» сообщалось 19 и 21 февраля 1919 в гельсингфорских газетах «Русский листок» и «Северная жизнь».

⁴ Вероятно, речь идёт о Скандинавском обществе помощи Российскому воину, секретарём комитета которого одно время был Н. К. Рерих.

⁵ Вскоре вышла брошюра «S.O.S.» с рисунком Н. К. Рериха «Меч мужества» на обложке. Видимо, из предложенных Н. К. Рерихом произведений выбор пал на эту картину, а не на «Всадник помощи» и «Град обречённый».

⁶ Карантин был расположен недалеко от Ваммельсуу в Териоках в целях проверки политической благонадёжности.

⁷ А. Ф. Кони исполнилось 75 лет 9 февраля 1919. Замечание Л. Андреева нужно понимать как сарказм, не только потому, что большевики так и не отметили юбилея, лояльно сотрудничающего с ними А. Ф. Кони, но и потому, что в данное время жизненные условия Кони были крайне стеснёнными.

в самом Гессене. Его *необходимо* приспособить к делу и ввести в гельсингфорский Комитет. Во-первых: это он - тот, кто поставит газету и поставит под ноzi свои обоих дерущихся... Ах, до чего в газетном отношении слаб Ляцкий! Во-вторых - вообще в лице Гессена мы получаем настоящего, опытного и настойчивого общественного деятеля необходимой сейчас окраски. Напишите об этом Карташёву и просите, ибо *многие* наверно будут подставлять Гессену ножку и оттирать. Сам Гессен, которому я высказал мои пожелания, с охотою готов идти на всякую работу, стосковался о ней.

Крепко жму Вашу руку, милый друг, и - всё же до скорого свидания! Будет же день, когда мы поговорим по-человечески, а не по-комитетски. Кстати: не особенно доверяйте раздражённому отзыву Ш. о Троцком-Сенютовиче — это человек *ещё* малоопытный в общественном деле, но энергичный, деятельный и *честный*, что сейчас так необходимо. Когда он немного приобькнет, он станет одним из лучших работников. И он здорово всех их будоражит! Привет сердечный.

Ваш душою Леонид А.

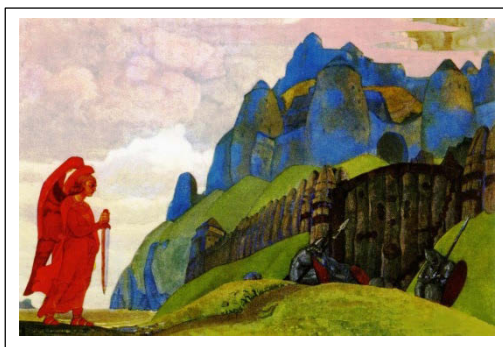
25 февраля 19 г.

Леонид Андреев. С. О. С. С. 274-275.

«Ваш рисунок — это богатство...»



Н.К. Рерих. Меч мужества. 1919.



Н.К. Рерих. Меч мужества. 1912.

МАРТ

1 марта 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой друг!

Целился написать статью как раз к первому (российская привычка — в последний срок!) и промахнулся: оказалось, что в феврале, несмотря на декреты, всего 28 дней, и я на день опаздываю. Именно: кончаю статью сегодня вечером и завтра, оставив себе копию на всякий случай, почтою посылаю Вам вместе с этим письмом. Только не судите строго! Говоря по чистой совести, очень трудно (а минутами казалось, невозможно) сосредоточить мысль на чём-либо ином, кроме треклятого большевика. С какою радостью в иное время я не только лизнул бы от Вашего творчества, как сейчас, - а окунулся бы с головой, постарался бы нырнуть на самое дно! А то говорю: красота, и даже как будто чувствую, а в душе: будь ты трижды анафема, проклятый Лентроцбруевич!

А здоровье всё скандально, повторяются припадки удушья и в Выборг пока - не еду. Нынче депеша от Карташёва, что 5-го он приедет ко мне, чему очень рад. Завтра вижусь с Гессеном, он заедет по пути в Гельсинки, получил разрешение. Меня всякие люди убеждают съездить в Гельсингфорс, чтобы основательно поговорить с тамошними и вообще «повлиять» - я согласился и прошу теперь о разрешении. Но поеду ли - Бог весть.

«Фонд имени Андреева» оказался созданным специально для моих статей, о чём я уже писал Вам, и нашему кружку либо надо изыскивать новые средства, либо - прекратиться. Между нами: я склоняюсь к последнему. Последнее заседание наше внушило мне большие сомнения в приспособленности всех этих [милых] добрых и умных людей к делу пропаганды - а для нас с Вами двоих кружка не надо, мы и так сговоримся. Тут нужны *огромные* средства, много людей пишущих и пребывание в центре. Именно об этом я хочу поговорить в комитете и с генералом, убедить его, что теперешняя война идёт не столько пушками, сколько прокламациями. Их нужно *много*, по всей России, по всем *фронтам*. Вот сегодня прочёл, что большевики ассигновали на пропаганду в Финляндии 8 миллионов. Возможно, что в центре организацию литературной части возьмёт Гессен, а я могу взять на себя редакцию, кроме собственных статей. Завтра поговорю об [этом] с Г[ессеном] и Вальтером.

О делах. Вальтер передал мне от Вас о предложении (из Стокгольма) Руманова и других издать и распространять С.О.С. и о предложении мне лично 10 000 марок за право издания. Подумав, я решил эти деньги взять, ибо уже давно живу в кредит и никаких даржанов⁸ не имею; и, между прочим, я начинаю хлопотать о закладе дачи. В сущности говоря, это дело - моего кормления - надо было бы поставить иначе, но как - не хочется говорить. Уладится! Пустяки, к слову пришлось.

⁸ «D'argent» (фр.) — денег.

Значит Вы, дорогой, пошлёте им разрешение и благодарность, конечно. Беспокоит меня участь С.О.С. за границей, боюсь, что побоятся напечатать. Но меня это не остановит, раз взялся.

Обнимаю и крепко жму Вашу руку. Как хорошо, что мы оба - тут!

Ваш Леонид А.

1 марта 19 г.

Леонид Андреев. S.O.S. С. 275-276.

(Текст ПРИЛОЖЕНИЯ к письму от 1 марта 1919 г. см. 6 февраля)

12 марта 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович! Анна Ильинишна словесно передаст мои приветы, а письменно два слова о С.О.С. Возмутительно, что Комитет до сих пор не может узнать (срочной телеграммой) о её судьбе и тем *задерживает* напечатана в газетах, а также выпуск брошюр на том же английском и французском языках. Если редакции французских и английских газет отказались напечатать статью по своим соображениям, то брошюры могут в известной степени заменить газеты.

Лично я думаю, что статья задержана не иностранцами, а нашими собственными доморощенными политиками и дипломатами. Бурцев усумнился и посоветовался с Х. Х. решил, что «при ведущихся переговорах» напечатание С.О.С. может быть несвоевременно, преждевременно и опасно, У. думает, что можно, Зет - что нельзя и т. д. Я уверен, что при коалиционной редакции Маклаковых, Чайковских, Сазоновых и прочих вообще ни одна моя статья не увидела бы света, хотя, после напечатания, каждый из них приветствует её. Разве с[оциалисты]-р[еволюционеры] вместе с каде[тами] напечатали бы «Гибель»?⁹ Этих «слишком дипломатов» надо ставить перед совершившимся фактом. Боюсь, что статья пропала в этом болоте - или ином.

Надо во что бы то ни стало ускорить выпуск её в брошюрах. Иначе совсем глупо. И как трудно писать при этих условиях - всё равно, что, родив ребенка, отдать его на воспитание к Бабе-Яге.

Дружески обнимаю Вас. Жалко, что говорить с Вами будет моя жена, а не я!

Ваш Леонид А.

12 марта 1919 г.

Публикуется по изданию: Леонид Андреев. S.O.S. С. 277.

19 марта 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху

Дорогой мой Николай Константинович!

Вчера Анатолий Ефимович¹⁰ сообщил мне печальную весть, что Вы очень скоро, всего, быть может, через несколько дней можете уехать в Европу. Это

⁹ Статья Л. Андреева «Гибель» была опубликована в газете «Русская воля» 30 апреля 1918 г. – Ред.

¹⁰ Шайкевич А.Е.

производит такое впечатление, как будто я должен ослепнуть на один глаз: ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к Западу от прекрасного Тюрисева. И значит - и видеться не будем? И говорить не будем? Дорогой мой, если это действительно случится, приезжайте хоть на один вечерок, переночуете у меня, будем говорить!

Передал мне А[натолий] Е[фимович] несколько утешительных слов о С.О.С. (Руманов и письмо Милюкова), но всё же положение остаётся для меня не вполне ясным - вернее, совсем не ясным. Что Париж? Бурцев? Кстати, хочу Вас попросить, чтобы Вы поставили меня в контакт с Румановым: кажется, у них есть там какое-то издательство, а я скоро думаю кончить свой роман «Дневник Сатаны» (опять работаю над ним) и, если общие усилия окажутся подходящими, отдать его им - слишком долго ждать, пока можно будет издаваться в России, да и деньги нужны.

Передал мне А[натолий] Е[фимович] и предупреждение относительно Д[енисевича]. Неприятно всё это. И я, и Анна всегда были далеки от этого Д[енисевича], человека доброго, но бестолкового, легкомысленного, несмотря на свой почтенный возраст, и безответственно болтливом. По существу совершенно безвредный, своей неосмысленной болтливостью он производит на людей странное и, к своему несчастью и удивлению, даже подозрительное впечатление. До его приезда сюда мы не видали его целый год, и, надо сказать правду, он стал ещё несноснее. С первых дней он начал хлопотать о визе в Швейцарию, каковую, кажется, уже получил, и уже на этой неделе собирается уезжать, чему мы не по-родственному рады. Нелепый человек!

Но нам надо поговорить! Тошно писать коротенькое письмо, когда столько длинных мыслей. А здоровье всё плохо, и последние дни было прямо-таки скверно, так что даже и из дому не выхожу. И будущее смутно. Вот жизнь-то стала! Хорошо, что Вы, дорогой друг, и Ваша жена (о ней мне хорошо говорила Анна) такие бодрые люди...

Сейчас видел Вальтера. По вопросу о выпуске брошюры С.О.С. срок предоставляю Вам, ибо Вы гораздо лучше меня осведомлены о положении за границей, ведь я всё сам узнаю только через Вас. Мне лично кажется, что брошюру выпускать можно, - до каких же пор будем ждать? Газеты (французские и английские) в настоящее время уже должны напечатать, а если не напечатали, то и не напечатают. Если же С.О.С. пойдёт там также брошюрой, то мы повредить ей не можем, наоборот. Отсутствие вестей из Парижа меня поражает. При сём прилагаю любопытное письмецо из Роттердама, показывающее... Впрочем, о нём пишет Вам Анна. Но неужели мы не увидимся до Вашего отъезда? Боюсь, чтобы теперешнее русофобское здешнее настроение не отразилось на Вашей выставке¹¹. - Вчера был у меня Кузьмин-К[араваев], только что приехавший, и, слушая его, я прослезился. Доколе, Господи! Крепко жму Вашу руку, милый друг.

Ваш Леонид А.

19 марта 19.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. С. 278-279.

¹¹ Выставка картин Н. К. Рериха в Гельсингфорсе была открыта в конце марта 1919 в салоне Стриндберга.

29 марта 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху

Дорогой мой Николай Константинович! Так зарядился своим «Сатаною», что едва выцарапал время для письма; да что коротенькое письмо! За кусочек Вашей «державы» сердечная благодарность, а что Вы уезжаете-таки, серьёзно и окончательно, - для меня вознаградимо. В то же время даже и на судьбу пожаловаться нельзя: в самом деле, Вам надо ехать, это хорошо и для дела, и для Вас. Конечно, я завидую мало-мало: с каждым днём труднее здесь и невыносимее жизнь. С одной стороны - рук приложить не к чему, так они и болтаются в рукавах, с другой - видимо растёт чёрная сила. Вдруг начались юдофобские выступления, и довольно решительного характера. И доносы, доносы...

Хотел написать письмецо Маклакову, да не стоит, Вы ему лучше можете рассказать, что здесь, чего ждём, чего боимся и на что надеемся. Теперь, после провала С.О.С. за границей, я начинаю опасаться неистовости моих слов — и цензуры. Вот Венгрия обсоветилась¹²... Для меня это факт огромнейшего значения и - если Антанта сразу не возьмёт-таки быка за рога — может вовлечь Европу в новую мировую войну. Голод, полный развал культуры, победа варварства над Римом и новое тёмное Средневековье. А разве их, господ Соглашение¹³, об этом не предупреждали? Не заклинали и не умоляли? Все слова сказаны.

«Дневник Сатаны» думаю кончить недели через две. Об условиях издания ничего сказать не могу, теперь всё так изменилось, и я совсем отстал. В рукописи листов 12-13, на целую книгу, а почём брать, не знаю. Прежде за лист в альманахе я брал 1000 - 1500 рублей, а за книгу отдельно, а как теперь? При этом рубле? Если издательство вполне добросовестное, то можно брать процент с экземпляра, но сколько, опять не знаю. Между прочим: кто сулил мне эти 10 тысяч марок? Я внёс уже их в бюджет, а теперь недоумеваю; если соврали, то Бог с ними, но нужно знать, на что я могу рассчитывать, а то я из этих денег чуть новых двухэтажных штанов не построил! Простите, милый друг, что я обременяю Вас этими пустяками, но так уж вышло. Скажите им (а кто это?), чтобы они прямо сносились со мною.

Надо было сделать Вам пожелания на дорогу, да что! Поезжайте, и пусть Вам будет там лучше, чем здесь нашему брату. Всё-таки думаю почему-то, что расстаёмся ненадолго: должен же быть конец этому треклятому периоду! Но пожалуйста, дорогой, пишите оттуда, это будет мне чрезвычайно дорого. Только ничего не пишите соблазнительного: о весне, вежливости, музеях и книгах.

Крепко обнимаю Вас и целую. Будьте здоровы, живите и работайте, у Вас ещё такая дорога впереди. Бог в помощь!

Неизменно любящий

Леонид А.

29 марта 1919 г.

Голубчик, пришлите мне полсотни экземпляров брошюры С.О.С. и с Вашим рисунком — ведь я его ещё не видал. Нужно для раздачи хорошим людям.

Публикуется по: Леонид Андреев. С.О.С. С. 280-281.

⁹ Кратковременная Венгерская советская республика была провозглашена 21 марта 1919.

¹³ Соглашение — Entente (фр.). Имеется в виду союз «Антанта».

29 марта 1919 г.

Леонид Андреев
ДЕРЖАВА РЕРИХА

...Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает её постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так, сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда нежданная, всегда радующая глаза и душу; видеть картину Рериха – это всегда видеть *новое*, то, чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. - Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что сняты лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любит профан всё загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотой.

И оттого путь Рериха – путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надёжным хранилищем его творческих откровений; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику. Сейчас, когда величие и будущность России так страшно колеблются на мировых весах, этот *дар* художника мы, русские, должны принять с особым трепетом и благодарностью...

Но ни простодушный, взволнованный профан, ни художественный схоласт в его специфических восторгах перед мастерством Рериха не могут в полной мере насладиться своеобразным гением художника, не имеющего себе подобных: это дано лишь тому, кто сумел проникнуть а мир Рериха, в его великую державу, кто сквозь красоту письмен смог угадать и прочесть их сокровенный смысл. Рерих не слуга земли – он создатель и повелитель целого огромного мира, необыкновенного государства, где живут. Колумб открыл Америку, ещё один кусочек всё той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию – и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который *среди видимого открывает невидимое* и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир!

Целый новый мир!

Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, за которыми она становится уже *ясновидением*. Так описывать свой мир, как описывает Рерих, может лишь тот, кто не только вообразил его и воображает, но кто видел его глазами и видит его постоянно. Образы невещественные, глубокие и сложные, как сны, он облакает в ясность и красоту почти математических формул, в красочность цветов, где за самыми неожиданными переходами и сочетаниями неизменно чувствуется правда Творца. Свободное от усилий, лёгкое – как танец, творчество Рериха никогда не выходит из круга божественной *логичности*; на вершинах экстаза, в самом ярком хмелю, в самых мрачных видениях, грозных и многозначных, как вещания Апокалипсиса – его богом остаётся блаженно гармоничный Аполлон. Странно сказать: при изображении своего *субъективного* мира, Рерих достиг той степени *объективности*, при которой самое невероятное и надуманное, как какие-нибудь «лесовики» или «дом ду-

ха», становятся убедительным и несомненным, как сама правда: он видел это. Высшая ступень творчества, последний шаг ясновидения: временами Рерих словно фотографирует картины и образы своего несуществующего мира: так он реален. Странно сказать: вид обречённого города, «фасад» дома Духа!.. Или он существует?

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесённый ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте - об его людях - об его страхах, радостях и страданиях - о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война - там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география, скалы о его берегов, как скрижали завета. Тут знают многое, тут видят глубоко; в молчании земли и небес звучат глаголы божественных откровений. И, забываясь, можно посмертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит - видит такой прекрасный мир, мудрый, преображённый, прозрачно-светлый и примирённый, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой - Рерих не слуга земли ни в её прошлом, ни в настоящем: он весь в *своём* мире и не покидает его. Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются «Покорением Казани» или декорациями к норвежскому «Пер Гюнту», - даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира; *такой* Казани никогда не покорял Грозный; такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел Грозный в грёзах своих, когда во имя Христа, во имя своей крестьянской, христианской, апостольской России поднимал меч на басурман; но очень возможно, что именно *такую* Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазёр и печальный неудачник Пер Гюнт - Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля - и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить Север. Дело в том, что не занесённая на карты держава Рериха *лежит* также на Севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих - единственный поэт Севера, единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его чёрные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи. Это не тот мрачный Север художников-реалистов, где конец свету и жизни, где Смерть воздвигла свой ледяной, сверкающий трон и жадно смотрит на жаркую землю белёсыми глазами - здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе. *Близость* смерти даёт только воздушность очертаний этому прекрасному миру... и ту лёгкую, свет-

люю, почти бестрепетную печаль, которая лежит на всех красках Рериховского мира: ведь и облака умирают! Ведь умирает и каждый восход! Так ярко зеленеть, как у Рериха, может только та трава, которой ведом за её коротким летом приход зимы и смерти...

И ещё одно, важнейшее, можно сказать о мире Рериха – это мир правды. Как имя этой Правды, я не знаю, да и кто знает имя Правды? – но её присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека всё наносное, всё лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви – и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать *словами* и её очарование и красоту; то, что *так* выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нём. Но - если уместна шутка в таком серьёзном вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серьёзную, бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут *историю* этой новой земли и заносят её на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

1919 г.

Текст публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. С. 349-352. Впервые была напечатана в газете «Русская жизнь» (Гельсингфорс). 1919 г. 29 марта. № 23, а также в финском журнале «Otava».

КАТАЛОГ¹⁴ ВЫСТАВКИ Н.К. РЕРИХА В ХЕЛЬСИНКИ,

Салон Стринберга

Художественная выставка № 71

АО Типография Линдберга. Хельсинки.

(на шведском яз.)

Николай Рерих

Когда Николай Рерих впервые выставлял свои работы в Финляндии, некоторые были добавлены в каталог его выставочных работ.

Рерих как художник лишь отчасти знаком в нашей стране. Однако он не чужд Северу. Недавно он устроил выставку в Стокгольме, и сейчас он приезжает к нам из Копенгагена, где его экспозиция пробудила необычайный интерес. Многие посетители Балтийской выставки 1914-го года наверняка помнят выставочный зал с яркими, своеобразными работами художника.

Характер и пристрастия Рериха ведут его к древности, там фантазия мастера освобождается, часто в тёмных и мрачных тонах. Ему нравятся старые сказания, и он обрабатывает их с той же богатой фантазией, это касается древнескандинавских или древнерусских мотивов. Его интерес к северной культуре, возможно, в определённой мере обусловлен его скандинавскими корнями. По отцовской линии его родственники происходят из Скандинавии, среди родственников матери исконные русские с традициями, идущими от Петра Великого.

¹⁴На выставке в Хельсинки было выпущено 2 каталога. Один каталог опубликован на шведском языке, второй – на финском – *ред.*

Рерих без колебаний отмечает времена древних варягов на Руси в качестве периода исключительного значения для истории русского искусства. Из этого периода он берёт так много мотивов для своих картин. Там зрители чувствуют себя перенесёнными в прошлое – в сказании древнего Севера, с освещёнными солнцем дракками и викингами в блестящих доспехах и сверкающим оружием.

Ещё одна составляющая искусства Рериха, возможно, ещё более значительна и глубока – мистически-религиозная, конечно же, связанная с его личными склонностями: он также занимается литературной деятельностью, преимущественно обращаясь к мистически-религиозным проблемам. Сложно вкратце дать описание этого мистического элемента, с которым и сказание, и аллегория достаточно тесно связаны. Глубокие мысли являются основой необычайных картин со странным сюжетом и сияющими красками.

Подобно безграничной фантазии Рериха его работоспособность и многосторонность интересов великолепны. Помимо исторических и аллегорических картин он пишет портреты, фрески, декорации для балета и театра. Сред вышеназванных можно отметить декорации к «Пер Гюнту» для драматического театра в Москве (которые, несмотря на кажущееся совершенство воспроизведения норвежской природы, всё же отражают стиль художника), а также для известной оперы Бородина «Князь Игорь», к произведениям «Слепые» и «Сестра Беатриса» Метерлинка и многим другим.

Как и большинство работ современного русского искусства, Рерих до сих пор бы сравнительно неизвестен нашей публике. Но как в Росси, так и во всей Европе его работы находятся в крупных музеях : В риме, в Люксембурге, Сан-Франциско и т. д. Он проводил выставки в Париже, в Лондоне, Вене, Праге, Венеции, Милане, Брюсселе, Чикаго и других крупных городах.

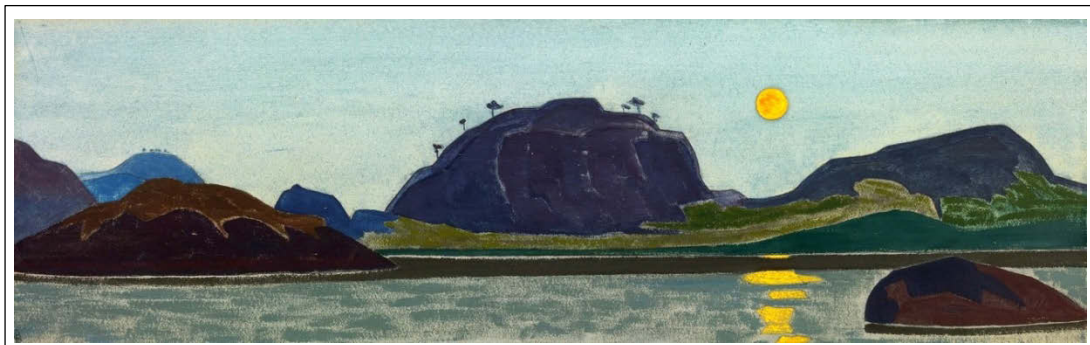
Появилось множество монографий о Рерихе и его художественном творчестве на разных языках. Среди таковых можно назвать работы А. Бенуа, Дени Роша, С. Маковского, В Риттера и др.

Профессор Николай Рерих родился в 1874 году. В настоящее время он вынужден находиться на положении беженца в Выборге. Некоторые из его работ на финские мотивы можно найти на выставке.

- | | |
|---|---|
| 1. Вечер | 16. Галерея замка (эскиз к «Принцессе Мален») |
| 2. Эскиз | 17. Комната королевы |
| 3. Старая Русь | 18. Сыновья неба (библейские мотивы) |
| 4. Горное озеро | 19. Белый камень |
| 5. Заклинание | 20. Двор замка (эскиз к «Принцессе Мален») |
| 6. Голубые горы. (Кавказ) | 21. Лаппенлинна |
| 7. Отверженный | 22. Декорации к «Князю Игорю» |
| 8. Бугур-стан. (Кавказ) | 23. Башня королевы (эскиз к «Принцессе Мален») |
| 9. Варяжское море | 24. Дары |
| 10. Комната Мален (эскиз к «Принцессе Мален») | 25. Декорации к «Князю Игорю» (Лондон) |
| 11. Идолы | 26. Декорации к «Снегурочке» (для «Опера Комик» в Париже) |
| 12. Темница | 27. Откровение (Владыки нездешние) |
| 13. Каменный век | 28. Декорации к «Князю Игорю» (Лондон) |
| 14. Перед замком (эскиз к «Принцессе Мален») | 29-34. Сюита в Карелии |
| 15. Пещера троллей | |

- | | |
|---|--|
| 35. Двор в Карелии | 73. Сокровище |
| 36. Cog ardens | 74. Покаяние |
| 37. Храм | 75. Рыцарь дня
(эскиз к серии «Вечные всадники») |
| 38. Камень вождя | 76. Рыцарь утра
(эскиз к серии «Вечные всадники») |
| 39. Йоэнсуу | 77. Рыцарь вечера
(эскиз к серии «Вечные всадники») |
| 40. Фамагуста (украшение для дверей) | 78. Рыцарь ночи
(эскиз к серии «Вечные всадники») |
| 41. Утренние птицы | 79. Скупой рыцарь
(декорации к пушкинской поэме) |
| 42. Рыцарь ночи | 80. Ещё не ушли... (эскиз) |
| 43. Белая ночь (Ладога) | 81. (Заклинатель змей) |
| 44. Румянец | 82. Дракон и корона |
| 45. Замковая гора | 83. Водский церковный погост
(из старого Новгорода) |
| 46. Норвегия | 84. Нойда |
| 47. Cog ardens (вариант) | 85. Волшебница дождя |
| 48. Кекринлахти | 86. Клад захороненный (сюита «Героика») |
| 49. Светаюра | 87. Зелье нойды (сюита «Героика») |
| 50. Эскиз | 88. Приказ (сюита «Героика») |
| 51. Каменный лик (эскиз пейзажа для картины «Аскет») | 89. Священные огни (сюита «Героика») |
| 52. Секретный вход | 90. Вечное ожидание (сюита «Героика») |
| 53. Хийден Селька | 91. Конец великана (сюита «Героика») |
| 54. Дочь викинга | 92. Победитель клада (сюита «Героика») |
| 55. Карелы | 93. Властитель ночи (сюита «Героика») |
| 56. Долина Тулола | 94. Звон колоколов (старый Псков) |
| 57. Тулолансаари | 95. Заклинание (эскиз) |
| 58. Эскиз к картине «Заговорщики» | 96. На студёном море |
| 59. Сага о Вёлунде (1 часть сюиты) | 97. Послание Святому Фёдору Тирону |
| 60. Чёрная гора | 98. Озеро в горах (Карелия) |
| 61. Утренняя молитва | 99. Сокровище ангелов |
| 62. Ступени | 100. Облако над холмами |
| 63. Туман рассеивается | 101. Эскиз к «Принцессе Мален» |
| 64. Двор (эскиз к «Принцессе Мален») | 102. Эскиз |
| 65. Ладога | 103. Вечер |
| 66. Гнев | 104. Лист из путевого альбома |
| 67. Эскиз | 105. Regnlandskap (Пейзаж с дождём) |
| 68. Половецкий хан. Костюм для Шаляпина
(постановка оперы «Князь Игорь») | |
| 69. Победитель | |
| 70. Голубое облако | |
| 71. Сага о Ньяле (Смерть Ньяля) | |
| 72. Острова | |

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Текст каталога опубликован на финском языке. Перевод с финского.

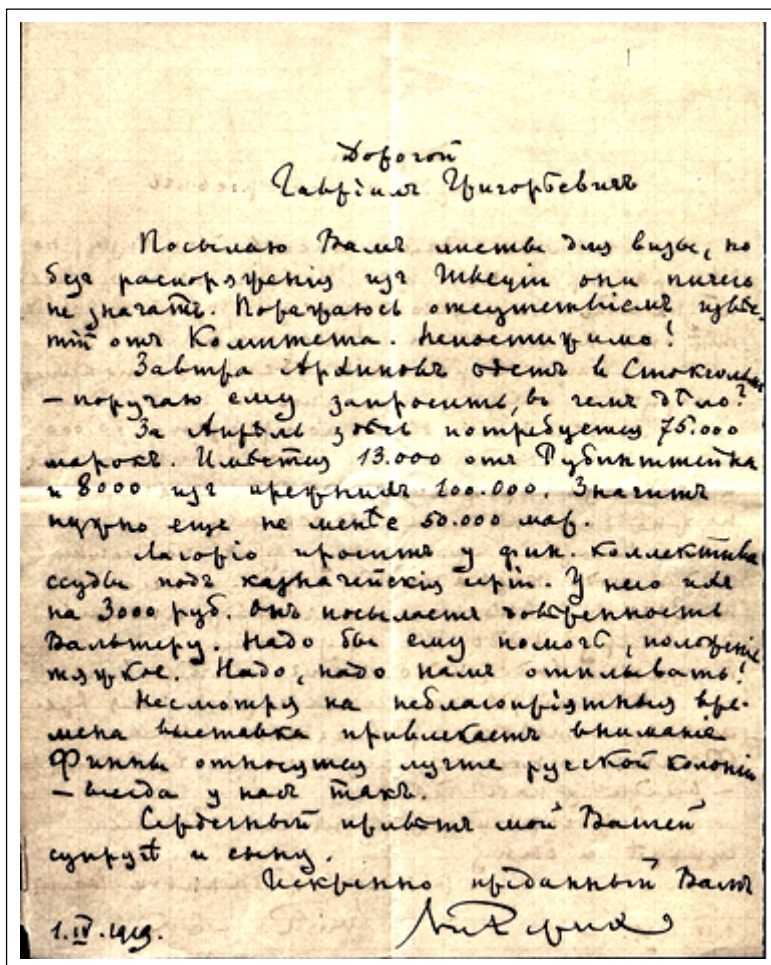


Н.К. Рерих. Ладога. (Лунная песнь)1919.

АПРЕЛЬ

1 апреля 1919 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.



Дорогой Гавриил Григорьевич.

Посылаю Вам листы для визы, но без распоряжения из Швеции они ничего не значат. Поражаюсь отсутствием известий от Комитета. Непостижимо!

Завтра Архипов едет в Стокгольм – поручаю ему запросить, в чём дело?

За Апрель здесь потребуется 75.000 марок. Имеется 13.000 от Рубинштейна и 8.000 из прежних 100.000. Значит, нужно ещё не менее 50.000 мар.

Лагорио просит у фин. коллектива ссуды под купеческие серии. У него их на 3.000. Он посылает доверенность Вальтеру. Надо бы ему помочь, положение тяжкое. Надо, надо нам отплыть. Несмотря на неблагоприятные времена, выставка привлекает внимание. Финны относятся лучше русской колонии – всегда у нас так.

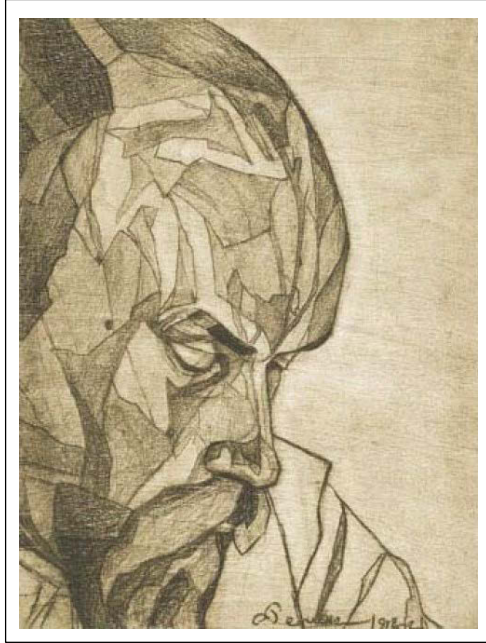
Сердечный привет мой Вашей супруге и сыну.

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

1.IV. 1919.

Архив Музея Рерихов, Москва.



Святослав Рерих. Портрет отца. 1918 г.

Николай Рерих

Поскольку Николай Рерих, русско-скандинавский художник, первый раз организует художественную выставку в Финляндии, наверное, уместно будет высказать пару строк в каталоге о его выставке. В Финляндии его имя и искусство пока весьма мало известно. В России в обширных районах Европы он, напротив, прославленный художник. Его произведения в течение последних лет приобретены во многие большие художественные музеи, такие как в Риме, Люксембурге, Сан-Франциско и так далее. Он выставлял свои работы в Париже, Лондоне, Вене, Брюсселе, Чикаго и прочих больших городах, в том числе в Стокгольме и Копенгагене, где его выставка вызвала на редкость большое внимание.

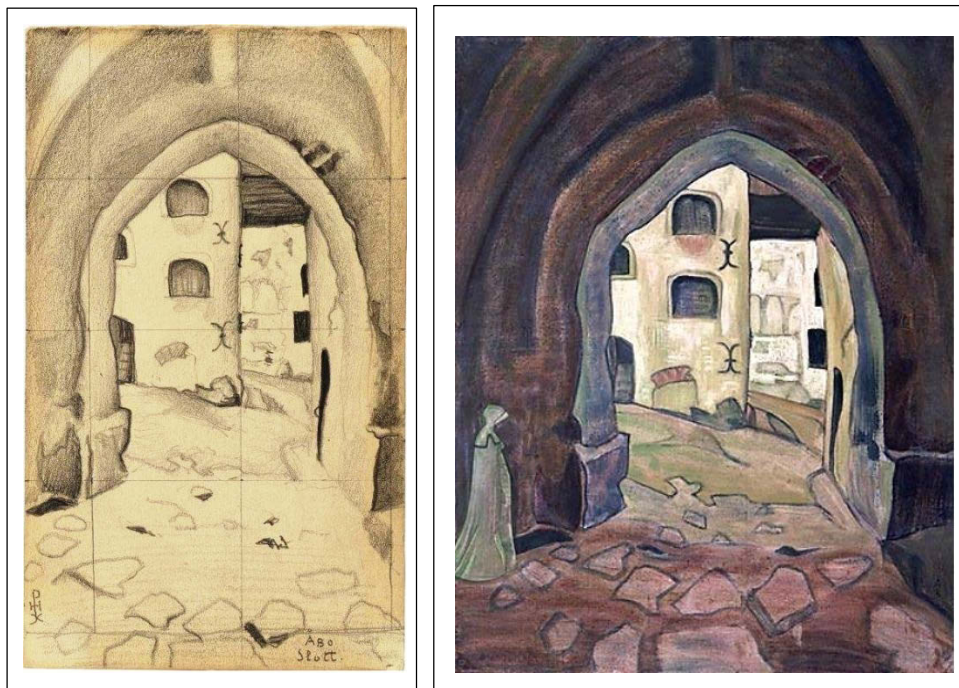
Темы картин Рериха рассматривают по большей части историю и легенды северных стран. С помощью живого воображения он погружается в народные сказки, легенды и мифы северных стран и России. Кроме исторических и аллегорических картин, он пишет портреты, фрески, эскизы для балетов и театральные декорации, в том числе известные в Финляндии декорации к драме «Пер Гюнт» для русского прославленного Московского драматического театра. Рерих также выступает как плодотворный писатель, главным образом, на религиозно-мистической основе.

О Рерихе появились разнообразные монографии на многих языках. Среди авторов упоминают в том числе А. Бенуа, Дени Роша, С. Маковского, В. Риттера и т.д. В апрельском номере журнала «Оттава» опубликована статья о художнике писателя Леонида Андреева, ныне живущего в Финляндии.

Профессор Николай Рерих родился в 1874 году. Со стороны отца его род имеет скандинавские корни, со стороны матери он из чистокровного русского рода, ведущего начало со времён Петра Великого. В настоящее время он временно пребывает в положении беженца в Выборге. На выставке также встречается много работ на финские темы.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Каталог опубликован на финском языке.

«Темы картин Рериха рассматривают по большей части историю и легенды северных стран...»



Н.К. Рерих. Белая дама. 1919. Слева – Эскиз композиции к картине.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись мы к ним, когда услышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом полуразрушенном окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама, появляющаяся перед чем-то особенным. Тогда же рассказывали нам и легенды древних ревельских башен, и сказания о замках Лоде и Таубе — всё это было необычно, и после тишины изварских лесов и озёр шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу».

Н.К. Рерих. Эстония. 1937 г.

***3 апреля 1919 г. Гельсингфорс/
Письмо Н. К. Рерих - Андрееву Л.Н.***

Дорогой и родной Леонид Николаевич, как мы и думали— всякие силы ополчились на выставку мою: 1) Три дня валил снег и закрыл все верхние окна — зажгли с утра огонь. 2) Свирепствует испанская болезнь. 3) Общая неуверенность в будущем сейме¹. 4) Большевизм Венгрии. 5) Ссора в здешних художественных кругах (междоусобица).

¹ Кратковременная Венгерская советская республика была провозглашена 21 марта 1919.

Всё сразу! Но, тем не менее, держимся. Позитив не уступили, и внимание к выставке большое. Сегодня вышла Ваша статья в «Otava»². Ещё раз убеждаюсь насколько нужна всякая пропаганда русского дела. Ведь лишь на наших языках мы говорим полноправно. Надо и Вам на Запад³. Там мы заварили бы целое «осведомительное бюро» о России - о той России, которую мы знаем и о которой кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба во имя культуры и правды делается всё необходимее, ибо подземный пожар ползёт и его надо заливать⁴. Да и вообще отсюда надо ехать. Русская колония в Гельсингфорсе - хлам, почти вся хлам! Когда Маннергейм, случайно не могший попасть на выставку, прислал состоящего при себе, чтобы передать его привет и пожелание привета, - мне стало неприятно, ибо весь русский особый Комитет отсутствовал. Вообще к нам, деятелям культуры, — обидное пренебрежение! Простое внимание отсутствует. Ну да чёрт с ними, ведь не для них же работаем. Ведь не их солнцу радуемся! Да, опасайтесь всячески Ляцкого, - зловреден. Я это узнал уже не из Арабажинских источников.

Перед отъездом хочу сказать Вам, как часто буду вспоминать о Вас и буду посылать Вам призывные флюиды. Об издании буду говорить здесь (уже и говорилось) и в Стокгольме. Это и уместно, и необходимо. А Вы берегите себя. Шлю привет Анне Ильинишне. Всякое Ваше слово, догнавшее меня, принесёт мне сердечную радость и осветит путь мой. Крепко Вас целую и надеюсь увидеться на Западе.

Душевно с Вами,

Н. Рерих

3.IV.1919. Отплываю 19-го.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. С. 281-282.

3 апреля 1919 г. Гельсингфорс
Письмо Н.К. Рериха к Андрееву Л. Н.

“Дорогой и родной Леонид Николаевич,
Как мы и думали – всякие силы ополчились на выставку мою: 1) Три дня валил снег и закрыл все верхние окна - зажгли с утра огонь. 2) Свиристует испанская болезнь. 3) Общая неуверенность в будущем сейма. 4) Большевизм Венгрии. 5) Ссора в здешних художественных кругах (междоусобица). Всё сразу. Но, тем не менее, держимся. Позитив не уступили и внимание к выставке большое. Сегодня вышла Ваша статья в “Otava”. Ещё раз убеждаюсь, насколько нужна всякая пропаганда русского дела. Ведь лишь на наших языках мы говорим полноправно. Надо и Вам на Запад. Там мы заварили бы целое “осведомительное бюро” о России – о той России, которую мы знаем и о которой кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба, во имя культуры и правды, делается всё необходимее, ибо подземный пожар ползёт и его надо заливать. Да и вообще, отсюда надо ехать. Русская колония в Гельсингфорсе – хлам, почти вся хлам! Когда Маннергейм, случайно не могший попасть на вы-

² Согласие — Entente (фр.). Имеется в виду союз «Антанта».

³ Приехав в Лондон, Рерих предпринял шаги к осуществлению своего совета Андрееву, о чём свидетельствует запись от 22 июля 1919 в дневнике П.Н.Милюкова: «Доклад Рериха в Братстве <...> Присутствие Л. Н. Андреева в Тюрисеве, S.O.S. Необходимо способствовать приезду Андреева сюда» (Columbia. Архив П. Н. Милюкова. Дневник. Тетрадь 6. Л. 14 об.)

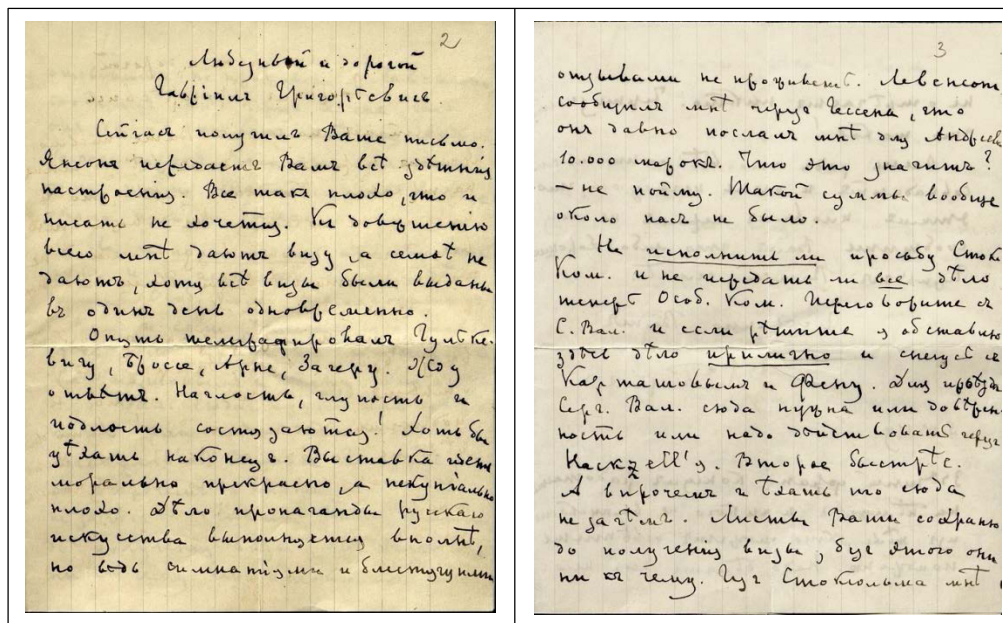
⁴ Художественный музей в Гельсингфорсе.

ставку, прислал состоящего при себе, чтобы передать его привет и пожелания успеха, – мне стало неприятно, ибо весь русский особый Комитет (особый Комитет по делам русских в Финляндии. – ред.) отсутствовал. Вообще к нам, деятелям культуры, обидное пренебрежение! Простое внимание отсутствует. Ну да чёрт с ними, ведь не для них же работаем. Ведь не их солнцу радуемся!”

Архив Музея Русской культуры в Сан-Франциско.

5 апреля 1919 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.



Автограф письма, л.1, 2.

Любезный и дорогой Гавриил Григорьевич

Сейчас получил Ваше письмо. Янсон передаст Вам все здешние настроения. Всё так плохо, что и писать не хочется. К довершению всего мне дают визу, а семье не дают, хотя все визы были выданы в один день одновременно.

Опять телеграфировал Гулькевичу, Броссе, Арне, Зегерсу. Жду ответ. Наглость, глупость и подлость состязаются! Хотя бы уехать наконец. Выставка идёт морально прекрасно, а <...> плохо. Дело пропаганды русского искусства выполняется вполне, Но ведь оптимизмами и блестящими отзывами не проживёшь. Левинсон сообщил мне через Гессена, что он давно послал мне для Андреева 10.000 марок. Что это значит? – не пойму. Такой суммы вообще около нас не было.

Не исполнить ли просьбу Сток. Ком. И не передать ли всё дело теперь Особ. Ком. Переговорите с С. Вол. И если решите, я обставлю здесь дело прилично и снесусь с Карташёвым и Фену. Для проезда Серг. Вал. Сюда нужна или доверенность, или надо действовать через Hackzell⁵. Второе быстрее. А впрочем, и ехать-то сюда незачем. Листы Ваши сохраню до получения визы, без этого они ни к чему. Из Стокгольма не отвечает никто. Чёрт знает, что такое!

Очень рад, что все наши мысли совпадают, очень печалюсь, что этим плохим пером не могу сообщить Вам что-либо хорошее.

Привет Вашей семье.

Искренно Ваш,

Н. Рерих

⁵ Antti Verner Hackzell - Министр иностранных дел Финляндии.

5.IV. 1919.

Здесь франц. Консул работает на немцев, и никого не выпускает из тех, кто может осветить положение. Надо делать без него.

Архив Музея Рерихов, Москва.

6 апреля 1919 г.

Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела

Мой дорогой друг!

Будь так добр, дай мне хороший совет, что мне делать с выставкой? Все отношения хороши и блестящи, но Атенум*) не появляется, и все покупатели исчезли. Может быть, мне нужно самому обратиться в Атенум, но я полагаю, что такое персональное обращение не удобно.

Дай мне дружеский совет.

Сердечно преданный тебе

Н. Рерих

Публикуется по: Елена Соини. Северный лик Николая Рериха. Самара. 2001.

9 апреля 1919 г. Хельсинки.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г.



На открытке: Хельсинки. Национальный музей.

CARTE POSTALE

SUMI – FINLAND

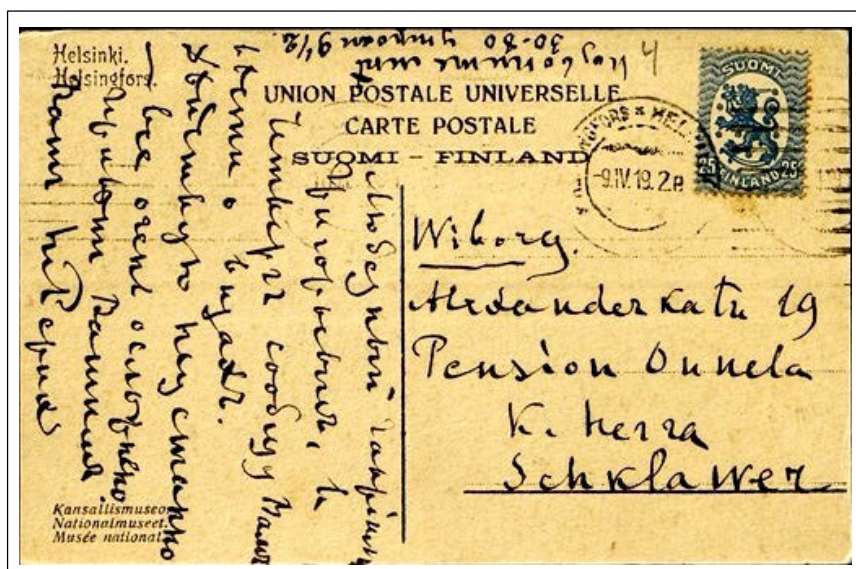
Wiborg. Alexander katu 19. Pension Ounela

K. Herra Schklawer

Любезный Гавриил Григорьевич, в четверг сообщу Вам вести о визах. Действую неустанно – всё очень осложнено. Привет Вашим.

Ваш *Н. Рерих*

Позвоните мне 30-80 в утром 9 ½.



Архив Музея Рерихов, Москва.

12 апреля 1919 г. Выборг
Письмо Юрия Рерих к Н. К. Рериху

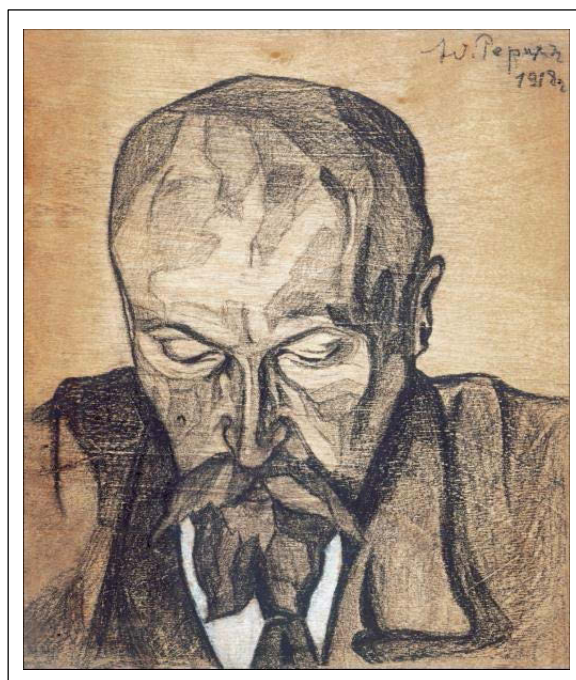
12 апреля 1919 г. Выборг

Дорогой папа!

Ради Бога, пришли мне от Валевица программу экзаменов, это мне очень важно. Работаю много.

Целую тебя крепко.

.Твой Ю. Рерих



Юрий Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1918.

23-24 апреля 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович!

Был в некоторой нерешимости, куда Вам писать. Но не это главное: духом я ослабел. Выпадают такие дни, что еле встаёшь с постели, и тоска постепенно становится преобладающим чувством. Решаюсь писать Вам об этом по дружбе, ибо не выношу в себе таких состояний и стыжусь их, как вообще стыжусь всякой болезни и слабости. И никакая работа не идёт: хватаюсь за бумагу, бросаю, ночью вместо сна думаю, а днём эти мысли ненавижу.

Причина - безумие мира. То, что делается в Европе, отношение её к большевизму и России и всё, о чём только ни читаешь, - ложится на мозги серой паутиной и отравляет душу злом и бессмыслием. А большевик всё продолжается, и не видно ни конца, ни краю всей этой мучительной чепухе, а за окнами неподвижное Тюрисево. Шайкевич идёт в гости к Вальтеру, Вальтер идёт к Шайкевичу - и холодная, формальная, бездарная весна. Вдруг начинается удушье, и целую ночь дышишь точно в трубочку.

Оттого главное и не пишу. Что за радость обременять своим нытьём! Хочется, как собаке, залезть под террасу и там отлежаться. А думаю о Вас с нежностью, милый друг. Мне ещё жаль, что Вам выпало столько неприятной возни с этими деньгами⁶, воистину в чужом пиру похмелье! Передайте мой низкий поклон и благодарность Вашей супруге за её письмецо; видно, что и её коснулась эта неприятность.

Всё собираюсь в Выборг и всё откладываю по тем же душевным причинам. А где Вы? Когда едете? Черкните письмецо. И о выставке. Крепко обнимаю и целую братски.

Ваш Леонид А.

23апреля 1919.

Сейчас, перед отправкой на почту, получил Ваше письмо и деньги, милый друг. К написанному раньше могу прибавить от всей души: эх! Читали ихнюю резолюцию?⁷ Вообще — не хочется, не могу говорить.

Вас ещё раз крепко целую. Конечно, мы вместе и твёрдо. Пишите мне и давайте адрес.

Л. А.

24 апреля.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. 1994. С. 284-285.

⁶ См. письмо от 29 марта 1919 о недоразумении по поводу 10 тысяч марок, якобы обещанных Андрееву.

⁷ Речь идёт о «Резолюции, принятой 16-го апреля на соединённом заседании Правления Особого Комитета по делам русских в Финляндии вместе с членами Особого Комитета, членами Совета представителей русской промышленности и торговли в Финляндии, представителями местных русских общественных организаций и русскими общественными деятелями» (Русская жизнь. 1919. 24 апреля. С. 1-2), в которой, в духе «Программы Русского политического совещания в Париже», отказались от переговоров с большевистским правительством и призывали союзников к военной интервенции, чтобы освободить Россию от большевиков.



Н.К. Рерих. Дочери земли. Эскиз. 1919.



Н.К. Рерих. Сыновья неба (Дочери земли). 1919.

28 апреля 1919 г.

Н.К. Рерих

КО ВРЕМЕНИ⁸

I

Среди ужаса, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства. Не удивляйтесь! Это не преувеличение и не общее место. Это - решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний - всегда был болезненным вопросом. Но теперь, когда всё человечество испытало последствия заградительной проволоки,- этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые почтенные люди болезненно начали повторять мнения, ни на чём не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред, часто неизгладимый.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская культура потрясена. В погоне за тем, что ещё не суждено человечеству, разрушены ступени восхождений. Человечество незаслуженно пыталось овладеть сокровищем, ему ещё не принадлежащим, и порвало благое покрывало богини Счастья.

Конечно, то, чего не достигло теперь человечество, - ему суждено, но сколько испытаний придётся человеку опять перенести, чтобы искупить разрушение ещё запретных врат. Каким трудом и самоотверженностью придётся опять исправлять разрушения основ культуры.

⁸ Первые четыре части статьи «Ко времени» были напечатаны в гельсингфорской эмигрантской газете «Русская жизнь» 14 марта 1919, а пятая дописана 28 апреля 1919 и осталась неопубликованной.

Знания, затворённые в хранилищах и заключённые в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенный подвиг созидания.

Жизнь наполнилась скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного заколдованного круга. Заклясть его тёмных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И приходит время необходимости этого исхода.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей - сознаемся в этом. Сознание уже есть ступень преуспевания.

Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно ещё носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом - дикое побуждение. А смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, - уже затемнён. Пропадает руководящее знание. Люди привыкают жить в темноте.

Мало знанья. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые *единственно* могут привести к золотому веку единства.

Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно - кромешное царство пошлости.

Молодые поколения не приготовлены взглянуть смело, со светлой улыбкой, в ослепительное лицо знания. Откуда же придёт познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придёт единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных твёрдых движений?

Только на почве истинного осведомления, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет *международный* язык знаний и красоты искусства. Только эти проводники могут установить *глаз добрый*, так необходимый для всего будущего созидания.

Путём вражды, грубости, поношения всё равно никуда не придти. Ничего не создать. А в природе человека осталась же душа, осталась же совесть. Сущность человека всё-таки стремится к справедливому познанию.

Долой тёмное. Уничтожим злобное и предательское. Человечество уже достаточно почувствовало на себе тёмную руку зла.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убеждённое устремление подвига: единственная опора жизни — знание и искусство. Именно в наши трудные дни, в наше тяжкое время будем твёрдо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях, и в боях, и в победах будем исповедовать их всеми силами духа.

II

Вы говорите:

«Трудно нам. Где же думать о знании и о красоте, когда жить нечем».

«Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить важные дела».

Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство вовсе по роскошь. Знание и искусство — не безделье. Пора уже запомнить! Это молитва и подвиг духа. Неужели, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоем? или от беззаботного безделья?

Нет. Молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда всё существо потрясено и нуждается в твёрдой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора твёрже? И чем же дух зажжётся светлее?

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебаний нашего духа, от недоверия, от несбывшегося ожидания.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра, и холода, и зноя.

Устремлённый дух окутывал нас непроницаемым покровом.

«Оружие не рассекает его, огонь не палит его, вода его не мочит, ветер не сушит его.

Ибо нельзя ни рассечь, ни спалить, ни пропитать влагой, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный он.

Один почитает его за чудо, другой говорит о нём, как о чуде, третий слышит о нём, как о чуде, но и услышав, никто не знает его».

Песнь Господня [Бхагавадгита – ред.], великая мудростью всех веков и народов, о чём говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в вашем житейском смысле.

Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие неодолимые препятствия возносит вас дух ваш, чтобы опустить на землю невредимым и вечно обновлённым. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится вам на помощь? Но путь его долог, а малодушие ваше быстро. Но ведь он идёт и несёт вам и «Меч мужества», и «Улыбку смелости».

Говорили о семье, покончившей угаром жизнь от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труд свой к тому, к чему должны были.

Не всё ли равно, какой труд. Выплывающий борется с волною всеми мерами. Но если силён дух его, то и силы тела его умножаются безмерно.

Но чем вы выявите дух ваш? Чем вызовете на помощь силу вашего духа? Чем вы вскроете то, что у многих засыпано обломками серого обихода?

Твержу: знанием и красотой искусства. В них, единственно в них — непобедимые заветы духа. В знании — во всём его неисчислимом могуществе. В искусстве — во всех его необозримых проявлениях. И, очищаемый, дух ваш подскажет, которое знание подлинно, которое искусство истинно. Именно дух ваш, вызванный из недр ваших, уберёжет вас от подлой, замазывающей пошлости, которую сказать нельзя, её можно только чувствовать. Но зато чувствовать безошибочно.

Взгляните. Вдумайтесь в то, что скажу. Об этом ещё вспомните. Недаром враги ваши так оперлись именно на значение искусства и знания. Даже им ведрома сила этих талисманов.

Неужели же вы предоставите им пользоваться этою мощью? Нет, и вы знаете тайну жизни, и вы наконец сумеете её использовать полно, жизненно и проникновенно.

Вы сумеете вызвать к себе на помощь дух ваш. Он, ваш водитель, подскажет вам ближайший путь. Он поведёт вас к радости и победе. Но и в победе он поведёт вас высоким путём, ступени которого скованы только знанием и искусством.

III

Крестьяне часто производили выборы таким способом: клали записки всех партий на ночь к образу и утром, закрыв глаза, вынимали то, что будет указано.

Здесь была хоть вера. Но когда вы встречали в большом доме картину, давно висевшую вверх ногами, или годами неразрезанные книги - то тут дело обстояло хуже.

Тут и неверие было. И неверие двойное. Неверие в ценность культуры. Понимание сущности культуры в самом извращённом смысле.

Получалась какая-то грозная и подлая культура.

На днях один очень почитаемый деятель сказал мне, что не мог кончить обеда под звуки пошлой музыки. И это признание было и понятно, и почтенно, и красиво, ибо этот деятель на серьёзном симфоническом концерте нашёл бы подлинный духовный подъём.

Но когда в гостиную уважаемого лица вы встречаете пошлую олеографию — вам делается страшно. Вы понимаете, что перед вами человек с закрытой душой, которому и вся жизнь так же мутна, как мутно его духовное сознание.

Но ведь грядущее время не потерпит эту мутность души. Какое бы строительство ни намечалось, оно должно будет, даже в трудные минуты, отдать подобающее место культурным подвигам. Иначе все его хозяйственные расписки будут бессмысленны. И все итоги истории будут свидетельствовать против него.

Конечно, продуктами культуры ещё нужно научиться пользоваться. Нужно суметь ввести их в жизненную потребность. Людям с мутным взором и затемнённым умом это сделать нелегко. Нужны будут сознательные усилия, нужно целое образование, которое нельзя получить по приказу.

Чтобы прочистить ум, глаз и ухо, надо пройти целую лестницу ступеней. Иначе можно слушать и смотреть лучшие вещи, по ничто не затрепещет; ни одна струна не зазвучит от этих прикосновений. Надо искать созвучия культуры, а без сознания темноты не придёт в голову нести свет.

Именно сейчас приходится твердить древние истины, именно теперь, когда многие вольно или невольно отмахиваются от проявлений культуры. Им, бедным, кажется сейчас неуместным о культуре мыслить. Чем же они предполагают жить? Чем они одухотворят обиход свой? Ведь служители пошлости не дремлют, они прилежно улавливают в свои сети новые поколения.

Именно теперь вы должны особенно думать о том, как внести культуру в новую жизнь. Теперь жизнь потрясена и полуразрушена. Поверьте, сейчас легче мыслить о новых устоях, легче вносить их в свой кругозор. Привыкать к ним.

Весь ужас нашего времени в призыве: всё позволено. Обезвредить его можно только зовом: позволено всё, что служит истинной культуре...

Впрочем, вы всё-таки смеётесь: «Можно ли думать о культуре», — говорите вы...

Смеяться легко. Над тем, что не знаешь, ещё легче. Но насмешка незнания и породила значительную часть ужаса наших дней.

Не входите в ряды прародителей большевизма. Оттуда нет возврата. Ведь светлой работы так много. Каждый человек на счету, и мало, безмерно мало людей. А строение храма велико, и близко, и непреложно.

«Знай, что То, Которым проникнуто всё сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению То Единое, Незыблемое».

«Здесь нет ни затраты сил, ни нарушения; даже и неполное знание спасает от великого страха»⁹.

Этот греховный великий страх перед созданием надо изгнать. Мы бросили старую жизнь и всё-таки живём. И всё-таки строим везде, где не мешает подлый страх, порождённый незнанием и темнотою. Только искусство и знание изгонят ваш страх.

Странно и стыдно приводить доводы против страха, против пошлости, против темноты духа. Но ведь нужно это. Ведь каждый знает, кому эти слова надо посоветовать твердить ежедневно.

Отходя ко сну, просыпаясь к труду, произнесём молитву об изгнании страха и пошлости.

IV

Даже в недавние годы мы ещё узнавали о потрясающих деяниях. Слышали о библиотеках, выброшенных на мышинное съедение. Узнавали с ужасом о сожжённых ценнейших музыкальных рукописях, о невозстановимо порванных картинах.

Почтенная москвичка уверяла меня, что у неё картины в почёте, что их к каждому празднику «обтирают», а вещи оказались стёртыми щёлоком.

Вообще, мы ещё не умеем обращаться с предметами знания и искусства. Бесчисленно можно приводить примеры. Тихий погром неведения касается всех проявлений культуры. Сложно стоит дело знания и искусства. Бесконечно мало народ понимает, или, верней: бесконечно забыл народ свои корни мудрости и красоты.

Помните, о чём умышляют прикрывающие свои бесчинства будто бы вниманием к искусству и знанию!

Замышляющие надеются на неизбежные итоги истории, и потому будущие новые установления должны подойти к вопросам культуры с особым вниманием и осмотрительностью.

Много серьёзных, больных вопросов, но среди них вопросов, но среди них вопрос культуры всегда будет краеугольным.

Что же может заменить вопросы культуры?— продовольствие? промышленность? — тело и брюхо?

Сюит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизбежно падает. Весь уровень народа понижается. А при том, что уже произошло, при несомненном одичании всякое дальнейшее понижение уровня губительно.

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили одни истинную культуру. И надлежит особо бережно обойтись со всем, что ещё может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

⁹ Там же.

При новом строительстве линия просвещения и красоты должна *быть* лишь повышаема, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлечённое суждение — наоборот, ближайший распорядок.

У меня хранятся письма славных боевых офицеров. Они и во время боя, [вы]казывая чудеса храбрости, помнили о культуре и красоте. Не это ли воздвигло их дерзновение? Не это ли создало их подвиг? Листки записаны во время боя, и писавшие их помнили перед ликом смерти о знании и о красоте, — разве это не молитва, разве это не твёрдость духа?

Руси предстоит славное строительство. Подрастающее поколение, вне ваших повседневных нужд готовьтесь к подвигу истинного, весёлого труда.

Обстоятельства сближают нас с явлением важнейшего значения. Нам предстоит выдержать ещё одно испытание. Трудное испытание. Испытание восприятием культуры.

После средневековых испытаний огнём, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры. Если сила духа возносила людей противу огня и железа, то та же сила вознесёт их и на ступени знания и красоты. Но это испытание сложнее древних искусств; оно будет поставлено в нарочито трудные условия — готовьтесь его воспринять.

Нет иного пути.

А теперь обращусь я к вам, которые остались во граде обречённом; к тем из вас, которые имеют международное значение! И к вам, друзьям, в рассеянии сущим!

Вы, что-то сохраняющие и затворяющие. Не затворите и совести вашей и не прикройте значением вашим убийц и предателей.

Поймите, что есть настолько злые вещи, что и приближаться к ним нельзя. Помните, что цель не освящает средства. Знание и искусство не живут на этих вредных корнях. Отличите же, наконец, признаки от сущности. Неужели же затворилась и совесть?

Пусть мой зов просочится к вам, и пусть сердце ваше подскажет вам, где истинный народ и где та ваша Родина, во имя которой вы должны принести все ваши силы и знания.

А вы, друзья в рассеянии сущие! Пусть и к вам через все наваждения просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. К вам обращаюсь, вас зову: во имя знания и красоты, для борьбы и труда соединимся.

V

Но по поводу моих статей «Ко времени» я получил ряд писем от лиц мне неизвестных.

Сейчас, на отъезде, хочу сказать об этих письмах несколько слов.

Прежде всего, в письмах сквозило то качество, в отсутствии которого часто обвиняют русских. Сквозило желание *единения*, общей созидательной работы. Это ценно.

Были запросы о культурном строительстве, о силах духа человеческого. Это своевременно.

Наконец, было одно утверждение, по своей простоте всем очень близкое. Было утверждение, что теперь настало время каждому выявить свою истинную сущность.

Вспоминаю.

Покойный Серов, чуткий и чистый, всегда говорил, что «каждому человеку, хоть раз в жизни, приходится предъявить свой настоящий паспорт».

Именно такое время переживаем и сейчас. Каждый, добровольно, свободно и явно, должен вписать в графу «особые приметы» несмыслимыми чернилами своё определение.

Можно вписать: мужество, строительство, творчество, сознательная работа, ясность и твёрдость духа, желание познавать, стремление совершенствоваться, устремление к красоте и знанию.

Или: боязливость, продажность, приспособляемость, потворство, уродливость, ложь и невежество под мертвенным покровом пошлости. Сколько определений надлежит внести беспощадно.

Настало время каждому заполнить чётко графу своего свидетельства жизни. Установить навсегда. Сделать тайное явным. Час, к которому запись должна быть внесена, приближается.

И радостно, если мысли об этом неизбежном выявлении не будут пугать, но встанут на пути человеческом как придорожные знаки. Напоминающие. Указующие преддверие будущего светлого града.

28. IV. 1919.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Н.К. Рерих. Святые ушли – Глеба хранителем поставили. 1919.

МАЙ
АНГЛИЯ.

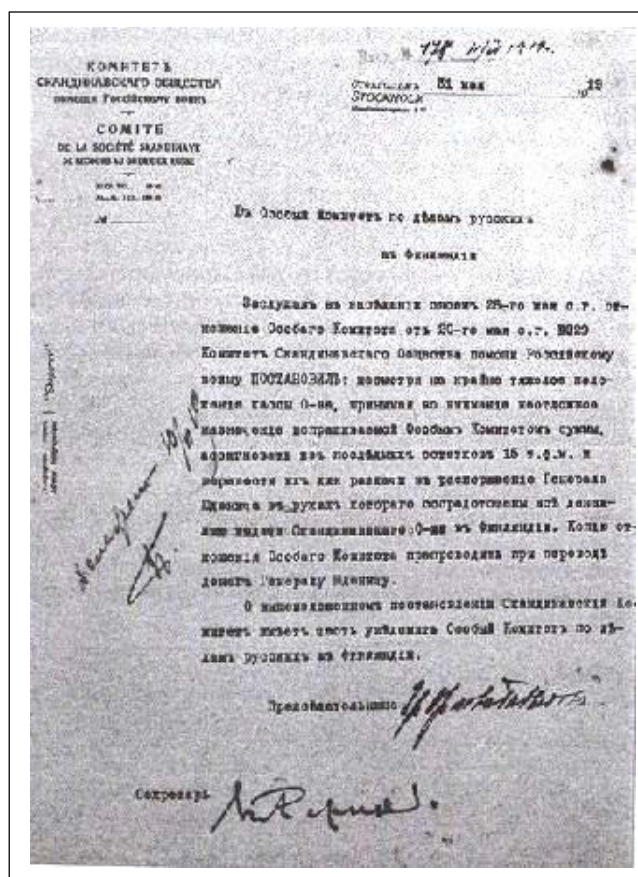
Из воспоминаний С.Н. Рериха:

“Следующим этапом была Англия. Сергей Павлович Дягилев, который был тогда в Англии, очень хотел, чтобы Николай Константинович приехал в Лондон, чтобы начать там новый русский сезон в Ковент-Гардене. Мы приехали в Англию. Там Николай Константинович организовал свою выставку, которая прошла с очень большим успехом, и Ковент-Гарден заказал ему серию декораций и костюмов к постановке русских опер. Так начался новый период деятельности Николая Константиновича. Он всегда и во всем работал именно «на русской ниве». Все оперы были русскими: «Снегурочка», «Князь Игорь», «Царь Салтан» и другие постановки. Они шли с большим успехом в Англии. Также выставки Николая Константиновича в других её городах пользовались очень большим успехом. Жизнь Николая Константиновича как художника, как общественного деятеля, как большого деятеля культуры имела там новое претворение...»

С.Н. Рерих «Стремиться к прекрасному». Слово об отце.

31 мая 1919 г.

**Уведомление Гр. Орловой-Танеевой и Н. К. Рериха —
в Особый Комитет по делам русских в Финляндии**



Вход № 11/VI 1919 г.
Стокгольм, 31 мая 1919.

КОМИТЕТ СКАНДИНАВСКОГО ОБЩЕСТВА
помощи Российскому воину

COMITE DF LA SOCIETE SKANDINAVE
DE SECOURS AU GIERRIER RUSSE

В Особый Комитет по делам русских
в Финляндии.

Заслушав в заседании своём 28-го мая с. г. отношение Особого Комитета от 20-го мая с. г. № 829, Комитет Скандинавского Общества помощи Российскому воину ПОСТАНОВИЛ: несмотря на крайне тяжёлое положение кассы О-ва, принимая во внимание неотложное назначение испрашиваемой Особым Комитетом суммы, ассигновать из последних остатков 15 т[ысяч] ф[инских] м[арок] и перевести их для раздачи в распоряжение Генерала Юденича, в руках которого сосредоточены все денежные выдачи Скандинавского О-ва в Финляндии. Копию отношения Особого Комитета препроводить при переводе денег Генералу Юденичу.

О вышеизложенном постановлении Скандинавский Комитет имеет честь уведомить Особый Комитет по делам русских в Финляндии.

Председательница

Гр. Орлова-Танеева

Секретарь

Н. Рерих

Бахметевский архив Колумбийского университета, США. Письмо (машинопись) на бланке Комитета Скандинавского Общества помощи Российскому воину. В верхнем правом углу стоит: Вход. № 778. 11/VI. 1919 г. Подписи — автографы. Есть помета: Должено 10/VI.19.

Из воспоминаний Е.И. Рерих:

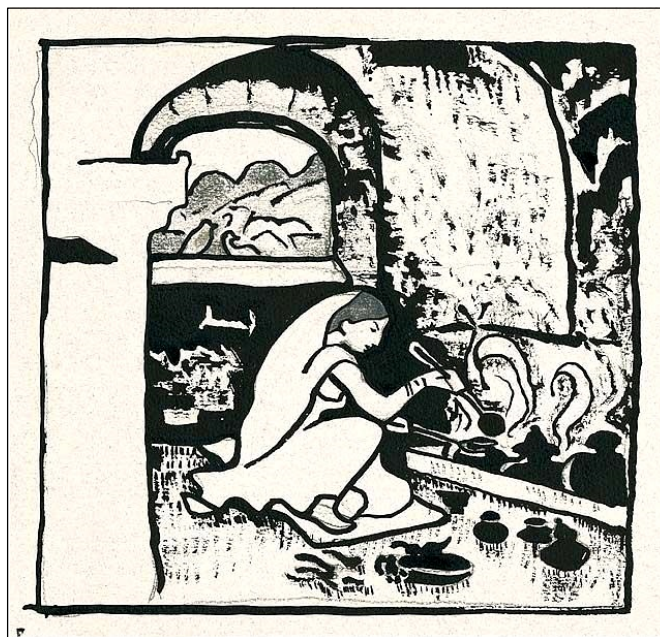
Сон весною 1919 года перед поездкой в Лондон. Высокая-высокая приставная лестница с поперечными перекладинами. Лестница эта стоит на русской земле, ближе к северу, на широкой долине, стоит почти отвесно и ни к чему не прислонена и настолько высока, что с неё можно обозревать все страны. Стою на верхней перекладине и обозреваю открывшиеся горизонты. Небеса черны и к югу и западу становятся ещё чернее.

Всматриваюсь в сторону Англии, еле различаю абрис купола собора св. Павла, а за ним на фоне чёрно-бархатных небес, у самого горизонта, чётко и жутко стоят как бы кровавые знамения, два красных треугольника, тогда как над другими западными странами – могильная чернота.

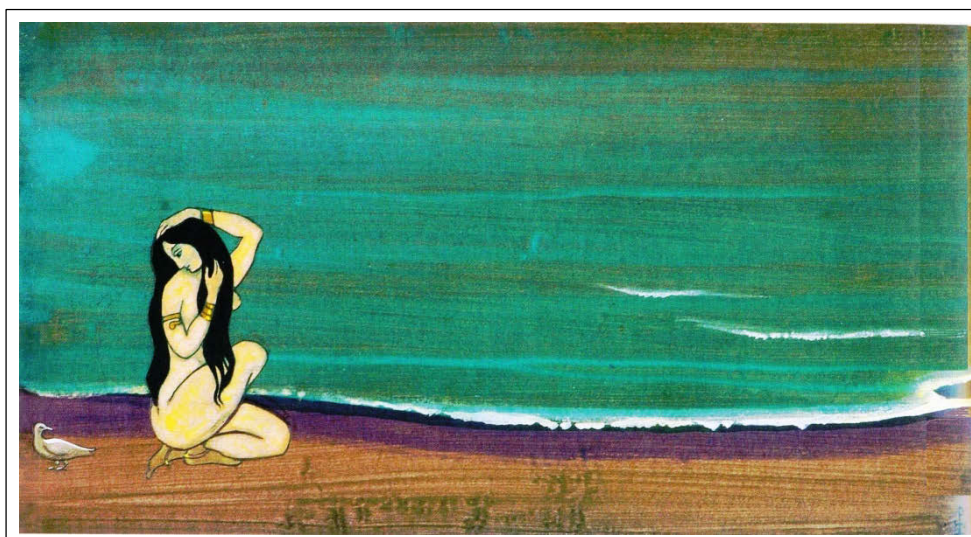
Поворачиваю голову к северу, чтобы посмотреть, что делается там, и вижу, что чернота несётся оттуда, и там уже видны слабые серые просветы и сами тучи не так плотны. Знаю, что мне нужно спуститься на землю и сделать это нужно очень осторожно, ибо за мною кто-то ещё идёт и первый неосторожный шаг может низвергнуть нас. Лестница узкая, шаткая и почти отвесная, я же спускаться должна спиной к перекладинам. Ищу опоры, и вот с обеих сторон лестницы из воздуха протягиваются ко мне длинные палки, чтобы я

могла ухватиться за них, но все они настолько качаются и как-то беспомощно висят в воздухе, что я не решаюсь ухватиться ни за одну из них. Тогда с самого верха, поверх моей головы и как бы вдоль моего тела, протягивается твёрдая, без малейшего качания, толстая длиннейшая палка, я беру её обеими руками и, держась за неё, начинаю спокойно спускаться...»

Публикуется по изданию: Елена Рерих «У порога Нового мира». Москва. 2000 г.

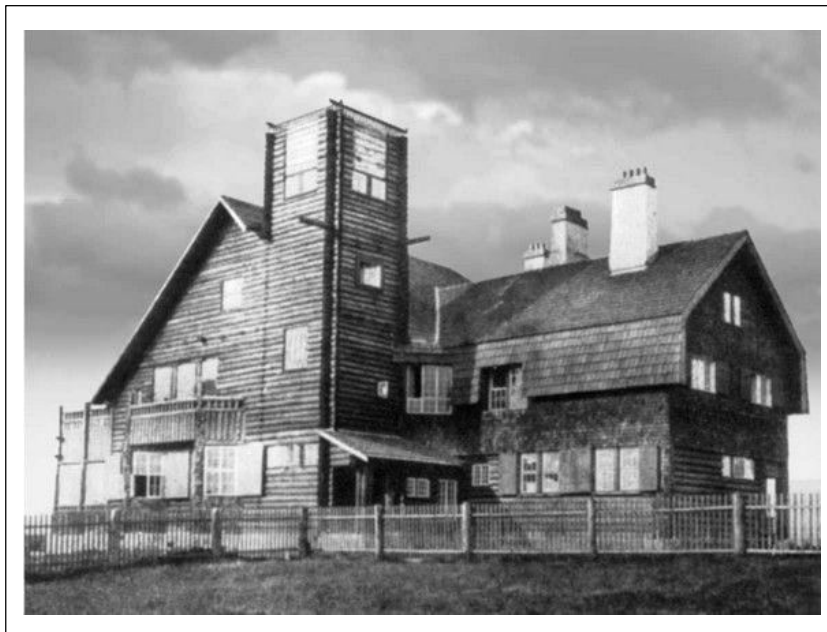


Н.К. Рерих. Эскиз индианки, готовящей пищу. 1919-1920.



Н.К. Рерих. Этюд (Купальница). [1919].

ИЮНЬ



Дача Леонида Андреева на Чёрной речке Вилла «Аванс»
(Фото 1912 г.)

17 июня 1919 г. [Чёрная речка])
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович!

Вы такой милый, что балуете меня весточками, а я - пренесчастнейший субъект. Всё получил, всё - и открытки, и большое [письмо], а ответить всё не мог. История в том, что с конца апреля я сильно занедужил, мой Валлерштейн нашёл, что сердце у меня «ослабело», и пришлось мне всё бросить: писанье, ходьбу, всякое сильное движение, всякое усилие мысли. Причина - в полном расстройстве нервов: малейшее волнение вызывает сердечные спазмы, приостановку дыхания и прочее. Было очень скверно.

Так тянулось до половины Мая, когда я переехал к себе в дом на Ч[ёрную] речку. Тут хорошая погода и физический труд (понемногу) несколько привели меня в чувство, я ожил, стал спать и уже могу тихонько проехать на велосипеде. Но волнения действуют всё так же губительно, и сердце работает и дышать порою трудно, как будто вся моя жизнь - гора. Это и есть причина, почему я не писал Вам: уже коротенькое письмецо, самый стук машинки и вид бумаги будоражит меня. За это время мне писали Карташёв и Гессен, чтобы я приехал в Гельсинки, наступила пора работы - и мне пришлось отказаться от этого. Глупо! Теперь решил, ни на что не взирая, копить здоровье и не приходить в мрачное настроение от своей инвалидности. Господи! впереди ведь ещё целые годы и целые годы работы.

Народу окрест мало. Шайкевичи, старые и молодые, уехали в Лондон; Вальтеры также, Троцкие[-Сенюковичи] ещё не возвращались, Сергея Ве. не видал давным-давно. Но зато в бинокль - вижу много. Из газет Вы, вероятно,

уже знаете о наших событиях, падении К[расной] Горки, взрывах, морских боях; и это всё мы либо видели, либо слышали. Как не слышать, когда дом трясётся и стёкла дребезжат. Или среди ночной тишины вдруг загадочно затюкает неведомый пулемёт. Особенно интересен был день 13-го сего, когда с корниша мы смотрели на одновременную стрельбу кронштадтских фортов, «Петропавловска» и Красной Горки, на вспышки огня, столбы дыма от взрывов, похожие на извержение, и на пожары. Очень страшно и зловеще всю ночь горела К[расная] Горка.

Стрельбы всё время так много, что тишина, наступившая со вчерашнего дня, кажется странной и непонятной. А тишина полная, хотя суда по-прежнему стоят у маяка. Слухов и вестей много, но насколько верить им - не знаю. Были сегодня Шереметьевы¹, и вести сообщили самые радостные - а верить боюсь. Источником хороших слухов и предположений является в этот раз Владимир Дмитрич², который только что прислал им радостное письмо о близком будущем. И всё-таки - верить боюсь. Пусть лучше я ещё немножко посомневаюсь, а то можно сесть в грома-а-днейшую лужу! Но тишина — факт!

Милый мой друг, очень рад за Вас, что Вы живёте так бодро, работаете и везде оказываетесь нужным человеком. Можно думать теперь, что наша встреча не за горами, но буду ли я также бодр и способен к работе? Помимо прочего, надо деньги зарабатывать - печальная история. Ну да ладно, обойдётся. И не забывайте меня, милый друг, пишите о Вашем ходе по Европам³. Буду и я писать по мере сил.

Крепчайше Вас целую и жму руку. Мои мысли о Вас Вы должны чувствовать, они должны прийти.

Ваш Леонид Андреев

17 июня 1919 г.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. 1994. С. 287-289.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ДЕКРЕТ от 25 июня 1919 года

О ВВЕДЕНИИ ТРУДОВЫХ КНИЖЕК В Г. Г. МОСКВЕ И ПЕТРОГРАДЕ

1. Все достигшие 16-летнего возраста граждане Р.С.Ф.С.Р. обязаны иметь трудовые книжки, которые свидетельствуют об участии их владельца в производительной деятельности и служат удостоверению личности в пределах Р.С.Ф.С.Р. и документов на право получения продовольственных карточек, а также права на социальное обеспечение в случаях утраты трудоспособности и при безработице.

Примечание 1. Военнослужащие Красной Армии и флота обязаны иметь трудовые книжки на равных с прочими основаниях.

Примечание 2. Дети до 16-летнего возраста вносятся на основании метрических выписей или удостоверений, выдаваемых подотделами записей актов гражданского

¹ Шереметьев Александр Дмитриевич и его жена Мария Фёдоровна.

² Кузьмин-Караваев В. Д.

³ Н. К. Рерих с семьёй уехал из Финляндии в конце апреля 1919 и остановился на некоторое время в Швеции, а потом, получив британскую визу, проехал через Норвегию (с заездом в Кристианию), чтобы сесть на корабль в Англию, куда он прибыл летом 1919.

состояния, в трудовую книжку их матерей или при отсутствии матерей - в трудовую книжку их отца, а в случае отсутствия отца и матери - в трудовую книжку лица, на иждивении которого они находятся.

Примечание 3. При переезде в местности, где трудовые книжки не введены, такие служат лишь удостоверением личности.

2. Трудовые книжки выдаются отделами Управления Исполнительного Комитета.

3. Трудовые книжки выдаются лишь по представлению паспорта, который при выдаче книжки отбирается.

4. Трудовая книжка выдается владельцу лишь по заполнению соответствующими сведениями I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII пунктов трудовой книжки.

5. Учреждения, в которых работает владелец трудовой книжки, обязаны под личной ответственностью заведующего учреждением, не позже семи дней со дня выплаты заработка вносить сведения как о времени, за которое производится выплата, так и о сумме выдачи за их личной подписью или же за подписью их доверенного лица и печатью учреждения или предприятия. Примечание. При выплате заработка учреждениями, предприятиями или хозяйствами, не имеющими печати, таковая ставится комитетом дома, где работает владелец книжки.

6. Предприятиям, учреждениям и хозяйствам, в которых установлены особые расчетные книжки, предоставляется вносить в трудовые книжки сведения, установленные в § 5-ом настоящего декрета, либо суммарно, раз в месяц, не позже седьмого числа следующего месяца, либо на общих основаниях, указанных в § 5-ом настоящего декрета.

7. В трудовых книжках лиц, не работающих по найму, как-то: самостоятельных ремесленников, кустарей, торговцев и т.п., записи о заработке делаются ежемесячно самими владельцами книжки под их личной ответственностью за правильность вносимых сведений. Порядок контроля за правильностью записей устанавливается особой инструкцией.

8. Одновременно с внесением в трудовую книжку сведений о заработке, предприятия, учреждения и хозяйства обязаны наклеивать в нее контрольную марку, свидетельствующую об уплате взносов на социальное обеспечение и охрану труда, согласно Положению от 31 октября 1918 года (Собр. Узак., 1918, № 89, ст. 906). Порядок получения и погашения марок устанавливается местным органом, ведающим получением указанных взносов.

Примечание 1. В трудовых книжках безработных, а также лиц, занятых в предприятиях, освобожденных от уплаты страховых взносов, взамен наклейки марок ставится соответствующий штамп, либо наклеиваются особые контрольные марки - в первом случае подотделами распределения рабочей силы, а во втором - соответствующим учреждением.

Примечание 2. В трудовые книжки лиц, указанных в § 7-ом настоящего декрета, контрольные марки наклеиваются самими держателями книжек.

9. При перемене владельцем трудовой книжки места службы или работы в трудовой книжке делается отметка, как учреждением или предприятием, из которого было лицо, так и тем, в которое оно поступило.

10. При выдаче карточек на получение предметов потребления соответствующие отметки в трудовых книжках делаются органами, ведающими распределением.

11. При перемене владельцами трудовых книжек места жительства, отделы Управления делают в них отметки с указанием нового места жительства.

12. Наклейка фотографических карточек в трудовой книжке необязательна, впредь до особого на то постановления.

13. Все преступления, связанные с выдачей, получением и пользованием трудовой книжки, подлежат ведению Народного Суда.

14. Инструкции о порядке введения трудовых книжек и замене ими паспортов и прочих удостоверений личности утверждаются Народным Комиссаром Внутренних Дел и Народным Комиссаром Труда, а в части, касающейся выдачи трудовых книжек

красноармейцам и морякам красного флота, - Народным Комиссаром по Военным Де-
лам.

За Председателя
Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Советов
Л.СЕРЕБРЯКОВ
Председатель
Совета Народных Комиссаров
В.УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)
Секретарь
Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
В.АВАНЕСОВ



Трудовая книжка Марии Васильевны Рерих. (Образец 1919 г.)
(Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1854)

28 июня 1919 г.

28 июня 1919 года, ровно через пять лет после начала Первой мировой войны во Франции, в Версальском дворце был подписан **Версальский мирный договор**.



Из воспоминаний Е.И. Рерих:

1917 год. Сон - высокое, почти пустое помещение, я стою перед длинным столом, на котором складывается карта Земли. Большая мужская Рука сверху, как бы с потолка, бросает один за другим выпиленные куски этой карты и складывает их в порядке. Когда карта Европы, Урала и Сибири была сложена, а куски, принадлежавшие Маньчжурии, Кореи и Китаю, были наброшены, но не сложены окончательно, Рука красным карандашом провела прямую черту с севера на юг, отделив Прибалтийский край, Польшу, Литву и Бессарабию от остальной России. Затем в той же Руке появилась маленькая жёлтая собака, вроде крысоловки, которую Рука поставила на груды плохо сложенных кусков Китая, и эта собачка начала хватать в беспорядке один кусок за другим, тут же выбрасывая их, видимо, желая пробраться к Сибири. Голос сверху произнес: "Россия – внутренняя Держава, но всё же будет сильна".

После войны Версальским договором все земли, отделённые красным карандашом, были отторгнуты от России».

Публикуется по изданию: Елена Рерих «У порога Нового мира». Москва. 2000 г. С.68.

**Эскизы костюмов к опере
Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» для постановки в Ковент-Гарден.**



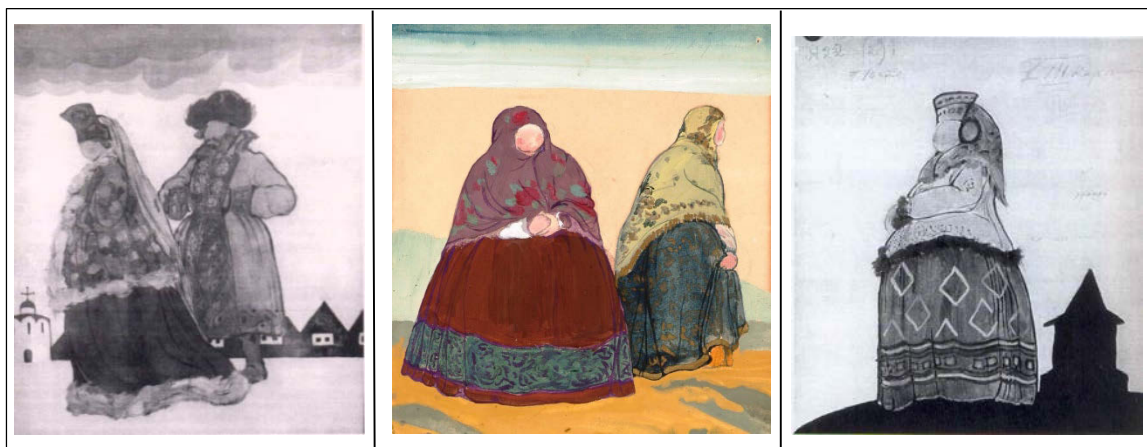
Эскиз занавеса. 1919.



Боярин.

Жена боярина.

Боярыня в красном.



Боярыня и боярин.

Ткачиха с поварихой.

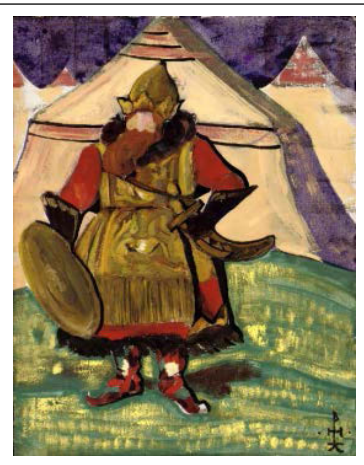
Бабариха.



Знаменосец.



Воин.



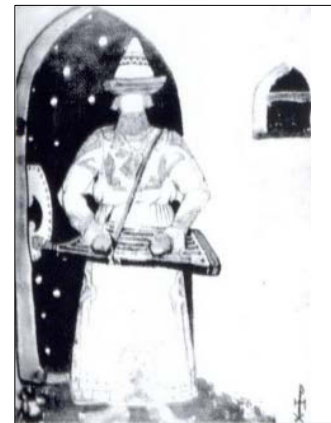
Воин в оранжевом кафтане.



Парень с рогом.



Музыканты.



Гусляр.



Звездочёт.



Трубачи.



Крестьянские девушки.

АВГУСТ

*Из письма Владимира Константиновича Рериха,
15. VIII. 1919 г. Харбин*

Дорогие родные Коля и Елена Ивановна!
Господи! Попадёт ли в ваши руки это моё письмо?
Молю Бога, чтобы попало. Но времени мало, чтобы описать всё.
Всё, что необходимо, потому - самое главное. <...>

Итак, об Индии. Коля, ты там сумеешь осуществить то грандиозное, что задумал уже несколько лет назад. Часто вспоминаю наши долгие разговоры на эту тему. Общность культурных и религиозных истоков русского народа и народов Индии - как это захватывающе интересно и важно для обоих государств! И представляю, какие замечательные картины ты создашь, оказавшись среди индийских пейзажей и древних городов! Это, во-первых. А во-вторых, вы будете в безопасности, мальчики смогут продолжить свое образование. Ужасно скучаю по своим племянникам.

Но ни в коем случае не следует добираться в Индию ни через воюющую Россию, ни через Сибирь и Монголию, ни юго-восточным, тоже русским путём: Баку, Каспийское море, Туркестан, Афганистан.

Ни в коем случае! Оба эти в основном сухопутные маршрута - через гражданскую войну и национальные междоусобицы. Только океаном, на корабле, из какого-нибудь европейского порта, по Средиземному морю и Суэцкому каналу. Главное - получить визы на въезд в Индию.

Думаю, лучшие визы английские, ведь Индия - британская колония.

И есть ещё один вариант, на случай осложнений: можно попасть в Индию через Китай, получив визы здесь. (...)

Шлю от души лучшие пожелания, обнимаю и целую вас всех.

Архив Музея Николая Рериха. Фрагменты.

[16 августа 1919 г. Лондон]
Письмо Н. К. Рериха к И. Ф. Стравинскому

Дорогой Игорь,

Пишу вторую весточку - отзовись! Как живёте? Уже месяц, как я в Лондоне. Ставлю [«Сказку о царе Салтане» и «Китеж» для Бичема (Ковент-Гарден)].
Мой адрес: Лондон, 88, Queen's Gate.

Как твоя семья? Как дети? У меня Юрик - уже студент. Мои выставки были в Стокгольме, Копенгагене, Гельсингфорсе. Что ты творишь?

Твой Н. Рерих

" Из-за банкротства Бичема лопнули «Царь Салтан», «Садко», «Золотой петушок». (Н.К. Рерих "Срывы". 1944 г.)

Публикуется по: И. Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. II: 1913-1922. — М.: Композитор, 2000. С. 454.

[22]-25 августа 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой друг мой!

Всё время собираюсь писать Вам - и каждый раз останавливаюсь перед сложностью мыслей, чувств, настроений и состояний, которые хотелось бы поведать Вам, как другу. Трудно писать, когда так болит душа, и когда лишь минутами чувствуешь себя живым, а целыми днями - мертвецом, холодно и ненужно бродящим среди живых. Конечно, и мертвец мог бы многое рассказать о своих загробных переживаниях, как выражаются в Художественном, если бы не то страшное равнодушие, которое идёт вместе со смертью и все мёртвые уста делает немymi. А о жизни...

Вот три пути, которые сейчас открываются передо мною, - это жизнь. Один - «я беру на себя целиком» всё дело антибольшевистской пропаганды, как я писал и предлагал Карташёву и другим, и вступаю в здешнее правительство с портфелем министра пропаганды и печати. Понимаете: всё целиком! Организацию во всей её огромности, помимо собственного писания. Живу, значит, либо в Ревеле, либо где придётся, езжу взад и вперёд, целые дни разговариваю, ищу и настраиваю людей, а ночью пишу, борюсь с инерцией и слабодушием. Труд, который под силу только железному здоровью, а я болен, болен! При этом: получаю я гроши, на которые не могу прожить с семьёй, мучительно продолжаю искать кредита и гоняться за мелькающим Гуревичем, ухлопываю последние остатки сил - а впереди болезнь, необеспеченность, бессонные ночи, приют литераторов. Но долг обязывает работать для России, и вот завтра я еду в Гельсингфорс добиваться того, что есть мой несомненный конец как художника и живой твари. Говорю: еду, а сердце опять так плохо, что вчера еле передвигался из комнаты в комнату. Говорю: добиваться, а язык от слабости еле поворачивается, чтобы попросить стакан чаю!

Второй путь. Не добившись толку в Гельсингфорсе (эти маленькие люди боятся меня), еду в Америку. Там читаю лекции (на каком языке?) против большевиков, разъезжаю по Штатам, ставлю свои пьесы, продаю издателям «Дневник Сатаны» и миллиардером возвращаюсь в Россию для беспечальной маститой старости. Это уже лучше. Поездка может быть неудачною (я болен и сваливаюсь после первой лекции, или американцы просто не хотят слушать меня), но она может, при счастливо сложившихся обстоятельствах, превратиться и в «триумфальное шествие»: увижу людей, которые любят меня, получаю импульсы к новой художественной работе и, уврачевав душу, может быть, подтяну и тело, которое у меня всегда плетётся сзади. Уже давно доходят слухи, что в Штатах ко мне относятся очень хорошо; когда-то меня приглашали для турне и сулили огромный успех; и сейчас получается, что неведомый мистер из Кентукки вдруг присылает мою книжку для автографа. От чего не поверить чуду? Случилось же вчера ночью, что к нам в [дом] попал упавший с лошади и заблудившийся полупьяный финский офицер, напугал женщин, на коверканном языке стал говорить о своей любви к «Леониду Андрееву» и, узнав, что таковой перед ним, проделал целую сцену поклонения в духе Достоевского, я не знал, куда деваться от бурного юноши. А ведь — финн! И как он размахивал револьвером, грозя убить М. Горького, а мне говорил, что если я стану большевиком, то и он станет большевиком! Серьёзно: ведь есть же, должно быть, люди, которые верят мне и моему слову, - а я их не

вижу, как ослепший, вечно служу над собой панихиду, унынием и тоской о личной судьбе убиваю здоровье Америка!

Но как добраться до неё? Где найти доброго и щедрого импресарио, не мошенника? Как прожить это время, пока таковой найдётся? Где добыть денег, что[бы] обеспечить семью на время отъезда? (Я хочу ехать с женой и маленьким сынишкой, остальное здесь.) У меня украли штаны, сапоги - как соорудить новые и какого они должны быть фасона для Америки? Все эти вопросы, серьёзные и ничтожные, во всяком случае, пустые для разумного и практичного человека - для меня сплошь проклятые, сплошь неразрешимые вопросы - ах, до чего я младенчески беспомощен в жизни, только теперь это вижу! А сегодня день моего рождения: ровно сорок восемь лет хожу я по земле и так мало приспособился к её порядкам.

И третий, наиболее вероятный путь - это больница. Но эта дорога так мрачна, и вообще я тут подхожу к таким мыслям и решениям, что лучше остановиться. Так вот, дорогой друг, чем я существую. С этими мыслями провёл я три недели в Тервусе, куда меня звали «отдохнуть», - и не отдохнул. А люди там воистину чудесные, и теперь, вернувшись домой, я с трудом представляю, что всё это милое радушие, тонкая и мягкая тактичность, особый воздух скромной и некрикливой человечности - подлинная явь, а не сон. Но мысли, мысли и заботы...

Завтра, как говорил, еду в Гельсингфорс. Но заранее убеждён в неудаче и оплакиваю зря затраченные деньги. Новый и ещё мне не вполне известный и сомнительный состав правительства⁴, робость и половинчатость условий, которые мне поставят и которые сделают мой труд непродуктивным и бессмысленным, несомненные попытки, которые будут сделаны для полного обкорнания моей независимости публициста и превращения меня в редактора правительственного вестника... Может быть, я и ошибаюсь, но мало хорошего сулят мне эти Маргулиесы и, в частности, вошедшие в состав социалисты. Пусть это даже совсем безалкогольные социалисты вроде финского пива, но лучше даже алкоголь, чем переваренная вода и шатанья пьяницы при полной и холодной трезвости ума...

...Сейчас подали телеграмму от Карташёва: «Всё глубоко изменяется, дело продолжается, Ваш приезд обязателен и необходим». Стало быть - в министры? Еду - но не только не сжигаю моста за собою, а ещё старательнее строю новый.

Просьба к Вам огромная: пособите младенцу Леониду относительно Штатов. У Вас есть знакомства и связи в Америке (а я растерял все адреса и написал только одно письмо по фантастическому адресу некоему Г. Бернштейну, чуть ли не покойнику). Возле Вас, вероятно, и существуют американские журналисты и кроткие импресарио (а в Тюрисеве их нет), и Вы, наконец, настоящий деятельный друг, чем я и решил нагло пользоваться. Только обязательно скажите кроткому импресарио, что мне необходим большой аванс на штаны; я не П. Льюис⁵, чтобы ехать с фиговым листком, а солидный русский писатель, почти что признанный Антантою. И что мне нужен секретарь-переводчик и кормилица, что я очень робок с носильщиками и на вокзал приезжаю за три часа со своим чайником; чай должен быть включён в договор,

⁴ Речь идёт о сформированном в августе 1919 в Таллинне Северо-Западном правительстве.

⁵ Н. К. Рерих выполнил декорации для оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», поставленной в Англии С. П. Дягилевым.

как и гроб для обратного путешествия по китайскому обычаю. Будьте другом, милый Николай Константинович!

А что такое с «Чёрными масками»? Вмещают ли их англичане? В Москве одна купчиха сошла от них с ума. Покойный Бравич рассказывал, что как-то в антракте «Чёрных масок» спросил старого театрального буфетчика, как идёт торговля; и тот мрачно ответил: «Недоумевают-с - и не пьют». А один полицейский пристав в Киеве доносил начальству: «Эта пьеса мало того, что лишена всякого смысла, ещё опасна в пожарном отношении». Ликиардопуло писал мне (это всё Вы хлопчете обо мне!) о «Мысли» и «Екатерине Ивановне» - также сомневаюсь, чтобы подошли, хотя «Екатерина Ивановна» в Мюнхене перед самой войной имела большой и многообещающий успех⁶. Впрочем, кто их поймёт - иностранцев. А что Вы думаете о «Савве»? Это очень странная вещь... и хорошо, если бы до конца она оказалась пророческою. В ней есть кое-что о России, что могло бы немного приоткрыть глаза иноземцам и, пожалуй, заинтересовать их. Но необходимо, чтобы ставил её русский режиссёр.

Я был в Тервусе, когда пришло Ваше письмо Тумаркину, и очень порадовался, что у Вас уже налаживается работа в Лондоне. И опять-таки - как это важно для русского искусства, для нашей справедливой оценки. Самая лучшая пропаганда! Европейскому самодовольству должен быть нанесён удар, и кто же это может сделать лучше, нежели русский художник, представитель великого народа, а не каких-то презренных полуазиатских «племён».

Этот мотив в моём плане поездки имеет первенствующее значение. Думаю, что в этом смысле (да и вообще в смысле пропаганды) поездка может по результатам не уступить и министериабельности с непосредственным печатанием листков. Есть ещё одно соображение, которое склоняет весы души моей на сторону Штатов: это полное сохранение моей публицистической независимости. Как-никак, а здесь я становлюсь «казённым» публицистом, и хотя я за совесть принимаю Колчака и буду воевать с большевиками, но всё как-то... странно, и будто тесно, и будто умалывается в цене моё слово. Привык я к полной свободе, всегда считался только со своим судом и мне немного страшно; конечно, индивидуальными особенностями мысли я готов жертвовать для общих целей... но, а где граница?

А что значит работать совсем против совести, показывает Горький. В последнем № «Либератора», большевистского американского журнальчика, почему-то мне присылаемого, есть его статья «Следуйте за нами», т. е. за советской Россией и её мудростью — и что это за жалкая, убого-бездарная, ничтожная статья!⁷ Когда поэт и пророк начинает лгать, Бог карает его бессилием, - таков закон вечной справедливости. Но это, между прочим.

Ночь, и надо укладываться к завтрашнему вояжу. А за окнами над тёмным морем - я живу у самого моря - по бурному небу бродят прожектора, а вчера на рассвете в бледно-голубом небе среди меркнувших звёзд я слышал гудение аэроплана и видел две яркие, красные вспышки разрывов - как они были красивы, и красиво бледное небо в его предутренней свежести и покое, и как тому, кто летал, казалась удивительною земля и море, и как всё это хорошо - хорошо жить - летать - видеть рассветные звёзды. И есть ещё у меня одно

⁶ Речь идёт о статье Gorky M. Follow Us! // The Liberator. 1919. Vol. 2. June. № 6. P. 3.

⁷ Речь идёт о статье Gorky M. Follow Us! // The Liberator. 1919. Vol. 2. June. № 6. P. 3.

радостное чувство: об англичанах, которые геройски в самой гавани взрывали большевистские суда, и сами гибли — это те *люди*, которых я звал⁸.

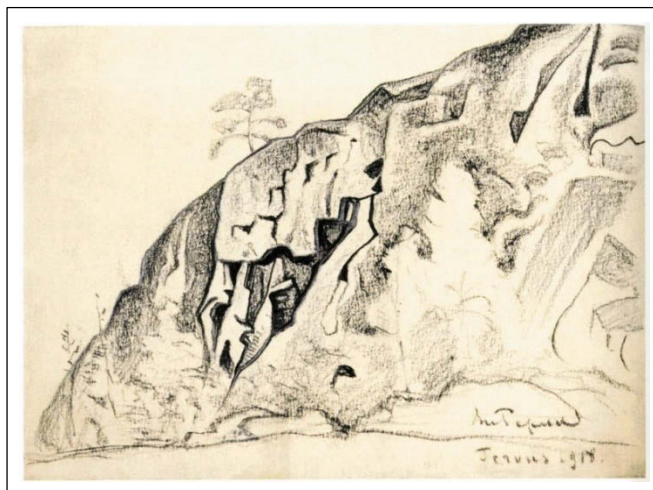
Америка!

Будьте здоровы, дорогой. Крепко Вас целую.

Ваш Леонид Андреев

Публикуется по изданию: De visu 4(5)'93. Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.

«...провёл я три недели в Тервусе, куда меня звали «отдохнуть»...» (Л. Андреев)



Н.К. Рерих. Тервус. 1918.

[22]-25 августа 1919 г.

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К.

25 Августа.

Второй день в Гельсингфорсе. Говорил уже со многими, в том числе целый вечер с Карташёвым. Впечатления самые безнадежные. Никакой работы, соответственной моим силам и желаниям, организовать здесь нельзя. Новое правительство остаётся в стороне от общего движения; С. В. Иванов и Карташёв решительно уклонились от участия.

Буду писать. Привет!

Ваш Л. А.

Публикуется по: Леонид Андреев. S.O.S. 1994. С. 315-319.

29 августа 1919. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому.

Дорогой Игорь, по твоему письму вижу твоё настроение и твоё отношение к большевикам. У меня - такое же. Жаль, что многие наши друзья работают и делают им рекламу - этому адскому веку [нуворишей].

Наш Стёпа у них занимает какое[-то] значительное место и, по словам Коутса, очень им полезен. Времена!

⁸ Письмо к Н. К. Рериху от [22]-25 августа 1919.

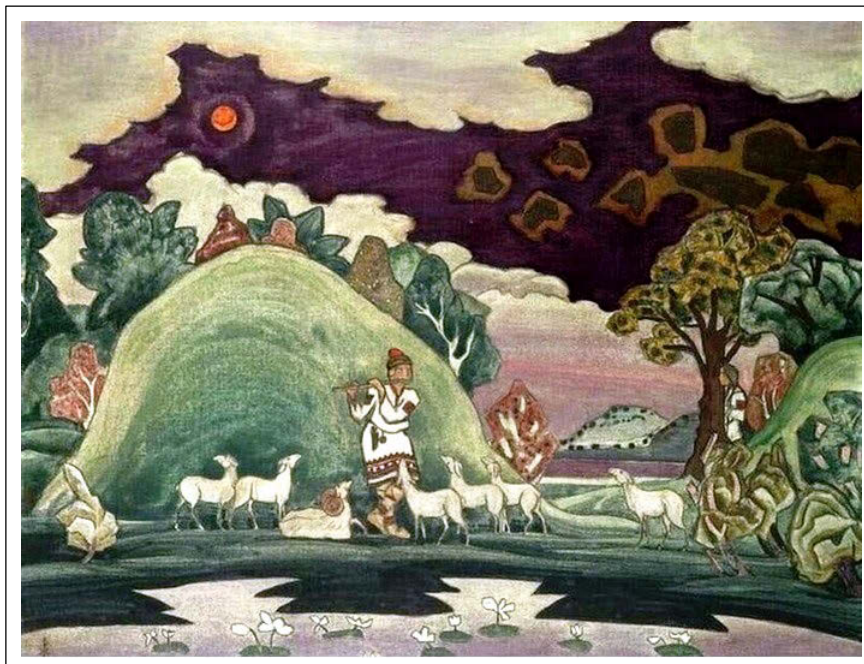
Не думаешь ли, что к летнему сезону хорошо возобновить в новой постановке Мясина нашу “Весну”. Здесь она произвела бы впечатление. Как полагаешь? Сейчас здесь интерес к русскому велик.

Что твои дети - велики ли? Как супруга твоя? Сейчас я много работаю.

Сердечно твой *Н. Рерих*

АрхСБ, № 43/0588. Послано в Морж.

Публикуется по изданию: И. Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. II: 1913-1922. — М.: Композитор, 2000. С. 454.



Н.К. Рерих. Песня Леля (Орфей). 1919.



Н.К. Рерих. Кришна-Лель (Святой пастух). 1932.

СЕНТЯБРЬ

2 сентября 1919 г. Берлин.

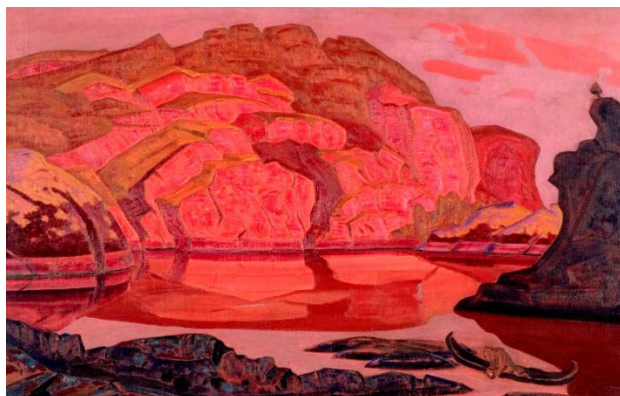
Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

2 сент. 919

Berlin

Дорогой Николай Константинович.

Вы спрашиваете о Ваших вещах в Петербурге, выставленных во дворце в 1919 г. зимой. Это были великолепные пейзажи Севера.



Клад захороненный. 1917.

Помню остров в море, около него лодка со святым. Тихие небеса, поразительные по краскам и спокойствию. Всего четыре пейзажа.

Никого не видел, ни Набокова, ни Гессена, нет никого, должно быть, на даче. Какая дрянная публика из Мюнхена и из Лейпцига с выставок не отвечают. Не могу собрать ни Ваши, ни моих вещей, взятых до войны ещё. В Америке вы увидите новых людей.

Вам писал просьбу «Ullstein» и мою написать статейку о моих рисунках. Книга ещё не готова, Вам хотят послать только отпечатки рисунков (40 штук), чтобы застать Вас ещё в Лондоне. Думаю, что Вы не откажете прислать Ваше слово обо мне. Книгу мы Вам пошлём в Америку, а может ещё успеем и в Лондон. Задержался с Вашими фотографиями, завтра с этим письмом высылаю. Спасибо за них, чего не успел сделать, то переснял. Как тяжело сейчас в Берлине. Удастся ли довести мою большую картину? Красок она ест уйму, а цены растут. Это обидно.

О Вас часто слышу от разных еврейчиков. Тут какие-то кабаки они чинят, такая чепуха и наглость. Скверно и скверно.

Дризен тоже едет в Париж. Я только уеду 15-го, придут мои Шибера, буду им продавать картины с уступкой. А жаль разбивать цикл. Хотел бы для Парижа оставить.

Ах, много хотел бы!

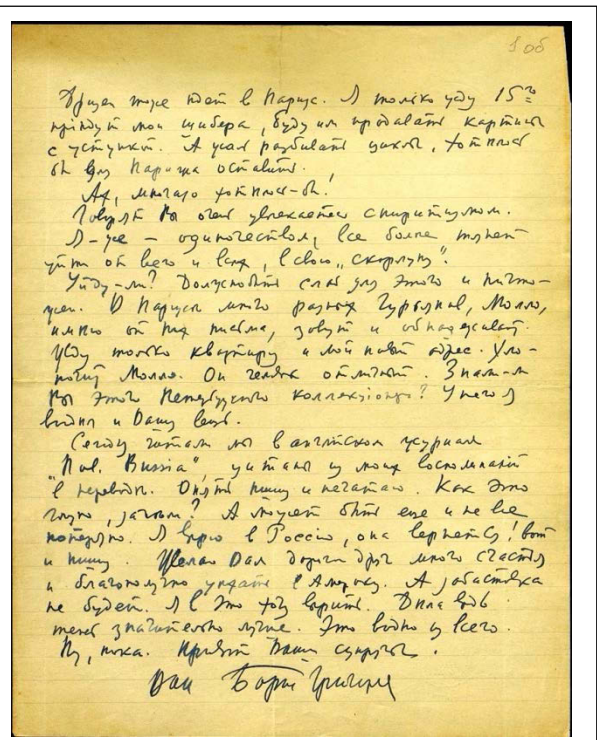
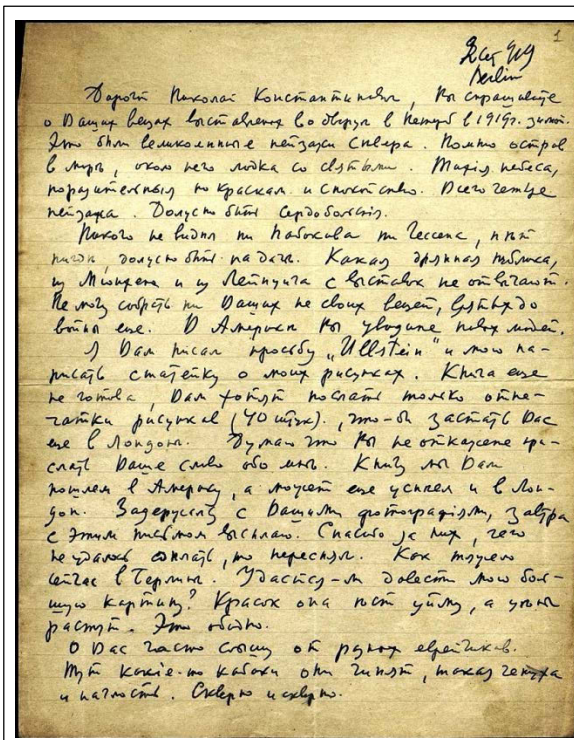
Говорят, Вы очень увлекаетесь спиритизмом.

Я же – одиночеством, всё более тянет уйти от всего и всех, в свою «скорлупу». Уйду ли? Должно быть, след для этого и ничтожен. В Париже много разных Гурьянов, Молло, именно от них письма, зовут и обнадеживают. Жду только квартиру и мой новый адрес. Хлопочет Молло. Он **генде** отличает. Знали ли Вы этого Петербургского коллекционера? У него я видел и Вашу вещь. Сегодня читали ли в английском журнале **"Nov. Russia"** <"... Russia"> цитаты из моих воспоминаний в переводе. Опять пишу и печатаю. Как это глупо, зачем? А может быть ещё и не всё потеряно. Я верю в Россию, она вернётся! Вот и пишу.

Желаю Вам, дорогой друг, много счастья и уехать в Америку. А забастовка не будет. Я в это хочу верить. Дела ведь теперь значительно лучше. Это видно из всего.

Ну пока. Привет Вашей супруге.

Ваш Борис Григорьев



Автограф письма, лл. 1, 106.

Архив Музея Рерихов, Москва.

4 сентября 1919 г.

Немцы и искусство
Статья акад. Н. К. Рериха

- Вы спрашиваете о бойкоте германцами русского искусства?

После сожжения Лувена, после германских зверств я уже писал, что всем культурным странам нельзя иметь ничего общего с современной варварской Германией.

Что всемирных Бетховена, Баха, Вагнера, Гёте, Шиллера, Кранаха, Гольбейна, мы видим, что современная, якобы «культурная» Германия не протестовала против постыдных варварских деяний.

Напротив, Гауптман, Шнитцлер и другие «лучшие», как знаем, подписываются под дикими уничтожениями, забывая, что после многовековых достижений человечества поднять руку *на книгу, на произведение искусства* - непростительно.

Также уже писал я, что, если священные предметы искусства и науки не возвысили, не улучшили дикую тевтонскую нацию, то следует эти предметы взять от немцев и передать в культурные, честные руки, где они выполнят своё высокое назначение.

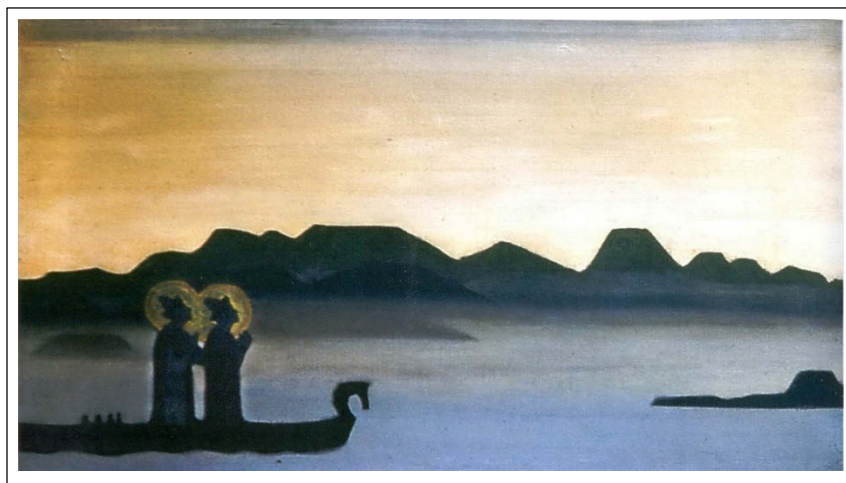
О современном германском искусстве мы не были высокого мнения, но у нас остались хвалебные немецкие статьи о русской живописи, о русском театре, о выступлениях Дягилева, о всём русском творчестве.

Немцы упустили одно: не они могут бойкотировать русское искусство; искусство всего культурного мира с этого времени минует Германию, которая может жить со своим лживым нибелунгом Миме - Кайзером.

Всюду повторим: Россия жива, сильна, сплочена во всех своих народах, во всём своём творчестве.

Н. Рерих [факсимиле]

Биржевые ведомости. 1914. 4/17 сентября. Вечерний выпуск. Четверг. № 14353. С. 4.



Н.К. Рерих. Св. Борис и Глеб. 1919.

<3-4 сентября 1919 г.>

Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой мой Николай Константинович! Только что прибыл из Гельсингфорса и нашёл Ваше письмо относительно «Черных масок», кн. Марии Павловны и Ярошинского. Прислано оно по почте, так что посланца никакого не видал. И, вероятно, этому письму предшествовали другие, потому что из этого я ничего не понял: в чём, собственно, дело? Получили ли Вы моё письмо относительно Америки? И теперь я в некотором расстройстве ума - Америка или Англия?

Здесь, как я и предполагал, ничего из моей пропаганды выйти не может. Я видел много людей, видел и теперешних министров (одного), много слышал о положении, и вся невозможность поставить дело пропаганды так, как я хотел: в широком «государственном» масштабе, встала передо мною воочию. Само новое министерство, едва родившись, уже дышит на ладан и разваливается. Ушли Карташев, С.В. Иванов, Бутлеров, наконец, Александров, из общественных деятелей остаётся только Кедрин да Маргулиес, если его считать за обществ<енного> деятеля. Дальше смутное безличие. Не решаюсь в письме высказывать своё мнение о министрах, но оно самое отрицательное. Карташев (чудесный человек) вернулся к своему первобытному комитетскому существованию и стремится за границу. И. Гессену предлагали пропаганду, но он отказался и всё мечтает о еженедельном журнальчике. Издают в Ревеле под руководством Кирдецова (!) и при содействии, кажется, вернувшегося Арабажина «Новую Россию», орган без денег, настоящего и будущего, но уже «с прошлым». Впечатление от людей и разговоров самое тошнотворное: узость, мелкота, личное; меня, конечно, боятся, хотя очень любезны. Странно сказать, но целыми днями я испытываю физически тошноту. Исключение, повторяю, Карташев, который, действительно, совсем не «деловит», но видит шире и яснее других и совсем лишён личного и корысти.

И какая тоска! даже милые шхеры не могли вытащить меня из этой чёрной ямы. Тоска, шаткое сердце и горькие мысли о бессилии и конченое, какое это проклятие: семья «зарабатывает»; уйти бы мне в тихую келью итальянского монастыря и там собраться с мыслями о мире, а вместо того - Америка! Янки дудль! Кинематограф! Ложь!

Ну да ладно. Было в Гельсинках одно радостное впечатление, до сих пор вызывающее улыбку: это красная солнцеподобная сияющая физиономия Гуревича, который встречал меня на вокзале и придерживал рукою Гессена и Иванова, притащенных им также для встречи. Им было кисло и хотелось спать, а он сиял и, залив меня светом, мгновенно умчался на стокгольмский пароход, который уже уходил. А у самого дела плохие и забот множество. На днях продам Тервус, Турмаркины ищут квартиру.

Вернувшись, застал дом в переполохе. Только что на рассвете налетали аэропланы и бросали бомбы по соседству; одна бряк<ну>лась около Шереметевых. Жертв, кажется, нет, но грохот и паника были жестокие. Приходится для матери и детей уезжать, спешно укладываться и проделывать беженство. Поселяемся на даче Фальковского в Мустомяках, и адрес мой теперь значит такой: Мустомяки, дача Фальковского, Л.Н. Андрееву. Надоело это, мешает думать и сосредоточиться, дергает за нервы. Гудит, а кто? Нынче на рассвете видел стрельбу

шрапнелью из Кронштадта, должно быть тоже по аэроплану. Красиво, когда далеко. Наши говорят, что особенно страшно было, когда они, после бомб, пролетали обратно и гудели над самой крышей: им никто не мешает и держатся они очень низко. В довершение зол, я простудился, бегая раздетым смотреть стрельбу и слушать разные звуки, и сейчас пишу с трудом.

Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача и Финляндия, с которыми сжился: наступит, бывало, осень, потемнеют ночи - и с радостью думаешь о тепле, свете, кабинете, сохраняющем следы десятилетней работы и мысли. Или из города с радостью бежишь домой, в тишину и своё. Был и большой дом: Россия с её могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом мой: искусство-творчество, куда уходила душа. И всё пропало. Вместо маленького дома - холодная, промёрзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом - чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества. Как кандалы всюду волочу за собою большевика и тоску. Статьи - не творчество. И так жутко, пусто и страшно мне без моего царства, и словно потерял я всякую защиту от мира. И некуда прятаться ни от осенних ночей, ни от печали, ни от болезни. Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества, я страшнее всего ощущаю для себя потерю последнего, испытываю тоску по «беллетристике», подобную тоске по родине. И не в том дело, что мне некогда писать или я нездоров — вздор! а просто вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством. Как зарница мигают безмолвные отражения далеких гроз, а самой грозы с её жизнью — нет. Прочтешь что-нибудь свое старое и удивляешься: как это я мог? откуда приходило в голову? Какой Вы счастливый, что, потеряв многое, как и я, сохранили творчество во всей его свежести и силе!

Ну, завтра буду о деле, а сейчас разболтался. О «Чёрных масках». Только в дни революции я понял, что это не только трагедия личности, а и трагедия целой революции, её подлинный печальный лик. Вот она, Революция, зажегшая огни среди мрака и ждущая званых на свой пир. Вот она, окружённая званными... или незванными? Кто эти маски? Черновы? Ленины? Но они еще знают Сатану. А вот и они, частицы великой человеческой мглы, от которых гаснут светильники. Ползут отовсюду, свет им не светит, огонь их не согревает и даже Сатаны они не знают. Черные маски. И гибель благородного Лоренцо. Да! можно, пользуясь цитатами, провести полную аналогию. И как это случилось, что трагедия личности, какую была задумана эта пьеса, стала трагедией истории, революции? Тут много интересного.

4 сентября

Из Штатов ещё нет ответа. Послал через Гессена телеграмму Бернштейну, скоро пошлю вторую с кратким изложением моего предложения. От Милюкова получил некое как бы пригласительное письмо в Лондон и даже 78 ф<унтов>. Во всяком разе до Америки мне необходимо побыть в Лондоне для координации действий — это даже без Вашего письма. А с тем, что Вы пишете о «Чёрных масках», работе в Лондоне и Ярошинском, все мои планы могут круто измениться.

Что может дать мне Лондон? Это я должен знать точно и определённо. Ведь моё положение таково, что без аванса от воображаемого импрессарио я не могу пуститься и в Штаты. Дело с закладом дома затягивается, вдобавок уехал Гуре-

вич, и хорошо, если к концу октября удастся получить 40 т<ысяч> марок - минус то, что я сейчас должаю на жизнь. Останутся сущие пустяки, а, уезжая, я должен оставить семье, сыну, которого удалось устроить в гелсингфорскую гимназию, на пансион у Игельстрома, очень хорошего человека — [нрзб] тысяч м<арок> в месяц. А одеть и проч.?

Вы пишете: возьмите семью. Это меня взволновало. Всей семьи я не возьму, громоздко, но мать-старуху хотел бы взять чрезвычайно, необходимость оставить её на одиночество очень тяжела. Тогда нас, едущих, получится четверо: я, жена, сынишка Савва и мать, да трое останутся в Финляндии.

...На том берегу жестоко ревут пушки, дребезжат стёкла, трясётся машинка, вздрагивает дом; сейчас так стукнуло, что едва удержался на стуле, как на норовистой лошади. И пулемёт. В чём дело? День чудесный, солнечный, но даль в дымке и ничего не различить в тумане. Но все дома ждут к ночи аэропланов, так тут бывает: англичане налетают на Кронштадт, а дикий Кронштадт в отместку налетает на наш берег...

О Ярошинском я слышал, как о джентльмене. Это всё хорошо, но я никак не уясняю себе своей роли в Лондоне: в чём будет моя работа? За что буду получать деньги, которые мне так анафемски нужны? И сколько? У меня кривит рот от этих вопросов, особенно последнего, но - Вы понимаете меня, мой друг! Конечно, если Лондон даёт мне возможность туда приехать и жить, то я могу поехать сравнительно скоро, не выжидая окончательного ответа от Америки: из Лондона легче будет сговориться. Ибо я всё же не оставляю мысли об этом Эльдорадо, где мне представляется единственная возможность подняться на ноги, снова стать независимым - стать художником! В Англии ко мне холодны (не говорю про Вас, такого верного друга, и про хороших русских, разумею англичан), в Америке температура много выше.

Вот Вам все мои соображения, чувства и обстоятельства - начистоту. Буду теперь с естественным нетерпением, считая минуты и последние марки, ждать Вашего всеобъясняющего письма. О визе я уже писал Набокову К<онстантину> Д<митриеви>чу, но если выйдет так, что можно взять и мать, то нужно добавить Анастасию Николаевну Андрееву, 67 лет. Наши паспортные отметки: я - 48 л., жена Анна Ильи<ни>шна - 35, сын Савва - 10.хлопотать о визе здесь - почти безнадежно и берёт уйму времени.

Как только осяду в Мустомьяках, сажусь кончать «Дневник Сатаны» и составлять лекции для почтенных янки. Между прочим (это пока в секрете) в Лондоне и Америке я хочу вести переговоры о некоей новой партии, которая (тише!) должна будет вместить в себе кадетов под несколько новой окраской; эта мысль идёт со стороны лиц весьма влиятельных, и мне кажется не только приемлемой, но и спасительной. Чтобы не опоздать на почту и не терять дня, решительно кончаю письмо. Горячо целую Вас, - и самый сердечный привет людям, волнующимся моей судьбой; меня только это держит. И до чего противно, что я всё о себе!

Ваш Леонид Андреев

Душевный привет А,А,

Леонид Андреев. Письма к Н.К. Рериху. Публикуется по изданию: De VISU. 1993. № 4. (Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал)

<10 сентября 1919 г.>

Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К.

Дорогой друг! Сейчас получил Ваше письмецо об «английском судне», которое отвезёт меня в Англию. Боже, как я взволновался! Жена хотела тотчас же посылать телеграмму: не получили! Да, того письма «с приглашением» я не получал — затерялось — пропало! Более аккуратно приходят только заказные. Не могу писать, простужен, голова, сердце и проч. Пропадает ценное время: должен работать, кончать «Сатану», готовить материал для поездки. Просто беда! За Ваше милое внимание и заботу - благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич).

Обнимаю,

Ваш Леонид А.

Леонид Андреев. Письма к Н.К. Рериху. Публикуется по изданию: De VISU. 1993. № 4.

12 сентября 1919 г. Финляндия, дер. Нейвола



Леонид Николаевич Андреев

†

«...Я, гоняющийся за миражами, отрицающий жизнь и incapable к покою...»

Л. Андреев

12 сентября 1919 года в Финляндии, в деревне Нейвола, в возрасте 48 лет умер знаменитый русский писатель Леонид Андреев. Совсем близкая – рукой подать – Россия, всего несколько лет назад следившая за каждым шагом этого человека, самого последнего его шага как будто и не заметила. Граница, обозначившая в 1918 году независимость Финляндии, оказалась почти непроницаемой, и долго еще в прессе сменяли друг друга подтверждения и опровержения печальной вести.

Тем не менее, были организованы две публичные церемонии прощания – благодаря усилиям М. Горького, особенно остро переживавшего смерть этого большого художника, с которым его лично связывала многолетняя и непростая история дружбы и вражды.....

Трагедия последнего года жизни Леонида Андреева была трагедией его полной изоляции от России и его невыносимой любви к ней. 19 мая 1918 года он записал в своем дневнике: «Вчера вечером нахлынула на меня тоска, та самая жестокая и страшная тоска, с которой я борюсь, как с самой смертью. Повод – газета, причина – гибель России и революции, а с нею и гибель всей жизни».

Снова он бросился в политику, оказался в чуждой, враждебной ему среде банкиров и помещиков и с ними был вынужден делить свою боль, свою утрату. «Это была первая смерть Леонида Андреева», – пишет в своих воспоминаниях Ф. Н. Фальковский. Призыв к гражданам союзных держав спасти Россию («S.O.S.», февраль 1919 г.), затем поиски контактов с «Северо-западным правительством» Юденича – все эти шаги отчаяния приближали конец; все чаще случались сердечные приступы. 12 сентября 1919 года в деревне Нейвола, куда семья писателя перебралась из-за близости фронта, Андреев умер от кровоизлияния в мозг. Вот свидетельство Ф. Н. Фальковского: «Я рылся в книгах, когда вдруг увидел перед собой Леонида Николаевича в пальто, с биноклем в руках. Он дрожал.

– Что с вами?

– Был на башне. Туманно. Искал Кронштадт и не нашел. Не нашёл...

На другой день он умер. На руках своей семьи, без графов и банкиров, в глубокой нищете. За всё время его пребывания в Финляндии – мне это доподлинно известно – рука его не коснулась ни одной копейки из того обгаренного братской кровью золота, которое сыпалось в карманы всех тех, кто примазывался к белому движению.

После его смерти во всём доме нашлось восемь финских марок».

Той зимой Андреев собирался ехать в Америку с лекциями...



* * *

«...Какой художник погиб в этом человеке! – говорил М. Горький ещё при жизни Леонида Андреева. – ...Все эти „бездны“ и „стены“ – плохо переваренный Достоевский с его склонностью блуждать по тупикам и лабиринтам. А русская литература не прощает оторванности от быта. Не принимаются на нашем чернозёме столь экзотические цветы. Всему есть историческое возмездие. Вот увидите: не мудрый, но честный писатель Куприн переживёт громкую славу Андреева, и мало кто об этом пожалеет...»

А. Богданов. Фрагменты вступительной статьи к собранию сочинений Л.Н. Андреева в 6 томах. Москва. Художественная литература. 1990.

ОКТЯБРЬ

9 октября 1919 г. Лондон

Письмо Арвида Лиденбен к Н. К. Рериху

Гельсингфорс, IX.X.1919

Профессору Н. Рериху

Лондон, Queen's Gate, 88. Отель Granby Court

Из-за отсутствия известий из Копенгагена мы спрашиваем Вас, профессор, чтобы напрямую узнать, как обстоят дела со страховкой повреждённых картин. Если дополнительные документы будут предоставлены, мы будем рады Вам помочь всем, чем сможем. Все картины сейчас отправлены Вам. Мы будем надеяться, что датская страховая компания выплатит Вам эту сумму. Наши усилия вообще ни к чему не привели. На наши письма мы не получили никакого ответа.

Мы предложили темперу многим художникам. Никто вообще не использует такие краски. Из-за этого мы не нашли покупателей на данный момент.

Мы будем очень рады получить несколько строк от Вас. Выставка в Лондоне уже организована?

С искренними пожеланиями,

Арвид Лиденбен

Salon Strindberg. Helsinki. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-2. Перевод со шведского Натальи и Петера Лундквист

22 октября 1919 г. Лондон.

Русская опера в Лондоне

Поскольку не менее пяти русских опер, включая замечательное произведение Стравинского «Соловей», будут услышаны на английском языке в наступающем сезоне Grand Opera в Ковент-Гарден. Сэр Томас Бичем привлёк к работе трёх известных театральных деятелей, каждый из которых достиг больших успехов в своей области. Это г-н Гаврилов, г-н Комиссаржевский и г-н Рерих. Первый из названных – безусловно, выдающийся танцор и постановщик; он будет отвечать за хореографическую сторону всех произведений. В которых есть танцевальные партии, и в дополнение к этому он ведёт балет в «Князе Игоре» и в других операх. Когда г-н Нижинский во время визита в Америку перестал принимать участие в русском балете, именно г-н Гаврилов встал на его место и помог довести турне до успешного завершения. Г-н Комиссаржевский был театральным директором бывшего Императорского оперного театра в Москве. Он будет отвечать за все детали, необходимые для полной русификации различных постановок. И, наконец, г-н Рерих – выдающийся художник, который будет отвечать за некоторые новшества и смелые сценические эффекты, среди которых – совершенно новые декорации для пролога к «Князю Игору». ...

Daily Telegraph. 1919. 22 октября.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. 2011.

[1919 г.]

Письмо Н. К. Рерих к Дягилеву С.П.

Дорогой С. П.

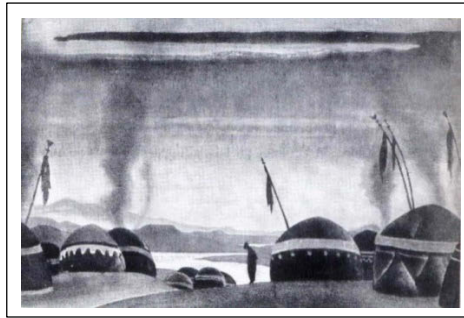
У меня сложилась новая версия «Половецкого стана» - пожалуй, вместо реставрации не сделать ли новую?

Уже три дня лежу - инфлуэнца и бронхит. Трудно со здешним климатом.

Слышал, что теперь балет твой идёт превосходно.

Твой Н. Рерих

Публикуется по изданию: Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М.: Изобразительное искусство, 1982. С. 131.



Н.К. Рерих. Половецкий стан. 1919.
(Ч/б воспроизведение)

22 октября 1919 г. Лондон

Письмо Н. К. Рериха к В. П. Крымову В.П.

Многоуважаемый Владимир Пименович.

Ф. Ф. Комиссаржевский передал мне привет Ваш.

Мне также очень хочется встретиться, но сейчас у меня бронхит, который задержит меня дома ещё несколько дней.

Не хотите ли Вы посмотреть эскизы к «Царю Салтану»^{1*)}, пока их не унесли в театр? Если послезавтра, в Пятницу, или в 11 утра, или в 3 дня соберётесь - я буду искренно рад. У нас так много общих тем.

Искренно преданный

Н. Рерих

22.X. 1919

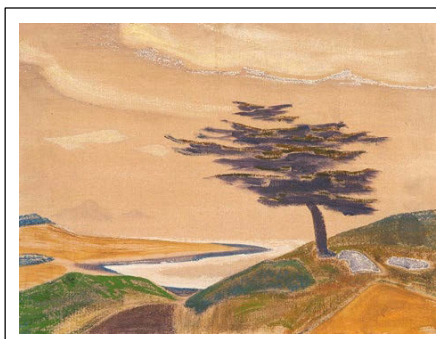
25 (А квартира) Queen's Gate Terrace. S.W. (Gloucester Road St).

Les Manuscripts Slaves de la Bibliotheque Imperiale de Paris. № 126, vol. II. Correspondance (Krymov). Ff. 80. Архив национальной галереи в Париже.

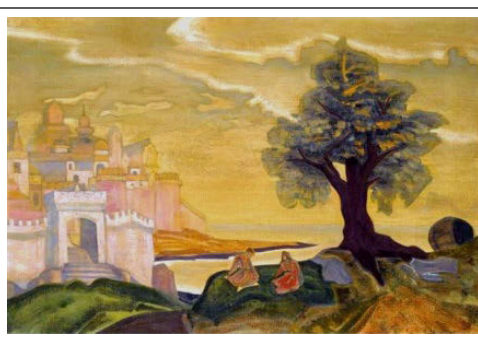
Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

^{1 *)} Из-за банкротства Бичама лопнули «Царь Салтан», «Садко», «Золотой петушок». (Н.К. Рерих. "Срывы". 1944 г.)

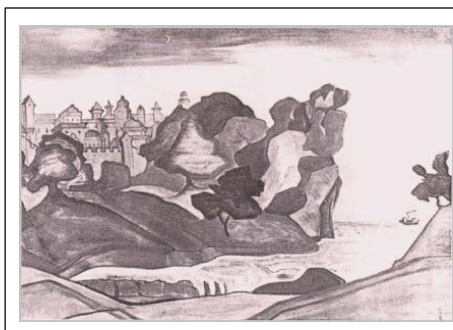
Н.К. Рерих Сюита «Царь Салтан»



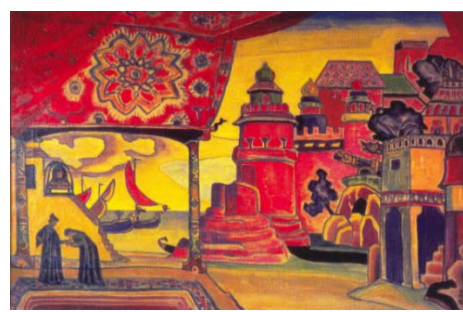
Берег.



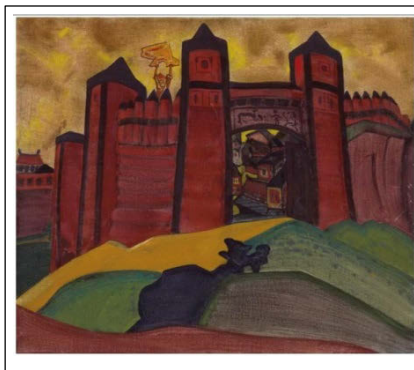
Берег Леденец.



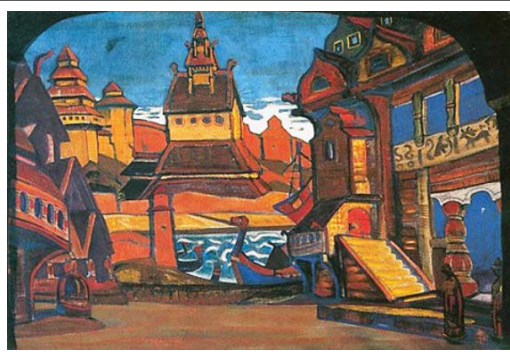
Город Леденец.



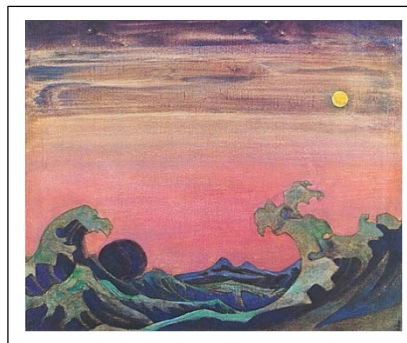
Дворец Леденец.



Ворота Тмутаракани.



Тмутаракань.



Синее море.

22 октября 1919 г. Лондон
Письмо Н. К. Рериха к М. К. Тенишевой

Дорогая Мария Клавдиевна!

Посылаю Вам листовку, изданную Liberation Committee. Дадите её, кому следует. Хорошо бы и французской прессе, которая ещё мало заботилась о России и о сущности большевизма.

Каждый день свирепо покупаем газеты — всё хотим видеть совершившееся занятие Питера. Но всё ещё нет! Всё ещё близко, но ещё нет! Пошли, наконец, Господи!

Здесь начались туманы. Климат здешний всё-таки очень плох. А при туманах у меня делается удушье. Очень жалею, что мы не в Париже. Была ли у Вас Леди Эльджертон? Вероятно, ещё побывает моя бывшая ученица Попова (Билибина). Привет наш Екатерине Константиновне.

Искренно Ваш

Н. Рерих

22.X.1919.

25, Queen"s Gate Terrace. S.W.

Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2408. Рерих Н. К. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

26 октября 1919 г. Лондон.

Новая нота в русской опере

За исключением, возможно, «Парсифаля», наиболее выдающимся явлением наступающего сезона Grand Opera английском, который открывается в Ковент-Гарден 3 ноября, будут русские работы, не менее пяти из которых включены в репертуар.

Одно дело – показывать русскую оперу, и другое – ставить её согласно русским традициям и русским идеям. Мало англичан, хоть немного знакомых с русскими обычаями и манерами и, соответственно, с тремя театральными деятелями – господами Рерихом, Комиссаржевским и Гавриловым, которые дополнили группу и которые являются гарантами того, что представления русской оперы не будут похожи на нечто «сделанное в Англии».

Г-н Рерих, конечно, тот самый известный художник, чьим усилиям в прошлом мы обязаны смелости и подлинности сценических декораций, которые в значительной мере способствовали превращению русской оперы в изумительный спектакль.

Когда «Князь Игорь» давался в прошлом сезоне, пролог и первая сцена были объединены вместе, в результате чего действие проиграло. Сейчас они разделены и поставлены в соответствующем порядке; г-н Рерих создал новое оформление к прологу. Г-ну Комиссаржевскому выпала обязанность по руководству сменой сценических декораций – задача, для которой он замечательно подходит, поскольку совсем недавно он был директором сцены бывшего Императорского оперного театра в Москве. Г-н Гаврилов – это тот самый хорошо известный танцор и хореограф, который показал себя достойным последователем г-на Нижинского, ранее считавшегося незаменимым.

Н. Trevor

Sunday Express. 1919. 26 октября.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

27 октября 1919 г. Лондон.
Письмо Н.К. Рериха к Тенишевой М.К.

Дорогая Мария Клавдиевна, из письма Екатерины Константиновны я узнал, что Вы тоже простужены (я сижу уже 2 недели дома). Посылаю Вам № журнала, издаваемого английским Министерством Иностранных Дел. Посылается он и в Россию. Любопытное предприятие. И всё-таки мы видим, что если что и остаётся в жизни – это искусство и знание. Только эти два устоя, на которых ещё какое-то взаимное понимание возможно. Вся же политика – это гибель человеческой культуры. И сейчас все наиболее бездарные элементы устремились в политику.

С трепетом читаем газеты о Питере. Как всё неясно. А главное, не ясен образ мышления тамошней массы. Это никто не понимает. Здесь у нас тоже неразберихи достаточно. Да и в нашей здешней театральной жизни я никогда не видал такой беспорядок, как в большой опере Covent Garden'a. Это что-то неопишное и часто недобросовестное. Как хочется, чтобы этого не было. Приходится жить так, как живётся. А если бы Вы видели последние постановки Дягилева – это уже не пропаганда, а уже началась профанация. Уже не балет, а цирк с канканом. Печально. И как хочется мыслить ко благу. А где оно, благо? Приятно одно, что остаются друзья, и если бы Вы видели, как Ваши письма перечитываются и нами, и нашими сыновьями!

Наш студент Юрик напишет Вам письмо по-санскритски. Он прав – углубляясь в мудрость Востока.

Привет Щербатовым. Не напишет ли он?

Благодарю Екатерину Константиновну за письмо.

Ваш искренно

Н. Рерих

27. X. 1919.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2408. Рерих Н.К. Оп. 2. Д. 8. Л. 2-3.

27 октября 1919 г. Лондон.

Россия в Ковент-Гарден

Известные деятели искусства приглашены сэром Томасом Бичемом

Так как не менее пяти русских опер будут услышаны на английском языке в течение наступающего сезона в Королевском оперном театре Ковент-Гарден, сэр Томас Бичем привлёк к работе трёх известных деятелей искусства, каждый из которых – признанный мастер в своей области.

Этими деятелями искусства являются г-н Гаврилов, к-н Комиссаржевский и г-н Рерих. Г-н Гаврилов – это, конечно же, тот самый выдающийся танцор и постановщик. Он будет обеспечивать хореографическую часть в тех постановках, где это необходимо, и в дополнение к этому он ведёт балет в «Князе Игоре» и в других операх. Г-н Комиссаржевский – известный театральный директор бывшего Императорского оперного театра в Москве. Затем г-н Рерих – выдающийся художник, который будет отвечать за некоторые новшества и смелые сценические эффекты, среди которых – совершенно новые декорации для пролога к «Князю Игорю». ...

Evening Stanbard. 919. 27 октября.

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

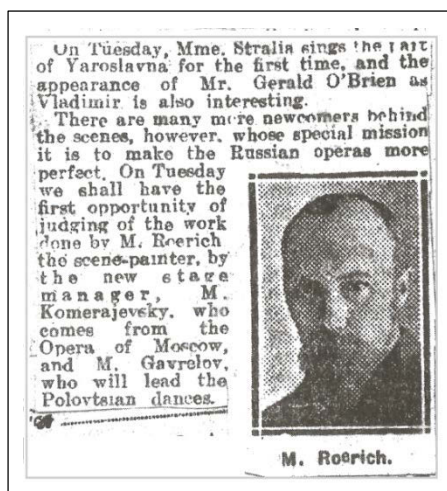
31 октября 1919 г. Лондон.

Хроника

Во вторник г-жа Стрална впервые исполнит партию Ярославны; интересно также исполнение г-ном Джеральдом О'Брайном партии Владимира.

Однако за сценой много и других новых лиц, чьей главной задачей является усовершенствование постановок русских опер. Во вторник² мы впервые будем иметь возможность оценить работу, проделанную художником-оформителем г-ном Рерихом, г-ном Комиссаржевским – новым сценическим управляющим, который работал ранее в Московской опере, и г-ном Гавриловым, отвечающим за постановку половецких плясок.

Daily News. 1919. 31 октября. Помещено фото Н.К. Рериха.



Бум русской оперы Известные деятели искусства для Ковент-Гарден

Русское искусство обещает стать ещё более заметным, чем когда-либо, в глазах лондонской публики в течение следующих двенадцати месяцев.

Принимая во внимание то обстоятельство, что не менее пяти русских опер, включая замечательную работу Стравинского «Соловей», будут слушаться в течение следующего сезона в Ковент-Гарден, сэр Томас Бичем пригласил трёх известных деятелей искусства – г-на Гаврилова, г-на Комиссаржевского и г-на Рериха.

Г-н Гаврилов – выдающийся танцор и постановщик, г-н Комиссаржевский – знаменитый управляющий сценой бывшего Императорского оперного театра в Москве; г-н Рерих – всемирно известный выдающийся художник. Он будет отвечать за некоторые новшества и смелые сценические эффекты, среди которых – полностью новая декорация к прологу «Князя Игоря». ...

[Статья из неизвестного издания]. 1919.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Санкт-Петербург. КОСТА. 2011.

² Вторник 4 ноября 1919 г.

НОЯБРЬ

7 ноября 1919. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Тенишевой М.К.

Дорогая Мария Клавдиевна,

Порадовался за Вас, что Вы подвигаетесь к теплу, и огорчился – значит, значит вы опять от нас удаляетесь. За это время я поправился и начал работать. Даже успели с грехом пополам поставить «Игоря» в Royal Opera. Но что это за Опера! - наша Калуга или Царёвкокошанск, и при том величайшее самомнение. Все мы, и Коутс, и Комиссаржевский, опечалены театром, а публика ничего себе, и пишут, что успех большой. Настолько они не знают Россию (по-прежнему), что всё, что для нас из рук вон плохо, а им хорошо.

Общие наши русские дела приводят в уныние. Здесь прямо волна внимания к большевизму. А из Кембриджа и Оксфорда мне сообщают, что среди студенчества «радость разрушения!». Откуда эта глупость? Откуда стремление к самоуничтожению?! Из Италии писали мне, что на днях тоже возможен большевизм. Куда же направляется культура? Или, правда, как говорят теософы, что сейчас смена веков. Кали Юга (чёрный век) сменяется белым веком - культурой духа. Но ведь одна минута Браммы - это 200 000 земных лет!

Удалось ли Вам встретить Половцова? Здесь он всё ещё не появлялся. Шереметьевы уезжают в Стокгольм.

Нет ли у Вас новых вестей с юга России? Оба мои брата потерялись: Борис был в Киеве, а Владимир при Колчаке в Омске, но теперь оба исчезли. Вообще, с прошлого Декабря за время моей работы в Колчаковских организациях, сколько драм прошло перед глазами! Сколько благородных офицеров исчезало навсегда. А дело всё ещё так далеко. А всё-таки Русь будет!

Если уедете – сообщите новый адрес. Юрик шлёт Вам санскритский привет. Жена кланяется Вам и Екат. Конст.

Сердечно Ваш
7 Нояб. 1919

Н. Рерих

Российский государственный архив литературы и искусства . Ф. 2408. Рерих Н.К. Оп. 2.Д. 8. Л. 4-5 об.

8 ноября 1919 г. Лондон.

Художник-пророк Предчувствие русской революции

Творчество академика Николая Рериха, знаменитого русского художника, вероятно, известно любителям оперы больше, чем его имя, ввиду того, что он стал создателем немалого количества постановок, которые значительно способствовали славе русской оперы и русского балета. Картины академика Рериха украшают стены ряда наиболее известных картинных галерей и музеев Европы, а академии и общества континента усыпали его бесчисленными почестями и наградами.

Мизансцена, которую он создал для оперы Бородина «Князь Игорь», вызвала недавно бурное обсуждение у всех ценителей русской оперы, настолько замечательно она отражает, с точки зрения цветового решения, национальный колорит. Некоторые картины Рериха – пророческие, такие, как «Крик змия», «Град обречённый» и «Меч мужества» - они были написаны в 1913 и 1914 годах – в них он предсказал великий социальный переворот, который расколол Россию от севера до юга. Когда произошла революция, большевистские лидеры предложили ему большую сумму денег³, если он перейдёт на их сторону, и только с величайшими трудностями ему удалось, в конце концов, выехать на запад. Не далее как в прошлом году берлинские власти сделали заманчивое предложение по организации выставки его картин в нескольких самых крупных городах – предложение, которое г-н Рерих, чьи симпатии решительно просоюзнические, презрительно отверг.



Daily Express. 1919. 8 [ноября]. Помещено фото Н.К. Рериха.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

11 ноября 1919 г.

Письмо Н.К. Рериха к Крымову В.П.

Многоуважаемый Владимир Пименович,
Посылаю Вам статью Голосова⁴. Полагаю, что она с добавлениями может идти. Утром позвоню. Спасибо Вам.

Искренно Вам предан.

Н.К. Рерих

11.XI. 1919

Архив национальной галереи в Париже.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

Ноябрь 1919 г. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф.

Дорогой Игорь, слушаю с восторгом успехе твоего «Соловья»⁵. Нет ли у тебя «Весны священной»? Не пришлешь ли мне экземпляр? Не проясняются наши Русские дела! С огорчением читаю невесёлые вести. Тоскливо.

³ Документального подтверждения этой информации не найдено. – *Ред.*

⁴ И.Голосов. Неожиданные встречи. – см. в данном издании 25 августа 1918 г.

Ещё раз спасибо за радость в «Соловье».
Привет твоим. Н.Р.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011

14 ноября 1919 г. Лондон.

«Князь Игорь» Волнующий успех оперы

Две вещи в «Князе Игоре» обладают величием: это тема и музыка – обе обеспечивают произведению особое положение в иерархии русской оперы. Начать с того, что контраст между простым русским народом и завоевывающими их азиатами сам по себе даёт великолепные возможности для зрелищных эффектов, а незатейливые восточные мелодии, которые Бородин принёс с родного Кавказа, добавляют экзотический аромат, дающий музыке достоверность, против его собственных попыток иногда её итализировать.

Вся постановка прошла вчера вечером великолепно и с воодушевляющим успехом. Трудно определить, чья доля в этом успехе больше, так как различные части оперы взаимопроникающи и взаимосвязаны, но большая его доля принадлежит дирижёру г-ну Альберту Коутсу и исключительно виртуальному управлению сценическими передвижениями.

Г.-н Николай Рерих полностью изменил сделанные им ранее театральные декорации, оригинально их выполнив, и добавил пролог. Эффект очень живой и создаёт великолепный фон, что обещает показу стать одним из самых смелых представлений в репертуаре Бичема. По насыщенности впечатлений ни с чем несравнимо. Музыка упорно остаётся в памяти, и, несомненно, Бородин не принадлежит к числу тех композиторов, чья музыка забывается через поколение или два. За это представление мы должны в очередной раз поблагодарить г-на Альберта Коутса и оркестр, которые действительно совершили чудо.

Е.Е.

Среди публики были король и королева Испании, принцесса Беатриса, принцесса Алиса, принцесса Хелена Виктория, принцесса и принц Артур Коннаутский, маркиз и маркиза Карисбрук, лорд Леопольд Маунт Баттен, испанский посол, герцогиня Вестминстерская, лорд и леди Фернесс, графиня Лондсборо и лорд Бернс.

The Atheneum. 1919. 14 ноября. С. 1195.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

⁵ Постановка оперы И.Ф. Стравинского «Соловей», осуществлённая Т. Бичемом в Лондонском Коувент-Гардене в ноябре 1919 г. – ред.

21 ноября 1919 г. Лондон.

Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф.

21 ноября 1919

Дорогое Игорь, спасибо за весточку. Среди русского ужаса всякая дружеская рука особенно тепла — особенно, когда видишь, что весь свет мыслит как бы унижить всё русское. И сколько притом лицемерия, и сколько улыбок, и сколько блеска запломбированных зубов. И душа тоже запломбирована. Жаль, что не можешь прислать «Весну», — я ведь жду обещанный экземпляр с надписью. Вещь, мне посвященную, и вдруг её именно не имею.

Вся твоя часть «Соловья» прошла прекрасно. С большим успехом, и оркестр звучал очень хорошо. Зрительная часть была плоха, а 3-я картина шла в палатке из «Тристана». Всё в Ковент-Гарден утеряно. Вообще антреприза Бичема — сущий кабак, если не сказать хуже. Куда там наша Калуга! И работать с ним просто невыносимо. Единственно хорош оркестр, и потому положение композитора наилучшее. И как я рад сознавать, что твоя музыка настолько безмерно выше французов, показанных Дягилевым. А там ещё этот бездарный Кокто со своей чепухой. Дягилев-то всё видит и понимает. Сейчас буду сочинять новые варианты декораций к «Весне» и реставрируем «Игоря», который в пути совсем поизносился⁶.

Крепко целую тебя, дорогой Игорь. Всем твоим шлём дружественный привет. Сердечно твой

Н. Рерих

Пришли мои картины из Финляндии и теперь мыслю о выставке. Написал много нового.

АрхСБ № 43/0591- 93. Послано в Морж.

Публикуется по изданию: И. Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. II: 1913-1922. — М.: Композитор, 2000. С. 454.

Из воспоминаний Е.И. Рерих:

Ноябрь 1919 года. Красный Вестник на столбах света. Стою на балконе занимаемого нами лондонского дома, откуда далеко видны площадь и боковые улицы. Небо свинцовое, сумрачное, во всей атмосфере нечто необычайно тяжёлое, зловещее; люди тёмные и серые снуют вдоль улиц и спешат укрыться от надвигающейся грозы. Небо быстро темнеет, и на западе стало чернее чёрного. На фоне этой жуткой тьмы внезапно вырисовалась, занимая собою полнеба, гигантская, розовая и блистающая огненно-красная фигура Архангела* на столбах света, со сворачивающимся свитком в руке и большим золотым ключом у пояса.

⁶ Речь идёт о декорации «Половецкого стана» из «Князя Игоря», которая была показана в Лондоне в 1919 в новом оформлении Рериха.



Е. И. Рерих. Архангел Гавриил. Н.К. Рерих. Последний Ангел. 1942. (фрагмент)

Встало сознание совершающегося возмездия. Повернув голову к Востоку, увидела в сумерках, близко от земли поднимающийся серп новолуния и на нём покоящегося прекрасного Младенца, причём одна ножка его была спущена. Поняла это явление как восточный символ рождения Новой Эпохи и Новой Расы.

Во время пребывания в Лондоне после встречи с Великими Учителями, после Их близкого подхода начался ряд замечательных явлений. Я стала замечать вспышки жёлтого пламени в средостении. Каждый вечер у постели появлялись две светлые тонкие фигуры, головы которых застигались серебристым туманом, и отчётливо были видны лишь руки, подававшие мне книги. Видение это с небольшими вариантами продолжалось довольно долго. Иногда мне показывали несколько книг в красных переплётках, другой раз это была огромная раскрытая книга. Часто в воздухе обрисовывалась рука и, держа небольшой восточный сосуд, совершала возлияния вокруг меня.

У постели появлялись две светящиеся серебряные фигуры, у которых на лбу были начертаны светящиеся числа - сроки.

Одну ночь у изголовья встал Светлый Мальчик, на подносе у него лежали кисти, я поняла, что должна протянуть ему руки для помазания, и по очереди протянула ему ладони, которых коснулась кисть Мальчика. После чего я легла на спину и увидела перед собой руку, протягивавшую мне зажжённую свечу, я взяла эту свечу, конечно, не осязая её.

Также видела не раз около себя много глаз, необычайно живых, смотревших на меня, среди которых было много узких, восточных.

Часто просыпалась от толчка, как бы от электрической искры, и начинала видеть. Так видела два сине - серебряных луча, один был наполнен бесчисленными человеческими синими и темными глазами, другой, блеснувший вслед за первым, - мелкими серебряными рыбками самых разнообразных форм.

Были видения в движении, и мне трудно было ухватить их; так, в спиральном вихре в красном свете пронеслась женская фигура, но и это видение не было четким.

Неоднократные видения серебряного голубя, иногда с масличной веткой в клюве.

Также видения очень резкой радуги, особенно ярки были жёлтый и красный цвета.

К этому времени относятся два замечательных видения внутри себя, в области солнечного сплетения. Первое видение произошло поздно вечером, когда я уже лежала в

постели. На фоне сине-зелёном вибрирующего серебром сияния явилась тонкая мужская голова с закрытыми глазами, совершенно лишённая всякой растительности и как бы выточенная из слоновой кости; тип утончённого красивого китайца. Видение это сопровождалось сильнейшим трепетом всего организма, но всё же он был слабее и короче, нежели трепет после посещения меня Светлым Мальчиком.



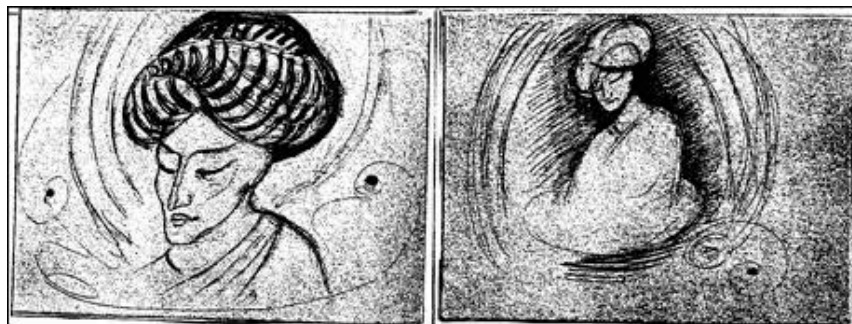
Е. И. Рерих. Автоматический рисунок.

К этому же периоду и даже немного раньше относится постоянное видение тонкой мужской головы ясно выраженного восточного типа. Длинные, темные, слегка волнистые волосы, тонкие черты лица, небольшая борода, слегка раздвоенная, лицо матово - смуглое и огромные глаза, большею частью закрытые, лишь иногда они широко раскрывались, и тогда точно серебряные лучи брызгали из глаз. Голова эта поворачивалась во всех направлениях, чтобы она лучше могла рассмотреть. Голова появлялась на лилово - розовом фоне и в уменьшенном размере.

Видение: довольно многочисленное шествие Индусов в белых одеяниях, в чалмах, причем вокруг некоторых голов золотистые сияния. Идут они к воротам в стенах восточного города. За стеной виднеются вышки пагод и минаретов. Один из тех, у которых было сияние вокруг головы, обернулся и с улыбкой посмотрел на нее.

Видение на пурпуровом фоне - тёмный силуэт смуглого, с густыми курчавыми волосами и бородой Индуса и над ним корона.

Видение двух Индусов в тюрбанах на фоне красной полированной доски. Глаза Их двигались. Видение простояло несколько секунд, и видели его, кроме меня, и мои два сына. Видение это было как бы телевизия.



Публикуется по изданию: Е.И. Рерих. У порога Нового мира. Москва. 2000.

ДЕКАБРЬ

18 декабря [1919]

Письмо Н. К. Рериха к Андреевой А.И.

Дорогая Анна Ильинична.

Пошли Вам Господь Новый Год получше! Ваше письмо меня очень тронуло. Повторяю, если чем могу быть Вам полезен – всегда сделаю с особой радостью.

Теперь дела: 1. Денисовой передал (Думаю, она пригодится ещё.)

2. Насчёт франков просил Вальтера устроить.

3. О дневнике напомнил Милюкову и сказал, чтобы не стояли за ценою.

4. Какое Шведское издательство издаёт «Дневник Сатаны!? Если Al. Bonnier – будьте осторожны, о нём очень предупреждают. И *цена*, и *сроки* – всё должно быть запечатлено нотариально. У меня с ним, кажется, без суда не обойдётся.

Вот Вы хвалите Анну Самойловну, и я её здесь хвалю *больше всех друзей*, а она мне *ни на одно* письмо не ответила – разве это хорошо? И даже весть о сохранности нашей квартиры передала через Шклявера: ладно ли это? Так ей и скажите. Работаю. Готовлю выставку. Конечно, даже и среди здешних деревяшек можно прожить, найти свою публику и средства, но ведь без России-то как же? Ведь я *русский* художник и могу путником пройти по миру, но огонёк дома должен гореть в России. А где она? И что с людьми – дичают, звереют!!

Не знаете ли, что Рудневы, отчего не пишет Шейнин и что <с> Голенищ.-Кутузовым И.И. (Иванов знает его).

Если что нужно, *пишите* всё. Жена (Елена Иван.) шлёт привет.

Ваш Н. Рерих

18. XII. [1919]

Вместо снега грязь здесь. А сколько лицемерия – всё как песком усыпано!

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 11. Андреев Л.Н. оп. 1. Д. 278. Л. 1-2об.

22 декабря 1919 г.

Письмо Н. К. Рериха к Стравинскому И. Ф.

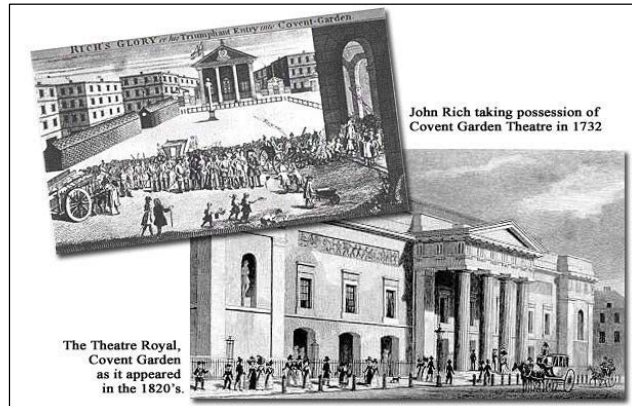
Сердечный привет к Новому году!

Дай Бог тебе написать во славу подлинной России ещё много прекрасных вещей.

Твой Н. Рерих.

Арх СБ № 43/0595. Послано в Морж

Королевский театр Ковент-Гарден



Лондон. Театр Ковент- Гарден 1872 / 1920-е гг.

[28 декабря 1919 г.]

Телеграмма С.П. Дягилева к Рериху Н.К.

Николай Рерих,
25а, Queen's Gate Terrace. Лондон

Счастлив большому успеху пятисотого представления «Игоря». Твоё оформление вызвало восторг у публики всех стран.

Всего наилучшего.

Дягилев

Париж

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма. Штемпель: 28 декабря 1919.



Дягилев и Пикассо в мастерской Ковент-Гарден. Лондон, 1919 г.

И воспоминаний В. Шibaева:

«Впервые я познакомился с Николаем Константиновичем и его семьёй в Лондоне в 1919 году. Тогда я ещё не знал, что эта встреча изменит весь ход моей жизни!

Н. К. зашёл в издательство на Флиит-стрит, где я работал тогда, справиться, не знают ли они кого-нибудь, кто мог бы срочно перепечатать на русской машинке его новую книгу «Цветы Мории». Я был рад это сделать, познакомившись при этом с глубоко своеобразными идеями этих стихов, а особенно с циклами «Мальчику» и «Ловцу, входящему в лес». Я сразу же был привлечён к Рериху как писателю-мыслителю. И потому, конечно, с величайшим удовольствием принял любезное приглашение посетить его выставку в Goupil Gallery в мае 1920 года. Раньше я не видел его картин и только теперь познакомился с Рерихом как мастером живописи. Я сразу же был до такой степени пленён, как искусством его красок, так и широтой и глубиной мысли, что решил всем сердцем посвятить себя его работе, и потому радостно принял последовавшее немного позже предложение поехать с ним и его семьёй в Индию, куда он, по приглашению великого индийского поэта и писателя Рабиндраната Тагора, намеревался вскоре выехать. С моим знанием английского языка я должен был присоединиться в качестве секретаря.

Рерих и Индия, искусство и философия Востока! - неужели эти дерзновенные мечты, такие, казалось бы, несбыточные, могли вдруг стать действительностью?! За выставкой последовало приглашение побывать у Рерихов дома, и я познакомился с Еленой Ивановной и сыновьями Юрием и Святославом. Семья жила в особняке номер 25 по Queens Gate Terrace в Кенсингтоне, красивом жилом районе Лондона, около Гайд-парка.



Лондон, район: Kensington (Кенсингтон)
(Современное фото)

Я ютился тогда в центральной части Лондона, возле Британского музея, и ввиду скромности средств отправился в Кенсингтон пешком. Живо помню, как, придя туда вечером, я был встречен с такой любезностью и радушием, как могут встречать лишь русские и, может быть, индусы. Елена Ивановна, по этой первой встрече, так навсегда и осталась у меня в памяти светлой, радостной, сияющей; она вышла мне навстречу, протянув обе руки, с улыбкой приветствуя меня. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич занимались тогда в колледже Лондонского

университета, и у нас быстро сложилась глубокая дружба, сохранившаяся до последних писем Юрия из Москвы и в теперешней переписке со Святославом из Индии. Мало, очень мало таких истинно понимающих, сочувствующих и самоотверженно устремлённых людей в мире.

Домой я вернулся только к полуночи. Всё время было так занято интересными беседами, что я и не заметил, что мы не ужинали и даже не пили чаю. Очевидно, предполагалось, что мы уже поужинали до восьми, и так было всегда при многих дальнейших визитах. Только потом я понял глубокую мудрость этого - ведь у нас всех, таким образом, сохранялась сосредоточенность устремлений, которая прервалась и ушла бы при отвлечении на еду... Это, между прочим, характерная черта творчества Рериха - твёрдо наметив цель и план действия, он не позволял ни себе, ни другим ничем отвлекаться, дабы, как он выражался, не нарушалась «прямызна полёта стрелы» и не пострадала «монолитность действия».

В Англии русским нелегко было получить визу в Индию, но семье Рерихов и мне, как секретарю, визы, в конце концов, были выданы 28 июня 1920 года. Радость была великая, но, как часто бывает в жизни, человек полагает, а судьба располагает. Так и тут! Николай Константинович получил приглашение директора Чикагского института искусств посетить Америку и устроить выставки в тридцати городах Соединённых Штатов. Это было великое дело, огромного значения для распространения истинных основ искусства, и, как мы знаем из событий последующих лет, в продолжение пребывания Н. К. в Америке он учредил там целый ряд художественных и просветительных учреждений. Но это другая знаменательная глава биографии Рериха — в ней я не участвовал и в Америке никогда не был. А пока Н. К. отложил поездку в Индию, и так как секретарь в Америке ему был не нужен, я временно остался в Европе. Рерихи поехали одни и прибыли в Нью-Йорк 2 октября 1920 года.

Владимир Шибает. «Из воспоминаний очевидца».

Публикуется по изданию: Держава Рериха, М. Изобразительное искусство, 1994.



Владимир Анатольевич Шибает. ⁷

⁷ Владимир Анатольевич Шибает (1898, Рига - 1975, Кардифф.) Основатель рижского кружка Н.К. Рериха, позднее переросшего в Общество. В 1920 г. в Лондоне Н.К. Рерих приглашает Шибаета на должность личного секретаря.

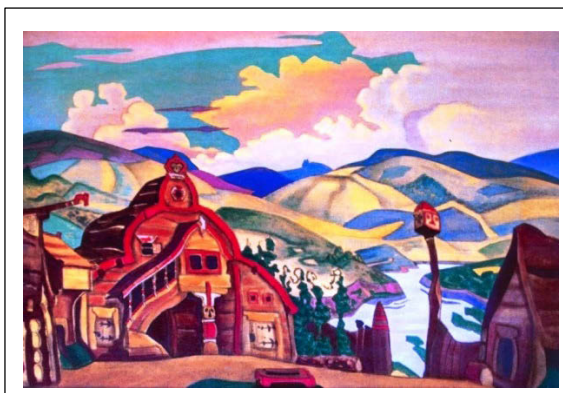
“Снегурочка”. 1919 г. Опера Н.А. Римского-Корсакова.
Лондон. Ковент-Гарден. Эскизы декораций.
(Постановка не осуществлена)



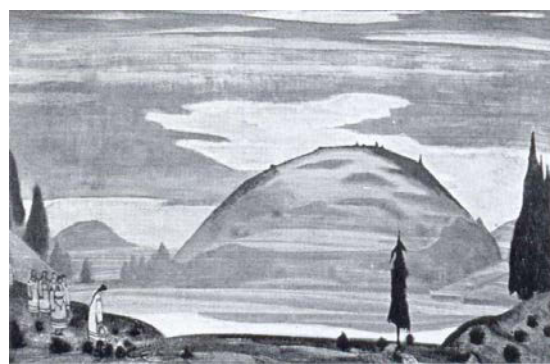
Занавес и портал. 1919.



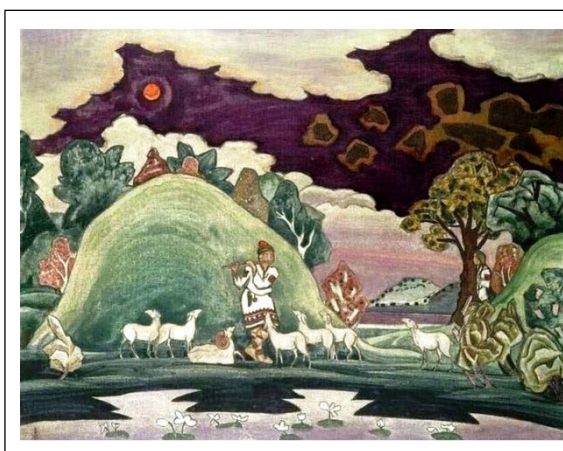
Северная ночь (Пролог). 1919.



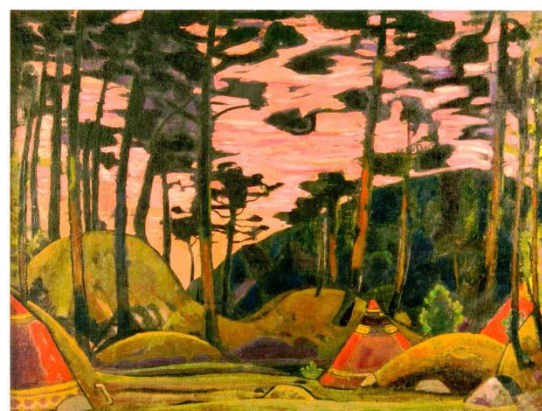
Деревня берендеев. 1919.



Ярилина долина. 1919



Лель (Орфей). 1919



Священная роща. 1919.



Н.К. Рерих. Зов (Весть). 1919.
(Однотонное воспроизведение в Монографии А.В. Ярёмко, 1931 г.)

ХУДОЖНИК И РЕВОЛЮЦИЯ

(*post scriptum*)

Н.К. Рерих

РАЗРУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Я спешу ответить на ваш вопрос. Эту статью Н.К. Рерих отдал в распоряжение Русского Комитета Освобождения в Лондоне в 1919 г. В ней он отвечает на вопрос, почему он отмежевался от большевизма. Я отвечу по возможности короче, чтобы только выяснить суть проблемы, которая так тревожит и волнует нас. Искусство и Знание – это краеугольные камни духовной культуры. Всё, что касается этих тем, имеет особое значение. Когда я всё ещё находился в Финляндии и Швеции, ко мне стала поступать информация, в которой большевики изображались как некие покровители и поклонники искусства. Мы знаем, что большевики старательно распространяли такую информацию в левой прессе Швеции и других стран.

«Культурные достижения советского правительства» – так обычно друзья большевиков расхваливают «петроградских Медичи». Такие сообщения, широко распространяемые, вызвали огромную симпатию у интеллектуалов среднего класса, которые и не подозревали, как их обманывают. Долг каждого, кому известно истинное положение и кто исповедует принципы духовной культуры, разоблачить в глазах общественности это мошенничество.

Не позволяйте себя обманывать! Я взываю ко всем, кто считают, что они служат делу прогресса, тогда как под руководством искусных обманщиков они незаметно для себя рушат ступени, ведущие к прогрессу. Но почему же так происходит? «Искусство – это лучший язык для международного общения», – так говорят они теперь. За годы войны, мирового катаклизма, появились новые и, несомненно, имеющие всемирное значение сокровища Искусства и Науки.

Мы знаем из истории, что когда говорят пушки, Музы молчат, но это не относится к нашему времени. С первых дней войны всех волновала судьба сокровищ Искусства и Науки, все негодовали по поводу актов вандализма, любыми путями (пусть даже из корыстных интересов), но сокровища Искусства и Науки сохранялись. Даже человек с улицы (то есть самый простой человек) достаточно развит, чтобы высоко ценить Искусство. Но силы тьмы не дремлют. Любое истинное проявление искусства они обращают в свою пользу. Ради своих тёмных целей они пытаются завладеть лучшими путями человечества. Путь культуры и красоты – это путь неизменно важный для будущего, и его не могли бы одолеть эти искажители жизни. «Цель оправдывает средства» – девиз большевиков. Но даже Иуда, пожертвовавший 30 сребренников на благотворительные цели, всё равно остался Иудой, а творят молитву всё же Ему, кого Иуда предал. Давайте же рассмотрим информацию, которую мы получаем через большевистскую пропаганду, и ту, что мы знаем из реальной жизни. Большевики, присваивая имена тех, кто против своей воли был вынужден остаться в их запятнанных кровью тисках, говорят: «Ни одно правительство в мире не оказывает такую широкую поддержку науке и искусству, как большевистское. Большевики украшают музеи и расширяют библиотеки. Большеви-

ки покупают картины для Эрмитажа. Большевики читают лекции и открывают новые университеты, например Институт Мозга. Хорошо известный учёный вернулся в Советскую Россию в феврале. В театре ставятся новые пьесы. Художники-коммунары пишут полотна и получают высокооплачиваемые заказы.

Во дворцах царит порядок и расставлена уникальная мебель. Музеи преобразились, приобретены новые экспонаты, выставки оформлены с большим вкусом. Школьники обязательно посещают музеи и театры и принимают участие в театрализованных и прочих общественных играх. Растёт число научных работ. Многие художники и люди науки, которые имели возможность покинуть Советскую Россию весной, не воспользовались ею и остались». Всё это большевистский «рай на земле». Левая пресса Швеции, Англии, Франции и Америки постоянно печатает подобную информацию.

А теперь, что касаетсярая (без кавычек) или, точнее, того, что ведёт к раю.

Почтенный художник Виктор Васнецов расстрелян. *[справка: В.М. Васнецов умер своей смертью в 1926 г. – ред.]*. Лаппо-Данилевский, член Академии наук, умер от голода. Академика Смирнова, профессора Веселовского, профессора Шляпкина, академика Радлова, профессора Фортунатова, знаменитого ботаника Фомицина, знаменитого пианиста Зилоти и некоторых других выдающихся личностей постигла та же участь. Немало профессоров было расстреляно в Киеве. Уникальная мебель и интерьеры многих домов уничтожены. Предметы, взятые из Зимнего дворца, из галереи Юсупова и других коллекций, вывезены за границу. Патриаршая коллекция одежды разграблена. Церкви ограблены. Многие художники и литераторы томятся в тюрьмах. В театрах царит анархия, с актерами обращаются как с бесправными рабами. Нравственный уровень школьников низок.

Немало других соковок народа расплыно по провинциям и по деревням, где их ждёт неминуемая гибель. Во время обысков в домах у художников были отобраны краски, холсты и другие необходимые для работы вещи. Великолепный поэт Бальмонт, такие писатели, как Мережковский и Ремизов, погибают. Что всё это означает? Разве расстрелы и преследования не выявляют истинного смысла того, что происходит? Они – истина без грима.

Но что же означают статьи в радикальной левой прессе о «петроградских Медичи?» – Это организация неслыханного всемирного мошенничества. Общественное мнение подлыми средствами вводится в заблуждение. Мы стали свидетелями хорошо продуманного, широко и тщательно организованного мошенничества. Послушайте большевиков и их фаворитов: «Радетели культуры!» Но мы-то знаем, что все большевистские байки основаны на лжи или на гнуснейшем подкупе. Однако лучшие люди отвергают такой подкуп.

Кроме пресловутых Горького и Шаляпина, большевики предпочитают не называть имён своих сторонников, потому что те знаменитости, которые всё ещё в России, находятся там лишь потому, что им не посчастливилось по нездоровью или из-за материальных трудностей уехать оттуда. Имена таких большевистских приспешников, как Пуни, Пунин, Лурье, Карев, Маяковский и других, не вписаны в книги искусства, даже в новейшие. Их объединяет наглость, отсутствие таланта и преступность. Всё, чем хвастаются большевики, – просто мошенничество, фальшивое представление, имеющее целью об-

мануть различные комиссии социалистов, которые приезжают знакомиться с большевистским «раем на земле».

Мы знаем истинную цену всем этим собраниям «специально отобранных» интеллектуалов, этим юбилеям, популярным театрализованным спектаклям, дворцовым празднествам и процессиям придворных экипажей.

Весь этот обман организован теперь гораздо лучше, чем прежде, и вся эта деятельность щедро оснащается бумажными деньгами. Нам известно, что большевики пытались подкупить благородного Леонида Андреева, который бы не принял их «залитых кровью» денег. Я лично знаком со всеми этими соблазнительными материальными посулами, и я говорю: «Не слушайте тех сирен, чьи мотивы вам не ясны. Слушайте тех хорошо известных людей, которые сознательно покинули большевиков».

Список тех, кто сознательно расстался с большевиками, растёт день ото дня. Это люди широких взглядов и глубоких знаний в своих областях. Они не станут маскировать свои действия. Прогресс человечества всегда был близок и дорог им. Они создали себе имя истинным личным талантом и упорным трудом. Я привожу наугад несколько имён, к счастью, их число с каждым днём растёт. Писатели и журналисты: Л.Андреев, И.Бунин, А.Толстой, Волынский и другие; профессора и учёные: академик Вальден, профессор Карташов, востоковед Руднев, профессор древней истории Ростовцев, профессора Чупров, Миллюков, Струве, Исаев, Карпинский и другие; художники: И. Репин и его сын, Бакст, Лансере, Судейкин, Ларионов, Гончарова, Миллиоти, Билибин, Чамберс, А.Яковлев, Анисфельд и т.д.; композиторы и музыканты: Рахманинов, Стравинский; актёры, певцы и танцовщики: Павлова, Карсавина, Росинг, Черкасская, Рощина-Инсарова, Фокины, Кяшт, Андреев-Шкилонж, Кузнецова, Дягилев, Евреинов, Комиссаржевский и многие другие, включая многих в Екатеринодаре и Сибири. Спросите этих людей, почему они не с большевиками, если те истинные поклонники Искусства и Науки?

Нужно открыть глаза общественности на мошенничество, так искусно организованное большевиками, злоупотребляющими средствами науки и искусства. Интеллектуальные круги во всём мире поймут, что вместо «петроградских Медичи» перед ними Иуды Искарियोты с их вечными 30 сребрениками.

Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех священных основ человечества – вот что такое большевизм. Это наглый монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то настоящие. Только слабый зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура. Знайте, наконец, больше, чем вы знали.

12 Сентября 1919 г.

Лондон

Из архива МЦР.



Н.К. Рерих. Сыны неба (Дочери земли). 1919.



БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонды: 44, 106.
2. Периодические издания конца XIX- нач. XX вв., хранящиеся в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи. Журналы: «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Мир искусства», «Жар-птица». «Зодчий», «Нива» и др.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Москва
4. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, фонд 698.
6. Центральный государственный исторический архив СПб. Фонд 448. (ЦГИА СПб.)
7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
8. Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (ГЦТМБ).
9. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (ОР ИРЛИ РАН)
10. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ)
11. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1918 г.
12. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
13. Алексей Ремизов. «Звенигород окликанный. Николины притчи». Изд. Алатас». Париж. Нью-Йорк. Рига. Харбин. 1924 г.
14. А.В. Ярёмченко «Николай Константинович Рерих». 1931. Нью-Йорк.
15. Рерих Н.К. « Из литературного наследия», М., 1974.
16. Грабарь. Письма 1897-1917. М, 1974. Изд. Наука.
17. Каталог художественных произведений Н.К. Рериха с 1885 по 1974. Составил В.В. Соколовский. Новосибирск, Ротапринт НГУ, 1974. - 144 с.
18. 2 альбома с наклеенными фотографиями с картин Н.К. Рериха, составленные В.В. Соколовским. (*Место хранения- Государственный музей Востока.*)
19. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
20. И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. СПб. 1993.
21. De visu 4(5)'93. Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.
22. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
23. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996.
24. Е. Яковлева «Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха». Изд. «Агни». 1996.
25. Елена Рерих «У порога Нового мира». Москва. 2000 г.
26. Елена Сойни «Северный лик Николая Рериха». Самара. Издательский дом «Агни». 2001.
27. П.Ф. Беликов. «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». М. 2004.:
28. Альбом «Николай Рерих». В 2-х томах. Самара: Агни; М.: Академия художеств; Цюрих: Кунст Бератунг, 2008.
29. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих, Святослав Рерих, Юрий Рерих, Елена Рерих. В 2-х томах МЦР. Москва, 2009.
30. Н.К. Рерих 1917-1919. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2008.
31. Н.К. Рерих 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.
32. Б. Абрамов. Грани Агни Йоги в 13 томах. Новосибирск. Изд. «ЦЭРИС». 1990-е гг.
33. Авторские списки картин Н.К. Рериха, хранящиеся в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1917 г.

1. Фото Н.К. Рериха. 1919. г. С.5.
2. Н.К. Рерих. Следы. 1917. С. 16.
3. Н.К. Рерих. Бесконечные следы. 1917. С. 19.
4. Н.К. Рерих. Человечьи праотцы. 1911; Покорение Казани. 1915. С. 22.
5. Н.К. Рерих. Тени. 1914. С. 25.
6. Н.К. Рерих. Ковёр-самолёт. 1916 г. С. 30.
7. Фото: Петроград, 23 февраля 1917 г. С. 32.
8. Н.К. Рерих. Озёрная деревня. 1915; Знамение. 1915. С. 35.
9. Аксель – Каллела. В краю озёр. С. 55.
10. Фотопортрет Н.К. Рериха работы художника М. Шерлинга. 1917. С. 56.
11. Н.К. Рерих. Эскиз. 1917. С. 58.
12. Автограф завещания Н.К. Рериха от 1 мая 1917 г. С. 59.
13. Н.К. Рерих. Юхинлахти, 1917 г. С. 64.
14. Н.К. Рерих. Карельская сюита. 1917. С. 67.
15. Н.К. Рерих. Приказ. Сюита «Героика». 1917. С. 68.
- 16-17. Н.К. Рерих. Озеро Хюмполо. 1917; Ладога. 1917. С. 69.
18. Н.К. Рерих. Облака над островами. 1917. С. 70.
19. Н.К. Рерих. Карельский пейзаж. С. 74.
- 20-21. Сортавала. Hotel Seurahuone (Старая открытка);
Н.К. Рерих. Утро. 1917. Карельская сюита. С. 76.
22. Н.К. Рерих. Юхиниемми. 1917. С. 79.
- 23-25. Н.К. Рерих. Победитель (На горной тропе). 1917. Сюита «Героика»;
2 эскиза к картине «Колдун». 1917-1918. Сюита «Героика». С. 80.
26. Н.К. Рерих. Ждущие. 1917. Эскиз. С. 83.
27. Н.К. Рерих. Небо над просторами. 1917. С. 84.
28. Удостоверение Н.К. Рериха, выданное 8 августа 1917 г. г. Сердоболь. С. 85.
29. Н.К. Рерих. Грозное облако. 1917. С. 92.
30. Н.К. Рерих. Конец великанов. 1917. С. 94.
31. Н.К. Рерих. Сага о Вёлунде. 1917. С. 97.
- 32-36. Н.К. Рерих. Сюита «Героика» (6 картин). С. 100-101.
37. Н.К. Рерих. Карельский пейзаж (Ладога). 1917. С. 104.
38. Н.К. Рерих. Финляндия. 1917. С. 105.
39. Н.К. Рерих. Изгнанники. 1917. С. 111.
40. Н.К. Рерих. Новый дом. С. 112.
41. Н.К. Рерих. Залив. 1917. С. 113.
42. Н.К. Рерих. Святой остров. 1917. С. 119.
43. Н.К. Рерих. Святое озеро. 1917. С. 120.
44. Н.К. Рерих. Стрела. 1917. С. 131.
45. Н.К. Рерих. Экстаз. Эскиз. 1917. С. 138.
- 46-47. А. Рылов. Красный Яр. 1917;
И.Е. Репин. Гайдамаки на Умани готовят оружие. С. 140.
48. Н.К. Рерих. Послание Фёдору Тирону. 1917. С. 141.
49. Н.К. Рерих. Карельская сюита. Солнце за облаком. 1917-1918. С. 159.
50. Н.К. Рерих. Молитва. 1917. Эскиз. С. 162.
51. Н.К. Рерих. Ожидание. 1917. С. 164.
52. Н.К. Рерих. Покаяние. 1917. С. 172.
- 53-54. Н.К. Рерих. Линнасаари. 1917. Эскиз; Линнасаари. 1917. С. 174.
55. Н.К. Рерих. Долина голубых гор. 1917. С. 175.
56. Н.К. Рерих. Северный пейзаж. 1917. С. 178.

57. Н.К. Рерих. Карельский этюд. 1917. С. 187.
 58. Н.К. Рерих. Победитель клада. (На горной тропе). 1917. С. 200.
 59-60. Н.К. Рерих. Фамагуста. 1918; Город-призрак Фамагуста (*совр. фото*). С. 201.

1918 г.

61. Н.К. Рерих. Зима. 1918. С. 202.
 62. Н.К. Рерих. Морское чудо. 1918. С. 203.
 63-64. Н.К. Рерих. Эскиз пейзажа к картине «Всадник ночи». 1918;
 Всадник ночи. 1918. С. 205 - 206.
 65. Формирование Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Фото 1918 г. С. 208.
 66-67. Н.К. Рерих. Приговор. Задумались. 1918; Н.К. Рерих. Эскиз. 1918. С. 210.
 68. Н.К. Рерих. Лунный свет (Белая ночь). 1918. С. 211.
 69. Н.К. Рерих. Всадник утра. 1918. С. 212.
 70. Н.К. Рерих. Перед дождём. 1918. С. 213.
 71. Н.К. Рерих. Пейзаж с дождём (Волшебница дождя). С. 214.
 72. Н.К. Рерих. Камень вождя. 1918. С. 216.
 73. Н.К. Рерих. Скалы и утёсы. 1918. С. 201. С. 217.
 74-75. Н.К. Рерих. Ладога. 1918; Н.К. Рерих. Скалы и камни. 1917-1918. С. 218.
 76. Третьяковская галерея, Москва. Фото 1910-х гг. С. 219.
 77-78. Юрий Рерих. Портрет Святослава. 1918; Н.К. Рерих. Тулола. Этюд. 1918. С. 220.
 79. Н.К. Рерих. 2 этюда: Карельский пейзаж. Озеро Хюмполо. 1917. С. 221.
 80. Н.К. Рерих. Туманное утро (Туман рассеивается). 1917. С. 222.
 81. Н.К. Рерих. Белый всадник. 1918. С. 223.
 82. Н.К. Рерих. Ладога. 1918. С. 224.
 83-84. Н.К. Рерих. Карельские сосны. 1917: Сосны. 1917. Рисунок. С. 227.
 85. Н.К. Рерих. Ладога. 1918. С. 228.
 86-87. Юрий Рерих. Интерьеры комнат [в доме Барина]. С. 228.
 88. Н.К. Рерих. Лапландский замок. 1918. С. 229.
 89. Н.К. Рерих. Тайна. 1918. С. 230.
 90. Н.К. Рерих. Утёс. 1915. С. 233.
 91. Н.К. Рерих. Властитель ночи. 1918. Сюита «Героика». С. 234.
 92. Н.К. Рерих. Острова. Ладога. 1918. С. 236.
 93. Н.К. Рерих. Тулола. 1918. С. 237.
 94. Н.К. Рерих. Отверженный. 1918. С. 238.
 95. Н.К. Рерих. Тулола. Этюд. 1918; Финский пейзаж. Остров Тулола. 1918. С. 239.
 96. Н.К. Рерих. Небесный всадник. 1918. С. 240.
 97. Н.К. Рерих. Заклинатель. 1910-е г. С. 251.
 98. Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). С. 252.
 99. Н.К. Рерих. Cor Ardens (Пылающее сердце). С. 253.
 100-101. Н.К. Рерих. Св. Меркурий Смоленский. 1918. Эскиз;
 Св. Меркурий Смоленский. 1918. С. 256.
 102. Н.К. Рерих. Карельский двор. 1918. С. 257.
 103. Н.К. Рерих. Новый дом. 1918. С. 265.
 104. Н.К. Рерих. Св. Меркурий Смоленский. 1918. С. 270.
 105. Н.К. Рерих. Вечное ожидание. 1917. Ждущая. 1917. С. 272.
 106. Н.К. Рерих. Эскиз для умершего града. 1918. Град мёртвых. 1918. С. 277.
 107-109. Заграничные паспорта Н.К. и Е.И. и Ю.Н. Рерих.
 Выданы 6 декабря 1918 г. С. 281-283.
 110. Н.К. Рерих. Звон колоколов (Благовест). 1918. С. 284.

1919.

111. Личная карточка Н.К. Рериха для проезда в Финляндию на 1918 год. С. 287.
 112. Пригласительный билет на выставку
 в Салон Стринберга, Хельсинки. 1919. С. 292.

113. Н.К. Рерих. Откровение (Владыки нездешние). 1907. С. 299.
 114. Н.К. Рерих. Наши предки. 1919. С. 308.
 115. Обложка книги Л. Андреева «S.O.S». 1919. С. 312.
 116. Н.К. Рерих. Жар земли. 1919 г. Эскиз к картине. 1919. С. 320.
 117. М. Фокин на выставке Н. Рериха в Копенгагене. 1919. С. 325.
 118. Н.К. Рерих. Меч мужества. 1919. Меч мужества. 1912. С. 327.
 119. Н.К. Рерих. Ладога. (Лунная песнь) 1919. С. 336.
 120. Святослав Рерих. Портрет отца. 1918. С. 338.
 121. Н.К. Рерих. Эскиз к картине «Белая дама». 1919; Белая дама. 1919. С. 339.
 122. Юрий Рерих. Портрет отца. 1918. С. 343.
 123-124. Н.К. Рерих. Дочери земли. Эскиз. 1919. Сыны неба. 1919.
 Дочери земли (Сыны неба). 1919. С. 345.
 125 Н.К. Рерих. Святые ушли – Глеба хранителем поставили. 1919. С. 351.
 126-127. Н.К. Рерих. Эскиз индианки, готовящей пищу. 1919-1920; Этюд. [1919]. С. 354.
 128. Дача Леонида Андреева на Чёрной речке. (Фото 1912 г.) С. 355.
 129. Трудовая книжка Е.В. Рерих. Образец 1919 г. С. 358.
 130. Подписание Версальского мирного договора. Фото 28 июня 1919 г. С. 359.
 131-143. Н.К. Рерих. Эскизы костюмов к опере «Сказка о царе Салтане» (12). 1919.
 С. 360-361.
 144. Н.К. Рерих. Тервус. 1918. Эскиз. С. 366.
 145-146. Н.К. Рерих. Песня Леля. 1919; Кришна-Лель (Святой пастух). С. 367.
 147. Н.К. Рерих. Борис и Глеб. 1919. С. 370.
 148. Л.Н. Андреев. 2 фотографии. С. 374-375.
 149. Н.К. Рерих. Половецкий стан. 1919. С. 377.
 150-156. Н.К. Рерих. Сюита «Царь Салтан». (7) С. 378.
 157. Н.К. Рерих. Пикассо и Дягилев в мастерской Ковент-Гарден. Лондон, 1919. С. 389.
 158. Владимир Анатольевич Шibaев. Фотография. С. 391.





Н.К. Рерих
Великая симфония жизни (Автобиография).
Книга 9.
РЕВОЛЮЦИЯ И ХУДОЖНИК

ЧАСТЬ 1. ФИНЛЯНДИЯ (ПОКАЯНИЕ)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. Революция и искусство..... 5

1917 г.

ЯНВАРЬ

Из воспоминаний Н.К. Рериха о Финляндии.....	15
Ив. Лазаревский. Новая книга о русском художнике. (10 января 1917 г.)	17
Хроника. Эмиль Верхарн по письмам и личным воспоминаниям	19
Письмо В. Левитского к Рериху Н.К. (15 января 1917 г. Царское Село)	20
Сергей Глаголь. ПЕВЕЦ НЕЗДЕШНЕЙ КРАСОТЫ. (Январь 1914 г.)	20
Письмо князя Владимира Николаевича Аргутинского-Долгорукого к Рериху Н.К. (24 января 1917 г.)	24
Письмо А. Щекотихиной-Потоцкой к Рериху Н.К. 27 января [1917 г.]. Москва).....	24

ФЕВРАЛЬ

Стихи Н.К. Рериха «Обернись» (1 февраля 1917)	
.25 Письмо Н.К. Рериха к Кояковичу М. М.. (1 февраля 1917 г. Петроград)	
..... 27	
Хроника (7 - 20 Февраля 1917 г.)	28
23 февраля 1917 г. Петроград. ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.	32
О СОБЫТИЯХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. в воспоминаниях Ю.Н. и Е.И. Рерих. .	33
Хроника. Выставка «Мир искусства» (24 февраля 1917 г.)	35
Стихи Н.К. Рериха «Встретим»	37
Список дел, назначенных к слушанию в собрании	
Императорской Академии Художеств на 27 февраля 1917 г.	39
Предисловие к февральскому выпуску журнала «Аполлон», № 1.....	43

МАРТ

2 марта 1917 г. Псков. МАНИФЕСТ Николая II	44
--	----

Список Членов Особого Совещания по делам искусств при Комиссаре на бывшем Министерством Двора и Уделов.	45
Хроника. ОХРАНА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (4 февраля 1917 г.)	47
ПОЛОЖЕНИЕ КОМИССИИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ КОМИССАРЕ (бывшем Министерстве Двора и Уделов).	49
Хроника. ВЫСТАВКА ФИНСКОГО ИСКУССТВА 31 марта 1917 г. Петроград).	57

АПРЕЛЬ

А.М. Горький. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ (1 апреля 1917 г.)	58
Сертификат, выданный Н. Рериху на посещение финских художественно-промышленных школ.	60

МАЙ

Н.К. Рерих ЗАВЕЩАНИЕ (1 мая 1917 г.)	61
Н.К. Рерих. О ЗАДАЧАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ КАК ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ. (4 мая 1917 г.)	62
Письмо Е.Н. Волкова к Рериху Н.К. (5 мая 1917 г.)	65
Хроника. Протест Общества архитекторов-художников против «Особого совещания» (10 мая 1914. Петроград).	66
Стихи Н.К. Рериха «Под землёю» (14 мая 1917 г. Сердоболь)	67
Открытое письмо Н. К. Рериха к С. П. Яремичу (16 мая 1917 г. Сердоболь).	67
Открытое письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову (19 мая 1917 г. Сортавал).	68
Письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В. (21 мая 1917 г. Сортавала).	69
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (25 мая 1917 г. Сортавала).	70

ИЮНЬ

Хроника. Новый Совет по искусству при Ф.А. Головине (14 июня 1917 г.)	71
Материалы Совета по делам Искусств (14 - 16 июня 1917 г.)	71
Открытое письмо Н.К. Рериха к Ляцкому Е.А. (21 июня 1917 г. Сердоболь)	74
Открытое письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (25 июня [1917])	75
Открытое письмо Н. К. Рериха к Руманову А.В. (25 июня [1917])	75
Письмо кн. П.А. Путятину к Н.К. Рериху (Лето 1917).	77
Открытое письмо П.А. Путятину к Рериху Н.К. (30 июня 1917 г. Бологое).	78

ИЮЛЬ

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (17 июля 1917 г. Сортавала.)	79
Письмо С. П. Яремича к Рериху Н.К. (18 июля [1917 г.] Петроград)	80
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К. (21 июля 1917 г. Пятигорск)	82
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К. (26 июля 1917 г. Пятигорск)	82
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М. (29 июля 1917 г. Сердоболь).	83

АВГУСТ

Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (6 августа 1917 г. Сердоболь.)	84
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П. (6 Август 1917 г. Сердоболь).	84
Удостоверение Н.К. Рериха, выдан. 8 августа 1917 г. Сердоболь.	84
Письмо А. В. Щекатихиной-Потоцкой к Рериху Н.К. [Лето 1917 г.]	86
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П. ([Август] 1917 г. Сердоболь).	86
Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М. ([Август] 1917 г. Сердоболь).	87
Письмо И.М. Степанова к Н.К. Рериху к. (31августа 1917 г. Сердоболь).	87

СЕНТЯБРЬ

Докладная записка Н. К. Рериха - Педагогическому Совету школы ОПХ (1 сентября 1917 г. Сердоболь).	88
--	----

Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К. (1 сентября 1917 г. Петроград).....	90
Письмо В. А. Щавинского к Рериху Н.К. (3 сентября 1917 г. Петроград).....	91
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И.М. (5 сентября 1917 г. Сердоболь).....	91
Заявление Н.К. Рериха в Комитет ВОПХ (11 сентября 1917 г.).....	92
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К. (16 сентября 1917 г. Петроград).....	92
Письмо Н.К. Рериха к Яремичу С.П. ((17 сентября 1917 г. Сердоболь).....	93
Стихи Н.К. Рериха «Пророчество (19 Сентября 1917 г. Сердоболь).....	94
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К. (20 сентября 1917 г. Петроград).....	94
Письмо Н. К. Рериха к Руманову А. В. (21 сент. / 3 окт. н/с 1917 г. Сердоболь)....	95
Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М. ([21 сент. / 3 окт. 1917 г.] Сердоболь.).....	96
Письмо А.П. Иванова к Рериху Н.К. ([25 сентября 1917 г.] Петроград).....	97
Письмо Н. К. Рериха к Бенуа А.Н. (25 сент. / 7 окт. 1917 г. Сердоболь).....	98
Письмо А.А. Рылова к Рериху Н.К. (26 сентября 1917 г. Петроград).....	98
Письмо Н. К. Рериха к Иванову А.П. (28 сент. / 10 окт. 1917 г. Сердоболь).....	99
Всероссийское общество поощрения художеств. Краткая заметка о школе Общества. (29 сентября 1917 г.).....	101
Письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову. (30 сентября 1917 г. Сердоболь).....	104

ОКТЯБРЬ

Письмо Н. К. Рериха к Ланговому А.П. (6 октября 1917 г. Сердоболь).	105
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (6 октября 1917 г. Сердоболь).....	105
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П. ([Начало октября 1917 г.] Сердоболь.).....	106
Письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В. ([Октябрь 1917 г.] Сердоболь.).....	106
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (7 октября 1917 г. Сердоболь).....	107
Письмо И.М. Степанова, В.А. Щавинского, С.П. Яремича к Рериху Н.К. (9 октября 1917 г. Петроград).....	107
Письмо А.А. Рылова к Рериху Н.К. ([Октябрь 1917 г.] Петроград).....	108
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П. ([11 октября 1917 г.] Сердоболь).....	109
Письмо Н.К. Рериха к Добычиной Н.Е. (12 октября 1917 г. Сердоболь).....	109
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (12 октября 1917 г. Сердоболь).....	109
Письмо В.Ф. Белый к Рериху Н. К. . (13 октября 1917 г.]Петроград).....	110
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П. (13 октября 1917 г. Сердоболь.).....	110
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н. К. ([14 октября 1917]. Петроград).....	111
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М. (1/14 октября 1917 г. Сердоболь.).....	111
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П., Щавинскому В. А., Степанову И. М. (13 октября 1917 г. Сердоболь.).....	112
Письмо И. М. Степанова к Н. К. Рериху (15 октября 1917 г. Сердоболь.).....	112
Н.К. Рерих. ЕДИНСТВО. (15 октября 1917 г. Сердоболь.).....	114
Письмо С. И. Метальникова к Рериху Н. К. (16 октября 1917 г. Петроград.).....	120
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К. (16 октября [1917 г.] Петроград.).....	121
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П. (19 октября 1917 г. Сердоболь).....	121
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (20 октября 1917 г. Сердоболь).....	122
Письмо Н. К. Рериха к Руманову А.В. (20 октября 1917 г. Сердоболь).....	122
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К. (21 октября 1917 г. Петроград).....	123
Письмо А.А. Рылова к Рериху Н. К. (22 октября [1917г.]).....	124
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К. (23 октября 1917 г. Петроград).....	124
Н.К. Рерих. СВОБОДНАЯ АКАДЕМИЯ. Проект реформы Школы Общества поощрения художеств. (24 октября 1917 г. Сердоболь).	125
Письмо И.М. Степанова к Н. К. Рериху(24 октября 1917 г. Петроград.).....	130
Обращение Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России!».....	131
ДЕКРЕТ О МИРЕ. (26 октября/8 ноября 1917 г.).....	133
ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ. (26 октября/8 ноября 1917 г.).....	135

ДЕКРЕТ О ПЕЧАТИ. (27 октября/8 ноября 1917 г.)	136
Стихи Н.К. Рериха «Я сохраню» (27 октября 1917 г. Сердоболь.)	138
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху (28 октября 1917 г. Петроград)	139

НОЯБРЬ

Н.К. Рерих. МИЛОСЕРДИЕ. Простое народное действо в VII картинах . (1 ноября 1917 г. Сердоболь)	141
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Н. К. (фрагмент) [Ноябрь 1917 г.] Петроград)	160
Письмо А. М. Арбенина к Н. К. Рериху ([6 ноября 1917] Петроград)	160
Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову ([1917] Сердоболь)	161
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П. , Степанову И.М. (11 ноября 1917 г. Сердоболь)	161
Стихи Н.К. Рериха «Открой» (27 октября 1917 г. Сердоболь.)	162
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М., Яремичу С.П. [11 ноября 1917 г.] Сердоболь).163	
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. ([12 ноября 1917 г.] Сердоболь)	163
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (14 ноября 1917 г. Сердоболь)	163
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. ([Ноябрь] 1917 г. Сердоболь)	164
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К. (15 ноября 1917 г. Петроград)	165
Письмо В.А. Щавинского, И.М. Степанова к Химоне Н.П. (16 ноября 1917 г. Петроград)	166
Письмо Н. П. Химоны к Рериху Н.К. (18 ноября 1917 г. Петроград)	166
Письмо Н. К. Рериха - Комитету ВОПХ (19 ноября 1917 г. Сердоболь)	167
Письмо А.Ф. Белого к Рериху Н.К. (21 ноября 1917 г. Петроград)	167
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху (21 ноября 1917 г. Петроград)	168
Письмо А. А. Рылова к Рериху Н. К. (21 ноября 1917 г. Петроград)	170
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М. (25 ноября 1917 г. Сердоболь)	170
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П. (27 ноября 1917 г. Сердоболь)	171
Стихи Н.К. Рериха «На последних вратах» (27 октября 1917 г. Сердоболь.)	171
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху (30 ноября 1917 г. Петроград)	173

ДЕКАБРЬ

Открытое письмо А. А. Рылова к Рериху Н.К. (1 декабря 1917 г.)	175
Открытое письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В. (1 декабря 1917 г.)	175
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М. (3 декабря 1917 г.)	176
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Н.К. (3 декабря 1917 г.)	176
Письмо Н.П. Химоны, А.А. Рылова, Б.К. Рерих, В.Ф. Белого к Рериху Н.К. (4 декабря 1917 г. Петроград)	177
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа Н.А. (5 декабря 1917 г. Сердоболь)	178
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И.М. (5 декабря 1917 г. Сердоболь)	179
Телеграмма Н.К. Рериха к Яремичу С.П. (5 декабря 1917 г. Сердоболь)	179
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (6 декабря 1917 г. Сердоболь)	179
Письмо С.П. Яремича к Рериху Н.К. (7 декабря [1917 г.] Петроград)	180
Телеграмма И. М. Степанова Рериху Н. К. (8 декабря 1917 г. Петроград)	182
Телеграмма С.П. Яремича Рериху Н. К. (8 декабря 1917 г. Петроград)	182
Телеграмма Рериха Н.К. Степанову И.М. ([9 декабря 1917 г.] Сердоболь)	182
Телеграмма Б.К. Рериха Рериху Н.К. (10 декабря 1917 г. Петроград)	183
Стихи Н.К. Рериха «И любовь» (27 октября 1917 г. Сердоболь.)	183
Письмо В. Ф. Белого к Рериху Н.К. (11 декабря [1917 г.] Петроград)	184
Письмо И. М. Степанова к Рериху Н.К. (14 декабря 1917 г. Петроград)	184
Письмо Н.К. Рериха – Комитету ВОПХ. ([15 декабря 1917 г.] Сердоболь)	185
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И. М. (15 декабря 1917 г. Сердоболь) ...	186
Письмо Н.К. Рериха к Яремичу С.П. (16 декабря 1917 г. Сердоболь)	186
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М. (16 декабря 1917 г. Сердоболь)	187

Телеграмма Б. К. Рериха к Рериху Н.К. (18 декабря 1917 г. Петроград)	189
Телеграмма Н. К. Рериха - Степанову И. М. ([19 декабря 1917]. Сердоболь)	189
Телеграмма И. М. Степанова - Н. К. Рериху (21 декабря 1917 г. Петроград)	189
Открытое письмо Н. К. Рериха к Ростиславу А.А. (22 декабря 1917г. Сердоболь) ..	189
Открытое письмо Н. П. Химоны к Рериху Н. К. ([22 декабря 1917] Петроград)	190
Письмо Н. П. Химоны к Н. К. Рериху (22 декабря [1917] Петроград)	190
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху (22 – 23 декабря 1917г. Петроград)	192
Письмо И. М. Степанов к Н. К. Рериху (23 декабря [1917] Петроград)	194
Письмо П. А. Путятина к Н. К. Рериху ([1917 г.] Петроград)	196
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. ([30 декабря 1917] Петроград)	197
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П. ([30 декабря 1917] Петроград)	197
Письмо П. П. Гнедича к Рериху Н. К. (31 декабря 1917 г. Петроград)	197
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Б. К. (31 декабря 1917 г. Петроград)	198
Журнал заседания Комиссии ВОПХ (31 декабря 1917 г. Петроград)	198
Речь Н.К. Рериха на заседании Комиссии ВОПХ.	199
Стихи Н.К. Рериха «Взойду»	200

ЧАСТЬ II. НАЧАЛО СТРАНСТВИЙ

1918 г.

ЯНВАРЬ

Письмо А. Е. Лагорио к Н. К. Рериху (5 января 1918 г. Борго. Финляндия)	202
Декрет о создании новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии. (22 января 1918 г.)	204
Письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу (28 января 1918 г.)	205

ФЕВРАЛЬ

ДЕКРЕТ О ВВЕДЕНИИ В РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО. (14 февраля 1918 г.)	207
--	-----

МАРТ

Брест-Литовский мирный договор (3 марта 1918 г.)	209
Стихи Н.К. Рериха из книги «Священные знаки»: «Напрасно»; «Веселися»; «Благодать», «Капли», «Свет»	211

АПРЕЛЬ

Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу (4 апреля 1918 г. Стокгольм)	
Стихи Н.К. Рериха из книги «Священные знаки»: «Как люди»	215
Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М. и Яремичу С.П. (22 апреля 1918 г. Сортавала)	216
Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К. (<23-24 апреля 1919> . Финляндия, Тюрсево).....	217

МАЙ

Телеграмма О. Бьёрка - Рериху Н.К. (18 мая 1918 г. Стокгольм)	218
---	-----

ИЮНЬ

Декрет о национализации Третьяковской галереи (3 июня 1918 г. Москва)	219
Из воспоминаний С.Н. Рериха о событиях 1918 г.	220
Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу. (26 июня 1918 г. Тулола)	221

ИЮЛЬ

Стихи Н.К. Рериха. «Бездонно» (2 июля 1918 г. Тулола).....	222
Письмо Н.К. Рериха к Галлен-Каллела Акселю (12 июля 1918 г. Сортавала).....	223
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н. (17 июля 1917 г. Сортавала).....	224
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М. (29 июля 1917. Сердоболь.).....	225

АВГУСТ

Из письма Вадима Диганова Н. К. Рериху (9 августа 1918 г.).....	226
Из записей в дневнике Н. К. Рериха (12 августа 1918 г. Сердоболь).....	227
Телеграмма из Шведской миссии – Рериху Н.К. (15 августа 1918 г.).....	227
Из записей в дневнике Н. К. Рериха (20 августа 1918 г. Ревда).....	227
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела (20 августа 1918 г. Тулолансаари).....	228
Из дневника Н.К. Рериха (20 августа 1918 г.).....	228
Из дневника Н.К. Рериха (23 августа 1918 г.).....	230
Н.К. Рерих «ВЛАСТИТЕЛЬ НОЧИ».....	234
Хроника. Ив. Голосов. Неожиданные встречи (Август 1918 г.).....	235
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела (29 августа [1918] г. Тулолансаари).....	236

СЕНТЯБРЬ

Письмо А. Галлен-Каллелы к губернатору Выборгской губернии (10 сентября 1918 г.).....	237
Н.К. Рерих. ПЛАМЯ (сентября 1918. г. Тулола).....	239
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху Н.К. (30 сентября 1918 г. Станция Тюрисева, дача Левстрем).....	253

ОКТАБРЬ

Открытое письмо Н. К. Рериха к И. М. Степанову, С. П. Яремичу (11 октября 1918 г. [Выборг]).....	254
Письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову и С.П. Яремичу (14 октября 1918 г.).....	254
Из воспоминаний Н.К. Рериха о событиях 14 октября 1918 г.....	255
Телеграмма С. П. Дягилева - Рериху Н.К. [22 октября 1918 г. Лондон].....	256

НОЯБРЬ

Зарубежная хроника: Дорогие встречи. (2 ноября 1918 г. Гельсингфорс).....	257
Известный русский художник в Стокгольме (3 ноября 1918 г. Стокгольм).....	259
Н.К. Рерих. СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ (4 ноября 1918 г.).....	261
Хроника. Выставка всемирно известного русского художника в Стокгольме. (5 ноября 1918 г. Стокгольм).....	266
Повесть о Меркурии Смоленском.....	270
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И. (19 ноября 1918 г.).....	273
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху Н.К. (25 ноября 1918 г.).....	274
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху Н.К. (28 ноября [1918 г.].....	276
Каталог выставки Н.К. Рериха в Стокгольме (10-30 ноября 1918 г.).....	278

ДЕКАБРЬ

Заграничные паспорта Н.К, Е.И. и Юрия Рерих (6 декабря 1918 г. Стокгольм).....	281
Письмо Н. К. Рерих к Дягилеву С.П. (8 декабря 1918 г. Стокгольм).....	284
Письмо Б.К. Рериха к Рериху Н.К. (17/4 Декабря 1918 г. Киев).....	285

1919 г.

ЯНВАРЬ

Личная карточка Н.К. Рериха для проезда в Финляндию на 1918 год.....	287
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху (3 января 1919 г.).....	288

Хроника. Выставка Н.К. Рериха в Хельсинки (<i>Очерки о творчестве Рериха в зарубежной печати</i>) (5 – 10 января 1919 г.).....	289
Каталог выставки Н.К. Рериха в Хельсинки (<i>Январь 1919 г.</i>).....	293
Николай Рерих РУССКОЕ ИСКУССТВО (<i>13 января 1919 г. Стокгольм</i>).	300
Хроника. Th. Orregermann «Выставка Николая Рериха» (<i>21 января 1919 г. Копенгаген</i>)	309
Хроника. Leo Feigenberg «Мир Рериха». (<i>24 января 1919 г. Копенгаген</i>)	311

ФЕВРАЛЬ

Леонид Андреев «S. O. S.» (<i>6 февраля 1919 года, Финляндия</i>).....	312
Письмо Н. К. Рериха к Е. А. Ляцкому Е.А. (<i>9 февраля 1919 г. Выборг</i>).....	318
Письмо Н. К. Рериха к Е. А. Ляцкому Е.А. (<i>9 февраля 1919 г. Выборг</i>).....	321
Письмо Н. К. Рериха к С. П. Дягилеву (<i>12 февраля 1919 г.</i>).....	321
Письмо Н. К. Рериха к Ляцкому Евгению Александровичу (<i>13 февраля 1919 г. Выборг</i>)	321
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. (<i>14 февраля [1919 г.]</i>)	322
Открытое письмо Н. К. Рериха к Ляцкому Е.А. (<i>19 февраля 1919 г. Выборг</i>)	323
Хроника. Михаил Фокин [НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖИЙ] (<i>20 февраля, 1919 г. Копенгаген</i>).....	323
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. (<i>25 февраля 1919 г.</i>)	326

МАРТ

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. (<i>1 марта 1919 г.</i>).....	328
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. (<i>12 марта 1919 г.</i>).....	329
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху (<i>19 марта 1919 г.</i>).....	331
Письмо Л. Н. Андреева к Н. К. Рериху (<i>29 марта 1919 г.</i>).....	331
Л.Н. Андреев. ДЕРЖАВА РЕРИХА	332
КАТАЛОГ ¹ ВЫСТАВКИ Н.К. РЕРИХА В ХЕЛЬСИНКИ, Салон Стринберга. Март 1919 г.	334

АПРЕЛЬ

Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (<i>1 апреля 1919 г. Хельсинки</i>).....	337
Письмо Н. К. Рериха к Андрееву Л.Н. (<i>3 апреля 1919 г.</i>).....	339
Письмо Н.К. Рериха к Андрееву Л. Н. (<i>3 апреля 1919 г. Гельсингфорс</i>)	340
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (<i>5 апреля 1919 г. Хельсинки</i>).....	341
Письмо Н. К. Рериха к А. Галлен-Каллела (<i>6 апреля 1919 г.</i>).....	342
Открытое письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (<i>9 апреля 1919 г. Хельсинки</i>).....	342
Письмо Юрия Рериха к Н. К. Рериху (<i>12 апреля 1919 г. Выборг</i>).....	343
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. (<i>23-24 апреля 1919 г.</i>).....	344
Н.К. Рерих. КО ВРЕМЕНИ . (<i>28 апреля 1919 г.</i>)	345

МАЙ

Уведомление Гр. Орловой-Танеевой и Н. К. Рериха в Особый Комитет по делам русских в Финляндии (<i>10 мая 1919 г.</i>).....	352
Из воспоминаний Е.И. Рерих о весне 1919 г.	353

ИЮНЬ

Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. (<i>17 июня 1919 г. [Чёрная речка]</i>).....	355
Декрет о введении трудовых книжек в г. г. Москве и Петрограде (<i>от 25 июня 1919 г.</i>).....	356
Подписание Версальского мирного договора (<i>28 июня 1919 г.</i>)	359

¹На выставке в Хельсинки было выпущено 2 каталога. Один каталог опубликован на шведском языке, второй – на финском – *ред.*

ИЮЛЬ

Н.К. Рерих. Эскизы костюмов к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» для постановки в Ковент-Гарден. 1919 г. 360

АВГУСТ

Из письма Владимира Константиновича Рериха, (15. VIII. 1919 г. Харбин) 362
Письмо Н. К. Рериха к И. Ф. Стравинскому [16 августа 1919 г. Лондон] 362
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. ([22]-25 августа 1919 г.) 363
Письмо Л. Н. Андреева к Рериху Н.К. ([22]-25 августа 1919 г.) 363
Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И. (29 августа 1919. Лондон) 366

СЕНТЯБРЬ

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К. (2 сентября 1919 г. Берлин) 368
Немцы и искусство. Статья акад. Н. К. Рериха (4 сентября 1919 г.) 370
Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К. (<3-4 сентября 1919 г.>) 371
Письмо Л. Андреева к Рериху Н.К. (<10 сентября 1919 г.>) 374
† Леонид Николаевич Андреев (12 сентября 1919 г. Финляндия, Нейвола) 374

ОКТАБРЬ

Письмо Арвида Лиденбен к Н. К. Рериху (9 октября 1919 г. Лондон) 376
Хроника. Русская опера в Лондоне (22 октября 1919 г. Лондон) 377
Письмо Н. К. Рерих к Дягилеву С.П. [1919 г.] 377
Письмо Н. К. Рериха к В. П. Крымову В.П. (22 октября 1919 г. Лондон) 377
Н.К. Рерих Сюита «Царь Салтан». 1919. 378
Письмо Н. К. Рериха к М. К. Тенишевой (22 октября 1919 г. Лондон) 379
Хроника. Новая нота в русской опере (26 октября 1919 г. Лондон) 379
Письмо Н.К. Рериха к Тенишевой М.К. (27 октября 1919 г. Лондон) 380
Хроника. Россия в Ковент-Гарден (27 октября 1919 г. Лондон) 380

НОЯБРЬ

Письмо Н.К. Рериха к Тенишевой М.К. (7 ноября 1919. Лондон) 382
Хроника. Художник-пророк. Предчувствие русской революции (8 ноября 1919 г. Лондон) 382
Письмо Н.К. Рериха к Крымову В.П. (11 ноября 1919 г.) 383
Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф. (11 ноября 1919 г.) 383
Хроника. «Князь Игорь». Волнующий успех оперы (14 ноября 1919 г. Лондон) 384
Письмо Н.К. Рериха к Стравинскому И.Ф. (21 ноября 1919 г. Лондон) 385
Из воспоминаний Е.И. Рерих: Ноябрь 1919 г. 385

ДЕКАБРЬ

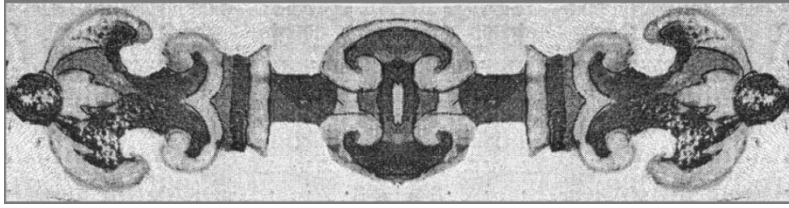
Письмо Н. К. Рериха к Андреевой А.И. (18 декабря [1919] г.) 388
Телеграмма С.П. Дягилева к Рериху Н.К. [28 декабря 1919 г.] 388
Из воспоминаний В. Шибаева о пребывании Н.К. Рериха в Лондоне. 390

Библиография. 394

Список иллюстраций 398

Оглавление. 402

Приложение. Каталог художественных произведений Н.К. Рериха 1917-1919 гг. ... 411
Авторские списки картин Н.К. Рериха, хранящиеся в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (1917 – 1919 гг.) 433



ПРИЛОЖЕНИЕ
КАТАЛОГ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Н.К. РЕРИХА
1917 -1919 гг.

1917 г.

Белая ночь. Ладога. 1917. *Картон, темпера. 45,7 x 82,6 см.* США.

Вечернее море. 1917. *Пастель.*

Воронья скала. 1917. *Пастель.*



Весть Фёдору Тирону. 1917. *Масло.*
Первоначально в собств. Д.С. Молло
(Хельсинки) (*Цветное воспроизведение в журнале «The Studio».* Лондон. Апрель 1920.)

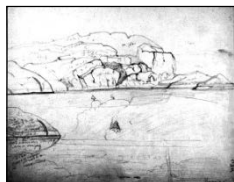


Весть Фёдору Тирону. 1917. (*Однотонное воспроизведение в монографии Ярёмко, 1931 г. с надписью: Feodor Tiron (1918). Charles Wharton Stork Collection, Philadelphia*)

«Героика», серия. 1917:



Клад захороненный (Скрытое сокровище). 1917.
Холст, масло. 47,5 x 75,0 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



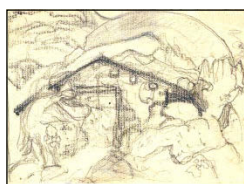
«Клад захороненный». Эскиз к картине.
1917. *Бумага, карандаш. 23,8 x 30 см.* Справа
внизу моногр. и надпись: *Р/н/х Нירוіса.*
Государственный музей искусства народов
Востока, Инв. № 5586-11



Колдун (Зелье нойды). 1917.
Картон, темпера. 49,5 x 67,3 см.
США.



Колдун. Набросок к картине «Зелье нойды».
1917. *Бумага, карандаш. 8,2 x 11 см;*
Лист: 15,8 x 11,9 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Колдун. 1917.
Эскиз к картине «Зелье нойды».
Бумага, карандаш. 8,2 x 11 см;
Лист: 15,8 x 11,9 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Колдун. 1917.
Однотонное воспроизведение в
Монографии Ярёмко под названием:
Wizard. 1917. Roerich Museum.



Конец великана (Спящий великан).
1917. *Темпера. (Сок.)*
Однотонное воспроизведение в
Монографии Ярёмко (1931 г.) под
названием: Sleeping giant (1917). D.S. Mollo
Collection. Paris.



Приказ. 1917. Сюита **“Героика”**.
Холст, масло. 48,4 x 76,5 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Приказ. Эскиз. 1917. *Рисунок.*
Первоначально в собств. D.T. Arne (Stockholm) (*Список Н.К. Рериха*)



Вечное ожидание. 1917. Сюита **“Героика”**.
Холст, темпера. 52 x 77 см.
Слева внизу монограмма: **19 Р/н/х 17.**
Частное собр. Москва. (**Ждущие** – Сок.)



Ждут. 1917.
Рисунок к картине «Вечное ожидание».
Государственный Русский музей. (Сок.)



Победители клада. 1917. Сюита **Героика”**.
Однотонное воспроизведение в
Монографии Ярёмко. 1931 г.

Священные огни.



Ещё не уехали (Ещё не ушли). Эскиз.1917.
Фанера, масло. 40,6 x 79,5 см.
Центр-музей Н.К. Рериха. Москва.
(*Список Н.К. Рериха*)



Заговорщики (Приговор). 1917.
Дерево, масло. 50 x 73 см.
Частное собрание. (Каталог аукциона Sotheby's London, 2014). (Первоначально в собств. Sturtz (Amsterdam). (Список Н.К. Рериха)

Заговорщики. 1917. *Масло.* (Вариант). (Список Н.К. Рериха)



Закливание огня. 1917.
Однотонное воспроизведение в
Монографии Ярёменко. 1931 г.



Заклинатель (Змей обращённый). Этуд.
1917. *Темпера.*
Первоначально в собрании Г. Jarvinen.
Helsingfors. (Список Н.К. Рериха)



Закливание огня. Эскиз. 1917. *Бумага, графитный карандаш, темпера.*
12,5 x 15,8 см. Справа внизу монограмма:
Р/н/х Международный Центр-Музей им.
Н.К. Рериха. Россия. Москва. Инв. № КП 76

Залив лесного бога (Залив лешего). 1917. *Пастель.* (Список Н.К. Рериха)

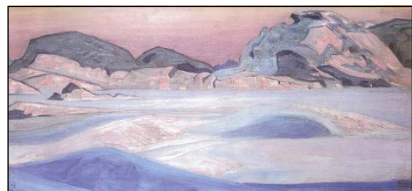
Замковая гора. Ихин Лахти. 1917. *Темпера.* США. (Сок.)

Замковые горы. 1917. *Темпера.* (Список Н.К. Рериха)

Гора замка (Замковая гора). 1917. *Картон, темпера.* 24,1 x 71,5 см.
США.



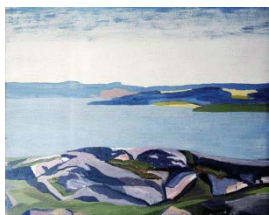
Изгнанники (Беглецы). 1917.
Фанера, масло и темпера. 23 x 62 см.
Собрание Л.А. Федунa. Россия. Москва.
(В списке Н.К. Рериха: «Этуд к
Изгнанникам»)



Зима (Вечерний снег). 1917.
Дерево, масло. 40 x 84.5 см.
Частное собрание. (В каталоге аукциона Sotheby's London, 2013 г. под названием Карелия «**Вечерний снег**». 1918.) (В списке Н.К. Рериха под названием «**Зима**». 1917.)

КАРЕЛЬСКАЯ СЮИТА. 1917 г.:

Гора. Карельская сюита. 1917. *Масло.* США. (Сок.)



Горное озеро. Этюд. 1917.
Фанера, темпера. 31 x 39,5 см.
 Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 9324 II.



Горное озеро. Эскиз 1917.
Бумага, уголь. 25 x 31 см.
 Каталог аукциона Sotheby's New York, 2009 г.



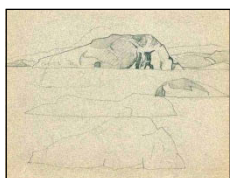
ХХ

Залив. 1917.
Картон, темпера 49,1 x 64,9 см.
 Слева внизу монограмма: **Р/н/х**
 Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № КП-40.

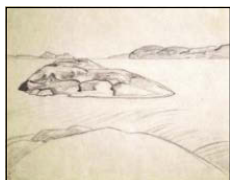


Грозное облако. 1917.
Фанера, масло. 32,5 x 40,5 см.
 Частное собрание. Россия.

Залив дружбы. 1917. Сюита "Карелия". Пастель. (Сок.)
Залив лешего. 1917. Сюита "Карелия". Пастель. (Сок.)
 (В списке Н.К. Рериха - «**Залив лесного бога**».)
Карелия. 1917. Pastel. А.М.Тoumarkin, Tervus.



Карельские листы. 1917-1918.
Бумага серая, карандаш. 24,7 x 31,1 см.
 Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк



Карельские листы. Эскиз. 1917-1918.
Бумага, карандаш. 22,3 x 28,8 см.
 Частное собрание.
 (Каталог аукциона в Нью-Йорке)



Карельские листы. Эскиз. 1917-1918.
Бумага, карандаш. 22,3 x 28,6 см.
 Частное собрание.
 (Каталог аукциона в Нью-Йорке)



Карельский пейзаж. 1917-1918.
Картон, темпера, пастель 235 x 37 см
Частное собрание.



Карельский пейзаж (Голубые острова).
1917-1918. *Фанера, масло. 31.8 x 39.8 см.*
Частное собрание Л.А. Федуна. Россия.
Москва.



Карельский этюд (Жёлтый берег). 1917.
Фанера, темпера. 32 x 75,5 см.
Частное собрание.
Первоначально в собрании Arvid Lydeken,
Helsingfors.



Карельский этюд. 1917.
Бумага, акварель, карандаш. 6.5 x 11.5 см.
Справа внизу монограмма: **P/H/X**
Государственный музей искусства народов
Востока. Инв. № 5488 II.



Карельский этюд. 1917. Эскиз.
Бумага, карандаш. 23 x 29,5 см. (в свету).
Частное собрание. Москва.

Кедр. 1917. Масло.

Первоначально в собрании О. Реландера. Сортавала. *(Список Н.К. Рериха).*

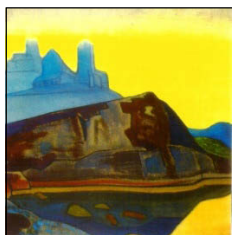
Кирьявалахти. 1917. Рисунок. *(Список Н.К. Рериха).*

Кирьявалахти (Kyrjavalahhti). 1917. *Темпера.* Первоначально в собрании Р. Hagemann,
Копенгаген. *(Список Н.К. Рериха).*

Леса. 1917. *Пастель.*



Линнасаари. Эскиз к картине. 1917.
Бумага, уголь.
Частное собрание.



Линнасаари. 1917. *Бумага на картоне.*
Темпера, пастель. 47,3 x 47,4 см.
Частное собрание.
*[Linnasaari в переводе с финского «Остров
замок» - ред.]*



Молитва. 1917.
Бумага серая, карандаш. 22,5 x 32 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Молитва. (Эскиз фигуры на фоне горного пейзажа) 1917. Бумага, пастель, смешанная техника. 18 x 33 см.



На горной тропе. 1917.
Картон, темпера. 47 x 65,9 см.
Справа внизу монограмма: **19 Р/н/х 18.**
Частное собрание, Москва.



Эскиз двух фигур. 1917.
Бумага серая, карандаш. 20,8 x 12,5;
размер листа: 22,6 x 31,2 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.
(Фрагмент картины «На горной тропе»)



Небо над просторами. 1917.
Фанера, масло. 31 x 39,5 см.
Частное собрание. Москва.



Неяркие лучи. 1917-1918. Картон, темпера. 29,3 x 48,5 см.
Из собрания МЦР.



Новый дом. 1917. Бумага на картоне, темпера. 44,8 x 65,9 см. Справа внизу монограмма и дата: **19 Р/н/х 17.**
Частное собрание, Москва.



Облака над островами (Озёрная даль). 1917. Картон, темпера. 44 x 81 см.
Частное собрание. (Каталоги аукционов Sotheby's London, 1998 г. и 2000 г.)



Озеро. 1917. Картон, темпера. 28 x 70,5 см.
Квартира Бродского. Инв. № Ж-110



Озеро (Серое озеро). Карельская сюита. 1917. Бумага, темпера (масло). 48 x 64 см.
Nameenlinna, Art Museum, Финляндия



Озеро Хюмпола. Карельский пейзаж. 1917.
Эскиз. Бумага на картоне, гуашь,
40 x 45.7 см.
Собрание Л.А. Федуна. Россия. Москва



Озеро Хюмпола. Карельский пейзаж. 1917.
Картон, темпера, пастель. 39,5 x 43 см
Частное собрание. (Каталог аукциона Gene Shapiro New York, 2013).



«Озеро Хюмпола». Эскиз к картине 1917.
Бумага, карандаш. 22,5 x 27,3 см.
(Каталог аукционов Gene Shapiro, Нью-Йорк, 2014.)



Озеро Хюмпола.
Б/д. Холст, масло. 35.5 x 53.3 см.
Частное собрание. (Каталог аукционов Christie's. 2007 г.)

Озёрная даль. 1917. Пастель. (Сок.)



Сага о Вёлунде. 1917. (1 часть сюиты)
Вёлунд находит дочь Нидура. –
(Каталог выставки в Хельсинки, 1919 г.)



Ландшафт для картины **“Сага о Вёлунде”.**
1918-1919. Бумага, карандаш. 26,1 x 36,8 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

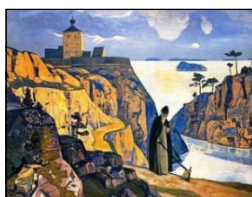
Сага о Вёлунде. Тюрьма Вёлунда. 1917. Набросок. Темпера. (Сок.)
[Ландшафт для картины **“Сага о Вёлунде”.** 1917. Темпера.(Сок.)

Тюрьма Вёлунда. 1917. Рисунок. (Сок.)

Тюрьма Вёлунда. 1917. Вариант. Рисунок. (Сок.)]

Светаюра. 1917. Темпера. (Сок.)

Светаюра. 1917. (Сок.)



Святое озеро. 1917.
Оргалит, темпера, масло. 95.5 x 121 см.
Слева внизу монограмма: **Р/н/х**
Частное собрание Г. Рябова. Нью-Джерси.
Нью-Брансвик. Джейн Воорхис Зиммерли
музей при Ратгерском университете. США



Святой остров. 1917.
Холст, темпера. 49 x 77 см.
Государственный Русский музей.
Инв. № Ж-5503.



Северный пейзаж. Эскиз. 1917.
Картон, пастель. 48 x 81 см.
Частное собрание.



Северный пейзаж. Эскиз. 1917.
Картон, пастель. 43,2 x 61,0 см.
Музей им. Н.К. Рериха, Москва.

Синее утро. 1917. *Масло. (Список Н.К. Рериха).*

Сказочный остров (Остров мечты). 1917. *Масло.*

Первоначально в собрании В.А.Сорвали. Helsingfors. *(Список Н.К. Рериха)*

Скала ворона. 1917. *Пастель. (Список Н.К. Рериха)*

Следы. 1917. *Набросок. Рисунок. (Сок.)*



Следы (Бесконечные следы). Эскиз. 1917.
Бумага, гуашь. 32 x 12 см.
Справа внизу авт. подпись: **Н. Рерих.**
Частное собрание.



Следы (Бесконечные следы). 1917.
Дерево, масляная темпера. 50,8 x 95,3 см.
Частное собрание.



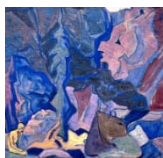
Скалы и утёсы. 1917.
Картон, смешанная техника. 25,5 x 34,5 см.
Аукцион Sotheby's 2.11.2. 009.



Солнце за облаком. Карельская сюита.
1917. *Дерево, масло. 32,5 x 40 см.*
(В каталоге аукциона MacDougall's London под названием: *Скалы и утёсы 1917-1918.*)



Столпник. Рисунок. 1917.
Бумага на доске, уголь. 63,3 x 48,6 см.
Справа внизу монограмма и дата:
19 P/н/х 17.
Частное собрание.



Столпник. Эскиз. 1917.
Картон, темпера. 47 x 47 см.
Справа внизу монограмма: **Р/н/х**
Собрание Джо Джагода. США. Даллас.



Стрела. (Первая стрела). 1917.
Холст, темпера. 49,5 x 77 см.
Слева внизу монограмма: **19 Р/н/х 17**
Государственный Русский музей.
Инв. № Ж-11873

Вольная стрела. Эскиз. 1917. Рисунок.
Первоначально в собств. Е. Nobel (Stockholm) (Список Н.К. Рериха)



Сценография. 1917. Калька, карандаш. 30 x 20,8. размер листа. 31,6 x 22,3 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Туман. 1917.
Дерево, масло, (темпера). 20,3 x 21,6 см.
Частное собрание. США.
(Каталог аукциона Christie's, 2009 г.)



Туманное утро. 1917. Бумага на картоне, масло, темпера. 30,8 x 39 см. Справа внизу монограмма и дата: **19 Р/н/х 17**
Частное собрание. [Ранее: Университет Брандайса, Уолтем, США. Brandeis University, Rose Art Museum. США. Waltham]

Утро. 1917. Масло. Карельская сюита.
Первоначально в собств. Р. Дрампова. (Список Н.К. Рериха)



Финляндия. 1917. Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмко, (1931 г.), Первоначально: Roerich Museum

Чёрная гора. Эскиз. 1917. Масло. (Список Н.К. Рериха).



Холмы на берегу моря. Эскиз. 1917-1918.
Бумага, графитный карандаш. 9,8 x 9,5 см.
Из собр. Центра-Музея им. Н.К. Рериха.
Москва. Инв. № КП 1192

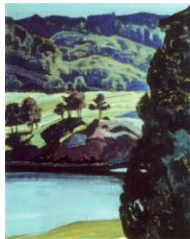


Юхинниemi.1917.

Картон, пастель. 23 x 76 см.

Собрание Р.-М. Валмари. Хельсинки.

Финляндия



Юхиннлахти. 1917.

Собрание семьи Реландер. Миккели.

Финляндия

1918 г.



Cor Ardens (Пылающее сердце). 1918.

Однотонное воспроизведение в

Монографии Ярёмченко под названием:

Cor Ardens (Variant) (1918) D.S. Mollo

Collection. Paris.



Cor Ardens (Пылающее сердце). 1917.

Цветное воспроизведение в Монографии

Ярёмченко под названием:

Cor Ardens (Variant) (1918)



Альбомный лист. 1917-1918.

Бумага, карандаш. 25 x 31.1 см.

(Каталог аукциона Christie's New York. 2008).



Белые облака. 1918.

Картон, пастель. 24 x 74,4 см.

Частное собрание, Москва.

Белый камень. 1918. Этюд. *Масло. (Сок.)*



Весть Фёдору Тирону. 1917. *Масло.*

Первоначально в собств. Д.С. Молло

(Хельсинки) (См. также каталог 1917 г.)

(Цветное воспроизведение в журнале «The Studio». Лондон. Апрель 1920.)



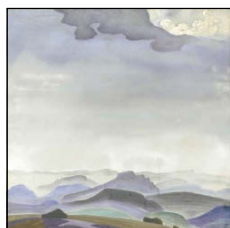
Весть Фёдору Тирону. 1918. (Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмченко, 1931 г. с надписью: Feodor Tiron (1918). Charles Wharton Stork Collection, Philadelphia)
(В списке Н.К. Рериха дата: 1917 г.)

Вечер. 1918. *Темпера и масло.*

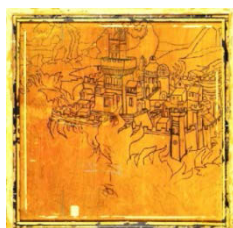
Первоначально в собственности М.И. Шейнина. Выборг. (Список Н. К. Рериха)



Водской погост. 1918.
Холст, масло. 40,6 x 50,8 см.
(Список Н.К. Рериха)
(Однотонное воспроизведение в журнале «Жар-птица». 1921. 4 мая под названием: «Новгородская церковка».)



Волшебница дождя. 1918.
Дерево, темпера. 73,4 x 73 см.
Справа внизу монограмма: Р/х
Галерея Sphinx Fine Art. Великобритания.
Лондон. (Каталог аукциона Christie's New York, 2002.)



Пречистый Град врагам озлобление
(набросок композиции).
Рисунок на обратной стороне картины Волшебницы дождя. 1918. Бумага, наклеенная на фанере, карандаш, тушь. 73,4 x 73 см. (78,5 x 78,5)

«Героика», сюита. 1917-1918:

«Героика» — из 7 частей. 1. Клад захороненный. 2. Зелье нойды. 3. Приказ. 4. Священные огни.*) 5. Ждут. 6. Конец великанов. 7. Победители клада.....» (Н.К. Рерих)



Клад захороненный
(Скрытое сокровище). 1917.
Холст, масло. 47,5 x 75,0 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Зелье нойды (Колдун.). 1918.
Картон, темпера. 49,5 x 67,3 см.
США.



Колдун. Набросок к картине «Зелье нойды». 1917. Бумага, гр. карандаш. 8.2 x 11 см; лист 15.8 x 11.9 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Колдун. Набросок к картине «*Зелье нойды*». 1917. Бумага, гр. карандаш. 8,2 x 11 см; лист 15,8 x 11,9 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Приказ. 1917. Сюита "*Героика*". Холст, масло. 48,4 x 76,5 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Ждут. 1917. Сюита "*Героика*". Холст, темпера. 52 x 77 см. Слева внизу монограмма: **19 Р/н/х 17**. Частное собр. Москва. (**Ждущие** – Сок.)



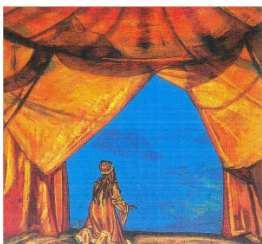
Конец великанов. 1917. Сюита "*Героика*". Темпера. (Сок.) Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёменко под названием: Sleeping giant (1917). D.S. Mollo Collection. Paris.

Священные огни. 1917. (**Святой огонь** – Сок.)

(«Священные огни, пылающие среди холодных скал». Н. Жаринцова. Николай Рерих. 1920.)



Победители клада. 1917. Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёменко. 1931 г.



Властитель ночи. 1918. Серия "*Героика*". Дерево, масло. 71,4 x 77,3 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

- Вакно-Салми.** 1918. Темпера. (Сок.)
 - Весна.** 1918. Этюд. Темпера. (Сок.)
 - Вечер.** 1918. Масло. (Сок.)
 - Вечер.** 1918. Темпера. (Сок.)
 - Вечер. Облако.** 1918. Пастель. (Сок.)
-

"Вечные всадники", серия 1918:



Всадник вечера. 1918.

Сюита **"Вечные всадники"**.

Фанера, темпера. 45,2 x 73,0 см.

Частное собрание.

(Из собрания Brandeis University Collection, США. Waltham)

Всадник дня. 1918. Набросок. Темпера. (Сок.)



Всадник дня (Белый всадник). 1918.

Дерево, масло и темпера. 49,5 x 72,5 см.

Слева внизу монограмма: **P/x**

Частное собрание, США.

Первоначально в собр. М.П. Хват.



Всадник ночи. 1918.

Сюита **"Вечные всадники"**.

Фанера, темпера. 48,8 x 74,3 см.

Университет Брандайса, Уолтем. США. (75, Сойни)



Всадник ночи. 1918.

Сюита **"Вечные всадники"**.

Фанера, темпера. 32,5 x 41

Справа внизу монограмма: **P/n/x**

Частное собрание



Всадник ночи. 1918

Дерево, масло. 40 x 42 см.

Государственный музей искусства народов Востока. Инв. №, 5582 II.

Всадник ночи. 1918. Сюита "Вечные всадники".

Картон, темпера. 34,9 x 40,7 см. США. (Сок.)

Всадник ночи. Вариант. 1918. Сюита "Вечные всадники".

Картон, темпера. 34,3 x 40,7 см. США. (Сок.)



Всадник утра. 1918.

Дерево, масло. 44 x 72,4 см.

Частное собрание.

(Каталог аукциона Christie's London, 2014.)

Всадник утра. 1918. "Вечные всадники" (см.). Картон, темпера. 45,8 x 73,6 см.

США. (Сок.) (В 1924 г. в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк)

Наброски и этюды для серии "Вечные всадники". 1918.:

Дракон. 1918. Этюд для картины "*Рыцарь дня*" (см.). *Пастель.* (Сок.)

Каменная скала. 1918. Этюд для картины "*Рыцарь утра*" (см.). *Пастель.* (Сок.)

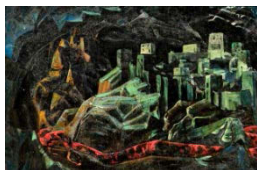
Можжевательник. 1918. Этюд для картины "*Рыцарь утра*" (см.). *Пастель.* (Сок.)

Облако. 1918. Этюд для картины "*Рыцарь дня*" (см.). *Пастель.* США. (Сок.)

Туман. 1918. Набросок к картине "*Рыцарь вечера*". *Темпера.* США. (Сок.)

Град обречённый. 1918. Рисунок.

Первоначально в соб. Б.О. Фредман. Ключдель. (Список Н. К. Рериха)



Град умерший (Град мёртвых). 1918.

Доска, масло. 44.5 x 67.2

Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк



Эскиз к картине "**Град умерший**" 1918.

Бумага, карандаш. 13,2 x 18,5 см. Справа
внизу надпись: *Для града умершего.*

Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк

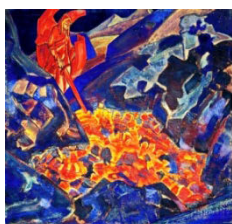
Дождевые облака. 1918. *Пастель.*

Первоначально в собственности М.И. Шейнина. Выборг. (Список Н. К. Рериха)



Дымы мира (Смолокуры). 1917. *Холст,*
масло. 100 x 155 см.

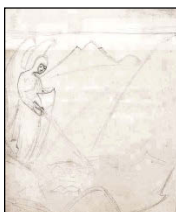
(аукционе Bonham's London)



Жар земли. 1918. *Фанера, темпера.*

48.3 x 50.2 см. На обороте этикетка с
печатным текстом: *Property of Nikolas Roerich
Painting and Art Collection? Inc...*

Центр-Музей им. Н.К. Рериха. Москва/
Первоначально в собр. Е.И. Рерих.



Эскиз к картине «**Жар земли**». 1918.

Бумага, карандаш. 17,2 x 16,7;

размер листа: 20,1 x 16,7 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Закат (Северный закат). 1917.
Картон, масло 51 x 65,9 см
Worthing Museum and Art Gallery.
Великобритания. Асс. № 831
(в музее под названием: «Северный закат».
1918.). Первоначально в собрании А.М.
Тумаркина, Выборг. (*Список Н.К. Рериха*)



Зов колоколов (Старый Псков). 1918.
Дерево, масло. 48,3 x 78,7 см.
Национальный музей. Сербия. Белград.



Камни. 1918. Серия «Ладога»
Холст на картоне, масло. 30 x 40.5 см.
Частное собрание. (*Из собрания Brandeis University Collection, США. Waltham*)



Камень вождя. 1918.
Картон, темпера. 43 x 61 см.
(*Каталог аукциона Christie's, New York*)



Карелия. Вечерний снег. 1918.
Дерево, масло. 40 x 84.5 см.
(*Каталог аукциона Sotheby's London, 2013 г.*)



Карельский пейзаж. Ладога. Эскиз. 1916-1917.
Фанера, темпера. 28,9 x 81,3
Центр-музей им. Н.К. Рериха. Москва



Камни и скалы. 1918. *Бумага на картоне, гуашь. 25,8 x 39.3 см.* Справа внизу монограмма и дата: **18 Р/н/х 18**
Частное собрание. (*Из собрания Brandeis University Collection, США. Waltham*)



Карельский пейзаж. Эскиз. 1918.
Бумага, карандаш. 23 x 29,5 см.
(*в свету*).
Частное собрание. Москва.



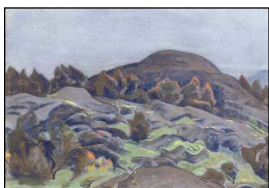
Карельский пейзаж. Эскиз. 1917-1918.
Бумага, карандаш. 11,7 x 21,8 см. (*в свету*).
Частное собрание. Москва



Карельский этюд. Эскиз. 1918.
Бумага, карандаш. 19,5 x 24 см. (в свету).
Частное собрание. Москва.



Карельский этюд. 1918. Бумага на картоне, темпера. 19 x 38 см. Слева внизу монограмма и дата: **19 Р/н/х 18** (Каталог аукциона Bonham's London, 2015.)



Ладога. Карелия. 1918. Бумага на картоне, темпера, пастель. 28.8 x 38 см.
Частное собрание.



Ладога. 1918. Картон, темпера или масло. 21 x 70 см. Частное собрание. (Каталог аукциона Christie's New York, 2008)



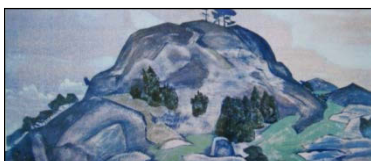
Ладога. Утро. 1918. Масло и темпера. (Список Н.К. Рериха)



Ладога. 1918.
Бумага на картоне, пастель. 14.6 x 29.8 см
Частное собрание. Швеция. (Е. Сойни)



Ладожское озеро. Острова. 1918.
Бумага на картоне, темпера. 32 x 49.6 см.
Частное собрание.



Лапландский замок. 1918.
Картон, пастель. 38 x 89 см.
Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 5484 II. Россия. Москва

Макисало. 1918. Масло. (Список Н.К. Рериха).



Морское чудо. 1918.
Фотография с картины
(Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1742)



Морское чудо (Чудо озёрное). 1918.

Бумага, карандаш. 11,8 x 21,4 см.

Лист: 16,3 x 24,1 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



«Морское чудо». 1918.

Набросок к картине. *Картон, карандаш, акварель.* 20, 5 x 27,5 см.

Слева внизу монограмма: **Р/н/х.**

Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 5572-II.



Оборотная сторона наброска к картине «Морское чудо». 1918.

Картон, карандаш, акварель. 20, 5 x 27,5 см.

Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 5572-II.



Новгородская церковка. 1918.

Холст, масло 40,6 x 50,8 см

Справа внизу монограмма и дата:

19 Р/н/х 18

Однотонное воспроизведение в журнале *Жар-птица*, 1921. № 4. (Берлин)



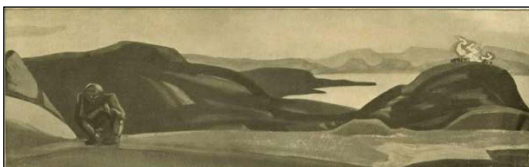
Острова. Ладога. 1918.

Картон, темпера. 47 x 84 см.

Справа внизу монограмма и дата:

19 Р/н/х 18.

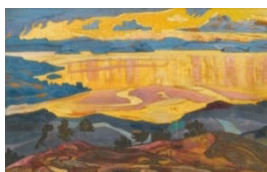
Частное собрание. США.



Отверженный. 1918.

Картон, темпера 24,1 x 73,6 см

США. Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёменко под названием: *The Outcast* (1917). Roerich Museum



Перед дождём (Перед ливнем). 1918.

Дерево, масло. 50x80 см.

Частное собрание.



Перед ливнем. 1918.

(Однотонное воспроизведение в журнале *«Жар-птица»*. 1921. № 4-5.)



Перед ливнем. Эскиз. 1918.

Бумага, карандаш. 11,5 x 17,5 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Предстоящий (Столпник) Экстаз. 1918.
Холст, масло и темпера. 154,3 x 129,4 см.
Слева внизу монограмма: **19 Р/н/х 18**
Частное собрание.
(Каталог аукциона Bonham's London. 2014 г.)

Принцесса со стрелами. 1918. См. «Царевна со стрелами». 1918.
Ранталахти. (Красный залив). 1918. Масло. (Сок.)

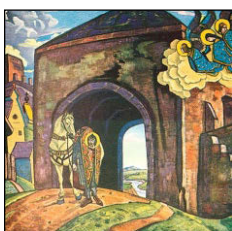


«Родина великанов». Эскиз к картине.
1918. Бумага, уголь. 19 x 19 см.
Частное собрание. (Каталог аукциона Sotheby's New York, 2009.)

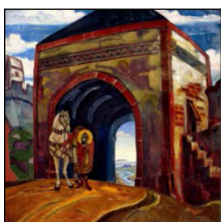
Сага о Хьяле. 1918. Эскиз. Масло. В собств. Lady Den Paul(Londjn) (Списки Н.К. Рериха)
Пейзаж для Саги о Хьяле. 1918. Пастель. (Списки Н.К. Рериха)



Св. Меркурий Смоленский. Рисунок. 1918.
Бумага, карандаш. 24 x 21,5 см.
Слева внизу монограмма: **Р/н/х.**
Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 5566 II



Св. Меркурий Смоленский. 1918. Эскиз.
Холст, масло. 91,5 x 91,5 см.
Слева внизу монограмма: **Р/н/х**
Частное собр. Великобритания. Лондон.



Св. Меркурий Смоленский. Эскиз. 1919.
(см. также в каталоге 1919 г.)



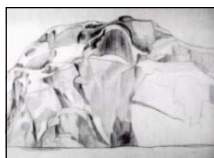
Синяя туча. 1917-1918.
Бумага, карандаш. 24,6 x 34,2 см.
Справа вверху надпись: **Синяя туча**
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



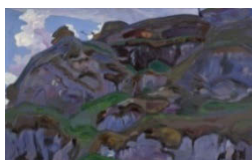
Скалы. 1918.
Картон, гуашь. 52,5 x 74,5 см.
Частное собрание.



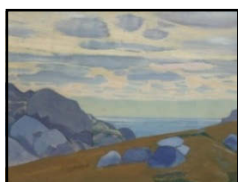
Скалы. 1917-18.
Фанера, масло. 32,0 x 40,7 см.
Музей Н.К. Рериха, Москва.



Скалы. 1917-1918.
Бумага, карандаш. 21,8 x 30,4 см.
Центр-музей им. Н.К. Рериха. Москва



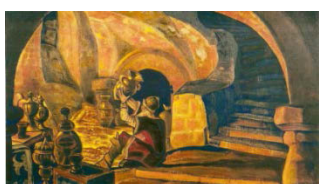
Скалы и утёсы. 1918.
Из серии «Ладога».
Фанера, масло. 32,0 x 40,7 см.
Центр-музей им. Н.К. Рериха. Москва



Скалы и утёсы. 1917-1918.
Серия «Ладога».
Картон, темпера. 30.2 x 40.4 см.
Частное собрание.



Скалы и утёсы. 1918. Серия «Ладога».
Фанера, темпера, масло. 22,8 x 54,3 см.
Из собрания МЦР



Скупой рыцарь. 1918. декорации к опере
С. Рахманинова «*Скупой рыцарь*».
Дерево, масло, темпера. 50.3 x 84.3 см.
Собрание А.В. Мельникова. Россия. Москва



Скупой рыцарь. 1918. Эскиз декорации к
опере С. Рахманинова «*Скупой рыцарь*».
Бумага, карандаш. 21.2 x 14.8 см.,
размер листа: *30.8 x 24.4 см.*
Музей Николая Рериха, Нью Йорк.

Ступени. 1918. *Темпера. (Список Н.К. Рериха)*

Судия Неведомый. 1918. Эскиз. *Масло. (Список Н.К. Рериха)*

Сын Бога. (Библ. Быт. 6) 1918. Эскиз. *Пастель. (Список Н.К. Рериха)*

Сын Бога. (Библ. Быт. 6) 1918. *Масло. Собств. Розенталь. Выборг. (Список Н.К. Рериха)*



Tervus. Эскиз. 1918. Бумага, графитный карандаш. 12,6 x 17,8 см. (в свету).
Справа внизу подпись: **Н. Рерих** и ниже надпись: **Tervus 1918.**
Частное собрание, Москва.
(Из собрания Brandeis University, Rose Art Museum. США. Waltham)

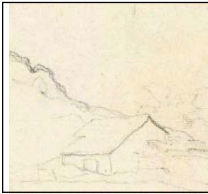
Tervus. 1918. Пастель. Первоначально в собственности С.В. Кроля (Список Н.К. Рериха)



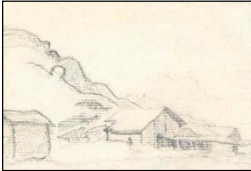
Тулола. 1918.
Картон, темпера. 29,8 x 67,8 см.
Каталог аукциона



Гора Тулола. 1918.
Дерево, масло. 51,2 x 83,5 см.
Частное собрание Л.А. Федуна, Москва.

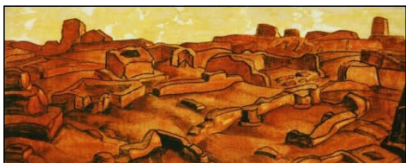


Тулола. Эскиз. 1918. Бумага, карандаш. 10,8 x 11,5 см, page: 21 x 11,6 см;
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Тулола. Эскиз. 1918. Бумага, карандаш. 7,8 x 11,6 см, page: 21 x 11,6 см
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

Туман идёт. 1918. Рисунок и пастель. Victoria Albert museum, London,
Туман поднялся. 1918. Темпера и масло. (Списки Н.К. Рериха)



Фамагуста. 1918.
Фанера, масляная темпера, 36 x 77 см.
Собрание Л.А. Федуна. Россия. Москва.



Фамагуста. 1918. Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмченко, 1931 г.

Холодный луг. 1918. Масло. (Список Н.К. Рериха)



Царевна со стрелами (Принцесса со стрелами). Эскиз. 1918.

Бумага на картоне, уголь, темпера, масло. 23,5 x 68 см.

Собрание А.В. Мельникова. Россия. Москва



Эскиз к картине. 1917-1918.

Бумага на картоне, темпера. 10 x 26 см. (Каталог аукциона Christie's New York, 2008 г.).



Эскиз 1917-1918.

Фанера, гуашь. 31,8 x 39,8 см.

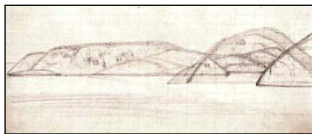
Слева внизу монограмма: *Р/н,х*
Частное собрание.



Эскиз. 1917-1918.

Бумага в клеточку, карандаш. 6,9 x 21,5; размер листа: 12 x 21,5 см.

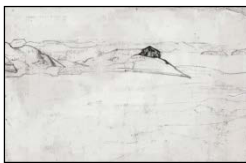
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк



Эскиз на миллиметровой бумаге. 1918.

Бумага, карандаш. 9,3 x 22,4 см

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз. Карелия. Домик на острове. 1918.

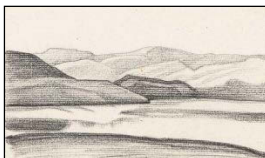
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз. Карелия. 1918.

Бумага, уголь. 19,5 x 23,1 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз. Карелия. 1918.

Бумага, уголь. 9,5 x 15,9 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз. 1918-19.

Бумага, карандаш. 7,7 x 16,6;

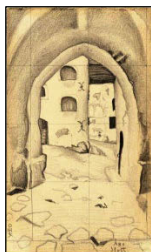
размер листа: 19,5 x 23,1 см.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк

1919 г.



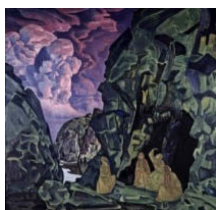
Белая дама (Slot Abo). 1919.
Холст, темпера. 91,5 x 71 см.
Частное собрание, США.



Эскиз к картине «**Белая дама**». 1919.
Бумага, карандаш. 18 x 10 см.
Слева внизу монограмма: **P/н/х**.
Справа внизу надпись: **Abo Slott**.
Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 5487-II



Дочери Земли (эскиз). 1919.
Бумага, темпера 15 x 15,1 см
Музей истории литературы, искусства и культуры Алтая. Россия. Барнаул.



Сыны неба (Дочери земли). 1919.
Холст, темпера. 129,5 x 132 см.
Справа внизу монограмма: **P/н/х**.
Brandeis University, Rose Art Museum. США.
Waltham. США.



Сыны неба. Эскиз. 1919.
Бумага, карандаш. 24.5 x 30.5 см. 35 x 30.5 см.
Каталог аукциона Sotheby's New York. 2009 г.



Жар земли. 1919.
Картон, гуашь, пастель. 43,5 x 61,2 см.
Частное собрание (под названием «**Карельский пейзаж**»)



Жар земли. набросок композиции. 1918 г.
Картон, темпера. 48,3 x 49,5 см.
Музей Н. Рериха, Нью-Йорк. (Сок.)



Эскиз к картине. 1917.
Бумага на картоне, графитный карандаш.
24,8 x 34,4 см.
Частное собрание.

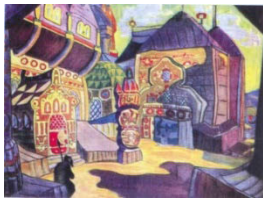
Золотой туман. 1919. Пастель.
В собств. Axel Gallen. Kallela. Helsingfors. (Список Н.К. Рериха)



Зов (Зовущий). 1919.
Картон, темпера. 45,7 x 74,9 см. США (Сок.)
Однотонное воспроизведение в Монографии
Ярёменко под названием:
"The call" Roerich Museum. (В списке Н.К. Рериха под названием «Весть»).

«Князь Игорь».

Эскиз декорации к опере А.П.Бородина в 1919 г. в Лондоне в театре Ковент-Гарден.
Антреприза С.П. Дягилева.



Двор князя Владимира Галицкого. 1919.
Холст, темпера. 71x91,2 см.
Местонахождение неизвестно. Первоначально
но в собр. Н. Томпсон, Нью-Йорк



Половецкий стан. 1919.
Холст, темпера. 50,8 x 76,2 см.
Detroit Institute of Arts Museum. США, штат
Мичиган. Первоначально в собр. И.Ф. Павлова,
Лондон.

Путивль. 1919. Эскиз декорации к опере А.П. Бородина *"Князь Игорь"*.
Холст, темпера. 50,8 x 60,9 см. Собр. Марриота, Вашингтон.
Первоначально в собр. Э. Кастле, Гонолулу.



Путивль (Белый монастырь). 1919..
Холст, масло. 89.5 x 135 см.
Местонахождение неизвестно. Первоначально
в собр. К. Дембовского, Лондон.



Терем Ярославны. Б/д. Бумага, тушь, пастель, карандаш. 13,6 x 17 см.
Государственный музей искусства народов Востока. Инв. № 5492 II

Терем Ярославны. 1919. *Темпера.* Местонахождение неизвестно.

Эскизы костюмов:



Половец. Эскизы костюмов 1919.
Бумага, акварель, гуашь. 26 x 25 см.
Эскизы декораций и костюмов для постановки оперы А.П. Бородина "Князь Игорь" в театре Ковент Гарден. (*Каталог аукциона Stockholms Auktionsverk. 2007 г.*)



Эскизы костюмов. 1919.
Бумага, акварель, гуашь. 26 x 25 см.
.Частное собрание.
(*Каталог аукциона Stockholms Auktionsverk. 2007 г.*)



Половцы. Эскизы костюмов 1919.
Бумага, акварель, гуашь. 26 x 25 см.
(*Каталог аукциона Stockholms Auktionsverk. 2007 г.*)



Эскизы костюмов. 1919.
Бумага, акварель, гуашь. 26 x 25 см
(*Каталог аукциона Stockholms Auktionsverk. 2007 г.*)

Стража. 1919. Эскиз костюмов к опере А.П.Бородина "Князь Игорь" .

Музей театра Ковент-Гарден, Лондон.

Половецкая стража. 1919. Музей театра Ковент-Гарден, Лондон.

Хан. 1919. Музей театра Ковент-Гарден, Лондон.

Хан. 1919. Музей театра Ковент-Гарден, Лондон.



Купальница. Этюд. 1919. *Бумага на картоне, темпера., карандаш.* 20,5 x 40 см.
Справа внизу монограмма: Р/н/х
Частное собрание. (В списке Н.К. Рериха «*Купальница*». 1919. Масло)

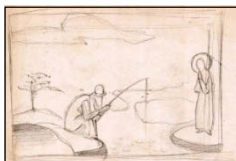
Легенда о победителе. 1919. *Темпера.* Первоначально в собств. Саз. Dembowsky, London.



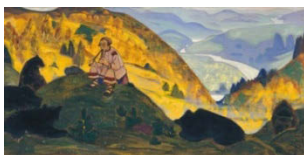
Луна над рекой. [Лунная песнь.] 1919.
Картон, темпера. 24,9 x 76,9 см.
Слева внизу монограмма: **Р/н/х**
Частное собрание. (Каталог Sotheby's 2014 г.)



Молчание. [1919-1922].
Картон, гуашь. 16,5 x 30,5 см.
Из собрания Brandeis University, Rose Art Museum, Waltham, Массачусеттс, США.



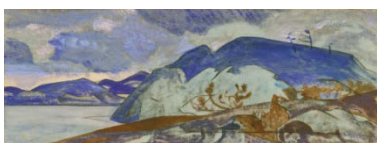
Эскиз к картине **«Молчание»**. [1919].
Бумага, карандаш. 12 x 17,8;
размер листа: 14,9 x 22,7 см.
Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк



Наши предки (Чара звериная). 1919.
Холст, темпера. 48,0 x 97,3 см.
Справа внизу монограмма и дата: **19 Р/н/х 19**.
Центр-музей Н.К. Рериха, Москва. КП 1136.



Облака 1919.
Картон, пастель. 53,3 x 66,0 см.
Справа внизу монограмма: **Р/н/х**
Russian Art Salon. Нью-Йорк. США



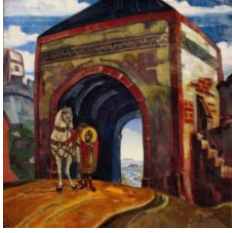
Осень. Выборг. 1919 г. Тонированная бумага на картоне, масло, темпера. 23,2 x 62,7 см.
Рама с подрамком. Под картиной подпись: **Н. РЕРИХ**). Музей им. Н.К. Рериха, Москва.



Хованщина (Палаты Голицына). Эскиз. 1919. Бумага, карандаш. 9,5 x 13,5 см.,
размер листа: 1 (0,3 x 18,4 см.
Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк
Первоначально в собств. Mrs Thompson, New York (Список Н.К. Рериха)



Палаты Голицына. 1919. Эскиз к постановке оперы М.П. Мусоргского **"Хованщина"** в Ковент-Гардене, Лондон.
Картон, темпера. 50,8 x 76,2 см.
Местонахождение неизвестно. Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк



Святой Меркурий Смоленский. 1919.
Холст, темпера. 91,5 x 91,5 см.
Слева внизу монограмма: **19 Р/н/х 19**
Частное собрание. (В Каталоге выставки
Н.К. Рериха в Стокгольме 1918 г. эта картина
даётся под названием «Сага о Святом
Меркурии Смоленском»).



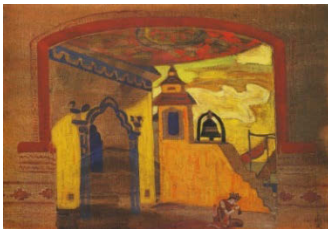
Святые Борис и Глеб. 1919.
Холст, темпера. 24,2 x 62,2 см.
Частное собрание. США. (Сок.)

Сияющие ночью. 1919. Темпера. В собств. Mrs. Salz (S.Francisko) (Список Н.К. Рериха)

"Сказка о Царе Салтане"

Опера Н.А. Римского Корсакова в четырёх действиях (шести картинах) с прологом. 1919 г.
(Лондон. Ковен-Гарден. Постановка не осуществлена.)

Эскизы декораций Н.К. Рериха:



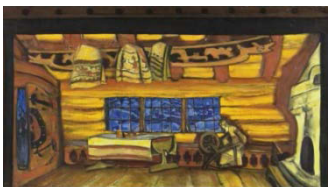
Дворец в Леденце. 1919. Кулисы для Царя Салтана. Холст, темпера. 35,5 x 50,8 см. Справа внизу монограмма и дата: **19 Р/н/х 19**. Частное собрание (Москва). Первоначально в собр. Музея Н. Рериха, Нью-Йорк. (В списке Н.К. Рериха название: **Кулисы для Царя Салтана**).



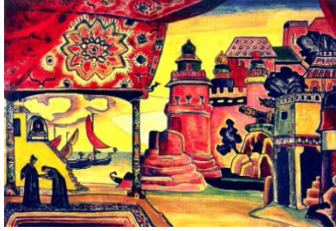
Берег. 1919. Сюита "Царь Салтан". Холст, темпера. 30,5 x 40,5 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Берег Леденец. 1919. Сюита "Царь Салтан". Холст, темпера. 61 x 91,4 см. Музей искусств McNaу. Сан-Антонио. Первоначально в собр. Музея Н. Рериха, Нью-Йорк. (Под № 91 - с датой 1920).



Русская изба. 1919. Сюита «Царь Салтан». Холст, темпера 51 x 92 см Частное собрание. Первоначально в собр. Mrs. Salz, San Francisco (В списке Н.К. Рериха под названием: «Избушка»)



Леденец (Кремль). 1919.

Холст, темпера. 61 x 91,4 см.

Справа внизу монограмма: • Р/н/х •

Частное собрание Кумминга. Лос-Анжелес. Первоначально в собрании Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (В списке Н.К. Рериха под названием: **Кремль (Леденец)**)



Город Леденец (Лесистый берег). 1919.

Сюита "Царь Салтан".

Холст, темпера. 61 x 91,4 см.

Частное собрание Кина, Нью-Йорк.

Первоначально в собр. Mrs. Salz, San Francisco (В списке Н.К. Рериха под названием: **Лесистый берег (Леденец)**)



Тмутаракань (Ворота Тмутаракани). 1919.

Сюита "Царь Салтан".

Холст, темпера. 63,5 x 76,2 см.

Частное собрание. Первоначально в собр.

Mrs. Salz, San Francisco. (В списке Н.К. Рериха под названием: «**Тмутаракань**»)

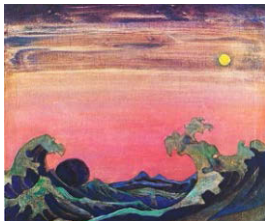


Тмутаракань. 1919. Сюита "Царь Салтан".

Холст, темпера. 61 x 92 см.

Местонахождение неизвестно.

Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Синее море. 1919. Сюита "Царь Салтан".

Холст, темпера. 63,5 x 76,2 см.

Справа внизу монограмма: Р/н/х

Местонахождение неизвестно.

Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Галера Гвидона (Корабль владыки) . 1919. Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» (см.). (Сюита "Царь Салтан") Холст, темпера. 40,7 x 50,8 см. Местонахождение неизвестно. Первоначально в собр. Музея Н. Рериха, Нью-Йорк.



Набросок галеры. 1919.

Бумага, карандаш 10,9 x 18,4 см.

Музей Николая Рериха, США.

Нью-Йорк

94 рисунка к Постановке оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».
(Список Н.К. Рериха):



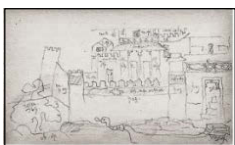
Берег (Леденец). 1919. Бумага, карандаш.
8,4 x 18,3 см. Лист: 10,9 x 18,3 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.
(Ч/б воспроизведение)



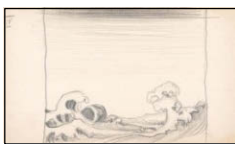
Берег (Леденец). 1919. Бумага, карандаш.
9,8 x 15,5 см. Лист: 10,9 x 18,3 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Леденец. 1919.
Бумага, карандаш 10,8 x 17,8 см
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



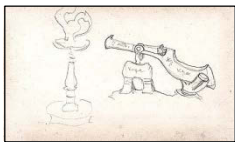
Леденец. 1919.
Бумага, карандаш. 10,9 x 18,3 см.
Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк



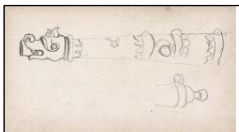
Море. 1919. набросок к декорации к опере
Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе
Салтане». Бумага, карандаш 10,8 x 12,7 см
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Тмутаракань. 1919. Бумага, карандаш.
10,9 x 16,5 см. Размер листа: 10,9 x 18,4 см.
По центру внизу надпись: **Тму Таракань**
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Набросок лампы и царь-пушки
Бумага, карандаш. 10,9 x 18,5 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Набросок к опере Н.А.Римского-Корсакова
«Сказка о царе Салтане».
Бумага, карандаш. 10,2 x 18,5 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Набросок к опере Н.А.Римского-Корсакова
«Сказка о царе Салтане».
Бумага, карандаш. 10,2 x 18,4 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Царь-колокол. 1919.

Бумага, карандаш 101 x 185 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



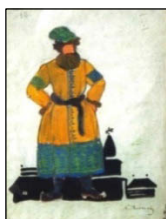
Набросок к опере Н.А.Римского-Корсакова
«Сказка о царе Салтане».

Бумага, карандаш. 10.9 x 15.8 см.,
размер листа: *10.9 x 18.5 см.*
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

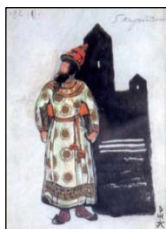
Эскизы костюмов:



Бабариха. 1919. *Бумага, гуашь. 30 x 23,5 см*
Справа вверху надпись: **III картина.**
Местонахождение неизвестно.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк



Боярин. 1919 *Бумага, гуашь. 30 x 23,2 см.*
Слева вверху: **№ 12.** Справа вверху: **V.**
Справа внизу подпись и монограмма:
N. Roerich P/н/х. Частное собр. Э. Лансбери,
Нью-Йорк. Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Боярин. 1919. *Бумага, гуашь. 30,1 x 21,5 см.*
Слева вверху: **№ 92.** Справа вверху: **5 картина.** Справа внизу монограмма: **P/н/х.**
Частное собр. Э. Лансбери, Нью-Йорк.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Боярин и боярыня. 1919
Бумага, гуашь. 30,5 x 23,5 см.
Местонахождение неизвестно.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Боярыня в красном . 1919
Бумага, гуашь, тушь, золото. 30,4 x 23,5 см.
Справа внизу монограмма: **P/н/х**
Частное собрание Э. Лансбери, Нью-Йорк.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Воин. 1919. Бумага, гуашь. 30,5 x 24 см.
Слева внизу на постаменте монограмма:
Р/н/х. Частное собрание Н. и Н.Д. Лобановых-Ростовских, Лондон.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Воин в оранжевом кафтани. 1919.
Бумага, темпера. 30,5 x 21,6 см.
Справа внизу монограмма: **Р/н/х.**
Частное собрание
(Каталог аукциона Christie's 2007 г.).



Гусяр. 1919.
Бумага, гуашь, тушь. 30,5 x 24 см.
Справа внизу монограмма: **Р/н/х.**
Частное собрание Н. и Н.Д. Лобановых-Ростовских, Лондон. Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Две крестьянские девушки. 1919.
Бумага, гуашь. 21,6 x 29,2 см.
Местонахождение неизвестно.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Жена боярина. 1919.
Бумага, тушь, золото, графитный карандаш.
30,5 x 24 см. Слева вверху надпись: **IX Картина.** Справа внизу монограмма: **Р/н/х.**
Собр. Н. и Н.Д. Лобановых-Ростовских, Лондон. Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Звездочёт. 1919. Бумага, гуашь. 30,5 x 23 см.
Справа внизу монограмма: **Р/н/х.**
Справа вверху: **V картина.** По центру внизу дарственная надпись: **To William Quintion Esq. N. Roerich 1921. Russia and America!**
Частное собр. Э. Лансбери, Нью-Йорк.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Знаменосец. 1919. Бумага, гуашь. 28 x 24 см.
Справа внизу монограмма: **Р/н/х.**
Частное собр. Н. и Н.Д. Лобановых-Ростовских, Лондон.
Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Музыканты. 1919. Бумага, смешанная техника. 22,9 x 30,5 см. (в свете). Справа внизу монограмма: **Р/н/х**. Частное собрание. Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Каталог аукциона Gene Shapiro New York. 2013.)



Парень с рогом. 1919. Бумага, гуашь. 29,8 x 22,7 см. Справа внизу монограмма: **Р/н/х**. Частное собр. Э. Лансбери, Нью-Йорк. Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Ткачиха с Поварихой. 1919. Бумага, гуашь, золото, акварель. 25,4 x 23,9 см. Справа вверху надпись: **III акт**. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк



Царица. 1919. Бумага, темпера. 29,2 x 21,6 см. Слева внизу монограмма: **Р/н/х**. Местонахождение неизвестно. Первоначально в собр. Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз костюма к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 1919. Чёрная бумага, гуашь, золото, тушь. 20,5 x 19,3 см. Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз костюма к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 1919. Бумага, гуашь. 30,8 x 23,5 см. Справа внизу монограмма: **Р/н/х** McNay Art Museum. США. San Antonio



Эскиз костюма к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 1919.



Эскиз костюма к опере Н.А. Римского-Корсакова «*Сказка о царе Салтане*». 1919.
Бумага, гуашь. 31.1 x 24.1 см.
Справа внизу монограмма: *Р/н/х*.



Эскиз костюма к опере Н.А. Римского-Корсакова «*Сказка о царе Салтане*». 1919.
Бумага, гуашь. 29.8 x 22.2 см.
Справа внизу монограмма: *Р/н/х*.

«Снегурочка». 1919 г. Опера Н.А. Римского-Корсакова.
Лондон. Ковент-Гарден. Эскизы декораций:

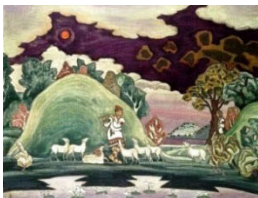


Деревня берендеев. 1919.
Холст, темпера. 61 x 91,4 см.
Местонахождение неизвестно.
Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк



Занавес и портал. 1919.
Холст, темпера. 45,8 x 76,2 см.
Частное собрание.
Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк

Выход Снегурочки. Пролог. 1919. *Темпера. 71,7 x 81,4 см.*
Местонахождение неизвестно. Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк.
Зимний наряд Снегурочки. 1919. *Холст, темпера.*
Местонахождение неизвестно.
Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк



Лель (Орфей). 1919. *Холст, темпера 72 x 92 см.* Слева внизу монограмма: *Р/н/х*
Собрание Константиновского дворца. Санкт-Петербург. Инв. № КД Ж 124.
(В списке Н.К. Рериха под названием «Орфей»).



Священная роща. 1919. Холст, темпера.
61 x 91,4 см. Местонахождение неизвестно.
Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк



Северная ночь (Пролог). 1919.
Холст, темпера. 71,1 x 91,4 см.
Собр. Бибе, Нью-Йорк.
Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк



Ярилина долина. 1919.
Холст, темпера. 61,1 x 91,4 см.
Собр. Макаровой, Нью-Йорк.
Первоначально в Музее Н. Рериха, Нью-Йорк



Голубое озеро в горах. 1919. Эскиз к картине
Бумага, акварель. 8 x 11,5 см. Слева
внизу монограмма: **Р/н/х** Государственный
музей искусства народов Востока.
Инв. № 5493-П.



Сокровище. 1919. Холст, темпера, масло.
100,2 x 149,1 см. Слева внизу монограмма и
дата: **19 Р/н/х 19**
Частное собрание (Москва)



Св. Глеб-хранитель (Святые уши – Глеба хранителем поставили). 1919. Холст,
темпера. 91,4 x 91,4 см. *Справа на стене
городской башни авт. монограмма и дата:*
19 Р/н/х 19 / Частное собрание (США).



Страна великанов. 1918. Набросок. Кар-
тон, темпера. 21,6 x 25,4 см.
США. (Сок.)

Страна великанов. 1919. Набросок. *Дерево, темпера.* 21,6 x 26,6 см. США. (Сок.)



Эскиз нескольких фигур. 1919.
Бумага, карандаш. 10,9 x 18,4 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.



Эскиз декорации. 1919. Бумага, карандаш.
8,4 x 9; размер листа: 24,4 x 31 см. Внизу
надписи: **вся зелено-синя / зелен. Вода /**
свет. струи сверху.
Музей Николая Рериха, США. Нью-Йорк



Эскиз индианки, готовящей пищу.
1919-1920. Бумага, тушь, карандаш.
19,8 x 20,5; размер листа: 23,1 x 29 см.
Музей Николая Рериха, Нью-Йорк.

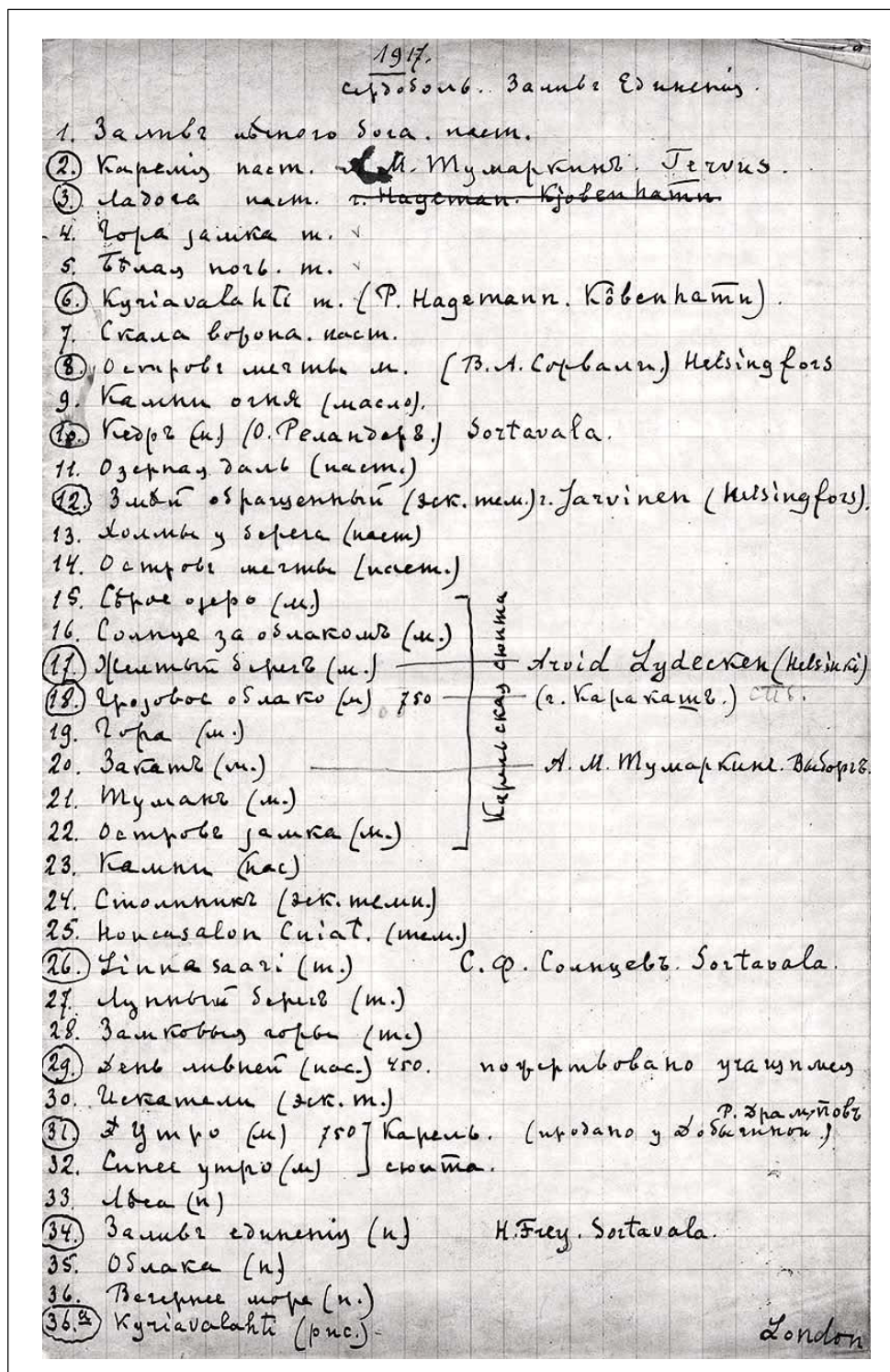


Юхинлахти. набросок. 1919.
Бумага, карандаш. 23,2 x 29,5 см.
Слева внизу надпись и монограмма:
Jhinlacti / P/n/x
Частное собрание, Москва.



Ярилыны зовы (Призыв Солнца). 1919.
Холст, масло. 114,7 x 150,5 см.
Частное собрание.

**Авторские списки картин Н.К. Рериха,
хранящиеся в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке**



37. Каменный мост. (н.)
 38. о сирова (н.) ~~С. А. Соколов~~
 39. Заим (м.) М. И. Шейнман. Копенгаген.
 40. Свой мой о сирова. (м.) ~~С. А. Соколов~~
 41. О сирова по мади. (м.) ~~С. А. Соколов~~
 42. Саса о Бенгудт (дек. м.) } Саса о London.
 43. Мемнига Бенгуда (дек. м.) } Бенгудт. ~~С. А. Соколов~~
 44. Облако над о сировами. (н.) Л. Н. Андреев. Tyrisova
 45. Сбтмаора (м.) ~~С. А. Соколов~~
 46. Сирова (м.) ~~С. А. Соколов~~
 47. Кида задороненнотн. (м.) }
 48. Зербе Нондби. (м.) }
 49. Приказе. (м.) }
 50. Сигуентнотн орон (м.) }
 51. Флу у мб. (м.) }
 52. Конесе белка нове (м.) }
 53. Поддн мени кида (м.) }
 54. ~~Сирова~~ (м.) Ртнны у мра.
 55. Пейдана днз саси о Бенгудт (м.) 650.
 56. Волонна сирова (рус. дек.) Е. Nobel (Stockholm).
 57. Приказе (рус. дек.) 2² J. Arne (Stockholm).
 58. Маика (м.)
 59. Столник (рус.)
 60. Грамота мидрэдв м. 3500. ~~С. А. Соколов~~ ~~С. А. Соколов~~
 61. Призраки (рус. дек.) 2² C. Wohlin (Stockholm)
 62. Призраки (м.) 3500 ~~С. А. Соколов~~ ~~С. А. Соколов~~
 63. Силоо кура (м.) ~~С. А. Соколов~~ С. А. Комаико.
 64. Силоо кура (вар. м.) ~~С. А. Соколов~~
 65. Сбирнотн кодн. (м.) ~~С. А. Соколов~~
 66. Моление. (Л. К. Каменская) м. Мерино.
 67. Поканне. (м.)
 68. Новн дом. (м.) ~~С. А. Соколов~~
 69. Мемнига Бенгуда (вар. рус.) ~~С. А. Соколов~~
 70. Октодрт.
 71. Сопе тид ура (пейдана ка карминт) м. P. Hagemann. Копенгаген
 72. Дозорние. (дек.) С. А. Рубинич. Киборг.
 73. Зуби ображеннотн (рус.)

Народна сирова
 (С. А. Соколов)
 С. А. Соколов
 С. А. Соколов

- 74. Школяр (рус.)
 - 75. Kyriavalakti (рус.)
 - 76. Земное дожде (эк. нем.)
 - 77. Обнаго предбережел. (рус.)
 - 78. Meinungsa Beuynda (кар. рус.) ~~отб.~~
 - 79. Swetainca. (рус.) Magister Leo Feigenberg (Кобек крамр)
 - 80. Судба (рус. эк.) (London, Lommepus) и. о. з. герман.
 - 81. Судба (м.) М^{тс} Munro Longae Boston
 - 82. Франси жаро (Lor adens) ~~жаро жаро~~ Д. М. Мынаркан
 - 83. Имод ре "Уманникан" (м) ~~отб.~~
 - 84. ~~Купе~~ ~~Купе~~ ~~Купе~~ (м) ~~J. B. Pessen~~ ~~400 London~~
 - 85. Еуре не укламу (эк. м.)
 - 86. Урнай рога (эк. м.) Со. У. М. Моно.
 - 87. Зароборужки (м) Со. H. Sturtz (Stockholm) Amsterdam.
 - 88. Краснй жаро (рус.) (London, Lommepus) и. М. Мадриба
 - 89. Зима. ~~отб.~~
 - 90. Инис (отмод м.) Монтане. Miss La bot Boston.
 - 91. ~~Купе~~ ~~Купе~~ ~~Купе~~ на екису "Димбемпа"
 - 92. Зароборужки (кар. нем. м.)
 - 93. Вдемб бедору Муроку (м) ~~J. B. Pessen~~ ~~и Камми~~ ~~78. С. Массо~~
 - 94. ~~Васинменб~~ ~~нон.~~ ~~Вдемб бедору Муроку~~ ~~и. Тоу/Stockholm~~
- 1918.
1. Власситенб пош. (м.)
 2. Предетоджун (столиккер) (м) ~~Жемаз.~~
 3. Подбдженб. (м.) Со. и. Урнросс (Раб. 612).
 4. Дамб мира (м.)
 5. Сб. Меркурин (моменскн) (м.) Д. М. Рудинттенн.
 6. Судя Кеве Кевдомбей (эк. м.) (у Мейнман)
 7. Супной (м.) Секрвнжа Супной жаро (эк. декоразн) м.
 8. Карелия. Велрнн снбв. (м.)
 9. Снра (м.) Урадв шумрнн (м) Со. С. И. Пожентан. Видорн.
 10. Грамагуста (эк.) мемп.
 11. Удо. морекое. S. Schanze (Sverige) Stockholm.
 12. Карелия (рус.) J. B. Pessen.
 13. Шкарв жемм (м) ~~Жемп.~~
 14. Тезумуь. (эк) м.
 15. Карелия (енра) Со. и. Матв (Ленвеннропор)
 16. Вейна (мен. змндр) ~~Купе~~ ~~и~~ London.

London.

17. Vanho. salmi (muini.)
18. Закамь (нас.) (Tulodansaari)ari
19. Osmfobe Ipaма (м.)
20. Meutsilansalmi (м.)
21. Ipodnyya Kamens boyda. (м.)
22. Rautalahki (м.)
23. Joensen (м.)
24. Kerepe subneure (м.) d.o. Lebncon? Lebnab.
25. Noeudnim bynyda (м.) codemb. M. U. Meituna Wiipuri
26. Lauhandekin jamoke (Lapenlinna) (м.)
27. Pieni Tulola. (м.) g. Palmstierna (Stockholm).
28. Kirkonsaari (м.)
29. Belepni jomoni myman (м.)
30. Myyasa. (м.)
31. Yapebna co cmftraumi (м.) зекунь
32. Mope kapiakmi (м.) зек.
33. Закамь Baryabanie (рус.)
34. Beadnyke jakama (nye cronmbu Equus aetermo) (сек.)
35. Myman (зекунь на пpedbedyuseuy) м.
36. Cynyo myra (насм.) W alson
37. Kirkonsaari (насм.)
38. Cime Tora (буда. бам. б.) насм. зек.
39. Cime Tora (буда. кн. бам. б.) м. Codemb. C. U. Poyenman. Baidopre.
40. Poduna kemukanokte (рус. зек.)
41. Imrodz mdepe dus "Kynautnyka".
42. Kynautnyka (м.)
43. Ipacone u kopona (сек. мемн.) Worthing Art Gallery.
44. Дорьд 6 (н)
45. Дорьдунь (м.)
46. Cmyneku (мемн.)
47. } Mymanu (насм.)
48. }
49. Belep (м.) Анд. Сем. Kerpimenb. (Unsi Kirko)
50. Bon mednyca дорьд (мемн.)
51. Kamenowunk (м.)
52. Ombepchenbim (сек. мемн.)
53. Доруна (м.)

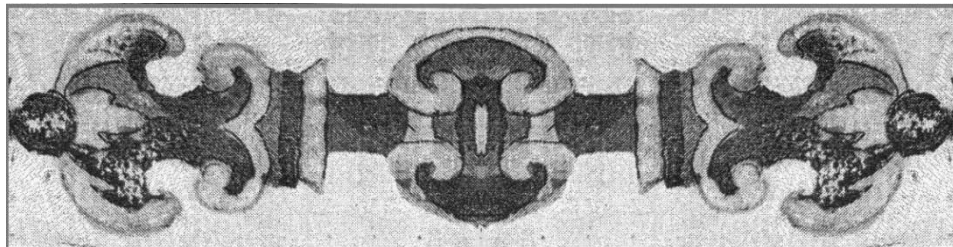
50. B.

54. Могучевенбунка (наст.) } дус, вадника дус.
 55. Каменембун крафэ (наст.) }
 56. Joensu (рус.)
 57. Муманк (наст.) М. Н. Мейнунк
 58. Корное облако (вперам.)
 59. Вадника утпа (м.) уя сунмк «Egnes aeterhus» (J. J. Stenroos)
 60. Имоди иуджа дус кафм. «Иуджесэ» (м.)
 62. Комнобуна (м.)
 63. Водоемк (м. и м.)
 64. Имоди (наст.)
 65. Закупание (м.)
 66. Облака. Cabot Boston.
 67. Эраконк (И) дус «вадника дус». С. Р. Модео. (Купеисе)
 68. Облако (н.)
 69. Скала ворапа (Karesaari) (м.) М. Н. Мейнунк. V. Toz.
 70. Свомк саката (м.)
 71. Вадника нори (сек. м.)
 72. Скала (наст.) Cleveland.
 73. Корное озеро (м.)
 74. Cor ardens (Karianne) (м.) Cosomb. S. W. Модео.
 75. Нуриоворэ (м.) сек.
 76. Бор камень (м.) эм.
 77. Вадника нори (вар. сек.) м.
 78. Иуджа дус сари о дькут (наст.)
 79. «Сара о дькут» (м.) сек. Lady Dean Paul (London).
 80. Новгородский оворэ. (м.)
 81. Норе камней (м.)
 82. Норт (м.)
 83. Верефэ (н.) Сиб. С. С. Поуденб.
 84. Облако ворапа (н.)
 85. Бегнокуньон денк (Kiiden Selkä) 15 ст. (м.)
 86. Свомк соинса. (м.) (мемн.) С. Р. Модео. (Купеисе)
 87. Муманк подкуна (м. и м.)
 88. Закупание (вар. м.) сек.
 89. Оемрова сакки. (м.) сек.
 90. Каренский оворэ (м.) С. О. Левинсон. Левинс

9. Уздымка. m }
 10. Шнымапа канб. m } Крума Уап. Самакз.
 11. Шнымапа канб. m }
 12. Море. m }
 13. Мадены? m } Сосмб. М^с Salz (S. Francisco).
 14. Мдучамбн Сеперз. m }
 15. Крэмуб (Мадены?) m }
 16-110. Пучука m. ~~Дембовскы~~
 111. } Кууччи дус Уап. Самакз. m
 112. }
 113. Бзодз Стрыпорка. m
 114. Зумни удорз. (Стрыпорка) m.
 115. Орпен. m. Саз. Дембовскы. London.
 116. (Slot dlo.) Стрыпорка (m)
 117. Мереда о ностумент. m. Саз. Дембовскы. (L)
 118. Сирныя норы. м. Сос. М^с Salz (S. Francisco).
 119. Бзодз. m. London.
 120. Уорф. Норомб. Саз. Дембовскы. London.
 121. Замутне. Сос. Miss Ethnor Castle (Honolulu)
 122. Дворз Рамыкаро.
 123. Собануна. Сосмб. М^с Thompson New York.
 124. Кормба.
 125. Смарца новобецка. } Covent Garden
 126-127. Ланб. } London.
 128. Кречмаба.
 129. Кронбазб. m. A. Coates London.
 130. Выдомнук. m.
 131. Поуна белкановз. (зч.) m.
 132. Сосода (m.)
 133. Новобецкин смант (дук Дженеба) (m.) Victoria Albert
 134. Кормба. У. Ф. Nabovs. (London). Museum.
 135. Дерб. Сосмб. М^с John Garrett. New York.
 1920.
 1. Новобецкин морз. (m.)
 2. Бзодз (m.) Саз. Дембовскы. (L).
 3. Лочнн (m.) Фр. Francis Marchent (London).

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ ОТПЕЧАТАНО В 14 ЭКЗЕМПЛЯРАХ

№ 14.





Экз. 14.